

ЛИЦА РУССКОГО МИРА



ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ МИР.RU» В 2009–2010 ГОДАХ

ОКТАБРЬ 2009 ГОДА

«ЧТОБЫ ЖИТЬ ДОСТОЙНО, НАДО БЫТЬ ПРОСВЕЩЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»	2
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА	

НОЯБРЬ 2009 ГОДА

«Я БЫ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ РУССКИЙ МИР ЗАЯВИЛ О СЕБЕ ВО ВСЕХ СТРАНАХ, ГДЕ ЖИВУТ РУССКИЕ»	8
БЕСЕДОВАЛ ГЕОРГИЙ БОВТ	
БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ	12
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
НАСЛЕДИЕ ЛИХАЧЕВА	22
ЗИНАИДА КУРБАТОВА	
ЗАВЕЩАНИЕ ПАТРИАРХА	28
БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ШЕРГИНА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]	
НА РОДУ НАПИСАНО	32
МИХАИЛ БЫКОВ	
ТАКАЯ РАБОТА, ЗЕМЕЛЯ	40
ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ, ФОТО АВТОРА [МАРСЕЛЬ–ОБАНЬ–ПАРИЖ–МОСКВА]	
ЧТОБЫ ЖИТЬ КУЛЬТУРНО	48
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО	

ДЕКАБРЬ 2009 ГОДА

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ СТРОКИ	56
ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО	
ФЕДОР ШАЛЯПИН: ДЕЛО О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ	62
БЕСЕДОВАЛА САША КАННОНЕ	
ЭТИКА КАК ПОЛИТИКА	68
БЕСЕДОВАЛ ПАВЕЛ КОРОБОВ	
«СОЗДАВАЙТЕ СВОЕ, НО НЕ ПОВТОРЯЙТЕ ТО, НА ЧТО НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА»	72
БЕСЕДОВАЛА ВЕРА МЕДВЕДЕВА [ПАРИЖ]	
СПУТНИКИ «ЭФЕМЕРНОГО» ПАМЯТНИКА	76
КСЕНИЯ БОБРОВИЧ	

ЯНВАРЬ 2010 ГОДА

ЛИЧНЫЙ ВРАГ ФЮРЕРА	82
ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ [УФА]	
КАК СТЕПЬ И МОРЕ	88
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
«ДЕМАГОГИЯ ПРО РАВЕНСТВО – ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ КРЮЧКОВ ДЬЯВОЛА»	94
БЕСЕДОВАЛ АЛЕКСАНДР БУРЫЙ, ФОТО АВТОРА	

ФЕВРАЛЬ 2010 ГОДА

«КАЖДОЕ СЛОВО ИМЕЕТ СВОЮ СУДЬБУ»	100
БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО	
«ЭТО НЕ ТЕАТР, А СПОСОБ ЖИЗНИ»	104
БЕСЕДОВАЛА ВЕРА МЕДВЕДЕВА [ПАРИЖ]	

ИСКУССТВО БЕЗОПАСНОСТИ	108
МИХАИЛ БЫКОВ	

ГОРОД ОДНОГО ХУДОЖНИКА	114
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО	

МАРТ 2010 ГОДА

ПУТЬ АДРИАНЫ	120
ЗАПИСАЛ ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН, ФОТО АНТОНА БЕРКАСОВА	
НА ВЫСОТЕ	126
МИХАИЛ БЫКОВ	
«ЗАЧЕМ СЧИТАТЬ, СКОЛЬКО РАЗ МОЖНО РАЗРУШИТЬ МИР?»	134
БЕСЕДОВАЛА ВЕРА МЕДВЕДЕВА [ПАРИЖ]	
ЖОРЖ НИВА: «Я ЖИВУ РУССКИМ ЯЗЫКОМ»	138
БЕСЕДОВАЛА ЛАДА КЛОКОВА, ФОТО АЛЕКСАНДРА БУРОГО	
ВЛЮБЛЕННАЯ В «ГЕНЕРАЛОВ»	144
СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ [ЧЕРЕПОВЕЦ]	

АПРЕЛЬ 2010 ГОДА

ВРАТА НАШЕЙ УЧЕНОСТИ	148
БЕСЕДОВАЛА САША КАННОНЕ	
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СКИТАНИЙ	154
АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ	
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОПРИЧНИНА – ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ	160
БЕСЕДОВАЛ ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН	
О ПРАВДЕ ИСКУССТВА И ИСКУССТВЕ ПРАВДЫ	166
БЕСЕДОВАЛ МИХАИЛ БЫКОВ, ФОТО АЛЕКСАНДРА БУРОГО	
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ	170
БЕСЕДОВАЛА ВЕРА МЕДВЕДЕВА [ПАРИЖ]	
ФРАК НАРОДА	174
СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ [ЧЕРЕПОВЕЦ]	
ЛИТФОНД	178
БЕСЕДОВАЛ ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ	

МАЙ 2010 ГОДА

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА	186
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
«ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ СЧИТАЮТ СЕКУНДАМИ...»	192
ВЛАДИМИР КОЗЛОВ	
НЕВОЗМОЖНО КАНОНИЗИРОВАТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО И ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА	202
БЕСЕДОВАЛ ПАВЕЛ КОРОБОВ	

ИЮНЬ 2010 ГОДА

ФИЗИКИ-ЛИРИКИ	208
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АНТОНА БЕРКАСОВА	
ЭМИГРАНТСКОЕ ЗЕРКАЛО РОДИНЫ	212
БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ШЕРГИНА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ], ФОТО АНТОНА БЕРКАСОВА	

ИЮЛЬ 2010 ГОДА

«ЛЮБИ СИРОТ, И МОЙ КОРАН ДРОЖАЩЕЙ ТВАРИ ПРОПОВЕДУЙ»	218
БЕСЕДОВАЛ ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН	
ДЕЛО МАРКСА	226
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ИСКУССТВО ВОЗРОЖДЕНИЯ	232
ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ, ФОТО АЛЕКСАНДРА БУРОГО	

АВГУСТ 2010 ГОДА

ХРАНИТЕЛЬ АНГЕЛА	240
ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]	
СКОЛЬКО ИСТИН В КУПРИНЕ	244
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
КАК НАЗЫВАЛАСЬ ТА ВОЙНА?	250
МИХАИЛ БЫКОВ	
ВИРТУОЗ	256
БЕСЕДОВАЛА АРИНА КАЗАНОВА	
«МЫ ПРИЗВАНЫ НЕ ПРАВИТЬ, А СЛУЖИТЬ»	262
БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО	

СЕНТЯБРЬ 2010 ГОДА

«МЕСТО СВИДАНИЙ – КОНЦЛАГЕРЬ»	266
ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]	
И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРАПОРЩИКА ОЛЕНИНА	270
МИХАИЛ БЫКОВ, ФОТО АЛЕКСЕЯ МОРОЗОВА	
ДЕВЯНОСТО ЛЕТ ЗАБВЕНИЯ	280
ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ], ФОТО ЗАМИРА УСМАНОВА	
УГАДАТЬ ТАЛАНТ	284
БЕСЕДОВАЛА ВЕРА МЕДВЕДЕВА [ПАРИЖ]	
МУЗЕЙНОЙ ФЛОТИЛИИ АДМИРАЛ	288
СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ	
ВРАЧ ПО ИМЕНИ АНГЕЛИНА	292
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА	
«СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ»	298
БЕСЕДОВАЛ ДМИТРИЙ ПОЛЕТАЕВ [НЬЮ-ЙОРК]	

ОКТАБРЬ 2010 ГОДА

БУНИН ЗД	302
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА	
ЛАГЕРЬ №27	306
ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АЛЕКСЕЯ МОРОЗОВА	
КРЕСТОМ И МОТОЦИКЛОМ	314
ЕВГЕНИЙ ЩЕПИН	
РУССКАЯ ФИНЛЯНДИЯ	318
ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ], ФОТО МАКСИМА СЛАВЕЦКОГО	

«ЧТОБЫ ЖИТЬ ДОСТОЙНО, НАДО БЫТЬ ПРОСВЕЩЕННЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

8 октября в Москве откроется Музей
Ивана Сергеевича Тургенева.

В одной из отдаленных улиц Москвы, в сером доме с белыми колоннами, антресолю и покривившимся балконом, жила некогда барыня, вдова, окруженная многочисленной дворней. Сыновья ее служили в Петербурге, дочери вышли замуж; она выезжала редко и уединенно доживала последние годы своей скупой и скужающей старости. День ее, нерадостный и ненастный, давно прошел; но и вечер ее был чернее ночи...». Прообразом свое нравной барыни и ее усадьбы в повести «Муму» И.С. Тургенева стала матушка писателя и московский дом, где она провела последние годы жизни.

Москвичи и сегодня шутливо называют этот особняк на Остоженке под №37 «домиком Муму». Но Варваре Петровне, матери писателя, этот дом не принадлежал. Она арендовала его с 1840 по 1851 год, несмотря на то, что имела собственный дом в столице. Именно на Остоженку приезжал

погостить Иван Сергеевич, когда бывал в Москве.

Этот особняк помнит сотни людей разных судеб и разных эпох. Вплоть до 2009 года он менял жильцов, собственников и арендаторов. Еще в 70-х годах общественность Москвы ратовала за то, чтобы открыть в особняке музей И.С. Тургенева. Но инициативы погрязли в пучине юридических нестыковок. Наконец в 2007 году постановлением правительства Москвы дом был передан крупнейшему литературному музею страны – Государственному музею А.С. Пушкина – с тем, чтобы на правах филиала ГМП здесь был создан музей И.С. Тургенева.

Фактически музейщики получили особняк лишь в мае 2009 года, когда закончился срок аренды предыдущего владельца. А для посетителей новый московский музей распахнет двери уже в октябре этого года!

Создание нового литературного музея в столице – задача сложная. Каким он должен быть, как привлекать аудиторию в условиях не самого высокого интереса публики к класси-



Остоженка, 37.
В этом особняке теперь находится Музей И.С. Тургенева

– Почему это случилось не 30 лет назад, не 50, а именно сейчас?

– И слава богу, что случилось наконец. Ведь сколько знаменательных, исторических домов в Москве было уничтожено временем или людьми, пропадают сегодня? Однако же я довольно часто езжу по России и вижу, что ситуация все же не безнадежная. Наш народ и умен, и деятелен. В провинции читают, ходят в театры, сами сохраняют памятники, рожают новые музеи, творчески горят. Так что справедливость, я в этом убежден, будет торжествовать. И примером тому – то, что случилось с домом И.С. Тургенева.

– Кому принадлежит заслуга победы в борьбе за музей?

– Мы всегда поддерживали идею музеефикации дома на Остоженке, сочувствующих организаций было множество. Но все же лидером была знаменитая библиотека-читальня имени И.С. Тургенева, организованная еще в позапрошлом веке. Она всегда была центром памяти об И.С. Тургеневе, местом объединения его почитателей, центром многих общественных инициатив и движений. Но в силу того, что любая библиотека – это прежде всего место, где хранятся книги и популяризируется литература, ее задача все же несколько иная. Мы знаем примеры, когда из библиотек вырастали музеи, но в данном случае было правильнее организо-

ческой литературе, каким вообще должен быть современный музей? С этими вопросами мы обратились к человеку, который руководит рождением музея И.С. Тургенева, – директору Государственного музея А.С. Пушкина Евгению Богатыреву.

– Евгений Анатольевич, в чем смысл ситуации, что музей И.С. Тургенева рождается в музее А.С. Пушкина?

– Главный смысл в том, что Иван Сергеевич Тургенев считал себя продолжателем пушкинской литературной традиции. Он называл Пушкина своим идолом, учителем, «непревзойденным образцом». В 1882 году, за год до своей смерти, Тургенев писал: «Вам, конечно, известно мое благоговение перед нашим великим поэтом. Я всегда считал себя его учеником – и мое высшее литературное честолюбие состоит в том, чтобы быть со временем признанным за хорошего его ученика». А в январе 1837-го он был среди тех, кто с горечью прощался с поэтом в его квартире на Мойке. Тогда будущий писатель умолил дядьку поэта Никиту Козлова срезать у смертного одра прядь волос Пушкина и всю жизнь хранил ее как святыню в специально заказанном золотом

{ «Мы будем делать акцент на московском периоде жизни Тургенева. Это будет третий музей Тургенева, два других расположены в Спасском-Лутовинове и Орле». }

медальоне. Известно, что именно Тургеневу как достойному преемнику сын Василия Андреевича Жуковского передал пушкинское кольцо с сердоликом, которое его отец получил на память после гибели поэта. И это вполне справедливо. Несомненно, Тургенев был писателем номер один в русской литературе середины XIX века, развившим лучшие традиции русской словесности, заложенные гениальным поэтом, хотя и на другой почве, в других жанрах.

Что касается открытия литературного музея как филиала другого крупного музея, то здесь мы Америки не открываем. В Петербурге, например, Всероссийский музей А.С. Пушкина имеет филиалами Музей-квартиру Н.А. Некрасова на Литейном проспекте и Музей Г.Р. Державина на Фонтанке. Нельзя обойти и юридическую сторону вопроса: принадлежность музея федеральной либо московской структуре. Дом на Остоженке всегда принадлежал Москве. Государственный музей А.С. Пушкина – в московском подчинении. И правительство Москвы, зная нас, наши возможности и потенциал, понимало, что если мы возьмемся за собирание тургеневской коллекции, создание музейной экспозиции, то успешно с этими задачами справимся...



Директор
Государственного
музея
А.С. Пушкина
Евгений
Богатырев

Слепок с руки И.С. Тургенева. 1999 год. Современная отливка Дм. Тугаринова по модели П.Н. Тургенева. Петр Николаевич (Пьер) Тургенев (1853–1912) – известный французский скульптор, знакомый И.С. Тургеневу, после смерти писателя 3 сентября (22 августа по старому стилю) 1883 года вместе со слепком руки сделал и посмертную маску писателя, которая также теперь находится в коллекции музея и будет представлена на выставке



{ «Музей – один из тех институтов, который заставляет людей анализировать прошлое, думать о будущем. Если музеи начинают уходить из жизни, то потенциал нации неизменно снижается». }

вать музей И.С. Тургенева в наших стенах. И тут речь уже о делах профессиональных. Во всяком случае, то, что сделано и делается в Пушкинском музее, не позволяет усомниться в том, что мы на верном пути. Пусть за меня говорит статистика: ежегодно в наш музей приходит более 340 тысяч человек. И это притом, что у нас нет особой рекламы.

– **Особняк на Остоженке вам передали в апреле этого года. Что вы успели сделать за прошедшее время?**

– Сегодня мы практически на финишной прямой подготовки первой экспозиции в новом музее. Дай Бог, все будет нормально, и мы, как планировали, уже в октябре откроем выставку «Жизнь и творчество И.С. Тургенева» в парадной анфиладе первого этажа остоженского особняка. Кстати, 9 ноября исполнится 181 год со дня рождения великого классика, и мы надеемся, что у нового музея к этому времени начнет складываться свой круг друзей и почитателей.

Деятельность музея мы предполагаем пока строить в режиме временных выставок. Параллельно будут идти работы по подготовке, согласованию и утверждению проектов исторической реконструкции дома, по поиску средств на это благородное дело. По моим представлениям, это займет от года до трех лет. Кроме того, конечно, будет продолжена работа по комплектованию коллекции нового музея – процесс, который в музеях не прекращается никогда. Потом мы закроемся на комплексную научную реставрацию. Технологически ее возможно сделать за полгода-год.

Нам еще повезло, что историческое расположение помещений особняка бо-

лее или менее сохранилось. Пользуясь архивными планами и воспоминаниями, мы надеемся воссоздать московскую усадьбу такой, какой ее видели Тургеневы и их современники. Постараемся, насколько это будет в наших силах, вдохнуть в дом жизнь, восстановить эпоху 40–50-х годов XIX века,

рассказать о быте московского и русского дворянства той эпохи, истории этого района Москвы, самого особняка. И конечно, будем продолжать работу по созданию постоянной экспозиции. При этом будем делать акцент на московском периоде жизни Тургенева. Это будет третий музей Тургенева, два других расположены в Спасском-Лутовинове и Орле, но там жизнь Ивана Сергеевича в столицах практически не представлена.

– **Говорят, мать Тургенева имела очень своенравный характер, была жестокой крепостницей и со своими сыновьями имела непростые отношения?**

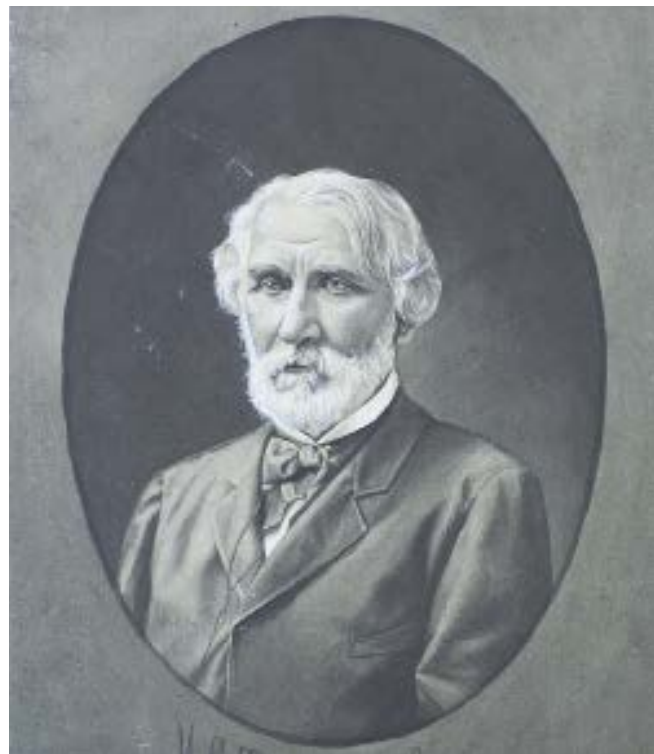
– Действительно, чаще всего приходится слышать о ней именно такое мнение. Да и не случайно Тургенев прозвал матушку «салтычихой». Ее характер на самом деле нельзя было назвать простым. В нем сочетались противоположные качества – скупость и щедрость, жестокость и чувствительность. Резкие вспышки гнева и решительные поступки барыни сменялись сентиментальностью и сомнениями. Но не стоит представлять все в черном цвете. Варвара Петровна была личностью неординарной и по-своему очень яркой. Причина сложного характера Варвары Петровны, конечно, в ее непростой судьбе. Родившись через месяц после смерти своего отца, Петра Лутовинова, она провела детство и юность в доме отчима – тирана и самодура, была притесняема его родственниками. Ей грозила горькая доля несчастной бесприданницы, но волею судьбы Варвара Петровна стала богатейшей невестой края и даже смогла объединить в своих руках наследство многочисленных ветвей своего рода. Замуж вышла по любви, за того, кого выбрала сама, – красавца Сергея Николаевича Тургенева. В те времена это случалось не так уж часто. И в первые годы жизни брак их был даже счастливым...

Став богатой и полновластной помещицей, Варвара Петровна дала волю своему «нраву». О ее причудах ходили легенды. Она, например, наряжала слуг в специальную форму, имитирующую костюмы служащих государственных департаментов, называла их по фамилиям министров. Над ее усадебным домом висели два флага с гербами Тургеневых и Лутовиновых – если Варвара Петровна была не в духе, она приказывала флаги спускать, и гости, подъезжавшие к усадьбе, видя зловещий знак, считали за благо тут же поворачивать восвояси...

Варвара Петровна не получила в свое время систематического образования, тем не менее хорошо разбиралась в искусстве, отдавала должное образованию своих детей. Хотя до конца своих дней Варвара Петровна писала против всяких правил, ее язык отличался образностью и энергией. Так что литературный талант ее сына возник не на пустом месте. Письма к сыновьям сохранились и совершенно по-новому позволяют взглянуть на ее характер и отношение к родным.

– **Расскажите, пожалуйста, подробнее о вашей первой, октябрьской выставке.**

– Не могу, этот процесс у нас сейчас в самом разгаре. Вдруг изменится концепция, что-то не получится или, наоборот,



И.С. Тургенев. 1883 год. Прижизненный портрет. Выполнен художником Б. Томашевичем по фотографии писателя

Альбом романсов Полины Виардо. 1864 год, Санкт-Петербург. В альбом вошло 12 стихотворений А. Пушкина, А. Фета и И. Тургенева, переведенных на немецкий язык и положенных на музыку П. Виардо

появится удивительная находка? Создание выставки – живой творческий процесс.

– **Процесс сбора экспонатов вы тоже держите в секрете?**

– Не поймите неправильно. Этот вопрос каждый музей до поры до времени оставляет профессиональным секретом. В числе наших конкурентов могут быть и частные коллекционеры, и не самые чистоплотные люди. Вот когда откроем экспозицию, соберем основные вещи, тогда с удовольствием все расскажем, покажем, опубликуем. Скажу только, что мы получаем поддержку от родственных музеев, сохраняющих память об И.С. Тургеневе. В какой-то мере нам обещана помощь во французском Буживале. Сегодня в доме, где жил и умер Тургенев, частный музей, но в нем работают энтузиасты, великолеп-

ные специалисты: тургеноведы, литературоведы, слависты. И они готовы помогать нам материалами французского периода жизни.

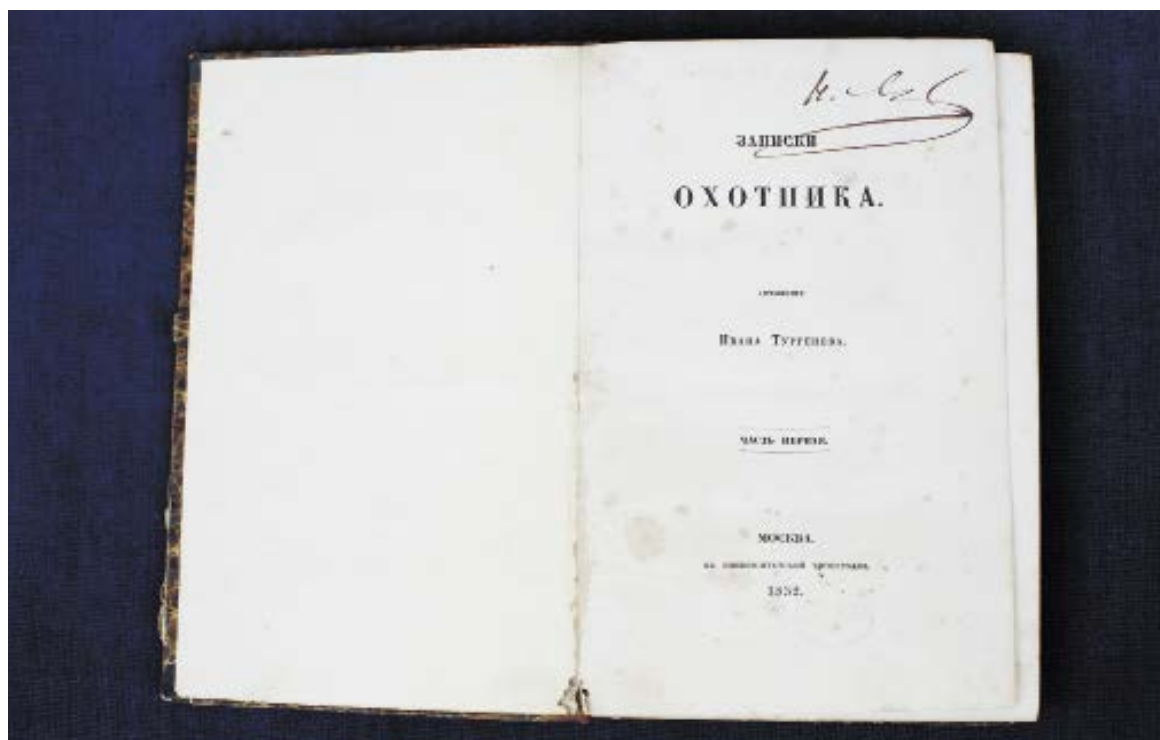
– **Что это за помощь: консультационная или музеи вам дарят экспонаты?**

– Самая разнообразная: консультации, обмен, передача предметов на временное хранение... А вот дарения между музеями не бывает. Забрать мемориальные экспонаты из одного музея Тургенева и перевести их в другой – непрофессионально и нечестно по отношению к тем, кто занимался собиранием вещей. Люди порой кладут свою жизнь на то, чтобы собрать коллекцию. Так что речь исключительно о взаимодействии, без ущерба профессиональных интересов.

– **Оформление экспозиции будет представлять простые и привычные витрины или вы собираетесь использовать современные технологии?**

– У нас есть исторический объект – подлинный дом, который сохранился с начала XIX века. В этом доме жила мать Тургенева, часто бывал Иван Сергеевич – и он, и она были людьми яркими. Здесь собирались их друзья и знакомые. Задача профессионала-музейщика – максимально приблизить ту эпоху, ее колорит. Следовательно, городить в этом доме – заметьте, я не говорю «создавать» – какие-то совре-

«Прочувствовать эмоционально произведение искусства можно только при соприкосновении с подлинником! Для этого и существуют музеи».



Первое издание «Записок охотника» И.С. Тургенева. 1852 год. Москва, Университетская типография

менные дизайнерские и технологические элементы, очень, может быть, даже талантливые и интересные, непрофессионально, неправильно и безвкусно. Представьте себе, вы приезжаете в Спасское-Лутовиново, входите в мемориальный дом, помнящий Ивана Сергеевича, его предков, друзей, а в его стенах – инсталляция на тему «Рудина» или «Отцов и детей» с лазерными технологиями. О самой инсталляции я могу сказать: «Здорово!» Я абсолютно поддерживаю такой композиционный, инновационный подход. Но только не в жилом мемориале, куда человек едет проникнуться судьбой и жизнью писателя, прикоснуться к подлинности...

– Но, отрицая все современные технологии, вы можете потянуть молодежную аудиторию.

– А что, молодежь отрицает возможность знакомства с жизнью и творчеством И.С. Тургенева на иных носителях, кроме медийных?! А может быть, как раз молодые люди поверят и заинтересуются Тургеневым, если почувствуют энергетику и прелесть подлинных предметов, гармонию мемориального пространства. И это вдохновит их на прочтение произведений, даст новый угол их пониманию.

Может, я человек старинный, но я бы никогда не стал читать стихи Пушкина через Интернет. Некомфортно! Что может быть лучше – сидя вечером на диване или за рабочим столом, читать их на мелованной бумаге с красивыми иллюстрациями? Совершенно другой эффект. Но тут либо вы чувствуете эту разницу, либо нет. Всю эту энергетику предмета... Это вообще вопрос «подлинника и суррогата». Думаю, никакая молодежная аудитория не возьмется оспаривать, что лучше.

Какой-то из нынешних министров недавно дал интервью, в котором предложил закрыть все музеи, а экспонаты перевести в Интернет. Людям просвещенным было странно это слышать. Почувствовать эмоционально произведение искусства можно только при соприкосновении с подлинником! Для этого и существуют музеи.

– Создавая литературный музей, вы как никто, наверное, понимаете, что современные тенденции печальны, интерес к классике падает. Вы себя ощущаете энтузиастом?

– Мы не энтузиасты, мы профессионалы и просто исполняем свою главную миссию – сохранять. Надеюсь, будущие поколения это оценят. Чтобы жить достойно, необходимо быть просвещенным человеком, знать русскую историю, культуру, уметь ценить и понимать красоту и талант. К сожалению, тенденция к снижению общего уровня просвещенности в России может продолжиться, если проанализировать ситуацию со школьной программой и системой образования в целом. Но есть такой институт, как семья, и я вижу ее огромную роль. Родителям нужно приводить детей в музей. Зачем? Потому что это выстраивает восприятие. После по-

движением общественности. Эту историческую традицию надо сохранять. Что касается нашего нового детища – Музея И.С. Тургенева, – то мы не станем прогнозировать или зарекаться. Просто будем, как обычно, заинтересованно и профессионально работать. 📖



Варвара Петровна Тургенева (?). Миниатюра. 1810-е годы. Неизвестный художник. Акварель, кость, гуашь. Исследования специалистов музея дают основание предполагать, что на миниатюре изображена Варвара Петровна Тургенева (в молодости), мать писателя

сещения музея Чайковского переслушаешь его дома и иначе понимаешь. После посещения лермонтовского музея в Тарханах я обязательно открою «Героя нашего времени» или хотя бы «Маскарад»... А еще музеи человека вдохновляют. Кого-то – на литературное или изобразительное творчество, кого-то – на изобретения. Музей – один из тех институтов, который заставляет людей анализировать прошлое, думать о будущем. Если музеи начинают уходить из жизни, то потенциал нации неизменно снижается. Человечеству нужен пример. Сначала идет подражание, повторение, потом происходит открытие.

– В последнее время открылось сразу несколько литературных музеев. Можно ли говорить о волне возрождения?

– Необходимость музеефикации памяти о том или ином писателе возникает не спонтанно. Ее диктуют время и люди. Были музеи и счастливой судьбы, и сложной. Надеюсь, уже никогда не повторится в России трагический период с 1917 по 1937 год, когда музеи закрывались и были утрачены бесценные музейные коллекции.

Особенность российских музеев вообще такова, что они всегда открываются

«Я БЫ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ РУССКИЙ МИР ЗАЯВИЛ О СЕБЕ ВО ВСЕХ СТРАНАХ, ГДЕ ЖИВУТ РУССКИЕ»

Накануне открытия Третьей Ассамблеи Русского мира исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Алексеевич Никонов рассказал журналу «Русский мир.ru» об итогах деятельности за истекший период и о планах фонда на будущее.

Вячеслав Алексеевич, в этом году проходит уже третья Ассамблея Русского мира. Пожалуй, отличие нынешнего года состоит прежде всего в том, что он – год кризисный. Как это отразилось на работе фонда «Русский мир», в частности на темпах открытия Русских центров по всему миру? Этих центров сейчас, как мы знаем, насчитывается уже 40.

– Конечно, в какой-то степени отразилось. Прежде всего через девальвацию рубля. Фонду удалось отстоять бюджет, несмотря на кризисный год, что я считаю одним из важнейших достижений – это было непросто. Здесь я хотел бы выразить благодарность большому числу представителей правительства, Государственной думы, которые приняли самое непосредственное участие в судьбе фонда, помогли отстоять бюджетные позиции.

Но спастись от девальвации рубля все равно было невозможно, поскольку большая часть затрат фонда осуществляется в валюте, так что падение курса рубля сказалось на наших возможностях. Но, в общем, кризис, если считать, что мы его уже прошли, для фонда был не очень болезненным. Практически мы не снижали темпов открытия центров Русского мира, но нам в какой-то степени пришлось сократить расходы на грантовую деятельность, поскольку она во многом осуществляется в валюте.

В целом я считаю, что кризис мы прошли достаточно успешно. Повторяю – если он уже действительно закончился.

– По поводу грантов. Для России, когда фонд только образовывался, это было совершенно новое направление. То есть частные

структуры это практиковали, но государственные в общем-то не занимались этим вовсе. Тем не менее, насколько можно наблюдать, в том числе изнутри фонда, не без проблем проходит согласование всех бюрократических вопросов. Российское законодательство не очень заточено – это мягко говоря – под такую деятельность. Масса вопросов просто препятствует деятельности фонда и, по большому счету, работает против России и ее образа за рубежом.

– Проблема в том, что в своей грантовой деятельности фонд во многом идет по правовой целине. До сих пор, согласно букве российского законодательства, гранты – это то, что приходит в Российскую Федерацию извне. Законодательство писалось в памятные 90-е годы, когда многочисленные зарубежные организации поддерживали те или иные российские структуры. Под грантом понималось именно это. Поэтому правовое регулирование подобной деятельности минимальное, мы основываемся в своей работе на той части Гражданского кодекса, которая относится к пожертвованиям. Так что правовая база не разработана.

Здесь действительно много спорных вопросов. Порой приходится слышать замечания, что процедура представления отчетности по грантам чрезмерно забюрократизирована. В чем-то я соглашусь, хотя никто не может нам четко сказать, насколько достаточна или недостаточна та информация, которую требует фонд по поводу предоставления грантов. Мы это выясняем путем проб и ошибок. В то же время я не могу сказать, что по характеру запрашиваемой документации мы сильно отличаемся от иностранных структур, выдающих гранты. Во всяком случае, грант-менеджеры нашего фонда пришли к нам на работу

из зарубежных фондов. И они могут сравнивать. Так вот, подобные сравнения показывают, что различий не так уж много.

– Если судить по этим же бюрократическим параметрам, насколько трудно работать, скажем, со странами СНГ и странами дальнего зарубежья?

– Вообще сложно работать с Русским миром. Потому что он довольно неформализованный и не очень привык действовать в рамках какой-то бюджетной отчетности. Очень много «импрессионизма».



– Ну, это и его сильная черта, наверное...

– ...И любая бюрократия в Русском мире как таковом вызывает острое чувство протеста, поэтому, думаю, оно общее для всех стран, где Русский мир существует. Я не вижу большой концептуальной разницы между странами СНГ или странами европейскими. В европейских организациях, если это организации с определенной историей, проблем, связанных с нашей бюрократией, не возникает. Потому что они знают, что нужно, а что не нужно. Другое дело, когда наши грант-менеджеры требуют документы, которые в соответствующей стране обычно не спрашивают и там просто не знают, что это такое. Так что каждый случай в отдельной стране, конечно, уникален. Мы накапливаем опыт, надо учитывать специфику каждой

страны, законодательство каждой страны. Более того, мы подписываем порой договоры, основанные на законодательстве других стран, а не только Российской Федерации, потому что некоторые вопросы либо вообще не регулируются нашим законодательством, либо гораздо лучше регулируются законодательством других стран.

– Часто ли приходится сталкиваться со случаями политической настороженности в отношении деятельности фонда, когда кто-нибудь видит за этим «руку Москвы»?

– Конечно, с этим приходится сталкиваться. Когда мы направили предложение об открытии нашего центра одному из уважаемых японских университетов, то получили ответ, в котором был перечень адресованных нам вопросов, и первый из них звучал так: сколько сотрудников КГБ будет работать в этом центре? Поэтому говорить о том, что никакой настороженности нет, ни в коем случае нельзя. При этом ведь хорошо известно, что никто из собственно сотрудников фонда работать в этом центре не будет. Там работают представители самого университета, которых руководство этого университета само назначит на эту работу.

Да, есть, конечно, известные опасения в некоторых странах. Но надо сказать, что это небольшая группа стран, которые в общем-то понятны. Это страны, где распространение русского языка рассматривается как угроза национальным интересам.

– Как раз вопрос по поводу русского языка. Можно ли сказать, что постсоветский кризис спада интереса к русскому языку, падение числа изу-

– В этой связи как «Русский мир» будет – и будет ли – модифицировать свою деятельность, в том числе грантовую, будет ли сделан акцент на разработке дистанционных программ по изучению русского языка?

– Мы создаем дистанционные программы. В том числе некоторые из них можно использовать, выходя на сайт «Русского мира». Мы поддерживаем разные программы для онлайн-обучения русскому языку. Но это далеко не единственное направление нашей работы. Есть и

чающих русский язык хотя бы на постсоветском пространстве – уже позади? Спад замедлился, прекратился или, наоборот, уже наблюдается повышение интереса к русскому языку, появление новых точек роста интереса к нему?

– Спад, безусловно, преодолен. С начала этого десятилетия наблюдается рост интереса к русскому языку, который сопровождает рост российской экономики и восстановление Россией своих позиций на международной арене.

Речь идет не только о бывшем Советском Союзе. Можно говорить о мире в целом. В странах СНГ, за исключением, пожалуй, лишь Украины и в какой-то степени Молдавии и Грузии, во всех остальных странах за последние годы был очевидный прогресс и в числе людей, изучаю-

поддержка национальных усилий, усилий отдельных государств в области развития системы школ, где преподавание ведется на русском языке или преподается русский язык. С той же Киргизией мы сотрудничаем не только по созданию учебника русского языка для киргизских школ, но и, возможно, по изданию этих учебников. С Монголией достигнуты договоренности о том, что мы возьмем на себя подготовку линейки учебников русского языка для монгольских школ. На самом деле фонд своими грантами никогда не может заменить национальную систему образования.

{ «Сложно работать с Русским миром. Он довольно неформализованный и не очень привык действовать в рамках бюджетной отчетности. Очень много «импрессионизма». » }

щих русский язык, и в плане возобновления интереса к русскому языку в школах. Так, в Казахстане все изучают русский язык в школах. В Киргизии принято решение о заметном увеличении преподавания русского языка. В Армении введена норма, согласно которой знание русского языка является обязательным для поступления в вузы Армении. Это всё новое.

Если мы рассмотрим бывшие страны так называемого социалистического лагеря, то там был катастрофический спад интереса к русскому языку в 90-е годы. Например, в Польше русский язык стал шестнадцатым по изучению в учебных заведениях, в Болгарии – четырнадцатым. И в Болгарии, и в Польше он сейчас второй. В Монголии в этом году уже принято решение о том, что русский язык в перспективе будет обязательным для изучения в школах, с седьмого по одиннадцатый класс.

– В Китае – Год русского языка. Там вообще сумасшедшие цифры.

– В Китае пока не сумасшедшие цифры. Но, естественно, если брать рост, то он действительно сумасшедший. Это рост в разы числа студентов, изучающих русский язык.

Но даже если мы возьмем страны Запада, то закрытие кафедр русистики, сворачивание программ изучения России, которое наблюдалось повсеместно в 90-е годы, – всё это, конечно, прекратилось. Число студентов, специализирующихся на России, растет практически во всех странах.

Но есть и большие зияющие лакуны, где русский язык изучается плохо. Сейчас, естественно, это африканские, латиноамериканские страны. Там проблем много.

Еще одно направление, на мой взгляд, перспективное, важное, которому мы будем уделять большое внимание, хотя это и очень непросто, – развитие сети русских школ там, где их просто нет.

– Причем удивительно, что их нет даже в тех странах, где существенные русские диаспоры, – в Черногории или Испании.

– Именно так. Это сопряжено с целым рядом проблем и финансового, и организационного, и содержательного свойства. Проблема первая заключается в том, что такого рода деятельность должна лицензироваться. В странах Европейского союза, например, должна быть лицензия на преподавание.

Вторая проблема – проблема помещений для этих школ. Это действительно большие затраты.

Третья проблема – учебники для этих школ, которые должны соответствовать нормам соответствующих стран или нормам Европейского союза. Просто учебники из Москвы для этой цели не годятся. Далеко не всегда годятся.

Четвертое – проблема диплома. Родители, отдавая детей в школу, всегда прежде всего исходят из того, какой диплом получит ребенок и что он будет с ним делать. Мож-

но ли с этим дипломом поступить в Оксфорд или в МГУ или этот диплом потребует еще какого-то подтверждения.

Если эти проблемы все вместе решены, тогда возможно открытие школ. К тому же значительная часть русскоязычной диаспоры не располагает достаточными средствами, чтобы отправлять детей в частные школы. Но интерес к этому есть. И есть интересные примеры. Так, я не столь давно ознакомился с работой школы, которая действует по принципу пансиона, интерната, если хотите, на Мальте. Там уже двенадцать лет реально функционирует школа, имея лицензию Европейского союза, выдает дипломы, которые подтверждаются Министерством образования Российской Федерации. Проблема в том, что детей в этом году заставили ехать в Москву – сдавать ЕГЭ. Что создало довольно большую проблему.

Отечественной войне в зарубежных странах. Огромное число наших соотечественников, которые сейчас проживают в разных уголках земного шара, хранят память об этих событиях. Там находится большое количество артефактов – от памятников до фронтовых писем. Нужно вспомнить все это, создать базу данных, вспомнить каждого. Это было бы очень важной программой, и мы постараемся эту программу развернуть в преддверии 65-й годовщины великой Победы. Это также позволит выявить и разного рода интересные проекты, которые могут быть поддержаны фондом. Проекты, связанные именно с сохранением памяти...

– **Имеется в виду – инициированные нашими соотечественниками?**

– Да. Но также и проекты, инициированные не обязательно соотечественниками, но людьми, которые чувствуют свою причастность к этой победе и относят себя к этому широкому понятию – «Русский мир».

Кроме того, мы не исключаем просто поддержки отдельных инициатив организаций, граждан, которые так или иначе откликнутся на юбилей в тех странах, где они проживают.

{ «Еще одно направление, перспективное, важное, которому мы будем уделять большое внимание, хотя это и очень непросто, – развитие сети русских школ там, где их просто нет». }

– **За свой счет?**

– Естественно. Но это школа, в которой учатся русскоязычные дети из самых разных стран: грубо говоря, узбеки из Франции или украинцы из Италии и так далее. Иными словами, опыт есть, и я считаю, что его нужно распространять. Это очень важное направление.

В сентябре этого года в Вене проходил семинар, во многом посвященный проблемам русскоязычного образования, где мы презентовали линейку учебников для первого класса, которые уже применимы в школах Европейского союза, отвечают всем европейским нормам – от цветности до количества часов на те или иные предметы. Так что работа начата, и она будет продолжена. Без этого трудно делать следующие шаги. Интерес к созданию таких школ есть, он растет, и диаспоры проявляют все большую активность в этом вопросе. На семинаре в Вене принимали участие представители 27 стран.

– **Следующий год будет годом 65-летия победы в Великой Отечественной войне. Фонд «Русский мир» собирается участвовать в подготовке этого юбилея. На чем были сделаны акценты?**

– Прежде всего мы иницируем собственную программу, связанную с сохранением памяти о Второй мировой войне, о Великой

– **Последний вопрос: каким бы вы видели фонд «Русский мир» и его деятельность лет через десять?**

– Я бы хотел, чтобы фонд «Русский мир» заявил о себе во всех без исключения странах земного шара, где живут русские, русскоязычные, где изучается Россия. Для этого, конечно, фонд должен иметь уже достаточную материальную базу, быть инициатором развития сети школ, которые существуют во всем мире, иметь центры во всех крупнейших университетах земного шара, во всех крупнейших библиотеках и большую сеть соратников, сторонников во всем мире, объединенную огромной, глобальной социальной сетью в Интернете.

И, конечно, хотелось бы, чтобы к тому времени бюджет фонда «Русский мир» немного приблизился к бюджету крупных и уважаемых фондов, которые работают на этом поле в Великобритании или Германии. Сегодня British Council, выполняющий аналогичные функции, имеет бюджет приблизительно в пятьдесят раз больше, чем бюджет фонда «Русский мир» при сопоставимых размерах экономики России и Великобритании. 🇷🇺

БЕСЕДОВАЛ ГЕОРГИЙ БОВТ

БОЛЬШОЕ ВИДИТСЯ НА РАССТОЯНИИ

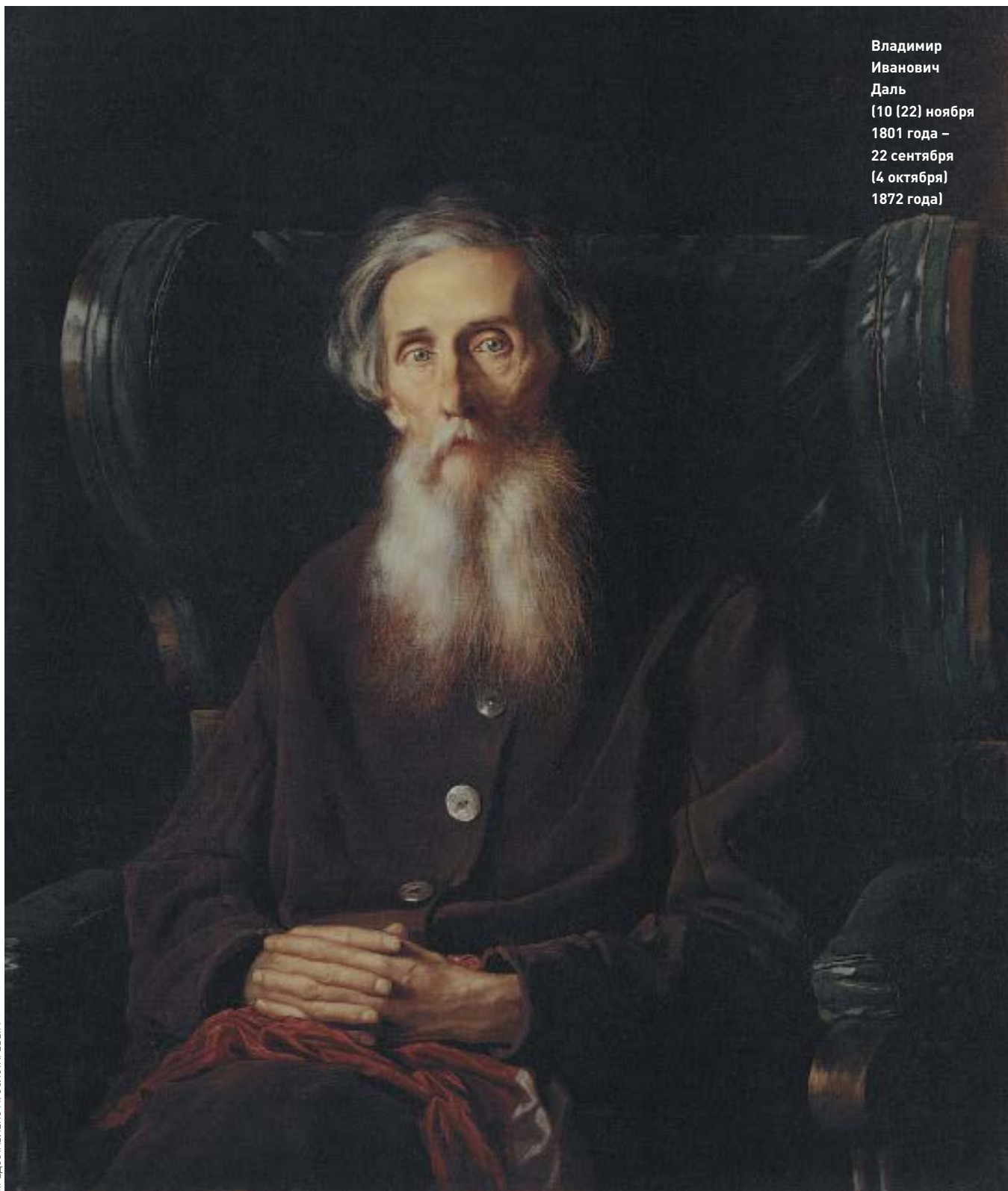
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Чуть не любой спор на тему «есть такое слово или нет», «можно так сказать или нельзя» в конечном счете оканчивается апелляцией к Далю: у него все есть. Полная коллекция русских слов как коллекция бабочек: обширная, разноцветная, включающая вымершие к нашему дню виды и редкие мутации. Коллекционер и классификатор – роль во всякой национальной культуре важная. Даль, однако, для российской культуры был больше, чем коллекционер и классификатор.

Русский лексикограф, одаривший Россию полным словарем ее языка, даже и русским по крови не был – хотя, несомненно, был русским по духу. Отец его, датчанин Йохан Христиан фон Даль, был по образованию филологом и богословом. В Россию его позвала Екатерина II служить придворным библиотекарем, однако он понял, что больше пользы может принести как врач. Вернулся в Йену, выучился на доктора и вновь отправился в Россию. Работая врачом в Луганске, он боролся с антисанитарией, занимался профилактикой инфекций, устроил лазарет для рабочих. Затем семья переехала в Николаев. Мать Даля, Мария Фрейтаг, дочь немца и беглой француженки-гугенотки, владела пятью языками. Йохан Даль знал семь языков, в том числе древнееврейский. Владимир унаследовал родительские таланты в полной мере. Дети – а их в семье было шестеро – получали образование дома. Мать учила их и наукам, и рукоделию. Дочь Владимира Ивановича Екатерина писала: «Часто он говаривал, что

никогда не быть бы ему таким искусным хирургом, если бы пальцы его не были приучены к мелкой женской работе». Даль очень любил мать и писал о ней: «Мать разумным и мягким обращением своим, а более всего примером, с самого детства поселила во мне нравственное начало, окрепнувшее с годами и не покидавшее меня во всю жизнь... Я сознаю это благое влияние материнского воспитания, и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же». Мальчик писал стихи и проявлял, скорее, гуманитарные таланты, однако в 13 лет вместе с младшим братом, Карлом, отправился в телегу из Николаева в Петербург учиться в престижном Морском кадетском корпусе. Среди одноклассников и друзей Даля были будущий адмирал Нахимов, будущие герои сражения в Наваринской бухте Станицкий, Завалишин (ставший декабристом) и Рыкачев, автор воспоминаний «Год Наварина»... Владимир учился очень хорошо: был двенадцатым по успеваемости, но корпус не любил, бездушное и казенное воспитание претило ему. Впоследствии он написал о своих юношеских годах повесть «Мичман Поцелуев». Главный герой ее, Смарагд Поцелуев, «жаждал познаний, душа его требовала постоянных, урочных и полезных занятий – а между тем он носил ее с собою в караул, на знаменитую гауптвахту в молдаванском доме, иногда на перекличку в казармы у вольного дока, носил как гостью, как чужую, и сам видел, что этой пищи было для него недостаточно». Время учебы в корпусе Даль называл «убитыми годами». Учебное плавание по портам Балтийского моря в 1817 году убедило его в том, что море – не его призвание. Хотя бриг «Феникс» был прекрасен, командовал им один из лучших флотских командиров, лейтенант Дохтуров, программа практики была чрезвычайно обширна и включала знакомство с городами и жизнью иностранных гардемарин. Двенадцать лучших учеников, взятых в плавание, должны были вести дневники, куда записывали впечатления. Вот писательство Владимиру было интересно (кстати, он еще во время

Владимир
Иванович
Даль
(10 (22) ноября
1801 года –
22 сентября
(4 октября)
1872 года)





ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

учебы в корпусе собрал словарь кадетского жаргона из 34 слов). В программе практики был заход в Копенгаген; Даль очень ожидал встречи с родиной предков, но в Дании убедился, что родина его Россия, что с Данией у него нет ничего общего. Окончив курс и получив звание мичмана, он попросился служить на Черном море, в Николаеве, где еще жила его семья. Отправился через всю Россию к месту службы на лошадах, как тогда и путешествовали. «На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотол не слышал», – писал Даль, а Мельников-Печерский рассказал

в своих воспоминаниях случай, который вошел даже в школьные учебники русского языка: «Ямщик... поглядел на небо и в утешение продрогшему до костей моряку указал на пасмурневшее небо – верный признак перемены к теплу. «Замолаживает!» – сказал он. По-русски сказано, а мичману слово ямщика не вразумелось. Ямщик объяснил значение незнакомого мичману слова. А тот, несмотря на холод, выхватывает из кармана записную книжку и окоченевшими от холода руками пишет:

«Замолаживает – иначе пасмурнеет – в Новгородской губернии значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью...» Далю тогда едва шел восемнадцатый год. Так началась работа над словарем, которая длилась более полувека.

ПОИСКИ СЕБЯ

В 1821 году умер отец семейства, Иван Матвеевич, как его звали по-русски. Большая семья осталась почти без средств к существованию: старшие братья были юны и только начинали карьеру, младшие еще не вышли из детского возраста. Брата Льва взял в свой полк муж старшей сестры; мать с братом Павлом уехала в Дерпт и зарабатывала там репетиторством.

В 1823 году у Владимира Даля случилась крупная неприятность. Он написал хлесткую эпиграмму на главнокомандующего Черноморским флотом вице-адмирала Грейга, эпиграмма широко разошлась по городу, и начальство решило принять меры. При обыске у Даля обнаружили рукописный черновик стихотворения, так что молодого



ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

К.А. Зенф (?).
Портрет
В.И. Даля

МОЛНИЕНОСНЫЙ ХИРУРГ

В 1828 году в мирные планы Даля вмешалась русско-турецкая война. Всех медиков, которые учились за казенный счет, отправили на фронт фельдшерами. Дально, отличному студенту-энциклопедисту, позволили в виде исключения сдать экзамены досрочно и ехать в армию врачом; он блестяще сдал экзамены – и на степень доктора не только медицины, но и хирургии. В армии новоиспеченный хирург получил большую практику

и огромный опыт. После того как русские войска заняли крепость Силистрия, на поле боя осталось две тысячи раненых, и Даль, уже чуть не падавший от усталости, «резал, перевязывал, вынимал пули»... За турецкую кампанию он получил орден Св. Анны.

Солдатики в госпиталь попадали из всех уголков России, и чуткое ухо доктора продолжало автоматически ловить интересные словечки. «Речь простояна, – замечал тогда Владимир Иванович, – с ее своеобразными оборотами всегда

го моряка разжаловали в матросы и посадили на полгода под арест. Затем суд его оправдал, ему присвоили следующий чин, лейтенанта, но оставаться в Николаеве Владимир Иванович не мог: Грейг препятствовал его продвижению по службе. Даль перевелся в Кронштадт, а в 1826 году, отслужив положенные 7 лет отработки обучения за казенный счет, он вышел в отставку. Он еще и качки не выносил.

Двадцать пять лет, отставка, ни дела в руках, ни дохода – по сути, надо начинать жизнь заново. Он уехал в Дерпт к матери и там поступил в университет на медицинский факультет. Зарабатывал частными уроками русского языка, жил на черда-

«На этой первой поездке моей по Руси я положил бессознательно основание к моему словарю, записывая каждое слово, которое дотол не слышал».

ке, однако свои студенческие годы всегда вспоминал добром: «Каждый сам располагает собою и временем своим как ему лучше, удобнее, наконец, как хочется... Нас не секли, не привязывали к ножке стола... Это не школа, здесь нет розог, нет неволи». Здесь уже его однокурсником был Николай Пирогов, будущее светило хирургии и друг Даля на всю жизнь.

Даль продолжал писать стихи и маленькие комедии, причем стихи его в первый раз появились в печати в журнале «Славянин», который издавал Воейков. Именно в это время студент-медик вошел в литературные круги и свел знакомство с известными литераторами, в том числе с Жуковским и Языковым.

почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определительностью, и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди». Он постоянно собирал новые слова, пословицы, сказки. Даль писал: «Беседа с солдатами всех местностей широкой Руси доставила мне обильные запасы для изучения языка...» Записи свои он возил в тюках на верблюде, который однажды пропал. Даль был безуте-



Н.И. Пирогов



Д.И. Завалишин



П.С. Нахимов

шен – однако через 11 дней казаки привели к нему отбитого у турок верблюда вместе со всеми драгоценными записями. Даже после войны Даль продолжал работать в опасных местах. В 1831-м лечил холерных больных и занимался профилактикой распространения холеры; врачей на холере и тогда, и позже бунтующий народ мог убить. Затем он оказался в Польше, на подавлении восстания. Здесь он отличился: когда войскам нужно было перебраться на другой берег Вислы, но инженера для постройки моста не было, доктор Даль сам создал понтонный мост, защищал его, пока войска переправлялись, и затем разрушил. Начальство вместо благодарности объявило ему выговор: врач должен раненых лечить, а не мосты строить; однако император Николай I наградил Даля орденом Св. Владимира с бантом. После войны Владимир Иванович пошел работать ординатором в воен-

и пересказанных сказок с кучерявым названием: «Русские сказки из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные Казакон Владимиром Луганским. Пятак первый». Писатели приветствовали новую книгу, Пушкин горячо обсуждал с ее автором красоту и поэзию русского фольклора. Однако Фаддей Булгарин

усмотрел в ней насмешки над правительством и нецензурщину и написал донос. Книгу запретили, а самого Даля взяли в печально известное Третье отделение. За него заступился Жуковский, служивший при дворе. Николай I опять сыграл роль доброго царя: Даля освободили уже через несколько часов. Более того, освободили и от предстоящей тяжелой командировки на эпидемию глазной болезни в военносиротских заведениях: царь счел, что это будет уж очень похоже на ссылку.

Но вскоре Даль оставил не только Петербург, но и медицину: оставаться в госпитале, где с попустительства начальства творились безобразия, он уже не мог и

{ В военно-сухопутном госпитале в Петербурге его прозвали «молниеносным хирургом»: на столе у Даля ни один раненый не умер от болевого шока. }

но-сухопутный госпиталь в Петербурге. Здесь его прозвали «молниеносным хирургом»: наркоза еще не было, операции делали по живому, но на столе у Даля ни один раненый не умер от болевого шока. При этом талантливый врач, как некогда и его отец, воевал с казнокрадством, антисанитарией, бюрократизмом (кое-что из его опыта воплотилось в повести «Вах Сидоров Чайкин»).

Мельников-Печерский пишет о годах его работы в госпитале: «Здесь он трудился неутомимо и вскоре приобрел известность замечательного хирурга, особенно же окулиста. Он сделал на своем веку более сорока одних операций снятия катаракты, и все вполне успешно. Замечательно, что у него левая рука была развита настолько же, как и правая. Он мог левою рукой и писать и делать все, что угодно, как правую. ...Самые знаменитые в Петербурге операторы приглашали Даля в тех случаях, когда операцию можно было сделать ловчее и удобнее левою рукой».

СКАЗОЧНИК

В столице у него было больше времени заниматься литературой и больше возможностей печататься. Бывший моряк, хирург, он вошел теперь в круг литераторов, познакомился и подружился с Пушкиным, Крыловым, Гоголем, Одоевским. Первая повесть Даля, под названием «Цыганка», вышла в еще 1830 году; в 1832-м он издал книгу лично собранных

не хотел. Он попросил о помощи Жуковского, тот переговорил со своим другом Василием Перовским, военным губернатором Оренбурга и братом писателя Алексея Перовского (мы его знаем как автора «Черной курицы» Антония Погорельского). Губернатор предложил Далю место чиновника особых поручений. Эта работа под началом человека образованного и мыслящего означала свободу от утомительной казенщины. Перед отъездом в Оренбург Даль женился на 17-летней Юлии Андре. Когда в Оренбург приезжал Пушкин, собирая материалы о Пугачевском бунте, Даль несколько дней ездил вместе с ним. В воспоминаниях Даля о Пушкине есть уморительный эпизод: поэт расспрашивал старожилых о Пугачеве и одарил одну старуху, которая ему особенно много рассказала, золотым червонцем. Местные жители испугались, отвезли старуху с ее червонцем к начальству и нааябедничали: «Вчера-де приезжал какой-то чужой господин, приметам: собой невелик, волос черный, кудрявый, лицом



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

смуглый, и подбивал под «пугачевщину» и дарил золотом; должен быть антихрист, потому что вместо ногтей на пальцах когти». Антихрист Пушкин, который обычно отпускал длинные ногти, немало смеялся. Кстати, именно Даль подарил Пушкину сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Пушкин написал Далю на новенькой книжке: «Твоя от твоих. Сказочнику Далю от сказочника Пушкина».

К вопросу о том, каким Даль был сказочником: «Курочку Рябу» именно он написал.

НАТУРАЛИСТ И ЭТНОГРАФ

По службе Даль много ездил по губернии и встречал самых разных людей. Он внимательно вглядывался в необычную для него азиатскую, степную жизнь. Он написал повесть о башкирах и повесть о казахах. Собрал две богатые коллекции флоры и фауны губернии, которые получили высокую оценку Академии наук. Замысел «Толкового словаря» тоже вызрел в Оренбурге. При этом Даль продолжал оперировать – за семь лет своей службы в Оренбуржье он бесплатно сделал более 50 операций на глазах.

Город стоял на пути из России на восток и был центром торговли со Средней Азией; Даль увлекся востоковедением, тюркскими языками, которые заинтересовали его еще в русско-турецкую войну. Его описания особенностей тюркских языков – едва ли не первые лингвистические работы в русской тюркологии. Даль собирал старинные тюркские рукописи, одну из которых, редкое и ценное историческое сочинение XVII века, тоже передал Академии наук.

Он основал в Оренбурге естественно-научный музей, перевел на русский язык с немецкого «Естественную историю Оренбургского края» Эверсмана и приобрел такие обширные познания в области биологии, что по возвращении в Петербург начал работу над учебниками для военно-учебных заведений. Его «Зоологию» и «Ботанику» высоко оценили и преподаватели, и ученые. В 1838 году Петербургская Академия наук избрала Даля своим членом-корреспондентом за его естественно-научные труды.

СВИДЕТЕЛЬ

В 1836 году Даль ненадолго приехал в Петербург.

П.И. Мельников-Печерский рассказывал: «Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется порусски – выползина. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Далю: «Да, вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!..» На другой день Пушкин пришел к Далю в новом сюртуке. «Какова выползина! – сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. – Ну, из этой выползины я не скоро выползу. В этой выползине я такое напишу...».

Когда Даль услышал, что Пушкин ранен на дуэли, немедленно помчался к нему. Как врач и как друг, он стоял у постели Пушкина, которому тогда медицина ничем не могла помочь. Он просидел с умирающим всю ночь, поил с ложечки, подавал лед – у поэта был жар. Даль подробно описал эти тяжкие часы для потомства – пушкинскую тоску и боль, смирение и готовность встретить смерть. «Ужас невольно обдавал меня с головы до ног, – я сидел, не смеядохнуть, и думал: вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни; здесь, где душа рвется из тела, где живое, мыслящее совершает страшный переход в мертвое и безответное, чего не найдешь ни в толстых книгах, ни на кафедре!» Именно в эти часы Пушкин перешел с Далем на ты – навсегда. Впадая в забытие, поэт брал друга за руку и звал – пойдем, пойдем со мной, выше! Приходя в себя, рассказывал: мне показалось, что мы лезем с тобой по книжным полкам... И снова звал – подними меня, пойдем, пойдем! Даль сохранил последние слова Пушкина: «Кончена жизнь» – и «тяжело дышать, давит». И слышал его тихий, незаметный последний вздох.

Пушкин завещал другу свой перстень с изумрудом, который называл своим талисманом, и простреленный сюртук, ту самую «выползину»; похоронили поэта в сюртуке его друга Нащокина. Понимая ценность этих реликвий, Даль заботился о том, чтобы сберечь их для потомства; и перстень, и сюртук сейчас находятся в Музее Пушкина на Мойке.

«У столичных чиновников даже нет и понятия о той грязи, с которой мы возимся. Но унывать нельзя, а надо бороться день и ночь до последнего вздоха».

УПРАВЛЕНЕЦ

В Оренбурге родились сын и дочь Даля. После рождения дочери умерла жена. Даль остался вдовцом с двумя маленькими детьми. В 1839 году Даль принял участие в походе против хивинского хана, который окончился трагедией: большая часть войска не вернулась обратно. Остаться в Оренбурге он больше не собирался: Перовский, измученный неудачным походом, уходил в отставку, и его команда, как сейчас говорят, задумывалась о новых местах службы.

В 1840 году Даль снова женился – на Екатерине Соколовой, и в 1841 году переехал в Петербург. Вторая жена родила ему трех девочек.

В столице он продолжал свои естественно-научные изыскания – работал над учебниками, писал для журналов статьи о повадках животных. Писал повести и рассказы, много публиковался и именно в это время стал известным писателем. Работал он теперь начальником особой канцелярии Министерства внутренних дел; министром был третий брат Перовский – Лев. К этому времени Даль уже дослужился до статского советника; он довольно много сделал для совершенствования системы больниц, создал и ввел в Петербурге «городовое положение», написал исследование о скопческой ереси.

К.П. Брюллов.
В.А. Перовский в форме
Оренбургского
казачьего
войска



ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Пользуясь своим служебным положением, Даль придал своей работе над словарем всероссийский масштаб: он мог рассылать запросы в регионы и получать материалы с мест. Писцы их переписывали и сортировали по губерниям; один из служащих канцелярии писал потом, что «самый воздух в ней был пресыщен филологией».

Гости у Дале собирались по четвергам. И были они замечательные, цвет страны: мореплаватель Врангель, хирург Пирогов, актер Щепкин, поэт Шевченко, писатель Одоевский. На одном из таких «четвергов» родилась идея создания Русского географического общества.

В 1847 году Даль попросил читателей журнала «Отечественные записки» присылать ему народные слова, сказки, пословицы, описания праздников. Общество откликнулось – материалы ему присылали многие литераторы, ученые, чиновники.

Вот это еще в нем замечательно: он не только собиратель, писатель, доктор – но и неутомимый, опытный, умелый организатор; не только в лексикологии, но и в лечебном деле, и в этнографии, и в изучении естественных наук; не только самому узнать, но и поставить дело так, чтобы принести максимальную общественную пользу, – вот доминанта его служения.

ЗАЩИТНИК

В 1848 году в «Москвитяине» вышла маленькая повесть «Ворожейка» о цыганке-мошеннице. Кончалась она словами: «Власти, как всегда, бездействовали». Повесть очень не понравилась царю: от литератора это стерпеть можно, от чиновника – уже никак. Царь велел поставить автору на вид. Министр Перовский сказал Дале афористически: «Выбирай что-нибудь одно: писать – так не служить; служить – так не писать». Деваться было некуда – Даль попросился в провинцию. Он хорошо помнил предыдущий арест с обыском – и загодя сжег все свои бумаги, о чем потом жалел. Он уехал в Нижний Новгород управлять удельной конторой – вести делами крестьян, принадлежащих царской семье. В губернии их было 37 тысяч, и нового управляющего ожидало бескрайнее море бед и проблем. Даль писал друзьям: «У столичных чиновников даже нет и понятия о той грязи, с которой мы возимся. Но унывать нельзя, а надо бороться день и ночь до последнего вздоха». Здесь он чем только не занимался: от систематизации сведений о губернии до



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

собственноручного выдергивания больных зубов крестьянам! И все это время он продолжал работать над словарем. Бродил с записной книжкой по Нижегородской ярмарке, собирал, классифицировал; писцы писали, длинные списки слов укладывались в коробочки... В Нижнем же он опубликовал статью «О наречиях русского языка», несколько статей о вреде одной грамотности без просвещения и сотню очерков из русской жизни (потом он издал их отдельной книгой).

Когда в 1853 году началась очередная русско-турецкая война, Даль создал в Нижнем Новгороде добровольческий полк, один из первых в России, и в составе этого полка на фронт поехал его сын Лев.

С ранних лет Даль не выносил несправедливости и дурного устройства дел, поэтому постоянно ссорился с начальством.

К этому времени Даль разбирался в словечках, диалектах, акцентах как русский профессор Хиггинс, куда позднее придуманный Шоу; поговору он безошибочно определял происхождение человека – и однажды неожиданно вывел на чистую воду двух бродяг с фальшивыми паспортами, которые пытались выдать себя за вологжан-монахов. Даль собирал материалы для украинского словаря. Знал немецкий, французский, английский; в Дерпте выучил латынь; го-

ворил на украинском, польском, белорусском; в Оренбурге научился объясняться с татарами, казахами и башкирами на их языках. Зная несколько славянских языков, смог читать и на других – болгарском и сербском.

Публикация словаря началась в 1861 году и продолжалась семь лет; в 1862-м вышел в свет второй фундаментальный труд – «Пословицы русского народа», появилось его Полное собрание сочинений.

Работу Даля страна оценила по заслугам: он стал почетным членом Петербургской Академии наук, Общества любителей российской словесности, Императорской Академии наук... Вообще, к концу жизни награды посыпались на Даля как из рога изобилия; сам он

В Нижнем он конфликтовал с губернатором, которому прямым текстом однажды написал: «Чиновники Ваши и полиция делают, что хотят, любимцы и опричники не судимы. Произвол и беззаконие господствуют нагло, гласно». Отношения с губернатором обострились, и наконец после очередной ссоры с ним Даль подал в отставку. Служить в условиях тотальной неправды и несвободы ему надоело. Он хотел заниматься своим делом – словарем. В Нижнем он закончил обработку материалов до буквы П включительно.

ЛЕКСИКОГРАФ И ПИСАТЕЛЬ

В 1859 году семья Даля переехала в Москву. Здесь его уже ничто не отвлекало от словарной работы. Наконец он выступил с докладом о ней на заседании Общества любителей российской словесности; Общество признало работу важной и решило изыскать средства для публикации словаря.

«Речь простолюдина с ее своеобразными оборотами всегда почти отличалась краткостью, сжатостью, ясностью, определительностью, и в ней было гораздо больше жизни, чем в языке книжном и в языке, которым говорят образованные люди».



Главное
здание
Юрьевского
(Дерптского)
университета

оставался человеком скромным и перечислять свои ордена и регалии не любил. Составляя их перечень по просьбе академика Грота, Даль писал: «Сам испугался учености своей, переписав все почеты эти... Да для чего вам все это, право, не понимаю... Судите дело, а личность откиньте, что вам до нее?» Ученые-языковеды, однако, считали труд Даля далеко не безупречным. Сергей Булич, автор статьи о Дале в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, отзываясь о «Толковом словаре» без всякого пиетета: «Его словарь, памятник огромной личной энергии, трудолюбия и настойчивости, ценен лишь как богатое собрание сырого материала, лексического и этнографического... не всегда достоверного». Булич ставит Далю в вину отсутствие фундаментального филологического образования, неспособность систематизировать и объяснить собранный материал научно. «В природе Даля, несмотря на естественно-историческое образование, полученное в Дерптском университете, было что-то мешавшее ему сделаться спокойным и точным ученым», – пишет Булич, излагая довольно популярный в научном сообществе начала XX века взгляд на роль Даля в русской лингвистике. Кажется, «спокойным и точным ученым» Далю мешало сделаться его постоянное

стремление действовать, приносить непосредственную пользу здесь и сейчас. Не было описания края – составил; увидел больного крестьянина – прооперировал; коллекцию собрал и подарил академии; нашел любопытный сюжет – передал тому, кто им лучше распорядится; увидел интересное – описал и напечатал. Сюжет Пушкину, песни Киреевскому, сказки Афанасьеву, собрание лубочных картинок – Императорской публичной библиотеке... Коллекции, собрания, редкие рукописи раздавал щедро и бескорыстно: берите, пользуйтесь!

Литературное творчество Даля Булич тоже ценит невысоко: «Многочисленные повести и рассказы его страдают отсутствием настоящего художественного творчества, глубокого чувства и широкого взгляда на народ и жизнь. Дальше бытовых картинок, схваченных на лету анекдотов, рассказанных своеобразным языком, бойко, живо, с известным юмором, иногда впадающим в манерность и прибауточность, Даль не пошел, и главная заслуга его в этой области заключается в широком пользовании этнографическим материалом». А вот иного мнения придерживался Гоголь: «По мне он значительней всех повествователей-изобретателей». Белинский называл его «живой статистикой русского народонаселения». В литературе Даль занимает свою нишу – «физиологического очерка», считается основателем и типичным представителем «натуральной школы». Когда Россия Даля ушла в историю, эти очерки, повести, сказочки, перечислять которые здесь будет слишком долго, стали живым и непосредственным свидетельством канувшей в Лету пестрой и многообразной жизни.

Недаром и в заглавие словаря своего Даль вставил ключевое слово «живой» – «живого великорусского языка». И словарь с его огромным количеством контекстуальных примеров дает полную и подробную картину богатого и щедрого языка; в этом смысле он – произведение более художественное, нежели научное.

Большое, говорят, видится на расстоянии. С расстояния в полтора века, отделяющих нас от первой публикации Даля, уже хорошо видно, какая это громада.

И не только словарь, но и автор его человек поразительный, возрожденческого масштаба: вышивать, оперировать глаза, сколачивать табуретки, устраивать разумную систему здравоохранения, писать учебники по ботанике и изучать татарский язык – все он умел, все ему давалось. И все его многолетние труды были не для собственной славы, карьеры, богатства. А для чего – сегодня хорошо видно.

Как заспорим, есть в русском языке какая-нибудь «каралька» или нет, – так пожалуйста к Далю. 📖

Толковый словарь живого великорусского языка

В.И. Даль составлял «Толковый словарь» 53 года. До сих пор он остается одним из крупнейших и авторитетнейших словарей русского языка. Содержит около 200 тысяч слов и 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок и присловий. Последние четыре новых слова, услышанных от прислуги, Даль внес в свой словарь за неделю до смерти. «...Это не есть трудъ ученый и строго выдержанный; это только сборъ запасовъ изъ живаго языка, не изъ книгъ и безъ ученыхъ ссылокъ; это трудъ цѣлогодичаго, даже не каменщика, а подносчика его; но трудъ цѣлой жизни...» – из речи Даля «О русскомъ словаре», зачитанной в Обществе любителей российской словесности 25 февраля 1860 года.



НАСЛЕДИЕ ЛИХАЧЕВА

ЗИНАИДА КУРБАТОВА

Меня, еще маленькую, дед учил
не разбрасываться, не тратить
время зря. Телефон, например,
в нашем доме существовал только
для того, чтобы договориться
о встрече, выяснить важные
вопросы. Не для пустой болтовни.
Заниматься спортом, ходить
на танцы – все это, по его мнению,
было тратой времени.

Дед считал, что читать нужно много, но в соответствии с определенной системой. В книжном шкафу тоже не должно быть «ничего лишнего». Каждый профессионал всю жизнь собирает библиотеку – это сложно, это важно. Книги достают, выписывают из-за границы, покупают у букинистов. Хорошая библиотека – это клад.

Дедушка следил за тем, что я читаю. Часто приносил книги из магазина на Невском, он и сейчас, слава богу, существует – это «Книжная лавка писателей». Там ему «оставляли» какие-то редкие вещи. Что же нужно было читать интеллигентному человеку? Что нужно было читать мне, по его мнению? Классику русскую и зарубежную. Труды по истории С. Платонова. Из пушкинистов – Ю. Лотмана. Издания о правильном произношении. Конечно, моего любимого Льва Успенского «Ты и твоё имя». Книги о животных Даррелла. Книжки ленинградцев – Евгения Тарле, Владислава Глинки. Помню «Повесть о Сергее Непейцыне», героя 1812 года, – я ее зачитала до дыр. Во время одного из переездов она пропала. Я до сих пор помню ее твердый переплет с истертыми уголками, картинку на обложке – солдат, идущий в атаку. Необычную фамилию автора – Глинка.

Дедушка всегда расспрашивал потом, что мне понравилось и почему. Рассказывал про авторов. Не разрешал давать книги кому-то из друзей. «Зачитают, не вернут».

Во многом благодаря деду я полюбила книги. Запах свежей типографской краски и запах старых книг, разные типографские шрифты, книжные элементы-заставки, концовки, шмуцтителы. Золотой обрез, суперобложки, красивые форзацы и, конечно, экслибрисы. Каждый уважающий себя владелец библиотеки должен иметь такой книжный знак, квадратик с картинкой, который наклеивают на форзац. Моей маме, искусствоведу, дед подарил пачку экслибрисов, это были ксилографии, выполненные художником. На них – элемент византийского храма и надпись: «Из книг Веры Лихачевой». Лет в 14 я уже знала – буду книжным иллюстратором.

Образование – это прежде всего самообразование, считал дед. И здесь чтение играет важнейшую роль.

Была и литература, которую читать, по его мнению, было нельзя. Она портила вкус. Я так и не читала «Двенадцать стульев» – не рекомендовал. Еще ругал Андрея Синявского «Прогулки с Пушкиным».

Когда я увлеклась Кавериним, дедушка написал мне его собрание сочинений. Некоторые из книг, что он мне дарил, дед снабжал полусерьезными надписями на авантитуле. Вот альбом «Авангард, остановленный на бегу» Евгения Ковтуна. Серьезная научная работа о ленинградских авангардистах 1930-х. Дедушка надписал ее так: «Дорогой Зиночке. Для ознакомления, но не для подражания». Это было в те времена, когда я профессионально училась живописи.

Некоторые фильмы дедушка тоже запретил смотреть. «Андрей Рублев» Тарковского был, по его мнению, неправильной карти-

ной. Неправильно трактующей отечественную историю.

Он был невероятно цельной личностью. Он знал, чего хочет в жизни, он знал, сколько всего ему нужно сделать. Поэтому сам был предельно собран, работал очень много и, конечно, не разбрасывался по мелочам.

Дмитрий Лихачев с родителями Сергеем Михайловичем и Верой Семеновной во время свидания с ними в исправительно-трудовом лагере на Соловках. 1929 год



ИТАР-ТАСС

Всегда и во всем он оставался архивистом, историком. Вот альбомы с семейными фотографиями, которые хранятся у меня. Каждый снимок подробнейшим образом подписан. Кто изображен, где, когда, с кем. «Свадьба тети Шуры и дяди Вали Андреалетти», «Бабушка Вера и Юра в квартире на Каменноостровском, сзади висят фамильные портреты, кожаный диван потом продали во время блокады». Целые биографии предков на этих страницах. Как это важно сейчас, когда деда с бабушкой уже нет и некому рассказать о некогда большой семье. А дипломы, справки, письма, записки, карточки – все это дед хранил в особом чемоданчике. Он вез с собой из Соловецких лагерей особого назначения деревянную ложку, вырезанную другом, пропуск, чтобы ходить по лагерю, английский словарь, который отбывал с ним срок. Он уже тогда, 26-летним юношей, понимал: это – история.

Именно поэтому, как только дедушка умер, весь его архив мы передали в Пушкинский Дом. Многие говорят: надо было отдавать в ЦГАЛИ. Не знаю, но ведь дед хотел, чтобы все было в Пушкинском Доме, Институте русской литературы, где он проработал всю жизнь. Потом уже я отдала и библиотеку, и красивый книжный шкаф в институт. В отдел древнерусской литературы, которым дед руководил. Когда я прихожу в Пушкинский Дом, то смотрю на знакомые переплеты.

А вот архив за 10 лет так почему-то и не разобрали. Хотя это по меньшей мере очень интересно... Впрочем, жизнь сейчас иная. Наверное, поэтому и нет человека, который за небольшие деньги разобрал бы архив Лихачева... Нет пока и книги об академике Лихачеве. Ее хотели выпустить в издательстве «Молодая гвардия», в знаменитой серии ЖЗЛ. Но как писать, когда архив не разобран? Впрочем, есть и другой аспект проблемы. Кто будет писать? Вызвался один из дедушкиных учеников, но провалил эту затею. Ведь комарику не под силу осмыслить и описать жизнь слона.

Все личные вещи дедушки мы отдали в музей истории города. Все ордена, кроме «Андрея Первозванного» – его дед сам передал Эрмитажу. Три мантии – особенно ценную Оксфордскую, Пражского университета и Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. Фотографии, письменный стол, пишущую машинку, на которой были написаны все его знаменитые вещи – «Поэзия садов», «Смеховой мир» Древней Руси»,

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛИХАЧЕВ

(28 (15) НОЯБРЯ 1906 – 30 СЕНТЯБРЯ 1999)

Всемирно известный ученый и деятель культуры, выдающийся филолог, историк, философ культуры. Родился, прожил жизнь и скончался в Санкт-Петербурге. Похоронен в Комарово, под Санкт-Петербургом. Его имя присвоено малой планете (2877), открытой отечественными астрономами. Академик Лихачев был председателем Российского фонда культуры, депутатом Верховного Совета, Героем Соцтруда, лауреатом трех Государственных премий, первым кавалером ордена Андрея Первозванного, среди его многочисленных наград ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, орден «За заслуги перед Отечеством» и др. Весь путь Д.С. Лихачева в науке связан с Пушкинским Домом – Институтом русской литературы АН, куда он пришел младшим научным сотрудником в 1938 году, заслужил все возможные ученые степени, возглавил Отдел древнерусской литературы и не расставался с Пушкинским Домом до конца, до последних дней научного творчества. Его исследования летописания, «Слова о полку Игореве» и многих других памятников древнерусской литературы, фундаментальные труды, посвященные историко-литературным проблемам и глобальным вопросам русской художественной культуры, – признанная славистами всего мира классика. Д.С. Лихачев автор 500 научных и примерно 600 публицистических работ. Академик Лихачев был избран иностранным членом Болгарской, Сербской, итальянской Национальной академии деи Линчеи, членом-корреспондентом Австрийской, Британской, Геттингенской академий наук, почетным доктором университетов Бордо, Будапешта, Оксфорда, Софии, Цюриха, Эдинбурга, Университета имени Николая Коперника в Турине и др.

ленький Митя – нарисовал древнерусскую икону с Богородицей. Он запомнил, что брат над ним потешался, но у него осталось ощущение, что он поступил единственно правильным образом. Когда дедушка учился в старших классах школы, начались гонения на православную церковь. Храмы оскверняли, во время службы в них входили пьяные комсомольцы в шапках. Священников репрессировали. Тогда – вспоминал дед – особенно остро он почувствовал жалость к родной стране, интерес к ее истории, желание заниматься древнерусским искусством и литературой, популяризировать их.

«Письма о добром»... Косоворотку, вышитую бабушкой в 1947-м. Все подарки, сделанные известными людьми. Например, смокинг Николая Бенуа. Коллекцию пластинок с дарственными надписями Марии Юдиной, Ивана Козловского... Сначала нам обещали, что будет отдельная экспозиция в Румянцевском особняке. Что все вещи будут храниться в одном месте. Но этого, к сожалению, не случилось.

Все предметы расписали по разным фондам. Часть вещей музей отдал без описи в народный музей гимназии Мая (гимназия, где дед учился). Все это очень печально для меня и не очень объяснимо. Ведь такая экспозиция и имя Лихачева могли бы привлечь особое внимание к музею. И не только внимание, но и деньги!

Однажды я спросила деда, почему он решил заниматься именно древнерусской литературой. Он рассказал мне такую историю. Когда дедушке было лет восемь, а его брату Мише тринадцать, к празднику Рождества они рисовали поздравительные открытки. Миша изобразил новогоднюю елочку, падающий снег – обычный в таких случаях набор. Дедушка – тогда ма-

терии, желание заниматься древнерусским искусством и литературой, популяризировать их. При дедушке отдел древнерусской литературы в Пушкинском Доме получил особый статус, сотрудники ездили повсюду с докладами, конференции проходили в столице и провинции. Приезжали коллеги-иностранцы. «Слово о полку» – наше все!

Интересный факт. В 1975-м деда попытались избить на лестнице нашего дома – это была акция устрашения, после того как он отказался выступить против Сахарова. С верхней площадки спустился человек и ударил деда в область сердца. А у дедушки за борт пальто была вложена рукопись доклада о «Слове о полку». Так вот дед много раз вспоминал: «Меня спасло «Слово»!

А что теперь? Дедушка ушел 10 лет назад. Недавно один из его учеников сделал в Пушкинском Доме доклад о том, что «Сло-

«МОИ КНИГИ – В СУЩНОСТИ, ПОМИНАЛЬНЫЕ ЗАПИСОЧКИ»

Дмитрий Сергеевич Лихачев был великим книжником, и у него была его любимая книга. Это – «Русское искусство. От древности до авангарда», книга, опубликованная совместными усилиями не существующего ныне московского издательства «Искусство» и итальянского «Фабри». Как только книга увидела свет, она мгновенно превратилась в библиографическую редкость.

...Дмитрий Сергеевич представил в редакцию эстетики нашего издательства материал для книги под условным названием «Ответственность искусства». При знакомстве я подарила ему иллюстрированную книгу известного искусствоведа Михаила Алпатова. Дмитрий Сергеевич, просмотрев ее, сказал, что у него не было издано ни одной красивой книги. В ответ на мое замечание, что красивые иллюстрированные издания готовятся долго, он ответил, что был бы счастлив, даже если бы она вышла после его смерти, потому что красота привлечет внимание к мыслям, красивую книгу купят. Не прочтет хозяин, прочтет сын хозяина... Книгу «Русское искусство. От древности до авангарда» тиражом всего в 3,5 тысячи экземпляров удалось издать в 1992 году. Она получилась

красивой. Дмитрий Сергеевич был счастлив, разглядывал и гладил каждую страницу...

Десять лет с нами нет Лихачева. Человека, которого называли совестью нации, знаковой фигурой русской культуры.

Ровесник века, Д.С. Лихачев пережил три войны, революцию, голод, блокаду, каторгу. «Прожив большую жизнь от самого начала века до его приближающегося конца, – писал Дмитрий Сергеевич, – я имею не книжные, а самые непосредственные впечатления от русской истории...

Для меня, например, памятны Николай II, Александра Федоровна, наследник-цесаревич, великие княжны, старый дореволюционный Петербург – и его мастерские, и его балерины. Революция и пулеметные очереди у стен Петропавловской крепости со стороны Артиллерийского музея, а затем выстрелы из наганов на кладбище Соловков, видения прячущихся в мороз в Ленинграде 32-го года по парадным крестьянок с детьми, проработки плачущих от стыда и бессилия ученых в стенах университета и Пушкинского Дома, ужасы блокады – и все это в моей зрительной и слуховой памяти».

На каторге в Соловецком лагере особого назначения началась трудовая биография будущего академика. Среди его сокамерников были и уголовники, и люди, известные в рус-

**Академики
А. Сахаров
и Д. Лихачев
после избра-
ния в совет
директоров
Международ-
ного фонда
за выживание
и развитие
человечества**



РИА НОВОСТИ

во» – поздняя подделка... Как я могу прокомментировать это? Если бы дед был жив, это была бы бесстрашная вылазка врага, притаившегося в родном гнезде. А когда его нет... Лихачева бесконечно переиздают. По-разному происходят эти переиздания. В свое время в издательстве «Искусство» вышла книга «Русское искусство. О древности до авангарда». Там был ряд глав-статей, их список и порядок дед утвердил лично. Он

радовался выходу этой книги, вернее, альбома, радовался красивой обложке, великолепным иллюстрациям. Даже гладили переплет, когда из Москвы пришел первый этот альбом. Теперь эту книгу решили переиздать. Но... своеобразно. Исключили статью «Слово о Киеве», центральную, основополагающую. Почему? Из-за политики, из-за ситуации с Украиной. Получается, Лихачева правят и цензурируют... История с Советским фондом культуры для деду была и блистательная и грустная одновременно. Он основал его единолично, а Раису Горбачеву привлек к работе в фонде по понятным причинам. Сколько всего замечательного было сделано. Сколько перевезено из-за рубежа в Россию ценных раритетов, не сосчитать. Русские эмигранты помогали из-за того, что верили именно академику Лихачеву. Знаменитая парижанка и меценат Лидия Борисовна Варсано подружилась с дедушкой и передала крупные суммы в Пушкинский Дом, оплачивала выступления во Франции талантливых юных музыкантов. Дед лично вез в Россию вещи Тургенева, и на таможене отчаянно зазвенели у него в чемодане тургеневские ножи и вилки. Помню, как к деду обратилась искусствовед Марина Бенцони. Она рассказала, что художник театра Николай Бенуа тяжело болен, у него остается огромный архив, из которого российские музейщики хотят отобрать часть. «Какую часть, надо увозить все!» – крикнул дедушка и написал письмо президенту страны. Таких историй сотни. Дед ездил, уговаривал, писал в высокие инстанции. Не жалел себя и своего времени. Его должность

ской культуре. «Чему я научился на Соловках? Прежде всего я понял, что каждый человек – человек. Мне спасли жизнь «домушник» Овчинников и... король всех урок на Соловках, бандит и соучастник налетов знаменитого Леньки Пантелева – Иван Яковлевич Комиссаров, – вспоминает Дмитрий Сергеевич. – Из всей этой передрыги я вышел с новым знанием жизни и с новым душевным состоянием. То добро, которое мне удалось сделать... добро, полученное от самих солагерников, опыт всего виденного создали во мне какое-то очень глубоко залегающее во мне спокойствие и душевное здоровье. Я не приносил зла, не одобрял зла, сумел выработать в себе жизненную наблюдательность и даже смог незаметно вести научную работу». Памятником соловецкого заключения явилась первая научная публикация, «Черты первобытного примитивизма воровской речи». Позднее были изданы воспоминания о годах каторги и блестящее историко-культурное исследование Соловецкого монастыря с его уникальным архитектурным комплексом, знаменитым собранием рукописей и икон и мартирологом узников. Но избранной в студенческие годы сфере научных интересов – литературе и культуре Древней Руси – Д.С. Лихачев был верен всю жизнь. «Я хотел удержать в памяти Россию, как хотят удержать в памяти образ умирающей матери... – пишет академик Лихачев в своих воспоминаниях. – Мои книги – это, в сущности, поминальные записочки, которые

дают за упокой... записываешь наиболее дорогие имена, а такие находились для меня прежде всего в Древней Руси»... Мечта об изучении летописания и искусства Древней Руси осуществилась лишь в 1938 году. Проработав корректором издательства Академии наук, а затем редактором, Дмитрий Сергеевич становится младшим научным сотрудником Института русской литературы АН – Пушкинского Дома. 11 июня 1941 года блестяще защищает кандидатскую диссертацию по новгородскому летописанию XII века. А через две недели началась Великая Отечественная. Воспоминания о блокаде, о гибели под обстрелом и еще более страшной смерти – от холода, голода, истощения, о самоотвержении, благородстве и о подлейших проявлениях человеческой природы Дмитрий Сергеевич написал вместе с женой, Зинаидой Александровной. «Были ли ленинградцы героями? Нет, это не то: они были мучениками», – скажет он позднее. А в блокадные годы он совместно с археологом М.А. Тихановой публикует исследование «Оборона древнерусских городов». «С этого момента мои узкотекстологические занятия древними русскими летописями и историческими повестями приобрели для меня «современное звучание», – пишет ученый... Дмитрий Сергеевич защищал гонимых ученых, дискредитируемые нравственные ценности, духовные традиции, архитектурные памятники, великие реки, малые города. Это

А после дедушкиной смерти было образовано целых три фонда. Один как-то очень быстро перестал существовать, другой, самый известный, возглавляемый писателем Граниным, сейчас особенно активно занимается популяризацией Петра I (этой эпохой и этой фигурой дед не занимался).

А вот журнал, основанный одновременно с фондом – «Наше наследие», продолжает выходить. На здании в Неопалимовском переулке, которое

в фонде не оплачивалась, да он и не думал о материальном вознаграждении или какой-то личной выгоде.

Однажды он понял, что ему не все говорят, что за его спиной кто-то решает свои дела, придумывает командировки, чтобы отдохнуть за границей. А один известный москвич явился в гости к мадам Варсано и попросил шубу для своей дочери. Для деда это было неприлично, позорно. После его выхода из фонда был у него публичный спор с режиссером и новым президентом фонда, Никитой Михалковым, на тему «Может ли культура зарабатывать деньги?». Михалков считал, что может. Особняк, принадлежавший фонду, стали сдавать для вечеринок, пока в нем не произошел пожар... Дед потом говорил: «Я против любых фондов...» В год столетия дедушки на одном из телеканалов прошла программа, где главным интервьюируемым был как раз Никита Михалков. Хотя в ситуации, когда у них сложились такие, мягко говоря, плохие отношения, записывать интервью с Михалковым как-то странно.

занимает редакция, установили мемориальную доску. 30 сентября 2009 года здесь отмечали 10-летие со дня смерти дедушки. Была выставка фотографий и автографов...

В Петербурге именем Лихачева названа маленькая площадь на Петроградской стороне, на ней год назад открыли с большим вкусом сделанную стелу. Есть школа, которая носит его имя, – там учился он и его братья. Проходят Лихачевские чтения в Гуманитарном университете профсоюзов и Пушкинском Доме. Талантливым детям из области ежегодно вручают «Звезду Лихачева». Конкурс «Созвездие талантов» был придуман еще при его жизни, там много номинаций, теперь вручают победителям и звезду из бисера его имени. Лихачева помнят.

Много печального происходит, но много и хорошего. 🍷

была великая оппозиция души. Когда режим преступал пределы нравственно допустимого, когда искусствоведческая критика уподоблялась судам инквизиции, а научные дебаты могли завершиться для одной из сторон лагерем, Лихачев вводил в актив общественного сознания великое наследие древнерусской культуры. «В произведениях гуманистических, человеческих в высшем смысле этого слова культура не знает старения», – утверждал Дмитрий Сергеевич. Он выступал с требованием не разоблачать, а изучать старое искусство. Разъяснял, что эстетические категории не носят оценочного характера и что прогресс в области культуры обнаруживает себя не столько в изменении, сколько в сохранении прошлого, в накоплении культурных ценностей. Лихачев стремился вернуть вытесненный из нашей жизни пласт духовной культуры, требующей хотя бы некоторого знания Священного Писания. Древнерусские писатели, летописцы и философы, озабоченные историческими судьбами родины, исправлением общественных недостатков, защитой справедливости, поднимались из глубины веков как живой укор существующему порядку.

Постперестроечная эпоха принесла академику Лихачеву свободу передвижения, многочисленные награды и почести, государственное признание... И большое разочарование от нравственного упадка и безразличия к гнущейся культуре. Он прилагает титанические усилия

для защиты культурного наследия на государственном уровне, формулирует «Декларацию прав культуры» и, наконец, в последней надежде вразумить сограждан, разрабатывает проблему экологии культуры, рассматривая ее как цель и смысл существования человечества. У академика Лихачева были враги: агрессивное невежество, людская глупость, предательство, которое он считал более страшным, чем смерть, следовательно Стромин, который сфабриковал его дело, беспринципность в науке и... беспочвенные концепции. Наверное, поэтому блестящие и бесспорные теоретические выводы, полученные в итоге скрупулезного изучения памятников древнерусской и русской художественной культуры на протяжении ее исторического развития, Дмитрий Сергеевич называет своим сугубо личным мнением. Итак, личное мнение академика Лихачева о русской культуре: многовековая русская культура не замкнута в себе, Россия жила и живет единой жизнью общекультурного космоса.

Д.С. Лихачев сказал: «Ученый – это его труды, открытия. В этом он в той или иной степени бессмертен». Память о Дмитрие Сергеевиче Лихачеве хранят его бесчисленные добрые дела – спасенные культурные ценности, восстановленные репутации, его ученики. Но лучшей памятью об ученом будет – перечитать его книги.

ЛАРИСА МАРИУПОЛЬСКАЯ

ЗАВЕЩАНИЕ ПАТРИАРХА

Особое место среди работ академика Лихачева занимает документ под названием «Декларация прав культуры». Претворить Декларацию в жизнь в начале 90-х годов пытались ученики и соратники академика.

В том числе литератор, историк, соредактор журнала

«Звезда» Яков Гордин, продолжатель дела своего

отца – известного пушкиниста Аркадия Гордина.

Судьбы этих семей, принадлежащих к особому кругу петербургских интеллектуалов, не раз пересекались.

В беседе с корреспондентом «Русского мира.ru»

Яков Гордин вспоминает, каким был

Дмитрий Сергеевич Лихачев.

Можно предположить, что свел вашего отца с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым интерес к наследию Пушкина? Ученый работал в Пушкинском Доме, а Аркадий Моисеевич Гордин восстанавливал после войны усадьбу в Михайловском...

– Нет, они познакомились гораздо раньше. В первой половине 30-х годов оба были молодыми людьми, но за плечами Дмитрия Сергеевича были Соловки и Беломорканал, а отец тогда заведовал редакцией в «Учпедгизе». И поскольку Дмитрий Сергеевич был в очень трудном положении, бедствовал, отец давал ему корректорскую работу. Впоследствии Дмитрий Сергеевич доброе отношение отца помнил. Позже, уже после войны, они встречались чаще, в том числе, конечно, и в Пушкинском Доме. Потому что музей в Михайловском, где несколько лет проработал отец, долгое время был филиалом Пушкинского Дома. С момента первого, «корректорского» пересечения добрые отношения у них сохранялись всегда. Отец никогда не рассказывал подробностей о поводе для знакомства с Лихачевым. Об этом мне как-то напомнил сам Дмитрий Сергеевич. Он очень ценил человека, протянувшего руку благонадежному гражданину со «шлейфом» сидельца ГУЛАГа. Позже Лихачева взяли на работу в Пушкинский Дом, где он с увлечением исследовал «Слово о полку Игореве». Там и застала его война и блокада Ленинграда. Именно в тот период Лихачев написал книгу о защите русских крепостей.

– Причем эту работу о военном искусстве русских воинов нужно было написать всего за два месяца. Но дойти на своих ногах в типографию, чтобы сдать рукопись в печать, он уже не мог, – был настолько истощен и изможден, что жена отвезла его на саноч-

ках. Только после этого семью Лихачева отправили на Большую землю в эвакуацию.

– В тот момент остро потребовалась патристическая книга для поднятия духа бойцов. Его вызвали, дали задание, и он его выполнил. Карьера Дмитрия Сергеевича была непростой, да и академиком он стал далеко не сразу, только с третьего раза. Наученный горьким и тяжелым жизненным опытом, он точно выбрал предмет исследования: Древняя Русь не так идеологически контролировалась, как XVIII–XIX века, не говоря уж о XX столетии. В 2006 году в специальном номере журнала «Звезда», посвященном 100-летию академика Лихачева, мы внесли ясность в полемику о том, за что же все-таки «закатали» на Соловки совсем юного ученого. Принято считать, что за организацию безобидного веселого студенческого кружка «Космическая академия наук». Это совсем не так. Мы опубликовали следственное дело кружка. Дмитрий Сергеевич вел себя не так безобидно. В частности, следствие зафиксировало, что на заседании кружка он сделал доклад о репрессиях ЧК, о расстрелах. Дмитрий Сергеевич не хотел представлять себя героической личностью и поэтому об этом докладе он нигде не упоминает. В автобиографии он пишет, что студенты кружка обсуждали реформу алфавита, языка и тому подобное. На самом деле это был вполне политизированный кружок резко настроенных против советской власти молодых людей, людей религиозных. Это был один из кружков – ведь в Ленинграде во второй половине 20-х годов была целая сеть таких религиозно-философских кружков, к примеру «Воскресенье» и другие. Во главе стояли более зрелые люди, мыслители, о них-то Дмитрий Сергеевич писал с большим уважением. Разгром подобных кружков был в общем-то с точки зрения советской власти совершенно логичным.

– Семья вашего отца тоже пострадала от репрессий, как и сотни тысяч людей. Каким же мощным оказался тот «культурный пласт», который, невзирая на страдания и вопреки культуре силы, сделал столько открытий во многих областях знаний, что нам до сих пор есть чем гордиться.

– Этот слой не изгнанной, не расстрелянной, не сосланной русской интеллигенции «тянул» национальную традицию, что было, конечно, очень важно. Интеллектуалы, в противовес

господствующему невежеству, занялись своим предназначением – просвещенческой работой. Они стремились сохранить фундаментальные ценности дореволюционной русской культуры. Тут советская власть попала в собственную ловушку. Потому что, с одной стороны, они настаивали на прославлении отечественных классиков, чтобы было чем гордиться, а с другой – эта классика очень плохо корреспондировала с соцреализмом. Что касается отца, то, действительно, два его старших брата были репрессированы. Один отсидел 20 лет, вышел, а второй, дядя Владимир, погиб. Интеллигенция той поры была разная, в том числе достаточно активная, к примеру оба моих дяди были в ленинградской антисталинской оппозиции. Несмотря на давление, тогдашние «несогласные» пытались действовать и даже печатали и распространяли листовки, в городе было немало подпольных групп. Разумеется, к 1928 году всех оппозиционеров похватили. Что касается отца, то он, хотя и не был причастен к заговорам в силу возраста, в 1945 году все-таки был из Ленинграда выслан. Несмотря на то, что был награжден медалью «За оборону Ленинграда», невзирая на другие заслуги. Видимо, сказалось неблагонадежное родство.

– **А когда в Ленинграде зазвучало имя Дмитрия Сергеевича Лихачева как маститого ученого? После написания серии исследований о «Слове о полку Игореве» или позже?**

– Уже в 50-е и 60-е годы прошлого века. Вообще, принято связывать его имя с изучением «Слова о полку Игореве». Можно подумать, что Дмитрий Сергеевич занимался только этим произведением средневековой литературы. Дмитрий Сергеевич – это тот человек, который фактически заново открыл древнерусскую культуру. У него есть важные теории, связанные с тем периодом, а анализ «Слова о полку Игореве» – только часть этой работы. У него есть выдающаяся работа об Иване Грозном, в издании памятников «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». И это одно из самых тонких и точных сочинений, пример культурно-психологической аналитики этого «замечательного» царя и его литературного наследия. Напомню его работу «Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси». Чтение статей и книг Лихачева было для образованного общества интеллектуальным открытием, погружени-

ем в культуру русского Средневековья. А уже в конце 60-х о Дмитрии Сергеевиче знали не только как об ученом, но и как об общественной фигуре. Помимо научных заслуг он был известен своей абсолютной порядочностью. Он не подписал ни одного письма против гонимых людей, например против Солженицына или Сахарова. Кстати, он помогал Солженицыну с материалами, когда тот писал главу о Соловках в «Архипелаге ГУЛАГ». Что весьма существенно изменило отношение к нему властей, когда этот факт стал известен. В результате у Лихачева появились серьезные жизненные осложнения. Но он не делал громких заявлений, не вел себя вызывающе. Это был образец порядочного человека, которого не может сломать советская власть. Несмотря ни на что, он не переставал писать статьи в защиту Ленинграда как города-памятника от разрушения. Благодаря Лихачеву власти оставили в покое Невский проспект, а ведь хотели снести старинные здания, все переделывать. Благодаря ему остались не вырубленными Екатерининский парк в Царском Селе и Петергофский парк. Он защитил, отстоял старинные деревья, которые помнили Пушкина и других великих русских людей, и сделал это в 60-е годы, то есть в глубокие и чреватые последствиями советские времена. Это академик Лихачев не допустил строительства высотной гостиницы «Ленинград». Позже Дмитрий Сергеевич встал на пути строительства небоскреба в устье реки Смоленки. Выдвинув и обосновав знаменитый тезис о «небесной линии» города на Неве, он убедил образованное население, равно как и начальников, в том, что нарушать гармонию смыкающихся над невысокими зданиями линий водного и воздушного горизонта недопустимо. И все это он смог сделать без шумных телевизионных кампаний, без информационных штурмов в прессе. К Дмитрию Сергеевичу как к знатоку русских древностей обращались жители многих старинных городов России. Люди просили его вступить за старину и защитить от сноса местные исторические памятники. И он живо отзывался, письменно и устно поддерживал хранителей национального достояния. Спокойное слово Лихачева или его подпись под петицией были гораздо более весомыми, чем официальная пропаганда.

– **Идею написания Декларации прав культуры придумал академик Лихачев или коллектив авторов, единомышленников?**

– Декларацию разработал, конечно, Лихачев. Не думаю, чтобы кто-то претендовал на соавторство.

– **Была ведь целая городская комиссия по доработке текста, в которую входили и вы.**

– В реальности вся наша комиссия не так-то много в текст Декларации добавила. Мы, скорее, были заняты тем, чтобы о ней рассказывать на всех уровнях, пропагандировать идеи прав культуры и скорейшего принятия документа на государственном уровне.

– **А вот принять Декларацию Лихачева страна не успела. Позже политики стали говорить, что Россия не имеет права принимать такие обязательства, потому что они противоречат мировой практике. И сегодня важнейшее завещание академика – стать государством, в котором главный приоритет отдан культуре, – отодвинуто, согласны?**

– К сожалению, это так. Надо сказать, подобное отношение к наследию человека, служившего культуре России до последнего вздоха, легкомысленно. Дмитрий Сергеевич был одним из тех людей, кто прекрасно понимал, что культура страны – это не только чтение книг. Культура не менее важна, чем экономика, потому что это связанные категории. В малокультурной стране не может быть ни экономического процветания, ни политического равновесия. Культура – основа всего уклада жизни, фундамент безопасности государства, если хотите. Что произойдет с нами вслед за ветшающими в значительной части провинции библиотеками, разваливающимися Домами культуры, закрывающимися музеями? Мы

уже ведь даже говорим о разрушении общего культурного пространства. Потому что культура сегодня как функциональная составная общества сосредоточена в городских и областных центрах. А на остальных просторах России, в бесчисленных деревнях и райцентрах, живут по-другому. Разрушение культурного пространства ведет к дальнейшей деградации. Вот когда говорят об опасности распада России, почему-то меньше всего вспоминают о содержании Декларации прав культуры. Меньше всего

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ КУЛЬТУРЫ

Под культурными ценностями понимаются не только отдельные объекты – памятники архитектуры, скульптуры, живописи, письма, печати, археологии, прикладного искусства, музыки, фольклора, – которые могут быть отмечены в списках, каталогах и т.п., но и явления, такие как традиции и навыки в области искусства, науки, образования, поведения, обычаев, культурных индивидуальностей народов, групп населения, отдельных людей и т.д. Живая культура не может быть исчерпана списками, каталогами, описаниями и т.д. Она составляет опделенную ценность и целостность в своей совокупности, в которую входят как произведения и явления первого разряда, так и второстепенного свойства, кроме обычаев и навыков, явно вредных для окружающих. Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

I. ПРАВА КУЛЬТУРЫ И ГОСУДАРСТВА

Ответственность за сохранность культурных ценностей и культуры как таковой лежит на государстве. Государство, в частности, отвечает за самовозобновляемость культуры в стране, за образование, за свободу творчества при полном невмешательстве государства в творческую жизнь.

Культура во всех ее формах имеет право на финансовую поддержку со стороны государства: поддержку образования и охрану культурных ценностей в первую очередь и культуры всех этносов, проживающих на территории государства.

На государственных организациях (воспитательных, образовательных, информирующих и пр.) лежит обязанность воспитывать уважение к культуре в целом, к культурным памятникам, культурной деятельности, интеллигенции, отдельным языкам малых и крупных этносов; не ущемлять права пользования любым языком на своей территории, учитывая, что язык является главной культурной ценностью любого народа, малого или большого, проживающего на любой территории. Самоокупаемость культуры (или отдельной ее части) может быть декретирована в тех случаях, когда она не ведет к снижению качества произведений культуры.

«Самоокупаемая» культура является такой культурой, которая оказывается материально и духовно полезной в целом, воздействует положительно на общество, поднимая его нравственность и умственный потенциал людей.

II. ПРАВА КУЛЬТУРЫ НА СОХРАННОСТЬ

Культура всех стран любого уровня, если только она является подлинной культурой, а не псевдокультурой (что в случае необходимости устанавливает-

ся экспертами ЮНЕСКО), имеет право на сохранность, строго инспектируемую как местными организациями, так и единым для всех стран высшим учреждением при ЮНЕСКО. Этот орган со своим независимым штатом инспекторов, своими юридическими полномочиями по единым для всех стран статьям сможет привлекать к судебной ответственности виновников нарушений сохранности (уничтожения или искажения) произведений культуры или нанесения различного рода ущерба для учреждений культуры и ее положения в обществе.

Учитывая, что культура больше всего терпит ущерб от военных действий, мы вновь подтверждаем полную правомочность «Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта» от 14 мая 1954 года и настаиваем на неукоснительном соблюдении ее требований всеми государствами, в том числе и вновь образованными.

Ввиду того, что памятникам культуры очень часто наносится ущерб при реставрационных работах, в дополнение к существующим правилам (в частности, так называемой «Венецианской хартии») считать необходимыми постоянные совещания по основным вопросам реставрации и международные консультации реставраторов, особенно если памятник создан не в той стране, где он находится в настоящее время. К реставрации особо значительных памятников (список которых должен быть серьезно расширен по сравнению с существующими) необходимо допускать лишь реставраторов, имеющих между-

думают о том, что скрепой большой страны должна быть культура, а вовсе не властные вертикали или горизонталы, какие-то чиновничьи связки. К огромному сожалению, я не вижу сегодня у власти понимания роли культуры в государстве. И нет Дмитрия Сергеевича, чтобы авторитетно указать всем нам на этот опасный провал.

– **Дмитрий Сергеевич бывал в гостях в семье ваших родителей или у вас?**

– У нас он не бывал, но я у него несколько раз гостил.

– **Говорят, у Лихачевых был очень простой быт?**

– У Лихачевых был очень гостеприимный дом. Как-то раз меня угощали у них рисовыми котлетками. И я сразу вспомнил Льва Николаевича Толстого и Ленина. В работе «Лев Толстой как зеркало русской революции» Ленин над писателем за эти самые рисовые котлетки издевается. А они были очень вкусные, я ел с удовольствием.

– **Кого в современной России можно назвать всенародно признанным носителем нравственных идеалов?**

– Думаю, такой фигуры нет, хотя совестливых людей у нас много. .

БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ШЕРГИНА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]

народные дипломы высшей категории, выданные соответствующей организацией при ЮНЕСКО.

Ансамбли памятников культуры, созданные как единое целое (алтари, деисусы, диптихи, триптихи, гарнитуры мебели, библиотеки и коллекции, представляющие собой эстетическое или историческое целое и имеющие общечеловеческое значение), не должны разъединяться при продажах и различных перемещениях.

Исторические города (список которых необходимо значительно расширить и утвердить ЮНЕСКО) должны иметь право на сохранение не только своего центра, но также окраин и окрестностей, которые зачастую представляют собой историческую ценность (для России это: Петербург с его окраинами, дворцовыми городами и селениями; Новгород с окружающими его монастырями и церквами; Москва с подмосковными усадьбами и т.п.). Охраняемый исторический облик наиболее ценных городов определяется планировкой, высотой (не выше, скажем, Зимнего дворца в Петербурге) зданий, их средними габаритами, окраской фасадов, допустимостью того или иного стиля в городе и т.п.

Исторический облик наиболее ценных исторических городов определяется понятием «облик города», согласно с введенными в свое время в науку определениями в работах И.М. Гревса и Н.П. Анциферова.

Понятие ценного ландшафта определяется не только историческими событиями, произошедшими на этих

местах (в России – битвы: Полтавская, Куликовская, Бородинская, Сталинградская, Курская, Севастопольская оборона), но и памятью художнической (Плес на Волге, связанный с именем Левитана, гора св. Виктории, памятная работами Сезанна и т.п.).

III. ПРАВА КУЛЬТУРЫ НА ДОСТУПНОСТЬ

Доступ к ознакомлению и изучению произведений культуры должен быть открыт для каждого человека (кроме, разумеется, потенциальных злоумышленников, вопрос о которых должен быть рассмотрен соответствующими комиссиями).

Открытость («гласность») произведений должна касаться как находящихся в государственном, так и в частном владении. Невозможность обозрения тех или иных книг, акварелей, рисунков и пр. должна решаться компетентными комиссиями, и сами решения эти не должны быть тайными.

Все произведения культуры должны быть доступны для бесплатного обозрения в назначаемые владельцами дни не реже двух раз в год. Особый статус для обозрения предоставляется учащимся, пенсионерам, ученым. Особо ценным собраниям необходимы полные каталоги. Финансовая поддержка в их составлении и печатании осуществляется государством или благотворителями (с соответствующим сокращением налогов для последних). Под полными каталогами понимаются научные описания произведений, находящихся как в экспозиции, так

и в запасниках. Сведения о малых собраниях или отдельных произведениях, хранящихся в частных руках, могут печататься в прессе (научной или популярной).

Произведения культуры (археологические, живописные, прикладного искусства и т.д.) должны иметь стабильное местопребывание и только по особым причинам, исключительно культурного характера, могут менять его; причины должны быть рассмотрены в ЮНЕСКО. Вместе с тем необходимо усилить права жертвователей произведений культуры. Их воля относительно местонахождения пожертвованных предметов, имеющих общечеловеческую ценность, должна полностью выполняться прижизненно и посмертно, о чем в случае прижизненного пожертвования необходима полная договоренность между прежним и новым хранителями.

В случае невозможности выполнения условий жертвователя (или в некоторых случаях продавца) разрешение на перемену условия хранения общечеловеческих ценностей должно выдаваться ЮНЕСКО.

Настоящая «Декларация прав культуры» является сугубо предварительной. Государства, принявшие положение данной Декларации, обязуются организовать учреждение при ЮНЕСКО, которое выработает окончательный текст, создав действенные меры по охране и доступности культуры, и станет в дальнейшем пристально следить по общим для всех государств правилам и законам за выполнением всех прав культуры.

Д. ЛИХАЧЕВ

НА РОДУ НАПИСАНО

МИХАИЛ БЫКОВ

Формально представить этого человека
позволю себе несколько позже. А пока
поделюсь главным ощущением.
Оно возникло пять с лишком лет назад
в момент знакомства и сохранилось
в полном объеме до сего дня.

На лесопилках истории XX века множество родовых древ перемолото в опилки. И сегодня кое-кто из соотечественников пытается восстановить прошлое своих родов, откликнуться, что называется, на зов предков. Увы, таких людей немного. Большинство ограничивается представлениями о собственных дедушках и бабушках в пределах типовой биографии и двух-трех фотографий в семейном альбоме. Кому лень, кому недосуг, кому все равно, но глубже в дебри семейно-родового леса не идут. Родовой рефлекс как отшибло. Этот человек принадлежит к той малочисленной части русских людей, которым чрезвычайно повезло в период, когда ломались не то что отдельные судьбы, а целые империи летели в тартарары, целые народы растворялись, будто их не было вовсе. Ему не нужно перелопачивать горы пыльных папок в архивах, не приходится тревожить запросами сонных чиновников из многочисленных регистрирующих органов, чтобы восстановить прошлое собственной семьи. Он естественным образом с рождения стал следующим звеном цепочки длиной в четыреста с лишним лет, имя которой – российский дворянский род Вилинбаховых. Драгоценной цепочки, чудом сохранившейся целиком в памяти нашей страны без купюр, без трагических метаморфоз и переименований. В этом году заместителю директора Государственного Эрмитажа по науке, государственному герольдмейстеру Российской Федерации Георгию Вадимовичу Вилинбахову исполнилось 60 лет. На день рождения ему дарили разные вещи, исходя, понятное дело, из известного пристрастия юбиляра к военной исто-

рии и геральдике. В числе прочего подарили и дорогую шашку. Он, как человек крайне воспитанный, подарок принял. И кто знает, вполне вероятно, был искренне признателен дарителю. Но если б только даритель знал, какая шашка хранится у Георгия Вадимовича дома!.. В 1917 году его дед, Борис Вилинбахов, из юнкеров Павловского военного училища вышел в офицеры, в лейб-гвардии Петроградский полк. Но на фронт Первой мировой войны попасть не успел – помешали октябрьские события. А шашка офицерская была. И осталась в семье. К нынешнему дню она узнала тепло рук не только внука Бориса Вилинбахова, но и его правнука и праправнука. Четырнадцатое поколение рода живет сегодня на земле Петербурга.

На первый взгляд Георгий Вадимович – находка для журналиста. Он держал в руках вещи, которые большинство из нас попросту никогда не увидят. Например, прикасался к русским боевым знаменам 1812 года и личным вещам Петра Великого, Александра Суворова, Михаила Кутузова...

В окне его кабинета – Нева и Петропавловская крепость, будто ничто не менялось за этим окном на протяжении веков. Как-то в этом кабинете в гостях оказался заглянувший из Парижа князь Александр Трубецкой. Подошел к окну, посмотрел на крепость и молвил, указывая взглядом на один из бастioned, носящих имя его предка: «Мой!» Вилинбахов знаком со многими VIP-персонами мировой политики. Не исключение и все президенты России. Его второй кабинет находится в Москве, в здании администрации президента РФ.

Без преувеличения имя Георгия Вадимовича вписано в историю России уже по той причине, что он был назначен главным организатором и церемониймейстером двух

траурных церемоний – перезахоронения останков Николая II и членов царской семьи и перезахоронения праха вдовствующей российской императрицы Марии Федоровны.

Вилинбахов – кладезь всяческих «исторических историй», которые пришли к нему разными способами. В том числе и через та-



АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ/КОММЕРСАНТЪ

«Дворянское происхождение никто отменить не в силах. Большевики в свое время отменили сословия, но это формальная попытка изменить род людской. Другое дело, что не следует, наверное, кичиться своим дворянством, равно как и предавать его».

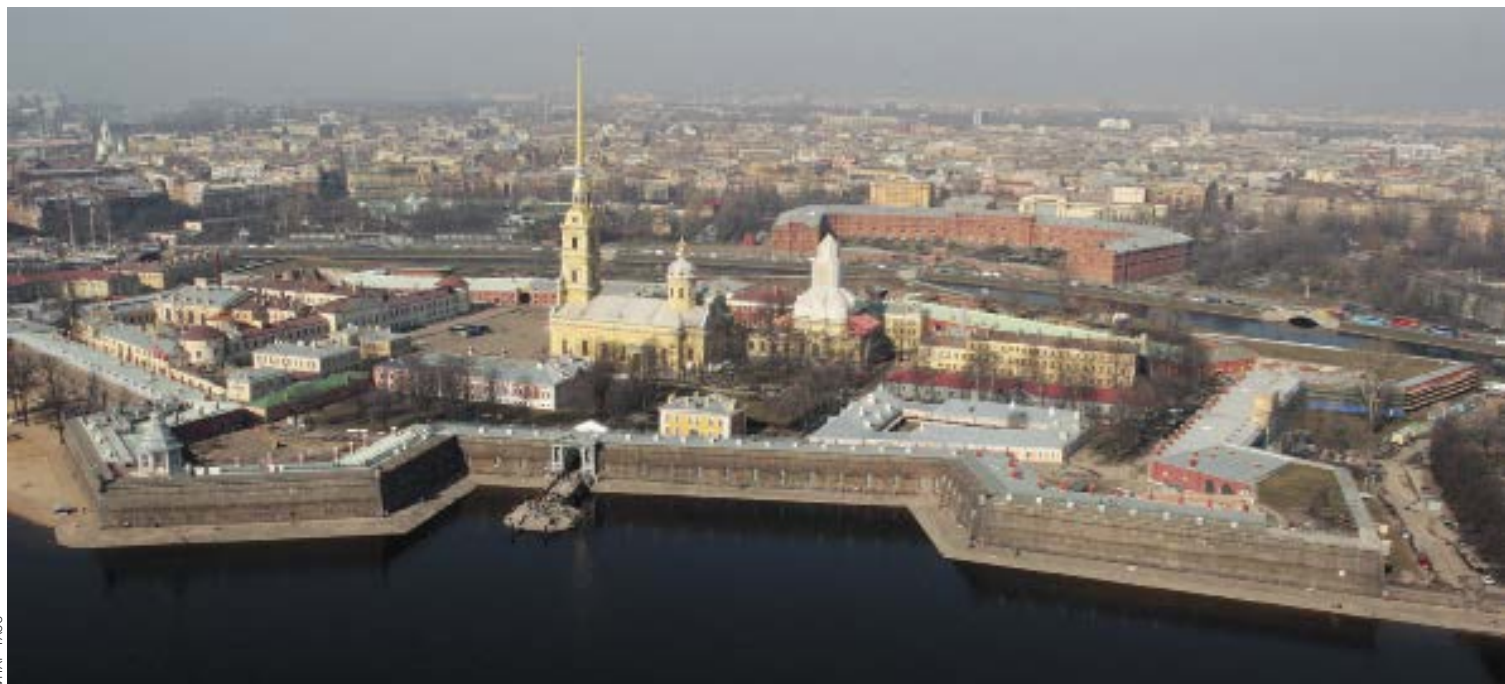
ких носителей, как Владислав Михайлович Глинка, Юрий Михайлович Лотман, крупнейшие коллекционеры Петр Петрович Квасков и Александр Иванович Любимов. В Петербурге принято, чтобы провожающий гостя хозяин дома подавал пальто независимо от возраста и статуса обоих. Как-то юный Юра, уходя от Владислава Михайловича, попытался уклониться от почетной процедуры, на что тут же получил комментарий любимого учителя: «Когда я был в твоём возрасте, мне пальто подавал сам академик Тарле. И при этом академик приговаривал: «Если б вы знали, кто мне подавал пальто!»

Вилинбахов не склонен к эпатажу, но при этом вовсе не принадлежит к числу типичных «музейных сухарей», которых современная, «успешно проскочившая между Брокгаузом и Ефроном» молодежь именует «ботаниками». Вилинбахов – совсем не «ботаник», умеет держать стол, рассказывать

байки и анекдоты, он подвижен и любознателен. «Книга – лучший подарок» – это про него.

Так в чем же дело? Почему, садясь за этот материал о человеке не просто интересном, а всегда интересном, я долго искал верный тон? Почему, будучи находкой, Вилинбахов для журналиста еще и сущее мучение? Может, все дело в том, что его биополе на дальних подступах отталкивает от него банальные вопросы и общие сентенции. Ну как тут быть бедняге-интервьюеру, если журналистика по своей природе весьма банальная штука?

И я решил: пусть Георгий Вадимович рассказывает о себе сам.



ИТАР-ТАСС

**Санкт-Петербург.
Петропавловская крепость**

ДИНАСТИЯ

«У нас в семье как-то спокойно относились к истории рода, дворянскому происхождению, несмотря на существовавшую после 1917 года очевидную опасность. Дома хранились реликвии, родословная, гербовые печати. Предание гласит, что мои дальние предки участвовали в крестовых походах, потому и символика родового герба связана с этими событиями. Но документально сей факт подтвердить нечем. Зато точно известно, что первым русским Вилинбаховым был Филипп, прибывший служить царю Иоанну Васильевичу из Южной Германии аж в XVI веке. Большинство Вилинбаховых – военные, что вполне естественно для XVIII–XIX веков, когда военная служба считалась главным поприщем для дворянского сословия. Три представителя рода сражались в Отечественную войну 1812 года, двое – в армии Кутузова, в том числе на Бородинском поле, один – в корпусе генерала Витгенштейна защищал подступы к Петербургу. Офицером был мой дед. После боев Первой мировой он преподавал в военной академии. Военная стезя досталась и отцу. Он прошел Великую Отечественную войну и только после демобилизации ушел в гуманитарную сферу. Сначала – в историю, затем – в область аномальных явлений.

Ярким представителем рода, изменившим военной профессии, был мой прапрадед. В царствование императора Александра II он, будучи правоведом, принимал деятельное участие в судебно-правовой реформе. Уже в 30-е годы XX века его сына, моего прадеда, расстреляли. Еще страшнее, что три его сестры погибли во время красного террора в 1918 году.

Можно сказать, что гены прапрадеда и прадеда, который также был юристом, чуть не восторжествовали. После школы я собирался стать следователем. Но меня вовремя просветили: оказалось, такая карьера неминуемо была бы сопряжена с обязательным вступлением в КПСС. Военная история пленила меня с детских лет, что совершенно естественно, учитывая профессиональные занятия отца. Особое увлечение – коллекционирование оловянных солдатиков. Этот процесс привел меня к самым известным коллекционерам в городе – Александру Ивановичу

Любимову и Михаилу Викторовичу Люшковскому.

Я учился в десятом классе, когда один за другим они ушли из жизни. Незадолго до смерти Александр Иванович успел рекомендовать меня в Музей Суворова в качестве хранителя их коллекций, которые музей как раз собирался приобрести. Но случилось так, что, пока я поступал на исторический факультет Ленинградского университета, ставки в музее закончились, и я оказался в Эрмитаже».

офицера, и полковник, утомленный солдатской настырностью, дал приказ выписать мне пропуск. Так я очутился в приемной командующего. Полковник приказывает поставить упакованную в бумагу и перевязанную бечевкой модель куда-нибудь на пол и – с глаз долой! Но у меня приказ – вручить лично! Наверное, в тот день меня вела счастливая звезда. И в кабинет командующего я попал. Отрапортовал, передал, смотрю в огромное окно, а в нем – Зимний дворец, мой родной Эрмитаж, в котором я работал до призыва в армию...»

СОЛДАТ-РАКЕТЧИК

Мужчины, учившиеся в советское время в институтах, срочную службу в армии служили редко. Можно даже утверждать, что многие мужчины в советское время учились в институтах прежде всего потому, что не хотели служить в армии. Особенно это касается тех, кто учился в советское время на гуманитарных факультетах. Тем удивительнее, что в один прекрасный вечер сразу после легкой закуски Георгий Вадимович в характерной для него манере взял разговор на себя и огорошил:

«Наша ракетная часть стояла в Карелии. С армией у меня связано несколько моментов, которые вполне вписываются в категорию «абсолютное счастье». Вот один из них. Учения, как это обычно бывает, начались ни с того ни с сего. Зимой на карельских дорогах ориентироваться, мягко говоря, нелегко. И вот чтобы машины с ракетными расчетами не сбились с правильного пути, на всяческие лесные перекрес-

ЭРМИТАЖ

Один человек, работающий в Эрмитаже, в той его части, что размещается в здании Главного штаба, напротив Зимнего, рассказывал, что вышел он на балкон своего кабинета на шум с Дворцовой, глядь – а на площади концерт сэра Пола Маккартни начинается. Взял он стул, поставил на балконе и стал слушать экс-битла с удовольствием. Не сразу, но заметил, что как-то странно публика из первых – элитных – рядов на него косится. Уже и не до сэра Пола ей вовсе. И тут догадался: публика эта мучительно пыталась осознать, кто ж

«Государственная служба – не маскарад. Это не только честь – носить красивый мундир, но и строгий спрос, дисциплина, ответственность. Правильнее все-таки сначала пойти на службу и, уже как следствие, носить соответствующий мундир. А со временем – и заслуженные ордена».

тки загодя высылали регулировщиков. Я служил срочную в комендантском взводе. Во время учений мы-то функцию регулировщиков и выполняли. Одевали нас тепло. Но это ничего не значило. Стоишь в лесу на перекрестке, мороз под 30, один, и самое жуткое – понятия не имеешь, сколько еще стоять. От такой неопределенности 30 градусов превращаются в 50. И когда я отчетливо стал понимать, что именно здесь, в этом диком лесу, все для меня и кончится, пошли машины. В последнюю забрали и меня. А спустя какое-то время я оказался в землянке, натопленной, как баня, ел горячую кашу, пил раскаленное нечто со сгущенным молоком. И это было счастье.

Служба шла. Я уже что-то понимал. И меня отправили в Ленинград в командировку. Надо было доставить командующему артиллерией Ленинградского военного округа подарок от нашей части. Странно, если б это было что-то другое, а не довольно объемная модель нашей ракетной установки. И вот притащил я эту установку в штаб округа, который находится на Дворцовой площади. Меня, простого солдата, ни к какому командующему, разумеется, не пускают. А у меня выхода нет: командир части отчетливо дал понять, что назад с установкой-моделью мне пути нет. В такие моменты и куется мужской характер. Я поступательно посредством телефонных переговоров дошел до старшего дежурного

это такой, что сидит на отдельном балконе над Дворцовой площадью и в одиночестве внимает самому Маккартни!

Георгий Вадимович выслушивает такие рассказы с удовольствием. После них ему особенно легко объяснять, почему он отказывается от любых предложений поменять место работы:

«Первый раз изменить Эрмитажу предложили очень давно. Оказалось вакантным место руководителя в одном из исторических архивов. По совершенно другому вопросу я пришел в кабинет тогдашнего директора Эрмитажа, Бориса Борисовича Пиотровского, а он, не поднимая головы от бумаг, буркнул: «Звонили уже. И что вы решили?» Я ответил, что никуда не уйду. Он поднял глаза и сказал: «И правильно. Нечего вам там делать». Вот, собственно, и вся история. С тех пор соблазняли часто – Третьяковская галерея, Московский Кремль. А последний раз – Царское Село. Соблазн соблазнов. Почему не согласился? Царское да еще в канун 300-летия – это

торое время не клеился. Георгий Вадимович не сразу привык к фигурам Колчака и Маннергейма, изображенным на стене заведения в полный рост. Портретное сходство имелось, а вот с формой и знаками различия – беда. Но шок постепенно прошел, и беседа наладилась:

«Интерес мой к геральдике начался в семье. У деда была крупная коллекция гербовых экслибрисов, хорошая библиотека по геральдике, гербовники. В общем, все, что надо начинающему. К тому времени я уже всерьез

увлекся изучением воинской формы. Это явилось естественным продолжением увлечения оловянными солдатиками. Ведь приходилось и самому их делать. А значит, точно соблюдать нюансы формы и вооружения, раскрашивать. Окончательно интерес к геральдике сформировался, думаю, уже во время работы в Эрмитаже. Ведь я начинал хранителем коллекции знамен. Работать со знаменами и не понимать, что и почему на них изображено, – это по меньшей мере странно.

очень большая работа. Такое предложение можно принимать в том случае, если уверен в своих силах минимум лет на 15 вперед. Это во-первых. Во-вторых, там помимо музея огромное хозяйство, в котором не только здания, но и парки, пруды, фонтаны... я в этом мало что понимаю. Гвоздь, конечно, забить смогу. Но это мой хозяйственный максимум. Сейчас появилась земля для строительства дачи, так я довольно слабо представляю себе этот процесс. А тут – Царское!

Но предложение было сделано красиво. Надо отдать должное нашему министру культуры. Александр Алексеевич Авде-

«Геральдика учит человека понимать семью, род, город, страну... Поэтому я уверен, что возвращение трехцветного флага и двуглавого орла на герб – вещи обязательные, бесспорные. Россия была узнаваема по орлу полтысячи лет и по трехцветному флагу – двести».

ев пригласил в Москву. Заранее дали понять, о чем разговор. Чтобы и у меня было время подумать. Но я люблю обдумывать и принимать важные решения утром. Вечером сел в поезд, утром прибыл в Первопрестольную, привел себя в порядок, а тут и время встречи с министром прояснилось. До встречи – часа два, день отменный, воскресенье, Москва пуста. Я пошел прогуляться и забрел на Новый Арбат. Прямо у церкви Симеона Столпника увидел на асфальте монетку – пятачок, что ли, – «Георгием» вверх. Подумалось – знак. Зашел в церковь, свечу поставил. И вдруг – колокола. Время вроде как неурочное? А дальше в переулках недалеко от Патриарших прудов набрел на ресторан. Он, конечно, был еще закрыт, но за витринами работали люди, что-то чистили, мыли. Готовились. Узкий коридор между домами к входу в ресторан был увешан огромными копиями полковых знамен русской армии 1812 года. Потом, по случаю, я узнал, что именно в тот самый день этот ресторан принял первых в своей истории гостей. А что до Царского Села – отказался. И министр меня, кажется, понял».

ГЕРАЛЬДИКА

Кстати, по поводу ресторанов. Ах, какими пирогами угощает жена Георгия Вадимовича Татьяна Борисовна! Но жизнь публичного человека требует публичного поедания всяческой снеди. В Петербурге Вилинбахов любит ресторан при отеле «Пушка инн». Это на Мойке. Здесь традиционно останавливаются многие гости Эрмитажа и его личные друзья. А вот в ресторанчик «Штабной», рядом с аркой Главного штаба, он впервые зашел только в этом году. И впервые разговор неко-

Теперь, по прошествии многих лет, понимаешь, какой длинной и многообразной оказалась эта дорога. Меня часто спрашивают: а зачем нужна геральдика, да еще государственная, в современном мире? Не дань ли это устаревшей традиции? Вот был серп с молотом, теперь двуглавый орел, а что, собственно, изменилось?

Думаю, нельзя человеческую жизнь сводить к сугубо рациональным, хуже того, – утилитарным позициям. Мол, сохранять надо лишь то, что имеет сугубо прагматический смысл. Это путь к самоуничтожению человечества. Духовные смыслы геральдических знаков имеют огромную силу.

Но прежде можно и нужно поговорить и о рациональной стороне геральдики. Это – язык, который позволяет людям самоидентифицироваться разными способами. Гимн можно услышать, флаг и герб – увидеть. Ориентирование в национальном, государственном, территориальном пространстве – это столь же важная для жизнеобеспечения функция, как свет на дороге или маяк на берегу. Человек когда боится? Прежде всего, когда он сталкивается с чем-то непонятным. Вот геральдика и учит его понимать семью, род, город, страну... Поэтому я уверен, что возвращение трехцветного флага и двугла-



Заместитель министра информационных технологий и связи РФ Дмитрий Милованцев, директор Государственного Эрмитажа Михаил Пиотровский и председатель Геральдического совета при президенте РФ, государственный герольдмейстер России Георгий Вилинбахов на представлении интернет-проекта «Российская символика». 2007 год

вого орла на герб – вещи обязательные, бесспорные. Те, кто пытался влиять на этот процесс с позиции «нравится – не нравится», эстетствуя, ошибались в принципе. После 1991 года Россия нуждалась в самоидентификации. Стране требовалось восстановить преемственность, а вовсе не создавать свой образ заново. Это не существовавшим ранее государствам, освобождавшимся от колониальной зависимости, требовалось придумывать символы, чтобы их начали узнавать в большом мире. А Россия была узнаваема по орлу полтысячи лет и по трехцветному флагу – двести.

В то же время необходимо аккуратное отношение к любому периоду истории страны. Возьмем, например, ситуацию с орденами. Орден – это не только символ, отличающий какого-то человека или группу людей в связи чем-то ими совершенным. Это – награда. Можно изменить символ, восстановить его, но нельзя отнимать у человека награду в угоду политической конъюнктуры.

Резюме таково. Надо как можно подробнее знакомить граждан с символами собственной страны. И надо набраться терпения, пока эти символы не станут столь же привычными, как русский язык, названия городов и рек, пословицы, мелодии любимых песен».

МУЗЫКА

В середине мая в Петербурге состоялось очередное заседание Английского клуба. Председательствовал господин Вилинбахов. Члены клуба собрались в Меншиковском дворце на Васильевском. Среди прочего звучали военные песни, написанные заведующим эрмитажного отдела «Главный штаб» Александром Дыдыкиным. Исполнял под гитару автор, осуществлять конференс любезно взялся сам председательствующий. Прошло на ура. Видно, что говорить и об этом «музыкальном капризе», и о музыке в целом Георгию Вадимовичу в удовольствие:

«Такие военно-музыкальные вечера не только праздник души. Они еще и очень полезны. В розовом зале Главного штаба мы уже концертировали, в августе в Петергофе на пленэре – тоже. Пора выходить на большую сцену.

Представьте на минуту просыпающийся Петербург, скажем, начала XIX века. Ка-

кие славные звуки первыми приходили к людям! Еще темно, а уже слышно, как по булыжникам и деревянным настилам стучат копыта коней, как скрипят телеги на мостовых подъемах. Вот кричит хозяин трактира где-то неподалеку на неловкого возчика дров. Начинают звать на заутреннюю службу колокола церковей. Но прежде, прежде – армейские барабаны и полковые трубы пропойют зорю. Полки стояли



АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ/КОММЕРСАНТЪ

ВИЛИНБАХОВ ГЕОРГИЙ ВАДИМОВИЧ

Родился 13 апреля 1949 года в Ленинграде. Потомственный дворянин. Личный девиз на гербе – «Братцы». Доктор исторических наук.

Заместитель директора Государственного Эрмитажа по науке.

Государственный герольдмейстер Российской Федерации, председатель Геральдического совета при президенте РФ. Действительный член и член Бюро Международной академии геральдики, член исполкома Международной ассоциации военных музеев и музеев оружия.

Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Почета, орденом «За заслуги перед Итальянской Республикой», рыцарским крестом ордена Белой розы (Финляндия), Национальным орденом заслуг (Франция), медалями.

в городе, словно окружая его центральную часть, и звуки эти лились со всех сторон.

Военные оркестры сопровождали жизнь того времени. Под них шли по городу воинские части, под них вечерами танцевали на балах и гуляли в парках. Военные марши – это особенная музыка. Я давно собираю коллекцию военной музыки, это не только современные диски, но и почти забытые кассеты и бобины и совсем забытый винил.

Люблю джаз. Он помогает думать и помогает расслабиться. В зависимости от того, что тебе в данный момент нужно».

ОВЧАРКИ

Есть в квартире Георгия Вадимовича потаенная комната. Не знаю, чем уж там обиты стены, но раз в этой комнате до сих пор стоит то, что там стоит, значит, звукоизоляция хорошая. Да и сам дом строили до известных событий 1917 года. А тогда строить умели.

Стоит в той комнате... ударная установка. Не какая-нибудь жалкая «троечка» из тарелки, хита и рабочего барабана. Полноценная «кухня» для профессионального ударника. Врать не буду, как она работает – не слышал. Но Вилинбахов любит точность и правду. Если сказал, что иногда присаживается с палочками за барабаны, значит, так оно и есть. Маня, стоящая рядом с хозяином, смотрит внимательно и всем своим видом подтверждает, что барабаны – не игрушка.

Маня говорить не умеет. Поэтому Манину историю рассказывает сам Георгий Вадимович:

«Эта веснушчатая кокер-спаниельша появилась у нас вопреки. Так вышло, что в 1968 году отцу и всей нашей семье удалось перебраться из коммуналки в собственную квартиру. Почти сразу в клубе взяли щенка – немецкую чепрачную овчарку. Назвали ее Чарли. Чарли прожил с нами 14 лет. После Чарли в семье о другой собаке и слышать никто не хотел. Но прошло время – и мы вновь завели овчарку. Теперь уже в доме на Моховой. Через 8 лет – опять потеря. Надо сказать, в тех условиях даже

думать о новой большой собаке не приходилось. А маленькую собачку я не хотел ни в какую. Представлял себя гуляющим с лохматым комочком под мышкой среди «каменных джунглей»... И вот однажды перед выходом с работы звоню домой, сообщая, что ждите, мол.

А мне и говорят, что ждут и еще как! Я сразу заподозрил неладное. Открываю дверь... а в квартире как раз такой – мохнатый и очень маленький – комочек. Разбираться было уже поздно, щенок остался, а утром мне и говорят, что, раз я весь из себя такой недовольный, щенка заберут туда, откуда принесли. А мне подумалось, что это совсем уж неправильно. Раз собака провела в доме ночь, значит, ей в этом доме и жить. Так оказалась у нас Маня. А было это в 1993 году. С ней мы и переехали в нынешнюю квартиру, на Гагаринской. Об этой квартире – отдельный сказ.

Это бывшая коммуналка в центре. Когда мы пришли ее смотреть, состояние квартиры было жутким. Мы бы так и закончили осмотр в коридоре, если б я вовремя не прошел вглубь и не посмотрел в окно дальней комнаты. А там – пейзаж детства. Дело в том, что в старой квартире, на набережной Невы, будучи совсем маленьким, я все пытался выглянуть в окошко и увидеть большой мир. В какой-то момент удалось положить подбородок на подоконник и – вот оно: Нева, а на том берегу – та самая «Аврора». Для меня этот пейзаж совершенно особенный. Так

все-таки – с интересом медицинского свойства. Сам же не стремится говорить о чужих бревнах, старается все больше о своих соломинках:

«Дворянское происхождение никто отменить не в силах. Большевики в свое время отменили сословия, но это формальная попытка изменить род людской. Другое дело, что не следует, наверное, кичиться своим дворянством, равно как и предавать его. Оно – данность. Есть – и все тут.

Дворянство давалось за службу. Поэтому весьма странно выглядят современные попытки создать новое дворянство из людей, к государственной службе никакого отношения не имеющих. Тут нет логики. Хотя я понимаю тех, кто чает вернуть внешние признаки потерянного прошлого. Одобрить не могу, но понимаю. Человеку в принципе свойственно прятать собственные комплексы в красивую обертку. Мол, так не заметят.

«Нельзя человеческую жизнь сводить к сугубо рациональным, хуже того, – утилитарным позициям. Мол, сохранять надо лишь то, что имеет сугубо прагматический смысл. Это путь к самоуничтожению человечества. Духовные смыслы геральдических знаков имеют огромную силу».

вот, гляжу я в окно этой заброшенной некогда квартиры и вижу: Нева, «Аврора»... все как в детстве, только угол зрения чуть другой. И мы согласились на этот вариант».

ДВОРЯНСТВО

Это в последние годы московский рынок «Черкизон» связывали с неким Тельманом. А в конце 80-х – начале 90-х тут сколачивал состояние человек с абсолютно славянскими именем-фамилией. Стартовал с физкультурно-оздоровительных услуг, потом пошли палатки и контейнеры. Вспомнилось о нем вот почему. Когда человек достиг коммерческих высот, к его фамилии загадочным образом присоединился княжеский титул. На полном серьезе. Он и на визитках писал – князь имярек. Такая вот получилась «светлость». Георгий Вадимович может слушать подобное с интересом неослабевающим, но

Из этой же серии вопрос о моем отношении к военно-историческим реконструкторам, движение которых становится все популярнее год от года. Почему-то думают, будто это отношение сугубо негативное. Ничуть. Я отношусь к тем, кто этим занимается, с уважением. Мне не нравится только одно: когда люди надевают на мундиры не заслуженные ими знаки отличия.

Под Петербургом, где-то в районе Мурманского шоссе, образовалась группа людей, вполне успешных и состоятельных, чьи интересы связаны с Императорским Его Величества конвоем. Они построили себе форму конвойцев, приобрели лошадей, макеты вооружения и уже несколько раз обращались с просьбами включить их в официальные мероприятия именно в качестве конвоя. Например, на вынос знамен в торжественных случаях. Обижать людей я не люблю. Но и согласиться с таким видением вопроса не могу. Как объяснишь, что государственная служба – не маскарад. Что это не только честь – носить красивый мундир, но и строгий спрос, дисциплина, ответственность. Правильнее все-таки сначала пойти на службу и, уже как следствие, носить соответствующий мундир. А со временем – и заслуженные ордена». 

ТАКАЯ РАБОТА, ЗЕМЕЛЯ

Три поколения
легионеров: такими
их нарисовал Евгений
Пономарев



ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ, ФОТО АВТОРА [МАРСЕЛЬ-ОБАНЬ-ПАРИЖ-МОСКВА]

Французский иностранный легион придумал в 1831 году король Луи-Филипп.

В марте того года он подписал указ о создании полка из иностранцев. С одной лишь целью: поскорее избавиться от них.

Тогда Париж наводнило слишком много чужеземцев без средств к существованию, но с боевым опытом и бунтарскими идеями.

Поводом для создания Легиона послужила очередная схватка за испанский трон: из-за династических связей, то есть по-родственному, Франция должна была поддержать королеву, однако Луи-Филиппу участвовать в чужих интригах не особо хотелось: хватало и своих. Тогда-то в умах парижских политиков родилась гениальная мысль: отправить на помощь дальним родственникам французские войска, которые были бы не совсем французские. Иностранцы. В отличие от наемников такой полк станет подразделением французской армии: просто в нем будут служить иностранцы под командованием французских офицеров.

Первый полк Легиона сформировали, разделив солдат по языкам: немцев к немцам, поляков к полякам и т.д. Вооружили и отправили воевать в Испанию. Там полк разгромили, но о нем никто не пожалел. Напротив, в Париже решили, что опыт удался. И сформировали новый полк, тоже Первый. В новом полку было приказано говорить исключительно по-французски. Вступить в него можно было под вымышленным именем: скрыться от полиции, кредиторов или неудачной любви. Так возник Французский иностранный легион.

Сегодня Легион считается самым элитным подразделением французских сухопутных войск. Служить в нем – высокая честь. Но попасть туда непросто. Даже журналисту. Мне потребовались полтора года переписки и личный предварительный визит в полк, чтобы получить приглашение.

«ОТЧИЙ ДОМ» ЛЕГИОНА

Городок Обань. «Отчий дом» Легиона. Кому-то Обань покажется скучной. Центральная площадь с кинотеатром, три кафе, извилистые улочки... Где находится Легион, здесь знает каждый. Есть даже такая

остановка. Сажусь в автобус: «Один билет до Легиона, силь ву пле. Сколько с меня?» – «Бесплатно!» Думаю, разыгрывает. На всякий случай осведомляюсь: «У вас власть в городе захватили социалисты?» В ответ араб-водитель хохочет: «Хуже. Коммунисты! Оттого и проезд теперь бесплатный!»

В Обани расквартирован Первый полк. Сейчас это не боевой полк, а административный: штаб, Музей Легиона, оркестр, редакция журнала «Белое Кепи» и архивы. До 1962 года «отчий дом» был в Алжире, в городке Сиди-Бель-Аббес. В октябре 1962-го Легион ушел из Алжира навсегда. Все, что было в Африке, в том числе памятник погибшим легионерам из Сиди-Бель-Аббеса, перевезли в Обань.

Расположение Первого полка чем-то напоминает санаторий на нашем юге: белые двухэтажные здания, кипарисы... Но вместо расслабленных отдыхающих – парни в белых кепи. При встрече они с шиком отдают друг другу честь. Если на голове нет кепи – хлопают ладонью по правой ляжке: здесь тоже «к пустой голове не прикладывают».

Современные легионеры делятся на две категории. Первые – те, кто использует Легион как трамплин в гражданскую жизнь, прагматики. Но их меньшинство. Обычно они уходят по истечении первого 5-летнего контракта. Или дезертируют. Бегут из Легиона не потому, что здесь издеваются или бьют, а потому, что разочаровываются в собственном выборе, не видят перспектив в своей работе. Дезертиру обратного хода нет: он лишается всех привилегий легионера. Никто их не ищет.

Вторые – те, кто считает Легион своей настоящей семьей. Таких большинство.

Получив отпуск, легионер не может взять билет и просто укатить домой. О поездке нужно предупредить начальство, особенно в первый раз. Но это – формальность. Препятствий чинить не станут. Главное – вернуться в срок. Наши всегда возвращаются, а вот «западники» для дезертирства используют свой отпуск. Просто: «не вернулся из отпуска».

«НА НАС ВСЕГДА ЕСТЬ СПРОС»

Легион не зазывает к себе. «Мы не занимаемся агитацией. За нас это делает сарафанное радио. Кандидатов много всегда, – рассказывает офицер по связям с общественностью майор Фредерик Дагийон. И смеется: – Наше предприятие не подвержено никаким кризисам – на нас всегда есть спрос».

Скамейка у КПП, где ждут своей очереди «призывники», редко бывает пустой. Те, кто на ней сидит, не похожи на будущих профессиональных солдат: обычные ребята. Длинноволосые и коротко стриженные. Только рюкзаки и волнение на лицах выдают свежих кандидатов. Средний возраст рекрута 23 года. После развала СССР в Легион пошел поток желающих из России и СНГ. Конкуренцию им составляли выходцы из стран Варшавского договора. Отказывали многим. В Легионе строгое правило: не должно быть преобладания представителей какой-то одной национальности. Это, кстати, отличает французский легион от испанского.

К субботней католической мессе ходят в основном новички. Даже убежденные атеисты. Это повод «сачкануть» от уборки казармы, наряда, чистки оружия. А вообще-то легионеры вне политики и вне религий. Их религия – Легион. Семь пунктов «Кодекса чести легионера» – их десять заповедей. Легион – большая семья. И отношение здесь между людьми как в нормальной семье, где младшие уважают старших, а старшие заботятся о младших. Старшие офицеры называют младших и простых легионеров *nos garçons* – «наши мальчишки». Известно, что в Сочельник вся Франция сидит



Когда майор Фредерик Дагийон говорит о своем Легионе, глаза у него загораются, как у влюбленного юноши



В старинной вилле на территории Дома инвалидов в Полубье расположен музей униформы Легиона

дома. В этот вечер семья должна собираться полностью – это традиция. Но только не для офицеров Легиона: Рождество они проводят в казарме, со своими «мальчишками». Как мне пояснил комбат-парашютист майор Морель, «жена офицера-легионера знает, что у ее мужа есть вторая семья – Легион. И не должна ревновать».

ПО ДОЛИНАМ И ПО ВЗГОРЬЯМ

Оркестр Легиона – один из старейших во французской армии: он возник вместе с созданием Легиона. Раньше оркестр был в каждом полку, сегодня – только в Первом. Легион дважды побывал в России – в Крымскую и Гражданскую войны. Оба раза крайне неудачно. Чего нельзя сказать о выступлениях оркестра Легиона в Санкт-Петербурге и Москве в последние годы.

Двухэтажная казарма с балконами. Над входом – кованый скрипичный ключ. Дежурный офицер начинает собирать на встречу моих «компатриотов». Для французского командования «русские» в Ле-

гионе – это выходцы из бывшего СССР. Кроме стран Балтии, разумеется. Это теперь тоже европейцы.

Сидим за огромным столом, покрытым зеленым сукном. В витрине – коллекция фуражек музыкантов со всего мира. Наконец все в сборе. В качестве «смотрящих» на встрече соотечественников присутствуют старший офицер-музыкант и майор Дагийон. На встрече говорим по-французски, а в личном общении легионеры мешают все известные им языки.

Солдаты из бывшего СССР служат под своими именами, общаются по-русски. Обычно только прибалты поначалу не хотят разговаривать на русском, но потом сдаются. С выходцами из бывшего соцлагеря общаются сначала по-французски, потом тоже переходят на русский... Только вот молодежь его уже совсем не знает: вытравили русский из обихода младоевропейские политики.

Все это я узнаю позже, а пока в воздухе повисло легкое напряжение... Оно несколько рассеивается после того, как находят мои «земели» – москвичи. 35-летний сержант-шеф (то есть старший сержант) Юрий Васильев в Легионе служит уже третий срок. Джазист Андрей Громов новобранец и пребывает в почетном звании легионера, то есть рядового. Андрей Прутков служил в Кремлевском оркестре... А капрал



ГАСТАРБАЙТЕРЫ В ПОГОНАХ

Сроки службы в Легионе у всех разные. Некоторые – в основном французы и «афрофранцузы» – застревают и на 25 лет. Среди наших таких ветеранов пока нет. Заработать французское гражданство не сложно: отслужи 5 лет и получи хорошую характеристику. И необязательно потом продлевать договор с Легионом. Получив французский паспорт, наши legionеры начинают подумывать о том, как обустроиться на «гражданке». Но большинство в итоге контракт продлевает. А потом еще раз... Почему? Почему вообще переходят из российской армии во французскую? Юрий ухмыляется: «Зачем вы спрашиваете? Вы же сами ответ знаете!»

Действительно знаю: здесь, в солдатской столовой, на десерт предлагают на выбор

{ В Обани расквартирован Первый полк. Сейчас это не боевой полк, а административный: штаб, Музей Легиона, оркестр, редакция журнала «Белое Кепи» и архивы. }

Андрей Коняхин – из Белгорода. Все прошли нашу армию, так что им есть с чем сравнивать свою новую службу. В отличие от российских военных оркестров музыканты в Легионе остаются солдатами. Их посылают в командировки: Джибути, Афганистан, Косово... Раз в полгода – месяц полевых учений. Говорим не о войне, а о Москве, о концертах военных оркестров, вспоминаем службу, смеемся и подкалываем друг друга... Солирует, как самый «бывалый», сержант-шеф Васильев. Музыканты рассказывают, что в Легионе любят петь. В первые месяцы службы это часть подготовки: с песней легче изучать иностранный язык. А потом поют для себя. Или вот, к примеру, «попот» – дружеская попойка, проводы в офицерском собрании товарища к новому месту службы или на «гражданку». Попот начинается не с речей, а с того, что офицеры встают и а капелла поют гимн Легиона. У каждого полка своя песня, а у многих подразделений в полку – свои. В «репертуаре» Легиона французские, немецкие и английские песни. Есть, разумеется, и русские: песня 4-го эскадрона Первого кавалерийского полка, сформированного из конницы армии Врангеля, – на мотив «По долинам и по взгорьям». Теперь это бронетанковый полк, а в песне поется не о степи, а о «блестящих» – каменистых районах пустыни Сахара.

пирожные или мороженое.

Мои собеседники, за исключением «первосрочника»-джазиста, уже успели получить французские паспорта. У многих родители в пенсионном возрасте, а значит, живут за счет детей.

Назвать legionера наемником – оскорбительно. Он служит не ради денег. Ради чего? Об этом здесь спрашивать не принято. У каждого свой резон.

По российскому законодательству, служба в иностранной армии до сих пор считается наемничеством и преследуется по закону. Этот, еще советский, закон никто не отменял. Спрашиваю своих собеседников, знают ли они об этом. Знают. Но пока домой пускают. В российском консульстве в Марселе взамен просроченных выдают новые паспорта. Консульские работники рассматривают legionеров как часть русской диаспоры на Юге Франции. Российские паспорта они предъявляют на российской границе. Вер-



Капрал
Евгений
Пономарев
рисует
не только
по приказу

В Легионе строгое правило: не должно быть преобладания представителей какой-то одной национальности. Это, кстати, отличает французский легион от испанского.

нувшись во Францию, в аэропорту Шарль Де Голль достают французский паспорт... В случае военного столкновения с НАТО поездка в командировку в Россию нашим легионерам не грозит: по правилам Легиона, в случае военного конфликта на родине легионера воевать его туда не отправят. И не потому, что бойцу не доверяет военная контрразведка. В Легионе считают, что такая «передислокация» может оскорбить национальные чувства солдата. Во всяком случае, такова официальная версия. На следующий день на КПП встречаю Андрея Коняхина с товарищем, но в гражданской одежде не узнаю его. Ребята едут на денек в Марсель: «Повалиться на пляже и прошвырнуться по магазинам...» С легионерской зарплатой особенно не разгуляешься: 1200 евро в месяц. Правда, на всем готовом, но ребята отсылают деньги домой, помогают родителям и младшим братьям-сес-

трам. На себя остается немного. Такие вот гастарбайтеры в погонах. Французы и легионеры из «цивилизованного сообщества» домой ничего не отсылают.

Легионеры служат везде, где у французов есть свой «интерес». На высокооплачиваемые командировки в горячие точки планеты выстраивается очередь.

Отслужив год, наши легионеры приглашают к себе в гости близких. Примерно так же, как наши матери ездят проведать сына в воинскую часть, родители едут к своему легионеру во Францию. Мамы и папы приезжают не в Обань и даже не в Марсель – а в Париж.

ДЕСАНТНИК С КИСТОЧКОЙ

В газетных киосках во Франции еженедельно появляются десятка полтора маленьких «энциклопедий»: небольших журналов по теме, к которым прилагается оловянный солдатик, модель автомобиля или самолета. Эти серии французы собирают годами. Нет, не подростки – взрослые. Есть такая серия и про Иностранную армию: история костюма, сражений, вооружения, судьбы людей, старинные фотографии... и в каждом выпуске – бравый оловянный солдатик. Издательство Hachette выпустило уже сотню номеров совместно с Музеем Иностранного легиона. Я поинтересовался: кто же художник? Оказалось, русский. Евгений Пономарев.

...С того дня прошел год. Дневальный по магазину при Музее Иностранного легиона Владимир Козодий с Украины спрашивает меня: «Вы нашего художника Пономарева знаете?» Отвечаю, что работы его знаю, а его самого – нет. «Да, Женька наш – пример того, как Легион дает человеку второй

шанс в жизни, – говорит Козодий. – Дали ему возможность не только с парашютом сигать, но и рисовать: вот и вышел из него художник».

Евгения я представлял человеком невысокого роста, сухощавым, с тонкими пальцами. Нервным. Если и годным к службе вообще, то только к нестроевой. Такими мне запомнились художники в нашей армии в годы моей службы. Навстречу мне из-за стола поднялся голубоглазый здоровяк под два метра ростом, с остриженными под «бокс» пшеничными волосами. Настоящая «десантура»! Не хватает только тельника и голубого берета. Но на этом парубке – камуфляж французский. И белое кепи на столе. «Десант» широко улыбнулся: «Здравствуйте! Солдатское радио уже передало, что приехал корреспондент из Москвы...»

что я все время рисую. Критиковал меня. Судил строго. Да я и теперь ему работы посылаю: на критику».

Пономарев признается: «Хотелось бы сделать выставку, но для этого нужно 10–15 картин. Мне нравится делать серьезные вещи, но пока больше оформительская работа. Карандаш, масло, гуашь, пастель... чем прикажут, тем и сделаю. В армии все жестче. Если на «гражданке» можно дискутировать, дескать, «не успеваем», то здесь дали

приказ. Я ж не буду спрашивать: «Мон Командан! А у вас художественное образование есть? Ах, нет! А тогда чего же вы тут рулите?» Иногда работать приходится в выходные, но я знаю, что это нужно, и потом, я всегда получу свободные дни, когда мне понадобится».

«ЖАРДИНАЖ», FAMAS И «КАЛАШ»

Евгению 30 лет. Десять из них служит в Легионе. А до этого отслужил в десантном полку в Кубинке, вернулся к родителям в Минводы. Кто-то из товарищей пошел в ОМОН, другие – в охранники. Евгений – на стройку. Пахал много, получал мало. И вдруг вспомнил, что во время «дембельского аккорда», когда рисовал 10 стенгазет вперед своему замполиту, полк участвовал в совместных учениях с французами. Тогда ребята и притащили брошюрку про Иностранную легион. Подумал, занял денег и купил тур на Юг Франции. Туристические планы сына отцу не понравились, а отца Евгений слушается, советуется с ним. А тут, может быть первый раз в жизни, не послушал. Предупредил домашних: если не позвонит, значит, все нормально. Уехал. Позвонил через несколько дней: ему не отказали, а просто попросили приехать через несколько месяцев – сейчас перебор «славян». Вернулся. Снова пошел на стройку. Заработал деньги, раздал долги. Опять занял денег и уехал. И пропал. Позвонил только четыре месяца спустя. Взяли! Служит во Втором парашютном. На Корсике.

«У нас в РЕПе (REP – Regiment Etrangere Parashutiste – Парашютно-десантный полк Иностранного легиона. – Прим. авт.) было 70 процентов русскоговорящих. Там французам легче было выучить русский, чем нам – французский. От того и говорим плохо по-французски», – вспоминает Евгений свой первый срок службы. Был в командировках в Гвиане, Габоне, Новой Каледонии и в Косово. Везде по четыре месяца. «В Косово патрулировали. НАТО ничего не делало, а мы в бронежилетах ходили – народ пугали. Но сербы действительно к русским хорошо относятся, про остальных не знаю... Мне везде интересно. В Новой Каледонии здорово было: на выходные можно поплавать с аквалангом, туристов много. Габон – ничего хорошего. Не боевая операция это была, так, «презанс» – присутствие французских войск».

К доске рабочего стола прикреплен эскиз Репина – любимого художника Евгения. В столе – книги по живописи. Ни одной французской. Он поясняет: «Музыканты, художники... В России школы сильнее. А реалистическая – особенно. Это все здесь признают... Я-то сам больше по реализму. Когда маленькая картинка и целый список разъяснений, что хотел сказать художник, – это смешно! Может, конечно, в Сальвадоре Дали и есть что-то, но мне больше по душе реализм... Я, конечно, по рабоче-крестьянски рассуждаю, как мой батя-полиграфист. Это он меня в школу рисования в детстве отвел, когда увидел,



Гренадер
Иностранного
легиона в 1832
году в летней
форме
во время
завоевания
Алжира.
Рисунок
Евгения
Пономарева

ИЗВЕСТНО, КОГДА ВОЙНА

В Легионе, как и во всей французской армии, наказывают как у нас: не виновника, а всех сразу, то есть коллективно. Правда, в нашей потом, когда офицеры уходят домой, провинившегося «залетчика» воспитывают «в сушилке». «Не нравится мне эта система», – говорит Евгений.

Служба у десантников здесь иная: всем заранее известно, когда будет война. Не бывает, чтобы кто-нибудь ворвался ночью в казарму и заорал:

«Рота подъем! Строится на плацу! Боевой вылет!» Подобное устраивают изредка на учениях, да и то больше для молодежи.

О боевой готовности «номер один» подразделения предупреждают за три дня, минимум за сутки. Есть время собраться и ничего не забыть. Известно, в какой точке мира предстоит работа, а значит, что брать с собой – плавки или теплую шапку.

Демонстрация удали и прочая показуха в Легионе не в чести. Во-первых, вряд ли они пригодятся в современной войне. А во-вторых, у всех – «асюранс», то есть страховка, и никому неохота оплачивать лишний раз лечение травм, полученных на тренировках. Лучше заняться плаванием, бегом, ходить в тренажерный зал. Но если кто хочет заняться «боевыми искусствами», то есть секция. Свое умение legionеры демонстрируют на праздниках. «Драка всякая, кульбиты, народу нравится, да и начальство довольно», – говорит Евгений. Но сам считает, что солдату нужно знать приемы рукопашного боя, хотя лбом кирпичи ломать все-таки не стоит.

По мнению русского legionера, современному солдату нужны не только отличная физическая подготовка, но и мозги. Тесты на интеллект, которые проходят рекруты при отборе, не всегда помогают. «Разные сюда служить приходят. Вся Восточная Европа физически лучше смотрится на фоне всей этой западной... ерунды. Тут один итальянец пришел, его взяли. И сразу, как принято, мобильный отобрали. Так он вопить начал: а как я маме позвоню? Ты же в армию пришел, мужик, к тому же добровольно. Вот курс подготовки пройдешь и через четыре месяца позвонишь... Раньше, говорят, вообще сурово было – до пяти лет контакты с внешним миром ограничивали».

Художник не пьет и не курит, ходит в спортзал, рисует, читает. Записался в гражданский тир: захотелось пострелять из «ковбойского» кольта с дымным порохом... Отдыхать едет домой – в Тверь. Там учился в Полиграфическом, там остались друзья и родственники.

Нет, это не приказ к выступлению, просто у лейтенанта появился новый телефонный аппарат – как тут не поделиться радостью с товарищами по службе

От живописи – к оружию. Евгений признается, что французская винтовка FAMAS ему не нравится: «Я больше к классике привержен, реализму. Во всем, в том числе и в оружии. Мне «калашников» нравится – вот классическая форма! FAMAS на сошки поставь – точно стреляет, особенно в тире. Но условия-то войны меняются. Допустим, в Чечне FAMAS вообще стрелять бы перестал. Там такие условия были. Грязь, сырость, все ржавое, а «калаш» работает. Уж больно этот FAMAS для меня нежный, что ли... Как рукопашный бой-то с ним вести? У них есть какие-то приемы для этого, но выглядит все это нелепо, смешно. За что ее держать-то, когда дело до драки дойдет?»

Спрашиваю, хорошо ли быть французом? «Можешь вояжировать. Стольких проблем избегаешь! Все в очереди стоят, а ты раз – прошел. Где виза, спрашивают. А ты второй паспорт показал и вперед. Свобода передвижения!»

Интересно, что делают на гауптвахте Иностранного легиона? «Могут дней семь дать. Будете там «жардинажем» заниматься: кусты резать. Нет, это не советская губа... Но могут и выгнать, особенно если до проступка были трения с командованием».





Памятник
погибшим
легионерам
на плацу
в Обани.
Каждый год
30 апреля
здесь
проходят
празднования
очередной
годовщины
битвы в
Камероне
(Мексика)

{ Сегодня Легион считается самым элитным подразделением французских сухопутных войск. Служить в нем – высокая честь. Но попасть туда непросто. }

В Легионе отношения со всеми хорошие, но не близкие. И так у всех «славян». Друзей среди французов у него нет. Что мешает? Характер французов и стереотип отношения к русским: «У них свои интересы, у нас – свои. Работать вместе можем, а чтоб дружить... Слишком уж мы разные».

В КОНЦЕ ПУТИ

Майор Дагийон ведет казенный «рено», как танкист: лихо и уверенно. Девятнадцать лет он отслужил в бронетанковых войсках и счастлив, что перевелся в Легион. Еще поворот, и мы на месте, в «Доме легионера» – доме ветеранов.

Дом открылся в 1933 году. Марсель тогда наводнили «бомжи с орденами» – ненужные Франции легионеры-ветераны. Они уцелели во всех битвах, но у них не было ни денег, ни семьи, ни дома.

Старые солдаты подышали на пристанях Марселя. Узнав об этом, командующий Легионом генерал Ролле стал хлопотать о приюте для ветеранов. И добился своего: правительство купило 4 гектара земли в живописной долине и построило этот странноприимный дом. В нем 70 отдельных комнат. Клуб. Прачечная. Бар. Медпункт. Столовая. Магазинчик.

Поселиться здесь может всякий, кто служил в Легионе. Для этого нужно лишь представить свою служебную характеристику, которую каждый легионер получает перед увольнением. Паспорт. Если у ветерана-иностранца нет вида на жительство во Франции, его сделают тут, на месте. И еще нужно платить 650 евро в месяц. И жить на всем готовом. У кого нет таких денег, отправляются в бесплатный Дом инвалидов, что неподалеку. Кто еще может, тот работает на виноградниках и в мастерских.

В «Доме легионера» доживают свой век в приятной компании близких по духу людей. Среди тех, кому всегда можно сказать: «А помнишь?..» Умирать старые легионеры тоже предпочитают здесь. Недавно ушел из жизни один старик. У него был рак на последней стадии. Ложиться в больницу он отказался. Сказал, что хочет умереть среди своих. Начальник приюта, старик-полковник в отставке, держал его руку до последнего вздоха умирающего товарища.

Русских легионеров эпохи лихолетья в этом доме призрения пока нет. Они еще слишком молоды. 



ЧТОБЫ ЖИТЬ КУЛЬТУРНО...

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО

Много чудачков в российской глубинке. Каждый – со своей сумасбродной мечтой, для реализации которой им не жалко сил и уходящих лет. Они с улыбкой встречают непонимание родных, соседей, властей. Вот, например, 75-летний Леонид Мулярчик уже 20 лет как строит метро в городке Лебедяни Липецкой области... «чтобы жить, как в Москве, – культурно».

Чудить Леонид начал с юности. В 12 лет «техническая жилка» проявилась в том, что он сконструировал небольшую подводную лодку из будильника. Но неправильно настроенные рули утянули изобретение под весенний лед пруда. За будильник мальчику здорово попало от родителей, что отбило охоту к изобретениям аж до самой пенсии.

В 16 лет юноша совершил подвиг ради возлюбленной, жившей в Москве. Так случилось, что Леонид, приехавший к родителям на лето, сильно захотел девушку снова увидеть, а десяти рублей на железнодорожный билет не нашлось. Он сел на велосипед и поехал на свидание из Лебедяни в Москву, затем обратно, преодолев порядка 846 км за 58 часов. «В дороге питался яблоками, – вспоминает Леонид. – Однажды совсем обессилел от голода. Вижу – индюшки бегают. Одну задавил. Заехал за деревню, а там снопы стоят, тогда еще снопы вязали. Пощипал индюшку, зажег сноп – у меня получились и мясо, и хлеб. Вот и все продовольствие». Ночевал у добрых людей. Кто медом угостит, а кто и махотку (кувшин) молока с хлебом поднесет». Роман с девушкой в итоге не сложился...

дять по Дону местная администрация не разрешила: глубина реки всего три метра, да и некоторые технические характеристики вызвали сомнения. Леонид не отчаялся и переквалифицировал корабль в паром. Натянул между берегами Дона трос и, отталкиваясь палкой от дна, сам работал на переправе, взявая по рублю с пассажиров, пока трос не украли. Проект оказался не только убыточным, но и на редкость скучным – пришлось Мулярчику смастерить

колесный буксир (с ходовым мотором – нельзя). Ведь на буксире уже было можно таскать корабль по реке вниз и вверх по течению, что существенно меняло дело. Когда же корабль стоял на приколе, владелец позволял молодежи устраивать на нем вечеринки, нырять – за три рубля с персоны. Но и этот бизнес-проект провалился. Как только ребяташки завидят хозяина – попрыгают в воду и наутек. От самовольной погрузки на палубы не спасала даже натянутая колючая проволока. Помогать собирать мзду охотников не нашлось. А транспортный налог тем временем капал – 6 тысяч в месяц. Для российского пенсионера, даже романтически настроенного, это слишком.

Так что корабль был продан по цене металлолома за 65 тысяч рублей – хотя нет, это металлолом стоил 65 тысяч, а сторговались за 50 тысяч, на которые изобретатель купил белую «ниву». Верхнюю палубу

Довольно долго еще жизнь Леонида Мулярчика не предвещала ничего экстраординарного. Окончил семь классов школы, железнодорожный техникум. Правда, хотел поступать в Литинститут и даже на творческий конкурс написал трилогию «про жуликов» на 80 тонких тетрадях. Но рецензия была неутешительной: «Ваше творчество направлено не в ту сторону». После техникума работал диспетчером ярославского торфопредприятия, ездил на целину, отслужил в морфлоте, вернулся на родину и всю трудовую жизнь, с 1958 по 1986 год, состоял заливщиком на местном машзаводе. Жизнь в родительском доме на берегу действительно тихого Дона текла легко и непринужденно до тех пор, пока в один прекрасный день Леонид не сконструировал из обычных листов железа трактор. Этот шаг был судьбоносным: трактор пробудил в человеке тоску по чудесам. Мулярчик забросил огород и семью, а семейный бюджет пускал на скупку металла. Один за другим стали появляться на свет технические шедевры. Оп! Авторская моторная лодка. Непотопляемая, со специально разработанными конструкциями на бортах. Оп! Двухпалубный корабль пяти с половиной метров в высоту. Невиданному чудовищу хо-





{ Однажды Леонид Мулярчик сконструировал из обычных листов железа трактор. Этот шаг был судьбоносным: трактор пробудил в человеке тоску по чудесам. }

корабля пришлось срезать, она не проходила ни под одним мостом, груда «лишнего» железа лежит на берегу до сих пор. Леонид давно мечтает переплавить ее на очередное чудо техники, но не может, так как она принадлежит хозяевам корабля. Все собирается изобретатель им позвонить, попросить подарить, да стесняется...

К тому моменту, когда Мулярчик поставил в сарай самодельный подъемный кран и бетономешалку собственной конструкции, в голове изобретателя-самородка начала вызревать идея метро. Днем и ночью Леонид думал о ней, беседовал с другом-гидрогеологом и как-то упустил момент, когда из дома ушла жена (разделила дом и огород пополам), народились внуки и правнуки. Зато хорошо помнит тот солнечный день, когда «сожительница» из села Ракитино похвалила очередную железяку и подарила еще пару листов железа.

ПОТОПЛЕНИЕ «АТЛАНТИДЫ»

В 1989 году Леонид Мулярчик взял лопату, пошел в огород и начал рыть глубокую яму – вход в тоннель лебедянского метро общей протяженностью 400 метров. Ветка метро в его мечтах должна соединить деревянные дома с железнодорожным вокзалом через консервный завод. Сейчас, чтобы пройти за линию в центр города, жители вынуждены делать большой крюк, а в действительности ежедневно просто пролезают под вагонами. Мотивация проектировщика и исполнителя в одном лице довольно эксцентрична: хочется жить как в Москве. Идея, понимал он, настолько сумасшедшая, что озвучить ее перед соседями и

администрацией не решался. Не поймут. И пошел в обход: решил основать кооператив «Радость», который якобы не метро строил, а многофункциональный водопроводно-канализационный коллектор. То есть в подземных тоннелях помимо рельсов и индивидуального входа в метро из каждого дома Мулярчик собирался провести водопровод, канализацию, электричество, поставить индивидуальный

минает Леонид. – Заметьте, это, получается, еще ближе к соседке, вообще в пяти метрах от нее. Я отвечаю: «Вы с ума сошли! Как же я уголь буду возить?» В общем, котельную тоже пришлось спустить в тоннель, но оставалась еще проблема – куда девать дым? Трубу ведь мне тоже не разрешали на улице ставить. Значит, я дым от котельной пустил в трубу на крыше своего дома.хлопот было много. Зато благодаря тому, что тяга мощная – высота 12 м! – там все настолько сильно горит, что иногда приходится песком засыпать».

Так прошло 20 лет. Мы поехали в Лебедянь посмотреть, как идут дела у Леонида.

пожарный гидрант. Идея была актуальной: ведь на момент начала строительства в микрорайоне не было элементарных бытовых удобств (спустя десятилетие жители провели их за свой счет, не дождавшись, пока их осчастливит Мулярчик). Однако с самого начала «Радость» была обречена, ее даже регистрировать не хотели. Сам энтузиаст объяснял трудности пересечением интересов: мол, власти иначе видели, кто, как и почему принесет людям комфорт. Но сдаваться Леонид и не подумал. Он напечатал «прокламации», поехал в Москву к Белому дому и два часа вручал их утром идущим на работу чиновникам. В листовках он жаловался на то, что лебедянская администрация отказывает ему в самостоятельном благоустройстве дома. Наконец кто-то ему сочувственно сказал: «Дед, поезжай домой, разберемся». Кооператив зарегистрировали, но добро на строительство метро не дали. Тогда Леонид попробовал зарегистрировать партию «Атлантида» – по его представлениям, «кузницу кадров для кооператива». Удалось завербовать 166 членов. Мулярчику грезилось, что «Атлантиде» с большей охотой будут выдавать необходимые для строительства метро разрешения. В программе партии было написано, что «Атлантида» собирается бороться за то, чтобы люди жили в приемлемых бытовых условиях. Ничего другого в голову не пришло, потому что бороться за власть горе-политик даже не помышлял и слабо представлял, чем политика отличается от экономики. В общем, партия не была создана, так как в ее основе справедливо углядели хозяйственную деятельность. А соратники разбежались, поскольку не были готовы к тому, что труд будет оплачен после того, как метро начнет приносить деньги. «Видимо, для такой работы в человеке должно быть что-то еще», – сказал он себе и с головой ушел под землю.

Чтобы домашнее отопление сделать бесплатным, он помимо угля в самодельную котельную кладет на обжиг известняк – камни, подобранные тут же, у реки. Когда уголь прогорает, известняк уже подоспел, остается только погасить его водой – и можно продавать востребованный стройматериал. А на эти деньги снова закупать уголь. В тоннелях метро температура ниже пяти градусов не опускается, так что там он по краям дорожки зимой выращивает капусту и тюльпаны – «для экзотики, женщинам дарить, не на продажу».

Соседи также способствовали развитию технической мысли Леонида. Он долго бегал по инстанциям согласовывать строительство котельной. Тогда она проектировалась на улице. Соседка в письменной форме выразила категорическое несогласие с идеей, опасаясь дыма. «СЭС мне сказала: котельную можешь поставить только у себя в огороде, – вспо-

МЕТРО

Теперь город Лебедянь, утопающий в лебедях в верховьях Дона, известен больше как местоположение крупнейшего в Восточной Европе завода по производству соков. Хотя каждый, кто читал «Записки охотника» И.С. Тургенева, может помнить, что здесь проходили знаменитые конские ярмарки. На окраине Лебедяни, куда не каждый трактор проезжает по распутице, и живет Леонид Мулярчик. Его дом угадать легко. Надо ли упоминать, что все далее перечисленное – рукотворные детища Леонида, включая сам дом? Внизу у реки – металлические лавочки (деревянные ломают) и пристань, ограничители для





машин (чтобы не заезжали на место для купания), трансформаторная будка (с трехфазным током, 380 В), на воду спущен буксир. Кстати, соседка Леонида регулярно жалуется администрации на шум, поэтому изобретатель чаще всего работает под землей в специально вырытой мастерской. Спустится вниз, поколдует – и вытаскивает на поверхность очередной железный шедевр. Есть еще ларек, к нему ведет лестница – ее строительство согласовывалось более двух лет. На ступеньках лестницы уже стерлась реклама товаров: «шоколад, бульон магги, супы б/п, жев. резинка, чупа-чупсы...» Ларек Мулярчик не открыл и не откроет, потому что тот построен под электропроводами: горе-бизнесмен не

знал действующих норм во время строительства. Так что торгует мастер опять же из-под земли. Оттуда же через веб-камеру следит за порядком. Тут же, у неоткрытого ларька, подвешен громоздкий ящик, в нем планируется установить телевизор для привлечения покупателей. Неподалеку от дома – самодельный кран, лодка, трактор. В огороде – сарай метров десять в высоту, демонстративно построенный во времена, когда соседка пыталась отвоевать у Мулярчика часть земли под предлогом, что тот на ней ничего не строит, не сажает. Сад

на 20 сотках зарос, осыпаются яблоки, картошка не окучена – впрочем, больше ничего съедобного здесь не растет.

Неприглядная серая дверь в доме Леонида Мулярчика и есть вход в магистральный тоннель уже знаменитого метро, на которое, к слову, получены практически все необходимые документы. По тоннелю в скором будущем пойдут автоматизированные четырехместные вагонетки с местными жителями и туристами. Нажал кнопку – вагонетка поехала,

нажал – остановилась. Потолки высотой чуть более двух метров и стены оштукатурены известняком. Есть довольно «узкие» места, полтора метра в высоту, а в среднем глубина залегания метро – семь метров. Специальная экспертная комиссия заключила, что сооружение уверенно выдержит сверху вес 64-тонного грузовика. «Приехали из института, – рассказывает про приезд комиссии Мулярчик, – спрашивают, почему получается так прочно. Я говорю: «Потому что я сам у себя цемент не воровал, сколько положено, столько и клал. Никаких утечек».

Однако же срок годности сооружения ограничили 30 годами. Через 30 лет укрепление стен нужно будет менять, то есть начинать все сначала. Сразу за входом – просторный для лебедянского метро зал шириной в два метра, длиной – в восемь. «Это помещение задумывалось для пожарной службы, – начинает экскурсию творец-создатель. – Но когда я понял, что мне никто не желает помогать, а своих средств не хватит, я лет 10–15 назад хотел сделать здесь кафе-бар, покрасил стены. Вот тут бы стояли столики, а в соседнем зале – танцевали бы. Администрация мне на словах разрешила, а на бумаге отказала. Видите, теперь уже тут все оползло, ведь даже летом температура не поднимается выше 14 градусов». Из магистрального тоннеля длиной 60 метров идет ответвление – технический тоннель. Здесь расположена насосная



{ Ветка метро в мечтах Леонида должна была соединить деревянные дома с железнодорожным вокзалом через консервный завод: хотелось жить как в Москве. }

станция, которая качает в дом Мулярчика артезианскую воду из скважины, расположенной на глубине 70 метров. Напор такой, что при желании можно дать вверх струю высотой в полтора километра. Прицепленные герконы на трубе включают и выключают насос автоматически. Все под сигнализацией. «Я один раз у соседей попробовал воду из общего водопровода, у меня расстроился живот, больше не буду пить из труб никогда, – говорит Мулярчик. – У меня родниковая вода. Но я боюсь, что ее рано или поздно заразят. У нас тут все «культурные», выкапывают ямы, не бетонируют их ничем, туда сливают все, что у них есть. Когда-то эта гадость должна просочиться в родники? Сколько я уже говорю: надо канализацию нормальную сделать, яму хорошую. Никто не хочет работать, ждут, когда принесут на блюде».

В трех метрах – малая котельная, рассчитанная на обогрев четырех домов. В перспективе Леонид планирует построить котельную на 20 домов – «на весь околотов», помещение для нее уже готово. Из котельной можно по лестнице войти прямо в дом. Неподалеку – электростанция и мастерская. Другое ответвление от магистрального тоннеля ведет к электрифицированной эстакаде, созданной для подъема тележки с грунтом на поверхность. Эстакада ведет прямо в гараж. Везде проведено рабочее (12 В) и постоянное (220 В) электричество. Свет может включаться из тоннеля, а может – прямо из дома. В конце магистрального тоннеля виднеется забой. Общая длина метро сейчас примерно 200 метров. «У меня нет ни выходных, ни праздников, – продолжает Леонид. – И в субботу, и в Новый год могу идти копать. В моем возрасте иначе ценишь дни. Вот повесил ящик под телевизор и смотрел на него два часа. А когда вхожу в метро, думаю: жалко, что построил его таким низеньким. Неохота теперь ходить согнувшись. Как проходит мой обычный вечер? Нароботаюсь, лягу, семечки на пузо возьму и грызу, телевизор смотрю».



НУЖЕН МИЛЛИОН – ТОЛЬКО И ВСЕГО

Поразительно: метро построено без схем и чертежей. Все – в голове мастера. Хотя были у Мулярчика два консультанта, геолог и начальник пожарной службы. Но большую часть знаний мастер добывал сам, из учебников. Причем активная работа, непосредственно копание, заняла у пенсионера не более двух лет. Остальные 18 он боролся с дефолтами, соседями и властями. В процессе выработалась и технология. Например, никак нельзя забывать про температурные воздействия – для этого и оставляют незабетонированные участки. Ведь тоннель нагревается, охлаждается, и, если свод сделать монолитным, он однажды просто лопнет, раздавит сам себя.

«Грунт потверже долблю кайлом, – Леонид показывает мастер-класс. – Лопатой – когда грунт помягче. Потом грузу совковой лопатой в тележку. Так за день прохожу метр. Чтобы сверху ничего не обвалилось на голову, через 20 сантиметров ставлю аркообразную металли-

ческую распорку – проходческий щит. Когда прошел метр – бетонирую, на что уходит еще два дня. За щит пихаю дощечки и белый силикатный кирпич, все выше, и выше, и выше. И так от пола по потолку – и снова до пола по противоположной стороне. Затем заливаю в щели бетон. Ширина стены получается 15 сантиметров. За месяц прохожу максимум 10 метров». Дело иногда идет медленнее по финансовым причинам: Леонид может выделить на проект... 3 тысячи рублей в месяц, сэкономленные с пенсии, – «я привык скромно жить». При этом он, невзирая на печальный опыт с зарабатыванием денег изобретениями, продолжает искать коммерческие ходы: «Мне нужно где-то взять миллион рублей, только и всего, – говорит он. – Тогда бы я пустил

метро через три месяца. Купил бы сразу цемент, бетон, кирпич и людям заплатил за работу. Если сделать красивый вестибюль – тогда понадобится не более двух миллионов. Я уже пытался их достать. Как-то однажды заказал товар через один журнал, какой-то дайджест. Им понравилось это, стали писать мне письма. На одно я ответил. Написал про свое метро и

предложил сделку. Пусть они мне дадут миллион, а я за это им буду первым давать всю информацию о стройке, тираж от этого поднимется. Мое предложение актуально для всех СМИ. А потом, когда первая вагонетка поедет, тогда будет и шоу, и деньги пойдут, и будем работать на самоокупаемости».

Инструмент Мулярчик менял всего один раз, когда штыковая лопата сточилась наполовину. Но копать в этом деле не самое сложное. Главная проблема – выносить грунт на поверхность. Еще год назад Леонид просто грузил тележку и через эстакаду вез эти 300 килограммов. Получалось быстрее, эффективнее, но сейчас он предпочитает лебедкой поднимать металлическую емкость – «бадейку». За день, таким образом, для прохождения одного метра тоннеля нужно либо вывезти 11 тележек, либо поднять 33 «бадейки».

«Мне очень нравится копать под землей, очень даже, – откровенничает метростроевец-самоучка. – Копание – простая работа. Но голова-то есть, она начинает работать, выдумывать всякую

самолет без двигателя с педалями, 10 метров – размах крыльев плюс 6–7 метров сам. В самолете сидит человек. Чтобы он поднялся в воздух, ему нужна скорость, скажем, 25–30 км/ч. С палубы по желобам самолет скатывается к воде, то есть ускоряется, человек крутит педали и взмывает в небо – и летит, летит! Над кораблем. Никаких веревки и страховки. Потом прекращает крутить педали – и тихо опускается обратно на корабль. Мы не берем в расчет порывы ветра, отклонения от курса вправо-влево или несоответствие скорости с кораблем, потому что никто не собирается летать в сильный ветер или сажать на самолет дурачков. Первым я сам хочу полететь. Думаю, у меня хватит сил минут на десять».

В городе Леонид – человек известный, однако никакой пользы ему это не приносит. Время от времени наве-

«Каждое изобретение должно дойти до людей. И меня печалит, что не хватает сил, денег и времени сделать все, что хочу. Слишком много задумок на одного человека».

чепуху: как, например, человеку полететь, используя только мускульную силу? Профессора говорят, что у человека недостаточно сил, чтобы летать. А мое мнение другое. Надо только сделать машину, которая эту силу будет отбирать на 100 процентов. Оговорюсь, это не мое изобретение, но его забыли. Какое – пока не скажу, а то украдут идею».

ВЗМЫВАЕТ В НЕБО!

Самолет этот действительно существует – причем не только в голове лебедянского Леонардо да Винчи (автора махолета), но и в чертежах. Леонид возил свои расчеты в Московский авиационный институт, где ему кто-то из профессоров посоветовал увеличить прочность, ведь конструкция очень легкая – из пенопласта. Чертежи делались по книгам. Полет, уверен изобретатель, будет выглядеть так: «Плывет по нашему Дону в тихую безветренную погоду корабль – такой же, какой я продал, только с верхней палубой. На верхней палубе стоит

дывается милиция проверять чеки на металл для очередной технической новинки. Да мало ли сюда ездит проверок! Вот недавно нарколог и психиатр отказались продлевать ему водительские права – говорят, после 75 лет нечего за руль садиться. А как без «нивы» построить метро?! Если остановят работу, думает Леонид, придется заниматься посильным пенсионным спортом: носить каждый день лопатой песок из одной кучи в другую, чтобы не одряхлеть. Такое обещание он себе дал еще в детстве, когда занимался плаванием в Доме юных пионеров. Труд, конечно, бессмысленный, зато укрепляющий. Но по-настоящему Мулярчика печалит то, что возраст дает-таки о себе знать: работа идет медленнее и тяжелее. Но просто уму непостижимо, как все это мог построить один человек, причем на пенсии и на пенсию. «Такая история, как у меня, могла случиться в любой стране, – философствует лебедянский Кулибин. – Вот, например, калькулятор изобрел простой американец. И он долго не мог найти всего-то 10 тысяч долларов, чтобы открыть производство, но нашел, открыл и разбогател. Но это я не к тому, что в США хочу. По путевкам ездят бездельники, мне необязательно. А к тому, что каждое изобретение должно дойти до людей. И меня печалит, что не хватает сил, денег и времени сделать все, что хочу. Слишком много задумок на одного человека».

ШЕСТЬДЕСЯТ ТРИ СТРОКИ

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО

Ветеран из деревни Картлей, что в Мордовии, на собственные средства, скопленные за всю трудовую жизнь, установил мемориал 63 своим землякам, павшим на полях сражений Великой Отечественной войны.

...Д

ома Татьяну Николаевну отец встретил горькими упреками: «Люди смеяться будут!» И твердил он это чуть ли не до полуночи. Так что она и

впрямь засомневалась: а вдруг действительно – смеяться будут?

А ведь Татьяна Николаевна весь вечер вместе с соседкой Надеждой Степановной Кузнецовой обходила дворы маленькой деревни Картлей, приглашая людей прийти завтра на кладбище. И ведь все согласились, никто не отказался! Так что отступать было некуда.

Еще днем она и брат отца, Иван Михайлович, выкосили траву в требуемом месте, подновили мостик на кладбище, израсходовав припасенный для ремонта собственного забора запас досок... Вечером напекла с соседками три большие горки блинов и разлила по банкам квас.

В полдень назначенного дня Татьяна Николаевна расположилась на скамейке у кладбища. Отец в парадном костюме с медалями сидел рядом и продолжал сокрушаться: «Люди ж смеяться будут! Поставили бы тайком». Тропинка, ведущая к кладбищу, все пустовала, и Татья-



«Каждая картошинка – удар Гитлеру по голове». Сейчас Николай Михайлович вспоминает эти слова со смехом.

Раз в неделю картлейским ребятам было велено ходить в соседнее село Латышовка, где инвалид-татарин готовил их к службе: гонял по снегу, учил шагать, окапываться и ползать. Роль винтовки выполняла простая палка. Толку от его учения была одна видимость, но никто занятия не пропускал, поскольку о важности даже такой военной науки писали отцы с фронта.

Отец у Николая Дыренкова ушел на фронт в мае 1942 года, был под Сталинградом, домой вернулся в декабре 1943-го из-за ранения в ногу. Ничего о войне не рассказывал. О том, что Николая, родившегося в 1926-м, заберут на фронт, мать знала и заранее сушила сухари, которые складывала в мешочек. Так в Картлее было заведено еще с Русско-японской и Первой мировой. Отец был недоволен: как и все мальчишки в Картлее, Николай бросил школу. «Все равно на фронт заберут и убьют», – сказал он весело отцу, который хотел было отвесить ему затрещину, но, заметив слезы на глазах матери, отвернулся и ушел курить на крыльцо.

Война. Вслух это слово в Картлее старались не произносить. Не говорили о вой-

Под этой старой деревянной рамкой, которые часто встречаются в русских избах, собраны фотографии из разных эпох жизни Николая Михайловича Дыренкова. Родители, сестры, жена. В центре он сам. В 1945 году ему было 19 лет

на Николаевна, уже почти испугавшись, готова была согласиться с отцом...

Первой появилась Валентина Андреевна Кошкина. Тихо шла по тропинке, крестилась, утирала слезы. Расцеловала Татьяну Николаевну, обнялась с отцом. Затем пришла Александра Андреевна Сушкова. И снова слезы, поцелуи, объятия. Народ стал потихоньку собираться, и у Татьяны Николаевны отлегло от сердца.

Все пришли нарядные – как на праздник. Плакали. Привезли на машинах даже обезноженных стариков, которые давно не покидали свои дома. Пришли дачники. Людей собралось много. «Вот видишь, папа, не смеются, а плачут!» – прошептала Татьяна Николаевна. Николай Михайлович тяжело оперся на палку и поднялся со скамейки. Люди примолкли.

...На кладбище, на том бесхозном месте, где раньше росла только трава, теперь красовался высокий памятник из черного полированного гранита с надписью: «Вечная слава участникам Великой Отечественной войны». На его левой стороне изображен православный крест, на правой – орден Отечественной войны. А под ними в два ряда фамилии тех, кто не вернулся с войны в деревню Картлей. Всего 63 фамилии. Когда уже была сдернута простыня с памятника, когда были сказаны торжественные слова, народ хлынул к мемориалу, фамилии своих родных и близких читали вслух. И снова плакали. Только тогда Татьяна Николаевна успокоилась: все правильно они сделали.

На обратной стороне памятника была выгравирована надпись: «Мемориал установлен на средства Николая Михайловича Дыренкова». Об этом дочь ветерана, обходившая предыдущим вечером соседей, умолчала. Земляки удивились: ведь дом Дыренковых далеко не самый богатый в деревне. Лишь книг да икон в нем всегда было много.

Фамилии Дыренковых в списке павших на памятнике нет. С войны вернулись и отец, и сын – Михаил Федорович и Николай Михайлович.

Почему Николай Михайлович решил поставить памятник своим погибшим на фронте землякам? Мне ветеран ответил так: «Я с ними вместе в школу ходил».

КАРТОФЕЛЕМ ПО ГИТЛЕРУ

В школу дети из Картлея ходили в райцентр Кадошкино. Я тоже прошел этой грунтовой дорогой. Лужи, рытвины, серые поля вокруг. Представил, какими неудобными они выглядели осенью 1941 года для картлейских ребят, когда они собирали на них картофель для фронта. Приезжавшие из райцентра уполномоченные говорили:



не и 13 ребят из деревни, когда топали в Кадошкино, в ту самую школу, где пробыли два дня в ожидании распоряжения. За стеной в соседнем классе шли занятия по русскому языку. Учительница читала Пушкина...

О составе, который увозил их на Дальний Восток, Дыренков помнит лишь, что состоял он из товарных вагонов, которые звались «телятниками». В пути покормили два раза и два раза сводили в баню – в Уфе и Иркутске. Но эшелон останавливался гораздо чаще, пропуская идущие на запад составы с боевой техникой и солдатами. Из 13 человек в эшелоне вместе с Дыренковым ехали 6 односельчан. Других отправили на запад.

РУССКИЕ МОГИЛЫ В ЧУЖОЙ ЗЕМЛЕ

Дальневосточная армия снабжалась плохо, летом солдат посылали собирать лыко и плести лапти. Ботинки прятали в вещмешки. Дыренков быстро похудел. Помогал земляк из Картлея Петр Булычев, служивший в соседней роте: делился продуктами, махоркой и воспоминаниями о

гробиями на могилах русских воинов, павших в той давней войне. На ухоженных могилах часто можно было увидеть свежие цветы. То же самое он видел и в Порт-Артуре, куда сопровождал командира роты.

За время службы Николая Дыренкова на Дальнем Востоке умерли в родном Картлее его бабушка и дед по отцовской линии, умерли от тяжелой работы и недоедания в военные годы родственники по материнской линии. На деревенском кладбище появилось много новых могил, которых было бы меньше, если бы не война. На нее, на эту войну, и списал тогда Николай Михайлович простые холмики и убогие кресты над могилами своих родственников и земляков. На трудные послевоенные годы списывал он то, что до сих пор так и не увековечили память о своих павших земляках односельчане. На фронт ушли 150 картлейцев, из которых 63 остались

{ Четыре года потратили Николай Михайлович и его дочь на то, чтобы восстановить имена и фамилии всех своих земляков, не вернувшихся с войны в деревню. Не забыли и тех, кто родился в Картлее, а призывался из других районов. }

в родном Картлее. Но он погиб осенью 1945 года, когда воевали с Японией. Чудом избежал гибели и сам Николай. При уничтожении японского дота Дыренкова послали доставить запасной пулеметный ствол. А за ним бежать метров 200 в ложину, где от минометного обстрела противника пряталась повозка... Пулеметный ствол был доставлен вовремя, огневую точку противника подавили, полк двинулся дальше.

Окончание войны с Японией Николай встретил в населенном пункте Янцзы, из которого их часть перевели под Пхеньян, а потом в город Дальний на Ляодунском полуострове, рядом со знаменитой крепостью Порт-Артур.

В Дальнем было много русских из числа эмигрантов и тех, кто там остался после окончания Русско-японской войны 1904–1905 годов. Многие из них состояли в браках с китайцами, японцами, корейцами. Русская хозяйка квартиры, где жил командир роты Дыренкова, была замужем за персом... Но больше всего поразило Дыренкова кладбище с мраморными над-

лежать на полях сражений. А Николай все вспоминал мраморные надгробия на могилах русских солдат в Порт-Артуре и Дальнем и проводил нелестные сравнения. Но вслух он ничего не говорил. «Не до этого сейчас, сынок, надо людей накормить, а память – она в сердце», – сказал ему отец, выбранный к тому времени председателем колхоза. Николай отца понимал. Да и откуда в деревне мрамор и гранит, когда даже лишней доски нельзя было допроситься?

«ЖЕСТЯНКА»

...Николай окончил полугодовые курсы счетоводов в городе, женился и вместе с молодой супругой уехал работать по специальности в Карелию, а оттуда перебрался в Мурманск, стал главным бухгалтером крупного предприятия. Но в Картлей наведывался постоянно, каждое лето вместе с женой и тремя дочками приезжал в деревню. Заготовить сено, дрова, встретиться с одноклассниками и посидеть с удочкой над родной речкой. Были, конечно, и встречи с ветеранами в деревенском клубе, напротив которого в начале 60-х годов установили памятник землякам, не вернувшимся с войны. Памятник этот Николаю Михайловичу не понравился сразу. Сооружение, сваренное из железных листов и покрашенное серой краской, получило прозвище «жестянка». «Вот в Дальнем все из мрамора и гранита», – рассказывал он за праздничным столом ветеранам. С ним соглашались, но все



заканчивалось новыми тостами «За Победу! За Сталина!» и разговорами о сене и ценах на поросят и керосин. Больше всего Дыренкова не устраивало отсутствие на памяtnике фамилий и имен. В том числе и тех своих одноклассников, с которыми ходил за семь километров в школу. Не раз напоминал Дыренков односельчанам-ветеранам о необходимости увековечить имена своих земляков хоть на какой-нибудь доске и прикрутить ее болтами к той «жестянке» перед клубом, но...

Прошли годы, и из ветеранов Картлея в живых остались лишь двое – Николай Михайлович Дыренков и Алексей Иванович Сочнов. Работники теперь из них никакие: Николай Михайлович перенес инфаркт и двигается с трудом, а Алексей Иванович тоже не в состоянии сделать памятную доску и написать на ней имена. В последние годы они даже видятся друг с другом только по великим праздникам. Главным для них является, конечно, День Победы. Алексей Иванович Сочнов обычно навещает своего дру-

га. О войне они не говорят. Вспоминают о бывшем картлейском колхозе, которым руководил когда-то отец Дыренкова. Он сумел вывести хозяйство в число лучших, которое по показателям соперничало с колхозом-миллионером «Ленин-ча» из соседнего татарского села Латышовка. После смерти Михаила Федоровича хозяйство повторило горький путь многих русских деревень, которые сейчас населяют одни старики. Окна большинства домов заколочены, огороды заросли бурьяном. Не помогло даже то, что Николай Михайлович, оставив работу и квартиру в Мурманске, приехал спасать родное село. Эти-то переживания и довели ветерана до инфаркта. Даже любящая жена поняла его не сразу и присоединилась к мужу только спустя пять лет. Сейчас ее в де-

ревне вспоминают как замечательного медика. Пять лет назад она ушла из жизни, и ветеран остался один.

Навещая могилу жены на картлейском кладбище, Николай Михайлович снова вспомнил о Дальнем и Порт-Артуре. Теперь и в родном селе могилы стали ухоженнее, появились памятники из гранита и мрамора. Вот только памятник погибшим на фронте землякам возле клуба заме-

Каждый раз, когда близкие ветерана собираются вместе за столом, первый тост в память о тех, кто лежит на полях сражений

тель читал фамилии вслух, они вставали и кричали: «Здесь я!» Семь километров из Картлея в райцентр шли они по морозу или дождю в школу. В карманах обычно – бутылка молока, кусок хлеба и пара картофелин. Всем этим школьники из Картлея потом делились друг с другом на переменах. Однажды молоко замерзло на морозе, превратилось в лед, бутылка лопнула, осколки попали Николаю в валенок и порезали ногу. Товарищи донесли его до школы

на руках, а потом и своим молоком поделились... Разве такое забудешь?

А разве забудешь, как они учили стихотворение на немецком, которое один читал вслух, а другие повторяли фразы во время длинной дороги в школу? Слезы на глазах наворачиваются у Николая Михайловича от подобных воспоминаний! Таких друзей война унесла! А он выжил, стал бухгалтером в городе, уважаемым человеком, имеет квартиру, воспитал трех дочерей, дал им высшее образование, внуков увидел... А его школьные товарищи... Лежат они неизвестно где. И даже имен от них не осталось.

Было ли у них в жизни что-то лучше тех лет и той дороги в школу? Николаю Михайло-

тен только тогда, когда Николай Михайлович попросит своего товарища Сочнова выкосить перед ним бурьян. Ветеран накидывает петлю на культу, оставшуюся от руки, прикрепляет петлю к косе и идет косить. После битвы с бурьяном они с Николаем Михайловичем вспоминают школьных друзей.

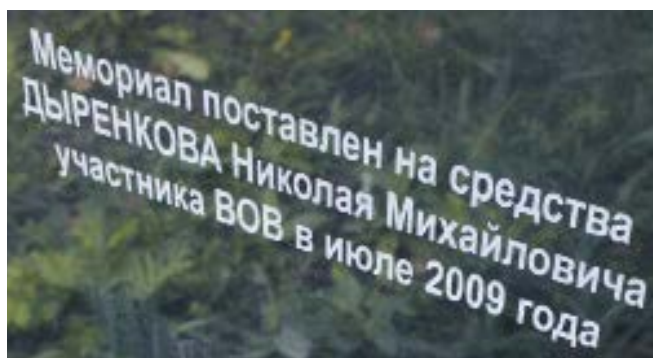
«А ведь если бы все мужики вернулись, то и село было бы другим», – замечает Николай Михайлович. «Точно», – коротко соглашается Алексей Иванович, очищая косу от приставшей травы.

ИМЕНА, ВЫБИТЫЕ НА КАМНЕ

Но в последнее время и у Алексея Ивановича нет сил. А ведь «жестянка» – последнее напоминание о погибших земляках. Многих из них ветеран Дыренков помнит со школьной скамьи, помнит, как при перекличке, когда учи-

**Два последних
ветерана
деревни
Картлей –
Николай
Михайлович
Дыренков
и Алексей
Иванович
Сочнов**





вичу стало казаться, что и у него самого ничего лучшего в жизни не было, чем эти семь километров до школы в райцентре. Сны ему стали сниться: вот рано утром собираются они у кого-нибудь в избе... Вот выходят на зимнюю дорогу... Первому тяжело идти по глубокому снегу. Метров через 50 его сменяет кто-нибудь. И так до самой школы...

И вот однажды, когда Николая Михайловича приехала навестить его старшая дочь, Татьяна, он протянул ей список фамилий. Это были все его одноклассники, погибшие на войне. Николай Михайлович вспомнил их имена и отчества, даты рождения и даты гибели. Имена и фамилии были записаны на плотной мелованной бумаге ясным и четким почерком, который бывает в нашей стране только у преподавателей русского языка и бухгалтеров. «Хочу, чтобы их имена были выбиты на доске», – сказал он дочери. «Тогда уж всех картлейских надо вспомнить», – ответила Татьяна и очень скоро пожалела о своих словах. Именно ей пришлось составлять письма под диктовку отца, носить их на почту, слать телеграммы и выслушивать длинные воспоминания Николая Михайловича. Например, о том, как Василий Потапов получил отпуск по ранению и ходил по Картлею с обещанием привезти живого немца. А потом на него пришла похоронка...

Четыре года потратили Николай Михайлович и его дочь на то, чтобы восстановить имена и фамилии всех своих земляков, не вернувшихся с войны в деревню. Были письма в архивы и военкоматы. Не забыли и тех, кто родился в Картлее, а призывался на фронт из других районов страны. С готовым списком Николай Михайлович и Татьяна Николаевна обратились в районный совет ветеранов. Там на просьбу установить памятную доску вежливо отказали: «Кризис, нет средств». Надо было ждать, а ждать ветеран боялся... Имена, выбитые на камне, ему хотелось увидеть самому.

Для того чтобы эти имена с бумаги перешли на камень, Николай Михайлович отдал все свои сбережения. Но, по его мнению, это не цена – по сравнению с той ценой, которую заплатили его товарищи за Победу



И вот однажды утром Николай Михайлович, глядя тревожно на дочь, объявил свое решение: поставить памятник на свои деньги. Татьяна Николаевна обняла его и сказала: «Мы же русские люди, папа!»

Между собой они договорились, что никто никогда не узнает, какую сумму на изготовление памятника погибшим землякам отдаст из своих сбережений Николай Михайлович...

Вот он – этот простой памятник воинам Великой Отечественной войны, ушедшим защищать Родину из маленькой деревни Картлей. В полированном граните, как в зеркале, отражаются не только бегущие по небу облака, но и лицо каждого человека, пришедшего прочесть фамилии, выбитые на камне.

Эти 63 строки читаются как самое глубокое и искреннее стихотворение, сложенное русским народом в память о той Великой войне. 🇷🇺

ФЕДОР ШАЛЯПИН: ДЕЛО О БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Наряду с православием
благотворительность в России испокон
веков была основанием русской культуры.
На рубеже XIX–XX веков она достигла
своего апогея. Работали тысячи кружков,
объединений, обществ, помогающих
самым разным слоям неимущих. Одной из
активных фигур этого мощного движения
был Федор Иванович Шаляпин. Президент
Межрегионального Шаляпинского центра
Юрий Иванович Тимофеев рассказывает
«Русскому миру.ru» об этой стороне жизни
великого певца.

Как возник Межрегиональный Шаляпинский центр и в чем его цели?

– Основоположницей шаляпинского движения в России считается дочь Федора Ивановича от первого брака, Ирина Федоровна Шаляпина. Она единственная из его детей осталась на родине и жила в Москве вместе со своей матерью Иолой Торнаги. Вокруг нее собирались люди, увлекавшиеся искусством Шаляпина. Они приезжали к ней отовсюду и, вернувшись домой, сами становились центром притяжения для поклонников этого артиста. В 1989 году в Москве, Петербурге и Казани, независимо друг от друга, сформировались любительские кружки, занимавшиеся изучением и пропагандой творчества Шаляпина. В декабре 1991 года мы впервые собрали в Москве всесоюзное совещание шаляпиноведов и сотрудников шаляпинских музеев. На нем был поставлен вопрос о координации усилий, и 16 февраля 1992 года на родине Федора Ивановича, в Казани, состоялась учреди-

тельная конференция Межрегионального Шаляпинского центра. Тогда же меня избрали его президентом и не так давно, вот уже в четвертый раз, вновь переизбрали.

– Каков статус Центра и в чем выражается его деятельность?

– Мы общественная организация. В 1993-м, в год 120-летия со дня рождения Федора Ивановича, Межрегиональный Шаляпинский центр вошел в состав Всероссийского музыкального общества (сейчас – Международный союз музыкальных деятелей), которое возглавляет Ирина Константиновна Архипова – наш друг и помощник. Что касается работы, которую мы ведем, то это организация концертов и конференций, участие в благотворительных проектах, поиск и публикация материалов о жизни и творчестве Шаляпина. Одних рисунков Федора Ивановича мы нашли около 400. Наши последние публикации – серия открыток «Рисунки Шаляпина», монография Николая Горбунова «По скандинавскому следу Шаляпина» и мультимедиа-альбом, в котором собраны 103 басовые нотные партитуры, 3 тысячи фотографий, фрагменты двух художественных фильмов и кинохроники, 400 писем и обширная справочная система. Образ Шаляпина столь же необъятен, как и его география, включающая в себя 52 города в России и 46 стран мира! Как-то ко мне обратился атташе по культуре посольства Израиля: «Г-н Тимофеев, мы можем провести с вами вечер?» Я согласился и попросил дать нам две недели, чтобы найти тему. Я обзвонил 14 отделений Шаляпинского центра в России и за рубежом и попросил прислать нужные материалы. Вскоре из Питера пришла ксерокопия афиши: «Апрель 1918 года. Шаляпин дает благотворительный концерт в

пользу создания Израильской оперы». И главное тут даже не сам концерт, а то, что на нем в апреле 1918 года Шаляпин исполнил на иврите песню «Хатиква», которая сейчас является гимном Израиля. Я пришел к г-ну Галану и сказал: «Вечер будет называться «Шаляпин поет «Хатикву». Тот удивился: «Да?! Он пел?!» Я показал афишу. Точно так же к нам обращались и из Грузинского культурного центра. Спрашивали,

по вокалу, Дмитрия Андреевича Усатова. Шаляпин был так беден тогда, что выжил лишь благодаря милости учителя, взявшего его на полное содержание и дававшего ему уроки бесплатно. В Первую мировую войну Федор Иванович содержал два госпиталя, и его дочери бывали в них, помогая ухаживать за ранеными. Вскоре после Октябрьской революции Шаляпин решил поехать за рубеж на гастроли. Луначарский обратился тогда к Ленину с просьбой разрешить эту поездку, заметив, что иначе тот просто бежит, как другие интеллигенты.

И когда в 1921 году разрешение было получено, заместитель директора Центрального банка просил Федора Ивановича написать, что он сделал в качестве благотворителя с октября 1917 года по декабрь 1921-го. В ответ Шаляпин перечисляет, какие мероприятия провел и на какую сумму. Общая цифра составила 257 тысяч рублей. В примечании к отчету он пишет: «Советское правительство увеличило гонорары всем артистам на 300%. Я один от них отказался. Я уж не говорю о том, что Советское правительство перевело с моего счета на свой 148 тысяч рублей». Упреки Шаляпину в скупости крайне несправедливы. Меня это всегда возмущало, я написал об этом книгу, которая так и называется: «Дело о благотворительной деятельности Шаляпина Ф.И.».

есть ли что общее у Шаляпина с Грузией. «Ну как же, – ответил я, – Шаляпин пол-Грузии исходил пешком, там именно начал обучаться вокалу, пел в театре и в сентябре 1915 года получил диплом почетного гражданина Тифлиса!»

– Федор Иванович никогда не отказывался от участия в благотворительных концертах, устраивал их сам, жертвовал деньги. Зная его безотказность, его друзья, и в первую очередь Максим Горький, то и дело обращались к нему с просьбами о помощи. Даже с гастролей за рубежом он перечислял средства нуждающимся в Россию.

– Шаляпин, бесспорно, был одним из величайших благотворителей России. Но еще при жизни сложился миф о его сребролюбии и скупости. До сих пор ему приписывают слова «задаром только птички поют». Но, во-первых, не он их автор. Этот афоризм принадлежит его другу, артисту Мамонту Дальскому. А во-вторых, Шаляпин начал заниматься благотворительностью, сам еще будучи нищим. Он участвовал в благотворительной акции в Тифлисе во время учебы у своего первого педагога



которому к меценатству не относятся любительские движения. Таким образом, режется напрочь деятельность всех общественных организаций. Из госбюджета нам не положено ни копейки, поэтому введение закона о невозможности частного финансирования означает конец и Шаляпинского центра, и других подобных организаций.

– У нас в стране немало людей, которые за копейки, а то и вовсе безвозмездно, сохраняют и восстанавливают памятники, открывают музеи. Запрет на частное финансирование лишит их возможности это делать?

– Конечно! Не так давно я обсуждал этот законопроект с одним из своих спонсоров. Он сказал: «Если этот закон выйдет, я тебе ни копейки не дам. Потому что на следующий день ко мне придет налоговая инспекция и меня оштрафует». Вот и все. Только, хотел бы я знать, кто в таком случае станет заниматься меценатством и для чего? Сейчас возрождают храмы – это богоугодное дело, хорошо! Но не только же это важно! Сохранение русской культуры всегда было направлением русского меценатства, а такое отношение к делу сейчас можно наблюдать только в среде

– Что двигало российскими жертвователями? Почему помогать ближнему было для них насущной потребностью?

– Благотворительность в России всегда являлась почетной обязанностью. Особенно среди купцов. На тех, кто этого не делал, смотрели с презрением. Большинство наших музеев, больниц, храмов, школ было создано на средства благотворителей и меценатов. Сейчас по всему миру проходят мероприятия, посвященные нашему великому меценату Савве Ивановичу Мамонтову. Помимо того, что он строил железные дороги, есть еще две стороны его деятельности. Это Абрамцево, где он помогал русским художникам, и Частная русская опера. Серов, Васнецов стали бы художниками, если бы не было Мамонтова? Мать Серова, которая была первой русской женщиной-композитором да к тому же еще и общественным деятелем, была так занята, что передала своего 10-летнего

«Советское правительство увеличило гонорары всем артистам на 300%. Я один от них отказался. Я уж не говорю о том, что Советское правительство перевело с моего счета на свой 148 тысяч рублей. Шаляпин Ф.И.».

сына на воспитание в семью Мамонтовых. А Станиславский стал бы великим реформатором сцены, если бы он с 15 лет не принимал участия в драматических спектаклях Мамонтова? А Шаляпин? Федор Иванович не раз говорил, что без Мамонтова не сформировался бы как артист.

– Что можно сказать о нынешней благотворительности?

– Да сейчас особой благотворительности и нет. В 1998 году меня пригласили в Государственную думу рассказать о подготовке к 125-летию со дня рождения Шаляпина. Вскоре после моего доклада вышло постановление Госдумы: пункт первый – поддержать деятельность Шаляпинского центра, пункт второй – ходатайствовать перед правительством о выделении миллиона рублей на памятные мероприятия. Никто ни копейки не дал.

– А почему так происходит: все готовы поддерживать культуру, но только на словах?

– Я думаю, дело в законе о меценатах и меценатстве, который никак не могут принять и который нуждается в серьезной доработке. Во-первых, у меня вопрос к названию. Слово «меценат» означает человека, который дает деньги и не требует взамен ничего, тогда как в законе подробно расписаны проценты и льготы, которые полагаются дающему. Какие же это меценаты? А называться такой закон должен «О негосударственной поддержке культуры», и должны быть введены два понятия: меценат и спонсор. Тогда все встанет на свои места. Но больше всего в этом законопроекте меня возмущает положение, по

старой русской эмиграции за рубежом. Замечательный пример – барон Эдуард Александрович Фальц-Фейн, с которым я имею честь быть лично знакомым. Не так давно ему исполнилось 98 лет. Он живет в графстве Лихтенштейн в собственном поместье «Аскания Нова», названном так в честь заказчика на Украине, созданного его предками. Барон Фальц-Фейн лично знал Шаляпина и Рахманинова. Он выкупил архив юриста Соколова, который занимался расследованием убийства царя, и подарил его России. Выкупил около 80 картин на аукционах Европы и Америки – и подарил России. Он выделял деньги на поиски Янтарной комнаты, способствовал перезахоронению Шаляпина в России.

– Почему так долго длилось дело с перезахоронением?

– Впервые вопрос об этом был поднят еще в 70-х годах. Согласно международному семейному праву, перезахоронение возможно лишь при условии согласия всех детей. В случае Шаляпина такого согласия достигнуто не было.



Федор Шляпин в доме для престарелых артистов. Петроград, 1915 год

– **Какова была воля самого Шляпина?**

– Марина Федоровна перед смертью подарила Музею им. Глинки отцовское завещание, составленное на французском языке. О месте упокоения там речи нет, но все дети хотели перезахоронить прах в России. Все, кроме младшей дочери от второго брака, Дассии. Когда у нее спросили, какова будет ее воля, она сказала, что ответ даст ее муж. А третьим мужем у Дассии был потомок графа Шувалова. И он сказал, что согласится лишь в том случае, если советское правительство вернет ему хотя бы третью часть того, что у него отняли. Поскольку никто ему ничего отдавать не собирался, тема была исчерпана. А в 1977 году Дассия умирает, и вопрос о перезахоронении поднимается вновь. И вот в декабре 1983-го на вилле «Аскания Нова» собираются барон Фальц-Фейн, сын Шляпина Федор Федорович и писатель Юлиан Семенов. Они составляют протокол о перезахоронении. Всю финансовую сторону брал на себя барон, с наследниками договаривался Федор Федорович, все вопросы в России улаживал Юлиан Семенов. Через месяц, в январе 1984-го, он вернулся в Россию и отправился в Министерство культуры СССР. Сначала ему сказали: «Вы что, собираетесь врага народа перезахоранивать?» Но потом пошли на попятный и разрешение дали. Перезахоронение прошло в октябре 1984 года под эгидой Министерства культуры СССР. Как всегда, по советскому обычаю, министерство не пригласило на церемонию ни барона Фальц-

Фейна, ни Юлиана Семенова, ни Федора Федоровича. И попасть на нее было просто невозможно.

– **А что, в СССР Шляпин считался врагом народа?**

– Он стал врагом народа в 1927 году, хотя уехал за границу раньше. Официально его отъезд объяснялся необходимостью лечения и гастрольями, и в октябре 1927 года он собирался вернуться и участвовать в юбилейном концерте, посвященном 10-летию Октября. Но в этот момент произошла неприятная история. В 1925 году он купил дом в Париже и в 1927-м просил своего друга, настоятеля храма Александра Невского отца Георгия (Спасского), его освятить. Выходя из храма, он увидел множество голодных, оборванных детей и, узнав, что это дети русских эмигрантов, обещал оказать им вспомоществование. На следующий день Федор Иванович дал отцу Георгию 5 тысяч франков и вскоре уехал на гастроли. В апреле 1927 года отец Георгий поместил в русскоязычной газете «Возрождение» отчет, куда были потрачены эти деньги, а буквально через неделю в советской прессе появилась статья, что Шляпин помогает белоэмигрантскому движению. И если в ноябре 1918 года Федору Ивановичу первому из российских артистов было присвоено только что учрежденное советским правительством звание народного, то в апреле 1927 года этого звания его лишают, а в сентябре 1927-го лишают и подданства России.

Ф.И. Шаляпин
выступает
на сцене
летнего театра
в Орехово-
Зуеве.
Август 1918
года.
Сбор от этого
концерта дол-
жен был пойти
на устройство
бесплатной
столовой
для рабочих
и детей



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

– Вы начинали жизнь как военный. Как получилось, что, уже будучи полковником ВВС, вы занялись Шаляпиным?

– Моя первая жена тяжело заболела и легла в институт ревматологии на операцию. Зная, что она любит Рахманинова, ее лечащий врач обещала, что после операции познакомит ее с крестницей композитора. Операция удалась, и в декабре 1975 года мы отправились в гости к крестнице Рахманинова. Ею оказалась дочь Федора Ивановича – Ирина Федоровна Шаляпина. С тех пор я увлекся Шаляпиным и занимаюсь им уже 34 года.

– Вы помните эту свою первую встречу с Аришей (Шаляпин в письмах всегда награждал своих детей ласковыми и смешными именами. – Прим. ред.)?

– Я очень долго к ней готовился, робел. Но скоро смущение прошло. Характер у Ирины Федоровны был суровый. Но если уж она кого полюбила – это была дружба навек. У нас сложились хорошие отношения. Мы с женой к ней часто навещались, она к нам. Ирина Федоровна много рассказывала. Один из ее последних приездов пришелся на Масленую. В тот день у нас были блины с земляничным вареньем. Помню, она сказала: «Юрочка, сейчас земляничное варенье на Москве можно покушать только у вас!» Она так говорила: «на Москве»!

Ирина Федоровна жила в двухкомнатной квартире на Кутузовском проспекте. Из них она занимала одну, потому что вторая была полностью завалена архивами. Мы с женой помогали ей их разбирать. Ирина Федоровна мечтала о создании шаляпинского музея в Москве, готовила материалы, но до его открытия так и не дожила. Музей учредили в 1988 году, а она умерла в 1978-м. Много вещей она подарила Музею им. Глинки, но большую часть материалов и самый большой фонд Шаляпина находится в Музее им. Бахрушина. Их еще при жизни передала Иола Игнатьевна. Тогда музей Шаляпина не было вообще. Первый из них открыла Ирина Федоровна в 1965 году в школе, построенной на средства Шаляпина в деревне Александровка Нижегородской губернии. Сейчас деревни нет, она вошла в состав Нижнего Новгорода. Но школа осталась. Это школа №140, и музей в ней работает на общественных началах.

– Как Ирина Федоровна перенесла смерть отца? Когда он умер в 1938 году, они были «по разные стороны баррикад».

– Она мне рассказывала, что, когда это произошло, ей позвонили из Министерства культуры и сказали: «Поезжайте в аэропорт, мы вам туда документы привезем». Она поехала в Шереметьево, просидела там трое суток, ей ничего не привезли. Похороны задерживали.

Федор Иванович умер 12 апреля, а хоронили его 16-го. Все ждали Ирину Федоровну, а ее не пустили, хотя при жизни отца она неоднократно гостила у него в Париже.

– Кто из потомков Шаляпина хранит память артиста после ухода Ирины Федоровны?

– К сожалению, последняя дочь Шаляпина умерла недавно, 14 июня, на 98-м году жизни. Она жила в 20 километрах от Рима. Это Марина Федоровна Шаляпина, в 1931 году получившая титул «Мисс Россия» на конкурсе красоты среди русских эмигрантов в Париже. Мы с женой гостили у нее. Она хотела стать балериной, училась у Кшесинской, но сломала ногу. Тогда она окончила Морскую школу и семь лет работала помощником капитана по каютам первого класса на туристическом лайнере, ходившем из Генуи в Америку. Ее муж был основателем итальянского кинематографа, министром культуры в правительстве Муссолини. После войны он отсидел четыре или пять лет и затем

– Шаляпин не создал ни своего театра, ни своей школы. Но стремление передать свои наблюдения появилось у него очень рано. Его биографические заметки, в особенности его книга «Маска и душа», – это детальный анализ творческого процесса, до сих пор актуальный для артистов. Недаром Станиславский в своих книгах нередко ссылался на опыт Шаляпина. Мечта Федора Ивановича о собственной школе начала осуществляться в 1915 году, когда он приобрел у помещицы Ольги Михайловны Соловьевой часть ее крымского имения «Орлиное гнездо» в окрестностях Гурзуфа. Там, на скале, которая теперь носит имя Шаляпина, он собирался построить Замок искусств – певческую академию для молодых артистов. Но грянула революция, участок экс-

{ «В Первую мировую войну Федор Иванович содержал два госпиталя, и его дочери бывали в них, помогая ухаживать за ранеными». }

недолго прожил. Оказавшись одна, остаток жизни Марина Федоровна посвятила сохранению памяти своего отца. Она передала в Россию, в основном в Музей им. Глинки, огромное количество материалов. Я ей как-то сказал: «Ты, конечно, много передаешь, спасибо, но что ж ты своей дочери ничего не оставишь?» Она ответила: «Юрочка, она итальянка. Ей уже ничего не надо». После смерти Марины Федоровны остались только внуки и правнуки. Никто из них не говорит по-русски, кроме правнучки, внучки младшей дочери Федора Ивановича от второго брака, Дассии. Она живет в Бостоне и ведет работу по изучению наследия прадедушки. Помимо нее просветительской деятельностью занимаются дети Татьяны Федоровны – младшей дочери от первого брака и сестры нашей московской Ирины Федоровны. Они живут в Риме и по-русски тоже не говорят.

– Память об артисте живет в его учениках. У Шаляпина не было своей школы. Все, что осталось, – это граммофонные записи. Какое место Шаляпина в современной отечественной культуре? В чем выражается его несомненное в ней присутствие?

проприировали, и шаляпинская мечта получила странное продолжение: на месте бывшего имения Соловьевой открыли пионерский лагерь «Артек».

– Сегодня даже для тех, кто никогда не слышал голоса Шаляпина, его имя – один из символов русской культуры. Где его память чтут больше – за рубежом или в России?

– Конечно, в России. Шаляпин прожил 16 лет во Франции, но там, кроме мемориальной таблички, следов его пребывания я не помню. Однако в музыкальных театрах, в которых он пел, культ его стараются сохранять. Не так давно я путешествовал по Южной Америке. К таким путешествиям я всегда готовлюсь: смотрю, где и при каких обстоятельствах в этих краях бывал Шаляпин, связываюсь с местными консерваторией и театром. В Латинской Америке Шаляпин гастролировал много раз. Пел в Сантьяго, Буэнос-Айресе, Монтевидео, Рио. И вот в Сантьяго меня привели к театральному архивариусу, и первое, что я увидел в его кабинете, – это огромная фотография Федора Ивановича в роли Дона Базилио. В Буэнос-Айресе – еще сюрприз. Там есть огромная русская община. Я с ней списался, и по приезду меня встречали с целым пакетом материалов о Шаляпине. Дело в том, что в 1908 году в Буэнос-Айресе открывалась самая большая оперная сцена континента – Театр Колон. И петь на ее открытии был приглашен Шаляпин. В самом Театре Колон все выступления знаменитых артистов отмечены памятными табличками. И только один из всех удостоен бюста – Федор Иванович Шаляпин. 

БЕСЕДОВАЛА САША КАННОНЕ

ЭТИКА КАК ПОЛИТИКА

Зачастую пастырям удастся сделать больше, чем профессиональным дипломатам. Визиты Патриарха Кирилла на Украину и в Белоруссию, где верующие встречали главу Московского Патриархата как долгожданного гостя, свидетельствуют: слова понимания и любви быстрее доходят до сердца. Накануне «мирового турне» Патриарха – в ближайшие месяцы он собирается отправиться с визитами в крупнейшие Поместные Православные Церкви – архиепископ Волоколамский Иларион, Председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, дал интервью журналу «Русский мир.ru».

В чем сходство и различие между светской и церковной дипломатией? Каковы первоочередные задачи последней?

– Внешние церковные и государственные связи схожи тем, что и церковные, и светские дипломаты ставят перед собой цель представлять и защищать интересы Церкви и государства соответственно, выстраивая диалог с субъектами международных отношений. Содержание же церковных и государственных интересов существенно различается. Государство, как правило, исходит из прагматического подхода к внешним связям; оно должно обеспечить благоприятный внешний фон для национального общества, а также прочный международный мир. С другой стороны, временами внешняя политика государства может становиться заложницей государственного режима и стремиться к достижению сомнительных политических целей.

Следует также учитывать и то, что Церковь имеет транснациональный характер, являясь элементом международного общения, объединяя людей различных культур и национальностей во всем мире, которые связаны общей верой. Основания для единства, подобного христианской вере, секулярный мир предложить не может, поэтому международная арена во многом продолжает оставаться местом борьбы государств за национальные интересы. Опора на традицию делает внешнецерковные связи более устойчивыми во времени и по содержанию.

Главной же задачей Церкви в ее отношениях с внешним миром является свидетельство об Истине Христовой. Для этого мы вступаем в многообразные внешнецерковные контакты, взаимодействуем с иными религиями, властями различных стран, международными и неправительственными организациями. Свидетельство об Истине выражается в позиции Церкви по конкретным актуальным вопросам мировой повестки дня и межрелигиозных отношений. Это свидетельство затрагивает практически все сферы жизни человечества. Из учения Церкви вытекает необходимость уважения человеческой личности, свободы и моральных ценностей, которые призваны удерживать мир от торжества зла и неправды. Вот почему во внешних связях мы последовательно выступаем за учет этических норм в междуна-



ПРЕДСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ПАТРИАРХАТА

занного по долгу службы с органами власти. Человека же, трудящегося на поприще служения Церкви, которая организационно и функционально отделена от государства, называть чиновником все же неверно.

Так, первостепенным требованием к сотруднику Отдела внешних церковных связей является его православное вероисповедание. Это необходимое условие, поскольку без него человек не сможет в полной мере осознать и осуществить первоочередную задачу церковной организации – свидетельствовать внешнему миру об Истине Христовой.

А при приеме на работу в российское внешнеполитическое ведомство религиозная принадлежность вообще не входит в число критериев, учитываемых при отборе, что вполне закономерно, поскольку гражданами России являются не только последователи Православия, но и представители других религий либо неверующие люди.

Но есть и некоторые черты сходства между представителями ОБЦС МП и МИД РФ. В частности, они заключаются в общем понимании важности решения проблем мирового сообщества путем взаиморезушимого диалога. Основную часть труда служащих Отдела и Министерства составляет серьезный анализ политической, социальной и религиозной обстановки за рубежом, рассмотрение проектов открытых к сотрудничеству организаций, работа с обращениями частных лиц и т.п.

– **Известно, что на светского дипломата учат в МГИМО, а где обучают на церковного дипломата?**

– В марте текущего года определением Священного Синода Русской Православной Церкви была образована Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, на которую возложена задача подготовки в том числе и специалистов в сферах церковной дипломатии и управления. Преподавательскую деятельность на этом направлении ведут в основном сотрудники Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, обладающие квалифицированными знаниями в области церковной дипломатии.

Для совершенствования качества подготовки наших аспирантов и слушателей планируется привлекать не только собственные, но и сторонние ресурсы.

– **В бывших республиках СССР, в частности на Украине, РПЦ рассматривают как «руку Кремля». Почему, на Ваш взгляд, бытует такое мнение? Что Церковь собирается предпринять, чтобы этот стереотип разрушить?**

родных отношениях. Традиционная мораль, которая может стать единственной основой мирного сосуществования людей в поликультурном обществе, исключает нравственное безразличие, эгоизм, потребительство и т.п.

Довести эту позицию до возможно большего числа людей – вот в чем наша первоочередная внешнеполитическая задача.

– **Помогает ли церковная дипломатия в решении светских вопросов, то есть Ваше ведомство помогает решать вопросы МИД РФ, а также МИД РФ помогает ли вам решать вопросы церковной дипломатии?**

– Несмотря на имеющиеся расхождения в подходах к международной деятельности, существуют определенные проблемные области, в которых порой требуется сопряжение усилий двух структур. К ним можно отнести, например, совместную деятельность по развитию межкультурного, межкультурного и межрелигиозного диалога, дискуссии на тему прав и свобод человека. К сфере общей заинтересованности можно отнести также и проблемы сохранения и укрепления Русского мира, продвижения русского языка и русской культуры в странах дальнего зарубежья. Для более эффективного сотрудничества Церкви и государства в решении этих и других вопросов была создана специальная рабочая группа по взаимодействию Русской Православной Церкви и Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Конечно, имеются случаи и взаимной поддержки Московского Патриархата и МИД РФ по направлениям их сугубой компетенции. Так, в деле упрочения межправославных контактов большую роль играют паломнические поездки групп верующих одной Поместной Православной Церкви по святым местам канонической территории другой. Обеспечить оптимальные условия проезда и пребывания паломников в России Русская Церковь может лишь с помощью Министерства иностранных дел.

В свою очередь, государственные дипломаты, решающие задачу налаживания взаимоотношений России с другими странами, нередко обращаются к нам с просьбой предоставить информацию о религиозной ситуации в интересующем их регионе. Кроме того, случается и так, что контакты Московского Патриархата с традиционными религиозными общинами отдельной страны являются единственным связующим звеном между ней и Россией.

– **В чем различие между чиновником МИДа и чиновником ОБЦС?**

– На мой взгляд, слово «чиновник» не совсем приемлемо по отношению к служащему церковного учреждения. Ведь семантика этого термина в большинстве языков подразумевает государственного или муниципального работника, тесно свя-



РИА НОВОСТИ

**Патриарх
Московский
и всея Руси
Кирилл и
митрополит
Минский
и Слуцкий
Филарет
у монумента
Победы
в Минске**

– В некоторых сепаратистски настроенных кругах существует такое мнение. Однако оно совершенно ошибочно. Церковь действительно сотрудничает с российским государством по вопросам, например, образования или разных социальных программ, но только не в области «высокой» политики. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл на встрече с президентом Республики Беларусь заметил, что «Патриарх всея Руси не является Патриархом Российской Федерации или какой-либо другой страны... Святая Русь и ее историческое наследие являют себя в пределах разных современных государств». И потому говорить о Русской Православной Церкви как о «руке Кремля» неверно.

Для разрушения ложных стереотипов нужна доступная объективная информация о том, что происходит в Церкви и какова ее позиция по тому или иному вопросу. Подготовкой и распространением такой информации занимаются церковные СМИ. Для более эффективной работы в этой области Священным Синодом Русской Церкви был создан Синодальный информационный отдел.

– В прошлом году, когда в Киеве отмечали 1020-летие Крещения Руси, украинское руководство хотело склонить Константинопольского патриарха к тому, чтобы он поспособствовал созданию единой Украинской православной церкви. Однако Вселенский патриарх на это не пошел, а, напротив, призвал объединиться вокруг РПЦ. Такое развитие событий заслуга церковной дипломатии?

– На торжествах в честь 1020-летия Крещения Руси произошло очень важное событие – яркое проявление единства Православия не только на словах, но и на деле. Особая заслуга принадлежит Предстоятелям братских Поместных Церквей, Святейшему Патриарху Константинопольскому Варфоломею и почившему Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. Их сослужение Божественной литургии на Владимирской горке с сонмом православных иерархов из других Поместных Церквей в присутствии множества молящихся стало поистине всеправославным торжеством, в котором выразились и исторические связи Русской Православной Церкви с Константинопольским Патриархатом, и – что наиболее актуально – общая воля к сохранению единства Православия на основе общецерковных установлений, «канонов». В подготовке торжеств, естественно, принимали участие соответствующие церковные ведомства, в том числе и Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата.

– В минувшем году РФ признала суверенитет Южной Осетии и Абхазии. При этом абхазские священнослужители попросились под омофор РПЦ. Однако РПЦ воздержалась от этого шага, сохранив тем самым добрые отношения с Грузинской Православной Церковью. Светская российская власть с пониманием отнеслась к позиции РПЦ по абхазской проблеме? Какова реакция РПЦ на объявление абхазских священников о создании поместной церкви в Абхазии, каковы будут действия РПЦ, то есть признает она ее или будет искать другой выход из сложившейся ситуации?

– Позиция Русской Православной Церкви по церковной проблеме в Абхазии давно известна и не претерпела изменений в ходе последних событий. Действительно, к ней с пониманием относятся представители государственной власти, в частности в Министерстве иностранных дел Российской Федерации. Мы делаем все, чтобы диалог с участием Грузинской Православной Церкви и абхазского духовенства продолжался в конструктивном и мирном духе. Что касается поиска путей урегулирования сложившейся ситуации, то это длительный и сложный процесс, требующий деликатного подхода и терпения. Всем вовлеченным в него сторонам следует избегать односторонних действий и шагов, способных нанести ущерб диалогу, с помощью которого только и возможно нахождение конечного решения данной проблемы.

– Вы недавно встречались с главой Римско-Католической Церкви. Каковы сейчас отношения у Русской Православной Церкви с Ватиканом, то есть при Бенедикте XVI они стали лучше, чем были при Иоанне Павле II? О чем Вам удалось

договориться? Рассматривалась ли возможность встречи Папы с Патриархом Кириллом?

– Мы испытываем уважение к папе Бенедикту XVI как видному богослову и пастырю, который не боится отстаивать основополагающие принципы христианской веры и жизни перед лицом секулярного мира, часто враждебно настроенного по отношению к христианству. Смелые заявления Бенедикта XVI иногда встречают неприятие у представителей западного политического

мира и средств массовой информации, потому что не вписываются в рамки доминирующего сегодня принципа «политкорректности». Во время своего визита в Рим я публично выразил поддержку Папе Римскому за его последовательную защиту традиционных христианских ценностей перед лицом распространяющегося в современном западном обществе неверия, религиозной индифферентности и неприкрытой дискриминации христиан.

Следует отметить, что с избранием в 2005 году Папой Римским кардинала Йозефа Ратцингера наметился определенный сдвиг в отношениях между Римско-Католической и Православной Церквями. В частности, была возобновлена работа Смешанной комиссии по православно-католическому богословскому диалогу, прерванная при прежнем Папе, Иоанне Павле II, в первую очередь из-за несправедливых действий греко-католиков по отношению к православным в странах Восточной Европы. Сам Папа Бенедикт XVI хорошо знаком с проблематикой богословского диалога между нашими Церквями, поскольку в 1980-е годы, будучи кардиналом, принимал участие в работе Смешанной комиссии с католической стороны.

В ходе моей встречи с Папой Римским Бенедиктом XVI был затронут широкий спектр вопросов, в том числе обсуждалась и задача совместного свидетельства православных и католиков о традиционных христианских ценностях.

Мы согласны в том, что наше общее свидетельство о евангельских идеалах возможно и даже необходимо, так как позиции Православной и Католической Церквей по таким темам, как семья, материнство, демографический кризис, эвтаназия и другим нравственным вопросам, совпадают, в то время как многие протестантские сообщества под влиянием секулярных идей встали на путь либерализации христианского учения. В этой связи была также от-

мечена необходимость развития двусторонних отношений между Русской Православной и Римско-Католической Церквями в сфере культуры, важной для дискуссии христиан с секулярным миром и неверующими людьми.

Касаясь проблем, которые, к сожалению, все еще остаются во взаимоотношениях наших Церквей, я напомнил Папе Римскому о продолжающейся сложной ситуации на Западной Украине, где в результате насильственных действий греко-католиков на рубеже 1980–1990-х годов были практически разгромлены три православные епархии – Львовская, Тернопольская и Ивано-Франковская. Какого-либо ослабления межконфессиональной напряженности с тех пор не наблюдается. Я отметил, что данная ситуация продолжает оставаться серьезным препятствием для встречи Папы Римского и Патриарха Московского. Хочется надеяться, что будут наконец предприняты конкретные меры по улаживанию конфликта между греко-католиками и православными на Западной Украине и разрешению прочих проблемных вопросов.

– Каково положение Русской Православной Церкви на международной арене, то есть влиятельна ли Церковь в мире?

– Традиционно влияние государств в мире определяется экономической и военной мощью. Церковь не стремится к приобретению того или другого.

Мы присутствуем в международной сфере не для того, чтобы приобрести влияние, а для того, чтобы нести слово Истины, свидетельствовать о важности нравственного измерения человеческой жизни, традиционных духовных и культурных ценностей для построения стабильного и справедливого человеческого общежития. И к нашей позиции в мировом сообществе существует устойчивый интерес. Это доказывают участие представителей Церкви в работе многих международных организаций, их выступления на крупных общественных форумах и на страницах уважаемых изданий.

Серьезным политическим событием в жизни Европы, вызвавшим широкий общественный резонанс, стало выступление Святейшего Патриарха Алексия II в Парламентской ассамблее Совета Европы в 2007 году, в ходе которого он изложил церковное понимание основных проблем прав человека – центрального направления работы этой организации. Сегодня мировое сообщество готово выслушивать мнение Церкви по различным проблемным вопросам, и потому надеюсь, что позиция Церкви будет учитываться международными структурами при принятии решений, имеющих значение для последующего развития всего общества. 

БЕСЕДОВАЛ ПАВЕЛ КОРБОВ



«СОЗДАВАЙТЕ СВОЕ, НО НЕ ПОВТОРЯЙТЕ ТО, НА ЧТО НЕ ИМЕЕТЕ ПРАВА»

Сто лет назад «Русские сезоны» Дягилева заворожили Париж феноменальным синтезом хореографии, оригинальных костюмов и музыки. Народный артист России Андрис Лиепа возродил легендарные балеты, восстановив даже знаменитые костюмы Леона Бакста, и показал их в театре на Елисейских Полях, где и проходили когда-то «Дягилевские сезоны». А сейчас с этим театром подписан контракт на проведение «Русских сезонов. XXI век» вплоть до 2013 года. Корреспондент «Русского мира.ru» встретила с ведущим солистом этих постановок Николаем Цискаридзе.

Русские балеты в дягилевском стиле всегда отличались неожиданными сочетаниями, как, например, сейчас в «Синем беге», когда вы танцуете партию индусского бога под музыку Скрябина. Где вы себя ощущаете более адекватно: в чистой классике или в таком неожиданном смещении стилей?

– Мне кажется, самое главное для артиста в любой постановке – это чтобы ему было интересно. Сначала, пока молодой, делаешь все по указке либо своих педагогов, либо начальства. Но с опытом появляются и собственное желание, и воля для того, чтобы выбирать, что именно хочется

танцевать. И здесь, в «Русских сезонах. XXI век», мне было по-настоящему интересно попробовать что-то новое для себя. Я всегда руководствовался очень четкими правилами при выборе репертуара, поскольку знаю, как именно выгляжу на сцене и какие у меня исходные способности. Поэтому старался никогда не участвовать ни в чем, где был бы неинтересен, невыразителен или недостаточно убедителен. По своему амплуа я классический «принц». Всяческих «принцев» в своей жизни сыграл очень много, наверное, это именно то, что мне удастся изобразить сразу и с легкостью. Хотя были роли в романтическом амплуа, которые мне просто неинтересны.

– И кто же из романтических героев вам неинтересен?

– Например, в «Ромео и Джульетте» меня более увлекает образ Меркуцио, нежели Ромео, поскольку Меркуцио как персонаж для исполнения прописан более выигрышно. Я сейчас говорю только, конечно, о балете, а не о самой драме. Ромео – довольно типичная роль, в ней нет развития и присутствует только одна «краска». Я стараюсь этого избегать. «Русские сезоны» мне и были интересны тем, что мне предложили очень насыщенные по внутреннему содержанию роли.

– А какой из спектаклей, показанных в Париже, ваш любимый?

– Наверное, все-таки «Шехерезада», поскольку, когда слышишь музыку этого балета, то, по-моему, просто невозможно не начать танцевать. Там есть одна сцена, она называется «Вакханалия», где в музыке Римского-Корсакова присутствует одновременно и невероятный азарт, и потрясающая нежность. Я бы даже сказал – какая-то пряность. Когда звучит эта музыка, возникает ощу-

щение, что чувствуешь запах специй. Я вырос на Кавказе и люблю колорит восточного базара. Идешь по рынку, а вокруг – невероятные запахи от пряностей, зелени, фруктов. В музыке «Шехерезады» тоже все это присутствует, поэтому мне было очень интересно принимать участие в этом балете.

– В новой постановке «Тамар» артисты натянули на полу белую ткань и совершали ею волнообразные движения. Таким «подковерным» балетом очень увлекаются сейчас и западные хореографы. Это действительно новое направление или просто временная мода?

– Мне кажется, большинство из того, что делают сейчас в балете, делали и сто, и сто пятьдесят лет назад. Все эти театральные уловки были придуманы уже давно. Конечно, меняется сложность исполнения, но, самое главное, меняется само зрительское восприятие. Люди больше не хотят видеть «швы», связывающие между собой разные сцены. Изменилось отношение к театральным постановкам. Раньше ведь в театр приходили на четыре-пять часов, а сейчас и трехчасовая постановка считается очень длинной. Интернет, радио, телевидение – все это породило иную реальность, поэтому теперь любое театральное зрелище должно быть более на-

ботало несколько моментов, которые и способствовали появлению тех оригинальных русских балетов, которыми Дягилев потряс Париж. Дело в том, что тогда огромное влияние имела балерина Матильда Кшесинская, возлюбленная Николая II. Она не попала на эти парижские гастроли, поскольку звезда все-таки была одна – Павлова, и она делала их для себя. Естественно, по этому поводу произошла большая размолвка, и в результате Кшесинская добилась, чтобы дягилевцам запретили использовать репертуар Императорского Мариинского театра. Получилось, что новая труппа была поставлена в такие условия, когда им пришлось срочно изобретать что-то свое. Танцовщик и хореограф Михаил

{ «Когда «Русские сезоны» появились в Париже, балета здесь уже практически не существовало. И парижане заново открывали для себя это искусство». }

сыщенным, каждая минута должна чем-то цеплять зрителя. Знаменитый 25-й кадр в кино приучил зрителя к более интенсивному ритму. Театру очень сложно с этим тягаться.

– А как вы думаете, почему при обилии театральных постановок сто лет назад французов так увлекли именно русские балеты?

– В том числе и потому, что, когда «Русские сезоны» появились в Париже, балета здесь уже практически не существовало. И парижане заново открывали для себя это искусство. Хочу заметить, первоначально идея показа русских балетов в Европе принадлежала Анне Павловой. Именно она впервые все придумала и показала спектакли в Стокгольме. Но для того, чтобы балерине состояться, нужно было покорить Париж, поскольку тогда именно этот город считался столицей искусства. Анне Павловой нужен был Париж, но собственных средств не хватало, а Дягилев к тому времени уже возил сюда выставки и оперных исполнителей. Анна со своим возлюбленным Виктором Дандрэ, который впоследствии стал ее мужем, сделали все, чтобы убедить Дягилева привезти балет в Париж. И тут сра-

Фокин был одноклассником Павловой по балетной школе, она его познакомила с Дягилевым, рассчитывая, что он будет ставить спектакли только для нее. Однако Дягилев к тому времени обратил внимание на молодого танцовщика Вацлава Нижинского. И вот именно из-за этого произошло расставание Дягилева с Павловой, ведь Павлова готовила эти гастроли для себя, и Париж вначале был оклеен именно ее афишами. А тут оказалось, что Дягилев начал позиционировать Нижинского как главного исполнителя.

Дягилеву многое удалось, но и Анна сумела объехать с балетами буквально весь мир. Наверное, можно сказать, что они стали как бы конкурирующими фирмами. Но та модель, говоря современным языком, продюсерства, которую Павлова изобрела вначале, была настолько правильной, что именно ее Дягилев и взял за основу. Привлечение

молодых музыкантов, художников, исполнителей – это сразу принесло Дягилеву не только деньги, но и имя. Да и, кроме того, оказалось, что в Париже ни русская живопись, ни даже опера не имели такого потрясающего успеха, как русские балеты. Ведь с балетом к началу XX века в Европе была просто катастрофа.

– Почему? Ведь балет родился и развивался именно в Европе.

– Потому что балет – самый дорогой вид искусства. Петать в крайнем случае можно и дома, а для балетных репетиций нужны определенные условия. Эти условия обходятся очень дорого, а кроме того, в подготовке балетного спектакля задействовано много людей, что тоже недешево.

И, конечно, нужна определенная школа, которая долго создается. А в Европе к тому времени это все ушло, поэтому танцоры Дягилева с великолепной подготовкой Мариинского театра произвели настоящий фурор.

– Почему же, несмотря на тот всплеск интереса к балету, который породили «Русские сезоны», большинство нынешних европейских трупп ориентируется на современный балет?

– Дело в том, что исполнять классику не только очень сложно, но и очень ответственно. Если кто-то поет или играет классическое произведение и допускает промахи, то это всем сразу заметно. А если нечто современное? Никому не будет понятно, допустил ли ты ошибку или все так и было задумано. Классикой может заниматься небольшое число людей на земле. Это – редкий дар, потому, в принципе, за это должны хорошо платить. Но мы сейчас обесценили этот дар. Лично мне повезло. Я всю жизнь танцевал в Большом театре, был ведущим танцовщиком и благодаря этому выступал на лучших сценах мира. К сожалению, далеко не у всех хороших танцовщиков есть такая возможность.

В эпоху Советского Союза была интересная особенность, я бы даже сказал, закон: классический репертуар мог идти только в академических театрах. И это правильно. А сейчас очень много коллективов, которые гастролируют по миру и возят, например, «Лебединое озеро». Но в большинстве случаев уровень постановок крайне низок, и мне искренне жаль зрителей, которые на это ходят.

– Получается, с одной стороны, эти коллективы пропагандируют элитарное искусство балета, но с другой – отталкивают от него, если уровень недостаточно высокий?

– Лично я считаю, что отталкивают, потому что показывают это сложное искусство в плохом варианте. Конечно, иногда встречаются очень хорошие солисты, но все-таки есть какие-то каноны. Например, в «Жизели» во втором акте должны стоять тридцать две танцовщицы, и они должны быть хорошо отрепетированы. Необходимы хорошие декорации, хороший кордебалет, хорошие костюмы, тогда это будет достойным обрамлением для солистов, а соответственно, изменится и восприятие балетной постановки. Это, конечно, не означает, что никакие другие театры, кроме академических, не должны существовать. Вовсе нет, но они должны искать свой собственный репертуар, создавать оригинальные постановки. Зачем тиражировать чужое?

– То есть нужно не тиражировать чужое, а становиться новыми Дягилевыми и искать свое?

– Да, пожалуйста, создавайте свое, но не повторяйте то, на что не имеете права. Однако когда я высказываю такие мысли, люди начинают очень сильно меня недолюбливать. Но здесь я выступаю за искусство, а не против кого-то конкретно. Кстати, скажу, что в Советском Союзе в отношении балета было сделано много правильного. Да, цензура вещь нехорошая, но все-таки и без наличия каких-то определенных правил тоже невозможно. И не только по отношению к балету. В частности, я считаю, что нельзя оскорблять главу государства. Можно в прессе или иным способом высказывать свое несогласие, мотивируя его, но не оскорблять.

– И не швырять ботинок?

– Тем более. Нужно использовать иные методы, чтобы выразить свою позицию.

– Театру становится все сложнее бороться за зрителя. Чем же, на ваш взгляд, «приманить» современного зрителя?

– Современный театр, повторяю это еще раз, прежде всего должен быть интересным. Вы приходите в зрительный зал только потому, что хотите получить удовольствие, не важно, что смотрите, трагедию или комедию. Вы сознательно идете на «Федру» или на «Ромео и Джульетту», зная, что все закончится трагически. Но даже если вы плачете, то все-таки это слезы удовольствия. Это – восхищение работой актеров, режиссера, балетмейстера. Именно поэтому, с моей точки зрения, любое театральное действие должно быть первоклассным. ■



СПУТНИКИ «ЭФЕМЕРНОГО» ПАМЯТНИКА

КСЕНИЯ БОБРОВИЧ

Мэрия городка Байе-ан-Франс,
что в окрестностях Парижа, в 2004 году решила перепланировать
парк средневекового замка. Раскопки и экспертиза были поручены
Французскому институту археологических исследований. Самого замка
не существует с 70-х годов XX века, от него остались только два лёдника,
замурованных и поросших деревьями и бурьяном...

...Руководитель работ Франсуа Жентили поднялся на вершину «кургана» и направил луч фонарика в дыру, пробитую в старом леднике. «Я сначала не понял – что это... Скульптура женщины в платке... Я подумал, что это – обломки религиозного памятника, но вдруг чуть в стороне увидел серп и молот!» Франсуа помчался в родительский дом, где на чердаке нашел подшивку старых журналов за 1937 год... Так и есть: в колодце на территории муниципального парка хранятся скульптуры, украшавшие советский павильон на Всемирной Парижской выставке! Французский археолог оказывается перед непростой задачей: как поступить с находкой? Обычно во Франции после

обмеров ценные предметы передают в музеи, а руины засыпают. Франсуа Жентили уверен, что в данном случае это недопустимо. Он развивает бурную деятельность в совершенно непривычных для себя областях: ищет деньги для раскопок «не по теме», собирает команду студентов-энтузиастов, организует съемки всего процесса франко-немецким телевизионным каналом ARTE, уговаривает директора института арендовать дополнительный склад для хранения скульптур... На все ушло пять лет.

СЕРП И МОЛОТ НАД ПАРИЖЕМ

О парижском павильоне 1937 года написано немало. Известно, как возникла идея, как проходил конкурс, как выбирали скульптора на закрытом конкурсе под непосредственным контролем Кремля... Борисом Иофаном был предложен не только проект павильона на прямоугольном участке вдоль Сены, но и «вид» скульптуры, его венчающей: **«В возникшем у меня замысле советский павильон рисовался как триумфальное здание, отображающее своей динамикой стремительный рост достижений первого в мире социалистического государства, энтузиазм и жизнерадость нашей великой эпохи построения социализма... Эту идейную направленность архитектурного замысла надо было настолько ясно выразить, чтобы любой человек при первом взгляде на наш павильон почувствовал, что это – павильон Советского Союза... Я был убежден, что наиболее правильный путь выражения этой идейной целеустремленности заключается в смелом синтезе архитектуры и скульптуры. Советский павильон представляется как здание с динамичными формами, с нарастающей уступами передней частью, увенчанной мощной скульптурной группой. Скульптура мне представлялась сделанной из легкого светлого металла, как бы летящей вперед, как незабываемая Луврская Нике – крылатая победа...»** Во время работы над конкурсным проектом у него **«очень скоро родился образ... скульптуры, юноша и девушка, олицетворяющие собой хозяев советской земли – рабочий класс и колхозное крестьянство. Они высоко вздымают эмблему Страны Советов – серп и молот»**.

Глубокая вера в обновление жизни, в рождение «нового» человека и нового его художественного воплощения, молодая творческая энергия Веры Мухиной, в сочетании с талантом и работоспособностью, смогли создать «икону» советского строя. Прошло более 70 лет, но до сих пор искусствоведы обсуждают художественные достоинства и недостатки парижского павильона, а историки – ситуацию, когда за несколько лет до начала войны взмыли над Сеной два символа тоталитарных государств – Германии и СССР. Во Франции до сих пор называют «Рабочего и Колхозницу» самым известным «эфемерным» парижским памятником. Его появление было значимым не только для СССР, но и для французского рабочего движения: в этот период массовых стачек и консолидации движения «Народный фронт» Францию лихорадило, то и дело на

строительстве Всемирной выставки замирали краны, проходили забастовки. В конце концов только два павильона были закончены в срок: для немецкого были привезены рабочие из Германии, а строительство советского французские рабочие считали делом чести!

Нетрудно найти свидетельства о впечатлении, которое произвела на парижан скульптура Веры Мухиной. Общеизвестны фотографии, где серп и молот, устанавливаемые краном, парят выше Эйфелевой башни. В увлечении этой уникальной историей меньше говорят об организации пространства перед павильоном.

А выглядело оно так. К главному входу вела широкая парадная лестница, фланкированная двумя мощными параллелепипедами 4-метровой высоты. По всему периметру пропилеев и были помещены рельефы, выполненные Иосифом Чайковым: на торцах – музыканты, танцоры, спортсмены, на боковых сторонах – группы, олицетворяющие 11 тогдашних советских республик. Каждая группа состояла из фигур мужчин и женщин в национальных костюмах, деталей, характерных для данной республики, и гербов. Оценки художественных достоинств рельефов Чайкова в советском искусствоведении немногочисленны и противоречивы: одни о них отзываются как об «удаче мастера», другие отмечают начинающие проступать «тенденции к внешней описательности и дидактичности» и «черты иллюстративности в решении темы».

Противостояние павильонов СССР и Германии на набережной Сены стало одним из символов Всемирной выставки 1937 года



ДОМ ОТДЫХА МЕТАЛЛУРГОВ

Первое, что нужно было понять группе французских исследователей, – это как статуи с пропиленов оказались в парке Байе. Потому так ценна работа молодого историка Орелии Дюфис, возвращающей соотечественникам осознание важности происходившего в 30–40-е годы на территории Байе-ан-Франс. Судьбу парка и установленных в нем пропиленов невозможно отделить от истории Франции, французских профсоюзов, от их связи с Компартией Советского Союза.

Архивов сохранилось немного: сначала они были конфискованы немцами в 1940 году, затем – переправлены в Москву. Во Францию архивы вернулись недавно, они не распакованы, не описаны, найти нужные документы непросто. Орелии пришлось разыскивать и опрашивать свидетелей и участников событий тех лет. Она вела поиск – невиданное дело для заорганизованной Европы! – практически как российские краеведы.

И вот что выяснилось. Осенью 1937 года после демонтажа советского павильона на берегу Сены, когда «Рабочий и Колхозни-

ца» отправились в Москву, пропилены со скульптурами были подарены левому профсоюзу «Всеобщая конфедерация труда» (CGT) для установки их в парке дома отдыха металлургов. Замок XVII века в Байе перешел в руки рабочих в апреле 1937 года мирным путем: он был куплен на средства от членских взносов, поступивших в фонды профсоюза после стачек лета 36-го года. В эти времена надежд, первых оплачиваемых отпусков, эйфории от социальных завоеваний и побед над «патронатом» тысячи человек съехались на открытие пансионата! База отдыха пользовалась огромной популярностью, каждые выходные несколько тысяч человек отдыхали от грохота цехов, гуляли в старинном парке, купались в огромном бассейне... И все это – под надзором бетонных «советских

«Советский павильон рисовался как триумфальное здание, отображающее своей динамикой стремительный рост достижений первого в мире социалистического государства, энтузиазм и жизнерадостность нашей великой эпохи построения социализма...»

Археолог-медиевист Франсуа Жентили готов часами увлеченно рассказывать о неожиданной находке



ФОТО АВТОРА

товарищей», доброжелательно взирающих на них с высоты 4-метрового роста. Орелия Дюфис нашла дочь коменданта дома отдыха: на старой фотографии – курчавая девочка честно смотрит в объектив, крепко держась за мамину руку, за спиной у них – пропилены с барельефами Иосифа Чайкова.

Мирное существование дома отдыха было недолгим. В ноябре 1939 года, после подписания Советско-германского пакта, парк Байе реквизирован государством, независимые профсоюзы и организации объявлены «коммунистическими» и запрещены марионеточным режимом Петена. По иронии истории в парке разместили военную тюрьму для коммунистов и активистов. Некоторые заключенные так хорошо знали местность вокруг своего дома отдыха, что тут же воспользовались этим для организации побега.

Новая коллаборационистская власть боится не только людей: в одном из частных писем Орелия Дюфис нашла свидетельства, что в начале Великой Отечественной войны отдано распоряжение об уничтожении статуй, они разбиты кувалдой и сброшены в ледник. Упоминаний о деталях операции пока не найдено, но ясно, что хотели выслужиться... Каждое событие расценивается Франсуа Жентили как символичное: «Некоторые детали вызывают особый интерес и трогают особо. Они позволяют иначе взглянуть на сложный период, в том числе на период отношений между нашими странами. Этот памятник, может быть, историческое недоразумение, но он представляет народы СССР. Для рабочих, для французского народа СССР в то время воплощал надежду, этому помога-



ла вся пропаганда. Эта история случилась накануне большой встряски. С самого начала выставки 37-го года все чувствовали канун больших перемен. Скульптуры, которые я обнаружил, – олицетворение всех народов СССР, и вид, в котором я их обнаружил, – антропоморфное представление СССР, лишившегося своих членов, представление живых персонажей. Именно этот воплощенный символ, я думаю, и был разрушен в 41-м».

Во время немецкой оккупации в бывшем доме отдыха металлургов разместился детский лагерь «петеновской молодежи». Только в сентябре 1944 года, после освобождения Парижа, замок возвращается профсоюзам. Скульптуры Иосифа Чайкова вновь выставлены в парке, но уже не как художественное произведение, а как «жертвы нацизма». Странным образом замок Байе-ан-Франс всякий раз оказывается так или иначе связан с Советским Союзом. Орелия нашла еще один интересный факт его послевоенной истории: «В конце войны на территории замка Байе проживали советские граждане. В октябре 1944-го их только 20, а в январе 45-го

**Иосиф
Чайков
в мастерской**

СУДЬБА СКУЛЬПТОРА

Иосиф Чайков родился в Киеве в 1888 году. Мальчика часто отправляли в Пинск, где жил его дедушка – сойфер, переписчик иудейских религиозных текстов. В 1908 году юношу отдали в ученики к граверу в Киеве. Определило судьбу будущего скульптора покровительство распознавшего его талант скульптора Наума Аронсона, который помог молодому художнику получить стипендию от «Общества вспомоществования ремесленникам Киева» для поездки во Францию. На эти средства в 1910–1914 годах Чайков проходит обучение в Париже, в Высшей школе декоративных искусств и в Школе изящных искусств. Здесь он встречается с Шагалом, Сутиним и Штеренбергом. Чудом не сотрудничает с Верой Мухиной и Иваном Шадром, проходящими обучение в академии Гранд-Шомьер у Эмиля Бурделя... Их настоящая встреча, даже дружба, еще впереди – в Советской России. В 1913 году Чайков выставляет работы на «Осеннем салоне» в составе русской группы художников. В этот период он полностью погружен в бурную жизнь парижского авангарда, а в своих произведениях стремится к обретению «еврейского стиля». Мечта «представить миру новые еврейские мотивы и формы» объединила тогда часть еврейской художественной молодежи, образовавшей группу «Махмадим» (приблизительно переводится как «драгоценные изделия»).

Демобилизовавшись после Первой мировой войны, Чайков возвращается в Киев. В революционные годы занимается созданием наглядной агитации. В 1920-м входит в состав организаторов первой еврейской художественной выставки, устроенной «Култур-лиге» в Киеве, и практически становится идеологом нового еврейского искусства. В том же году переезжает в Москву, преподает скульптуру во Вхутемасе и Вхутеине. В 1921 году Чайков публикует в изданной на идише брошюре «Скульптур» программное заявление, отказываясь от этнографического содержания и от фольклорного, или примитивистского, стиля. Эта работа касается прежде всего «еврейской» скульптуры, которая, по мнению Чайкова, не имея исторической традиции воплощения, только-только пробуждаясь, должна олицетворять собой саму жизнь и находить источники вдохновения в будущем. В 1925 году он вошел в Общество русских скульпторов (ОРС) в Москве, в 1929-м стал его председателем. В 1931 году Чайков принимал участие в создании аллеи ударников в Центральном парке культуры и отдыха в Москве, выполнив несколько портретных бюстов. Некоторое время Чайков пытался примирить противоположные тенденции; тематика его работ стала «советской», но форма по-прежнему тяготела к конструктивизму.

Чайков интересовался необычным планированием центра тяжести в скульптуре: «Мостостроитель» (1921), «Электрификатор» (1925), «Кузнец» (1927). Одна из самых известных работ, «Футболисты» (1928–1938), находится в Третьяковской галерее. В этой работе Чайков решил сложнейшую пластическую задачу: создать динамическую композицию, не отказываясь при этом от принципа равновесия фигур. Работы Чайкова экспонировались на многих международных выставках, в Москве состоялись три персональные выставки. Умер в Москве в 1979 году.



ФОТО АВТОРА

Достояние советской истории разложено французскими учеными по полочкам и ждет нового поворота в своей судьбе



уже 450. Еще не совсем понятно, откуда они взялись, я не нашла пока их имен. Скорее всего, это освобожденные из концлагерей или советские граждане, сражавшиеся в рядах Сопротивления. Среди них было много женщин и детей. С начала 1945 года лагерь действовал практически в автономном режиме под управлением советской комендатуры, которая выдавала своим гражданам пособие и поставила их на довольствие. Пребывание этих бывших заключенных не прошло без последствий... В архивах местной префектуры я обнаружила запись: они пробрались в соседние обширные владения барона Эмпана, известного своей коллекцией экзотических животных... и устроили настоящее сафари!»

ИСТОРИЯ «ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

До середины 60-х годов замок и дом отдыха оставались центром активной профсоюзной борьбы, и именно в это время – пока неизвестно, по каким причинам, – фигуры с пропилеев вернулись в сырой ледник, где и оставались до наших дней. Их сна не потревожили ни ежегодные народные балы, ни многоярусные митинги, ни террористический акт 1962 года... Они не знали, что угасают коллективные ценности, что рабочие «обуржуазиваются» и покупают личные автомобили, что ежегодные отпуска стали нормой, что в моду вошла знаменитая автострада «N12 – Дорога к солн-

цу», ведущая на Лазурный Берег, что профсоюзу все тяжелее выносить бремя расходов по поддержанию ветшающих построек. Сквозь сон услышали они рычание экскаваторов, сравнивших с землей старинный замок Байе-ан-Франс в 1972 году.

Франсуа Жентили не скрывает своего энтузиазма от находки, он видит отражение Истории в «Дружбе народов» Чайкова: «На памятнике представлены все республики СССР с гербами и символическими фигурами, в основном парами – Грузия, Армения... Интересно, что фигуры, представленные снаружи, полностью связаны с содержанием экспозиции внутри павильона, посвященной Конституции 1936 года. Так, у нас в руках оказались старые гербы некоторых республик. Конечно, нам предстоит большая работа по монтажу и составлению разрозненных элементов. Предположим, Таджикистан сохранился полностью, на таджикском гербе язык транслитерирован латиницей, а не кириллицей! Кириллица появилась позже. Это возвращает нас к дискуссии, какой алфавит выбирать для письменности у народов, которые ее не имели. Пока в руках археологов – огромная мозаика. Я не пересчитывал, но мне кажется, у меня должна быть треть всех фигур. Нам удастся сложить полностью

разом, мы видим обе стороны медали: темные стороны самых страшных лет сталинского режима... и положительное влияние коммунистических идеалов в капиталистическом обществе».

На вопрос о существовании коммунистических идей в нынешней Франции Франсуа отвечает, почти стесняясь: «Трудно сказать, к тому же это не моя область... До 1989 года чувствовалось присутствие социалистического лагеря. Существование такого мира уравнивало другие режимы, привносило возможность прогресса в социальной области. Капитализм жил «с оглядкой», зная, что рядом существуют «конкурентные» режимы. Но мне кажется, после падения Берлинской стены не только коммунистические, но и все социалистические партии испарились, их место занимают неоллиберальные движения. Есть капиталистическая схема производства, углубляющая социальное неравенство, это неравенство продолжает расти. В 60–70-х мы говорили себе, что постепенно неравенство выровняется, страны третьего мира будут развиваться, возникнет единый всеобъемлющий «средний класс». Но произошло обратное: с начала 80-х вернулись консерваторы и либералы. Я думаю, для общества очень трудно жить с этим, возникает чувство моральной несправедливости. Строить стабильное общество на этой основе нельзя. Я думаю, самопроизвольно общества будут искать другие принципы, на которые можно опереться. Не думаю, что кто-то мечтает о возвращении авторитарной диктатуры, но многие мечтают об укреплении социальных ценностей, о том, чтобы в центре внимания оказался человек, а не выгода... Вот в Латинской Америке уже пошел обратный процесс... Правда, пока никто не может знать, как это будет развиваться. Кто мог предполагать подобный кризис

{ По периметру пропилен были рельефы: музыканты, танцоры, спортсмены и группы, олицетворяющие 11 тогдашних советских республик. Они состояли из фигур мужчин и женщин в национальных костюмах и деталей, характерных для данной республики, и гербов. }

некоторых персонажей, несколько полных гербов. Есть великолепно сохранившиеся фрагменты, которые можно представить как отдельные произведения искусства. С другой стороны, в этом памятнике сокрыты огромные возможности для размышлений о сложности и многогранности того периода. Это были тяжелые для СССР времена, в 1937 году борьба с «врагами народа» достигла максимума. А для нас это период, когда коммунистическая идеология была сильна, заметный прогресс наметился в социальной области. Во Франции у власти было правительство «Народного фронта». В Испании начинается война, и Пикассо представляет на Всемирной выставке «Гернику». В то время в замке Байе принимают испанских беженцев. Во время войны парк становится лагерем, практически концлагерем. Все это – отражение определенной исторической эпохи, она снова перед нами, благодаря археологической находке. Таким об-

в Аргентине? Я уверен, Карла Маркса достанут еще с книжных полок! Кто мог предположить, что американцы возьмутся национализировать банки?» И Франсуа залиvisto смеется...

За последние пять лет парк еще раз поменял своего владельца – теперь он в ведении городской коммуны, ей принадлежат и обнаруженные скульптуры. С сентября ученые начали собирать их из обломков с помощью компьютера. Судьба находки пока не определена, несколько французских музеев предлагают включить ее в свою экспозицию, осенью 2010 года скульптуры будут представлены на выставке «Симфонии Октября» в Париже. 🇫🇷

ЛИЧНЫЙ ВРАГ ФЮРЕРА

ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ [УФА]

...Он тяжело идет к двери. Шутка ли – 89-й день рождения на носу! Шутка ли – пять ранений, самые тяжелые из которых и пришились на обе ноги. Он даже сам «оперировал» искалеченную пулей ногу осколком разбитого компаса в какой-то лесной норе... Открывает дверь. Утром, когда я звонил, чтобы уточнить время визита, трубку брали помощники, внуки, но сейчас Даян Баянович Мурзин встречает меня сам.

Белая сорочка, вязаная жилетка. На голове зеленая татарская тюбетейка – как и положено аксакалу. В его квартире обычные вещи мешаются с музейными. Странно видеть, например, мобильник да ворох врачебных рецептов рядом с фольклорными восточноевропейскими шляпами, саблями, символическими золотыми ключами от городов. Мундир висит – тяжеленный из-за медалей и орденов. Непонятно, как хозяин находит на нем место для новых наград. А он находит: «Вот, на прошлой неделе прислали...» «Свежая» медаль – к годовщине освобождения Донбасса. Но и без юбилейных медалей эта «кольчуга» из наград потрясает воображение. Вверху – причудливая звезда Героя Чехословакии.

– А вы давно были в Чехии?

– Два года назад. Вот сейчас опять звонили из Праги. Зовут. Обижаются, что не еду.

Даян Баянович рассказывает, чем он сейчас занят: пишет ответ на запрос из Киева, показывает черновик. Это подтверждение, что граждане Пономаренко Михаил Михайлович и

Макаров Юрий Александрович действительно сражались в партизанском отряде 16–17-летними подростками. Им нужна эта бумага для бюрократических пенсионных дел, и Даян Баянович пойдет к нотариусу, чтобы заверить свою подпись.

Едва ли эти парни тогда могли думать, что через 65 лет за них будет хлопотать сам Юрий Васильевич (тогда Мурзин называл себя именно так), командир Первой интернациональной партизанской бригады имени Яна Жижки – легендарный «черный генерал», в начале 1945 года объявленный «личным врагом фюрера».

ДВА МИЛЛИОНА РЕЙХСМАРОК

Бригада Мурзина была единственным партизанским соединением, действовавшим в Чехии и Моравии. В Словакии, где эти отряды создавались изначально, партизаны не были чем-то необычным. Совсем другое дело – Моравия, объявленная германским протекторатом, там Гитлер держал огромную армию под руководством генерала Карла Германа Франка. Когда в 1944 году в партизанскую бригаду, которой тогда командовал словак Ян Ушияк, поступил приказ перейти в Моравию, это оказалось очень непросто сделать. Дошли до границы, форсировали почти без потерь реку Вак, но дальше двинуться не удалось: генерал Франк задействовал танки и авиацию. Потребовались две попытки, чтобы понять, что переходить границу надо не бригадой в 640 человек, а небольшими группами. Пробраться удалось, но с большими потерями. Окруженный врагами, застрелился Ян Ушияк. Командиром стал «Юрий» Мурзин. Но и он был ранен. Истекая кровью, ушел по горному ручью. Его нашел лесник. Спрятал в яме в лесу, где Мурзин пролежал несколько

дней один, почти в бессознательном состоянии: выпал первый снег, и лесник не мог принести еду, остались бы следы.

В начале 1945-го бригада доставляла оккупантам немало головной боли: бойцы нападали на эшелоны, взрывали пути... В то время немцы попали в трудное положение в Венгрии, в районе озера Балатон. Туда решил приехать сам фюрер. Он прибыл в Прагу, собрал

совещание и был поражен, когда услышал от генералов: они, мол, не советуют фюреру ехать через территорию Моравии ни поездом, ни на автомобиле... Случился скандал. В Моравию срочно прилетел с особой миссией полковник Отто Скорцени – тот самый, что с группой своих десантников вызволил из плена Муссолини.

Скорцени созвал совещание в пражском гестапо. Выясняли, где базируются партизаны, кто ими руководит. Фотография Мурзина

у агентов гестапо каким-то образом оказалась, его называли «майором с черной бородой», что вызвало нервную реакцию Скорцени: «Таким соединением не может командовать майор!» Так «Юрий» стал «черным генералом». В листовках, которые гестапо разбросало по Моравии, говорилось, что он объявляется личным врагом фюрера и за его голову назначена награда в 2 миллиона рейхсмарок.

На партизан началась охота. К тому времени бригада действовала пятью отдельными отрядами, штаб кочевал из одного в другой и вовремя получил информацию о карательных мерах. Это позволило оперативно вывести из-под удара четыре группы из пяти. Только небольшой разведотряд Фи-

липпова не удалось предупредить, с ним не было связи. Он был окружен в поселке Плоштина. 120 разведчиков приняли неравный бой. Гитлеровцы никого не оставили в живых – ни партизан, ни местных жителей. На месте поселка вспахали землю. Сейчас там музей. Отто Скорцени доложил в Берлин, что вся бригада во главе с «черным генералом» уничтожена. За операции в Восточной Европе он был удостоен второго рыцарского креста с дубовыми листьями.

У этой истории есть любопытное продолжение. Как известно, Скорцени после войны удалось скрыться и обосноваться в Испании. В 1972 году с ним добился встречи писатель Юлиан Семенов. Разговор этот описан в одной из его книг. О Моравии там нет упоминаний, но сам Семенов рассказывал Мурзину, что речь зашла и о тех событиях: Семенов сообщил Скорцени, что «черный генерал» остался жив и сегодня живет в Уфе...

Май 1945 года. Первая интернациональная бригада им. Яна Жижки вместе с частями Красной армии вступает в чехословацкий город Всетин. Во главе колонны, с цветами, командир Даян Мурзин





РИА НОВОСТИ

ПАРТИЗАНСКАЯ БОРОДА

Из-под тубетейки Мурзина выбиваются редкие седые волосы. На лице – никакой растительности.

– Когда же вы сбрили свою легендарную бороду?

– Через год после окончания войны. Я тогда какое-то время жил в Киеве... Почему я бороду-то отпустил вообще? Это мне посоветовали из Москвы. Серьезно. Мне же было всего двадцать три, когда я стал начальником штаба партизанской бригады, а потом, когда погиб Ушияк, возглавил ее. А в отрядах почти все старше меня. И я отпустил бороду и говорил, что мне под сорок. А потом уже, после войны, когда решил сбрить, мои бойцы были страшно удивлены: мол, да ты, оказывается, пацан еще...

Только прозвище «черный генерал» намного пережило бороду. Так называлась, например, и книга советского писателя, Героя Советского Союза Генриха Гофмана о Мурзине, вышедшая впервые сорок лет назад. Притом что генералом он так никогда и не стал. Уже в 90-е, после многолетней службы в прокуратуре и МВД, вышел на пенсию полковником юстиции.

– Даже будущая жена не верила, что мне двадцать пять! Когда бороду сбрил, поверила.

Об этом разговор особый. С Надеждой Ермаковой «Юрий» познакомился в 44-м. Она была разведчицей, родом из Белоруссии, ее группу готовили для заброски в тыл врага. Но самолет подбили. Спаслись только двое. Надежда лежала в лесу три дня, прежде чем ее нашел лесник. Первое время не могла даже ходить. Потом передали ее партизанам. Так она стала разведчицей в бригаде Мурзина, а через три месяца пос-

ле Победы они поженились. Перед тем шутили выясняли: «А может, я поеду к своим в Белоруссию?» – «А может, со мной в Башкирию?» Но в родную Башкирию Мурзин вернулся не сразу. И ни на Украине, ни в Москве Надежда не призналась ему, что из-за того неудачного прыжка оглохла на одно ухо. Скрывала это так тщательно, что муж ни о чем не догадывался. Рассказала об этом только много позже. Они прожили душа в душу почти 50 лет. В 1994 году Даян Баянович овдовел...

Наша беседа начинается с того, как он оказался на войне. Добровольцем участвовал еще в Финской кампании, а до того успел поработать учителем в сельской школе, в родном Бакалинском районе Башкирии. Старший коллега, вернувшийся из армии, уговорил вместе подавать заявления – проситься на финский фронт. Комиссия собиралась в другом районе. Мурзин вдохновляется и этот эпизод с комиссией – казалось бы, второстепенный на фоне последующих подвигов в Словакии и Чехии – пересказывает в лицах, уморительно смешно.

– Хорошую лошадь нам дали. А погода – минус 40. Ладно, выехали. Добрались до Чекмагуша, там у меня родственники. А температура уже минус 50. Дядя говорит: «Никуда не поедешь, мороз такой». А друг говорит: «Даян, давай все-таки поедем». Ладно. Едем. Слушай, в Кушаренково минус 55 уже! Там комиссия собралась в школе. Нас спрашивают: «Вы откуда в такую погоду?» Отвечаем. Не верят. «Откуда-откуда? Да не может быть». Председатель комиссии спрашивает: «На войну хочешь поехать?» – «Да». – «А как из Бакалов приехали?» Не верит комиссия. Врач, женщина, тоже: «Вы что, действительно оттуда выехали?» Потом председатель спросил, сколько мне лет. Я говорю: семнадцать. «Ты же там умирешь, в такую погоду!» А я ему: ну мы же из Бакалов доехали... Потом он говорит: «Ну-ка походи! Песни петь умеешь?» – «А вам еще сплясать, может?» Все уже хохочут... «Вы прошли комиссию! Даем вам один день съездить домой, потом в Уфу». Поехали обратно в Бакалы. Родители мне говорят: «Ты что, сдурел, что ли?» В Уфе – минус 45...

А дальше у добровольцев была лыжная подготовка, выдали им винтовки, хорошие полушубки, шапки и через Москву и Ленинград – на фронт... После неудачи Финской кампании, где «половину из нас убили», Мурзин попал в Прибалтику, уже на серьезную военную подготовку, а накануне 22 июня 1941-го он уже знал от немцев-перебежчиков: начнется война. «И над нашей головой полетели самолеты... Днем воюем, ночью отступаем». Там же, в Прибалтике, будущий «черный генерал» был в первый раз ранен, попал в госпи-

РАСПИСКА ДЛЯ ГЕНЕРАЛА

В марте 1945 года интернациональная бригада осуществила, пожалуй, самую громкую операцию: похитила командующего 16-й танковой бригады вермахта, передислоцированной в Чехию, генерала фон Мюллера. Германские офицеры, любившие охоту, часто навещались в замок графа Дубского близ города Кромериж, где в прислугах работала девушка, помогавшая партизанам. Она сообщила им о том, что скоро

у графа побывает генерал со свитой, и в день приезда высокого гостя провела в замок и спрятала в подвале 13 партизан группы Йозефа Матоушека. К вечеру прибыл генерал и его помощники, приехали и другие гости, например начальник гестапо Кромерижа. Начался банкет. В разгар торжества в зал ворвались партизаны с оружием. Адьютанта генерала, схватившегося за пистолет, застрелили сразу, ос-

таль, в суматохе отступления – в плен. Но двум товарищам (Мурзин сдружился с парнем из Татарии) помог латыш, возивший в госпиталь молоко. Он помог им бежать, и через полтора месяца друзья оказались сначала в отряде белорусских партизан, потом – на Украине. Здесь Мурзин воевал три года. Ранения, переброски на «большую землю», возвращения в отряд... На «большой земле»-то на перспективного партизана и обратили внимание. Ему предложили зачислиться в спецшколу, готовившую кадры для заброски во вражеский тыл. «Приезжали с лекциями генералы, военачальники, учили мыслить, вникать в обстановку... Школа была под особым вниманием, Хрущев несколько раз приезжал». В итоге Мурзин попал в группу из 22 добровольцев, которую готовили для отправки в Словакию. Возглавил группу Ян Ушиак. В 44-м этот десант был выброшен в район села Склабино. Мурзин приземлился неудачно, ударился о ствол дерева, его лечили...

Небольшая диверсионная группа быстро «разрослась» до громадной, по-настоящему интернациональной бригады: в ней сражались граждане девяти государств! Помимо чехов и словаков тут были и немцы-антифашисты, и англичане, и французы... Я интересуюсь у собеседника, как ему удалось общаться со всеми этими людьми, как разговаривали. – В основном по-немецки. Я хорошо знал немецкий. Немного по-чешски...

Наша беседа периодически прерывается: звонят по телефону, звонят в дверь. И в свои без малого 89 Мурзин по-прежнему в центре жизни. Приехала внучка, привезла борщ. Пришла девушка, которая помогает Даяну Баяновичу, бывает здесь каждый вечер. Когда звонит старенький телефонный аппарат, Мурзин приветствует каждого восторженным возгласом. Он и меня так приветствовал: мы знакомились лет пять назад, но я не сомневаюсь, что он не помнит. Но это стиль общения и жизни, выработанный годами. Книг о себе, как и своих книг (его мемуары вышли в Уфе в местном издательстве, несколько раз переиздавались), у Мурзина почти не осталось, потому что все он раздаривает. И мне он несет пожелтевший томик, но я оставляю его на столике. Я сам пришел не с пустыми руками: некоторое время назад в Москве, на букинистическом развале, встретила книга Генриха Гофмана. И герой книги подписывает ее «на добрую память», удивляясь: «Надо же, а у меня такой не осталось...»

Очередной звонок в дверь, и снова приветственный возглас из прихожей, прежде чем внучка объяснит, что это квитанцию за квартплату принесли...



что напоминало ему о его участии в войне, и, соответственно, тех, с кем жизнь сводила на фронте. Знакомство с полковником Брежневым состоялось в штабе фронта в начале 45-го.

Потом ему не раз случалось встречаться с генеральным секретарем, особенно в момент обострения советско-чехословацких отношений в 1968-м, когда его постоянно приглашали в ЦК и пять раз отправляли в Прагу. И последующее общение генсека с «черным генералом» выглядело таким примерно образом.

– Зовут меня срочно в посольство ЧССР на большой прием. Прилетаю. Народу много, послы других стран, все стоят. Приезжают Брежнев с Косыгиным. Брежнев меня видит и говорит: «О, Мурзин, ты здесь? Иди сюда». Ведет за свой стол. Выпиваем. Он начинает со мной разговор: «Ну ты так в Уфе и до сих пор? А почему ты не в Москве? Я же вашему секретарю обкома говорил... А мы тебе Героя не дали, что ли? Давай завтра зайди ко мне, часика в два». После этого Брежнев уехал с космонавтами. Там были чешские космонавты, они на днях должны были лететь в космос, и их провожали на Байконур. Их повезли на аэродром, Брежнев, кажется, поехал тоже. А мне Косыгин говорит: «Я бывал в Башкирии много раз. А знаете, сколько Микоян у вас бывал?..»

Такие разговоры повторялись и повторялись. Героем Советского Союза Даян Мурзин не стал. В Москву не переехал. После войны работал помощником прокурора Абзелиловского района Башкирии, помощником прокурора города Стерлитамака, старшим следователем прокуратуры... Это, наверное, странное состояние, когда сначала командуешь бригадой в тысячу человек, а потом все начинаешь с нуля. Работал в органах МВД, потом возглавлял республиканскую коллегия адвокатов.

БЕЗ СМЯТЕНИЯ

Впрочем, Даян Баянович не жалуется: остался жив, прожил до старости с любимой женой, увидел, как встали на ноги дети и внуки. По приглашению помощницы переходим на кухню. «Черный генерал» несет хороший коньяк – друзья дарят. Командует: мол, разливай, молодой!.. Внимательно следит, чтобы я не «мухлевал» и налил ему полную. И потек обычный застольный разговор, уже не связанный с войной. Даян Баянович

тальные и не пытались сопротивляться. Был взят только один пленный. Генерала фон Мюллера закутали в бинты и под видом раненого провезли на санитарной машине через все кордоны. В землянке пленного допрашивал Мурзин и его заместители.

Поначалу генерал отказался отвечать на вопросы. На второй день Мурзин заявил ему: если не заговорит, немедленно будет казнен. Фон Мюллер «раскололся»: попросил положить свой китель на стол, распорол и достал из подкладки шелковое полотно, на которое были нанесены новейшие карты расположения немецких войск в Чехии и Словакии. Эти данные очень помогли Красной армии.

Партизаны сдержали обещание: сохранили фон Мюллеру жизнь. На самолете он был отправлен в Киев, потом в Москву.

– Он попросил с нас расписку, что мы его не убьем. Представляешь?

– И вы написали?

– Написал...

Пленный генерал потом некоторое время жил в Москве. Он вообще прожил долго. Написал мемуары. Эту книгу Мурзину не так давно передали.

Эти факты давно известны и описаны. Но не все. Например, Мурзин утверждает, что бойцы одного из его отрядов принимали участие в аресте генерала Власова. С одной стороны, в энциклопедиях сказано, что Власова арестовали военнослужащие 25-го танкового корпуса 13-й армии 1-го Украинского фронта. С другой – это действительно случилось в Чехии, близ города Пльзень. Вполне вероятно, что в той суматохе, когда в Чехии были и регулярные части Красной армии под командованием маршала Конева, и партизанская бригада, многие люди могли принимать в этом участие.

5 мая 1945 года партизаны бригады первыми ворвались на улицы города Всетина. Их встречали цветами. Через несколько дней, соединившись с частями Красной армии, дрались за город Злин, прошли по центральной улице, и «черный генерал» шагнул во главе колонны.

Награжденный позже звездой Героя Чехословакии, он так и не стал Героем Советского Союза, а ведь впервые на это звание его выдвигали еще в 40-х годах. Мой собеседник грустно улыбается: это еще один «сквозной сюжет» его жизни. Поначалу его «забраковал» Хрущев, руководивший тогда Украиной и хорошо знавший партизанских лидеров. Мурзин считает, что Хрущев ему, мягко говоря, не симпатизировал. Другое дело Брежнев, который вообще любил все,

Май 1945 года.
Город Злин,
Чехословакия. В город
вступили
советские
войска.
Даян Мурзин
выступает
на митинге,
проходящем
на проспекте,
который позже
назовут его
именем



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

рассказывал, как поднимал и выводил в лидеры по Союзу местную коллегия адвокатов, какие распри бывают в совете ветеранов... Как не стало его Нади...

Удивительное дело, думал я. Не коньяк же так на меня действует? Весь день мы беседовали, и не переставал давить какой-то груз величия собеседника: и в силу возраста, опыта пережитого, и в силу того, что это – тот самый герой старой книги, которая лежит в моем портфеле. А сейчас за столом легко и свободно разговаривал человек, которого и очень старым-то не назовешь: впечатление изменилось.

Были, конечно, вопросы, которые планировал задать, но тихо вычеркнул их из блокнота. Например, хотелось понять, какую волю и жесткость надо выработать в себе,

чтобы в 23 командовать партизанским отрядом. Ведь командир должен быть жесток. Он должен принимать решения о расстреле людей. Но, поразмыслив, я не стал спрашивать. Мурзин бы ответил, пожалуй: «И что?» – да я и сам не знал, что хочу услышать в ответ.

Я спросил его про чешский город Злин (после войны – Готвальдов). Даян Баянович Мурзин – почетный гражданин 13 городов и 3 сел в Чехии и Словакии плюс российской Уфы. Проспект в Злине давным-давно носит его имя.

– Вы бывали на этом проспекте?

– Конечно.

Было интересно, какие чувства может испытывать человек, оказавшись на улице своего имени и со своим бюстом в цветнике. Это ведь, в какой-то степени, то же самое, что увидеть себя в вечности. Наверное, от этого испытываешь как минимум смятение?..

Но «черный генерал» смотрел на меня без всякого смятения – и едва ли понял смысл этого сумбурного вопроса. 🇷🇺



EAST-NEWS

КАК СТЕПЬ И МОРЕ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Мальчик сидит в промерзлой бакалейной лавке на ящике из-под сардин и тоскует. Делать уроки в таком холоде невозможно. Он отвлекается на болтовню с приказчиками, обслуживает клиентов, подсчитывает выручку.

И знает, что по латыни завтра получит двойку, а отец снова выпорет, хотя сам же велел в лавке сидеть. Пока никто не знает, что мальчика потом назовут гением.

Чехов говорил: «В детстве у меня не было детства». Утром гимназия, днем лавка, вечером спевка: отец собрал любительский церковный хор, который поет по праздникам в церквях. В воскресенье – обедня, домашний акафист, потом еще одна служба. На каникулах – работа в лавке: отец считает, что детям вредно бездельничать и болтаться с приятелями, которые научат плохому. Порки, попреки куском хлеба, многочасовые церковные службы – повседневные будни Чеховых. Учеба не доставляла мальчику удовольствия: сначала его отдали в греческую школу, где мальчиков били линейкой и ставили на колени на крупную соль, затем была гимназия с обилием латыни и двоек. Разве что иногда после школы братьям Чеховым удавалось улизнуть ловить рыбу или птиц. Из радостей, конечно, еще были море и поездка на Дон через степь. Море и степь, бескрайние

и прекрасные, говорили о воле, просторе, широте и красоте мира, не ограниченного лавкой и гимназическим классом. Родители Антоши Чехова были потомками крепостных крестьян, которым удалось выкупить себя из рабства. Отец, Павел Егорович, гонял скот, затем осел в Таганроге и открыл бакалейную лавку. Глубоко верующий, он старался и детям своим внушать понятия о христианской этике, приучал их к

труду, водил в церковь... Но добру детей он учил розгой, не зная других методов. Отец любил музыку, сам выучился играть на скрипке и разбирать ноты... Чехов говорил, что у всех детей в их семье талант от отца, а душа – от матери. Дети и впрямь были талантливы; устроили даже домашний театр, в сценках Антону обычно доставались роли комических старух.

Мать свою, Евгению Яковлевну, робкую женщину, Чехов очень любил и нежно о ней заботился. Она платила ему, как выразился писатель Потапенко, «благотворительной нежностью». К отцу Антон Павлович относился с видимым почтением, но холодно.

У чеховских маленьких героев часто такое же горькое, подневольное детство. Но Чехов никого не обвиняет, не проповедует – только показывает. Так точно, так психологически достоверно, что крохотная зарисовка с натуры приобретает силу обличительного документа.

Писать «с тенденцией» и страдать о горе народном было в литературе конца XIX века хорошим тоном. Чехов потому и отличался от современных ему писателей, что всего лишь спокойно рассказывал историю – без восклицаний, проклятий, призывов и морали. А действовали на читателя эти безыскусные на первый взгляд рассказы до слез. Критики, однако, до самой смерти обвиняли писателя в безыдейности, беспринципности, равнодушии к идеалам и нуждам российской действительности.

СВОБОДА

Дела бакалейной лавочки постепенно катились под гору, Павлу Егоровичу грозила долговая яма. Спасаясь, семейство Чеховых перебралось в Москву, где отец с трудом нашел место младшего приказчика в амбаре.

В 1876 году Антон остался один в Таганроге – до окончания гимназии. Он жил в старом родительском доме, который приобрел друг семьи; окупая свой стол и кров, по-

могал в учебе хозяйскому сыну. Избавленный от отцовского контроля, он почувствовал некоторую свободу. В гимназии он ничем не выделялся – соученики его толком не запомнили. Порядки были строгие, Чехову постоянно попадало за то, что он позволял себе явиться в гимназию, например, в клетчатых брюках вместо форменных. Одним из любимых учителей Чехова в гимназии был отец Федор Покровский, который первым обратил внимание на литературный талант юноши и подарил ему псевдоним «Чехонте». Антон Павлович, помнивший и ценивший добро, потом выхлопотал для старого священника орден за участие в Русско-турецкой кампании. Добром он отплатил и таганрогской городской библиотеке, где в юношестве постоянно брал книги: туда он передал всю свою личную библиотеку, туда присылал сотни книг, собрания сочинений.

К гимназическим годам относятся его первые литературные опыты, в том числе первая драма, «Безотцовщина». Кроме того, были написаны три водевиля (в театр Чехов впервые попал в 13 лет, на оперетту Оффенбаха, и сразу в театр влюбился); было множество рассказов и сценок, которые не сохранились. Юморески для гимназического журнала, шутки, смешные подписи к картинкам вылетали из-под чеховского пера в бесчисленном количестве. Он находил в окружающей



**Дом-музей
Антон Чехова
в Таганроге**

ПО КАПЛЕ

Восьмидесятые годы для Чехова – время не только писательского, но и человеческого становления. Он старается освободиться от наследия жизни в купеческой среде, вытравить из манер подобострашие, из речи ошибки и диалектизмы (уроженец Таганрога, он вместо «стул» говорил «стуло»). Он работает над собой, «выдавливая из себя по

капле раба», как написал Суворину; жаль, что эта метафора стала расхожей до полной потери смысла. Это точное описание той трансформации молодого медика – превращение из человека испуганного, битого, связанного предрассудками и страхами, в человека свободного, уважающего свое и чужое достоинство.

Медицинские и литературные заработки позволили молодому доктору кормить семью, снимать на лето дачи, перестать думать о копейках «на хлеб и светло». На дачи он постоянно зазывал гостей, которые вспоминали, что Чехов разыгрывал друзей и домашних и смешил всех до колик. И дарование его казалось всем именно таким – веселым, легким, эффективным.

Но эта удивительная легкость и веселость совмещались в нем с придирчивой, постоянной работой над собой, с кропотливым литературным трудом и безрадостной медицинской практикой, которая хоть и давала ему массу жизненных наблюдений, но тяготила. Может быть, существуя в те годы профессией психотерапевта – Чехов с его вниманием к мельчайшим движениям души мог бы стать светилом в этой области. Его наблюдения отличаются такой клинической точностью, что цитаты из чеховских рассказов можно и сегодня встретить в качестве иллюстраций к психологическим пособиям.

УСПЕХ

Следующий сборник Чехова, «В сумерках», был тепло принят и критикой, и публикой. Стало понятно, что в русской литературе появился крупный писатель с совершенно новой творческой манерой. «Петербургская газета», например, писала, что от чеховских рассказов «веет правдивой жизненностью, искренностью чувства, пластичностью образов и красотой поэтических описаний природы. Г-н Чехов несомненно поэт, хотя и пишет прозой, – более поэт, чем иные патентованные стихослагатели». Академия наук присудила сборнику половину Пушкинскую пре-

жизни невероятно много смешного – или, скорее, настолько нелепого, что над этим можно только смеяться.

Мать обиженно писала ему в 1876 году, вскоре после переезда в Москву: «Мы от тебя получили 2 письма наполнены шутками, а у нас в то время только было 4 коп. и на хлеб и на светло. Ждали мы от тебя не пришлешь ли денег, очень горько...» Поразительно, что родители и старший брат ждут денег от 16-летнего гимназиста, а не наоборот. Совершенно неизвестно при этом, было ли у него самого хоть четыре копейки.

ДЕБЮТ

Окончив гимназию, Чехов перебрался в Москву, где поступил в университет на медицинский факультет. Учился хорошо. Тогда же Чехов начал писать и отдавать в развлекательные журналы свои рассказы, которые подписывал то «Антоша Чехонте», то «Человек без селезенки». Были и другие псевдонимы, смешные или странные, – больше полусотни. Он быстро прославился как автор уморительно смешных историй.

В Москве же Чехов переработал «Безотцовщину» – по воспоминаниям его младшего брата, Михаила, она была «с конокрадами, стрельбой, женщиной, бросающейся под поезд, и т.п.» – и отдал ее Ермоловой, та вернула драму, кажется, непрочитанной. Первый сборник рассказов – «Шалость» – не издан, возможно, по цензурным условиям. Первой опубликованной книгой стали «Сказки Мельпомены», вышедшие в 1884 году, за ними последовали «Пестрые рассказы» и «Невинные речи».

В 1883 году студент Чехов стал московским корреспондентом «Осколков». В 1884 году окончил университет и занялся медицинской практикой – работал в Воскресенске и Звенигороде, ездил на вскрытия, выступал экспертом в суде, словом, выполнял трудные обязанности русского земского врача. Фактически он давно стал главой семьи, которую содержал на литературные заработки. Михаил Чехов вспоминал: «В нашей семье появились вдруг неизвестные мне дотоле резкие, отрывочные замечания: «Это неправда», «Нужно быть справедливым», «Не надо лгать» и так далее». Удивительно, что Чеховы признали его старшинство и авторитет, и даже отец к концу жизни переменялся. Старший брат писателя, Александр Павлович, рассказывал: однажды, когда взрослые уже братья Чеховы стали вспоминать, как их пороли, отец сказал виновато: «Пора бы уж об этом и позабыть. Мало ли что было в прежнее время?! Прежде думали иначе...»

мию. Стало возможно перестать строчить ради денег, задуматься. Чехов посоветовался с друзьями, съездил на юг, в родные места – и после этой поездки написал поэтичную и просторную повесть «Степь».

Дела Чехова шли на лад. Он много и хорошо писал для театра – и пьесы («Иванов», «Леший», «Свадьба»), и водевили («Медведь», «Юбилей» и пр.); некоторые из них шли с большим успехом. Его наперебой звали в гости. Часто и гостей звали «на Чехова», к его величайшему смущению. Сам он придерживался сформулированного много позднее принципа «быть знаменитым некрасиво» и старался держаться в тени. И к своим писаниям относился с видимым пренебрежением: нацарапал, настроил... и вечно был собою недоволен. Да, множество публикаций, и премия – «и при всем том нет ни одной строчки, которая в моих глазах имела бы серьезное литературное значение», писал он в 1889 году. Его излюбленная поговорка была – «надо себя дрессировать!».

Вроде бы все было хорошо. Он молод и знаменит, сборник раскупается, деньги есть – но чего-то не хватает. «Нет, не то мы пишем, что нужно!» – восклицает он в письмах. «Чувство мое говорит, что занимаюсь я вздором». «Потягивает меня к работе, но только к литературной, которая приелась мне». Он тоскует по настоящему делу. Вскоре оно нашлось. В обществе шли разговоры о тяжелом положении каторжан на Сахалине. Чехов собрался туда ехать – и привезти точный отчет о положении каторжан и состоянии дел. Засел за справочники, газеты и журналы, статистические выкладки; работа была скучная и тяжелая; он жаловался, что от этого чтения «в мозгу завелись тараканы»... И все-таки поехал. Железных дорог тогда не было, путь на Сахалин был долгим и тяжелым – на лошадях, по бездорожью; то он топал по распутице, то ночевал в избе на полу, то его обобрали случайные попутчики... Вся поездка – за свой счет; сделанная ею пробоина в чеховских финансах не затягивалась несколько лет. Ему пришлось обойти и объехать остров, по площади почти равный целой Чехии, и вручную переписать его обитателей. Этот труд – все чеховские переписные карточки – был недавно полностью издан на Сахалине. Он собрал огромное количество статистических данных и живых впечатлений, которые полностью обработал и опубли-



PHOTOS/ALAMY

ковал в 1895 году в книге «Остров Сахалин», решительно не похожей ни на какие другие произведения Чехова.

После тяжелого Сахалина он возвращался домой кружным путем, через Индию, Сингапур, Цейлон, Порт-Саид и Константинополь. Поездка подорвала его здоровье, обострился туберкулезный процесс – но Чехов, внимательный и опытный врач, отличался странным невниманием, пренебрежением к своему здоровью; носиться с ним ему казалось стыдно и недостойно – пока туберкулез не укладывал его на больничную койку.

Поездка на Сахалин стала рубежом, отделяющим раннего Чехова от зрелого. Сказались ли тяжелые впечатления или нездоровье, но веселость иссякла, сохранившись лишь для досугов с друзьями; та самая повседневная нелепица русской жизни, которая раньше вызывала смех, теперь порождала тоску и недоумение; он и прежде не был записным весельчаком – еще до Сахалина увидели свет мучительная до слез «Тоска» и жуткий рассказ «Спать хочется». А может, само время сыграло свою роль – время, о котором современники говорили, что это «сумерки Чехова, Чайковского и Левитана», время апатии и тоски о чем-то большем... Недаром на свет являются «Хмурые люди», а еще перед тем – «Скучная история». Это новый Чехов с новыми героями и новой поэтикой: это жизнь как она есть глазами обыкновенных людей. Чехов внес в литературу удивительное умение – не навязывать читателю ответы, а правильно ставить вопросы.

С конца августа 1886 года до своего отъезда на Сахалин (21 апреля 1890 года) Чехов жил в Москве на квартире на Садовой Кудринской улице в доме №6



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

САДЫ И ШКОЛЫ

Два года по возвращении с Сахалина Чехов прожил в Москве на Малой Дмитровке, затем, в 1892 году, купил имение Мелихово, где поселился вместе с семьей; отец его оставил работу и занялся хозяйством в имении. Год был тяжелый – Чехов занимался помощью голодающим и работал на холере. Своему издателю Суворину он писал тогда: «Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно. Молодой фабрикант женился, а через неделю зовет меня: «Неприменно сию минуту, пожалуйста»... Все это противно, должен я это сказать. Девочка с червями в ухе, поносы, рвота, сифилис – тьфу! Сладкие звуки и поэзия, где вы?» Но врачом он был безотказным, крестьян принимал много и бесплатно, много сделал для земства...

Он уже знал, чем хочет заниматься, и знал, как это сделать; теперь медицина только отвлекала его. В Мелихове написаны «Попрыгунья», «Скрипка Ротшильда», «Учитель словесности», «Чайка», «Дядя Ваня»... В Мелихове был сад, которым Чехов занимался со страстью. Позднее, когда чахотка

вынудила его поселиться в Крыму – где он тоже, конечно, стал сажать сад, – он даже сообщал жене телеграммой, что у него расцвела камелия...

Сажать сады, строить школы и открывать библиотеки – ему было важно не только гневно рассказывать, как плох этот мир, но и добиваться, чтобы он стал лучше. Чехов построил на свои деньги три школы в Подмосковье, проложил шоссе, насадил сад. Садоводы в его прозе – творцы и поэты, им отданы лучшие мысли и главные слова.

ПОСЛЕДНЯЯ ПЬЕСА

В 90-х годах Чехов пишет совсем уж безрадостные вещи: пошлость засасывает его героев, и справиться с ней им не помогают ни любовь, ни добрые дела. Читатели – не в восторге от такой перемены в любимом авторе и требовали от него «мажорных ак-

кордов». Казалось, он пишет о том, «как все плохо», хотя на самом деле он занимался исследованиями тонких и важных материй: человеческой души и ее взаимодействия с другими душами. Наблюдения были неутешительными: каждый человек оказался носителем внутренних конфликтов, которые ограничивали и его собственное развитие, и

способность понять другого; это не «среда заела», это сам человек отдает себя окружающей пошлости. Но что удивительно: как бы отвратительна ни была история, которую он рассказывает, в ней обязательно присутствует какой-то камертон, позволяющий точно настроить звук; всегда есть какое-то свидетельство настоящей жизни, гармоничной и прекрасной, – даже в безысходной «Палате №6» в бреду доктора Рагина несутся олени, «необыкновенно красивые и грациозные».

Тонкие механизмы конфликтов стали основой принципиально новой чеховской драматургии, вначале вовсе не понятой ни публикой, ни критикой. «Чайку» с Комиссаржевской в главной роли бенефисная публика и вовсе освистала, и Чехов бежал, не вынеся позора. Но через два года – потрясающий триумф в Художественном театре...

затем «Дядя Ваня»... Уже очевидно, что это новое слово в драматургии, и надо работать, и работа требует его присутствия в Москве, в театре... Но у Чехова обострился туберкулез, а лечить его в те годы можно было только мягким климатом... И Чехов, похоронив отца и продав Мелихово, уехал с матерью в Ялту, где купил свой дом (и, конечно, посадил вокруг него сад).

В 1901 году он женился на актрисе Художественного театра Ольге Книппер – и многие сокрушались, видя, как они смотрятся вдвоем: он – исхудавший и постаревший, она – молодая и блестящая. Он должен был зимовать в Ялте, ей нужно было работать в Москве; он изнывал от сидения в заглохшем на зиму курортном городишке и рвался в Москву, где кипела жизнь и ждала жена. Но... Последнюю свою пьесу, «Вишневый сад», он писал уже еле живой, иногда по две строчки в день.

В 1904 году ему стало так плохо, что в России оставаться было уже нельзя; Чехов с женой выехал в Германию, где вскоре и умер.

И критики дружно запели о сумрачном даровании, о чеховском пессимизме, безрадостности и безволии. Затем, правда, наступило новое время, и Чехов стал критическим реалистом и яростным обличителем существующего строя.

МЕТРОНОМ

Удивительно, что в воспоминаниях друзей Чехов разный: одни говорят о его слабости, нежности, деликатности, кто-то даже называет его «бесхарактерным»; другие – о железной воле. А кто-то пишет, что он

был «духовный богатырь». Что у него был «постоянно действующий внутренний метроном».

Вот этот «метроном», пожалуй, самое удивительное в Чехове – и человеке, и писателе: ему удавалось выдерживать верный тон, нигде не сбываясь на фальшь. Как бывает тонкий музыкальный слух, так, наверное, бывает и тонкий человеческий – не литературный даже, а именно человеческий слух: удивительная чуткость ко всякой лжи, криводушию, самолюбованию, неестественности – хоть в речи, хоть в поступках.

Чехову удалось построить непротиворечивую систему человеческой этики и художественной эстетики. Ее называют иногда безрелигиозной системой в русской литературе, но это не особенно верно, как неверно всякое определение от противного. Лучше всего иллюстрирует эту чеховскую гармонию рассказ «Архиерей», написанный перед смертью. Это простая история о том, как к немалому больному архиерею на Страстной седмице приезжает его больная мать с племянницей. Мать стесняется сына, дослужившегося до большого чина, племянница робко просит денег, сам архиерей служит долгие службы этой недели до гудения в ногах и боли в спине – и умирает в Страстную субботу от брюшного тифа. Но этот рассказ о болезни, старости, общей нелепости и смерти – совершенно прозрачен и прекрасен, от первых строк, где архиерей внезапно заплакал на всенощной в Вербное воскресенье, а вместе с ним – все, кто был в церкви, и до последних, где умирающий архиерей, уже не отец Петр, а просто Павел, идет куда-то, легкий и свободный, а его старушке-матери потом никто и не верит, что сын у нее был архиерей...

Вроде бы все плохо, но рассказ пронизан весенней, пасхальной радостью. Он удивительно гармоничен и соразмерен. Только у Чехова, наверное, было такое точное чувство масштаба человеческой жизни в мире, такая точная мера всех вещей, что безнадежные обстоятельства – старость, разочарование, нищета, брюшной тиф и смерть – не заслоняют вечной и огромной, как степь и море, правды, ради которой только и стоит жить. 🍷



ИТАР-ТАСС

Антон Павлович Чехов и Лев Николаевич Толстой. Крым, Гаспра. 1901 год

«ДЕМАГОГИЯ ПРО РАВЕНСТВО – ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ КРЮЧКОВ ДЬЯВОЛА»

Сергей Стиллавин не любит слова «толерантность», не хочет вступать ни в одну политическую партию и просит не называть его интеллигентом. Об этом и многом другом известный радиоведущий, один из самых популярных блогеров русскоязычного сегмента интернет-сервиса Livejournal, рассказывает в интервью «Русскому миру.ru».

Сергей, если посмотреть ваши шоу на телевидении, послушать программы на радио, а затем почитать блог, можно сильно озадачиться. Есть несоответствие между образом известного шоумена и тем Сергеем Стиллавиным, который общается с людьми в «Живом журнале»...

- Шоумена?
- Вам не нравится, когда вас так называют?
- Ну, я могу провести вечеринку, конечно... Но я – не шоумен. Я не считаю себя частью шоу-бизнеса. Мы с Генкой (Геннадий Бачинский, партнер С. Стиллавина, погиб в 2008 году в автокатастрофе. – Прим. ред.) изначально были жесткими критиками шоу-бизнеса. Что касается имиджа, то, конечно, иногда я читаю комментарии: «да что вы его слушаете, это же шут» – в плохом смысле этого слова. Но я не заморачиваюсь над своим имиджем. Есть работа. А на любой работе, тем более на телевидении, от человека требуется то, что нужно работодателю. Поработав на ТВ, я стараюсь не делать скоропалительных выводов о том, что за человек передо мной в кадре. Потому что знаю: часто это никак не соотносится с тем, каков он в жизни. Скандалисты прикидываются романтиками. Романтики выглядят как я – пошляками. На радио ситуация лучше: больше простора для самовыражения, живой эфир, нет монтажеров

и режиссеров, которые уверены: вот это интересно, а это – нет. Ты вроде сам себе судья, но при этом нужно действовать в определенном формате.

Когда я добрался до «ЖЖ», очень обрадовался, несмотря на то, что за эти статьи нет никаких гонораров. Хотя иногда даже самые лояльные читатели, несогласные с моей позицией, пишут: «Вы же с этого имеете!» Это меня задевает, потому что в своем «ЖЖ» я работаю бесплатно. Я именно работаю – трачу свое время, продумываю каждый пост, пишу его.

– То есть блог для вас – некая отдушина?

– Отдушина-лаборатория. Мне любопытно, какие темы, какие слова, какие взгляды вызовут интерес, какая будет реакция. Я читаю все комментарии в своем блоге.

– Почти на каждый пост их число зашкаливает за сотню...

– Для меня важно не количество, а качество читателей. Я не занимаюсь гонкой за рейтингом, мне не по душе провокации или шокирующие фотографии как способ раскручивания блога.

– Какой он – Сергей Стиллавин, когда ему не надо работать, развлекать или писать посты в блоге?

– Я, вообще, человек неразговорчивый. Не люблю разговоров по телефону. Мне нравится побыть одному, я люблю поехать отдохнуть на природе. Мне не нужны сабантуи, шумный отдых, который регулярно устраивают люди, проводящие рабочий день скучно. Я самодостаточен. Но не зануда. Я вообще-то живчик.

– А почему вы не любите слово «толерантность»? Это заметно по вашему блогу.

– Во-первых, оно иностранное...

– Хорошо, «терпимость».

– Что касается «терпимости», то я привык к классическому восприятию этого слова. До революции это был публичный дом, где проститутки терпели унижения и обслуживали пороки платежеспособной развращенной публики, которая, выходя из этих домов, продолжала изображать добропорядочных граждан. Язык не может обмануть. В трансгисторическом плане из страны пытаются сделать дом тер-

94/
95



пимости. Мы закрываем глаза на то, что делают другие, но возникает вопрос: а где они – грани, за которые лучше не переступать? Ведь порой непонятно, где эти грани пересекаются. И точка их пересечения – это толерантность или уголовщина? Почему мы позволяем воспитывать в себе толерантность по отношению к извращениям?

Я недавно слушал трек одной провинциальной группы, и в песне об Испании 30-х годов была строчка: «Над всей Испанией безоблачное небо». Поймал себя на мысли: я много раз был в Испании и уверен, что нынешние испанцы воевать за какую-то идеологию не стали бы. Они стали очень толерантны. Сильные мира сего научились добиваться своего без показухи, без хунты и эполетов. Они прикидываются обычными людьми. А настоящие обычные люди уверены, что они сами на все влияют и у них все под контролем. Но это не так.

– **Мы, по-вашему, становимся толерантными?**

– Молодежь – да. И мне бывает страшно. Особенно когда я получаю комментарии от 20–25-летних, поддерживающих тотальную толерантность, гомосексуализм и прочую шелуху.

– **Ваш блог читает много 20–25-летних. Что вы можете сказать о них помимо того, что они толерантны?**

– Не все, слава богу, испорчены толерантностью. И потом, интернет-публика – это не показатель всего поколения. Это немного другой пласт. Хотя, конечно, большая часть молодежи пользуется Интернетом.

Какие они, эти люди, – сказать трудно. И потом, в «ЖЖ» большая прослойка мигрантов, которые живут в какой-нибудь другой стране, но обожают рассуждать о том, как нам обустроить нашу.

– **А как вы оцениваете нынешний уровень образования?**

– Уровень образования? Я вам расскажу историю из жизни. Мне ее поведала моя массажистка. Ее дочери 23 года. Дочь приехала в Москву учиться в околomedическом колледже. То есть даже не в институте. Спрашиваю: зачем надо было в Москву-то ехать? Отвечает: потому что у нас выучиться невозможно, в регионах коррупция преподавательского состава такая, что без взятки экзамены не сдашь, даже если знаешь предмет. А в Москве есть надежда столкнуться с честным приемом экзаменов. Понимаете? Я думаю, что и учителя, и

медики, и гаишники, при всем моем уважении к бюджетникам, нашли способ поправить свое материальное положение в ответ на многолетнюю пассивность государства в этих сферах.

Или вот вам еще пример: моя дочь пошла в первый класс, и учеников на второй неделе сентября заставили учить таблицу умножения. Наизусть.

Вот два полюса нашей образовательной системы. С одной стороны, плевать – за деньги поставим любую оценку, а с другой – мы с первого класса будем лепить гения. То есть это школа, где делается ставка на вундеркиндов, а остальные... Все получают «рейтинг». В «А» классе учиться престижно, а в «Д» – нет, там «дауны».

– **Это же бред!**

– Я с вами согласен. Но школой руководит некая профессорша, которая книжки издает. И ставит эксперименты на школьниках. И какая у нас будет молодежь? Сказать невозможно.

– **Вы возражаете, когда вас называют интеллигентом. Вам и слово «интеллигенция» не нравится?**

– Мне не нравится позиция интеллигенции в нашей стране. Она упадническая и не созидательная. «Не дай нам бог вляпаться во власть» – любимая цитата этой публики. Мы хотим быть чистыми, критикуя власть. Но если ты критикуешь – ты уже в одной упряжке. Я был фанатом этого всего, когда запоем читал «Московские новости», «Собеседник», «Литературку». И в конце концов наелся. Интеллигенция у меня в первую очередь ассоциируется с дискредитацией СМИ. В конце 80-х – начале 90-х тиражи достигали миллионов экземпляров. А в середине 90-х те же самые газеты были уже никому не

нужны. Почему? Да потому что те, кто говорил и писал красивые слова о правде и демократии, начали впаривать что-то с душком. А людей долго обманывать нельзя.

Я даже больше скажу. Одна исследовательская компания недавно проводила измерения радиорынка: какие радиостанции те или иные слои общества выбирают. Так вот, пресловутая интеллигенция выбра-

ла радио «Шансон»! В компании были поражены: как это может быть? И они, несчастные, не могут эти данные никому продать, потому что это... переворачивает сознание.

Знаете, какой стереотип современного российского интеллигента у меня возникает? Это человек, который, сохранив некоторые культурные манеры, не сумел вовремя наворовать и поэтому критикует тех, кто хапнул по полной. Обидно. Поскольку в классическом понимании слова интеллигенты – это совсем другие люди.

– **Как вы думаете, когда произошла подмена?**

– А была ли она вообще?

– **Интересная мысль.**

– Не знаю. Меня кое-что смущает... Был класс рабочих, класс крестьян и прослойка интеллигенции. То есть, скажем так, «не-

лась креативная вакханалия: пожизненный склад обычных лампочек взамен энергосберегающих, памятник Ленину колпаком накрыть, Мадонна должна прекратить трясти задом на Сенатской и спеть «Марсельезу».

– **И с какой идеологической базой вы бы согласились работать?**

– Ну, например... Мы заслуживаем уважения как нация не только потому, что за нами Пушкин, Карпов и Гагарин, а потому, что я верю в то, что созидательные силы народа просто спят, их надо разбудить. Быть российским патриотом – это хорошо, потому что мы можем делать что-то позитивное, а не потому, что мы бьем себя в грудь, защищая Бронзового солдата в Эстонии.

{ «Мы закрываем глаза на то, что делают другие, но возникает вопрос: а где они – грани, за которые лучше не переступать? Ведь порой непонятно, где эти грани пересекаются. И точка их пересечения – это толерантность или уголовщина?» }

докласс». Когда интеллигенция получила равенство со всеми остальными классами – это ее и сломало. Наверное, так. Не выдержала испытания классовостью. Да и потом, не будем забывать, что слово «интеллигенция» у нас придумали. Как придумали слово, так, может быть, и людей придумали?

– **Вас в политику тащить не пытаются? Допустим, предлагают вступить в «Единую Россию»...**

– На удивление – нет. Не предлагали. И в ЛДПР не предлагали. Хотя, скажу честно, одеклон «Жириновский» прекрасен. Я серьезно.

– **А если бы позвали, пошли бы?**

– Вот чтобы вступать? Нет. А что-то интересное делать... К примеру, когда партийная работа то же самое, что пиар и реклама. Например, питерские коммунисты прославились после того, как к ним пришел молодой рекламщик. И тут у них нача-

– **А что мы можем делать?**

– Да посмотрите, сколько у нас молодых и талантливых людей! Вопрос в том, чтобы молодых не приучать к тому, что сейчас насаждает наше телевидение: всюду – криминал, в армии все – дебилы, а российские автомобили – дерьмо. Да, они дерьмо, но мы же можем сделать настоящий автомобиль. Вот, кстати, я бы с удовольствием занялся пиаром российского автомобиля. Сделать в Интернете, на телевидении программу: «Мы делаем наш автомобиль».

– **Но пиаром хороший автомобиль не сделаешь.**

– Нет, я уверен, что можно напрячься всей стране и в кои-то веки создать этот автомобиль. Я серьезно: сделать какой-то общегосударственный проект, в котором молодежь могла бы реально поучаствовать.

– **Ну сделали вы этот проект, и тут выясняется, что среди тех, с кем вы работаете, очень много того, извините за выражение, «быдла», на которое вы так часто жаловались в блоге.**

– Я жаловался на интернет-быдло. И я не верю в то, что у интернет-быдла есть созидательные силы. Когда мы устраивали благотворительные акции, к примеру сбор подарков для детского дома, то языком чесали все, а приходило в десять раз меньше.

Вот, кстати, о рекламе... Знаете, какие женщины меня пугают больше всего?

– Пугают?

– Даже в ужас приводят. Пиарщицы и менеджеры по рекламе. Они ухоженные, красивые, стройные, все – на каблуках, но у них нет будущего. У них в одном глазу – евро, а в другом – доллар. С ними говоришь, а они смотрят на тебя, сканируют и...

«когда прилипнет?..» В смысле, когда деньги к рукам начнут прилипать? А ведь они могли бы быть счастливы. Но мозги-то уже испорчены: 15 процентов от контракта! Как наркоманы. А ей ведь рожать, но рожать они не могут, потому что до 35 лет – карьера! Потом они спохватываются, но у них нет мужчины, и они рожают от кого попало.

– Ах, вот почему в вашем блоге так много печальных женских историй...

– Мне женщины искренне нравятся. Не надо понимать женщину, надо ее любить.

– По-вашему, таких людей много?

– Быдла по определению много. Пастухов мало. Это данность: активная часть общества составляет 10–15 процентов, остальное – пассивное большинство, которому ничего особенного не надо. Вот обратите внимание на рекламу последних лет. Тушь для ресниц – «Ты этого достойна», мобильный телефон – «Прекрасный повод для гордости». Не нужно что-то делать, чтобы гордиться. Надо просто купить. Но есть люди, которым, для того чтобы ощущать себя полноценными, нужны какие-то свершения. А демагогия про равенство людей – это один из самых главных крючков дьявола в наше время.

– Вы, между прочим, сами имеете отношение к рекламе...

«Мне не нравится позиция интеллигенции в нашей стране. Она упадническая и не созидательная. Мы хотим быть чистыми, критикуя власть. Но если ты критикуешь – ты уже в одной упряжке».

– К сожалению, имею отношение... Но я стою между слушателем и рекламодателем. И старался, и стараюсь связываться с брендами, готовыми к некой лояльности.

Недавно меня попросили сделать материал для видеоблога про пиво «Балтика». Его до сих пор не пустили в Интернет. Потому что преамбула в сюжете такая: я в качестве эксперимента завязал с распитием алкогольных напитков на три месяца. И понял: продажа алкоголя строится на внушении людям, что есть неразрывная связь между общением, досугом и спиртным. Так вот, я три месяца провел без алкоголя. Помимо того что мог садиться за руль в любое время суток, я понял, что алкоголь помогает стерпеть выбор не тех людей в жизни. Не с тем человеком не о чем даже поговорить, а с бутылкой с кем угодно можно пообщаться в зависимости от того, сколько принял. Можно влюбиться не в ту женщину... Это такой общий анестетик чувств. И даже выстраивается некая психологическая зависимость: без алкоголя ты даже наедине с собой – неполноценный человек. Тебе мысли какие-то странные могут начать приходить. А так, вроде выпил, и мысли уgomонились.

Хотя мужчина, который пытается понять женщину, достоин уважения. Многие положительные качества женщин придуманы мужчинами. А женщины – такие же люди, как и мы, но по природе своей более зависимы от физических факторов. Например, от алкоголя или денег.

– То есть мужчина от этих физических факторов не зависит?

– Мне кажется, дураки – зависят.

– Как вы считаете, популярный человек обязан следить за тем, что и как он пишет и говорит?

– Я не хочу перекладывать с читателя на себя ответственность за анализ и критичный подход к информации. Мне говорят: вы, как авторитетный человек, обязаны взвешивать свои слова. Я всегда подчеркиваю: мои слова в лучшем случае лишь повод для размышления! И вообще, мне кажется, любые

слова какого-то раскрученного персонажа не могут восприниматься как аксиома.

Конечно, я, как журналист, отдаю себе отчет в необходимости внутренней цензуры. Другое дело, что в «ЖЖ» я волен свободнее, чем на радио, оперировать резкими словами.

– **Если вас тянуло к журналистике, почему поступили на филфак?**

– Мой школьный учитель литературы настоял. Я был у него любимчиком. Но я, конечно же, не филолог и не ученый. А журналистика нравилась всегда. Учился на практике: в 93-м году пошел работать в одну коммерческую питерскую газету, делал там все, что скажут. Бегал с утра до ночи, делал интервью, авторские заметки, рекламные материалы. Изучал, как редактируются мои материалы. И старался, чтобы меня все меньше и меньше правили. Потом перешел в серьезную газету. Потом – радио.

– **А почему вы выступали под псевдонимом «Анкл Бенс»?**

– Потому что он – негр и ел рис, а я ненавижу рис и блондин. И он был тогда раскрученный персонаж, на всех каналах шла эта реклама.

– **Какую программу вы хотели бы вести на телевидении, если бы у вас был выбор?**

– Я бы ничего не имел против проекта типа «Женский взгляд» Оксаны Пушкиной, только я бы это делал как мужской взгляд на женщин. Мне были бы интересны какие-то автомобильные проекты. Мне нравятся интервью, беседы с людьми... И никаких студий! Мне кажется, интересен формат высококачественного с технической точки зрения блога, когда идет картинка в реальном времени. То есть делать телевидение без стандартных телевизионных штампов:

«выставим свет, ты сиди здесь, брак по звуку – переговоры», и потом монтажер все отрежет. Честное надо делать телевидение. Включил камеру, потом выключил.

– **А оно надо – честное телевидение?**

– Вот продюсеры типа Константина Львовича и других говорят: «нет». А мне кажется, зритель скажет: «да». И когда у нас разовьется высокоскоростной Интернет, думаю, я перейду в формат именно видеоблога.

Вообще, первая ТВ-революция произойдет, когда мы перейдем на «цифру» и получим рейтинги программ не по Гэллапу, а по реальным подключениям зрителей. А второй переломный момент настанет тогда, когда по всей стране станет доступным высокоскоростной Интернет. Тогда станет ясно, какие проекты, какие программы, какие ведущие популярны на самом деле, а не по данным гэллапов, продюсеров или руководителей каналов, которые определяют: вот это лицо у нас будет появляться, а, например, Стиллавин – в черном списке.

– **А радио?**

– Совсем скоро придет цифровое радио. Цифровое радио – это значит, что у тебя в приемнике, в машине будет тысяча каналов. Ты набираешь название и слушаешь что хочешь. Например, шоу Стиллавина звучит какое-то время, потом дается пауза под песню, а песня играет та, какую тебе хочется. Потом песня кончилась – опять треплется Стиллавин. Диктата не будет.

– **Как вы думаете, почему не получили развития подкасты?**

– Потому что у нас в стране любят «халяву». Ставка была сделана на то, чтобы в подкастах не было рекламы и распространялись бы они по подписке. В Штатах, кстати, радиопрограммы многие так и распространяются. Плюс не было искрометного контента. За что же платить?

– **Но создание качественного контента – удел профессионалов и талантливых людей.**

– Конечно. Да вы даже на «ЖЖ» посмотрите. Помните, как-то пытались даже организовать бунт против блогеров лидирующей двадцатки? «Почему эти люди столько лет сидят в топе? Давайте обвалим им рейтинг и сами поднимемся туда». Но это – революция из разряда идиотских. Что взамен? Где возьмется другой контент? Со знаком плюс или минус, но интересный хотя бы. Зайдите в блоги. Что там у большинства? «Я купила туфли «Маноло Бланик»... какие они офигенные!» Господи, как я за тебя счастлив! Но это же идиотизм.

– **Российские радиостанции профессиональны?**

– А кто их знает? Я их не слушаю. 📻

БЕСЕДОВАЛ АЛЕКСАНДР БУРЫЙ, ФОТО АВТОРА

«КАЖДОЕ СЛОВО ИМЕЕТ СВОЮ СУДЬБУ»

Знаменитый «Русский орфографический словарь» Владимира Лопатина – настольная книга для школ, библиотек, издательств и госучреждений – в 2010 году вновь переиздается. О том, как он будет соотноситься с четырьмя новыми словарями, утвержденными в официальном статусе осенью 2009 года и вызвавшими неоднозначную реакцию общества, в интервью «Русскому миру.ru» рассказывает главный научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН Владимир Лопатин.

Владимир Владимирович, насколько оправданно введение для госструктур четырех официальных словарей? Почему эти функции параллельно не допущены выполнять наиболее проверенные академические словари – Розенталя, Ожегова и ваш? Разумеется, при условии обновления содержания и переиздания.

– Сам до сих пор удивляюсь... Утвердила новые словари правительственная комиссия по русскому языку, которую возглавляет министр образования Фурсенко. Вот к комиссии с этим вопросом и надо обращаться. Почему – не знаю. Наш «Русский орфографический словарь» самый полный на сегодня. Он насчитывает 180 тысяч слов, в то время как один из утвержденных, тоже орфографический, – только 100 тысяч слов. Остальные – немногим более. Так что

наш словарь вполне авторитетен, академичен и проверен временем. Им пользуются многие госучреждения. Его знают. Мне звонят регулярно. Для консультаций. Из Администрации президента, например, из редакционного отдела мне звонят постоянно, советуются. И мне не раз говорили самые разные люди, что мой словарь держат на рабочем столе как необходимость. Поэтому утверждение в официальном статусе четырех новых словарей не делает мой словарь менее «государственным». Он по факту официальный.

– Разница в том, что эти четыре словаря – обязательные для государственных органов власти, а ваш – нет.

– Вот только моим все пользуются, а новыми – нет.

– Организатор издания четырех официальных словарей – проект «Словари XXI века» – указывает на то, что ваш и иные авторитетные издания не успевают за стремительно развивающимся русским языком. Поэтому нужно многообразие словарей.

– Совершенно не могу согласиться с этим мнением. Скажу больше, это – ложь. Наш словарь новейший – 2005 года издания. Он в том числе включает слова, пришедшие в эпоху перестройки и реформ. Другое дело, что в нем нет слов, вошедших в обиход в последние два-три года. Но это естественное отставание для всех без исключения словарей. Словарь – это свод классических правил, которые всегда хотя бы чуть-чуть, но отстают от современного состояния. И в этом его проверенное временем преимущество.

– Ваш «Русский орфографический словарь» будет переиздаваться?

– Да. Сейчас я работаю над его расширенным изданием. В первой половине 2010 года он должен быть издан. Он включает в себя уже 200 тысяч слов. И как меня уверяют в Минобрнауки, ему будет присвоен статус официального, то есть обязательного для госструктур. Также выйдет и мой справочник, исправленный и дополненный.

– Оправданно ли обилие словарей? Почему не ограничиться имеющимися авторитетными изданиями?

– Здорово, что словарей много. Все они разного объема и служат для разных целей, но это не означает, что я приветствую широкий поток новых словарей. Сегодня очень много словарей слабых и откровенно халтурных. Что тут сделаешь?

Не допустить этот хлам к тиражности сложно. Институт русского языка РАН, к сожалению, к этому отношения не имеет. В его компетенцию не входит издательская деятельность. Мы, конечно, отказываем в экспертизе слабым словарям. Но их издатели великолепно обходятся и без нее: обращаются в частные издательства. Те нанимают так называемую независимую экспертизу. А она независима, к сожалению, только от компетентности. И дает потоку такой же некомпетентности зеленый свет. Причем делается это, как полагают издатели, элегантно. Они формально учитывают мнение экспертизы, обещают устранить ошибки, но издают словари в том виде, в каком считают нужным. Попросту не замечают экспертизы, если она мешает их бизнесу.

– И потому мы имеем в новой редакции словарей слово «кофе» среднего рода, «йогурт» и «дóговор»?

– Вот тут я был бы аккуратнее в спорах. Дело в том, что еще с 70-х годов во всех словарях, включая мой, допускается строгая письменная форма слова «кофе» – мужского рода и устная форма этого же слова, допускающая средний род. Так что в разговоре допустимо и даже запросто можно сказать: «Какое вкусное кофе». Почему новые словари избрали средний род как единственную трактовку и правильную, мне непонятно. Со словом «йогурт» тоже не вижу трагедии. Оно действительно в 30–40-е годы пришло к нам из турецкого языка и имело сразу три формы написания и произношения – йогурт, югурт и ягурт. А в годы перестройки оно вернулось из немецкого языка и с принятием в нем ударением – йóгурт. И закрепилось именно в последнем варианте. Зачем менять сложившуюся практику ударения – мне тоже не совсем понятно. Одновременно не могу согласиться с теми реформаторами от русского языка, которые во всем хотят навести «порядок» – всех приучить



говорить единообразно. Без вариантов. Смею утверждать: это невозможно! Русский язык – живой организм. Он растет и развивается. У него есть письменная, строго литературная, и устная, или разговорная, формы. Кофе мужского рода – письменная, кофе среднего – разговорная. Какая из них выживет и станет нормой, устанавливают не издатели словарей, не ученые или органы власти, а люди через разговорную практику. А она веками такова, что допускает варианты.

Кстати, по поводу слова «одновременно». Я тут на днях долго объяснялся и спорил с представителями одного телевизионного канала и нескольких радио. Все они в приказном порядке заставляют ведущих и корреспондентов говорить исключительно «одновременно». Я же в эфире сказал «одновре́менно». Это допустимые варианты

название, говорим «Сухуми», «Цхинвали». Независимые от Грузии трактовки – «Сухум» и «Цхинвал». В последнее время они действительно стали более употребительными. Как известно, признана независимость этих республик. Это политический акт, оказывающий на разговорную ситуацию определенное влияние. Понимаете, выживаемость слова проверяется практикой. Каждое слово имеет свою судьбу. Рано или поздно оно себя покажет.

{ «Русский язык – живой организм. Он растет и развивается. У него есть письменная, строго литературная, и устная, или разговорная, формы. Какая из них выживет и станет нормой, устанавливают не издатели словарей, а люди». }

ударений, как творо́г и твóрог. И то, и другое правильно. Так нет же. Мне звонят с телевидения и просят говорить «грамотно» – «одновременно». А то, говорят, «мы будем вынуждены вырезать вас из эфира». Понимаете, это ложный подход к грамотности речи. Он отнимает у русского языка возможность творческого развития и разнообразия речи, а вместе с ней – богатства языка.

– С точки зрения ученого, допустимо ли, чтобы варианты произношения противоречили друг другу? Так, по правилам новых официальных словарей название столицы Южной Осетии надо писать в грузинском варианте – «Цхинвали» вместо осетинского «Цхинвал», как сегодня говорят даже официальные российский лица. Та же путаница с Абхазией. Словари установили грузинское правописание ее столицы – «Сухуми», а на правительственном уровне принято говорить «Сухум».

– В моем словаре «сухумский» – производное от «Сухуми», «Сухум». В этих названиях опять же допускаются варианты. Если мы хотим подчеркнуть, что это грузинское

В этом смысле я считаю разумным сравнивать нынешнюю эпоху, когда в русскую речь хлынули англицизмы, с эпохой Петра I. Сегодня англицизмы проникают в русскую речь в основном из области бизнеса и компьютерной техники. Это происходит еще и потому, что в СССР бизнеса не было, а в IT-технологиях мы в конце перестроечной эпохи сильно отставали от Запада. Не было в этих областях и своей терминологии. В эпоху Петра I, когда, как известно, было прорублено окно в Европу, в русский язык тоже хлынули иностранные слова. В перестройку, если помните, был снят железный занавес. Очень похожие образы. Русский язык, как в эпоху Петра, так и сегодня, только выигрывает от заимствований иностранных слов. Язык что-то берет, что-то, что ему неудобно, отсеивает. Со временем те слова, что укрепляются в языке, развивают и обогащают его. Русский язык действительно в разные эпохи обогащается за счет иностранных языков. В этом его сила, а не противоречивость.

– Новые словари проигнорировали вполне распространенные англицизмы, ставшие русскими словами, – «о(ф)фшор» или «бре(э)нд». Они так и пишутся в разных изданиях по-разному. Как решить эту проблему?

– В нашем словаре пишется «оффшор» и «бренд». Это устоявшаяся норма – в иностранных словах после твердых согласных писать букву е. Исключение – мэр, сэр, пэр, рэкет.

– Учитывая то обстоятельство, что в 2010 году ожидается принятие закона, по которому будут штрафовать представителей власти, закона и СМИ за публичную и тиражируемую безграмотность, пикантность ситуации очевидна: кого штрафовать – тех, кто установил спорные нормы, или их потенциальных нарушителей?

– Это что считать безграмотной речью... Разумеется, надо повышать грамотность устной речи. Штрафовать ли за это? Мне трудно сказать. У меня есть сомнения, что такая мера реально повысит грамотность. Ведь почему мы много ошибаемся в разговорной речи? Если сравнивать современное состояние устной речи с советским временем, то тогда мы гораздо реже слышали живую разговорную речь. На радио и телевидении тогда читали заранее написанные и записанные высоким лицом тексты. А теперь, в эпоху свободы слова, кроме живой речи, другой и нет. Поэтому, естественно, мы чаще делаем ошибки и далеко не все говорим грамотно. Когда люди ошибаются, это нормально. Ведь человек подбирает нужные слова, делает паузы, что объяснимо для разговорной речи. Поэтому особенно расстраиваться из-за этого не стоит. Это всего лишь признаки свободы слова. И за них – штрафовать? Не уверен... Другое дело, когда публичное лицо бравитует или намеренно искажает речь, выдавая ее за норму или, как представители рекламы, – за «креатив»... Тут есть над чем подумать.

– Многие филологи и лингвисты утверждают, что все языки мира упрощаются. Русский язык вписывается в эту тенденцию?

– Я не согласен с мнением, будто русский язык упрощается. Совершенно нет никакого упрощения. Грамматическая система правил ударения сложная, орфография еще сложнее. Он не упрощается, а обогащается. Новые слова – кстати, не только заимствованные – его развивают. Толчок тенденциям внутреннего развития дают даже иноязычные слова. Много слов, которые, являясь первой частью сложных слов – аудио-, видео-, радио-, теле- и другие, – играют роль «новаторов». Лингвисты считают, что с точки зрения науки это слова, которые находятся на грани между частями сложного и самостоятельного слова. Обращали внимание? Мы уже не говорим: «Я посмотрел по видео». Мы го-

ворим: «Я посмотрел по «видику». Если угодно, это пример внутреннего развития языка, приближение его к системе склонений-спряжений. Не факт, что именно этот пример станет нормой словоприменительной практики. Но вот такие частицы – видео-, теле- и другие – остаются неизменяемыми словами, которые русский язык пытается склонять и спрягать. Это новые элементы аналитического строя языков. Вот в этом можно увидеть некоторое развитие грамматического строя русского языка – появление так называемых аналитических прилагательных. Так что никаких упрощенческих тенденций в развитии русского языка я не вижу.

– Что будет со словарями Розенталя и Ожегова?

– Насколько я знаю, они будут переиздаваться коллективами соавторов. Довольно известен словарь Розенталя в соавторстве с Джанджаковой и Кабановой, он одновременно орфографический и орфоэпический. Правильное употребление слов – объект исследований этого словаря. Ему люди привыкли доверять, и было бы логичным его переиздать. Как мне известно, этим словарям также будет присвоен официальный статус. Что закономерно. Вообще, нужно больше хороших нормативных словарей. Их многообразия, как и вариативности произношения слов в русском языке, бояться не надо. Стоит опасаться халтуры и моды на неграмотность.

– Лично вам какие новые словечки или их преобразования режут слух и хотели бы вы, чтобы эти варианты исчезли из русского языка?

– Сегодня как-то вдруг многие начали говорить «имеет место быть». Это ошибка.

«Быть» – лишнее слово в этом словосочетании. Мне режет слух повальное увлечение этим нововведением. То же самое могу сказать о словосочетаниях «на самом деле» и «в этой связи». Таких словосочетаний в русском языке нет. Есть «в самом деле» и «в связи с этим». Мне иногда кажется, что кто-то просто так однажды пошутил, а словосочетания вошли в разговорную практику и замусоривают речь. 📺

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО



ИТАР-ТАСС

«ЭТО НЕ ТЕАТР, А СПОСОБ ЖИЗНИ»

Вячеслав Полунин в представлениях не нуждается.

В интервью «Русскому миру. ru» он рассказывает о том, что для него значит театр, как он справляется с трудностями и о чем мечтает выдающийся российский мим и клоун.

В своих потрясающих шоу вы нащупали удивительно правильные интонации. Можно уже и дальше жить на этом багаже или еще есть куда развиваться?

– Я сам себя не повторил ни разу. Каждый день я немножко другой, а значит, и спектакли мои – другие. Они не повторяют то, что было вчера, а отражают сегодняшнее настроение. Да и вообще, наши представления – это другой тип театра, другой театральный стиль. У нас нет постоянной труппы, наши артисты живут по

всему свету, иногда собираются на праздники и на репетиции перед выступлениями. Причем то, что они делают вместе со мной, может быть никак не связано с основной работой. Поэтому многие привычные театральные формулы к нам вообще неприменимы. Это не театр, а способ жизни.

– Рациональные французы ваши представления просто обожают. Наверное, в жизни они слишком расчетливы, поэтому им так приятно «откапывать» в себе давно забытые детские ощущения?

– Конечно, когда приезжаешь в новую страну, то хочется понять ее жителей и подобрать к ним ключик. Но не национальные различия главное. Среди нашей публики есть и дети, и взрослые, а мы, артисты, являемся детьми во взрослом мире. И мы помогаем тем, кто уже вырос и расстался с детскими иллюзиями, вернуться к своей сути. Нужно научить серьезных людей снова стать немного детьми.

– Рассказывают, что комик Луи де Фюнес в жизни был довольно тяжелым человеком, как и многие комические артисты. А вы со своими близкими такой же милый, каким кажетесь на сцене, или, наоборот, какой-нибудь «оборотень в клоунском наряде»?

– Наверное, я ухитрился что-то такое найти, чтобы мне было комфортно не только на сцене, но и в жизни. А для этого вовсе не нужно всех «строить». Или, вернее: суметь всех построить, но так, чтобы они этого не заметили.

– Поделитесь методами, пожалуйста.

– Это очень просто: никогда ничего не заставлять делать серьезно. Нужно во все играть. Такая простая вещь, но она отлично работает. Например, назначать не репетиции, а приглашать пообщаться, а заодно почему бы и не порепетировать? Или гуляешь с друзьями, смотришь, кто-то из них сделал забавное движение ногой. Говоришь: «Повтори, пожалуйста, здорово получилось». Все происходит

между прочим, но становится частью жизни и не превращается в экзамен. Такой процесс намного естественнее для человека и не порождает ни стрессов, ни напряжения.

Или взять мой номер с телефоном. Этот надувной телефон я увидел в магазине. Решил купить, поскольку он мне понравился – такой яркий, объемный. Положил его куда-то в угол, там он и пролежал лет пять. А потом, когда понадобилось сделать номер

с чем-то ярким, я про него и вспомнил. Сел рядом с ним, подумал: «Что такое телефон? Телефон – значит одиночество. И наоборот. Зачем нужен телефон? Чтобы переломить одиночество». Так и сложился номер.

– Время сейчас на редкость информационно, мы все переполнены чужими словами. И вдруг оказалось, что изобретенный вами язык без понятных слов, знаменитое «асисей», прекрасно выражает все эмоции. Лишний раз задумаешься: сколько шелухи мы в себя вбираем? Вы телевизор часто смотрите?

– У меня никогда не было телевизора в доме, только иногда смотрю его в отелях на гастролях. Но специально покупать не вижу смысла. У меня есть плазменный экран и проигрыватель дисков. Я люблю передачи о животных, о природе, то есть не что-то придуманное, а натуральное. В основном этим и «питаюсь». Газеты не выписываю и не читаю. Мне кажется, там так много неправильного, что не стоит терять время, выискивая пять процентов правильного. Во всем этом копать очень тяжело. Я не хочу обидеть газеты, наверное, в любом деле можно найти девяносто процентов шелухи. А у себя дома мы стараемся никогда о плохом не разговаривать. Либо это должна быть какая-то исключительная ситуация, либо когда приходится говорить о плохом, то все равно, нужно искать позитив. Я, конечно, не имею в виду какие-то страшные трагедии. Мне запомнился фильм, где улыбающийся человек приходит устраиваться на работу, а потом оказывается, что у него огромное количество проблем, но он делает все, чтобы постараться из них выйти. Нужно жить на сопротивление. Не сдаваться. А таким «сопротивлением» по отношению к тяготам жизни могут стать и друзья, и работа, и игра.

– Говорят, в двадцать лет человек имеет то лицо, которое дала природа, а в сорок – то, которое заслуживает. Многие так привыкают всю жизнь себя жалеть, что у них потом даже лица трансформируются. Причем очень часто это те, кто отнюдь не находится в тяжелом положении.

– Да, один мой знакомый французский артист сказал мне недавно с возмущением: «Представляешь, какой кошмар?

Урезали финансирование уличных театров». А я отвечаю: «Лучше скажите спасибо, ведь нигде в мире, кроме Франции, уличные театры из бюджета не финансируются». И вообще, вначале нужно посчитать, что ты сам дал стране, а только потом предъявлять претензии.

– **Уже невозможно понять: что же в конце концов нужно человеку, чтобы он чувствовал себя счастливым? Даже книжка недавно вышла: «Сто определений счастья».**

– Нужно ее купить. Интересно будет наконец узнать, что такое счастье.

К нашей беседе присоединяется один из участников театра Полунина, клоун Николай:

– Есть такое государство Бутан, так вот там совершенно официально существует министерство счастья. В этом государстве подсчитывают не только национальный доход, но и национальный уровень счастья.

– **Я журналистка доверчивая, так и напишу про Бутан. Надеюсь, вы меня не обманули?**

Слава Полунин:

– Если сомневаетесь, напишите: «Клоуны за свои слова не отвечают».

– **Вообще, про счастье говорят, что оно, как здоровье: пока его не замечаешь, значит, оно есть.**

– Наверное, существует даже не сто, а миллион разных видов счастья. Для меня, например, это означает собрать вокруг себя как можно больше друзей, попить, попеть, потанцевать.

– **То есть, отработав спектакль, потом еще петь и плясать?**

– Так от этого невозможно устать! Разве можно устать от радости? Понятно, что иногда хочется посидеть, опустив ноги в воду, и это тоже замечательно. Или одному погулять по лесу. Я именно поэтому в лесу и живу, чтобы всегда была такая возможность.

– **Вы живете во Франции, будем считать, что в «лесу». А остальные члены вашей команды?**

Клоун Николай:

– Я живу в Канаде. Много что делаю, все стараюсь охватить, но и свою профессию не забываю. Веду детский кружок пантомимы.

– **Слава, а когда все в разъездах, вы чем занимаетесь?**

– Например, строю фантастические замки.

– **Имеется в виду ваш замок под Парижем или что-то другое?**

– Недавно в Москве строил надувные замки на «Белом карнавале». Там были огромные белые надувные шатры, красоты невероятной. И таких проектов очень много. В этом году у нас уже прошли «Транссибирский экспресс»

и «Горящий человек». Уже несколько лет проводим в Москве «Конгресс дураков». Собираем всех самых лучших «дураков» мира на одну площадку и там веселимся не на шутку. Или, например, «Караван мира». Когда-то это был самый большой театральный фестиваль, который когда-либо проводился. Он длился семь месяцев и пересек Европу от Москвы до Парижа. В этом году хотим его повторить по другому маршруту. Все это – мега-проекты, в которых участвует множество стран. Поэтому то, что мы делаем на сцене в нашем шоу, – это просто маленькая капля среди огромных фантастических проектов.

– **Ваше «Снежное шоу» среди других мероприятий открывало Год России во Франции. Проектов было много, все боролись за спонсоров...**

– Мы ни за что не боролись, все всегда делаем сами и спонсорами не интересуемся.

– **Вы все-таки находитесь в привилегированном положении, поскольку ваше искусство всем понятно.**

– Это – иллюзия, что кто-то находится в более привилегированном положении. Куда ты сам себя поставил, там и находишься.

– **Живя в Европе, продолжаете ли ощущать себя русским или вы уже «гражданин мира»?**

– Мне кажется, все должно быть в равновесии. Правда, совсем не в том, о чем обычно говорили в России, имея в виду, что на Западе всех замучивает ностальгия. Это – неправда, если человек занят своим любимым делом. А приезжать в Россию сегодня никому ничто не мешает. Например, я минимум два месяца в году провожу в России. Приеду, покажу свои работы, все новенькое, что сейчас затевается, а потом отправлюсь колесить по белу свету. Хочется везде побывать, ведь Россия лишь часть мира. Условно говоря, это только одна из комнат нашей огромной коммунальной квартиры.

– **А можно ли сказать, что какие-то чисто**

русские черты характера вам в чем-то помогли, а от каких-то пришлось избавляться?

– Вряд ли пришлось от чего-то избавляться. Мне, как ребенку, всегда хочется все самому посмотреть и попробовать. Обидно, если за углом что-то происходит, а я в этом не принимаю участия. Поэтому всегда очень быстро перемещаюсь по планете, чтобы везде успеть. У меня проблемы нацио-

нальной законсервированности никогда не было, поскольку я просто не дал ей в себе развиваться. Ведь тема «бирюка», если дать ей волю, вполне может приобрести серьезные масштабы. Есть разные люди, это нормально, но когда целая нация начинает становиться домоседами, считая, что нигде нечему поучиться, то такой «уход корнями в землю» мне кажется не совсем правильным.

Я себя всегда считаю русским. Скажу больше, надеюсь, вы не посчитаете это нескромным. Все мировые критики пишут: «Хотите увидеть Чехова, Толстого, Достоевского и Гоголя в одном спектакле – приходите на шоу Славы Полунина». Я не пытался специально это вытащить через себя, но то, что меня воспитало, оно всегда во мне сидит. Искренность, эпичность, упорство, драматизм – все эти черты заложены в русском характере.

А когда я мотаюсь по свету, то к этим русским чертам характера все больше присоединяются и другие, которые мне ранее не были свойственны. Вначале очень помогли американцы. Они пытаются рационализировать каждую минуту своего существования и очень в этом преуспели, поэтому, например, в моем шоу немало американских наработок. Не в том, что я делаю на сцене, а в том, как оно организовано. А англичане меня научили театральному бизнесу как таковому, поскольку они все делают удивительно глубоко и основательно, не так поверхностно, как американцы. Когда ты свое дело основываешь на глубоких вещах, то твое дело практически невозможно перевернуть и потопить.

Кроме того, для меня великой страной является Индия. Она каким-то образом ухитрилась прорваться туда, где материальное значит очень мало, как и какие-то прошлые достижения. Главное – тот момент жизни, в котором ты находишься сейчас, бытие в нем. Суметь влюбиться именно в этот момент и жить в нем, не закликаясь ни на прошлом, ни на будущем, – это великая вещь, которая удалась индийской нации. Я в Индию часто езжу учиться, да и вообще, чтобы понять, что сам я делаю на сцене, нужно съездить в Индию. Там никто никуда не бежит и не пытается развиваться только ради процесса как такового. Индийцы считают, что судьба сама приводит человека в то место, где ему и нужно находиться и

где он окажется максимально полезным. Но, конечно, я не могу претендовать на то, что хорошо знаю все страны, ведь для меня весь мир заключается в театре, и именно через него я вижу мир.

– **Есть такая фраза, которая сначала может показаться комплиментарной, а потом оказывается довольно обидной. Говорят, Россия лучшая страна для «вылеживания» гениев. У нас их рождается и формируется много, но часто им приходится уезжать, чтобы самореализоваться. Вы согласны с этим?**

– Я очень боюсь что-то категорично утверждать. Все время тыкаю пальцем в небо: где-то мягко, где-то твердо. Но выводы делать из всего подмеченного не очень люблю. Я прожил свою жизнь так, как мне положено. И знаю, что прожил ее правильно. А как помочь прожить другому, не очень понимаю. Могу только попытаться вдохновить других своим удовольствием от того, что со мной происходит, и, может быть, им захочется действовать так же. Но рассуждать о том, как должна развиваться страна и как она должна строиться, я не берусь.

– **Может, это и примитивный вопрос, но раз вы так восхищаетесь Индией, то хотела бы узнать: а в переселение душ вы верите?**

– Наверное, нет. Я интересовался многими религиями, но в результате пришел к тому, что у меня свой собственный путь, и я должен прожить его по-своему. Мне кажется, я нашел какую-то свою... нет, не религию, скажем так: понятие о том, что такое добро и зло, как человек должен относиться к человеку, как помогать людям. Все это я для себя нащупал интуитивно и стараюсь ориентироваться в жизни на какие-то принципы. Мне очень хочется, чтобы в мире была гармония, и все, что можно для этого сделать, я делаю. Если мне удастся сделать мир более гармоничным – значит, я все делаю правильно. Наверное, этим занимается и религия.

– **Но еще первые христианские богословы замечали, что, несмотря на все усилия, зла в мире меньше не становится. И если на земле рождаются такие светлые люди, как вы, то где-то в противовес рождаются и злодеи. И к гармонии мы никак не приближаемся.**

– Каждому из нас нужно максимально проявлять свои положительные качества. Как только мы перестанем это делать, чаша весов начнет перевешивать в другую сторону, в сторону зла. Закон простой: делать как можно больше, как можно больше людей вдохновлять своим примером, чтобы чаша добра в мире хоть немножко, но перевешивала. 

ИСКУССТВО БЕЗОПАСНОСТИ

МИХАИЛ БЫКОВ

В конце XIX века японский император Мейдзи после визита в Страну восходящего солнца русского цесаревича Николая решил поменять личную охрану. Вместо привычных самураев на вахту заступило с десяток русских офицеров из состава Собственного Его Величества Конвоя. Самые отчаянные апологеты русского боевого стиля утверждают, что благодаря этому появилось такое сугубо японское изобретение, как айкидо.

Пока я усаживался на диванчик в кухне обыкновенной московской пятиэтажки, хозяин дома, Анатолий Белоусов, открыл окно и прямо на подступающую к раме кирпичную кладку щедро высыпал две-три пригоршни какой-то крупы. Голуби появились тут же и принялись степенно поклевывать привычный, видимо, обед. Убедившись, что птицы не в претензии, хозяин приступил к довольно длительной и предельно тщательной процедуре заваривания чая. До сих пор не знаю наверняка, почему ЭТО называют – чаем. Ведь чай – совершенно определенный вид флоры, какое отношение он имеет к ароматным настоям из душицы, чабреца, амаранта, хмеля, боярышника и т.д.? Моя версия проста: в России травяные настои заваривают обычно в чайной посуде. Вот и весь секрет! Что ж, чай так чай. Анатолий закончил «колдовать» и предложил испробовать «варево». Оно оказалось довольно горьким на вкус. Хозяин согласился с оценкой и слил почти все содержимое чайника в раковину. Оказалось, первую заварку пить не надо никогда. Вторая – другое дело. А третья – еще лучше. И правда – у Анатолия лучше третья. Чай помогал сосредоточиться. Все остальное – мешало. И прежде всего мысль, что по ту сторону неширокого стола сидит человек, чьи способности и навыки не укладываются ни в какие стереотипы. Я, конечно, читал про казаков-пластун, помнил легенду о Евпатии Коловрате, слышал рассказы про таинственный Казачий Спас. Но тут...

«Сам я из кубанских казаков. Родился в Туапсе. В семье было девять детей. Все первые – мальчики. Мой дед – настоящий казак-характерник, которых и так было немного, а уж после гонений на казачество вообще остались единицы. Почему он выбрал именно меня из всех внуков – не знаю, и никогда его об этом не спрашивал. Это вообще в казачьей традиции. Характерники, более известные как пластуны, передавали свое умение тем, кого сами выбирали либо из своего рода, либо из чужих казачат, которых специально искали в станицах и на хуторах. Что могли характерники? Бесшумно двигаться, лежать неподвижно часами, видеть в темноте, проходить сквозь посты немеченными. Называлось – «мара». Отсюда и современное – «замораживать». Могли отклоняться от летящей стрелы и даже пули. Владели в совершенстве лошадьё и традиционными видами оружия. Умели вести рукопашный бой, в том числе и на расстоянии. Бесконтактный, как сейчас говорят. Как это объяснить? Хотите, называйте особым видом гипноза, но на каком-то ином уровне, что ли.

Мой брат-близнец отслужил срочную в армии, приобрел редкую специальность – доводчика воздушных кораблей. Чтоб было понятнее – то же самое, что рихтовщик автомобилей. Короче говоря, рабочий человек. Как дед улаживал разницу между нами и какую разницу именно, знал только он.

Знаю, что звучит все довольно фантастично, часто с этим сталкиваюсь. Многие Фомы неверующие говорят – покажи на мне, тогда поверю. Не покажешь – знаешь, шарлатан! Мне все равно, верит человек или нет. Я этим занимаюсь не для того, чтобы кому-то что-то показывать и доказывать. Просто сознаю, что могу, и,

когда надо, применяю. И учу тех, кто хочет научиться. Но предупреждаю: Спас, который я называю «тонкими практиками», в максимальной, так скажем, комплектации можно доверить единицам. У меня за два десятка

лет работы только четверо учеников, которым я передал умение работать на расстоянии. И я в них уверен. Эти ребята никогда не используют это знание во зло. Господь отсекает плохих людей от тонких практик. И еще – такая работа очень опасна для здоровья. Принцип смены частот, который лежит в основе тонких практик, требует очень тщательной подготовки организма. Чтобы понять на примере, о чем я говорю, представьте себе кадры в замедленной съемке. Так же примерно видит окружающий мир определенным образом

настроенный характерник в тот момент, когда в него летит, скажем, пуля. Проще говоря, он эту пулю видит.

Спас – это комплекс духовных, волевых, моральных и физических качеств человека. Это – непросто!

Большинство нуждается в более простой и доступной системе навыков, способных помочь человеку выжить в экстремальных обстоятельствах, будь то стихийное бедствие, техногенная катастрофа, нападение, война...

Если не мудрствовать лукаво, сегодня преподаю систему личной техники безопасности. В свое время удалось пройти специальную туристическую подготовку, горную, подводную – с аквалангом, такелажную, парашютную. Поэтому веду занятия не только в зале, где все начинается с обыкновенных физических упражнений. Ездим на природу, показываю, как строить иглу или любое другое укрытие, как разжигать костер без спичек, как избежать обморожений. В городе стараюсь развить у своих учеников навыки, с помощью которых они в случае чего скорее уцелеют в местах крупного скопления людей – на митингах, стадионах, дискотеках, в школах. Поможет против уличных домогательств. Мой метод основан на дедукции. Он позволяет в короткий срок передать большой объем информации и проработать полученные задания. Иначе говоря, человеку предлагается усвоить систему, а развивать ее он будет дальше уже самостоятельно. В современном городе в зал не набегаяешься, большинство людей могут ходить на тренировки раза два-три в неделю. Но если заниматься каждый день еще и дома, в парке, на даче хотя бы минут 15 – прогресс неизбежен».

Из разговоров с Белоусовым

Казачи-пластуны творили чудеса – это факт. Сохранились свидетельства их удали и во время показательных выступлений, и на войне. Хрестоматийный пример – начало Первой мировой войны, август 1914 года, бой донского казака Федора Крюкова с двумя товарищами против 27 немецких кавалеристов. Результат: 11 человек заколол



АНТОН БЕРКАСОВ



ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

и зарубил лично приказный Крюков, остальных – товарищи. Спаслось только четверо. Самый интересный вопрос: если германцы очевидно уступали в схватке на холодном оружии, почему никто из них не стрелял? Не успел? Не смог?.. Как всякому другому, захотелось посмотреть, так ли буднично проходят занятия Школы Белоусова, как он о них рассказывает. Или – скромничает человек? К тому же первое знакомство уместилось в полтора-два часа. И усмотреть русского богатыря в 50-летнем мужчине плотного, но отнюдь не могучего сложения, с широкой улыбкой и добрым, но пронзительным взглядом, честно говоря, не успел. Октябрь. Суббота. Дождь. Измайлово. Входим с сыном в спортивный зал старой московской школы. Зал хороший, ухоженный, со свежим ремонтом. Занятие уже идет. В центре зала – Белоусов, в камуфляжном костюме и кедах. Куда пропала недавняя вялость в движениях и мягкость во взгляде? А вежливость? На кухне мы были на вы, а тут сразу – «Проходи, садись, смотри!». Потом, после тренировки, Анатолий пояснит, что привык говорить на занятиях быстро и по-военному. И чтоб не путаться, мы решили перейти на ты насовсем. На полу зала – никаких японских циновок типа татами, никаких гимнастических матов. Голый деревянный пол, разрисо-

ванный красными и синими полосами под баскетбол-гандбол. Занимающихся – человек шесть-семь. Младшей девочке от силы лет девять, старшему, мужчине с заметным офисным брюшком, – около сорока. Все – новички. И только в самом углу зала выделял странные пасы ногами почти прилипший к полу долговязый парень в камуфляже. Данила, как выяснилось позже, у Белоусова уже несколько месяцев. Кое-что может.

Через час я понял, почему Белоусов говорит о проверочном сроке в два месяца. Первое впечатление – зачем все это? Кувырки, как в первом классе, перевороты туда-сюда. Причем наставник тщательно следит за каждым движением каждого ученика. Чуть что не так, останавливает и дотошно объясняет сызнова. Раз за разом. Раз за разом... Белоусов добивается одного – понимания того, что делаешь. Его не устраивает обезьянничанье. Он убежден, что толку от механического повторения показанного учителем не будет. Пройдет время – и организм все забудет. А мозг – не подскажет. Потому как не мозг запоминал. Дрессировались только мышцы.

Кувырок. Поворот. Кувырок. Все это называется нижняя акробатика. Раз за разом...

Напала жестокая зевота. Сына поглядывал то на распластанные по полу фигуры людей в нелепых позах, то на меня. Зачем, мол, привел? А где приемчики? Где чудеса от Ильи Муромца? Казалось, крупный парень

и организм все забудет. А мозг – не подскажет. Потому как не мозг запоминал. Дрессировались только мышцы. Кувырок. Поворот. Кувырок. Все это называется нижняя акробатика. Раз за разом... Напала жестокая зевота. Сына поглядывал то на распластанные по полу фигуры людей в нелепых позах, то на меня. Зачем, мол, привел? А где приемчики? Где чудеса от Ильи Муромца? Казалось, крупный парень

лет 25 с лицом самодостаточного продавца автомобильных комплек-
тующих вот-вот встанет и уйдет в раздевалку. Внушительная нижняя
часть никак не позволяла ему выйти из кувырка в нужное положение.
Белоусов почувствовал, что зал на пределе, и остановил занятие. Соб-
рал вокруг себя. И показал кое-что. Не знаю, кто как, а я увидел, как
нудные гимнастические упражнения на глазах превратились в стреми-
тельные боевые приемы. Готовый уйти парень вмиг оказался на полу,
обескураженный, потерявший всякую ори-
ентацию в пространстве. Глаза мужчины с
брюшком налились слезами, одной рукой он
потирал подносье, куда уперлось ребро руки
учителя, другую вертел в кисти туда-сюда,
избавляясь от легкой боли. Пишу с такой
уверенностью об их ощущениях потому, что
спустя какое время мгновенную атаку мас-
тера проверил на себе. Удивляло прежде
всего то, что не было никаких блоков, столь
привычных в восточных единоборствах, ни-
каких ярко выраженных ударов, прыжков с
криками и эффектных падений. Казалось, в
доли секунды вместились огромное коли-
чество всяческих движений вокруг тебя и
одновременно – никаких движений вовсе не
было. Были глаза – напротив. И легкая боль
в разных местах головы, рук и тела. И было
понятно: был бы бой – тебя б уже не было.
Но здесь, в школе выживания Анатолия
Белоусова, не бьются. Здесь – прежде все-
го учатся двигаться.

*«Тонкие практики Казачьего Спаса, достав-
шиеся от деда, я попробовал совместить с
системой русского рукопашного боя, которой
обучался у создателя этой системы, Алексея
Алексеевича Кадочникова. Он, к слову, тоже ку-
банский казак. А еще – довольно засекреченный
человек, генерал-лейтенант ГРУ, много лет
обучающий офицеров спецназа рукопашному
бою. Так вот, работе против ножа, пистоле-
та, автомата я учился у Кадочникова. А вот
бой на расстоянии, вслепую – это дедовское.
Если не вдаваться в детали, которые обы-
вательно ничего и не скажут, то общие при-
нципы моей системы таковы. Есть четыре
уровня физико-психологической деятельности
человека. Первая – физкультура. Это понят-
но – люди двигаются различными способами
для собственного здоровья. И это хорошо. Вто-
рая – спорт. Все единоборства, прежде всего
включенные в олимпийскую программу, – это
зрелище, обусловленное правилами. Исключе-
ние составляет айкидо. Как говорят сами мас-
тера айкидо, их вид слишком травматичен
для соревновательного процесса. Даже так на-*

*зываемые бои без правил – это 16 страниц одних правил! Сегодня
спорт не просто зрелище, а зрелище, замешанное на бизнесе. Или
бизнес, замешанный на зрелище. Какое уж тут здоровье! Третье –
праздник. Испокон веку люди включали разные формы движения в
праздничные программы. Вспомним русскую Масленицу с поедин-
щиками, «стенкой на стенку», заламыванием медведя и прочая.
Ошибка – думать, будто на народных гуляньях участвовать в
поединках или массовых схватках мог всякий, кому заблагорассу-
дится. Существовала специальная подготовка. Так и у казаков –
на джигитовке, показательных выступлениях с оружием. Показы-
вали-то – мастера! Наконец, четвертое. Использование системы
защиты в ситуации, когда угрожает реальная опасность твоей
жизни и жизни близких, роду, Родине. В таких случаях нет ника-
ких правил. Система должна работать на уничтожение опас-
ности. Без вариантов! Я сам подготовлен так и других тому учу,
что в случае необходимости оружием может послужить все, что
удобно: нагайка, расческа, книга, мухобойка...*

*Конечно, можно устроить соревнования из чего угодно. Но в
нашем случае это будет не спорт и не праздник. Это будет
жестокое гладиаторство. А мне думается, что время Древнего
Рима все-таки миновало».*

Из разговоров с Белоусовым

Позже я видел записи того, что делает Анатолий уже как
специалист по рукопашному бою. Первое, что пришло на
ум, – детские приключения. Дело в том, что сам я – лефор-
товский. Этот московский район в конце 60-х густонаселен-
ным не был. В отличие от Измайлово. Мы сбивались в ма-
ленькие группки по три-четыре человека и с настырностью
мальчишек шли на аттракционы в Измайловский парк. Там
нас и встречали. Нередко все начиналось с провокации. К
нам, 8–9-летним, подкатывал 6-летний мальчонка и давай
хамить. Мы, конечно, реагировали. И тут появлялись «стар-
шие товарищи» с отрепетированной претензией. Иногда
удавалось убежать, иногда – нет. Вспомнилось потому, что
после собственных ощущений и просмотра записей и фо-
тографий вдруг поймал себя на мысли: если в кустах Бе-
лоусов, можно смело играть роль мальчонки-provokatora.
И совершенно не важно, кто объект: малахольные студенты
Гнесинки или празднующая Ильин день десантура.
Стоит человек. К нему со спины подбираются несколько
«негодяев» с ножами. Замахиваются. И начинают сгибаться
как подрубленные – и падать. Человек поворачивается, об-
ходит лежащих и собирает ножи. Вот и все.
На Шолоховских днях этим летом в станице Вешенской Белоу-
сов вслепую находил в толпе оружие. Перед тем как завязывали

лям такой предмет, как «безопасность жизни», никак не помешает. Пока рассматриваются.

С армейскими и милицмейскими начальниками тоже странная картина вырисовывается. Кое-где на личной инициативе командира удается выстроить взаимоотношения и проводить какие-то семинары. Но как систему не рассматривают. А я ответственно могу заявить, что много солдатских жизней было бы спасено и в Афганистане, и в Чечне, если б в

глаза, честно предупреждал: когда найду и попрошу отдать – не сопротивляйтесь. Один недоверчивый дед в толпе решился на эксперимент. Белоусов протянул руку за ножом, а дед возьми да заартачиться. Как результат – нокдаун и истерика.

На собственной шкуре понял одно: работа против тебя на самом деле ведется в каком-то совершенно другом измерении. Когда-то, в самом начале 90-х, в мой кабинет в редакции одной из московских газет вошел человек. Представился. Белов Александр Константинович. В двух словах очертил предмет беседы. А именно: знаю ли что-нибудь о славяно-горичкой борьбе? Честно ответил, что слышал только название. «Уже хорошо», – сказал Белов и коротенько так, часа за четыре, рассказал мне об этом удивительном явлении. Публикации получились большие, а в резюме – вопрос. Почему в нашей стране культивируют

учебках и частях существовал полноценный курс ОБЖ. Еще в первой половине XX века в одном американском журнале опубликовали статью русского офицера-эмигранта, в которой рассказывалось о русской школе рукопашного боя. Шустрые американцы из Пентагона чужие наработки отслеживали всегда. И тут не заставили себя ждать. Спецназ США готовили, да и сейчас готовят, с учетом методик, позаимствованных у офицеров русского Генерального штаба. Кстати, тот офицер был сыном офицера, служившего в группе телохранителей микадо.

Вообще-то телохранительство не в чести у характерников. Тогда они выполняли цар-

«Я сам подготовлен так и других тому учу, что в случае необходимости оружием может послужить все, что угодно: нагайка, расческа, книга, мухобойка...»

какие угодно виды спорта, а национальное достояние забыто-заброшено? Ответа, понятно, я не дождался. Ни от Олимпийского комитета, ни от профильных федераций, ни от Министерства образования. К чему вспомнилось? Все к тому же. Лет 15 прошло, а славяно-горичкая борьба как была на задворках памяти да в сердцах энтузиастов, так там и осталась.

Захотелось узнать, какова ситуация вокруг системы Белоусова и ей подобных.

С генерал-лейтенантом ГРУ Кадочниковым все более или менее понятно – военный секрет. Какие секреты заставляют чиновников соответствующих ведомств сторониться Анатолия Ефимовича со товарищи? Ведь живут и работают они в Пскове и Владимире, Пятигорске и сибирских городах...

«Как-то меня пригласили вести занятия в одном кадетском корпусе. Я вел свое, а в другие часы с ребятами занимались инструкторы по карате и самбо. Прошло немного времени, стало видно, что с мальчишками контакт есть, а вот руководство корпуса к моей системе охладело. Пришлось уйти – конкуренция, знаете ли.

С непониманием сталкиваемся часто. Особенно в спортивно-чиновничьей среде. Там свято блюдут свои интересы. Так зачем им, спрашивается, головная боль без олимпийской символики? Самбо никак в олимпийский список не втиснут. Но это все именно от непонимания. Мы не по спортивной части, скорее – по физкультурной.

В последние месяцы пустился в переговоры с педагогическими университетами и колледжами. Кому-кому, а будущим учителям

приказ. То есть работали в интересах государства. Не думаю, что использование тонких практик пошло бы на пользу в случае, когда их носитель продается за деньги. Мне предлагали такую работу – охранять чье-то тело. Не раз. Я всегда отказывался. Чтобы пользоваться своими навыками без ущерба для самого себя, я должен точно понимать, за что рискую жизнью. И не жалеть себя. За Родину – да, это долг любого нормального мужчины. За родных и оказавшихся в беде – тоже понятно. За деньги? Не понятно. Мне – непонятно!

Если вернуться к пользе дела, то скажу так: горизонтальные связи у специалистов моего профиля установлены нормальные. Кто-то работает сам по себе, но большинство находится в контакте. Например, известный учитель Александр Лавров проводил семинары на моей территории, когда ему негде оказалось заниматься. Коллеги приглашают на семинары и по стране, и в СНГ. За последние месяцы побывал в Омске, Анапе, Мурманске, Челябинске, Волгоградской области, Белоруссии, Казахстане, на Украине...

У нас с вертикалью пока не ладится, это да!»

Из разговоров с Белоусовым



АНТОН БЕКАСОВ

Белоусов всегда уравновешен. Понятно, положение обязывает. В его профессии нельзя обладать слишком подвижной, слишком зависимой психикой. Сам он плохо помнит, когда его в последний раз вывели из себя. А может быть, вообще не выводили. А в ситуациях побывал – другой свихнется. Он сам не говорит о собственных заслугах. Больше – о делах и планах. О новых моделях снаряжения и спецодежды для одной фирмы, которая снабжает экипировкой экспедиции полярников и восходителей на Гималаи. Об увлечении фотографией. О книгах. За внешней простоватостью – недюжинная эрудиция и множество специальностей. И половина из них – сами по себе заслуги. В Армении две школы и улица носят его имя. После землетрясения в Спитাকে. Анатолий тогда... Ладно. А вот еще: трехкратный рекордсмен Книги рекордов Гиннесса. Каких? Не говорит зачем... Врачает. И весьма эффективно. Соединил в одну методику знания классической медицины и народной школы казаков-костоправов. Характерники-пластуны умели раны лечить.

На одном мероприятии один полковник пожаловался на надоевшие боли в позвоночнике. Память о Чечне. Аж, говорит, пальцев на ногах не чувствует. Белоусов «ломал» полковника минут десять. Доломал. Сделал из него лейтенанта. Офицер сам себе изумлялся, как наклоны пошли и как пальцы зашевелились. И тут же – рука тоже не очень, правая. Белоусов вновь «ломать». Еще минут пять прошло, вырвался

полковник на свободу, выскочил в соседнюю комнату и жаловаться – не прошла рука, болит пуще прежнего. Эх, шарлатан! Ему про позвоночник напомнили. Он согласился – не болит, верно. Значит, лекарь все-таки. А рука тогда почему? Дернул полковник рукой в сторону и ахнул – нет боли, прошла, родимая. Так с удивленным лицом и поехал домой. Да, кто знает, как сломать, должен знать, как починить.

«Как уберечься от опасности? Самое простое – двигайтесь. Переминайтесь с ноги на ногу, чтобы постоянно одна была опорная, чтобы стартовать было легче, чтобы попасть в вас было труднее. Это и при природной катастрофе поможет, и при нападении плохих ребят. Наше тело без острых углов, чуть сместились – и удар пойдет по касательной, рикошетом. Человек так устроен, что, находясь в статическом положении, при наступившей опасности впадает в ступор. Примитивно говоря, от незнания, с какой ноги бежать. Так что – двигайтесь. И еще. Запомните последовательность интеллектуальных действий. Оцените обстановку, подумайте, примите решение. И только потом – действуйте. А уж скорость этих процессов зависит от вашей подготовки. Поэтому все на первый уровень – на физкультуру».

Из разговоров с Белоусовым 

ГОРОД ОДНОГО ХУДОЖНИКА

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АНДРЕЯ СЕМАШКО

Сто картин за четыре года. Художник-самоучка Владимир Овчинников расписывает стены калужского городка Боровска, а его жена Эльвира Частикова дополняет эти изображения своими стихами. Идиллическая картинка?

В реальности же художник борется за свои произведения, скандалит с властями, манипулируя благосклонностью столичных и зарубежных СМИ, «пробивает» новые музеи, пишет книги, занимается краеведением, составлением генеалогического древа Овчинниковых. Во всем действует с обстоятельностью ученого.

А его картины боровским прохожим кажутся взмывающими в небо: с бабочками, птицами, храмами, старинными особняками, целыми улицами, Константином Циолковским, огурцами, булками, женщинами, Александром Пушкиным... Работы не вписываются в законодательство, власти их закрасивают, за них выписывают штрафы...

ХАРАКТЕР СРЕДЫ

Боровск, основанный в 1358 году, очень красив. С высоких холмов открывается вид на город: извилистую реку Протву, храмы, монастырь, старинные домики с наличниками на окнах. Именно сюда сослали раскольника протопопа Аввакума, здесь в 1675 году погибли в земляной яме боярыня Ф.П. Морозова и ее сестра княгиня Е.П. Урусова. В 60-е годы XIX века философ Н.Ф. Федоров преподавал историю и географию в местном училище, а спустя 20 лет основатель космонавтики К.Э. Циолковский читал здесь же арифметику и геометрию. В Боровске почти каждый камень хранит память об удивительных судьбах, драматических событиях, твердом духе. Этот дух выжил, несмотря ни на что. Пережил Наполеона, который в октябре 1812 года разрушил и сжег здесь все, что смог; советскую власть, порушившую храмы; бомбежки во время Великой Отечественной, уничтожившие многое в городе.

А с недавних пор история Боровска стала буквально проступать на стенах. Благодаря художнику Владимиру Овчинникову.

ЦИОЛКОВСКИЙ, ПОЖАРНИКИ И ОГУРЦЫ

В центре города невозможно не заметить расписные стены. Вот на скамейке сидит Циолковский, вот – математик Чебышев. А здесь позируют для фотографии молодые фабриканты – братья Полежаевы с женами. А там, на бывшем здании милиции, скачет на коне Наполеон. Он, правда, некоторым патриотичным боровчанам не понравился из-за слишком победного вида и неоднозначных стихов Эльвиры Частиковой: «Ты спал ли в ту ночь, Бонапарт, // Когда твой преступный азарт // Потух у нас вместе со взглядом? // Россия умеет быть адом».

Много изображений старых улиц: они нарисованы такими, какими были парой-тройкой веков назад. Улицы получились настолько реалистичными, что районный архитектор 19 июля 2002 года даже написал письмо бывшему мэру города, где указал, что «работы нарушают характер среды и благоустройство территории с учетом безопасности движения во избежание визуально-обманчивого восприятия уличного проезда». Проще говоря, калужские чиновники думают, что нарисованную улицу автомобилисты могут нечаянно принять за настоящую, хотя боровская ГИБДД таких случаев пока не регистрировала.

Есть у Овчинникова и жанровые сценки. Среди тех, что жителям не нравятся, – «Во, молодец, наш огурец!». На ней дедушка держит огромный огурец, мальчик – гигантскую морковку, а на заднем плане красуется «вся такая-растакая» женщина в белом сарафане. Дедушка был срисован с фотографии 1950-х годов, этого огородника звали Иван Васильевич Дешин. Ему в 2005 году жители города собирались даже памятник поставить. Но...

Также с фотографий Владимир Овчинников срисовал «Торговые ряды» и «Пожарную дружину на параде». В некоторых работах художник Овчинников шутит: например, на стене одного из домов нарисована мемориальная доска с мужским портретом: «Здесь останавливался Козьма Прутков и прутковед Дмитрий Жуков, неоднократно проходя мимо». Рядом с рестораном местного предпринимателя художник поместил «Этимологию Боровска», где изображены свиньи и Александр Пушкин, в одном из своих писем назвавший Боровск «свиным городком». Основной мотив творчества Владимира Овчинникова интересен: двери, окна, улицы. Он как бы «распахивает» пространство Боровска то в бесконечный

горизонт, залитый солнцем («Кольца времени»), то в сад («Ласковый май»), то в морские пучины из иллюминатора подлодки («Я из дома ушла...»).

Художник пишет по штукатурке смесью водоэмульсионной краски, гуаши и акрила – такой состав хорошо сохнет, схватывается минут за пятнадцать. Со временем фрески Владимира Овчинникова чуть поблекли, зато напоминают теперь благородные старые фотографии. Первые краски Овчинникову купил бывший мэр города, Александр Егеров, выделив 1000 рублей – их хватило на «Плачущее небо под ногами». Картина так понравилась жителям, что каждый владелец хозяйственного магазина бесплатно предлагал художнику краски-кисти, строительные организации помогали с лесами или вышками для работы на высоте – Владимир Овчинников материалы брал, но и сам трудился бесплатно.

А ВАМ СЛАБО?

Писать на стенах любитель-самоучка Владимир Овчинников стал случайно. Сначала была персональная выставка из 120 работ, которая прошла в 2000 году. Потом художник пробовал себя в портретной и пейзажной живописи. Но в итоге разочаровался и уже год пребывал в творческой депрессии, когда... «А не попробовать ли вам рисовать на стенах зданий? – предложил мне друг, местный художник-оформитель книги Слава Черников, – рассказывает Овчинников. – Я согласился сразу и уже через несколько дней получил добро у мэра. Конечно, я многие работы согласовывал в администрации, ведь у каждого здания есть владелец, и мне там



дважды, но темные пятна все равно проступали. Стену пришлось штукатурить. Овчинников тоже при каждом удобном случае нарывался на скандал. Он, например, в областной администрации добивался, чтобы крупнейшее автотранспортное предприятие района вывели с территории старообрядческого Покровского собора и основали там музей старообрядчества, истории религии или какой-нибудь другой.

до поры до времени помогали». Довольно быстро и жена Владимира, Эльвира Частикова, согласилась писать стихи к картинам. «Я никогда бы не решилась предложить всему городу свои стихи, потому что предпочитаю идти от востребованности, – говорит она. – Но муж убедил меня, что надо не выжидать, а делать». В общем, все шло хорошо, пока чуткий к искусству мэр Александр Егоров не уступил свой пост бывшему пожарному Сергею Зеленову. Главная ссора нового мэра и художника случилась из-за «Глобуса Боровска»: Овчинникову выписали штраф в 1000 рублей, заметив при этом, что надо было бы взыскать все 100 тысяч, которые администрация потратила на ремонт фасада. Художник обиделся и в суде доказал, что разрешение на работы было получено у прежнего мэра, Егорова, – штраф был признан незаконным. Но победил он лишь по формальным основаниям, то есть мэр просто не стал доводить дело до конца и наказывать пенсионера рублем. Естественно, местная пресса изошла злорадством, и тогда Сергей Зеленов при каждом удобном случае распоряжался закрашивать картины. Так погибло десять работ. Тяжелее всего пришлось с протопопом Аввакумом на здании суда: его закрашивали

Не добившись своего, нарисовал на стене диптих – Юрия Лужкова на фоне храма Христа Спасителя и губернатора Анатолия Артамонова на фоне разрушенного собора – и подписал: «Россия возродится!» В прессе появилась статья «При чем здесь Лужков?». Тогда Владимир Овчинников повернул голову Лужкова к Артамонову и приписал: «А вам слабо?» Не прошло и дня, как карикатуру закрашили, но художник не отчаялся и пририсовал к пятну валик.

Следующим громким скандалом стала инициатива художника установить общий памятник жертвам Великой Отечественной и политических репрессий. «Проект депутаты народного собрания одобрили, но администрация города спохватилась: «Как бы чего не вышло». Их смущало, что жертвы войны и репрессий не равнозначные и рядом быть не могут, подобного ведь нигде нет», – рассказывает художник. В общем, понимая, что «без сканда-





ла ничего не будет сделано», Овчинников изобразил несуществующий монумент на стене. Картину закрасили. «Картины мои закрашивают под предлогом реставрации зданий, – говорит Владимир. – Однажды работы уничтожили частные лица. Расписанный 60-метровый забор высотой два метра, где погибло еще двадцать моих работ, снес владелец забора, поменяв его на трехметровый, просил меня: «Разрисуй снова!», но я не стал».

Постепенно художнику перекрыли всякую возможность продолжать работу, а «Боровские известия» резюмировали: «Идите, господин художник, законным путем».

И тот послушался, засел в деревянном отцовском доме с огромным окном, из которого открывается панорама Боровска с куполом Благовещенского собора, видны часовни в честь боярыни Морозовой и ее сестры, Покровская церковь села Высокое, старообрядческая Рождества Пресвятой Богородицы. Комнаты завешаны сорока картинами с первой выставки, милыми «штучками» вроде масок и колокольчи-

ков. «Красный угол» занимает так называемый домашний иконостас – старые фотографии родственников Владимира и Эльвиры, которая работает в Обнинске библиотекарем. Обычный день художника строится так: с утра – интернет-новости и работа над биографической книгой и составлением генеалогического древа, затем книги, размышления, дела насущные, друзья. Вот недавно мэр калужского города Малоярославца попросил Владимира Овчинникова разрисовать его город. Художник покопался в истории Малоярославца и выяснил, что тот издревле славился вишнями. Мэру идея понравилась, и Владимир уже написал первую картину под названием «Цветут сады вишневые». Но продолжать художник не торопится, так как еще не решил, насколько проект ему интересен.



«Если вы хотите понять, почему я такой и каковы истоки моего творчества, вам нужно погрузиться в историю рода Овчинниковых, – не торопясь рассказывает художник сложную и интересную судьбу предков, зажиточных уральских казаков, которые никогда не несли воинскую службу, откупались, пока не пошли волны репрессий. – Каждый из них – личность, индивидуальность».

Владимир родился в Сталинабаде (Душанбе) в феврале 1938 года, с детства мыкался по разным углам. Отец – сосланный на Колыму военный водитель – выжил и вернулся только благодаря профессии. До пяти лет Володя воспитывался бабушкой Марией Никитичной, жившей в Подмосковье. Она и разглядела в мальчике художественный талант. Вот что она пишет в одной из открыток: «Дорогой мой внучек, будущий художник. К моему дню рождения 1-го апреля нарисуй мне картинку и, конечно, раскрась ее. Все твои художества у меня в целости. Письмо с отметками получила и считаю, раз 2-ек нет, это очень хорошо». В 1960 году Володя окончил Московский инженерно-строительный институт и распределился в Москву строить Останкинскую башню. «Я быстро от этого проекта отказался, потому что несколько лет шли споры о необходимости укреплять фундамент, это было ответственно и скучно, – вспоминает Владимир Овчинников, – и я выбрал



жизнь в строительных командировках: Витебская область, Саратовская, Рязанская, Липецкая, Красноводск, Баку».

Когда кочевая романтика Овчинникову надоела, он пошел в НИИ экономики строительства Госстроя СССР, где занимался исследованиями экономической эффективности проектных решений. На одном из выездных совещаний молодой ученый вскрыл ошибочность целого направления в технической политике, проводимой Госстроем, за что был «сослан» в Монголию. История этого противостояния попала в беллетристику, Владимир стал прототипом Утехина в повести «Кривая роста» Михаила Барышева. В 1980 году будущий боровский художник имел ученую степень кандидата экономических наук и заведовал лабораторией в ГипроНИИ Академии наук СССР. Потом грянула перестройка, пенсионер Овчинников работал и прорабом, и частным строителем, пока в 1998 году не уехал в отчий дом в Боровск, где требовала ухода больная тетя. Она ему почему-то подарила постель, которая еще долго валялась по полкам, пока Владимир неожиданно для себя не начал рисовать. Так появился город одного художника.

«На днях звонила Эльвира из Обнинска, – рассказывает Владимир Овчинников, – говорит, меня в какой-то книге внесли в список пятидесяти чудаков России. Биографию поставили мою, а фотографию – чужую. Я не обижаюсь, люди работали, старались. Только мне не очень понятно, почему меня все записывают в чудаки. И в жанре самом ничего нового нет, и в том, почему я расписывал стены. Во-первых, мои картины могут привлекать туристов в Боровск. Во-вторых, обыватель никогда не пойдет в картинную галерею, а тут ему деваться некуда – хочешь не хочешь, а приобщайся к искусству. Это я сейчас не столько про свои картины говорю, сколько про классику, которую я копирую на наши стены, – например, Галину Серебрякову. И в-третьих, я хочу, чтобы историю города знал каждый житель и каждый гость, пусть хотя бы и по моим картинам». 🇷🇺

ПУТЬ АДРИАНЫ

Наталья Владимировна Малышева – удивительный человек. В войну служила в медсанбате, вытаскивала раненых с поля боя, потом – во фронтовой разведке, 18 раз ходила в тыл врага. После войны работала конструктором, участвовала в создании двигателя маневрирования и торможения на орбите для гагаринского «Востока» и других кораблей. Затем конструировала двигатель для зенитно-ракетного комплекса С-75. В 1993 году, после почти сорока лет работы в военно-космическом комплексе, Наталья Владимировна приняла монашеский постриг. Теперь монахиня Адриана служит в подворье Свято-Успенского Пюхтицкого женского монастыря в Москве. В декабре 2009 года к ее боевым и гражданским наградам прибавилась еще одна: Наталья Владимировна стала лауреатом премии «За веру и верность», учрежденной Фондом Андрея Первозванного. В Кремле на церемонии вручения премии зал приветствовал ее стоя. Своими воспоминаниями и размышлениями Наталья Владимировна поделилась с «Русским миром.ru».

«3

аранее должна вас предупредить, что я монахиня современная, не классическая, не древняя, которая говорит слегка на «о». У меня и мысли своеобразные. Нет, у меня

очень крепкая вера, но по-своему изложенная».

РАСПЯТИЕ И КРАСНЫЙ ГАЛСТУК

«Семьдесят первых лет я была светским человеком: в молодости служила в армии, потом работала в космической науке. Но вера во мне была всегда. Я и тогда понимала, что хорошо и что плохо. Я себя почти не угнетала, у меня это как-то инстинктивно получалось. Просто понимала, что вот так нельзя делать. Поэтому я, например, в жизни ни разу не приняла никакой взятки и сама ни разу ее никому не дала. Не то что я следовала постулатам православия, просто это закон моей жизни.

А пошло, конечно, от родителей. Отец из семьи потомственных священников. Мой дед, Петр Павлович Малышев, был последним священником большого священнического рода в Курской губернии. Священнослужители Малышевы от отца к сыну передавали свои приходы. У нас в роду первых сыновей всегда называли Петр или Павел. Если Петр – отец, то первого сына, который у него родится, называли Павел, он и принимал приход. А когда Павел женился, то его первый сын получал имя Петр. Вот так и шли Петры и Павлы. Старший брат моего отца, Павел, тоже должен был стать настоятелем храма, в котором служил мой дед. Но возникла проблема. К тому времени Павел встречался с одной молодой женщиной, хотел на ней жениться. Священник же, по заведенному правилу, мог жениться только на чистой девушке, то есть они не должны были быть близки до брака. Он же об этом объявил. Тогда дяде сказали, что он должен ее оставить. А он в ответ: это не по-хрис-



тиански, и этого я сделать не могу. Ну, говорят, значит, священником тебе не быть. Значит, отвечает, не быть. Тогда дед обратился к моему отцу, второму по старшинству из детей. Всего же их было четыре брата и сестра младшая. Сестренка умерла в 14 лет, в день ее смерти мой отец поклялся, что будет только врачом. Зная, что Павел станет священником, он без всякого греха дал такой зарок. Но ведь следующая очередь оказалась его, раз Павел не мог стать священником. Отец категорически отказался. Так же и остальные братья – они к тому времени тоже выбрали себе призвания. В общем, династия священников в нашем роду кончилась. Но родители у меня были верующими, и я помню, в детстве меня водили в храм. Это еще до школы, года четыре мне

было. Мне было там так скучно, народу много, я видела только ноги, и больше ничего. Недалеко от нашего московского дома – а жили мы на Малой Дмитровке – был Страстной монастырь. Это место, где теперь кино-театр «Пушкинский». Когда мне было пять лет, мама меня повела туда. Мне там очень понравилось. Тишина, ходили монахини, спокойные, хорошие. Причем монастырь тогда назывался не женский, как мы сейчас называем, а девичий... Вдруг однажды я увидела там совершенно необыкновенное скульптурное изображение распятого Христа. В человеческий рост. Я так была поражена,

что долго стояла напротив. Я видела его, Христа, живым на этом кресте. На всю жизнь этот образ остался во мне. В монастырь я очень любила ходить. Монахини меня иногда оставляли ночевать у себя. А потом монастырь закрыли, храм взорвали. В общем, повлияло это тогда на всю мою жизнь, и вот на склоне лет я вернулась к тому, с чего как бы началось. Когда я стала ходить в школу, на мне всегда был крестик. А в это время уже начиналась антирелигиозная пропаганда. Особо ярые

А в отряде я только нескольких человек знала. Ведь из соображений безопасности других разведчиков знали как можно меньше. В моем личном воинском деле даже должности записаны совершенно другие. Два послужных списка у меня в армии было: один – закрытый, а другой – тот, что нужен был для исчисления моего воинского стажа, где записывали разные придуманные должности.

мальчишки, увидев у меня цепочку с крестиком, бросались ко мне, хватали ее. В пионеры я не вступала. Не хочу – и все! Одна такая осталась в классе. Про меня разное на доске писали, говорили, что позорю честь класса, класс мой отстаёт. А я в ответ: не хочу – и все! Не хочу никакую пионерскую клятву произносить. Ведь надо было торжественное обещание давать: «верно служить партии нашей...» А в уставе ВКП(б) было написано, что обязательно должна быть антирелигиозная пропаганда. Поэтому я и зареклась быть пионеркой... Потом все это улеглось.

Кто-то в летние каникулы подарил мне хороший шелковый красненький галстук. Я его взяла и надела. 1 сентября пришла на занятия. Это уже в шестом классе было. И никто не обратил внимания. Все уже забыли, как со мной воевали. Правда, уже и состав класса был другой. Короче, я галстук носила, но без всяких торжественных обещаний. А вот в комсомол пошла охотно. Занималась общественной работой. Но не ходила на занятия по атеизму, не участвовала ни в какой самодеятельности, где все это высмеивалось! В общем, держала свой курс.

Однако храм уже не посещала. Мама – ходила. Отцу, по моему, уже некогда было, он на двух работах работал. Раз-а три она говорила мне: пойдём. Но в то время много храмов закрылось, и в оставшихся такая толкучка была... Я посмотрела и сказала: нет, мама, мне что-то не хочется. А иконы я любила. Вот и мамины иконы очень любила. Они у нее всегда висели, она их не снимала. Никогда! Какие бы гости у нас ни были».

РОКОССОВСКИЙ

«В жизни пришлось общаться с двумя великими людьми. Это Константин Константинович Рокоссовский и Сергей Павлович Королев. Но раз мы о войне говорим, расскажу о маршале Рокоссовском. У него я служила в разведке. Он ко мне, девчонке, всегда на «вы» обращался. Ведь мое подразделение непосредственно командованию фронта подчинялось, поэтому нам от него и задания давались. Потом, после вылазок в тыл немцев, обсуждались разные мелочи, которыми начальство очень интересовалось. А Рокоссовский особенно. Когда с ним приходилось не на совещании, а просто так разговаривать, он разные вопросы задавал. Спрашивал, например: ну а страшно-то было? Он хотел поближе узнать человека. Спрашивал, что я видела, разглядела ли что еще попутно. Это чтобы решить, можно ли мне поручать какие-то более сложные задания. То есть он лично курировал фронтową разведку.

Среди прочего в мою задачу при заброске в тыл немцев входило прослушивание их телефонных линий. Приходилось слушать и запоминать. Ведь не было никакой записывающей техники. Нас в разведшколе учили выхватывать основные мысли, основные цифры и места – названия частей, примерный размер и т.д. Иногда ловили их шифровки, которые надо было разгадывать. Мы, например, называли снаряды огурцами. У немцев тоже были свои условные обозначения.

Особенно много на Курской дуге приходилось этим заниматься. Они же первыми хотели удар нанести. Поэтому нужно было кругом все прослушать. В одном месте, в другом, в третьем выхватывать кусочки, и тогда ясно становилось, как и что. Рокоссовскому очень важно было знать, где и какие силы сконцентрировать, чтоб в одном месте врага сдержать, а в другом в это же время ударить. А без разведки не было иной возможности узнать! Среди всех наших маршалов у него наименьший процент потерь был. Он никогда зря, на авось солдат в наступление не бросал. Поэтому когда я первый раз пошла в тыл врага, я не боялась, что попаду под трибунал, если вдруг что-то не получится. А я ведь тогда, по существу, не выполнила задание. Как получилось? Я очень четко выполнила инструкции: несколько раз проверила, есть опасность или нет. И когда поняла, что нет у меня уверенности в отсутствии опасности, пришла к выводу, что надо возвращаться. И ушла, вспомнив, что Рокоссовский мне все время говорил: ему напрасные жертвы не нужны.

А случилось так: там два раза менялся знак, который указывал нам, что в этом месте можно переходить нейтральную полосу. Два раза! У меня было всего несколько минут, чтобы принять решение. И я решила: нет, не пойду, пусть лучше трибунал за невыполненное задание. А позже выяснилось, что там на месте сигнальщика находился человек, который на немцев

работал. Когда я вернулась, маршал мне сказал: «Молодец! И не только молодец, вы, оказывается, еще и умница». А будь на его месте какой-нибудь другой командующий, мог бы и под трибунал отдать. И когда потом я принимала решения, всегда вспоминала его слова. О том, что не нужны напрасные жертвы.

Я тогда не знала, что до войны Рокоссовский три года был под арестом и следствием. Летом 42-го я окончила лейтенантские курсы и сразу же получила назначение к нему. Он тогда был еще командующим 16-й армией, но под него уже формировался новый фронт – Донской. Вот эта моя первая неудачная вылазка в то время и случилась, а он, вместо того чтобы выспать мне за то, что я вернулась без ничего, спросил: чем вас наградить? И я сказала: ничем, только разрешите с вами вместе до конца войны служить. Он тогда засмеялся и говорит: «Почему же до конца войны? В армии служат до конца жизни».

Я очень долго еще у Рокоссовского служила. Война закончилась, а я еще четыре года пробыла в армии, когда под началом Рокоссовского была сформирована Северная группа наших войск на той территории Германии, которую отдали полякам. В Северной Силезии мы стояли. Потом его назначили министром обороны Польши. А нас перевели в Германию. В Польше я больше не захотела служить, потому что у меня от поляков впечатление осталось почему-то хуже, чем от немцев. Они настолько нас не любили... Да, когда-то давно это была Польша, потом немцы эту землю захватили. А после войны по решению союзников победивших государств было решено отдать эту часть обратно полякам, и немцам предложили оттуда выметаться. Трагедии были страшные. Рабочие там были, шахтеры. Некоторые из них кончали самоубийством, прямо не выходя из шахты. Потому что они не хотели уезжать. А их перевозили туда, где ГДР организовывалась.

Был ли Константин Константинович верующим? А кто его знает? Может быть, он и исповедовал втайне католическую веру. Ведь он из польской семьи. Во всяком случае, за это говорил весь образ его поведения, отношение ко всему – дай бог каждому верующему так себя вести, будучи на таком посту...».

РАЗВЕДКА И МОЛИТВА

«Молилась ли, когда в разведку шла? Да, молитвы были, но свои. В том смысле, что я выбирала их для себя. Нашла несколько красивых молитв, которые мне очень нравятся. Например, вот эта: «Господи, дай мне с душевным



**Наталья
Владимировна
Малышева**

спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день». Это же чудесно. Больше ничего не надо. Зачем нагромождать еще что-то!

А во время войны я часто говорила себе: «Господи, помоги мне! Пусть все будет так, как ты скажешь, тогда мне легко будет принять это все. Даже если мне будет трудно, но я тебя прошу: помоги мне, и пусть все случится так, как тебе угодно». Вот такая у меня была молитва всегда. В основном про себя ее проговаривала, но иногда и вслух читала. А когда в тыл врага шла, я просто шла, ничего не произносила. Шла и шла. Вот когда надо было решиться и последний шаг сделать, уже на чужой территории, когда нужно было собраться с духом – вот тогда и произносила «Господи, помоги». На него-то и была надежда. Хотя когда я, одетая в крестьянскую одежду, ходила на такие задания, у меня пистолетик был обязательно, а еще приборчик такой, с наушниками.

Но однажды пистолетик мне не помог, меня схватили. Немецкий солдат. Я и не заметила, как это случилось. Видно, очень уж обнаглела тогда: три раза ходила на ту сторону, все гладко было, прекрасные результаты, меня очень хвалили. Это как раз на Курской дуге было. Иду я по лесу, возвращаюсь к своим и вдруг чувствую: что-то

не то у меня за спиной. Повернулась – а там немец. Подкрался. Видно, давно следил за мной и знал, что я делала.

А дальше вот что было... Фантастика какая-то. Я ничего не придумываю. Но это похоже на какое-то чудо. Он стоит, а я думаю: по инструкции надо кончать самоубийством, потому что дальше пойдут пытки, расстрел или концлагерь. И я попыталась пистолет вытащить. Но – получила удар по руке,



пистолет оказался у него. Я думаю: ну и хорошо, сейчас он меня убьет, и это, Господи, лучше. Тут он так меня взял, повернул спиной к себе. Я опять про себя: пускай убивает. А он – уж не знаю чем, то ли коленом, то ли рукой, – в спину толкнул так, что я упала. И слышу вслед: «С девчонками не воюю». Потом у меня над головой летит мой пистолет, падает где-то впереди меня. «Возьми. Иначе свои расстреляют, если без пистолета вернешься».

Что делать? Я, во-первых, не могла сразу встать: у меня шок был. Но встала, оглянулась, а он идет – только спина видна, длинный такой. Так и ушел. Я рассказала об этом впервые лет через двадцать только. Хватило ума, слава тебе, Господи. А если бы рассказала тогда, меня посадили бы наверняка... Я где-то в середине 60-х рассказала об этом случае на встрече с молодежью. «Что ж вы его не застрелили?» – спросил меня один парень. А я ему: когда будешь в таком положении –

попробуй, стрельни, тебя освободят, а ты возьми и застрели этого человека, который тебя освободил. Вот себе тогда и советуй. Доброе дело человек тебе сделал, а ты в ответ... нет, это хуже змеи.

Я очень редко об этом кому рассказывала. Ведь подобный эпизод не укладывается в привычные рамки. Ну а потом я все это еще больше поняла. Когда уже пожила в Германии, когда мне приходилось с немцами в мирное время общаться. Я поняла, что мы страшно ошибались, когда всех настраивали так, что раз немец – убей любого. А ведь у нас были такие случаи. Например, с заблудившимися немцами, когда под Сталинградом армия Паулюса капитулировала и объявили, что они должны идти на пункты, где регистрируют пленных. Некоторые отбивались от основной массы – ну, когда устали уже, не могли успеть – и потом приходили к нашим домам, а наши их расстреливали. Тут же! Потому что такая была агитация. А ведь они уже сдались. После того как объявили, что уже все кончено, они опустили руки, никого не тронули и ни одного человека не обидели. Они ведь дисциплинированные, раз общий приказ прошел – все. Не то что наши. Наши потом еще попробовали бы как-то сопротивляться. У русских другая психология. Мало ли приказ какой...».

О ДУХОВНОСТИ

«Я часто беседую с молодежью. Говорят, мол, не та молодежь, нравы портятся, все плохо. Дело же, на мой взгляд, в том, что меняется время, время меняет людей. Вот неверующим я всегда говорю: вы понимаете, почему люди, начиная с Платона, старались сделать что-то полезное? Например, те люди, которые, желая для будущих поколений только лучшего, старались что-то придумывать, идя на смерть за свои изобретения. И вот теперь я вас спрашиваю: вы уверены, что те люди, ради которых шли на смерть их предки и которые получили плоды изобретений других, очень счастливы? Что они более счастливые, чем те, которые были за много лет до них? Ответов на это нет. Я считаю, что всему свое время. Я не говорю, что тогда люди были лучше или хуже. Я говорю о внутреннем состоянии человека. Сказать, что сейчас, с появлением компьютеров и мобильных телефонов, с которыми так удобно жить, мы стали намного счастливее кого-то – например, моих родителей или кого-то еще, – нет, так сказать нельзя. Я вспоминаю, как мои родители хорошо и весело проводили праздники, какие у них собирались хорошие компании друзей... Я этого сейчас не вижу. Произошло изменение ценностей. Что сейчас? И как было раньше? Мы воспитывались очень строго в том, что самое главное – это родина, и надо жить ради родины, а потом думать о себе. Мы в это верили, мы действительно приносили себя в жертву, и люди, которые уезжали куда-то поднимать сельское хозяйство, к примеру, делали это действительно не ради себя, а ради родины. Сейчас таких людей очень-очень мало, и если они есть, то их считают не вполне нормальными.

Что мне не нравится и что можно было бы не делать? Я, зная историю России, традиции России, ее народа особенного (что бы там ни говорили, но мы особенные, другие), сказала бы так. Люди наши не привыкли к какой-то общей свободе. Вот так взять и махнуть флажком – все, с завтрашнего дня у вас свобода... Ведь что мы получили в эти самые 90-е? Ужас. Самый настоящий ужас.

Что сейчас? После того, как все вроде улеглось? Я люблю свое правительство, как это ни странно. Они, по крайней мере, делают все, что только можно. И каждый человек, прежде чем критиковать, подумал бы: а что он бы мог сделать, посади его сейчас в правительство, с этими привычками, которые за эти годы сложились у людей? Попробуй, поверни что-нибудь. Как это получится у тебя? Подумай, прежде чем ругать и кричать «сменить, сменить!». На кого? На кого ты сменишь?!

Понимаете, поменялась категория ценностей. Нет той основы, которой мы жили в то время. И когда детей своих посылают за границу, а они упиваются красотами тамошней жизни, сами не понимая, что не могут пока по своему состоянию эту жизнь у себя построить. Не могут! Они хотят пользоваться тем, что есть на Западе, а строить этого сами они не умеют. Вот у нас сейчас получается что? Мне никогда не пришлось бы в голову прийти на работу и, прежде чем поинтересоваться, а чем я буду заниматься и насколько это близко моей душе, спросить сразу про материальные блага. Я думала о том, что мне ближе: теория или, скажем, испытательный отдел. А сейчас что? Сейчас приходят на работу, вообще не спрашивая, что придется делать. Сразу вопрос задают: какая зарплата? С другой стороны, приходит начальник и говорит: у нас есть вакансия – будешь этим заниматься. С человеком даже не поговорят, что бы он хотел делать, до кого бы хотел вырасти. Наплевать! Работнику дают место и деньги. Сиди, делай. И это страшная беда, причем такая, что я начинаю скучать уже об этом железном занавесе, который у нас был, когда мы жили какой-то своей страной, любили какие-то свои особенности и жили как-то по-своему. Все-таки в наши годы духовности было больше, несмотря на произвол, на репрессии, на всякие глупости и чванство. Она, безусловно, сохранялась тогда. Пускай даже не церковная, но духовность. У истинных коммунистов, у них тоже была своя духовность, которая их очень высоко держала, если они, конечно, были настоящие.

Вы знаете, даже в годы репрессий, в войну у простых людей была настоящая духовность и настоящие отношения. И я помню, как мы в армии друг друга берегли, иногда даже жертвуя собой. А сверху – была эта жестокость, которую порождала система. Ради чего это делалось – не знаю. Может быть, легче управлять было, может, еще что-нибудь.

Наверное, было желание запугать так, чтобы человек вообще в любом положении не пищал и не жаловался. Система была антигуманная. И тот, в ком была заложена эта жестокость, с удовольствием этой системой пользовался, а у кого ее не было – становились жертвами». ■

ЗАПИСАЛ ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН
ФОТО АНТОНА БЕРКАСОВА

НА ВЫСОТЕ



МИХАИЛ БЫКОВ

На заседании Особого комитета по усилению флота его председатель – контр-адмирал Российского императорского флота великий князь Александр Михайлович – докладывал, как израсходованы средства, собранные по всей России для восстановления военно-морских сил после трагедии в Цусимском проливе. Потрачено почти 17 миллионов рублей, построено 19 крейсеров и 4 подлодки, остаток на счетах – 880 тысяч рублей...

Происходило это заседание 6 февраля (по старому стилю) 1910 года. И именно этот день можно считать днем рождения российской военной авиации. Поскольку, закончив тему строительства военно-морского флота, великий князь перешел к вопросу строительства флота военно-воздушного и предложил остаток собранных средств потратить на обучение пилотов и закупку аэропланов. Александр Михайлович был убежден, что эра военной авиации наступит через считанные годы. История показала, что он оказался прав. Уже в 1912 году, во время 1-й Балканской войны между Балканским союзом и Османской империей, на фронт отправился русский авиаотряд, сформированный из гражданских пилотов-добровольцев. По политическим соображениям государь запретил участвовать в этой войне кадровым военным. Отряд действовал в районе турецкой крепости Андрианополь и под Чатталджи. Пилоты занимались разведкой, но опробовали и бомбометание, сбрасывая 10-килограммовые бомбочки вручную. Император внял доводам великого князя и согласился с финансированием новой военной отрасли. 6 марта 1910 года во Францию, передовую авиадержаву начала XX века, выехали восемь офицеров и семь нижних чинов – учиться летать. Группа была сформирована в основном

из военных моряков. Спустя полгода они вернулись на родину дипломированными военными летчиками и механиками. Примерно в это же время в Россию прибыли и первые семь самолетов, заказанных специально для армии. Первые русские дипломированные пилоты из числа гражданских начали учить офицеров летному делу в Гатчинской воздухоплавательной школе под Петербургом. Первыми военными летчиками, подготовленными дома, стали штабс-капитан Георгий Горшков, поручики Евгений Руднев и Иван Коготов.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

«...Сунулся я к врачу инженерного училища, а он возьми да и найди у меня недостатки: опять правое легкое. Говорит: «Нельзя вам летать». Если даже и верно, что он говорит, то мне еще более необходимо попасть в школу, чтобы провести свой проект, а от полетов можно будет и отказаться, они меня вовсе не тянут...».

*Из письма Петра Нестерова жене,
9 сентября 1911 года*

Гатчинская авиационная школа была первым военно-учебным заведением в России, где стали готовить профессиональных пилотов. Возникла она не на пустом месте. Еще в 1885-м в четырех километрах от Гатчины, в поселке Сализи, открылся учебный полигон Воздухоплавательной школы с эллингами и «парковками» для аэростатов. Сама школа неоднократно меняла название, но суть дела сохранялась – тут готовили кадры для войны дирижаблей и воздушных шаров. Именно отсюда, из Гатчины, отправились русские офицеры осваивать профессию военного летчика во Францию. Именно отсюда осенью 1910 года дипломированный авиатор Георгий Горшков выехал в Севастополь, получив назначение на должность инструктора создаваемой там авиашколы, впоследствии знаменитого Качинского училища. Именно здесь, в Гатчине, 26 марта 1911 года официально был открыт первый русский военный аэродром.

Отдел воздушного флота выработал весьма ясные правила приема в Гатчинскую и Севастопольскую летные школы. Цель – подготовка русских военных летчиков на русской земле. Подавляющее большинство пилотов, обучавшихся за границей, жаловались на низкий уровень преподавания. В школы принимались в первую очередь кадровые офицеры армии и флота, а при наличии вакансий – гражданские лица, но отбывшие военную службу и с образованием. Обучение – бесплатное. Офицеры больше занимались специальными дисциплинами: «Двигатели

летали и верили! И одно другому не мешало.

Кто разрабатывал эти учебные программы? Кто, спустя всего семь лет после полета братьев Райт, обладал достаточными знаниями, чтобы рассуждать о применении аэропланов в бою?

Морской офицер Александр Можайский, который изобрел и построил первый в мире самолет в 1882 году, уже ушел из жизни. Конструктор Игорь Сикорский только приближался к секретам своих будущих



**Александр
Матвеевич
Кованько
(1856–1919),
генерал-
лейтенант.
Инициатор
производства**

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ



**Сергей
Алексеевич
Ульянин,
полковник,
1914 год**

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

внутреннего сгорания», «Теоретические сведения по авиации», «Тактика и применение аэропланов в военном деле» и т.д. В солдатском классе, открытом в 1912 году, преподавались арифметика, геометрия, физика, метеорология, русский язык и... Закон Божий. Стало быть,



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Первый русский дипломатический летчик Михаил Никифорович Ефимов

успехов, первый из которых датирован 1913 годом. Великий князь Александр Михайлович был организатором авиационного дела, но отнюдь не специалистом-теоретиком. Да, кипела работа в кабинетах и лабораториях Николая Жуковского... А еще?

Начальником Гатчинской школы в 1910 году был Александр Матвеевич Кованько. Единственный связанный с авиацией и воздухоплаванием офицер империи, выслуживший чин генерала. Фигура малоизвестная, но от этого не менее интересная. Еще подпоручиком после окончания Николаевского военно-инженерного училища в Петербурге воевал в последней Русско-турецкой войне. В 1885 году стал инициатором создания первой в России «кадровой команды военных аэронавтов». 16 октября того же года в течение пяти часов «путешествовал» на воздушном шаре над Петербургом. Год спустя опять-таки впервые произвел фотосъемку с аэростата. В Русско-японскую войну командовал полевым воздухоплавательным батальоном. Был награжден Золотым Георгиевским оружием за храбрость. Слыл неплохим изобретателем. Прекрасно рисовал, писал стихи.

В 1911 году генерала Кованько на посту начальника школы сменил подполковник Сергей Ульянин. Человек также не чуждый азарту изобретательства. Еще в 1899 году он придумал прибор для обучения юнкеров артиллерийских училищ – миниатюр-полигон. А в 1910 году справился с

уникальной задачей: изобрел устройство, позволявшее вести автоматическую аэрофотосъемку с борта самолета с высоты 200–400 метров. Будучи командиром Варшавского крепостного отделения, капитан Ульянин исхитрился попасть в первую группу офицеров, отправленных учиться летному делу во Францию.

Среди первых учителей – и гражданские летчики, начавшие осваивать специальность несколькими годами раньше военных. И прежде других – Михаил Ефимов, обладатель французского диплома за номером 31, первый шеф-пилот Севастопольской летной школы.

За семь лет работы Гатчинская авиашкола подготовила 342 человека: 269 офицеров и 73 нижних чина. Примечательно, что 62 летчика-«гатчинца» стали в годы Первой мировой войны георгиевскими кавалерами. Каждый шестой! Особо хочется отметить двух выпускников солдатского класса. Абакуменко заслужил все четыре степени солдатского Георгия, был произведен в офицеры и в 1917 году получил орден Св. Георгия IV класса. Кравцов повторил его путь с той лишь разницей, что вместо ордена был награжден Георгиевским оружием. Справедливости ради надо заметить, что и другие школы – Севастопольская и Московская – в подготовке классных летчиков старались не отставать. Георгиевскими кавалерами Первой мировой стали 269 военных летчиков.

ПЕРВЫЕ РЕКОРДЫ

«27 августа вечером, привязавшись предварительно ремнем (тропом) к сиденью, я поднялся на высоту 1000 метров, с которой решил планировать. Когда я последний раз посмотрел на aneroid (прибор для определения высоты, в виде часов), мне пришло в голову, что в случае неправильного поворота этот приборчик должен будет выпасть из кармана куртки, когда я буду летать вверх ногами. Но... я решил «рискнуть» им для большей убедительности. Вот, собственно

говоря, все, чем я рисковал, то есть на 13 рублей 50 копеек казенным имуществом...».

Из письма Петра Нестерова жене, август 1913 года

Многие знавшие Петра Нестерова, знаменитого автора «мертвой петли», отмечали его своеобразное чувство юмора, граничащее с безрассудством. Наверное, на заре авиации иных людей на борту самолета представить трудно.

Сами «Ньюпоры», «Фарманы», «Мораны» и «Спады», на которых летали тогда, представляли собой такое, чему серьезный человек доверить свою жизнь не согласился бы ни при каких обстоятельствах.

Деревянно-фанерная конструкция с прикрепленным к ней двигателем, внутреннюю работу которого можно наблюдать снаружи, высоту набирает едва выше километра, скорость – чуть более 100 км/час. Игорь Сикорский на киевских маневрах 1913 года установил рекорд скорости – 125 км/час. А военный летчик Руднев 9 октября того же года поразил всех быстротой перемещения из Петербурга в Гатчину: 60 верст за 56 минут. Сам пилот сошел на землю в полубомороженном состоянии. Вот что он вспоминал после: «...В начале полета чувствуется некоторая неуверенность в дальнейшем и не раз мелькнет мысль – не повернуть ли назад; особенно ярко проявилась эта мысль у Васильевского острова, когда сильно мотнуло аппарат. Малоприятны были моменты при неправильных порывах ветра; иногда чувствовалось, что аппарат не слушается управления; не особенно приятно также лететь над местностью, где спуск невозможен; всегда надо быть готовым к внезапному прекращению шума мотора...»

Кстати, в наставлениях начинающему пилоту Евгений Руднев рекомендовал брать в полет не перчатки, а варежки. Так пальцы, грея друг друга, сохраняют чувствительность. А еще летчик сожалел, что на ручке рычага отсутствует какой-нибудь щиток вроде гарды от шпаги. Он бы защищал правую кисть от обдувания ветром. Известен случай, когда во время боевого вылета самолет русского летчика Вячеслава Ткачева попал под ружейно-пулеметный обстрел. Одна из пуль угодила в бачок с маслом, находившийся под ногами летчика. Чтобы масло не разбрызгивалось,

Ткачев заткнул пробоину ногой и благополучно посадил машину на землю.

Летать на аппаратах начала века было трудно. Об этом говорит и количество трагедий, сопровождавших рождение авиации. Только в 1910 году в мире погибло 25 летчиков, один из них – капитан русской армии Мациевич, разбившийся при посадке во время петербургского праздника воздухоплавания.

Но воевать на таких самолетах было еще труднее. Слишком мало времени прошло с момента изобретения первых аэропланов, и специалисты попросту не успели придумать, чем боевой самолет может отличаться от гражданского. Рассуждали, отталкиваясь от опыта военного воздухоплавания. А этот опыт подсказывал: функция самолета – исключительно разведывательная. Бомбочки, конечно, тоже имеют место. Но – факультативно.

**Поручик
Руднев на
«Фармане»**



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Рекорды, установленные русскими авиаторами до Первой мировой войны

Высота: летчик Янковский на самолете «Сикорский-11» поднялся на 3800 метров 31 мая 1913 года.

Дальность: летом 1914 года Сикорский и Нестеров с разницей в месяц преодолели по 750 км.

Продолжительность полета: 5 июня 1914 года Сикорский продержался в воздухе с пятью пассажирами 6 часов 33 минуты 10 секунд.



Аэростат.
При каждом корпусе имелись наблюдательные шары, которые поднимались в 10 верстах от передовых позиций и следили за тылом неприятеля

И хотя еще Александр Можайский в 80-х годах XIX века высказывался по поводу необходимости вооружать самолет, к Первой мировой войне ничего путного ни в одной армии мира сделано на сей счет не было. Даром что в 1911 году русский летчик Масленников взлетел в небо с пассажиром за спиной, вооруженным пулеметом, а спустя месяцы аналогичную попытку осуществили в США. Французы установили шкворень для легкого пулемета на «Ньюпоре» в 1912 году, а наш соотечественник поручик Поплаво в 1913-м водрузил такую же штуку на свой «Фарман» уже для тяжелого «максима». Однако все эти опыты остались единичными попытками, а серийные самолеты выходили из строительных ангаров безоружными. Что двигало Петром Нестеровым, когда он решил сделать в воздухе полный вертикальный круг, фигуру высшего пилотажа, получившую название «мертвая петля»? То самое безрассудство, столь свойственное многим первопроходцам? Жажда славы? Или рациональное желание профессионального военного летчика понять и апробировать возможности машины? Чтобы потом, в бою, заставить ее трудиться на пределе, который для самого летчика уже не секрет. Сам Нестеров писал об этом так: «С этим только поворотом воздух является побежденным человеком. По какой-то ошибке человек позабыл, что в воздухе везде опора... когда я закончил свою петлю и уже планировал к ангарам, мне пришла мысль: а вдруг мою петлю никто не заметил, и даже хотел повторить ее немедленно, но, увидев у ангара сбегущую толпу, я понял, что мой полет видели... В некоторых газетах появилась обидная заметка: «Он рисковал собой и казенным аппаратом без разрешения начальства?!» На это должен заметить, что я

не зеленый юноша, служу офицером 8-й год, имею жену, двух детишек и мать, которой по возможности помогаю...» После «мертвой петли» Петр Нестеров стал единственным русским офицером авиации, в распоряжении которого был не только штатный самолет, но и еще один «Моран», выданный ему по личному распоряжению командующего авиацией великого князя Александра Михайловича.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

«Вчера приехали в Ровно благополучно; явился к командиру корпуса, который принял меня очень хорошо. Сегодня выгрузились и переехали уже почти на новое место – наш аэродром... Настроение повышается. Аппараты собираем, как ребята и вы обе?»

*Из письма Петра Нестерова жене,
26 июля 1914 года*

Русская разведка сообщала, что сборка одного самолета занимает у французских механиков не более 11 минут! Имелось в виду, вероятно, прикрепление крыльев к корпусу аэроплана. Транспортировали аппараты просто: на одной тележке корпус, на другой – крылья.

Русская армия встретила Первую мировую войну с авиапарком в 244 самолета, распределенных по 6 ротам и 39 авиаотрядам. Для сравнения: союзники Франция и Англия имели 138 и 56 аппаратов соответственно, противники, Германия и Австро-Венгрия, – 232 и 30 машин.

Русская авиация доминировала не только численно. Лишь в нашей армии к концу 1914 года сформировалась бомбардировочная авиация. Четырехмоторное произведение Сикорского S-22, более известное под названием «Илья Муромец», выпускалось в 1913 году как пассажирский самолет. Но уже в октябре 1914-го «Муромцев» переделали и собрали в эскадру бомбардировщиков под командованием генерал-майора Шидловского. Она базировалась в полосе Северо-Западного фронта, в деревне Старая Яблонна. Каждый «Муромец» имел экипаж из трех человек, на вооружении – два пулемета и около полутонны бомб.

Однако преимущество в самолетах и даже наличие специализированных бомбардировщиков нивелировалось проблемами обеспечения техники запчастями, а также отсутствием навыков у сухопутного командования по использованию авиации.

В первые месяцы войны летчики вылетали на разведку, возили срочные донесения и, разумеется, встречали в небе самолеты противника. Гоняли друг друга, как голуби над хлебным лотком, но до попыток уничтожить врага дело доходило редко. Как уже сказано, самолеты были безоружными.

Самолеты, но не летчики! Эта простая мысль пришла в голову командиру 20-го авиаотряда подьесаулу Вячеславу Ткачеву во время одного из первых боевых вылетов. Правда, в самом первом случае обошлось без стрельбы из штатного маузера. 12 августа Ткачев произвел воздушную разведку указанного ему Привисленского района, а заодно посмотрел с высоты птичьего полета, что делается на других участках фронта – под Сандомиром и Красником. Тут-то и попал под обстрел. Пришлось сажать аэроплан среди наших отступающих пехотных цепей. Солдаты, с трудом признав в «посланце неба», одетом в черную кожу, русского офицера, прицепили-таки аппарат к ротной двуколке. Часа через два Ткачев докладывал генералу из штаба дивизии о том, что видел. Оказалось, эти сведения предупредили готовящееся крупное наступление австрийцев на участках Юго-Западного фронта.

Подьесаул Ткачев стал первым георгиевским кавалером среди русских военных авиаторов. Через несколько месяцев он же стал первым летчиком, сбившим вражеский самолет из личного оружия. Гоняясь за германцем в воздухе, Ткачев выхватил из кобуры маузер и пристрелил оппонента. Почему подобное не случилось раньше? Есть и такое объяснение. Военных летчиков тогда было немного, по учебе и участию в военных мероприятиях мирного времени большинство из них были знакомы меж собой. И в воздухе срабатывало чувство «авиаторского братства». Летит себе человек в разведку, никого не трогает...

ПЕРВЫЙ ТАРАН

А первый сбитый аэроплан врага оказался на счету все того же Петра Нестерова. В приказе о посмертном награждении штабс-капитана орденом Св. Георгия присутствует и такое не слишком военное словосочетание – «по личному желанию». Согласитесь, можно трактовать так, будто воздушный бой вовсе не обязательное условие боевой работы военного летчика.

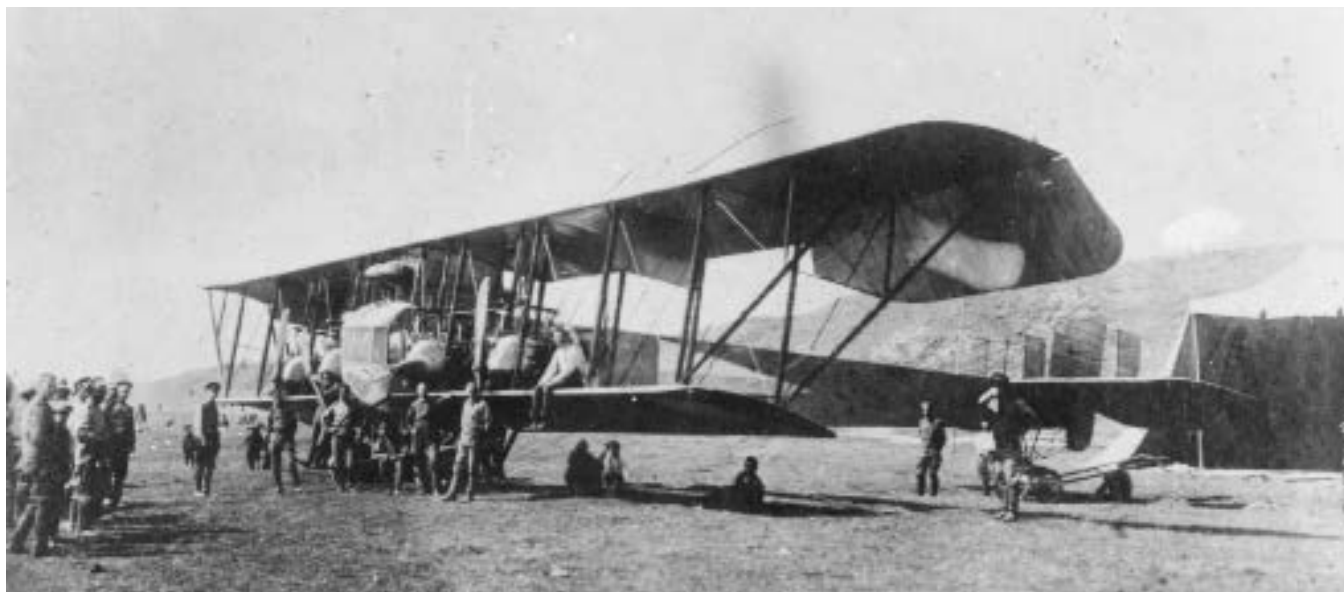
В своем первом и последнем воздушном бою Нестеров применил другой прием, позволяющий сбить противника, не имея никакого оружия, кроме шасси. Это – таран!

Все произошло 26 августа 1914 года. Но прежде...

О таране как способе воздушного боя Нестеров думал задолго до роковой стычки в небе над западно-украинским городком Жолкиевом. Осенью 1913-го на маневрах он до иступления довел летчика Гартмана из «вражеского» авиаотряда. Нестеров раз за разом перерезал Гартману путь, да настолько близко, что тот не выдержал испытания и повернул машину домой, не выполнив задания. Правда, напоследок успел погрозить Нестерову кулаком.

Русские летчики в начале войны искали способы вести бой в воздухе самостоятельно. Ткачев достал маузер, поручик Александр Козаков придумал использовать маленький морской якорь с пироксилиновой шашкой. Зависнув над аппаратом противника, можно было спустить якорь на тросе, зацепиться им за раму или крыло, капсюль сдетонирует и...

Самолет «Илья Муромец», сконструированный Игорем Сикорским



оказался здешним помещиком, его замок стоял рядом с городом. Именно в этом замке разместился 11-й авиаотряд русской армии, в спальне барона жил последние дни своей короткой жизни Петр Николаевич Нестеров!

В 1957 году вышла книга советского генерала Бонч-Бруевича, в которой утверждалось, что Нестеров таранил австрийского унтер-офицера. Тут же следовал комментарий:

даже в австро-венгерской армии в небо поднимались нижние чины, а вот в русской только офицеры. Это не единственная ложь, которую позволил себе генерал, рассказывая о гибели штабс-капитана Нестерова. А австрийский унтер был. Его труп тоже нашли. Экипаж «Альбатроса» состоял из двух человек.

Нестеров пробует привязывать к хвосту самолета медную проволоку с грузом, которым можно разрушить винт чужого самолета. Но таран оказывается способом более надежным. Хотя и смертельно опасным.

Под Жолкиевом, где стоял штаб 3-й армии генерала Рузского и 11-й «нестеровский» авиаотряд из десяти машин, с назойливой регулярностью стал появляться австрийский биплан. Покружит-покружит да улетит. Командование начало нервничать. Начальник разведки и контрразведки 3-й армии генерал-майор Бонч-Бруевич в глаза обвинил авиаторов в бездействии и трусости. Чем и спровоцировал Нестерова. Летчик в присутствии других офицеров дал слово чести разобраться с австрийцем.

На следующий день ждали австрийца. И он появился. Едва его громоздкий «Альбатрос» завис над городом, как Нестеров рванул к самолету. Австриец, сделав два круга над Жолкиевом, уже повернул на запад, когда заметил, что над его машиной сверкнул серебром маленький «Моран» с русскими кругами на крыльях. «Альбатрос» начал снижаться, но было поздно. «Моран» колесами ударил его в крыло, и оба аппарата рухнули на землю.

Чуть позже в болоте нашли и труп австрийского пилота. В летной книжке было записано: «Лейтенант барон Розенталь». Тут же барона опознали местные жители. Розенталь

ПЕРВЫЕ АСЫ

«Не получал от тебя уже более недели вестей и сам не писал, так как не было почты, все время в передвижении. По дорогам, когда езжу на автомобиле по 50–100–150 верст, встречаются картины страшного разрушения, и приходят вместе определенные мысли о зверстве и бессмысленности войны».

Из письма Петра Нестерова жене, 24 августа 1914 года

В 1915 году самодеятельность закончилась. Самолеты начали оснащать легкими пулеметами. И война в воздухе приобрела тот характер, который нам так знаком по военным фильмам. Появилась истребительная авиация.

К сожалению, в русской армии переход к новым видам воздушного боя несколько затянулся. Можно сказать, что по боевым возможностям наша авиация сравнялась с французской, немецкой и британской только во второй половине 1916 года.

К этому времени выросла плеяда отличных летчиков военного времени.

Александр Прокофьев-Северский еще в 1915 году был тяжело ранен бомбой, разорвавшейся на борту его самолета в руках механика. Офицеру ампутировали ногу чуть ниже колена. На службу Александр вернулся по специальному разрешению императора. Весной 1917-го Северского снес вместе с мотоциклом грузовик в Петрограде. Результат – травма здоровой ноги. Едва вернулся в строй – ранение в руку. К Октябрю 1917 года Прокофьев-Северский участвовал в 57 воздушных боях, сбил 13 вражеских самолетов, кавалер ордена Св. Георгия

Летчики
10-го корпус-
ного авиаот-
ряда



и Георгиевского оружия. Служил командующим истребительной авиацией Балтийского флота. Было ему тогда – 23 года!

Константин Арцеулов, племянник великого мариниста Айвазовского, вошел в историю военной авиации как человек, первым научившийся выводить самолет из штопора. Испытания нового приема пилотирования он провел в сентябре 1916 года в Каче, под Севастополем. И до конца войны этот прием спас не одну пилотскую жизнь.

Евграф Крутень – первый теоретик истребительной авиации, подтверждавший свои тезисы боевой практикой. Именно Евграф Николаевич придумал такой тактический прием, как парная работа истребителей. С него повелось: ведущий – ведомый... Крутень первым предложил объединить малочисленные авиаотряды легких самолетов в большие авиагруппы и атаковать врага массой до 50 машин. Командир знаменитого 7-го авиаотряда летал на «Ньюпоре», корпус которого был украшен изображением головы русского витязя в островерхом шлеме. Как правило, завидев эту голову, вражеские летчики поворачивали в сторону домашних аэродромов.

Вячеслав Ткачев, близкий друг Петра Нестерова, – из поколения первых. Но оказался едва ли не последним ушедшим из жизни летчиком-героем Первой мировой войны. Он умер в 1965 году в Краснодаре, на родной Кубани. Но не прост был путь генерала Ткачева домой.

Перед Октябрьским переворотом он служил начальником всей русской авиации, сменив на этом посту великого князя Александра Михайловича, вынужденного уйти в отставку после Февральской революции. Октябрь Ткачев не принял, ушел на Дон и Кубань, командовал авиацией в Русской армии генерала Врангеля. Едва покинув Крым в 1920 году, Вячеслав Матвеевич сразу отстранился от политики, отверг предложения о любом сотрудничестве с фашистами, когда те пришли на Балканы. В 1944-м отказался бежать из Югославии на Запад, был арестован «Смерш», возвращен в СССР и приговорен по 58-й статье к десяти годам лагерей. Отсидел полностью, а когда вышел, отказался от французского гражданства (жена, с которой его навсегда разлучили в 1944-м, жила во Франции в доме для престарелых. – **Прим. авт.**) и предпочел получить советский паспорт. Работал в переплетной мастерской, вышел на пенсию (27 рублей). Написал две книги: «Крылья России (История Российской военной авиации 1914–1917 годов)» и «Русский сокол», посвященную жизни Петра Нестерова. Их отказались печатать под тем предлогом, что юридически вину перед СССР



Ткачев искупил, но морального поощрения не заслужил.

И Ткачев, и его друг Нестеров были великими русскими военными летчиками. Хотя формально к числу асов не принадлежат. Ас (от французского «туз». – **Прим. авт.**) – летчик, одержавший не менее десяти зарегистрированных, то есть подтвержденных тремя и более участниками боя воздушных побед. Таковых в России в Первую мировую войну набралось более сорока человек. Первый результат – у Александра Козакова, чей официальный счет достиг 17 побед, а с учетом сбитых самолетов, упавших на территории врага, – 32.

Более назидательной мне кажется другая статистическая выкладка. Из сорока одного русского аса 1914–1917 годов в Первой мировой погибли одиннадцать человек (среди них Александр Козаков и Евграф Крутень). Семнадцать летчиков эмигрировали. Под репрессии попали семь человек, четверо были расстреляны сразу. Судьба троих неизвестна. И еще трое умерли в СССР своей смертью. 🇷🇺

**Вячеслав
Матвеевич
Ткачев
(1885–1965)**

«ЗАЧЕМ СЧИТАТЬ, СКОЛЬКО РАЗ МОЖНО РАЗРУШИТЬ МИР?»

С 1982 года, когда чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов возглавил Советский фонд мира, прошла целая эпоха. Полностью изменилась расстановка сил на планете, а сама эта организация превратилась в Международную ассоциацию фондов мира. Неизменным остался только ее председатель – Анатолий Карпов, с которым в Париже побеседовала корреспондент «Русского мира.ru».



РИА НОВОСТИ

При подготовке нынешних соглашений между Россией и Евросоюзом наши дипломаты стараются вписать слова о стратегическом партнерстве. Как, на ваш взгляд, менялось отношение к России в Европе и почему она сейчас все же не готова к такому «стратегическому» партнерству?

– Отношение к России менялось волнообразно. В 60–70-х годах к нам относились очень напряженно, потом, в 80-х, вместе с Горбачевым для России открылся весь мир. Далее, к сожалению, мы сами сделали все, чтобы нас боялись, поскольку был очень активен криминалитет, причем как в России, так и за ее пределами. Затем, в конце 90-х, – небольшая передышка с точки зрения негативного отношения к России, а потом опять возникла напряженность. Лично мне кажется, что эту напряженность создали американцы, а Европа будто с закрытыми глазами последовала этим курсом.

Многое происходящее иногда невозможно понять, хотя у меня большой опыт общения с европейскими коллегами и много друзей в Европе. Когда начинаешь с ними обсуждать происходящее, то ни мои друзья-французы, ни испанцы, ни немцы просто не могут ответить на вопрос, зачем НАТО расширяется на восток. Этот процесс давно напрягает отношения Европы и России, но большинство европейцев просто не понимают, зачем это делать. Вполне можно было бы пойти на те призывы, которые звучали из России, – создать некий «нейтральный коридор» из стран бывшего Варшавского договора. Это было бы проще всего. Но руководство НАТО все-таки решило продвигаться на восток, и, конечно, это не может радовать Россию.

Сразу возникает вопрос: от кого планирует защищаться НАТО? Если от России, то мы давным-давно никому не угрожаем. Либо же само НАТО хочет держать нашу страну «под прицелом», что нас тоже не устраивает. Мои европейские друзья разводят руками и говорят: мы тоже не понимаем, в чем причина такого отношения к России. Конечно, если бы были подписаны соответствующие соглашения и не было бы этой экспансии НАТО, то, думаю, уже давно у России с Европой были бы какие-то общие политические планы. Мы

близки к этому. Россия откликнулась на просьбы европейцев по поводу прохождения грузов и войск НАТО через нашу территорию в Афганистан. Это было очень серьезным шагом. Другого такого примера невозможно припомнить в послевоенной истории. На ум приходит только то, что в 30-х годах немецкие летчики обучались в Советском Союзе. А потом ничего подобного нынешнему сотрудничеству не было в течение семидесяти с лишним лет. Так что существует огромное поле для взаимного сотрудничества России и Европы, особенно с точки зрения борьбы с терроризмом и экстремизмом, не говоря уже об экономических задачах.

– Вам, шахматистам разных стран, наверное, находить общий язык легче, чем политикам?

– Я давно работаю с европейцами и был одним из немногих, кто имел общие программы и со странами Варшавского блока, и с западноевропейскими государствами. Например, еще в период холодной войны, с 1977 года, мы очень активно сотрудничали с шахматной федерацией ФРГ. Свою первую шахматную школу я открыл в Восточном Берлине, и практически сразу же вторая школа появилась в Западной Германии. Эта школа существует и сейчас. У меня есть шахматные школы во многих европейских странах, а совсем недавно я открыл еще одну – в Польше.

– Польские газеты переполнены антироссийскими статьями. Не замечаете ли вы негативного отношения по своей школе?

– По своей школе не замечаю. И по своим отношениям с поляками тоже. Несколько лет назад я играл матч с чемпионом Польши, он тогда был еще и чемпионом Европы по быстрым шахматам, происходило это в Варшаве, и ко мне относились как к поляку. Тот матч я выиграл, причем обыграл польского чемпиона с большим перевесом, и, несмотря на это, закрытие турнира прошло в прекрасной атмосфере. Честно говоря, я сам этому очень удивился, поскольку пони-

мал, что между нашими странами имелись определенные осложнения. Но мне кажется, все эти сложности больше в сфере политики и журналистики, нежели среди самих поляков.

Моя школа в Польше открыта в небольшом городке около Кракова. Когда я приезжаю туда, то всегда стараюсь посетить Краков – это совершенно фантастический город. А ведь во время войны он был спасен совместными усилиями поляков и русских. Именно наши разведчики помогли сохранить эту жемчужину мира. Можно, конечно, в российско-польских отношениях все время вспоминать Катынь, но нужно не забывать и Краков. И не только Краков. Между Россией и Польшей было и есть много общего и хорошего. Нельзя вспоминать только плохое. Происходящее сейчас можно в определенной степени объяснить с психологической точки зрения. Мне кажется, Польше повезло экономически, но одновременно не повезло психологически, поскольку географически она находится между двумя крупнейшими странами: Россией и Германией. И, конечно, не очень приятно осознавать, что ты заведомо менее влиятельна и слабее, чем соседи. Хотя, с другой стороны, все равно, мы – славяне, и это нельзя сбрасывать со счетов.

– А Достоевский, например, считал, что «никогда еще не было у России таких ненавистников, завистников, клеветников... как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными». Так ли уж ошибался Достоевский?

– Это большой парадокс, и в какой-то степени, исходя из своего опыта, я могу согласиться с Достоевским. К счастью, у меня самого никогда не возникало проблем – ни в Польше, ни в Болгарии, ни в Чехии. В Чехословакии я был первый раз накануне печально известных событий 1968 года, мы ездили по чешской глубинке, и я не почувствовал тогда никакого напряженного отношения к русским. Возможно, в Праге это проявлялось ярче, а в провинции никакого негатива не было. Потом я еще много раз приезжал и в Чехию, и в Словакию, и всегда у меня оставались самые лучшие воспоминания. Сейчас мне кажется, что эти страны опять «развернулись» к России. Они, конечно, зависят от России по части поставок энергоресурсов, но и наши туристы для них представляют неплохой источник дохода. Я сам наблюдал, как в Чехии за последние годы поменялось отношение к русским. Жалко, что в наши нынешние нормальные государственные взаимоотношения со странами бывшего Восточного блока постоянно влезают США. Я просто не понимаю, зачем нужно было предлагать размещать ПРО в Польше и Чехии. Защитятся они на территории Польши и Чехии, а дальше что? Если, не дай бог,

взорвется ракета с ядерной боеголовкой, то остальные умрут просто на 10 минут позже. Вот и вся разница. Гонка вооружений – это дорога в никуда. Во времена холодной войны часто можно было услышать, что, например, «страны НАТО могут разрушить весь мир 28 раз, а мы только 16. Нужно догонять». Это и тогда было совершенно невозможно понять. Чтобы уничтожить мир, вполне достаточно одного раза. С той или с другой стороны. Ничего больше не понадобится, хватит на всех. Зачем же считать, сколько раз его можно разрушить?

И сейчас происходит то же самое. Более того, если начнется какой-нибудь серьезный ядерный конфликт, погибнет не только все живое, но и, как доказали ученые, не выдержит и Земля. Она может просто расколоться. Мне кажется, сейчас у нас на глазах опять возникает какой-то психоз, который, кроме как желанием потратить деньги на вооружение, ничем другим не может быть объяснен.

– К сожалению, последние конфликты показали, что только обладание ядерным оружием может защитить от незваного вторжения. И все торопятся его заполучить.

– Это очень серьезная проблема для человечества. И сегодня все понимают: самое главное, чтобы ядерное оружие не попало в руки террористов и экстремистов. Иначе все процессы на земле станут неуправляемыми. И, кстати, именно по этому

Россия вряд ли может успешно бороться со сборной мира, хотя еще лет 20 назад мы вполне могли это делать. Сегодня в шахматах нет полного доминирования той или иной страны, но все равно российская шахматная школа пока удерживает сильные позиции. И если не доминирует, то по крайней мере входит в лидирующую группу. Однако должен отметить – что-то случилось с командным духом. К сожалению, последнюю шахматную Олимпиаду Россия завалила, хотя если говорить об индивидуальном уровне наших шахматистов, то он был очень высокий. Но не хватило командного духа. Как-то не получается в последнее время играть в команде. Шахматы – индивидуальный вид спорта, и даже при командном зачете складываются именно индивидуальные результаты четырех или шести шахматистов, тем не менее командный дух имеет колоссальное значение. Это прекрасно демонстрируют армянские шахматисты. Им удалось два раза

{ «Существует огромное поле для взаимного сотрудничества России и Европы, особенно с точки зрения борьбы с терроризмом и экстремизмом, не говоря уже об экономических задачах». }

направлению возникает колоссальное поле для сотрудничества России, Европы и США. Точек приложения для совместных усилий очень много. Нужно их находить и развивать, а не критиковать постоянно друг друга по поводу противоречий, которые, безусловно, возникают, но которые всегда можно преодолеть.

– У вас много школ в разных странах мира. Наши тренеры по фигурному катанию тоже настолько повысили уровень во всем мире, что теперь нам все труднее побеждать. Не происходит ли то же самое в шахматах? Как вы оцениваете нынешний уровень российских шахмат?

– Когда распался СССР, мы потеряли серьезные составляющие нашей былой силы. Например, в женских шахматах была очень сильна Грузия, в мужских – Армения. Теперь Грузия, Армения и Азербайджан, который вкладывает в шахматы серьезные деньги, выступают самостоятельно, причем очень успешно. Сильные позиции в мировых шахматах имеет и Украина. Раньше, играя матчи против сборной мира, мы выступали все вместе, а теперь друг против друга. И сейчас

попряд выиграть Всемирную шахматную олимпиаду, что является фантастическим достижением.

– А отчего же изменился командный дух у россиян?

– Сам не знаю: другое поколение – другое отношение. Может быть, нынешние молодые шахматисты не воспринимают все так близко к сердцу, как мы когда-то.

– Если проиграете, то «партбилет на стол»?

– Нет, такого не было, но мы сами относились иначе. Мы, например, считали позором, если не выигрывали чемпионат мира. И мы их выигрывали, причем зачастую в тяжелейших ситуациях. Бывало, команда либо не подготовлена, либо не собрана, и мы отставали от главных соперников, но все равно, собирались и выигрывали.

Причем вытаскивали такие ситуации, которые, казалось бы, невозможно вытащить. А теперь и шахматисты, и, как я могу заметить, представители других видов спорта считают, что если не получилось сейчас, то получится потом. У нас не было следующего раза прежде всего для нас самих. Не потому что боялись наказания, мы сами воспринимали проигрыш как большой позор. Как это так? Играют чемпионы мира и не выигрывают командный чемпионат? А сейчас этого

нет. Может, утрачено чувство патриотизма, как ни высокопарно это прозвучит. Наверное, нужно просто растить молодых шахматистов с другим отношением к общему делу.

– **Ваша легендарная способность концентрироваться и собираться это врожденная черта характера или результат опыта?**

– Этому учит сама жизнь: опыт и практика. У меня, например, способность сохранять хладнокровие в стрессовых ситуациях вовсе не от рождения, она была воспитана годами. И благодаря этому мне удавалось собираться с силами как раз в тот момент, когда возникали самые большие опасности. Я мог сконцентрироваться и даже играть сильнее, когда мне было особенно тяжело.

– **За плечами у вас потрясающая карьера, причем не только в спорте. Но даже самые удачливые люди иногда хотят что-то переиграть в своей жизни. Есть ли такое чувство у вас?**

– Конечно. В принципе, я не должен был проигрывать Каспарову. И считаю, что сделал большую ошибку, когда в 1984 году согласился играть матч в России, а не в другой стране.

– **Почему?**

– Потому что в плане организации творилось просто безобразие, зачастую пренебрежение правилами и обязательствами. Заранее я не мог такого предположить, и, как мне кажется, если бы тогда мы играли в любой другой стране, то, наверное, Каспарова я бы все-таки «добыл».

– **Чтобы привлечь ребенка к шахматам, нужны гораздо меньшие затраты, чем, например, для занятий горными лыжами. Раньше столы с шахматными досками были в каждом парке. Наверное, шахматные кружки могли бы появляться в России всюду, как это было в Советском Союзе...**

– Тогда власти понимали, что нужно обучать народ, а сейчас, думаю, не понимают. Я вообще не представляю, что творится в системе образования, а шахматы – только часть этой системы. Шахматы учат логически мыслить. Но, может быть, сейчас это просто не нужно.

– **А что же нужно?**

– Не знаю. Ничего позитивного в этом плане сказать не могу, поскольку просто в шоке от того, что происходит с реформой системы образования. Поскольку дочка учится, для меня особенно заметны изменения в начальной школе. В России дискуссии об образовании начинаются с

вопроса: «Как проводить реформу?» И я ни разу не слышал дискуссии о том, нужно ли ее проводить. Я абсолютно уверен, что раньше наша начальная школа давала лучшее образование в мире. Зачем ее реформировать? Может быть, мы где-то отставали в старших классах, и то я не думаю, что сильно, поскольку все равно наше образование было очень высокого уровня. Сейчас же стремятся кардинально реформировать, переделали все учебники. Зачем проводить реформу там, где это совершенно не нужно? Так же и в шахматах: зачем проводить реформу, если мы раньше доминировали во всем мире? В конце 80-х только для того, чтобы сказать, что мы теперь живем по-новому, развалили всю шахматную систему. Но ведь эта система давала лучшие результаты в мире! Не разваливать нужно было, а взять все лучшее и развивать.

– **Вы заглядываете в учебники своей дочери-третьеклассницы?**

– Заглядываю, и могу сказать, что был в шоке, когда они начали изучать таблицу умножения. Раньше мы ее просто учили наизусть. А сейчас маленькие дети, вместо того чтобы просто запомнить «три умножить на семь равняется двадцать один», должны вникать в следующее: три умножить на семь – это все равно что два умножить на семь плюс еще семь или три умножить на шесть и еще прибавить три и т.д. Чтобы просто выучить таблицу умножения, не обязательно учить детей многовариантности, это приходит позже.

– **Похоже, не только в начальной школе, но и во многом другом мы все время ищем многовариантность, тогда как просто нужно ориентироваться на базовые правила. Почему мы всегда считаем, что где-то «трава зеленее»?**

– Для меня это загадка, и идеи реформы образования я просто не понимаю. Может, я не могу сам предложить, как сделать лучше, но по крайней мере точно знаю, чего делать нельзя: нельзя экспериментировать на школьниках. ЕГЭ – это, по моему мнению, абсолютный бред. Как можно тестировать знания по русскому языку и литературе? Школа должна научить мыслить и уметь выражать свои мысли. Наш язык – это колоссальное богатство. Неслучайно в советской системе образования такое внимание уделялось сочинениям, когда нужно было логически построить предложение, следовать определенному плану, красиво излагать свои мысли. Все это потом оказывалось очень востребованным в дальнейшей жизни. Хочется надеяться, что здравый смысл все-таки возобладает, и мы не станем бездумно отказываться от многого хорошего, что было в нашей системе. ■

ЖОРЖ НИВА: «Я ЖИВУ РУССКИМ ЯЗЫКОМ»

Русским языком он владеет блестяще.
Казалось бы, что тут странного?
Ведь Жорж Нива – один из авторитетнейших
западных славистов.

Но все равно удивляешься непривычной сегодня изысканности фраз и подчеркнуто правильному произношению, очарование которому придает еле заметный акцент. Профессор Женевского университета, академик Европейской академии, почетный профессор многих университетов, президент Международных Женевских встреч и соредатор многотомной «Истории русской литературы» на французском и итальянском языках весьма демократичен в общении и готов обсуждать огромный спектр вопросов. В интервью «Русскому миру.ru» Жорж Нива делится своими мыслями о русской культуре и об отношениях России с Западом.

– **Вы часто бываете в России. Можете оценить те изменения, которые здесь происходят? Скажем, начало 90-х и 2009 год.**

– Налицо огромные перемены. Во-первых, у людей пропало чувство страха. Во-вторых, одно время был энтузиазм в политической жизни, теперь он заметно снизился. Раньше, когда я включал телевизор, всегда видел своих друзей-интеллектуалов – писателей, ученых. И они вещали: как написать Конституцию, как обустроить Россию. Теперь такого нет. Телевидение в России с политической точки зрения стало неинтересным. Зато у вас есть телеканал «Культура» – это большая удача. В-третьих, налицо расцвет культуры в стране.

– **Вы уверены насчет последнего?**

– Безусловно. Посмотрите, какое количество интересных книг выходит по гуманитарным наукам. Они есть в магазинах.

– **Но они не пользуются особой популярностью.**

– Но ведь тот, кто хочет, может их свободно купить. А это большой плюс, особенно если сравнить с советским периодом, когда хотели, но не могли.

– **Что вы считаете вредным для современной российской культуры?**

– Прежде всего замкнутость. Я не хочу сказать, что она сейчас замкнута, но тенденция к этому наблюдается. Довольно многие считают, что российскую культуру нужно оградить от влияния американской и европейской культуры, в которых разрушена нравственность. Это опасно.

– **Вам часто задают вопрос, как улучшить имидж России за рубежом?**

– Мне часто задают вопрос: почему имидж России негативен за рубежом? Я отвечаю, что надо знать Россию. А для того, чтобы на Западе знали Россию, надо показывать ее такой, какая она есть, а не выстраивать какую-то идеальную картинку. За рубежом считают, что нынешняя Россия – это монолит, чуть ли не как при сталинизме, где все думают одинаково, где образ мышления диктуется.

– **Вы с этим не согласны?**

– Не согласен. Потому что я слежу за интеллектуальной жизнью России. В литературе, например, есть остро оппозиционные люди. Взять хотя бы Людмилу Улицкую, Захара Прилепина. Или журнал «Континент», где публикуют бесконечные автономные политические анализы. Если же говорить в целом о культурной, интеллектуальной жизни, то она свободная, но не все готовы пользоваться этой свободой. Мне кажется, на Западе надо больше показывать Россию такой, какая она есть, с плюсами и минусами. Вот, например, переписка Людмилы Улицкой с Михаилом Ходорковским, которая вышла в журнале «Знамя». Удивительный документ. Они начали эту переписку больше года назад, и переписка ведется до августа 2009-го. Улицкая задает вопросы. В принципе, она

не любит богатых людей – так она начинает. Михаил Ходорковский ей отвечает, становится понятней, кто он. Я опубликовал об этой удивительной переписке статью. Переписка не секретная, она напечатана. Это все-таки осложняет «монолитную» картину. Лучше показывать эту сложность жизни. Жизнь – это всегда борьба внутри страны за идеи, за мысли. Или вот когда президент Медведев напоминает о Дне политического заключенного... Ведь это идет против мнения немалого числа

ЭВОЛЮЦИЯ МИФА О РОССИИ

– Вы нередко выступаете в защиту России. Сейчас это, наверное, даже сложнее, чем раньше?

– Это трудный вопрос, если смотреть на эволюцию мифа и знаний о России.

– Что вы подразумеваете под «эволюцией мифа»?

– В Западной Европе, в особенности во Франции, первый миф о России возникает в XVIII веке. Этот миф – идея просвещенного деспотизма. Считалось, что в России просвещенная царица-философ и деспот, Екатерина Великая. Вольтер считал, что хотя в России и деспотизм, но там могут быть применены идеи просвещения народа. Этот миф исчезает, когда Французская революция меняет все координаты. Затем подавление Польского восстания в 1830 году Николаем I приводит к тому, что большинство людей оказываются настроенными против России, все заделываются полонофилами. Адам Мицкевич – герой, его назначают профессором Коллеж де Франс. И все кончается войной в Крыму...

Затем появляется второй миф – о глубоких христианских корнях, о духовности, кото-

людей в России, которые вернулись к рассуждениям «лес рубят – щепки летят».

Поэтому я всегда отвечаю: Россия сложнее, чем вы думаете. Здесь идет богатая культурная жизнь, хотя, увы, нет пророка... Но мы вообще живем в эпоху, когда пророки не доминируют. Мне казалось, одно время Александр Солженицын представлял пророческий голос. Но изменились обстоятельства. И пророк оказался не нужен, что не значит, что он и его книги не сыграли свою роль.

– А как на Западе обстоят дела с пророками?

– Да уж, нет Солженицыных. На Западе общество тоже становится более горизонтальным. Все эти опросы общественного мнения... «Вы за или против? Звоните на такой-то телефон». Каждый высказывает свое мнение... Статистически это интересно, индивидуально это неинтересно. Мнение последнего дурака меня не интересует.



Понимаете, многое зависит от общей экзистенциальной перспективы. Я знаю довольно много людей, которые живут какое-то время в России, и они, как правило, в восторге. Одна моя бывшая аспирантка с мужем, не знающим русского языка, и двумя дочерьми на два года приехала в Москву. Я их предостерегал: вы хорошо подумали о своем решении? И что вы думаете? Они в полном восторге. Почему? Не так-то просто это объяснить. При всей трудности жизни осталось какое-то братство в личных отношениях.

рую потерял Запад и которую сохранила Россия. О русской общине, о сельском мире. Об этом пишут и немцы, и французы. Этот миф получает подтверждение в русской литературе. И тогда некоторые люди начинают учить русский язык, в том числе и несколько известных интеллектуалов. Например, Проспер Мериме. В конце XIX века в Сорбонне вводят изучение русского языка.

Но вот – Первая мировая война, бойня, русская революция... Происходит раскол: некоторые настроены категорически против России, а некоторые лелеют очередной, третий миф. Миф о русском социализме.

Мой учитель Пьер Паскаль был одним из «французских большевиков». Был секретарем Чичерина, работал в Кремле, но при этом каждое утро ходил на мессу как истинный католик. Его вызвали на товарищеский суд. Спросили: «Петр Карлович, как же так? Вы же большевик, а ходите в церковь». А он ответил: «В области экономики я марксист, а в области философии Маркс очень слаб. Я – последователь Фомы Аквинского».

– **Он романтизировал русскую революцию?**

– Он разочаровался в ней уже в начале НЭПа. Когда комиссар и кухарка стали получать разные пайки, для него это означало конец идеи. Ведь он считал, что должно быть полное «уравнение», как сказано у апостола Павла. И этот миф на Западе разделяли многие. Но миф постепенно рушился. Чистки, репрессии – какие-то сведения все-таки доходили. А потом появился следующий миф, вернее, трансформировался второй миф, из XIX века. Речь идет о диссидентстве и главным образом о Солженицыне.

Сегодня никакого мифа нет. Остались корни мифа, общие представления. Но, обобщая, мы больше не получаем ничего особенного из России. Если человек хорошо знаком с русской культурой, он с интересом читает новости из России, русскую литературу. Вот и все.

– **Кто вам нравится из современных российских писателей?**

– Марк Харитонов, Андрей Дмитриев, Михаил Шишкин, Леонид Юзефович. Сначала я не слишком хорошо относился к Прилепину, но то, что я читал в последнее время, меня увлекает. Очень хорошо отношусь к Улицкой. Правда, иногда мне кажется, что, если бы книга была короче, она была бы эффективнее. Улицкая из тех писателей, которые очень полезны для России, в том числе для имиджа России. Она не пишет для России, она пишет, потому что она пишет. Как любой настоящий писатель.

– **При вашей поддержке книги Марка Харитонova были переведены и изданы во Франции, но особого успеха там не имели...**

– Да, это так. К сожалению, объективно я должен сказать, что на русскую литературу сейчас мало обращают внимания, да и вообще на иностранную литературу.

– **Не могли бы вы пояснить, что имеется в виду?**

– Да я сам не очень это понимаю. Более открытые отношения, наверное. Хотя в России отношения между разными социальными слоями трудные и порой агрессивные. Мне, как профессору, легче общаться с крестьянином в Савойе, чем здесь академику с каким-то жителем глуши.

– **Вообще-то это будет зависеть от академика.**

– Надеюсь, это так.

– **Насколько молодому поколению европейцев интересны, скажем, Толстой и Достоевский? Когда читаешь, что в Лондоне Достоевский издается в виде комиксов...**

– В России издатель Захаров тоже сократил «Войну и мир»... И изменил финал: нельзя, чтобы князь Андрей умер, потому что это опечалит читателя. Не будем говорить о таких романах, как «Война и мир». Это длинно. Это не для молодого читателя.

– **Ладно. А Чехов? Куприн?**

– Чехов – да. Вот Куприна он не откроет.

– **Зощенко? Бунин? Шолохов? Булгаков?**

– Нет. Он откроет, скорее, современных писателей. Например, Пелевина. Или Сокурова. Или Улицкую. Петрушевская читается. Но при этом купить Толстого, Достоевского и Чехова вы сможете в любом городке, в любой сельской лавке, где продаются газеты и журналы.

Кстати, фильмы играют очень большую роль! И очень важно знать, что мы в этом смысле получаем из России. У вас есть гений – Александр Сокуров. Но, я думаю, этот гений никогда не получит премию в Каннах. Потому что каннское жюри хочет не только прославить лауреата, но и получить славу этого лауреата. А Сокуров слишком элитарный. У него очень трудные фильмы, он не делает никаких уступок.

– **И все-таки интересно, почему Пелевина или Петрушевскую во Франции читают, а к Харитонову или Иванову интерес меньше...**

– Я ведь только чуть-чуть занимаюсь издательским делом. Мне интересно взять отсюда то, что мне нравится, перевести и перенести туда. Почему нет популярности? Не знаю. Тут есть доля тайны. Например, в последние два года одна из самых популярных книг во Франции – роман Джонатана Литтла «Благонамеренные». Это, если грубо обобщить, история уничтожения евреев Гитлером, рассказанная эсэсовцем-эстетом. Может быть, этот парадокс захватил людей? Не знаю, будет ли этот роман переведен на русский. Может быть, это не нужно. Потому что он вызовет здесь нехорошую реакцию. Он и во Франции вызывает реакцию. Но в России воспоминания о войне еще сильно берегут старые раны. Это, между прочим, одна из разниц между нашими странами. Западу трудно это понять.

– **А в чем разница?**

– Нет культа войны на Западе, во всяком случае, такого, как у вас.

КУЛЬТУРЫ-КОРНИ И КУЛЬТУРЫ-КОРНЕВИЩА

– **Чем вас заинтересовал Алексей Иванов? Вы ведь поддерживаете издание его книг во Франции?**

– Да. Перевели «Географ глобус пропил». Сейчас переводится «Золото бунта». Чем заинтересовал? Да я в Петербурге в книжной лавке взял в руки «Географ глобус пропил» и не смог оторваться, пока не прочитал до конца. Какая-то особая прелесть.

– **А как во Франции реагируют на такие провокационные вещи, как «Мечеть Парижской Богоматери» Чудиновой? Вы читали эту книгу?**

– Начал читать в Интернете, но мне не понравилось. Мне кажется, там нет знания проблемы, а только пристрастный взгляд извне. Такое часто случается. Например, мой любимый Андрей Белый в 1911 году приезжает в Париж и пишет: «Негр прет на Париж». Это было дурацкое высказывание Андрея Белого, но интересное, поскольку он жил своими фантастическими кошмарами. Если это его собственный кошмар – это интересно, если это анализ Франции – это ноль или минус.

Проблема сегодня есть, конечно. Она осмысливается, об этом много пишется, в том числе учеными арабского и африканского происхождения – коренными французами. Это граждане Франции. Второе и третье поколение тех, кто приехал в Париж из наших бывших колоний.

{ «Для того чтобы на Западе знали Россию, надо показывать ее такой, какая она есть, а не выстраивать какую-то идеальную картинку». }

– **Это не культ. Это – память.**

– Да, но... Надо больше жить будущим, чем прошлым.

– **Но и прошлое забывать нельзя.**

– Но вы зацепились за это.

– **За последние двадцать лет у нас произошло столько всего... Память о войне объединяет и примиряет всех.**

– Я понимаю. Старая идеология рухнула. Что вместо нее? Православие? Но оно не для всех, надо ведь быть верующим. Хотя есть неверующие православные, для которых православие – лишь идеология. Этого я не одобряю. Православие – живое явление. Я очень им интересуюсь. Я – верующий христианин, протестант. У меня есть приятели среди священников. И я вижу, что и здесь нельзя обобщать. А на Западе обобщают. Например, «православие и власть» – византийская симфония. Но никакой симфонии нет. При этом Россия уже не может быть православной страной, какой она считалась во время империи. Так что, да – остается Победа, с большой буквы. И безусловно, по числу жертв, страданий, масштабу уничтожения – все понимают, что это оставило такой след... Но, мне кажется, нельзя из этого делать культ.

Если вспомнить бунты, которые вспыхнули три года назад на севере Парижа, покажется, что все горит. Но это не так. Когда говорят о проблеме с ассимиляцией, речь идет о меньшинстве. О тех детях, которые не ходят в школу. Сейчас наш министр образования объявил, что надо платить «бонус» классу, если все ученики этого класса исправно посещают занятия. А класс на эти деньги может устроить себе поездку куда-нибудь. Такое уже есть в Англии и в некоторых других странах. По этому поводу у нас сейчас идет гигантская полемика. Одни заявили, что это – подкуп, принципы республики нарушены. Другие считают, что нужен эксперимент. В Англии это частично работает, в Бельгии тоже. Но это подход очень не французский. Французский подход – это «или все – или ничего». Какой-то абсолютизм. Конечно, англосаксонцы более открыты для экспериментального образа жизни.

– **Но в этом тоже есть свои минусы.**

– Но все-таки президент Обама – потрясающий пример. Мы хулили Америку во время президентства Буша, и вдруг она дала нам такой пример. Это пока немыслимо в других странах.

сии. Вот, например, Польша. Что приходит на ум европейцу? «Двойня» Качинских и ретроградная церковь. Польша намного сложнее, естественно, имеет таких героев гражданских, как Михник. А Болгария? Румыния? Скажут: цыгане, мафия! Но раньше это были части Римской империи, и оттуда мы получаем замечательные фильмы, как, например, «Концерт» румына Михайлеану.

– **Вам не кажется странной такая ситуация?**

– Принимать в Евросоюз членов, которых мы знаем недостаточно, это, с моей точки зрения, греховно, то есть мы должны лучше знать Европу. Надо знать, что такое Эстония, Литва, Украина. А как лучше узнать страну? В том числе через ее литературу. Нужны переводы книг национальных авторов.

Ну вот, например, в России немыслимо – исключением был, увы, Сталин. Во Франции мыслимо, но не сейчас.

– **Какое влияние испытывает французский язык из-за притока иммигрантов?**

– Влияние в первую очередь ощущается в поп-музыке. Это называется культура «Бер». Откуда это слово – я не знаю. Этих людей отличает акцент, который стал модным. Есть влияние и на литературу. С наших Антильских островов мы получили великих писателей, например Патрика Шамуазо, Эмме Сезер, которые вносят креольскую нотку. Есть теория о креолизации мира. Она гласит, что мы идем к всеобщей культуре, которая будет не с вертикальными, а с горизонтальными корнями.

– **Речь о теории Гаттари и Делёза, выделяющих два типа современных культур – вертикальные культуры-корни, базирующиеся на истории, и горизонтальные культуры-корневища, то есть сме-**

УРОЧИЩА РУССКОЙ ПАМЯТИ

– **Что было для вас самым сложным, когда вы начали изучать русский язык?**

– Сложным? Я не думал об этом. К тому моменту, когда я решил серьезно изучать русский язык, я уже знал латынь, древнегреческий, некоторое время учился в Оксфорде, затем – на английском отделении Сорбонны.

{ **«Одно из моих утопических мечтаний – описать, поэтически естественно, русский язык на французском языке».** }

шение различных культур? Как вы думаете, какой из этих типов победит?

– Не знаю. Сам я принадлежу к первому. Это как борьба между книгой на бумаге и информационным потоком в Интернете. Наверное, они будут сосуществовать. Мыслящий читатель всегда предпочтет бумагу и книгу. Потому что можно вернуться, указать на полях то, что тебе нравится. В общем, можно активно читать. На экране компьютера это намного труднее. Мне кажется, бумажная книга останется. И вертикальные корни – тоже.

– **Вы как-то заявили, что относитесь к демократии скептически. Почему?**

– Я в этом вопросе солидарен с Уинстоном Черчиллем. Демократия – очень плохая форма общественной и политической жизни, но лучшая из всех плохих. Западу кажется, что система баланса власти и оппозиции – лучшая система. Она, безусловно, имеет плюсы, один из которых – надзор друг за другом. Это помогает бороться с коррупцией и бюрократией. Хотя этот постоянный надзор раздражает. Но система плодотворна и приносит больше положительных результатов для страны. Этой системы пока нет в России. И если посмотреть на историю России, то ее здесь никогда не было – даже в периоды полной политической свободы.

– **Вы считаете, что историю России хорошо знают на Западе?**

– Могу сказать, что Россию знают лучше, чем те государства Восточной Европы, которые были приняты в Евросоюз. О них существует не меньше отрицательных стереотипов, чем о Рос-

Ушел с английского отделения, потому что мне не нравились преподаватели. К тому времени я уже потихоньку учил русский, мне помогал мой знакомый – белоэмигрант Георгий Георгиевич... И как-то я зашел в соседнее отделение Сорбонны – русского языка, и случайно попал на лекцию Пьера Паскаля. Он меня просто очаровал... Так что в выборе русского языка была доля случайности... Я еще не знал ничего об удивительной судьбе Паскаля. Что он был секретарем Чичерина, что во Франции был заочно приговорен как дезертир, что работал в Кремле... Он подготовил на французском языке трехтомную антологию текстов Ленина. Я купил эти книги на набережной Сены, зашел к нему и прошу: «Петр Карлович, надпишите...» А он не дал автограф, не хотел. Ответил с улыбкой: «Попросите у автора».

– **А какую книгу на русском языке вы прочитали первой?**

– Сначала был «Филиппок» Льва Толстого. Затем «Русский характер» Алексея Толстого. «Филиппок» был первым потому, что Георгий Георгиевич считал, что, раз молодой человек хочет учить русский язык, – надо взять

детскую книжку. Педагогически он был не прав, но я ему очень благодарен. Он первым подарил мне русский язык.

Свою предпоследнюю книгу я назвал «Жить русским языком». Я не живу по-русски. Зато я живу русским языком. Три четверти моего чтения составляют тексты на русском языке. Я пишу о русской культуре, литературе, и я мыслю по-русски.

– **Как возник ваш проект «Урочища русской памяти»?**

– Во Франции выпущен семитомник «Места памяти» историка Пьера Нора, который очень быстро стал популярным. Это описание тех мест, где укореняется и зиждется французская память. Например, базилика Сен-Дени на севере Парижа, где похоронены наши монархи. Да, все было разрушено во время революции, так что теперь это – пустые склепы. Но эта прекрасная базилика отреставрирована. И долгое время это была колыбель французской памяти. Или, например, там есть глава о всех коммунах Третьей республики. Каждая коммуна построила свою мэрию. Сейчас невозможно представить Францию без этих мэрий. Любая деревушка – это мэрия, колокольня церкви и памятник жертвам войн. Плюс трактир. И все это образует цепь, звенья памяти. К примеру, там есть статья и о слове «шовинизм». Это французское слово образовано от имени солдата Шовэна, который славился своим дурацким патриотизмом. Вот такие главы в этих томах, которые образуют совершенно новое понятие об истории.

И я подумал: почему бы не попробовать сделать то же самое о России? Но совершенно по-другому надо построить книгу... К тому же на французском языке. И трудно собрать команду единомышленников.

– **Когда вы начали заниматься «Урочищами»?**

– Лет шесть-семь назад, а год назад вышел первый том – «География русской памяти». Планирую выпустить еще два тома.

– **Что, по-вашему, является основным признаком русской памяти?**

– Это то, носителем чего является любой русский человек, – русский язык, еще больше, чем русский пейзаж. Но описать русский язык по-французски... Грамматика построена совершенно иначе. Одно из моих утопических мечтаний – описать, поэтически естественно, русский язык на французском языке. То есть передать кое-что... Например, почему некоторые потрясающие стихотворения Пушкина обходятся

совершенно без метафор – все построено на прозрачности грамматики.

– **А вы думаете, это возможно передать?**

– Нужно попытаться. Это ведь интересно. Почему очаровывает русский язык?

– **Ну, он не всех очаровывает.**

– Может быть, не всех. Я не знаю, как подходит к этому камерунец. Может, ему все равно... Я привел в пример Камерун просто потому, что мы считаем, что предок Пушкина был из Камеруна, а не из Эфиопии.

– **А что вы включили в «Географию»?**

– Русский пейзаж. Понятие города. Понятие села. Село – это нечто особенное. В западной культуре ему нет эквивалента. Там были деревни, а село – это не деревня. Музеи, в особенности литературные. Русская усадьба. Краеведение...

– **А о чем второй том?**

– Второй – это «История русской памяти». В нем речь идет о великих историках, создавших сказ о России. Фигуры самозванца, самодержца...

– **Сказ?**

– Историк все равно сказитель. Скажем, историк копается в архивах французского нотариуса XV века или земств. Вот он все изучил – хорошо, но нужно какое-то заключение, и тогда заключение вписывается в контекст, и он доходит до этапа синтеза. А синтез – это обязательно рассказ. Или сказ.

– **Когда выйдет второй том?**

– Я был бы счастлив, если бы мог назвать дату. Готовы три четверти книги. Некоторые авторы меня подвели, не прислали свои главы. Ну, все как всегда. Попросишь специалиста написать двадцать страниц на тему, по которой он специализируется, – он упадет в обморок.

– **Почему в обморок?**

– Потому что не может синтезировать.

– **Он же специалист...**

– Именно поэтому. Неспециалисту легче это сделать, чем специалисту, потому что специалист считает, что ему нужно двести страниц, а не двадцать.

– **А о чем будет третий том?**

– «Болезни и мифы русской памяти». Иногда даже лжепамять. Память о том, чего не было. Например, историческим теориям математика Фоменко будет посвящена своя глава.

– **Да зачем вам это?**

– Потому что миф существует. Будут и другие мифы. Самозванцы памяти.

– **Похоже, у вас там кунсткамера соберется...**

– Нет, задача будет в том, чтобы соблюсти пропорции. Я не хочу ничего преувеличивать. В любой памяти есть и правда, и кривда... ❏

БЕСЕДОВАЛА ЛАДА КЛОКОВА, ФОТО АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ВЛЮБЛЕННАЯ В «ГЕНЕРАЛОВ»

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ [ЧЕРЕПОВЕЦ]

Пятнадцать лет назад первой россиянкой, которой тогда малоизвестный бразильский писатель Паоло Коэльо дал автограф, была преподавательница английского языка из Череповца Елена Белякова.

Нынешний известный писатель расписался под документом, озаглавленным «Просьба». Коэльо умолял череповчанку, к началу 90-х успевшую обрести славу лучшего переводчика с португальского в России, переложить его «Алхимика» на язык Пушкина и Толстого. А бразильский классик Жоржи Амаду звал ее Леной, благодарил за присланные лапти и приглашал в Рио-де-Жанейро.

Елена Белякова, много лет занятая написанием первой энциклопедии культового в Советском Союзе фильма «Генералы песчаных карьеров» (снят по роману Амаду «Капитаны песка»), поведала «Русскому миру.ru», о чем в действительности поется в популярной песне, в России известной как «Я начал жить в трущобах городских».

БУРАТИНО НА БАРРИКАДАХ

После того как мать Елены, уроженка столицы, публично заявила в 1945 году, что Сталина нужно повесить, ее сослали отсидывать срок на Ангара, затем москвичку определили на поселение в Череповец. Эти трагические события не помешали ее дочери раз и навсегда влюбиться в революционную романтику, каковую на книжных полках любого ссыльного городка от Колымы до Ангарска не составляло труда отыскать. «Самым первым моим любимым героем стал Буратино – тоже своего рода революционер, – вспоминает Елена Ивановна. – Восстал против тиранства, за-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ступился за угнетенных». А заурядный поход в кино в 1973 году указал, куда девать неуемную энергию. «Я прочитала на афише: «Генералы песчаных карьеров». Производство США». У меня к тому времени уже сложилось предубеждение против американского образа жизни и американского кино в особенности. Узнав, что фильм «оттуда», я развернулась и хотела уйти. Подружка чуть не силой затащила в кинотеатр. И вдруг как будто обрушилось на меня это все – я долгое время думать ни о чем не могла, только об этих героях-беспризорниках, Бразилии и Амаду. Имя автора романа, по которому сняли фильм, было написано в титрах и сразу запало в память». Что особенно привлекло в картине? Елена Белякова отвечает: люди, которые делают и борются, а не размышляют и медлят, как герои советского кино той поры. А может, все

Единственный на всю «Вологодскую область» самоучитель португальского языка в читальном зале областной библиотеки Вологды обрел в лице Елены своего первого читателя. Через две недели усиленных занятий письмо и надпись были прочитаны, благо сложными конструкциями череповецкую девочку классик не мучил: «Лене Беляковой. Очень тебе благодарен за твое прекрасное письмо. Жоржи

Амаду». В своей короткой записке классик сообщал, что полгода искал русского переводчика, дабы понять, о чем ему написали из Череповца. А еще прикладывал свой домашний адрес с припиской: «Если хочешь, напиши». Еще бы она не хотела...

же миловидные мордашки героев и банальная влюбленность в экранный идеал? «Да нет, что вы, – возмущается переводчица. – Я была девочка умная и рассудила так: раз фильм имеет такую популярность, наверняка исполнители главных ролей богатые люди с виллами и яхтами. Они выполнили свою работу и думать забыли об униженных и оскорбленных, которых сыграли. Все оказалось совершенно не так: фильм в США фактически не шел, практически никто из актеров не остался в актерской профессии, а исполнители главных ролей сегодня влатчат едва ли не нищенское существование. Об этом я узнала гораздо позже, когда отыскивала их».

НА ФАЗЕНДУ ДЕДУШКЕ

Выйти из кинотеатра, выбросить скомканный билетик в урну, а все увиденное минутой ранее – из головы, взглянуть на афишу с завтрашним репертуаром и пойти домой. Повторить действия любого обычного кинозрителя Елена на сей раз не смогла. Впечатления не отпускали. Первым делом – бегом в библиотеку. Уже больно хотелось прочитать роман.

ЧАСТЬ ПОВСЕДНЕВНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Переписка в середине 70-х длилась более трех лет. Под ее влиянием Елене самой собой пришло решение пойти учиться на факультет иностранных языков. И вдруг письма с нарисованной на марке пальмой перестали приходить. Никакими объяснениями Жоржи Амаду себя не утруждал. Общались вроде о простом и житейском: о политике, о задуманных Амаду героях и сюжетных линиях, о студенческой жизни Елены. Она хотела, чтобы великий Амаду

{ «Самым первым моим любимым героем стал Буратино – тоже своего рода революционер. Восстал против тиранства, заступился за угнетенных». }

«Капитанов песка», по которому поставили «Генералов...», в череповецких читальнях не оказалось. Навела справку и узнала, что книга... на русский язык не переведена. Сбор денег среди школьников и студентов для помощи голодающим детям Бразилии, в организации которого Лена была запевалой и бухгалтером, отвлек лишь на несколько месяцев. Послала письмо о том, что больше всего на свете мечтает прочитать «Капитанов песка». Писала на русском. Да еще адрес вроде как «на деревню дедушке»: «В Бразилию, Жоржи Амаду». В то, что произошло дальше, Елена Белякова до сих пор отказывается верить. Но вот они – факты и доказательства. Старинный сундучок красного дерева, в котором бережно сложены тридцать с лишним (!) писем ведущего писателя Бразилии. «Ну хорошо... как до него дошло мое письмо, я еще понимаю – все-таки мировая знаменитость... Но как ко мне пришло его первое послание, ума не приложу!» – удивляется Белякова. На конверте, который протягивает мне Елена Ивановна, нетвердой рукой человека, для которого русские буквы и китайские иероглифы одним миром мазаны, четко выведено – «Вологодская область», в названии города читается только «Ч». К письму прилагалась книга с дарственной надписью.

воспринимал ее как серьезного исследователя, и иногда бралась за глубокий анализ творений бразильца. Шестидесятилетний автор ворчал в ответ: «Лена, давай не будем говорить о моих книгах, расскажи лучше о себе». В ответ на томики, которые ей регулярно присылал Амаду, Елена посылала листки с переведенными на русский главами из «Капитанов песка». А однажды отправила в подарок своему бразильскому кумиру... вологодские лапти. Восторг Амаду высказал таким образом: «Этот сувенир сделал тебя, пылкую читательницу, с сердцем, протестующим против любой социальной несправедливости, частью моей повседневной действительности. Хорошо, что это так». Эту фразу Елена Ивановна до сих пор помнит наизусть: судя по всему, сундучок частенько открывается. Он мог быть и больше, если бы не неожиданное прекращение переписки. Спустя несколь-

ко лет Жоржи Амаду, обиженный на Советский Союз и Брежнева за вторжение в Чехословакию, простил Страну Советов и приехал в Ленинград. Елена Белякова в то время училась в аспирантуре одного из ленинградских вузов. «Мне дали телефон его гостиничного номера, – рассказывает череповчанка. – Трубку взяла жена Жоржи Амаду Зелия и на мои просьбы о встрече очень жестко сказала: «Нет». Поначалу я жутко обиделась на него, но спустя годы поняла, что Зелия даже не сказала о моем звонке своему мужу. Как я позже выяснила, она заправляла в доме всем и контролировала, с кем ему общаться, а с кем нет».



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

БЛЕСК И НИЩЕТА **«ГЕНЕРАЛОВ»**

«Помните это: «Я начал жить в трущобах городских, и добрых слов я не слышал»? Какая неслыханная пошлость, кошмар просто. Это так они перевели легендарную «Жангаду», главную песню из «Генералов...», – негодует на «коллег» из «Несчастливого случая» Елена Белякова. – Там ведь совсем не об этом поется, а о сложном труде рыбаков, которые уходят в море и не знают, вернутся ли назад».

Долгие годы Елена Белякова не могла себе признаться, что фильм «Генералы песчаных карьеров» нравится ей больше, чем книга «Капитаны песка». Когда это неизбежное объяснение Елены с самой собой все же состоялось, подоспел показ фильма на Первом канале. На дворе стоял 1998 год. Перед началом «Гене-

Елена Белякова, переводчик, преподаватель

Перевела несколько произведений Жоржи Амаду, среди которых «Капитаны песка» и «Полосатый кот и ласточка синья». В 2000 году в издательстве «Феникс» (Ростов-на-Дону) после 20 лет ожидания вышло издание «Капитанов песка». Гонорар за перевод книги, которая несколько лет продавалась во всех крупных книжных магазинах России, составил 3000 рублей. Написала несколько пьес по мотивам романов Амаду – ни один из театров, в которые обращалась Елена Белякова, материалом не заинтересовался. Сейчас готовится к выходу ее книга «Русский Амаду».

Жоржи Амаду, писатель

Родился в 1912 году. Учился на факультете права Университета Рио-де-Жанейро. Деятель Компартии Бразилии, подвергался преследованиям за политическую деятельность. В 1948–1952 годах жил во Франции и

Чехословакии. Писать начал в четырнадцать лет. Автор романов «Страна карнавала», «Жубибаба», «Какао», «Мертвое море», «Бескрайние земли», «Габриэла, корица и гвоздика», «Дона Флор и два ее мужа» и многих других. Умер в 2001 году, не дожив нескольких месяцев до 90-летия. Когда писатель был при смерти, бразильские друзья ежедневно посылали Елене Беляковой бюллетени о состоянии здоровья Жоржи Амаду. О его смерти она узнала за несколько часов до официального объявления. Вдова Амаду Зелия умерла в 2009 году.

Паоло Козльо, писатель

Родился в Рио-де-Жанейро в 1947 году. Учился в иезуитской школе св. Игнатия Лойолы, затем на факультете права Университета Рио-де-Жанейро. Бросив университет, занялся журналистикой. В семнадцать лет был отправлен в психиатрическую клинику своей семьей. Сбежав оттуда, примкнул к любительскому театру. В психиатрические лечебницы попадал еще дважды.

в переписку – с кем по-английски, с кем по-португальски, а с кем и по-русски (оператор Рикарду Аронович оказался родом из «наших», с Беляковой переписывается по сей день). «Они все не очень любят вспоминать о съемках «Генералов песчаных карьеров», – рассказывает Елена Ивановна. – Снимали в Бразилии, в жутких условиях, переболели массой тропических болезней. Плюс ко всему им еще и не заплатили за работу – многие потом долго судились с Бартлеттом».

ралов...» диктор, будто специально для Елены Беляковой, сообщил сумасшедшую новость: оказывается, ни яхт, ни вилл режиссер и исполнители не заработали, проката в США у «Генералов...» почти не было. Режиссер Холл Бартлетт ради фильма заложил свой дом и прогорел. Елена Белякова загорелась новой целью: разыскать участников любимого с детства фильма, поддержать их добрым словом, попутно удовлетворив собственное любопытство. И

БРАЗИЛИЯ. **АБОНЕНТ НЕДОСТУПЕН**

Спрятав руки в рукава теплого свитера, Елена Белякова останавливает свой много-часовой рассказ. Да и мне уже нечего спрашивать. Почти. «Почему не съездите в Бразилию, которая 35 лет не выходит у вас из

{ «Из письма Амаду: “Когда приедешь в Бразилию, я буду твоим проводником. Я покажу тебе мой город и все его тайны”. Не хочу приезжать как турист, почему-то уверена, что разочаруюсь. Умер мой проводник». }

в будущем, чем черт не шутит, выпустить книгу вроде энциклопедии для поклонников этой киноленты.

Для начала написала в американское посольство – не ответили. Карточка с разыскиваемыми именами, списанными с титров фильма, была отослана в культурный центр США и библиотеку Американской академии киноискусства. По запросам из Череповца библиотекари отыскиали адреса исполнителей главных ролей – Кента Лейна, Тиши Стерлинг, а также еще нескольких актеров, оператора и вдовы режисера Холла Бартлетта. Со всеми Елена Белякова вступила

головы? Вы, черт возьми, людей на другом конце света разыскиваете. С вашим упорством... в Бразилию... вполне реально... а?» «Конечно, я мечтала. И собиралась... Когда думаю об этом, вспоминаю строчку из письма Амаду: «Когда приедешь в Бразилию, я буду твоим проводником. Я покажу тебе мой город и все его тайны». Не хочу приезжать как турист, почему-то уверена, что разочаруюсь. Умер мой проводник». 🍷

Писал стихи для песен, увлекался идеями Алистера Кроули, примыкал к общине анархистов, затем вступил в Regnus Agnus Mundi (католическое братство, изучающее язык символов, некую Традицию, как они его называют, передаваемый изустно. – **Прим. ред.**). Его книги переведены на 56 языков. «Алхимик» пока остается рекордсменом по проданным экземплярам в Бразилии. Однако многие представители бразильской литературной среды не признают Козльо серьезным писателем. «Я просмотрела несколько страниц его «Алхимика» и поняла, что пишет это дилетант совершеннейший, – не стесняется в выражениях Елена Белякова. – Язык такой простой, что словарь не нужен, – примитив, одним словом. Ответила ему вежливо, но резко: мол, в нашей стране такие книги никогда не будут печататься. Согласилась бы – наверное, разбогатела бы. Но не жалею, что так произошло. Не могу я делать то, что мне не по душе». Первое издание «Алхимика» на русском языке вышло в свет в 2001 году.

Кент Лейн, исполнитель роли вожака банды Педро Пули в «Генералах песчаных карьеров»

«Он мне пишет: год они снимали «Генералов...», вернулся он домой со съемок. Денег – ни цента, профессии – никакой. Куда деваться? Он пошел работать на бензоколонку. Кем он стал в жизни? Да никем...» – рассказывает Елена Белякова. Ее переписка с экс-актером продолжается, но без особого желания с его стороны.

Тиша Стерлинг, исполнительница роли Доры в «Генералах песчаных карьеров»

После роли Доры снялась в эпизодах в нескольких голливудских фильмах, после чего ушла из профессии. Сейчас ей 64 года, она работает продавщицей цветочного магазина в американском захолустье. «Пишет она редко, нехотя, как бы стесняясь рассказывать о себе. Такая красавица была, талантище, лучшей кандидатуры на роль и не сыщешь. Жалко, что так все вышло».

ВРАТА НАШЕЙ УЧЕНОСТИ

В сравнении того, как магнит привлекает к себе железо, так он природными и самообразованными способностями своими обратил внимание на себя.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ О ЛЕОНТИИ МАГНИЦКОМ

Автор первого русского учебника математики Леонтий Филиппович Магницкий раз и навсегда определил образ отечественной науки с ее великой свободой по отношению к земным истинам и великим смирением перед Истиной Небесной. Ломоносов назвал его «вратами своей учености», Петр I уподобил магниту. Из этого сравнения царь произвел новое имя, даровав его математику. Но фамилия не пришлась в пору. Магницкий носил ее не по своей воле, то и дело объясняя, что-де не поляк, а русский. О своем легендарном предке «Русскому миру.ru» рассказывает потомок ученого, кандидат физических наук, сотрудник астрономического отделения физического факультета МГУ, автор монографии о Леонтии Магницком Александр Константинович Магницкий.

– **Магницкого называют «предтечей Ломоносова», но не особо его помнят. Вот вы преподаете в МГУ. Студенты спрашивают вас о вашей фамилии? Она им о чем-то говорит?**

– Мое поколение Магницкого помнит. Раньше приводились даже задачи из его учебника. Что касается молодых, то в массе своей, я думаю, они не зададут такого вопроса. Хотя наши студенты на астрономическом отделении Леонтия Филипповича, конечно, знают. Ведь он не только первый российский математик, но и первый астроном. Он первым ввел в российский обиход понятия «миллион» и «триллион»,

первым в мире вычислил широту и долготу главных русских городов, составил первые в России руководства по геометрии и тригонометрии. Да и учебник Магницкого – это настоящая энциклопедия знаний. Это и навигация, и география, и геометрия, и физика, и механика, и геодезия, и много-много других наук. В 1703 году «Арифметика, сиречь наука числительная» была напечатана колоссальным для того времени тиражом, в 2400 экземпляров, и в течение полувека являлась основной для русской науки.

– **А есть ли памятник Магницкому?**

– На родине Леонтия Филипповича в Осташково местные власти в 2009 году приняли решение построить ему мемориал. Памятник ученому – единственный в России – открыли еще в год его 300-летия, в 1969-м. Он сделан в виде стелы, так как ни одного портрета Магницкого у нас нет. Так вот, этот памятник планируют заменить и разбить вокруг него сквер. Проект есть, однако пока ничего не сделано.

– **В Осташково какие-то следы пребывания Магницких остались?**

– Нет. После отъезда в Москву ни Леонтий Филиппович, ни его потомки туда больше не возвращались. Все жили в Петербурге, в Москве. Впоследствии сын Магницкого Иван обосновался в Нижегородской области. Оттуда идут мои корни.

– **Как вы занялись изучением Магницкого?**

– Случайно. Я вообще, не гуманитарного склада человек. Я астрофизик, специалист по фотометрии. Но в начале 90-х у меня возникли проблемы – семейные, с деньгами, с работой. И как раз в этот момент руководитель исторического отдела нашего института профессор Петр Владимирович

Щеглов предложил мне эту тему. «Кому же, – сказал он, – этим заниматься, как не вам?» Я начал работать, собрал много неизвестного материала и написал книгу о Магницком. В издательстве ее приняли, и теперь дело лишь за окончательной правкой.

– **Вы пользовались только сторонней литературой или в вашей семье сохранились какие-то воспоминания, архивы, личные вещи вашего предка?**

а спустя шесть лет, в 1739-м, и он сам. Вообще-то на гребневском кладбище хоронили только знать, и Магницкий попал туда, вероятно, благодаря знакомству со Стефаном Яворским, Местоблюстителем Патриаршего престола. Его брат был настоятелем этого храма. Храм стоял неподалеку от того места, где сейчас располагается Музей Маяковского. До его установки там был пустырь. Когда пустырь разрывали, на раскопках присутствовал профессор истории Андронов, описавший их. На четырехметровой глубине помещалась дубовая колода. В ней сохранились кости, сапоги, чернильница в виде лампадки, гусиное перо. Андронов отвез надгробные плиты Марии Гавриловны и Леонтия Филипповича в храм Василия Блаженного, где они и сейчас находятся. Помимо надгробия Андронов попросил еще череп Леонтия Филипповича и чернильницу. Но пока он отвозил плиты, скелет пропал из кладовки, куда его поместили после эксгумации (есть надежда, что рабочие вновь его закопали и впоследствии его можно будет извлечь). А

– Мой отец, который тоже был ученым, профессором агрохимии, много о нем рассказывал. В то время никакой литературы о Магницком не было, и эти рассказы были для меня единственным источником информации. Что касается реликвий, то в нашей семье ничего не осталось. Но в 2005 году, когда отца уже не было в живых, я неожиданно оказался обладателем мощей Леонтия Филипповича. А получилось так. В течение 36 лет Магницкий был прихожанином храма Георгия Победоносца на Лубянке, но похоронили его в храме Гребневской иконы Божией Матери. Там в 1733 году нашла упокоение жена Магницкого, Мария Гавриловна,

а спустя шесть лет, в 1739-м, и он сам. Вообще-то на гребневском кладбище хоронили только знать, и Магницкий попал туда, вероятно, благодаря знакомству со Стефаном Яворским, Местоблюстителем Патриаршего престола. Его брат был настоятелем этого храма. Храм стоял неподалеку от того места, где сейчас располагается Музей Маяковского. До его установки там был пустырь. Когда пустырь разрывали, на раскопках присутствовал профессор истории Андронов, описавший их. На четырехметровой глубине помещалась дубовая колода. В ней сохранились кости, сапоги, чернильница в виде лампадки, гусиное перо. Андронов отвез надгробные плиты Марии Гавриловны и Леонтия Филипповича в храм Василия Блаженного, где они и сейчас находятся. Помимо надгробия Андронов попросил еще череп Леонтия Филипповича и чернильницу. Но пока он отвозил плиты, скелет пропал из кладовки, куда его поместили после эксгумации (есть надежда, что рабочие вновь его закопали и впоследствии его можно будет извлечь). А

«Арифметика»
Магницкого





ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**Император
Петр I.
Гравюра
Шрейера.
Конец
XVIII века**

в кладовке совершенно случайно осталась одна кость – фрагмент руки Магницкого, той самой, которой писалась «Арифметика». Андронов взял ее себе. Далее случайно в Библиотеке им. Ленина он знакомится с Михаилом Либерманом. Зная, что тот является потомком губернатора Санкт-Петербурга Романа Брюса, который был наставником и другом Леонтия Филипповича, Андронов вручает кость ему. Во время войны Михаил Либерман попадает в плен. После освобождения, боясь ареста, он передает реликвию своему младшему брату, Алексею. Михаила действительно репрессируют, и кость остается у Алексея. Алексей умирает в 90-е годы, и мощи переходят к его дочери, Татьяне Алексеевне Либерман. И вот как-то раз, в компании, ей показывают фотографию паломнического лагеря на Селигере, в организации которого я принимал участие. Она спросила, кто делал снимки. Ей ответили: Магницкий. Она всплеснула руками: «Как – Магницкий? Да у меня же останки Магницкого! Срочно ведите меня к нему!» И в 2005 году в храме Георгия Победоносца, прихожанином которого был Леонтий Филиппович и прихожанином которого являюсь я, мы встретились, и она вручила мне эту кость. Я считаю, что ее следует захоронить, и не в музее Сухаревской башни, который собираются создавать, а в приделе Георгиевского храма.

– У вас в роду все занимались наукой?

– Дед был священником, расстрелян в сталинские времена. И прадед – священник. Другой дед, по материнской линии, был членом IV Государственной думы. Пустовойтов Иван Иванович. Он был крестьянин, но владел немецким языком, выписывал агротехнические журналы из Германии. По реформе Столыпина дед взял землю в Саратовской губернии и устроил хозяйство так, что прославился на всю губернию и был выбран в Государственную думу. После революции его тоже расстреляли.

– У Леонтия Филипповича был один сын?

– Двое. Причем о втором сыне я узнал ненароком, потому что до сих пор считалось, что у него был только сын Иван. Но, собирая материал о Лефортово, в одной книге, посвященной немецким школам в Москве, я вдруг наткнулся на упоминание о некоем Василии Магницком. А поскольку фамилия Магницкий была придумана Петром, других ее носителей, кроме самого Леонтия Филипповича и его прямых потомков, на Руси не было. Да и сам факт, что этот Василий оказался в немецкой школе, тоже свидетельствует о том, что он сын Леонтия Филипповича. Сам Магницкий начинал с изучения языков и своих сыновей пустил по тому же пути. Известно, что Иван Леонтьевич с 1727 по 1729 год учился в Славяно-греко-латинской академии, а потом в университете при Санкт-Петербургской Академии наук. В итоге он стал переводчиком и преподавал в Морской академии, возникшей после раздела Навигацкой школы в 1715 году.

– А что известно о супруге Магницкого?

– Мария Гавриловна была дочерью приказного дьяка Гаврилы Окунькова, у которого помимо нее было еще двое сыновей. Как и отец, оба служили в монастырском и сенатском приказах, жили в Москве. Первое время после женитьбы Магницкие жили скудно. У них уже появились дети (год рождения первого сына, Ивана, судя по всему, 1700-й), но не было своего пристанища, и жили они у приятелей, переходя из дома в дом. Об этом покровитель Магницкого Курбатов пишет Петру I. Мария Гавриловна умерла в 1733 году, «чрезмерно развеселившись от радостной встречи с сыном». Речь идет как раз об Иване, о чем мы узнаем из эпитафии, подписанной «горькослезный Иван».

– Известно, что именно Курбатов рекомендовал Магницкого Петру. Что это за человек и каким вообще было окружение Магницкого в Москве?

– Алексей Александрович Курбатов занимал пост царского «прибыльщика», говоря современным языком, министра финансов. Какое-то время он возглавлял Оружейную палату. Навигацкая школа находилась в ее ведомстве, и он принимал

живейшее участие в судьбе ее учеников и учителей. То, что сановник столь высокого ранга хлопотал о Магницком перед царем, говорит о популярности ученого у российской знати. Судя по всему, Леонтий Филиппович приобрел ее как репетитор. Вероятно, он обучал не только детей, но и взрослых. Тогда это было в порядке вещей. Но первым покровителем Магницкого по его прибытии в Москву был, по всей видимости, Карион Истомин. Иеромонах, личный секретарь двух патриархов, придворный поэт, он был старше Леонтия Филипповича на двадцать лет и в пору их знакомства занимал видное место и в церковной, и в светской иерархии. Входя в число доверенных лиц царицы Софии Алексеевны, он нередко выступал в роли ее советника и даже предлагал создать храм науки, свободной от религиозной идеологии, что особенно интересно, учитывая, что сам он был священнослужителем. Вероятно, с Магницким он познакомился тогда, когда тот учился в Славяно-греко-латинской академии. Потом они вместе участвовали в процессе о ереси Тверитинова. Карион Истомин выступал на стороне Магницкого.

– **В число воспитанников Магницкого входил и Ломоносов. Как складывались их отношения?**

– Их знакомство произошло, вероятно, в 1730 году, когда Михайло Ломоносов пришел в Навигацкую школу. Но здесь ему делать было нечего: к этому времени он знал «Арифметику» почти наизусть! Поняв это, Леонтий Филиппович, видимо, направил его в Славяно-греко-латинскую академию. У Ломоносова было желание заниматься наукой, а наука-то вся на латыни писана! Их судьбы вообще во многом схожи. Примерно в 1685 году с рыбным обозом из селигерского края прибывает в Москву Магницкий, который тогда еще был Теляшиным (в литературе о Магницком его называют Телятиным, что неверно). Точно так же, несколькими годами позже, с рыбным обозом приезжает из Холмогор Ломоносов. В юности оба хотели стать священниками. Когда Ломоносов выразил намерение принять духовный сан, ему отказали, так как он не из священнического рода. Михайло Васильевич подчинился этому решению как проявлению Высшей Воли. На самом деле его дед по материнской линии был дьяконом, и при желании он мог это доказать. Леонтий Филиппович тоже мечтал о пути священнослужителя и имел для этого все резоны. Святитель Нектарий, основатель Нило-Столобенской пустыни, приходился

ему двоюродным дедом. Оба – и Магницкий, и Ломоносов – были чтецами в церкви, оба нуждались попервоначалу, но, как пишет Михайло Васильевич, «наук не оставили». Но самое главное, что объединяло обоих ученых, – это их мировоззрение и, в частности, отношение к религии. Будучи верующими людьми, и тот, и другой отделили церковь от науки, поняв то, чего многие не понимают до сих пор. Что религия – это мировоззрение, а наука – способ изучения материального мира.

– **Магницкий входил в число ближайших сподвижников Петра. Как он относился к реформам?**

– Вообще, современники по большей части ненавидели Петра. Если сейчас всех заставить ходить в немислимой одежде, это не понравится. Точно так же реагировали на нововведения Петра его подданные. Что до Леонтия Филипповича, то в начале преобразований, когда противодействие



Стефан Яворский (1658–1722), церковный деятель, президент Синода, митрополит Рязанский и Муромский. Гравировал Алексей Зубов, 1729



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**Москва.
Церковь
Гребневской
иконы Божией
Матери
на Лубянской
площади.
1881**

им было сильнейшее, он оставался на стороне Петра, но, когда царь приступил к церковной реформе, выступил против. Однако инициативы Петра в области образования он всегда поддерживал. В 1701 году Петр своим указом создает Навигацкую школу в Москве. С самого ее открытия Леонтий Филиппович преподавал в ней, а в последние десять лет своей жизни ее возглавлял. Именно для нее он писал свои знаменитые учебники.

– Если вернуться к разногласиям между вашим пращуром и Петром – что именно в церковной реформе не устраивало Магницкого?

– Петр превратил церковь в министерство и поставил управлять ею обер-прокурора, фактически сам себя назначил главой церкви. Попытка заменить церковь государством предпринималась еще Алексеем Михайловичем. Петр эту политику продолжил. Новый духовный регламент был при-

нят в 1721 году. Царь распустил церковный собор и лично назначил нового патриарха. Для этого из Киева был выписан Феофан Прокопович – ловкий и умный человек, готовый на все, чтобы угодить власти. Он и стал главным проводником государственной воли для духовенства. Архимандрит Феодосий Яновский, бывший фактическим главой церкви до Прокоповича, не годился для этой цели и был смещен. Все это возмущало Магницкого. Леонтий Филиппович был истинно верующим человеком и не мог согласиться с попранием церкви. Наиболее ярким проявлением этого недовольства стало его участие в деле о ереси Дмитрия Тверитинова.

– В чем заключалась ересь?

– В открытой пропаганде протестантства, которая велась на протяжении пятнадцати лет. В основе ее лежали те же догматы, так же отрицались иконы. Презирая уклад русской жизни и стремясь переделать все на европейский манер, Петр обратился к его основе – православию. Тверитинов понял государеву волю и поспешил ее исполнить. Произошло это не без сторонней помощи. Он учился у немецких врачей, они его и науськали. Тверитинов впоследствии в этом сознался. Вообще, этот процесс сыграл колоссальную роль в жизни петровской России, став своего рода оселком, на котором царь проверял лояльность подданных. Сенат собирался дважды. Суд длился несколько месяцев. В это время глумления над церковью уличные шествия и всепьянейшие соборы достигли апогея. Первая сатанинская месса была устроена Петром I 15 января 1715 года, как раз накануне сенатского суда. Это было то самое венчание престарелого Никиты Зотова, которое вошло в историю как «Патриаршья свадьба».

Рассмотрение дела было поручено Феодосию Яновскому. Помимо прочего на него была возложена миссия примирить Магницкого с реформированной церковью. Но Магницкий, невзирая на давние

отношения, связывавшие его с архимандритом, при встрече не только не пошел к нему под благословение, но даже не поздоровался. Впоследствии собор во главе с митрополитом Рязанским и Муромским Стефаном Яворским собрал восемьдесят сказок против Тверитинова и отлучил от церкви и его, и самого Феодосия Яновского. Петр аннулировал это решение, а Магницкий его признал и отказался иметь дело с Яновским.

– Почему Магницкий оказался под следствием?

– Потому что выражал свою позицию открыто! История сохранила его «Записку о ереси Тверитинова», в которой он обличает протестантизм. Предполагается, что «Записка» была адресована митрополиту Новгородскому и являлась приглашением на диспут, который и состоялся в доме Магницкого на Лубянке. Он длился одиннадцать часов в присутствии многих важных персон.

– У Магницкого же были высокие покровители! Кто-то вступился за него в ходе процесса?

– Три человека, самые близкие к Петру, оказались на его стороне. Причем двое из них сами находились под следствием! Это были светлейший князь Александр Данилович Меншиков, генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин и государственный канцлер Гаврила Иванович Оловкин. Суд состоялся в 1715 году. Петр оказывал давление. Все, кто противился ереси, были арестованы, в том числе и Магницкий. С Магницким говорил сам Петр, и в этот же день допроса его освободил, «не найдя в нем вины». Петр знал, что делал: ему важно было запугать всех, от мала до велика. Магницкий понимал это, от своих принципов не отступился. На заседании суда Федор Матвеевич Апраксин и рыдал, и падал на стол, говоря Леонтию Филипповичу: «Куда ты идешь, ты, простой, ничтожный человек!» Магницкий ему отвечал, что, как у того на корабле каждый матрос выполняет свое дело, так же и он на своем месте делает то, что должно. Это говорит о высоком нравственном достоинстве Леонтия Филипповича. Петр I не любил, чтобы ему перечили.

– Свой путь 15-летний Магницкий начал как возчик для доставки рыбы монахам в Иосифо-Волоколамский монастырь близ Москвы. Пораженные способностями отрока братья решили готовить его в священнослужители. Как получилось, что он все-таки стал ученым?

– Тут Промысел Божий. Наверное, он был нужнее своей стране не священником, а ученым.

– Разве он волен был выбирать?

– Думаю, это был его личный выбор. Ничего не мешало ему стать священником. Я глубоко уверен, что раз он окончил Славяно-греко-латинскую академию и не рукоположился, наука в нем сильно перетягивала. Он кем угодно мог стать, будучи внучатым племянником архимандрита Не-

ктария (в миру его звали Николай Павлович Теляшин. Его родной брат, Иоанн Павлович, был дедом Леонтия Филипповича). Его родственники были священниками, сам он исходил из Нило-Столобенской пустыни и обладал большими познаниями в богословии. Известно, что в 1715 году он был одним из первых читателей «Камня веры», писанного Стефаном Яворским и запрещенного к опубликованию Петром I. Петр лютеранский катехизис разрешил печатать, а «Камень веры» запретил!

– Петр жаловал Магницкому деревни во Владимирской и Тамбовской губерниях и сверх того награждал его «саксонским кафтаном и другою одеждою». Но учителям-иностранцам платили больше. Они действительно были лучше русских или это результат субъективного отношения к ним Петра?

– Петр и Магницкого щедро одарил. Помимо прочего ему была жалована богато украшенная икона Николая Святытеля. Наконец, судя по тому, что Магницкий был похоронен в храме Гребневской Божией Матери, ему было жаловано и дворянство. При жизни Магницкого звали профессором и признавали равным Фарварсону (Андрей Фарварсон, английский ученый, любимец Петра, большую часть жизни проживший в России). Помимо него в Навигацкой школе были еще двое учителей-англичан, Грейс и Гвин. «Но те, – как писал в своем докладе Алексей Александрович Курбатов, – до Магницкого наукой не дошли». Что касается иностранцев, договор с ними был действительно на большую сумму, но Петр I его не соблюдал. Фарварсону он заплатил меньше, чем полагалось. Впоследствии и Леонтию Филипповичу подняли зарплату. Кроме того, в 1703 году сразу после издания «Арифметики» ему построили дом за государственный счет – на Лубянке, близ храма Георгия Победоносца. Это произошло в марте, а уже летом Леонтий Филиппович просил освободить его от Навигацкой школы. То есть он готов был потерять и дом, и другие блага из-за конфликта с учителями-англичанами. И конфликт этот произошел, вероятно, из-за высокомерия учителей.

– В первые годы учеников принимали без сословных ограничений. Как долго этот порядок сохранялся?

– Петру I позарез нужны были морские офицеры. Дворян не хватало, и учеников набирали среди всех сословий. После 1715 года, когда открылась Морская академия в Санкт-Петербурге, началось разделение по сословиям. В Москве давали начальное образование, а высшее получали в Санкт-Петербурге. 📖

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СКИТАНИЙ

АЛЕКСЕЙ МАКЕЕВ

Этот удивительный человек совершил кругосветное путешествие, чтобы вернуться домой. Он прошел более 3 тысяч километров по Южной Америке, жил в Японии, Китае, Австралии, изнывал от тропических болезней, несколько лет провел в европейских тюрьмах... Владимир Наседкин выжил только благодаря удивительной силе духа и желанию вернуться в Россию.

В 1884 году в Харькове в семье бывших крепостных Наседкиных родился сын – Владимир. В семь лет его отдали в приходскую школу. Обучившись грамоте, Владимир начал читать своей матери романы и пьесы вслух. Литература произвела такое впечатление на неграмотную женщину, что она стала сочинять рассказы, диктуя их своему сыну.

В юности Владимир увлекся революционными идеями, принимал участие в организации забастовок и распространении запрещенной литературы. Все закончилось арестом и ссылкой в Сибирь. В феврале 1907 года Наседкин с другими осужденными был отправлен из Одесской тюрьмы в глухое таежное село Мартыновку Иркутской губернии. Преодолев около 8 тысяч километров в трюмах пароходов, на баржах, «лодках-душегубках», пройдя немалую часть пути пешком, узники к концу лета добрались до пункта назначения. Здесь Владимир пробыл всего... 20 минут. Обменяв у якута арестантский бушлат на старую лодку, он и еще двое ссыльных бежали. Плыли по бурной речке, вычерпывая воду из лодки. Миновав Киренск, Витим, Бодайбо, Сретенск, Благовещенск, Наседкин попадает во

Владивосток. «Работа была случайная, – вспоминал Владимир, – платили за нее гроши». Почти два года Наседкин провел на Дальнем Востоке, работая кочегаром на пароходе, грузчиком в порту, рыбаком, полировщиком в мраморной мастерской. Он опасался ареста и нигде не задерживался надолго. В итоге решился бежать в Японию.

ЯПОНСКИЙ ТЕАТР И ТОВАРИЩ АРТЕМ

На японском рыбацком судне он добрался до Хакодате, а затем попал в Нагасаки. Надеялся найти здесь соотечественников, но отыскал лишь молодого парня Саньку, который работал в гостинице за кусок хлеба и мечтал уехать в Китай. Наседкин дал Саньке денег на дорогу до Шанхая, сам же не спешил покидать Японию. Познакомился с местным башмачником, немного говорившим по-русски, стал изучать японский, попутно обучая русскому языку японцев, которые встречали иностранные пароходы.

С самого начала своих странствий Наседкин проявлял совершенно удивительные романтизм и стремление познать окружающий мир, не жалея при этом ни сил, ни оставшихся копеек. Экономя на всем, он тратил последние деньги на билеты в японский театр, а попутно изучал систему воспитания в местных школах.

Через некоторое время Владимир на русском пароходе зайцем перебрался в Шанхай. Но и здесь он не нашел достойного заработка. Наседкин часто бесцельно бродил по огромному городу. Именно в один из таких дней он случайно встретил предводителя харьковских рабочих Федора Сергеева. Сергеев, больше известный под кличкой «товарищ Артем», спасаясь от сибирской каторги, только что прибыл в Китай. В поисках работы земляки нашли пекарню, хозяином которой был русский. Здесь уже работали два русских парня, так что хозяин только развел руками: «Ведь вы же не захотите возить хлеб по городу!» Харьковчане, не раздумывая, впряглись в тележки. «На улице китайцы ошавливались, – вспоминал Владимир, – с удивлением разглядывали невиданное зрелище: европейцы работают как кули...» (кули – носильщик, грузчик, возчик, чернорабочий в Индии, Китае, Японии, Индонезии. – Прим. ред.). В колониальных газетах



писали, что надо выселить русских из города, потому что, работая кули, они «подрывают престиж европейцев».

Прожив в Шанхае полгода и поднакопив денег, Владимир и Артем купили билеты на пароход в Австралию, надеясь найти там менее тяжелую работу.

ПО СТОПАМ РУССКОГО ДЖЕКА

Останавливаясь по пути в Гонконге, на Борнео и острове Тимор, русские странники впервые увидели хижины аборигенов, кокосовые пальмы, детвору, жующую стебли сахарного тростника. Ожидали увидеть такую же туземную жизнь и в Австралии. Но Брисбен (административный центр штата Квинсленд. – *Прим. ред.*) мало чем отличался от типичного европейского портового города. Едва сойдя на берег, друзья встретили соотечественников и с удивлением узнали, что в Австралии живет большая колония русских рабочих. Еще одним открытием для них стало то, что почти все рабочие здесь – члены профсоюзов и борются за свои права.

Русские рабочие в то время были уже хорошо известны в Австралии. Еще с конца XIX века по стране ходили легенды о Русском Джеке, который поражал австралийцев богатырской силой и благородством. Свой самый известный подвиг Иван Федоров (так звали Русского Джека) совершил у деревни Холл Крик, куда спешил, чтобы застолбить золотonosный участок. По пути встретил больного старателя. Русский Джек посадил больного в свою тачку и 300 километров толкал ее по бездорожью до ближайшей больницы. Позднее австралийский писатель Питер Бридж написал книгу об Иване Федорове, а в Холл Крик был установлен памятник Русскому Джеку. Вскоре Артем и Наседкин оказались в Уорике (небольшой город в юго-восточной части штата Квинсленд. – *Прим. ред.*) на строительстве железной дороги в бригадах Томсона: «С первой полочки я приобрел палатку и установил ее рядом с палаткой Артема. Койку устраивали из двух мешков, в виде «раскладушки». Столом служил ящик, к которому прибавляли ножи. Жестянки из-под керосина использовались как умывальник. Из посуды покупали только сковородку, эмалированную кружку, тарелку, ложку и котелок для чая. Вот и все «хозяйство» австралийского землекопа...» Бригады Томсона, состоявшие из 400 русских, шотландцев и ирландцев, считались лучшими на строительстве. Артем быстро освоился с новой работой и в соревновании по наполнению вагонетки на скорость превзошел всех. За что и



ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

получил прозвище Большой Том. В свободное от работы время он обошел все бригады в радиусе 15 километров, собрав русскую спортивную команду. Помимо спортивного коллектива Артем организовал среди соотечественников кружки по занятию музыкой и изучению английского языка.

«ЭХО АВСТРАЛИИ»

С наступлением жары работа замирала. Рабочие съезжались в Брисбен со всей Австралии, в городе целые улицы заселялись русскими. В первое же межсезонье Артем объединил всех русских в Союз русских эмигрантов (с 1914 года – Союз русских рабочих). Владимир вспоминал об этом так: «Мы встречались с земляками, приехавшими из центра сахарной промышленности Бандаберга, с угольных шахт Ньюкасла, медных рудников Нового Южного Уэльса, с золотых приисков и других районов. Среди прибывших нашлось немало хороших певцов, танцоров, музыкантов. С помощью Союза рабочих Австралии сняли помещение для устройства вечера. Огромный зал был переполнен, а у входа толпилось множество людей, желавших попасть на вечер. Актеры-любители хорошо поставили «Женитьбу» Гоголя. Даже не

знавшие русского языка зрители дружно хохотали. Потом играли русские гармонисты, их сменил оркестр балалаечников. На сцену вышли танцоры, исполнявшие русские и украинские пляски. Музыка и танцы захватили австралийцев, громом аплодисментов они наградили исполнителей...» Также силами новообразованного Союза были организованы кассы взаимопомощи и налажен выпуск первой русскоязычной газеты, «Эхо Австралии».

И здесь Наседкин выделялся из всей общины. Его записки о трудовой жизни то и дело прерываются описаниями окружающей природы, посещений музеев, зоологических и ботанических садов, впечатлениями от местной литературы. В музеях Наседкин изучал как австралийскую природу, так и быт населявших регион народов и племен. Особенно впечатлило русского рабочего, что «Тасмания – целая страна! – была куплена за пару бочек

спирта, несколько одеял и побрякушек; «договор» был скреплен значками вождей местных племен... В Тасмании все население было истреблено. Лишь несколько уцелевших стариков поселили в «музей» бухты Лаперуза; там они жили в палатках, их подкармливали. Это были последние аборигены».

В конце 1912 года в Брисбене Владимир последний раз увидел с Артемом, который к тому времени женился на авст-

ралийке и обзавелся собственным домом. Никто и предположить не мог, что после революции 1917 года Артем вернется на родину, станет соратником Сталина, займет пост председателя Временного правительства Украины, погибнет в 1921 году при испытании аэровагона, будет похоронен на Красной площади, а его ребенка усыновит будущий вождь народов.

«СОБСТВЕННИКИ СОЛНЦА»

Владимир перебрался в Сидней, где и русских, и работы было мало: «После одиннадцати часов вечера жизнь в Сиднее замирала. На улицах оставались только бездомные и безработные. Они имели «право» бродить всю ночь; если же человека находили спящим под открытым небом или, например, в подъезде, судья приговаривал его к тяжелым принудительным работам на срок до одного года. Таких людей называли «собственниками солнца», потому что их единственным благом была возможность греться на солнце».

Целые дни Наседкин проводил в музее, библиотеке, картинной галерее. В итоге остался без единого гроша. Неожиданно для самого себя он стал «собственником солнца». Ночами Владимир бродил по Сиднею. Однажды его нашли спящим в ботаническом саду и отдали под суд. Спасло его только членство в Союзе рабочих, который к тому времени обладал большим авторитетом, так что приговор ограничился устным предупреждением.

Из Сиднея Наседкин отправился в Мельбурн. Пешком. Скитания безработных по стране были обычным делом. Золотоискатели, землекопы, шахтеры, строители бродили по всему Восточному побережью Австралии. «По пути я думал: вряд ли есть еще другая страна, где такое множество людей передвигается пешком... В Австралии установился обычай гостеприимно относиться к путникам. На фермах были помещения, где они могли поесть, переночевать, запастись пищей на дорогу».

«Долгие часы проводил я в музейных залах Мельбурна. В минералогическом музее были собраны образцы редких полезных ископаемых. Возле модели огромного золотого самородка была надпись, что нашли его в Сибири... Так же часто я бывал в Мельбурнской библиотеке – одной из крупнейших в Австралии. В Мельбурне при мне гастролировал русский балет. Билеты стоили баснословно дорого, но в го-

роде только и говорили о прекрасном русском искусстве, о «непревзойденной Анне Павловой».

Вернувшись в Сидней, Наседкин устроился полировщиком в мраморную мастерскую. На досуге перевел на русский язык повесть австралийского писателя Маркуса Кларка о жизни первых каторжан, сосланных из Англии в Ботани-Бэй (бухта в Сиднее), и очень жалел о том, что перевод был потерян во время дальнейших странствий.

«В один из воскресных дней я отправился за город – на мыс Куджи, где мечтал поселиться. Волны с гулом разбивались о скалы, образуя пенящийся бурлящий водоворот. Справа тянулся прекрасный отлогий пляж, на золотистый песок набегали лазурные волны. Я спустился по скалам почти к самому берегу». Владимир подружился с семьей Тук, жившей на мысе, и снял у них комнату. Но «все чаще мною овладевала тоска: воспоминания о России, о прошлом были и отрадны, и мучительны». А тут еще мамаша Тук вдруг объявила русского женихом своей дочери Бетти и пообещала добиться для него австралийского гражданства. От отчаяния Владимир бросился с любимой скалы в океан, кишащий акулами и медузами. Посмотреть на невиданный трюк сбежалась целая толпа, а на следующий день сиднейские газеты приветствовали русского смельчака, плававшего с акулами. Герой же тем временем принял окончательное решение: любой ценой вернуться на родину.

КУЗЬМА ИЗ САНТЬЯГО

Попасть в Австралию оказалось легче, чем выбраться из нее: билеты на пароходы, уходившие из страны, были слишком дороги. В порту Ньюкасла Наседкину пришлось поступить матросом на немецкий парусник, подписав кабальный договор.

Парусник шел в чилийский порт Вальпараисо. Океан бушевал. 33 дня деревянное судно трепали волны. «Парусам конец, скоро будет конец и судну!» – кричал шкипер. Но в итоге парусник смог причалить к берегам Чили.

Наседкину удалось сбежать с судна, но на берегу его ждало разочарование. Дело происходило летом 1914 года, когда из-за разразившейся Первой мировой войны торговля между Европой и Южной Америкой сильно сократилась. Суда, перевозившие из Чили селитру, стояли на приколе в Вальпараисо, а оставшиеся без работы моряки бедствовали на берегу.

Владимир добрался до Сантьяго, где вместе с одним русским начал продавать дешевые лубочные картинки. Но затем познакомился с другим соотечественником – Кузьмой, который сообщил, что в Европу сейчас можно попасть только из Панама. Владимир получил в Русском консульстве

Оправившись, Наседкин вернулся в барранкильский порт, где поступил матросом на пароход, шедший с грузом бананов в Ливерпуль.

В ЕВРОПЕЙСКОМ АДУ

На пароходе измученный скиталец плакал от счастья. Но уже на подходах к Британским островам стало ясно, что на пути в Рос-

сию опять возникли препятствия. В Старом Свете бушевала война. Владимир прожил полгода в Лондоне, работая на кондитерской фабрике. Не найдя возможности добраться до России по морю, решил пробираться по суше, сквозь воющую Европу. Но только он пересек Ла-Манш, как был арестован, несмотря на наличие оформленной по всем правилам визы. Наседкину предложили либо вступить в Иностранный легион, либо подыхать за решеткой. В Легион вступить он отказался. Начались три года французских тюрем и лагерей. Три долгих года грязных застенков, голода, издевательств, побоев... Освободившись, Наседкин перебрался в Италию. И опять попал в тюрьму на несколько месяцев, после чего его выслали в Грецию. В Афинах Владимир устроился в гуманитарную миссию «Русский дом», помогавшую военнопленным. Затем перебрался в Белград, где работал в таком же «Русском доме». Пережил тяжелую зиму в Софии, ночуя в сараях рядом с буйволами. Затем добрался до Константинополя. На улицах здесь царил

безумие: «Матросы и солдаты бродили толпами, горланили песни, устраивали драки. А на главной улице стояли русские, просившие подаяния. Вид у них был ужасный... Здесь же продавали картины, книги, редкие вещи. Ценные издания с отличными гравюрами отдавали за гроши. Разгул в Константинополе дошел до последних пределов. В Галате стояли в окнах почти совсем голые женщины, зазывавшие прохожих».

Владимир устроился работать в ресторан «Черная роза», где пел Вертинский. Наседкина взяли только потому, что он умел превосходно готовить кофе по рецептам самых разных стран.

После нескольких месяцев жизни в Константинополе появилась возможность вернуться на родину. Было объявлено, что пароход «Решид-паша» готов доставить беженцев в Новороссийск. Наседкин ока-

документ, удостоверяющий личность, и вместе с Кузьмой стал пробираться к Панамскому каналу. Пройдя пешком по побережью более 1000 километров, они оказались в порту Антофагаста. Но и отсюда не было никаких рейсов. Дальше на пути лежала пустыня Атакама. Кузьма сказал, что идти через пустыню – это верная гибель, и вернулся в Сантьяго. Владимир же запасся водой и решил рискнуть: «Шел я быстро. Вокруг пески и горы, никаких признаков жизни». Спал, закапываясь в песок: «Я так засыпал себя песком, что оставалось открытым только лицо – ночи были очень прохладные, а песок, накаленный за день солнцем, согревал». Через несколько дней вода кончилась. Изнемогая от жажды, Владимир почти терял сознание. Поднимался, шел и снова падал... Его, едва живого, нашли местные кочевники. Приведя «безумного русского» в чувство, спасители доставили Наседкина в порт Арика. Оттуда на пароходе он добрался до Перу, а затем до эквадорского порта Гуакилья, изучив по дороге процесс производства какао и кофе. Из Гуакильи пароходы тоже не ходили. В Панаму оставался один путь – пешком через джунгли Эквадора и Колумбии. В дороге Владимир ночевал в хижинах индейцев: «В каждой хижине стояла каменная чаша, в которой женщины размалывали просушенные бобы какао, добавляли в них сок сахарного тростника и из такого теста пекли большие лепешки. За все время перехода я не видел хлеба, питался одними «шоколадными лепешками».

В джунглях Колумбии русский странник перешел с какао-диеты на диету банановую. Банановое дерево давало аборигенам все: из листьев делали посуду, одежду, сооружали хижины, из больших бананов варили суп, средние – жарили, мелкие – ели сырыми. Добравшись до Боготы, Наседкин передохнул у русского фотографа, с которым случайно познакомился. С помощью соотечественника удалось пристроиться на пароход, шедший по одному из притоков реки Магдалены к побережью Карибского моря. На пароходе Владимира свалила лихорадка: «Я почти ничего не ел, глаза заволакивал туман, казалось, что смерть моя близка...» По прибытии в порт города Барранкилья Наседкин решил идти в город пешком. 10 километров брел всю ночь, но, не дойдя совсем немного, потерял сознание. Очнулся в христианском монастыре, в приюте... для прокаженных: «Меня подобрали и, посчитав за неживого, привезли в мертвецкую, чтобы затем предать тело кремации. Меня спасла настоятельница монастыря: осматривая мертвецкую, она по каким-то признакам установила, что я еще жив, и распорядилась унести в палату».

После нескольких месяцев жизни в Константинополе появилась возможность вернуться на родину. Было объявлено, что пароход «Решид-паша» готов доставить беженцев в Новороссийск. Наседкин ока-

документ, удостоверяющий личность, и вместе с Кузьмой стал пробираться к Панамскому каналу. Пройдя пешком по побережью более 1000 километров, они оказались в порту Антофагаста. Но и отсюда не было никаких рейсов. Дальше на пути лежала пустыня Атакама. Кузьма сказал, что идти через пустыню – это верная гибель, и вернулся в Сантьяго. Владимир же запасся водой и решил рискнуть: «Шел я быстро. Вокруг пески и горы, никаких признаков жизни». Спал, закапываясь в песок: «Я так засыпал себя песком, что оставалось открытым только лицо – ночи были очень прохладные, а песок, накаленный за день солнцем, согревал». Через несколько дней вода кончилась. Изнемогая от жажды, Владимир почти терял сознание. Поднимался, шел и снова падал... Его, едва живого, нашли местные кочевники. Приведя «безумного русского» в чувство, спасители доставили Наседкина в порт Арика. Оттуда на пароходе он добрался до Перу, а затем до эквадорского порта Гуакилья, изучив по дороге процесс производства какао и кофе. Из Гуакильи пароходы тоже не ходили. В Панаму оставался один путь – пешком через джунгли Эквадора и Колумбии. В дороге Владимир ночевал в хижинах индейцев: «В каждой хижине стояла каменная чаша, в которой женщины размалывали просушенные бобы какао, добавляли в них сок сахарного тростника и из такого теста пекли большие лепешки. За все время перехода я не видел хлеба, питался одними «шоколадными лепешками».

В джунглях Колумбии русский странник перешел с какао-диеты на диету банановую. Банановое дерево давало аборигенам все: из листьев делали посуду, одежду, сооружали хижины, из больших бананов варили суп, средние – жарили, мелкие – ели сырыми. Добравшись до Боготы, Наседкин передохнул у русского фотографа, с которым случайно познакомился. С помощью соотечественника удалось пристроиться на пароход, шедший по одному из притоков реки Магдалены к побережью Карибского моря. На пароходе Владимира свалила лихорадка: «Я почти ничего не ел, глаза заволакивал туман, казалось, что смерть моя близка...» По прибытии в порт города Барранкилья Наседкин решил идти в город пешком. 10 километров брел всю ночь, но, не дойдя совсем немного, потерял сознание. Очнулся в христианском монастыре, в приюте... для прокаженных: «Меня подобрали и, посчитав за неживого, привезли в мертвецкую, чтобы затем предать тело кремации. Меня спасла настоятельница монастыря: осматривая мертвецкую, она по каким-то признакам установила, что я еще жив, и распорядилась унести в палату».

После нескольких месяцев жизни в Константинополе появилась возможность вернуться на родину. Было объявлено, что пароход «Решид-паша» готов доставить беженцев в Новороссийск. Наседкин ока-



ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

зался в числе счастливых: у него были и виза, и билет. Однако, выйдя на рейд, забитый до отказа пароход простоял неделю. Пошли слухи, что русских хотят отвезти не в Новороссийск, а на «остров смерти» Лемнос (так его называли из-за страшных условий жизни, русские беженцы там умирали целыми семьями. – **Прим. ред.**). Некоторые пассажиры стали перебираться обратно на берег. Среди них был и Владимир... Пароход все же ушел в Страну Советов, но по прибытии в Новороссийск большая часть пассажиров были расстреляны. В сентябре 1921 года Владимир устроился на маленькое греческое судно, доставившее его наконец в Севастополь.

Путь по родной земле до Харькова оказался тяжелым. Однажды Наседкина спасло только то, что в свои 37 лет он выглядел на 70, и матросы, пожалев старика, взяли его к себе в поезд.

В Харькове Наседкин пошел в дом своих родителей. Там совершенно незнакомый человек рассказал, что никого

из Наседкиных в живых не осталось, а мать его умерла два месяца назад. «Тоска сжала мое сердце, я не мог сдержать слез. Зашел в соседний дом. Дверь открыл пожилой человек. Посмотрев на меня, он воскликнул: «Володя! Неужели это ты?! Я тебя только по глазам узнал – ведь ты совсем старик!»

О дальнейшей жизни Владимира Наседкина почти ничего неизвестно. Сообщается только: «работал на производстве, а в свободное время писал книгу о своих странствиях».

Книга «Пятнадцать лет скитаний по земному шару» Владимира Наседкина впервые была напечатана в 1932 году тиражом 5000 экземпляров. Через год переиздана тиражом 500 экземпляров. В 60-х годах, когда автору уже пошел девятый десяток, книга вышла тиражом 50 тысяч экземпляров, была переведена на английский и французский языки. 

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ОПРИЧНИНА – ВЕЩИ НЕСОВМЕСТИМЫЕ

С конца минувшего года не прекращаются споры вокруг фильма Павла Лунгина «Царь». Диапазон мнений очень широк – от полного восторга до резкого неприятия и чуть ли не призывов предать режиссера анафеме. О том, как он ко всему этому относится, Павел Лунгин рассказал в интервью «Русскому миру.ru».

В прессе писали, что вы отсняли намного больше материала, чем вошло в картину. Чем вы руководствовались, когда по ходу монтажа что-то выбирали, меняли?

– Это неправильное утверждение, что я что-то менял. Я ничего не менял.

– То есть четко следовали сценарию?

– Четко и жестко. Сценарий назывался «Иван Грозный и митрополит Филипп». Их противостояние было изначально. Ибо они по-разному смотрели на Бога, на жизнь, на власть. Как было написано в сценарии замечательным писателем Алексеем Ивановым, так я и снимал. Понимаете, какой-то несерьезный разговор ведут мои критики. Словно копаются в тарелке с макаронами, вынимая их оттуда по очереди – эта макаронина мне нравится, а эта не нравится. Я вообще не понимаю такого подхода. Это художественное произведение, цельное и последовательное. И копать в нем – все равно что влезть в живой организм и говорить: печенка мне нравится, а селезенку выкинь. Поэтому считаю, что на эти досужие разговоры не надо реагировать.

– Один известный предприниматель, считающий себя и «общественным деятелем», в статье во влиятельной газете обвинил вас в «клевете и глумлении над русским народом, над православной верой, над тысячелетней российской государственностью»...

– То, что я показал в фильме, – это жестокий мир Средневековья, мир жестокого царя. Россия, к сожалению, живет тем, что называется ретроспективной утопией, мифами, что все прекрасное было у нас в прошлом и т.д. Тем самым мы отнимаем у себя будущее, потому что если постоянно идеализировать прошлое, то никогда не будет тех перемен и тех осознаний, которые, собственно, и делают будущее.

И это картина, призывающая к размышлению, взывающая к милосердию, к гуманизму, и поэтому...

–...там надо было показать пытки, глумление над человеческим достоинством?

– Есть там это, конечно. Но в фильме совсем немного сцен жестокости. Другое дело, что эти сцены решены так, что делают больно. Художественно сняты – так, что запоминается. В огромном количестве фильмов, которые мы видим на телеэкране, на киноэкране, людей убивают сотнями – режут, потрошат, поджаривают. Но там это сделано так, что вызывает легкую, девальвированную боль. А есть реальная боль. И мне хотелось ее показать. Это совсем непростое дело – показать что-то так, чтобы люди почувствовали ужас. Поэтому давайте говорить по существу фильма, не обращаясь к моим непрошеным «соавторам», которым что-то нравится или не нравится.

– Ну, для меня лично «Царь» – необычный, неожиданный фильм. Может быть, таких фильмов у нас еще и не было...

– Я часто вступаю в какие-то новые области, которые не разработаны. У меня, по сути, все фильмы такие были, начиная с «Такси-блюз» – совершенно новой и необычной в нашем кинематографе кинокартины. Да и «Свадьба» и «Олигарх» – фильмов такого типа в русском кино тоже не было. Это уж потом другие режиссеры стали тиражировать. Да и фильм «Остров» я считаю абсолютно новым по жанру. И «Царь» – какой-то иной фильм. Поэтому, как правило, мои картины многие встречают в штыки как что-то непривычное. Ведь и «Остров», который сейчас признан, вначале был встречен чуть ли не как богохульный фильм.

Я, в общем, морально был готов, что реакция на «Царя» будет сложная, но мне кажется, именно те споры, которые





вызвал фильм, и говорят сами за себя. Он заставляет людей думать, оценивать себя, окружающий мир, оценивать и думать о нашем прошлом, и я считаю, в этом и есть его главное достоинство.

– В оценке-то как раз и состоит вопрос. Вас упрекают в очернительстве прошлого России. У нас в истории есть знаковые фигуры. И Грозный одна из них, и, как говорится, неоднозначная. Мне перед этим интервью коллеги напомнили про его достижения: вдвое увеличил территорию страны, ввел книгопечатание и так далее. У вас же этого позитива не показано – только негатив. Неужели нельзя было хоть что-то позитивное показать – «для баланса»?

– Ну, какой баланс! Понимаете, я совершенно не занимаюсь балансом. Если люди хотят знать о Грозном, пусть читают Ключевского, Карамзина, Соловьева, Костомарова. Он очень разработан. Все возвеличивание Грозного – это сталинская идея. Он до Сталина никогда не был возвеличен, и царская династия всегда его стыдилась. Вообще, русская традиция – это традиция некоторого стыда и ужаса перед Грозным, потому что он был, конечно, маньяк и садист, а еще, видимо, человек не совсем психически здоровый. Мне удивительно, насколько сознание у наших людей мифологическое, сказочное, абсолютно не базирующееся на реальной истории. Из всех моих критиков никто не утрудил себя открыть наших великих историков и почитать то, что написано там о Грозном. Есть некоторый миф о том, что Рос-

сии обязательно нужен жестокий царь, о том, что прогресс в России и счастье России невозможны без жестокого правления. Это, повторяю, сталинская идея.

В XIX веке ее не разделяли наши государи, пытавшиеся быть милосердными и мягкими. Может быть, даже слишком. Я говорю о Николае II, не сумевшем раздавить восстания. Но идеей Сталина было оправдывать свои чудовищные репрессии, чистки историческими примерами, и Грозный стал, так сказать, его вечным козырем. Он очень многое у него взял. Он так же, как Грозный, жил по ночам, работал по ночам. Он создал карательные органы по принципу опричнины и взял на вооружение принцип перманентной внутренней, гражданской войны в государстве. Сталин полностью перенял эту идею Грозного с опричниной, когда опричники имели все права и власть над жизнью, смертью, имуществом, женами, детьми и так далее, будучи сами освящены и неприкасаемы.

– В чем для вас проблема Грозного, а через него власти в России *per se*?

– В том, что он идею помазанника божьего воспринял так, что он и есть Бог на земле. Это слияние между Богом и властью – земным богом и земной властью. Мне кажется, это чрезвычайно опасная вещь, и мне хочется верить, что России нужен не просто царь – России нужен хороший царь, и мне хочется верить, что Россия может достигать прогресса и благоденствия не жестокими методами, а нормальными, человеческими. И очень хотелось бы разрушить миф о суровой жестокости, которая обязательно должна являться постоянным атрибутом русской власти.

Хочу обратить внимание, что наша власть сейчас не хочет идти по этому пути. Посмотрите, какие усилия сегодня делаются по «разопричиниванию» МВД, какие огромные, последовательные усилия, чтобы наши органы правопорядка не чувствовали себя опричниками, а подчинялись бы закону. То есть это реальная озабочен-

ность не только моя, как я смотрю, но и наших руководителей, а значит, эта проблема существует.

Так как Грозный был первым русским царем, своеобразность его личности воспринимается во многом как типовые черты русской власти. Он как бы придал, отпечатал свою личность на матрице этой власти. И это, по-моему, та вещь, которую совершенно необходимо менять в сознании людей.

– Новый всплеск полемики вокруг «Царя» поднялся после 7 января, когда фильм под Рождество показали по Первому каналу. Это так совпало?

– Почему под Рождество – я не знаю. Может быть, потому, что «Остров» был показан под Рождество? Но «Остров» – фильм более светлый, хотя тоже не самый веселый. Это фильм тяжелый, но он о нашем русском святом – митрополите Филиппе – человеке, в чьей святости, в чьем великомученичестве церковь не сомневается. Если были у нас святые, которые считали, что лить невинную кровь необязательно, то мы не должны забывать о них, мы должны их помнить, чтить и величать.

– Кстати, его канонизировали, а Грозного – отказались...

– Как можно к святым причислить убийцу! Те люди, которые повторяют все это... Эти люди с ужасными, несчастными лицами, очень мало знающие, очень мало читавшие. Самые разные люди приходят и повторяют одни и те же фразы, будто кто-то запустил в них одну и ту же пластинку. Надо просто читать наших великих историков! Но в ответ на это мои оппоненты говорят, что Ключевский идиот, Карамзин продался масонам и т.д. Ну, тогда не знаю... На уровне какого-то ужасного некультурного бреда критика строится.

Вообще, это интересная тема – почему патриотизм у нас узурпировали очень темные люди. Они узурпировали его и выталкивают из области патриотизма всех тех людей,

– Ну, вдруг на премию выдвинут, орден вручат... Вы, когда рабоботали над фильмом, не надеялись на что-то такое?

– Нет, я не по этому делу. Я просто пытаюсь быть адекватным себе, пытаюсь делать все-таки то, что меня волнует и о чем я интенсивно думаю. Мне кажется, «Остров» – это подход к фильму «Царь». Мне кажется, это является своего рода диалогией.

– А вот один мой коллега адресует вам такой упрек: у Карамзина не было, что в храме Филиппа избивали ногами.

– Было. Пусть читает «Жития святых». Прямая цитата оттуда: «Сорвали с него одежду...» Басманов сорвал с него одежду, он и его опричники избили и поволокли. В фильме все, что говорит Филипп, – прямые цитаты из житийных списков. Весь их разговор – Грозного и Филиппа – прямые цитаты, хотя звучат современно и замечательно интересно. А Грозный вообще говорит у меня только цитатами из своих писем, из своих покаяний, из своих писаний. Он же много писал, талантливо писал. И часто хочется согласиться с тем, что он говорит.

Понимаете, у нас люди просто говорят о модернизации, не понимая, что модернизация и опричнина рядом не бывают. Так что Россия должна выбрать: или модернизация, или опричнина! И власть это понимает, а люди, как ни удивительно, нет. И меня это просто удивляет.

{ «Россия живет тем, что называется ретроспективной утопией, мифами, что все прекрасное было у нас в прошлом. Тем самым мы отнимаем у себя будущее». }

которые любят Россию, думают о ней и мечтают не меньше, желая что-то изменить и улучшить. Но не в таком самодовольном тоне, как те, что бесконечно восхваляют деспотов.

– А есть ли мнения о фильме каких-нибудь высоких руководителей?

– Нет. Никто не высказывался. Я даже не знаю, видели ли они «Царя». Может, и не видели, не знаю. У меня никаких сведений нет – кто смотрел, кто не смотрел.

– То есть вас «на ковер» не таскали, не звонили, писем – поздравительных или наоборот – не присылали. Власть не сильно интересуется этим фильмом?

– Я даже и не знаю... Мне как на это реагировать? Ждать чего-то?

– Имеется в виду власть в целом или наиболее продвинутые представители?

– Ну, скорее, продвинутые. Но верхушка, мне кажется, понимает. В выступлениях Медведева я слышу это. Слышу его какое-то удивление: двигайтесь вперед! Понимаете, это мифологическое сознание России не дает ей возможности двигаться вперед. Вот смотрите, сейчас мы все присутствуем при создании нового мифа. Прямо у нас на глазах он создается. Миф о том, что Советский Союз был богатой, прекрасной, великой страной. Которую какие-то заговорщики разрушили, развалили. Это говорят люди, которые забыли, что нечего было есть, эти бесконечные очереди...

Я видел замечательные споры в Интернете вокруг «Царя», которые просто кипели. Были прекрасные выступления – и за, и против. Были и всякие глупые, но были и очень умные. Мне кажется, разговоры, споры об этом сейчас просто необходимы.

– Что я могу сказать? Наверное, да. Но история не знает сслагательного наклонения. Поэтому я не знаю, что было бы, если не было бы. Лично я в это время, в которое мы живем, хотел сделать честный, жгучий, больной фильм. Во всю силу своего сердца. И сделал.

– Критики говорят, что в Европе в те годы власть тоже не сильно гуманной была. И что на том фоне Грозный вполне, так сказать, типичный продукт своей эпохи...

– Уверен, на телевидении, если бы сегодня там были Владимир Соловьев или Леонид Парфенов, которых с экрана вытеснили, было бы такое обсуждение. Ведь есть же прецеденты – по телевизору показывают премьеру, а по окончании люди в студии начинают обсуждать. Вот этого почему-то не было.

– Ну и хорошо, что не было. А то так орали и орали бы друг на друга. Убедить никого нельзя. Хочется верить, что люди просто будут читать и думать.

– В «Царе» показана попытка человека не только высокоомарального, но и, казалось бы, авторитетного, который имел какое-то влияние на царя, вывести Грозного из этого состояния, приподнять на другую нравственную ступеньку. А вообще, возможно на тиранов каким-то образом влиять?

– Не знаю. Видимо, нет. Потому что те, кого в истории перевоспитали, уже не тираны. А тираны – те, кого не перевоспитали.

Я просто влюблен в Филиппа, потому что для меня нет ничего прекраснее на свете, чем человек, который, повторяя подвиг Христа, принес себя в жертву, надеясь остановить потоки невинной крови! Я хотел рассказать об этом чувстве.

– Вот за вашей спиной на стене дипломы за «Остров»: «За возрождение духовности...», «За гуманизм...» и т.д. А вот за продолжение этой же темы в «Царе» не спешат вручать?

– Ну, может, еще вручат. Фильм же еще только вышел.

– Знаете, чуть раньше, чем Иван Грозный, в Англии был Генрих VIII. Тоже человек тяжелый – и казнил, и женился восемь раз, и жен убивал, и убил архиепископа – Томаса Мора, и отказался даже от католичества – создал новую, англиканскую религию. Но как-то никто в Англии не считает, что лучшее, что было в английской жизни, – это Генрих VIII, а те, кто говорят, что он убивал жен, – лжецы и негодяи, а не патриоты. Понимаете, меня вот это удивляет – отсутствие общества в нашей стране. Мы же сейчас находимся не в XVI веке, мы уже в XXI! Но что мы видим? Полное отсутствие моральной оценки! Мне кажется это удивительным. Это говорит об обществе как о незрелом, очень инфантильном конгломерате людей, плохо понимающих, в каком мире они живут.

Я вот спрашиваю иногда своих критиков: хотелось бы вам заснуть и проснуться во времена Ивана Грозного? Иногда говорят: да. Тогда я говорю: а ты веришь, что ты будешь со стороны палачей? Тебе в голову не приходит, что ты можешь быть и на мес-

{ «Хочется верить, что Россия может достигать прогресса и благоденствия не жестокими методами, а нормальными, человеческими. Хотелось бы разрушить миф о суровой жестокости, которая обязательно должна являться постоянным атрибутом русской власти». }

– А может, страхуются, «отмашки» ждут?

– Может быть, страхуются, потому что мне очень много людей говорили о том, что на них фильм произвел огромное впечатление. Знаете, человек не может измерять свою жизнь дипломами и премиями. Жизнь – это что-то иное, поэтому я, честно говоря, не переживаю по этому поводу. Но думаю, этот фильм будет оценен, как и многие фильмы, которые я сделал. Просто нужно какое-то время для того, чтобы внедриться в сознание общества. Может быть, я слишком рано это делаю?

– А если бы вы показали, теоретически, Грозного или какого-нибудь другого царя большим государственным, ну, скажем, в более патриотичном, с точки зрения государственных, фильме, вас бы быстрее начали одаривать этими премиями?

те жертвы, что тебя могут повесить на крюк и отрезать по кусочку твоего живого тела, как сделали с дьяком Висковатым – стариком, главой Посольского приказа? Нет, отвечают иногда, мне это как-то не приходит в голову. Это какое-то детское отсутствие воображения!

Тем не менее это всего лишь фильм, это просто попытка поговорить, порассуждать о механизме русской власти. О том, какая она была, о том, как она все-таки изменилась, и о том, что она должна меняться и совершенствоваться, как любая власть в любом живом обществе.

Вот то, что я хотел сказать. А еще я хотел сделать такую шекспировскую картину из диалога двух личностей – двух ярчайших, великих актеров, Олега Янковского и Петра Мамонова. И это тоже захватывающе. Мне было очень интересно с ними работать, их снимать.

– **Есть ли в истории России еще прецеденты – когда кто-то, подобно Филиппу, на столь же высоком уровне пытался одернуть тирана? Была ли соизмеримого масштаба фигура в российской истории?**

– Не знаю такой.

– **Фигура уникальная в истории, поскольку противостояние власти и некой морали в высоком смысле этого слова, возможно, не имеет аналогов в России. Не знаю, есть ли аналоги в мировой истории?**

– В мировой истории есть, я думаю. Были люди, которые кидали перчатку высшим властителям. Тот же Томас Мор. Но в истории России – нет, аналогов не имеет. По крайней мере, на таком уровне: государь и верховный иерарх церкви.

– **За рубежом проявили какой-то интерес к фильму? Или это для них слишком далеко, глубоко, слишком русское?**

– Ну, вообще, далеко от них, конечно. Во Франции фильм идет вполне успешно на экранах с середины января. Очень много было прессы. И довольно много умного написано. Ну, во-первых, во Франции меня знают. А купил ли кто-нибудь еще – я не знаю. Конечно, эта история слишком наша, потому что весь мир, в общем, проблему отношений с властью разрешил. Я думаю, Россия – единственная из цивилизованных стран, в которой считают, что власть есть Бог. А демократический мир уже давно решил, что власть сменяема, что власть голосуема. Но для России это действительно большая проблема.

Простите, что я так говорю, но я уже отболел этой историей, я уже не в том безумном состоянии полемики, как был сразу после выпуска фильма. Просто, чтобы не сойти с ума, мне нужно переходить к следующим работам, продолжать жить.

– **Вот вы сказали, что только, мол, в России считают, что власть есть Бог. Но знаете, есть еще Китай. Там тоже император – это Сын Неба.**

– Да, тоже. Но знаете, нам дано христианство, и я христианин все-таки... И для меня правда Бога выше, чем правда власти. А



PHOTOXPRESS

уж если говорить о китайцах, то Чжуан-цзы для меня вообще ближайший человек и наставник.

– **Который спит и думает: то ли бабочке снится...**

– ...что она – учитель Чжуан-цзы...

– ...то ли ему, Чжуан-цзы, снится эта бабочка. И хотя в Китае правитель считается Сыном Неба, у всех основоположников ведущих философских и этических школ Китая рассуждения насчет моральности власти, гуманизма являются, по сути, основополагающими...

– Да, конфуцианство там все построено в том духе, что власть должна быть моральной, и благородный муж должен быть верен государю, а государь – гуманен и справедлив по отношению к народу, подданным.

– **А последний властитель, что уничтожал зазря свой народ, жил задолго до нашей эры. Я имею в виду первого китайского императора, Цинь Шихуана.**

– Да, большой злодей был...

– **И после этого господствующая государственная идея строилась все-таки на конфуцианстве, на том учении, которое и пытался выжечь Цинь Шихуан. На том, что должен быть добрый царь, который выступает как бы отцом своего народа.**

– Именно отцом! Но разве отец пожирает своих детей? Разве он должен их убивать? 🍷

БЕСЕДОВАЛ ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН

О ПРАВДЕ ИСКУССТВА И ИСКУССТВЕ ПРАВДЫ

Чем больше зрелищ на историческую тему нам предлагается, тем чаще хочется задать вопрос: мы уверены, что живем в государстве, у которого было прошлое? Уж больно по-разному трактуют это прошлое составители учебников истории и авторы бестселлеров, создатели блокбастеров и ведущие рейтинговых телепрограмм. На этот и другие вопросы редакции журнала «Русский мир.ru» отвечает член-корреспондент Российской академии наук, профессор Владимир Козлов.

Владимир Петрович, когда-то говорили, что в сельском хозяйстве, погоде и футболе разбирается каждый. В наше время список расширился за счет науки истории. Свидетельством тому – атака мастеров различных искусств на сюжеты самых разных веков. Особливо в этом смысле активны кинематографисты. «1612», «Слуга государев», «Турецкий гамбит», «Александр Невский», «Адмирал», экранизация «Тараса Бульбы», теперь вот – «Царь»...

– Мы ведь не кинокритики и поэтому разбирать каждый фильм не станем, наверное. Да и цель разговора другая. Если давать какой-то общий методологический посыл, то, конечно, правда истории и правда искусства – это разные правды. Потому что правда истории – это точный исторический факт, доказанное историческими методами явление или процесс. То есть правда истории апеллирует к разуму человеческому. Ну а в искусстве апеллируют к душе человека, к сердцу. Таким образом, мы наблюдаем расходящиеся

линии. Хотя нельзя утверждать, что методами искусства не удавалось и не удается проникнуть в историческую суть эпохи. Последний фильм на исторический сюжет, который я смотрел, – это «Царь». Время Ивана Грозного. Давайте вспомним Лермонтова и его «Песню о купце Калашникове». Или Репина и его картину «Иван Грозный убивает своего сына» (имеется в виду картина «Иван Грозный и сын его Иван». – Прим. ред.). Проникли? Еще как! В начале 70-х годов моего тестя Александра Александровича Зимина (один из самых ярких и глубоких историков России XX века. – Прим. авт.) великий балетмейстер Григорович попросил быть консультантом его балета «Иван Грозный». Зимин написал огромное количество замечаний к постановке, но подготовил также и статью, опубликованную уже после ухода Александра Александровича из жизни, в которой дал произведению очень высокую оценку. Писал не об историчности, а о психологическом проникновении в характеры главных действующих лиц, писал о личностном погружении постановщика в эпоху русского Средневековья. Он посчитал это главным. Если говорить о последнем «Царе», то это, конечно, не исторический фильм. Три-четыре исторических лица, которые есть в фильме, даты и факты, в нем приведенные, это, на мой взгляд, всего лишь реперные точки, говоря современным языком. Необходимые для рассуждений режиссера о проблеме добра и зла. Проблема, давненько уже выраженной в вопросе: оправдывает ли цель средства? Отсюда и герои. Грозный как

носитель едва ли не всего вселенского зла и митрополит Филипп как носитель идеалов православного христианства. В такой постановке вопроса я не нахожу ничего противоестественного и поэтому не вижу смысла обсуждать наличие или отсутствие в фильме ошибок и неточностей сугубо исторического плана.

– Но ведь ошибки по недостатку знаний и сознательные искажения, передержки – вещи разные...



– В фильме есть, скажем так, «восточный» мотив. То ли еврейская, то ли татарская шапочка на голове царя, целование ног – это мелкие штрихи, отсылающие нас к тому восточному влиянию, которое Русь испытывала всегда. И наличие восточного фактора в нас отрицать бессмысленно. С другой стороны, митрополит Филипп укрывает воевод после их поражения под Полоцком, на западных рубежах от западной же силы. Подспудно закладывается ощущение «восточного зла», воплощенного даже в повседневных привычках царя Ивана, и справедливой силы, граничащей с Русью на западе. Вечно навязываемая нам дилемма: Восток – это тирания, Запад – человек.

Пусть это будет мой второй методологический посыл. В истории России не было ничего такого, чего не было бы у других государств. Нам есть чем гордиться, что осуждать и что ненавидеть. Равно как и британцам, германцам или китайцам.

– Есть ли у вас пример, когда методология исторического подхода к событию или герою прошлого и методы художественного воплощения эпохи и образа слились в голове одного человека и дали блестящий результат?

– Я бы предложил работу моего любимого российского историка – Николая Михайловича Карамзина, который облек свой абсолютно научный труд – «Историю Государства Российского» – в прекрасную литературную оболочку. Но один

человек сумел затмить и Карамзина. Это – Пушкин. «Борис Годунов». Это блестящее стихотворное переложение и событий, и характеров, и оценок времени Годунова. У Пушкина практически нет никаких отступлений от научной прозы Карамзина. Пушкин гениально уловил точную оценку эпохи в постоянно повторяющемся у Карамзина рефрене «народ безмолвствует».

Есть куда более прозаический пример. Я родом из села и кое-что в сельском хозяйстве когда-то понимал. Совсем недавно по телевизору видел фильм «Гость с Кубани» 1956 года, эдакое продолжение знаменитых «Кубанских казаков». Фильм был сделан как отклик на постановление пленума ЦК КПСС. Вроде бы агитка чистой воды! Но смотрю и вижу, что в этом сугубо художественном по форме фильме содержится серьезнейшая документальная основа, показывающая конкретные проблемы в развитии села той поры. И это на фоне антуража, совершенно не соответс-

если выражаться мягче, поиск художника за историческую правду. Как быть в этой ситуации?

– А как быть с романом Льва Николаевича Толстого «Война и мир»? Там Кутузов вовсе не прозорливый полководец, а влекомый волею событий старик. И что – не читать Толстого? Нужно, видимо, объяснять эту разницу между авторским прочтением и фактом, между искусством и наукой историей. Давайте вспом-

нившего действительности. Там такие крестьянские дома, что и сегодняшние западные коттеджи в сравнение не идут. Но! Сложные комбайны только пришли в село, а чем сложнее, тем чаще ломается. И вот во время жатвы комбайнеров преследует беда, подборщик то и дело забивается скошенными стеблями пшеницы, и машины встают. Тогда специальный человек палкой вручную проталкивает эти стебли вглубь. В фильме, понятное дело, объясняется все тем, что уж больно хорошие урожаи вырастили колхозники. Но для историка это сугубо документальный материал. И если смотреть картину только с этой точки зрения, то она нелишняя. А вот с художественной!..

Еще раз подчеркну: нельзя относиться к фильму «Царь» как к продукту, связанному с историей. И тогда все становится на свои места.

Если бы Лунгин решил-таки всерьез задуматься над историей, то она, история, предоставила бы ему куда более богатый материал для исследования времени царствования Ивана Васильевича. Вот вам параллель. Эйзенштейн. «Иван Грозный». Царь – олицетворение государственного начала, второй герой, князь Андрей Курбский, – изменник,

ним довоенный еще фильм «Александр Невский». Это отнюдь не исторически точный портрет великого князя, а исторические события трактовались режиссером весьма свободно. Однако у фильма была задача – воспитание патриотизма и формирование простейших представлений об истории страны и народа. И он эту задачу выполнил. Есть разные уровни знаний. Есть арифметика истории, а есть высшая математика истории. От простого к сложному. Иной дороги нет.

– Давайте упростим. Безумный временами, как минимум не способный себя полностью контролировать человек, который во главу угла ставит собственные психологические изыскания и комплексы. Потому как никаких государственных нужд, толкающих его на те или иные жесткие решения, не просматривается. Бандиты, мотающиеся по стране с привязанными за каким-то бесом к седлам собачьими го-

{ «Правда истории – это точный исторический факт, доказанное историческими методами явление или процесс. То есть правда истории апеллирует к разуму человеческого. А в искусстве апеллируют к душе человека, к сердцу». }

диссидент. Понятно, что за фигурой Грозного маячит облик Иосифа Виссарионовича, образ Курбского навеян реальным Тухачевским. Но историческая суть событий от этого не становится менее драматической. На сцене Большого театра этот же вопрос мучил Григоровича. А ведь есть еще один крайне интересный с исторической точки зрения тандем: Грозный – Владимир Старицкий. Последний удельный князь на Святой Руси, формальный конкурент Грозному на престоле, с которым Иван Васильевич все-таки свел счеты. Свел, видимо, потому, что его государственное, независимо от личного, отношение к чему-либо и к кому-либо и удельные, локальные представления князя Владимира Андреевича не могли не войти в системное противоречие, не могли не стать причиной крупной политической стычки, о последствиях которой есть основания поразмышлять и сейчас.

– Есть зритель подготовленный и зритель обыкновенный. Большинство наших сограждан либо забыли, либо не знают историю собственной страны в силу особенностей жизни в последние 25 лет. Они принимают художественный вымысел,

ловами. Добрый и светлый, но лишенный реальной силы митрополит. Безмолвствующая толпа жуткого вида. И все это – Русь. Причем в период своего государственного становления, когда из окраинного княжества она превращалась в большое государство. И какое же впечатление о прошлом собственной страны должны вынести ученики с этого «урока арифметики»?

– Я уже предложил смотреть на фильм «Царь» с другой точки зрения. В нем есть исследование психологического, а не исторического феномена. И в этом аспекте фильм, конечно, совсем не арифметика. Думаю, немного найдется неподготовленных людей, которые пойдут на «Царя», чтобы смотреть его вдумчиво, с карандашом и блокнотом в руках. Их вопросы государственного образования во времена

Грозного вряд ли волнуют. Это плохо, но это факт нашего сегодня. Тогда уж правомочно поднять вопрос, почему в стране нет простого продукта на историческую тему. Без поиска трудных смыслов, но и без хрестоматийных ошибок.

– Как когда-то делались фильмы «Суворов», «Герои Плевны», «Гусарская баллада», «Академик Павлов»...

– Вот-вот. Посмотрите, какое количество такой простой, но нужной продукции выпускают Голливуд, Би-би-си.

– Получается, в заблуждение нас вводит не режиссер Лунгин, а продюсеры и рекламщики, кричащие о новом историческом блокбастере?

– Согласен. Должны быть люди и возможности сказать о том, что не надо путать понятия. В таких случаях, когда искусство использует фоном историю, а на самом деле никакой истории в произведении и нет.

– Владимир Петрович, а может быть, истории во многих современных «исторических» фильмах нет потому, что сегодня авторы попросту не успевают проработать необходимый массив фактуры? Вы вспомнили Пушкина в связи с Годуновым, а если вспомнить Александра Сергеевича в связи с Пугачевым, точнее, пушкинскую многолетнюю подготовку к непосредственному написанию этой работы? С другой стороны, фильм хорошего режиссера Хотиненки «1612» делался, что называется, к событию. В стране появился новый праздник – 4 ноября, и власти срочно понадобилось кинематографическое объяснение этому. И сколько месяцев отвели режиссеру на все про все?

– Такое тоже бывает. Хотя для нас, историков, обидно, когда политическая логика начинает довлеть над историческим фактом независимо от каких-либо аргументов. Ведь проводилась тогда экспертиза по поводу именно 4 ноября. И пусть после драки кулаками не машут, но ведь с исторической точки зрения день выбран неудачно. Ничего необычного не таил тот день.

– Конечно, право выбора за художником.

Он волен идти дорогой исторической точности, или психологического анализа, или философского поиска. Но почему-то не оставляет ощущение, что во всех кинематографических изысканиях последних лет присутствует политический фактор. Я вовсе не о заказе власти на тот или иной сюжет, на ту или иную трактовку. Я о внутренней потребности художника всюду проявлять собственное политическое видение исторического события и современное

его политическое же толкование. И это толкование на зависть однообразно, а следы ведут в страны, откуда нам уже много веков пеняют по поводу нашей политической отсталости, ущербности, дикости...

– Довольно сложно объективно говорить именно об этом потому, что мы все-таки смутно представляем себе: а что, собственно, происходит в Европах на сей счет? Я помню кровавый и жестокий фильм «Кромвель» 70-х годов прошлого века, в котором британский режиссер не слишком щадил самолюбие собственных соотечественников.

Отрицать же наличие двойных стандартов в отношении России вообще и ее истории в частности бессмысленно. Они есть.

Равно как есть и ангажированность историков и художников внутри страны. Особенно – при изучении или использовании истории. Есть два критерия в нашей науке. Есть оценка государственническая и оценка гуманистическая. Как их совместить? Точного ответа еще никто не сформулировал. Думаю, велика роль личной ответственности каждого гражданина: в том числе и историка, и художника. Я неоднократно сталкивался с этой дилеммой в отношении к самому себе. Подчас люди, известные как истые демократы и либералы, проявляли такой махровый большевизм, что диву давался. Смотришь и думаешь – товарищ, да ты прямо сейчас к нам из семнадцатого года! Такая нетерпимость, такое желание размазать оппонента.

В общественной мысли страны сегодня есть такая тенденция: история России – это череда сплошных преступлений, унижений, бесчинств. Но есть и ровно противоположная: будто вся наша история – это сплошная героика и победы. Но так ведь не бывает. Нет идеального государства, нет идеального народа, нет идеальных государственных личностей.

К слову, у Карамзина и Пушкина «народ безмолвствует». У Лунгина ситуация серьезнее. «Где мой народ?» – спрашивает Грозный в конце. У кого, хотелось бы знать, спрашивает?

– Что ж, Владимир Петрович, сегодня мы с вами формулу баланса между исторической правдой и художественным вымыслом не найдем?

– Боюсь, что нет. Невозможно в одну телегу впрячь коня и трепетную лань.

– И что есть конь? А что есть лань?

– Конечно же, конь – историческая наука, а лань – художественное произведение. Трепетность – это к искусству. А нам, историкам, – надежность и труд.

БЕСЕДОВАЛ МИХАИЛ БЫКОВ, ФОТО АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИАЛОГУ

Французский режиссер Шанталь Морель без ума от произведений Федора Михайловича Достоевского. По ее мнению, именно в книгах этого великого русского писателя можно найти рецепты от современной бездуховности и цинизма. О том, почему свои спектакли она ставит исключительно по произведениям Ф.М. Достоевского, Шанталь Морель рассказывает «Русскому миру.ru».



СИЛЬВАН ЛЮБАК

Шанталь, ваш спектакль «Бесы» длится шесть часов с двумя перерывами. Даже среди русских найдется немного таких, которые способны на подобный театральный подвиг. А кто ваши французские зрители: невероятные поклонники Достоевского или люди определенного психологического склада?

– Когда я была в Санкт-Петербурге, то смотрела «Бесов» в постановке Льва Додина, этот спектакль длился целых девять часов! Так что я – не рекордсмен. А что касается нашей французской публики, то, наверное, присутствуют и те, и другие: и любители театра, и люди, которые приходят для того, чтобы понять для себя нечто существенное в жизни. Наше современное общество живет во все более ускоряющемся темпе, поэтому иногда просто необходимо сказать себе: «На шесть часов я выключусь из этого сумасшедшего ритма и

попытаюсь открыть для себя что-то новое». В течение этого времени зрители как будто отправляются в неизведанное путешествие, и конечно, подавляющую их часть составляют все-таки любители Достоевского.

– И какова их реакция?

– Честно говоря, я не ожидаю какой-то особой реакции. Я очень люблю, если предоставляется возможность побеседовать со зрителями, но специально не рассчитываю на ту или иную реакцию. Во время спектакля мы стараемся, чтобы каждый максимально свободно мог проявлять свои эмоции.

– Достоевский иногда настолько пессимистичен или психологичен, что после его книг, бывает, жить не хочется. Как вам кажется,

есть ли надежда в произведениях Достоевского?

– Я считаю, что да, поскольку единственно необходимая для него «материя» – это человеческое существо. Соответственно, решение человеческих проблем не придет с Марса и не осуществится с помощью волшебства. Только сами люди могут разобраться со своими проблемами. Решение в нас самих. У людей есть привилегия самим формировать свою жизнь, а значит, и отвечать за свои пос-

тупки. Именно мы сами должны размышлять о том, что такое добро и зло. Эти вопросы ставятся перед нами постоянно, и мы должны на них отвечать, чтобы наша жизнь была более достойной. Мне кажется, Достоевский не испытывал особых иллюзий, он реально оценивал человеческую натуру. Но, несмотря на такое сугубо реалистическое отношение к жизни, не оставляющее места иллюзиям, он как будто приготовил «пир» для всех нас и приглашает к нему присоединиться. Мы все – и актеры, и зрители – словно собрались за одним столом, где каждый может найти себе блюдо по вкусу. В Достоевском присутствуют моменты такой невероятной открытости и обращенности к людям, что это искупает его пессимизм.

Кроме того, театральным постановкам его пьес свойственна определенная интимность. Казалось бы, зал, заполненный зрителями, какая уж тут интимность? И тем не менее. Когда на сцене зрители видят Степана и Варвару, которые мучают друг друга и никак не способны признаться, насколько сильна их любовь, то я замечаю, что некоторые пары выходят потом из зала совершенно с другими лицами. Возможно, спектакль помогает им понять, что нужно дорожить своими любимыми и близкими. Театральные постановки Достоевского иногда служат катализатором неких подспудных чувств. Зрители, видя чужие судьбы, начинают по-другому оценивать свои собственные. Как ни странно, но когда наблюдаешь чужую безвыходную ситуацию, то иногда это позволяет найти выход из собственных затруднений. Переживая за героев Достоевского, люди могут иначе посмотреть и на свою жизнь.

– **А как вы открыли для себя Достоевского?**

– Это произошло около десяти лет назад. До этого, признаюсь, я его особо не читала. Более того, я прекрасно помню этот момент, поскольку увидела сон, в котором меня уговаривали прочитать Достоевского. Дело в том, что я очень редко вижу сны и практически их не запоминаю. Тогда же проснулась и прекрасно помнила все, что видела. Попросила моих знакомых принести почитать Достоевского, сказав им: «Я знаю, что вы любите этого писателя, посоветуйте мне, пожалуйста, с чего начать». И неожиданно для себя увидела на лицах моих друзей такое же выражение, как если бы узнала о какой-то их тайной любви. И сказала себе: «Если для них Федор Михайлович так много значит, то мне нужно попытаться понять, что же в нем такого особенного».

– **Получается, в вашем окружении были любители Достоевского?**

– Да, только никто об этом не говорил. Это было так глубоко и интимно, что даже с близкими не обсуждалось. Достоевский был для них настолько необычным и, я бы сказала, мощным по воздействию другом, что не хотелось мельчить это чувство, пытаюсь его объяснить посторонним.

После того как и я открыла для себя произведения Достоевского, мы начали собираться небольшой группой и читать их вслух. Сначала на меня огромное впечатление произвело «Преступление и наказание». Тем более что тогда только началась война на Балканах, и репортажи рассказывали о взрыве в Сараево с многочисленными жертвами. И в этом контексте я была потрясена одной фразой Раскольникова, который сказал, что не может понять, почему это так плохо – убить старуху-процентщицу, тогда как другие убивают ни в чем не повинных мирных жителей осажденных городов. Для меня это пересечение вымысла и реальности было настолько шокирующим, что поневоле возникали вопросы: а что такое вообще преступление? И мне захотелось пос-



Сцена
из спектакля
«Бесы»

есть «человеческое», чего никогда не смогут заменить никакие машины и механизмы? Что противопоставляется прямолинейному материализму? Достоевский считал, что за всеми материальными устремлениями в человеке скрывается нечто большее. Существуют совершенно другие измерения. Условно говоря, мы «едем» и «пьем» не только то, что находится на наших столах. Мы наполняемся и совершенно другими вещами, ведь невозможно жить только материальными ценностями.

– **Как вы считаете, был ли Достоевский циником или же больше изображал его?**

– В жизни всегда присутствует определенная доля цинизма. Если нет черноты, то не так ярко оттеняется белый цвет. А о некоторых вещах вообще невозможно говорить без некой иронии или, если хотите, цинизма. Например, о любви. Это чувство настолько сильно, что любые серьезные слова покажутся слишком высокопарными. Как можно ставить вопрос, что такое добро, если не задаваться вопросом, а что такое зло?! Мне кажется, особая ценность произведений Достоевского как раз и заключается в том, что в характерах своих героев он идет до конца. Душа Раскольникова еще

тавить это произведение для французских зрителей, чтобы они задали такой же вопрос себе. А уже после этого мы решились поставить и «Бесов».

– **В своих спектаклях вы предпочитаете использовать актеров, которые знают и любят Достоевского, или же тех, для кого он неизвестен?**

– Я предпочитаю тех актеров, которые могут и не знать Достоевского, но сами задаются вопросами бытия, добра и зла, размышляют о человеческой природе. И по счастливому стечению обстоятельств среди таких людей очень много тех, кто по-настоящему проникается Достоевским.

– **Есть ли у вас какие-нибудь психологические секреты, чтобы «манипулировать» актерами?**

– Я всегда стараюсь вызвать у них чувство максимальной ответственности за постановку. У любого актера в характере присутствует хоть немного нарциссизма, так вот я пы-

«Театральные постановки Достоевского иногда служат катализатором неких подспудных чувств. Зрители, видя чужие судьбы, начинают по-другому оценивать свои собственные».

таюсь, чтобы они отставили его в сторону. И кроме того, когда я работаю, у меня словно обостряются все чувства. Я начинаю замечать каждую мелочь, даже обоняние обостряется, а все это позволяет сразу реагировать на любые возникающие проблемы. Может быть, это смешно сравнивать, но хочется привести в пример медиумов, только так я могу объяснить это чувство. Процесс создания спектакля воздействует на меня магически. Спектакль – это как приглашение к взаимному диалогу, и в этом диалоге я себя ощущаю очень естественно.

Причем когда начинаю работать, то явственно чувствую, что каждый раз меня ожидает нечто неизведанное. Многие вещи рождаются спонтанно и интуитивно. Получается, что, с одной стороны, весь процесс создания спектакля есть нечто эфемерное, но с другой – и очень конкретное, поскольку нужно думать о декорациях, о контрактах актеров и так далее. Если у других режиссеров и есть какой-то особый секрет, как все увязать, то я его не знаю. Каждый раз приходится учиться чему-то новому.

– **Как вам кажется, не устарел ли Достоевский?**

– Наша современная цивилизация поглощена материальными заботами. Обладать, иметь, владеть – вот о чем мы думаем, а внутри зачастую – пустота. Многие современные фильмы, которые рассказывают о будущем человечества, пытаются дать ответ на вопрос: а что же такое

могла бы быть спасена, а Ставрогина уже нет. Наверное, Достоевский не был циником, но он нуждался в таких персонажах, чтобы лучше изучить человеческую натуру.

– **Честно говоря, многие современные политики недалеко ушли от Ставрогина. Он манипулировал людьми, что сейчас считается особо ценным качеством, да и высокими моральными принципами не отличался.**

– Для Достоевского Ставрогин был в определенной степени больным человеком, который хотел, но не мог испытывать нормальных человеческих чувств. И, конечно, он был способен на все, ведь боль других для него ничего не значила. С этой точки зрения, действительно, многие современные политики на него похожи. Но у Достоевского-то Ставрогин в конце концов повесился. Казалось бы, живи, манипулируй людьми, а оказалось, что нет выхода.

– **Кстати, достаточно неожиданно, что Достоевский решил именно так закончить жизнь Ставрогина, ведь тот не мог чувствовать себя несчастным, поскольку искренне считал себя выше остальных.**

– У Достоевского есть два-три момента, по которым видно, что Ставрогин в глубине души все-таки понимал: он не такой, как большинство остальных людей. Например, однажды ему приснился сон про прекрасный мир. Он проснулся в слезах, первый раз в жизни. Так что, наверное, покончить жизнь самоубийством он все-таки мог.

– **К сожалению, нынешние Ставровины живут и процветают. И зачастую внутренне гораздо более счастливы, поскольку не рефлексировать. Вам не кажется, что Достоевский выдал желаемое за действительное?**

– Именно поэтому произведения Достоевского так важны. Именно поэтому мне хочется, чтобы как можно больше людей узнало их получше. Такие люди опасны для жизни. По логике Достоевского, он просто не мог не повеситься.

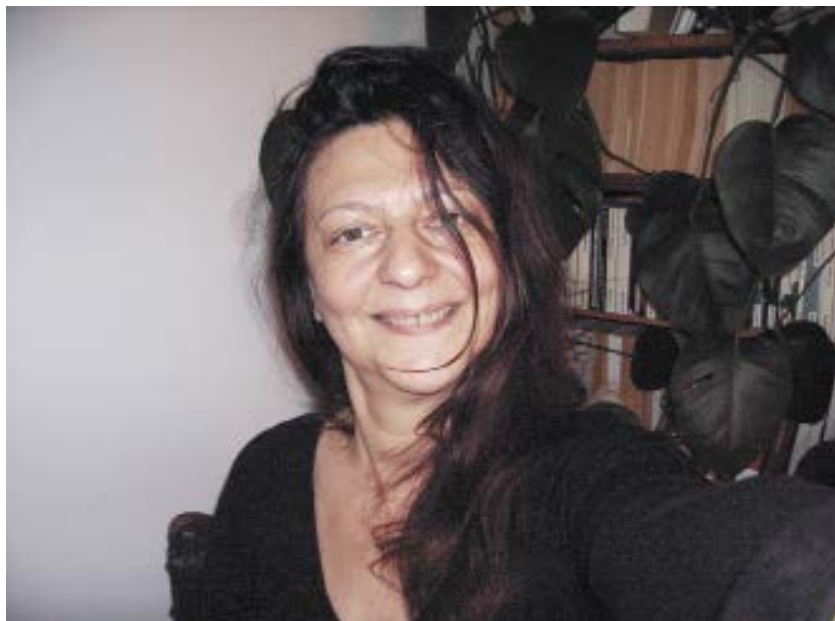
– **Почему же не вешаются современные Ставровины? Почему не вешаются те люди, из-за халатности которых погибают другие? Получается, в эпоху Достоевского даже Ставровины были более моральны, чем сейчас?**

– К сожалению, я вынуждена с этим согласиться. Это уже даже не вопрос моральности, а вопрос ответственности за то, что ты делаешь. Мне кажется, хоть Достоевский и заглядывал в самые глубины человеческой души, но даже в самых пессимистичных своих предположениях не мог представить тот ужас, который увидела Европа во время Второй мировой войны. Я думаю, тогда и произошел полный разрыв с понятием какой бы то ни было морали. Было причинено настолько много зла ни в чем не повинным людям, что человечество, словно открыв ящик Пандоры, до сих пор не в состоянии справиться с психологическими последствиями этого разрушения морали. Оказалось, нет такой мерзости и зла, которых не могли бы совершить люди. Потому мы и видим сегодня повсюду столько цинизма.

– **Ставрогин в большей или меньшей степени присутствует в каждом из нас?**

– Мне кажется, тот психологический надлом, который произошел в европейцах во время Второй мировой войны, не может быть вылечен. У нас сместились представления о добре и зле. Как будто бы Ставрогин, вместо того чтобы повеситься, вдруг был избран президентом. Поэтому многие люди чувствуют бессилие перед ситуацией.

– **Потому я и говорю, что вокруг нас множество Ставровиных, причем они гордятся именно теми сторонами своей натуры, которые хотел осу-**



из личного архива ШАНТАЛЬ МОРЕЛЬ

дить Достоевский. Ставрогин стал в некотором смысле символом нашей эпохи. Где же мы сейчас по сравнению с принципами XIX века?

– Мне кажется, мы все сейчас принимаем участие в каком-то огромном спектакле. Все играют какие-то роли, позируют перед камерами. Это превращается в сумасшествие, уже невозможно понять, что человек представляет собой на самом деле, где он сам, а где заканчивается сконструированный имидж. Именно поэтому так важен Достоевский, поскольку он писал свои произведения до тех огромных катастроф, которые пережил европейский континент. Читать его произведения – это как открывать для себя мир, которого больше не существует. И я думаю, человечество должно преодолеть в себе цинизм нашего времени, иначе выхода просто нет.

– **Получается, нужно опять «изобрести» и сконструировать те моральные постулаты, которые мы растоптали и от которых отказались?**

– Думаю, да. Но даже в наше циничное время все равно существуют чувства, которые не изменились по сравнению с другими веками. Например, мы все так же страдаем от неразделенной любви, будь мы хоть белые, хоть черные, хоть желтые. Есть какие-то неизменные вещи в человеческой природе. По крайней мере, в это хочется верить. 📌

БЕСЕДОВАЛА ВЕРА МЕДВЕДЕВА [ПАРИЖ]



ФРАК НАРОДА

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ [ЧЕРЕПОВЕЦ]

Дирижер симфонического
оркестра из Череповца
Валентина Голубева
на концертах всегда
выступает в мужском фраке.
Так безопаснее.

«К

огда-то я в платье дирижировала, но чуть жизнью за это не поплатилась. На сцене я становлюсь эмоциональной, и юбка превращается в очень неудобную одежду. Я ведь притоптываю, когда дирижирую. Однажды попала каблуком в подгиб юбки, и он там запутался – я чуть не рухнула со своего помоста. После этого случая я пошла и заказала мужской фрак».

...Если бы кто-нибудь задумал создать съезд женщин-дирижеров в 80-х годах, когда Валентина Голубева создала и возглавила в Череповце единственный в Вологодской области симфонический оркестр, то для встречи делегатов вполне хватило бы столика в кафе. Все бы уместились. Лет триста назад слабый пол не лез в профессию по причине неподъемности дирижерской палочки. Однако со временем тяжеленный посох с бронзовым наконечником, которым дирижер отсчитывал доли, трансформировался в элегантную «указку», и женщины взяли свое.

«НА КОВЕР» К СВЯТЫМ

Детство Валентины Голубевой прошло в деревушке, затерянной в керженских лесах Нижегородской области. Поселение было мало того что глухое, так еще и старообрядческое. Пришлых не жаловали. К примеру, зайдет грибник или охотник, попросит воды попить. Вынесут ковшичек, а после его ухода выбросят в мусор. Потому что иноверец.

«Огромное влияние на меня оказала бабушка, потому что фактически она меня воспитывала, – рассказывает Валентина Викторовна. – Родители постоянно отсутствовали – ездили осваивать целину и так далее. И я оставалась с бабушкой. У старообрядцев не принято обнажать публично свои чувства и эмоции, вместо этого – сдержанность и аскетизм. А я росла таким клоуном – любила попеть, пошутить, покричать. До поры до времени мне это прощалось, хотя всякого рода лицедейство почитается старообрядцами за большой грех». В список грехов входила масса вещей, без которых жизнь современного человека непредставима. Жили по заветам святых и праведников, спать ложились по совету петухов. В те вечерние часы, в которые сейчас Голубева и ее оркестр начинают концерт, в нижегородской деревне давно спали. «Никакого телевизора в нашем доме не было, – вспоминает она. – Когда я была маленькой, в нашу глушь провели электричество. Отлично помню, какой восторг у меня вызвала загоревшаяся лампочка. Я буквально ослепла, спрятала лицо в ладони. Керосинка, с которой я только и была знакома, такого света не давала».

Старообрядцы прятали не только эмоции. В доме будущего дирижера ее прадедом были устроены две избы под одной крышей. Половина была отдана тайной церкви, где проходили секретные моления. Со стен сурово глядели древние лики, привезенные сюда предками еще во времена Петра I. Бабушкой помещение использовалось и в качестве «холодной» для непослушной внучки, которая пуще хворостины боялась этих грозных святых, к которым за свои проказы чуть ли не ежедневно попадала «на ковер». «Но там же, на этих старообрядческих молениях, я услышала, как эти старухи и старики поют религиозные произведения. Спустя годы, когда я уже кое-чему научилась в музыке, поняла, что это чистейшее григорианское многоголосие. Тогда, в детстве, меня это попросту потрясло до глубины души».

ДОКАЗАТЬ ПАПЕ

Впрочем, в музыку Валентина Голубева пришла не из старообрядческой молельни. «Мой папа очень хотел сына, но родилась дочь, – издали начинает свой рассказ. –

И всю мою сознательную жизнь он сокрушался. Целью моей жизни было доказать ему и себе, что я не хуже мальчика. Он очень любил музыку, обладал абсолютным слухом, а как двигался, сколько инструментов освоил самоучкой! К 13 годам я никогда не видела рояль, но читала о нем и влюбилась. Среди инструментов, которые отыскились дома, – а их было много, папа на всем умел играть – я остановила выбор на аккордеоне, потому что клавиатурой он похож на рояль».

Ворчание родственников по поводу решения поступать в музыкальную школу было вполне сносным, и в 13 лет, что по меркам музыкального образования считается преклонным возрастом, Валя Голубева «вышла из леса». Первым в ее жизни оплотом цивилизации стал городок Урень, расположенный в 30 километрах от деревни. Окончив школу, с тем же аккордеоном поступила в музыкальное училище в Дзержинске. И тут, как гово-

Сегодня в Череповецком симфоническом оркестре работает более тридцати музыкантов. Репертуар самый разнообразный – от классиков до современных композиторов



ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

рится, судьба постучала в окошко. Однажды город запестрел афишами оркестра Горьковской филармонии, приезд которого для сонного Дзержинска был чем-то вроде визита кукольного театра Карабаса Барабаса для Буратино. Руководил оркестром человек по фамилии Гусман, не в пример более добрый, чем Барабас. Эффект, произведенный на Голубеву слаженной игрой оркестрантов, по силе не уступал вышеописанному эпизоду с лампочкой. Все прежние жизненные планы показались вдруг той самой керосинкой, которая не светит, а коптит и дурно пахнет. Так что следующим шагом стала Консерватория в Горьком. Здесь по воле судьбы Валя попала на курс к Гусману. Намахавшись в классах палочкой, бежала махать шваброй в кафе: после того как схватила тройку и лишилась стипендии, приходилось выживать.

Я БЫ В ДОКТОРЫ ПОШЛА

«В Череповец я попала по распределению в 1981 году. Я, по-моему, была последняя, кого распределяли, – с 82-го года эта система рухнула. Сначала я должна была ехать в Чимкент, принять оркестр в местном вузе. Я уже поговорила с заведующим кафедрой, который расписал

свое учебное заведение, как рай на земле. Короче, я уже собирала вещи, когда выяснилось, что Министерства культуры РСФСР и Казахстана относительно меня о чем-то не договорились. И мне пришлось довольствоваться тем, что осталось, то есть Череповцом. Я попросила у комиссии полчаса на раздумье, сбегала к знакомой девушке Ларисе, которая училась на два курса младше и была родом отсюда. Ее рассказ убедил меня принять предложение. Была возможность задержаться в Горьком, но это значило навеки остаться маленькой девочкой под крылом преподавателя Гусмана, а мне хотелось самостоятельности. В Череповце ее хватило с лихвой».

О бегстве из города металлургов Валентина Голубева начала помышлять едва ли не на вокзале. Устроившись преподавателем в местное музыкальное училище, мечты не оставила. Шанс представился спустя пару



ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

лет, да еще какой! Появилась возможность уехать в Германию, даром что социалистическую. Три года отработала она там, выступая с аккордеоном перед советскими воинами и дружественными немцами. И мало кто мог подумать, что она твердо решила завязать с музыкой и в 30 лет вновь сесть на студенческую скамью... медучилища.

«Это было в Германии. Как-то летом я работала в международном детском лагере. У нас там была вожатая, страдавшая ужасными мигренями, которые вырубали ее на несколько дней вплоть до потери сознания. Однажды среди ночи меня будит эта обезумевшая женщина, падает на колени перед моей кроватью: «Помоги!» Почему она пришла именно ко мне? Она сама потом не могла этого объяснить, ничего не помнила. Я в полудреме начинаю водить руками вокруг ее головы. Через 20 минут она уснула и утром встала как новенькая. И после этого ко мне пошли страждущие, а я решила стать врачом». Из Германии решила вернуться в Череповец – здесь было и медучилище, и место работы (надо же что-то кушать, пока учишься). Да и жилищные перспективы обнадеживали. Однако директор «музыкалки», куда она вернулась, поставил ультиматум: либо бери местный камерный оркестр и оставайся преподавателем, либо гудбай. Согласилась через силу. «Уже через год мой камерный оркестр вырос до симфонического, в который вошли преподаватели музыкального училища и студенты. Оркестр тогда захватил все мое свободное время. Мечта о медицинской карьере вскоре забылась. Но своим студентам я руки лечила довольно долго. Миозиты, мышечные воспаления – наши профессиональные заболевания. Правда, этим делом я очень давно не занимаюсь». На последнее заявление Валентина Голубева упирает особо, небезосновательно беспокоясь, как бы «страждущие» снова не повалили к ней среди ночи. Все же, судя по всему, чутье экстрасенса исчезло в ней не до конца – людей «одной крови» продолжает видеть. «К примеру, дирижер Мариинки Валерий Гергиев... Посмотрите на него – он же гипнотизер, как он работает с залом и своими музыкантами! На его концертах творятся невообразимые вещи, это волшебство, да и только».

ДИРИЖЕР – МУЖСКАЯ ПРОФЕССИЯ?!

«Наверное, это действительно так, – соглашается Голубева. – Постоянно надо говорить людям неприятное, месить людей, что женщине очень непросто делать по своей природе. Приходится ругаться, хотя это жутко неприятно. Мужчина обладает силой и твердостью, чем и воздействует, зато женщина берет терпением. На моем месте мужчина давным-давно бросил бы все это дело». А перед тем, как бросить дело, бросил бы что-нибудь тяжелое в нерадивого оркестранта, не попадающего в ноты. У Валентины Голубевой, которая, по словам ее музыкантов, иногда не стесняется и нецензурной лексики, угрозы не доходят до реализации.

По нашей просьбе Валентина Викторовна раскрыла несколько дирижерских секретов. К примеру, принятый в оркестрах всего мира политес, когда в начале и в конце каждого произведения дирижер уходит за кулисы и всякий раз музыканты встречают его стоя, нужен для того, чтобы размяться и отдохнуть. Система знаков, которыми во время концерта общаются дирижер и музыканты, никакой тайны не несет и ничем вроде языка жестов не является. Все они изучаются в консерваториях за несколько занятий.

И, наконец, вопрос вопросов: что будет, если оркестр внезапно лишит дирижера? Опытные музыканты без сбоев доведут произведение до конца или все смешается и пойдет насмарку? «Оркестр для дирижера – это инструмент, но инструмент живой, состоящий из личностей, – отвечает Валентина Голубева. – Каждый считает себя музыкантом и каждый думает, что знает, как лучше. Хороший дирижер дает

музыканту поле, пускай подчас и не очень широкое, для импровизации. Дирижер без оркестра – ноль с палочкой, но и оркестр без дирижера – немногим больше. Иногда, когда мы работаем в новом зале, я проверяю акустику – бросаю оркестр и бегу слушать звук в разные концы зала. Оркестранты очень стараются, но без дирижера музыки у них не получается. Пробовали ведь в 30-е годы организовать оркестр без дирижера. Ну и что? Опыт с треском провалился».

ЛИТФОНД

Герои этих небольших интервью по-разному зарабатывают на жизнь. Кузнец, переводчица, аниматор, критик, преподаватель философии... Что их объединяет? Литература. Все они – молодые российские писатели и поэты. Возможно, те, кто через несколько лет будут задавать тон в российской словесности. Познакомимся поближе?

ПРИЗРАК КЕНЦУХЕ НАД ГОРНОРЕЧЕНСКИМ

Екатерина Репина

27 лет, стипендиат Министерства культуры РФ в 2009 году. Финалист премии «Дебют». Повести и рассказы печатались



Екатерина
Репина

в журналах «Октябрь» и «Сибирские огни». Живет в поселке Кавалерово Приморского края. Окончила факультет китайведения Дальневосточного госуниверситета и Пекинский институт материальных ресурсов. Работает переводчиком в компании, экспортирующей лес в Китай.

– Откуда у поселка, в котором ты живешь, такое звучное название?

– О, у нас замечательный поселок, в этом году ему исполняется сто лет! Назвали его так в честь кавалера Георгиевского ордена, участника Русско-японской войны Федора Пополитова. Он был одним из первопоселенцев... Раньше тут были маленькие китайские деревушки, но в начале XX века, после заселения Приморья русскими, китайцы уехали. А названия многих городов и деревень еще долго оставались китайскими. Например, я родилась в поселке Горнореченский, и даже лет десять назад, помню, его по привычке иногда называли по-старому – Кенцухе.

– Сейчас много говорят о китайской «экспансии» на Дальний Восток. Ты работаешь на китайском предприятии, так что у тебя, конечно, свой взгляд на эту проблему...

– Ну, во-первых, это, скажем так, компания с китайским капиталом. В Приморском крае много организаций, занимающихся этим бизнесом, и большинство из них стопроцентно российские, так что в этой области нет сильного китайского преобладания. На мой взгляд, никакой «экспансии» нет. Есть другая проблема – отток российского населения с Дальнего Востока. В результате здесь не хватает рабочих рук, и приходится по квоте завозить рабочих из Китая. Это сезонные рабочие, когда у них кончаются визы, они возвращаются обратно, а на смену им приезжают другие. Получается, что китайских граждан здесь много, но у них нет цели остаться. Они просто зарабатывают деньги. Многие русские это видят, понимают и поэтому относятся к китайцам с уважением и без страха.

А работа у меня интересная, хотя очень нервная. Но ведь при всем желании невозможно писать прозу с утра до вечера. Работа нужна, чтобы отвлекаться...

– Тяжело, наверное, жить так далеко от всех «центров», ведь и авиаперелеты на «большую землю» у вас дорогие?

– Мне нравится жить в Приморском крае. Самое главное, здесь есть море, и летом в нем можно купаться. Есть красивые бухты, острова, водопады. Но возможностей для самореализации, увы, не так много. Поэтому люди и уезжают на запад, в центральную часть России. У нас есть кое-какая промышленность, но нет желания улучшать условия жизни, отдыха. Например, на праздники и в отпуск приморцы едут

в Китай, Японию, Корею. Это близко и не так дорого. А в Приморье есть места не хуже, просто их надо обустроить. Билеты в Москву не дешевы, но работники бюджетных организаций раз в два года могут слетать в любую точку России и обратно бесплатно, есть льготы для студентов, пенсионеров. Иногда авиакомпании проводят разные акции, главное – их отслеживать. В общем, тут все не так плохо. Хорошо, если бы на Дальнем Востоке появился настоящий центр, который привлек бы новые силы, создал рабочие места и возможность для творческой самореализации. В 2012 году во Владивостоке пройдет саммит стран Азиатско-Тихоокеанского региона, сейчас строятся объекты для него. Вот бы все сложилось, и Владивосток стал таким настоящим центром! Тогда и уезжать не нужно. Видели бы вы, как тут красиво!

– **Что ты ешь сейчас?**

– Только что отправила несколько рассказов в литературный журнал, а сейчас начинаю работать над повестью о родном поселке.

ЧЕЛОВЕК С «ХРОМАТИКОЙ»

Андрей Кузечкин

27 лет. Автор книги повестей «Менделеев-рок» (2007). Лауреат премии журнала «Октябрь» за 2006 год. Живет в городе Бор Нижегородской области. «Плохо учился, плохие отношения с учителями и одноклассниками, поэтому к 17 годам превратился в замкнутого мизантропа, пришлось в буквальном смысле учиться общаться с людьми, как младенец учится ходить». Окончил филфак Нижегородского университета. Работал учителем в сельской школе, журналистом, охранником, грузчиком, дворником, «но главное – писал книги и осваивал губную гармошку».

– **Расскажи о своей рок-группе.**

– Она называется «Мир с двойным дном», по названию моей самой первой повести, которая вряд ли будет опубликована. Нас пятеро: барабаны, бас, гитара, девочка-певица и я – губная гармошка и тоже вокал, хотя больше читка, потому что вокальные данные у меня так себе. Я же и администратор – определяю репертуар, график репетиций, договариваюсь о концертах и т.д. Стиля как такового у нас нет – легкий альтернативный рок, причем основной солирующий инструмент – хроматическая губная гармошка, что довольно необычно, особенно если уметь на ней играть. Выступаю редко, но с удовольствием.

– **«Менделеев-рок» – книга про музыкантов, про то, как трудно жить в маленьком промышленном городе, полном нарко-**



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

манов, гопников и пр. «Соппротивление среде» действительно дается так тяжело?

– Когда я это писал, то под городом Нефтехимик подразумевал скорее не родной Бор, а город Дзержинск. А что касается моей малой родины... Говорят, Бор очень «трудный» и «депрессивный», но мое мнение: проблемы бывают у того, кто сам их ищет, это не зависит от места, где живешь. Любить Бор можно за то, что там все близко, рукой подать. Весь Бор – это две длинные городские улицы, а вокруг них – огромная деревня.

– **Чем ты зарабатываешь на жизнь?**

– Последние одиннадцать месяцев работал на производстве защит картера двигателя, гнул железо, варил, шлифовал болгаркой и еще много чего делал своими руками. На этой неделе уволился, ибо кризис, платят мало. Кроме того, числюсь аниматором в одной фирме, которая организует праздники. В Новый год неплохо заработал Дедом Морозом, ближе к лету намечается еще работа – ведущим свадеб и детских утренников.

Андрей Кузечкин

– **Почему ты ушел из школы?**

– Не понравилось. Быть учителем – почти то же самое, что быть, скажем, священником и миссионером. В том смысле, что если сам себе не веришь, то и никто не поверит. Я вот прекрасно видел, что детям не нужна эта учеба, потому и работал спустя рукава. Настоящий учитель должен быть самоотверженным, но при этом понимать детей. Проблема школы в том, что таких мало, а пенсионеры совет-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

**Алексей
Лукьянов
вручает
Владимиру
Путину книги.
Ново-Огарево,
16 февраля
2007 года**

ской закалки сегодняшних детей не понимают или делают вид, что не понимают.

– Ты счастлив?

– Да. Счастье – в движении, а я движусь. Пишу книги, продвигаю свой музыкальный проект и занимаюсь сексом с любимой девушкой.

– Что из новой прозы мы сможем прочитать в ближайшем будущем?

– В этом году, надеюсь, удастся сдвинуться с мертвой точки – публикация повести «Магма» в екатеринбургском журнале «Урал». Надеюсь также издать вторую книгу. Есть два готовых и никому на фиг не нужных романа, «социальщина», о современной молодежи. Сейчас пишу фантастическую сагу, давно хотел. Может, хоть ее куда возьмут.

СПАСИБО ЗА ТОПОР

Алексей Лукьянов

34 года. Лауреат Новой Пушкинской премии. Автор книги «Спаситель Петрограда», изданной в 2006 году. Живет в городе Соликамске Пермского края. Образование среднее. Кузнец. В настоящее время числится сотрудником Усольского историко-архитектурного музея.

– Как относятся к твоей первой профессии коллеги-писатели?

– Для писателей я – кузнец, для кузнецов – писатель. Долгое время эта игра в «свой среди чужих» меня раз-

дражала. Действительно, кто я? Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка. Но, побывав на нескольких писательских тусовках, решил, что все-таки я кузнец. Кузнец может вариться в своем соку, может заниматься текучкой и не задумываться: нужна ли моя работа кому-то или нет? На производстве все ясно: вот ломы, они нужны путейцам. Вот стрелочная тяга, она нужна связистам. Другое дело, что сейчас экономическая ситуация такая, администрация хочет, чтобы за меньшие деньги ты выполнял ту же работу. Но, положи руку на сердце, если бы меня позвали обратно, сказали бы: «Леха, ты нам нужен», – я бы вернулся. У нас превосходно сработавшийся коллектив, я там себя чувствовал человеком.

С писательством совсем иная ситуация. Это хобби. Я люблю сочинять, у меня неплохое чувство юмора и, как мне кажется, способность видеть и пересказывать забавные истории. Но таких сочинителей сейчас пруд пруди. Сейчас в русской литературе каменный век, период накопления знаний об изменившемся пространстве-времени. Наскальная живопись, натуральный макет, магические обряды. Мы должны стать удобрением для тех, кто придет потом, потому что мы выработали ресурс советской литературы, из которой вышли. Литература обесценилась. И в этой ситуации мне быть писателем как-то не улыбается. Потому что в ней никто никому не нужен. И если все, что я написал, сгорит и сотрется, никто этого не заметит. А ограда, которую я выковал, или двери – останутся. И человек, который колет дрова моим колуном, вспомнит меня добрым словом.

– Ты много писал в жанре «альтернативной истории», то есть обращался к прошлому и будущему нашей страны. Каким ты его видишь, это будущее?

– О будущем я как раз ничего не пишу. По большому счету, меня интересуют люди, их судьба, их воля к жизни. Мне очень инте-

ресны люди, которые покоряют мир, не сходя с места. Ну вот, скажем, сейчас меня занимают две личности, тесно связанные с Соликамском: Алексей Турчанинов, богатый горнозаводчик, который сумел выдать из нашего города два промышленных клана – Строгановых и Демидовых, добиться за сравнительно недолгую жизнь небывалых успехов, и Владимир Цифринович, директор Первого калийного комбината, поднявший весь советский калий и магний. Эти люди не

стремились уехать туда, где жизнь лучше, они строили свой мир здесь и сейчас.

Проблема в том, что я не пишу романы. Меня этот жанр угнетает, я привык бегать на короткие дистанции, и даже повесть для меня – очень тяжелый и длинный путь. Просто гнать километры текста я не умею, мне подолгу приходится формулировать мысль. Впихнуть же в рассказ

жизнь человека, причем жизнь, полную событий, заведомо гиблое дело. Если Алексей Иванов живописец-станковист, то я – книжный график, что тоже интересно, но менее заметно.

Что же касается будущего, то я не склонен романтизировать его. Мне кажется, сейчас у нас странная смесь времен: у нас и первая мировая, когда внешняя политика мешает заниматься внутренними делами, и индустриализация, когда надо поднимать отечественное производство, но внизу не умеют, а сверху тянут резину. Однако рассуждать, кто виноват и что делать, не буду – не моя это прерогатива.

– Ну и стандартный вопрос о «творческих планах».

– У меня пока затишье. В прошлом году дописал небольшую повесть о том, как все забыли крепкие слова и что из этого вышло. Сейчас заканчиваю работу над книжкой (не художественной) о Соликамске. Это работа в соавторстве, интересный опыт, но, думаю, больше я так экспериментировать не буду: работа сделана на треть, а результат не нравится, и на кого в таком случае пенять? О том, что сейчас ждет своего часа, говорить, пожалуй, не буду, не из суеверия, а потому, что заготовок слишком много, и я просто не уверен, чем именно займусь: там и детская сказка, и еще один альтернативно-исторический детектив, и вестерн про китайцев. Было бы время.

«АНГЕЛ РУССКОГО ЯЗЫКА» СРЕДИ ГАСТАРБАЙТЕРОВ *Елена Погорелая*

22 года. Поэт и критик. Статьи и рецензии печатались в «Новом мире», «Знамени» и многих других журналах. Живет в Москве. Окончила МГУ. Работает в редакции научного журнала «Вопросы литературы», преподает в гуманитарной школе при РГГУ. Член редколлегии журнала «Литературная учеба».

– Многим трудно представить себе такое «совмещение»: очаровательная юная де-

вушка – и опытный профессиональный критик. Часто ли приходится сталкиваться с удивлением, а то и с иронией?

– До недавнего времени я «опытным профессиональным критиком» не была, да я и сейчас не рискую так себя называть, хотя опыт работы в серьезном журнале, конечно, способствует профессионализму – но и повышает степень ответственности. А на «критических подмастерьев» гендерные предубеждения обычно не распространяются. Гораздо чаще приходится сталкиваться с предубеждениями другого характера: в литературном пространстве бытует мнение, что отрицательная рецензия критика на какой-то текст вызвана его «политической» (в смысле литературной политики) принадлежностью, что высказывание критика обусловлено мотивами, лежащими где-нибудь в сфере «тусовки» или кружка. Не так давно, например, меня обвинили в том, что в статье о поэтах периода нулевых я называю только «своих». Но как я могу назвать «своими» тех, например, кого я ни разу не видела? Получается, в современной литературе нельзя и шагу ступить, чтобы тебя не приписали к какой-нибудь партии. Это намного

Елена Погорелая в эфире «Вестей»



– А как удается прокормиться студентам Литинститута, вообще – студентам и аспирантам, приехавшим в Москву из других городов? Обыкновенно: частными уроками, подработкой, левыми или «халтурными» заказами на какие-нибудь дипломы или рефераты... У меня, к счастью, еще есть работа в журнале, которая дает стабильный, хотя и небольшой заработок. А вообще, работая над ста-

тейей для толстого журнала, человек изначально отдает себе отчет в том, что пишет не для денег, не для гонорара, а, если угодно, как говорил Бродский, для некоего «ангела русского языка». У каждого критика, поэта, прозаика, мне кажется, должен быть такой собеседник с абсолютным слухом, которого нельзя обмануть.

– Ты обосновалась в Москве. Каким видишь этот город?

– Я здесь работаю, учусь, снимаю квартиру, как тысячи «понаехавших». Своим я этот город считать не могу, да и вообще у меня родного города нет, я его не вижу, не знаю, не чувствую. А то, что я наблюдаю в Москве... В районе, где я живу, очень много подготовленных к сносу пятиэтажек, говорят, им осталось сроку – три-четыре года. Коренные москвичи отсюда почти все разъехались, квартиры сдают приезжим гастарбайтерам. Живут они по 10–15 человек в однушке, работают с шести утра до полуночи, весь черный труд – строителей, продавцов в круглосуточных магазинах, снегоборщиков – их. А русские москвичи – мужчины «от 35 и старше» – в тех же магазинах клянчат на выпивку. Какие в таком случае перспективы у города? Москва – это многослойный пирог: внизу – заезжая нелегальщина, чуть повыше – заехавшие легально, а что там на самом верху, я не знаю. Если все это попробовать перемешать, может вспыхнуть. А может и не вспыхнуть. Я вижу довольно узкий, локальный кусочек жизни в столице, мне трудно судить.

МАЛЕНЬКИЙ ХРАМ В АКАДЕМГОРОДКЕ

Дмитрий Бирюков

30 лет. Лауреат премии «Дебют» за 2005 год. Живет в Новосибирске. Окончил истфак Новосибирского госуниверситета.

– Насколько я знаю, ты вернулся в Новосибирск несколько месяцев назад, а до этого жил в Москве. С чего такой крутой поворот?

печальнее иронии или удивления по поводу пола и возраста «профессионального критика».

– Сейчас разгорелся очередной скандал, связанный с якобы проплаченными рецензиями во вполне авторитетных изданиях. Тебе еще не случалось сталкиваться с этим «теневым бизнесом»?

– Знаешь, мне в этом плане «не повезло»: я получаю письма в основном от бедных поэтов. С просьбой: помогите напечататься. Помнишь Раневскую? «Бог поможет...» «Теневой бизнес», разумеется, есть, но он случаен и шаток. Впрочем, я могу сейчас вспомнить пару фамилий прозаиков, о которых пишут за деньги, но все же и так понимают, что это за рецензии. Поэтому никакого влияния на собственно литературный процесс книги под их фамилиями не оказывают.

– Кроме шуток. Сейчас работа критика, если это не коммерция, почти безгонорарна. Как тебе удается прокормиться?

Дмитрий
Бирюков



– «Если выпало в империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Я устал от Москвы, эта суета, шум и постоянные стрессы – слишком высокая цена за то, что я искал в этом городе. Я ехал в Москву как в культурную столицу. Но Москва также и столица политическая и экономическая. От этого лучше держаться подальше. Там я занимался журналистикой, здесь продолжаю писать о культуре, кроме того, редактирую научный журнал.

– **Как тебя встретил Новосибирск?**

– Город очень сильно изменился. Это произошло очень быстро. Я не узнавал даже улицы по дороге из аэропорта домой. Теперь здесь есть все, чего мне когда-то не хватало, но сохраняется чувство меры, которого не знают там. Все достоинства Москвы можно найти и здесь, но нет тех недостатков.

– **Ты католик. Это редкость для нашей православной страны. Как ты пришел к католичеству?**

– Иисус говорил: не вы выбрали Меня, но Я выбрал вас. Стоило только зайти в католический храм, чтобы понять, что тут мое место, это мой дом. Безусловно, это проявляется в том, что я делаю. Католичество – огромный культурный пласт, к которому можно обращаться бесконечно. Церковь позволяет быть внутри европейского наследия, понимать его. Кроме того, в целом христианство – духовный фундамент, который постоянно поддерживает меня в самых разных испытаниях. Конечно, в церкви, где больше миллиарда человек, встречаются и подлецы, и негодяи, но я могу объяснить им, почему они не правы. А мне укажут на мою собственную неправоту. Есть общий язык, который все понимают. К тому же христианство и как мировоззрение, и как культура просто преисполнены красотой. Будь это маленький приход в Академгородке, будь это огромный старинный храм, что я видел в Европе, везде чувствуешь эту красоту, доброту, тепло.

– **Возвращение на родину как-то повлияло на твоё творчество?**

– Планов всегда много, но наконец-то получается писать что-то более крупное, чем рассказы. Потихоньку продвигается повесть. Кроме того, есть несколько сюжетов для пьес.

– **Каким ты видишь свое будущее и будущее страны?**

– Давай оставим мое будущее мне, а будущее страны – стране, и тогда мы не станем мешать друг другу.



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

МЕЖДУ МАЙСКИМ ЖУКОМ И ЭЛЕКТРИЧЕСКИМ СКАТОМ

Александр Гриценко

**Александр
Гриценко**

30 лет. Живет в Москве. Окончил Литинститут им. Горького. Занимается общественной работой (в московской организации Союза писателей России, экспертном совете премии «Дебют»), проектами в сфере режиссуры, PR и продюсерского дела, ведет авторскую передачу на «Радио России», рубрики в различных СМИ, возглавлял отдел критики газеты «Литературная Россия». Лауреат нескольких премий, награжден почетной грамотой Министерства культуры РФ, медалью правительства Москвы.

– **Мне не очень понятно, как один человек может все это успевать.**

– А еще я занимаюсь спортом, выпиваю с друзьями, плету интриги против врагов, сам выбираюсь из интриг недоброжелателей, веду блог, уделяю время супруге, много читаю... Ничего странного в этом нет. Там, где я работаю, я не один – стараюсь окружить себя командой из умных и преданных людей. Отдыхать я тоже люблю в ком-

пании. Только творчество для меня акт интимный, и писать я предпочитаю в одиночестве.

– **Список твоих наград и постов угрожающе велик для молодого писателя. Нет ли страха стать функционером, а не творцом?**

– Во-первых, в тридцать автор, который публикуется с шестнадцати, не такой уж и молодой. Это у нас сохранились представления с советских времен, что до пенсии – все в молодых писателях. А те уже вполне сформировавшиеся ребята, которым двадцать, у которых выходят книги, они что, младенцы, что ли, совсем?.. Во-вторых, почему нужно бояться стать литчиновником? Это тоже страх, привитый советской эпохой. Тогда чиновники от литературы давили все не угодное власти. Сейчас же дела обстоят иначе. Как правило, такие «чиновники» – это современные продюсеры. Они кормят и поят коллег, выводят авторов на новый этап развития. Быть продюсером – это неплохо. Потому что творческие идеи или даже готовый, написанный роман (или снятый фильм) – это только материал, который нужно правильно применить, чтобы его захотели посмотреть или прочитать. Есть очень много талантливых творцов, которые не встретили своего продюсера и пребывают в неизвестности. Что же в этом хорошего?

– **По твоим наблюдениям, что сегодня происходит в драматургии, в литературе?**

– Возрождение. По-другому начинают творить драматурги, которые известны с двадцати своих лет. Художники из этого поколения или исчезают, или начинают писать всерьез. Я считаю, что культуру ждет прекрасное будущее. Возможно, даже новый «золотой век».

– **Ты вхож в совершенно разные театры – и в сугубо традиционные, и в молодые, новаторские. Серьезен ли раскол между ними? По какому пути пойдет театр?**

– Ну, как понять – раскол? Между майским жуком и электрическим скотом есть раскол?.. Просто они разные, и все. Например, МХАТ Дорониной живет по правилам эпохи блестящей, но уже мертвой. Их боги уже никогда не вернуться. Уйдут вслед за ними и эти театры-музеи. А новаторские театры – это пока не театры в обычном понимании, а экспериментальные площадки, студии, на которых растут будущие великие художники. Они пришли рано, многих из них объявили гениями, но это не так. Они только сейчас набрались сил. Думаю, в России сохранится репертуарный театр, но «новые» из подвалов придут в него и модернизируют.

– **О чем ты сейчас пишешь?**

– Закончил и редактирую повесть о первой чеченской войне. Ездил в Чечню, собирал материал. Надеюсь, получилась хорошая вещь, а то мне со всеми моими наградами будет неудобно. Кроме того, сейчас я пишу роман о довоенной Чечне. Действие начинается в последние годы ссылки чеченцев и ингушей, а заканчивается в первый год войны. Судьбу Чечено-Ингушетии я показываю

через жизнь выдающегося композитора Аднана Шахбулатова. Будут там и такие одиозные личности, как, например, Зелимхан Яндарбиев. Совсем непохожий на того, кого мы видели по телевизору. В книге он будет не бородатым террористом, идеологом чеченских сепаратистов, а молодым нищим поэтом, выпускником Высших литературных курсов Литературного института имени А.М. Горького. Я постараюсь понять его превращение. А сверхзадача, которую я поставил, – показать, как мирная советская республика вдруг превратилась в горячую точку. Сейчас работаю над второй частью. Все-таки роман будет состоять из семи частей.

– **Каким бы ты хотел видеть свое будущее?**

– Я хочу быть здоровым, знаменитым и богатым. До сорока лет я планирую заниматься литературой и пиар-бизнесом, а потом, возможно, пойду в политику. Дальше я пока не загадываю.

ГОРИЗОНТ СОБСТВЕННОГО ВСЕСИЛИЯ

Михаил Богатов

29 лет. Живет в Саратове. Окончил Саратовский государственный университет. Кандидат философских наук. Преподает ряд философских дисциплин, ведет ежегодный коллоквиум по современному искусству, выпустил несколько научных монографий. Обладатель гранта президента России для молодых ученых. Поэт, прозаик. Автор книги стихов «Лолита в Греции» (2010).

– **Как ты сам считаешь, кто ты в первую очередь – ученый или писатель?**

– Понятно, что никакой очереди не существует, хотя сказать, что этот вопрос для меня решен или, наоборот, не важен, не могу. Много размышлял по этому поводу, когда ловил себя на том, что творческий подъем всегда един – то есть когда вдохновишься на какой-нибудь труд, сразу же чувствуешь себя всесильным, хочется делать многое, тут и задумки в литературе, и статьи научные. Но это лишь сначала так

происходит, поскольку затем, чем больше работаешь над чем-то определенным, тем более сужается этот горизонт собственно-го всеилия, и это происходит до тех пор, пока он вообще не исчезнет. Это уже стадия доработки начатого, почти в режиме автопилота. Меня всегда поражала и подавляла судьба Сартра, который и в литературе, и в философии, и в политике. Но затем, последовательно ознакомившись со всеми сферами его достижений, я понял, что человек, который везде сразу, – он нигде.

У меня был опыт одновременного начинания диссертации вместе с романом «Машина тишины». Долгое время эти тексты шли параллельно: на одном я «отдыхал» от другого; во время серьезной научной работы скапливалось много дурных и шальных мыслей, которым я давал «оторваться» в романе. Но в итоге диссертация победила, и «Машина тишины» была брошена.

В литературе отдаешься тому, что пишешь, полностью, безо всякой возможности критически отнестись к тому, что ты делаешь, при максимальной предвзятости к тому, как ты это делаешь; в философии, напротив, размышления над тем, что ты говоришь, зачастую оставляют в тени для тебя самого, как ты говоришь.

– **Не слишком ли ты нагружаешь себя, ведь ты еще и собираешь ежегодно поэтический фестиваль «Дебют-Саратов»?**

– Наш клуб собирается уже пять лет, изначально это было человек четырнадцать молодых поэтов. Почему именно поэтов? Клуб был задуман не только как организация по интересам, но и как площадка для выступлений. Читать стихи публично куда проще, чем прозу. Кроме того, в Саратове, да и не только, большие проблемы с прозой. Со стихами тоже проблемы, но с прозой хуже. Пишут люди про компьютерные игры, про любовные переживания, пишут детективы, но почти никто из пишущих прозу не удосуживается читать некоммерческую литературу, с которой покончено на школьной скамье. Говорят, не читают «других», чтобы не потерять своей «оригинальности», не замечая, что такая «оригинальность» как две капли воды похожа на все прочие.

Но у нас находятся очень внимательные и начитанные ребята, идеальные слушатели и, возможно, иногда даже собеседники. Когда мы были готовы к первому большому вы-



**Михаил
Богатов**

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ступлению в городском масштабе, нас вызвался поддержать московский поэт Виталий Пуханов и с ним несколько человек. «Несколько человек» оказалось восемнадцать. Первый фестиваль шел несколько дней. В этом году готовим уже четвертый.

Зачем это нужно мне? Это опыт моей жизни, которая одна, и другой пока не обещали. Если что-то и делается в ущерб себе (в финансовом смысле), то ведь дело не в деньгах, их с собой никуда не возьмешь, когда жизнь закончится. Это общение с людьми, которые родственны тебе по духу. Видя других пишущих, перестаешь воспринимать себя с луны свалившимся человеком.

– **Чем сейчас занят Михаил Богатов?**

– Готовлю книгу стихов, работаю над романом «Отче наш». Читаю лекции. Между делом работаю над рубрикой «быть интересным папой для своей дочери Алёны», которой скоро уже шесть лет. Живу, интересуюсь и люблю. ❏

БЕСЕДОВАЛ ИГОРЬ САВЕЛЬЕВ

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

«Болота Белоруссии превращаются в цветущий край», – рассказывала «Правда» своим читателям в июне 1941 года. Вся страна пела «Если завтра война, если завтра в поход...», но ни к войне, ни к походу оказалась катастрофически не готова.

Накануне самой кровавой войны в истории страны ее главную газету больше всего занимали подписка на заем третьей пятилетки, сев яровых, укрепление партийного руководства всеми сторонами жизни страны и досрочное выполнение полугодового плана производственниками. Ну и осушение болот, да.

Июньская «Правда» 1941 года – очень благостная газета. Никаких тебе жестоких проработок профессионалов, отклоняющихся от партийной линии, как в 1936-м. Никаких «кровавых псов» и врагов народа, как в 1935-м. Никаких шпионов, как в 1937-м. Никакого милитаризма, как в 1939-м. Тишина и спокойствие, радостная летняя жизнь и созидательный труд.

ЦВЕТУЩИЙ КОВЕР

Начало июня: дан старт экспедиции пионеров и школьников на изучение родного края. Пущен первый советский тепловоз. Открывается станция метро «Автозавод имени Сталина». Река Чу пошла по новому руслу, в Кировабаде появился новый мост имени Берии, а вокруг Минска – зеленое кольцо. Бакинские нефтяники первыми в стране выполнили полугодовой план добычи нефти. Открылась ВСНХ – будущая ВДНХ/ВВЦ. «Празднично разодетая, шумная толпа медлен-

но движется по аллеям выставки, обрамленным изумрудными газонами и лиловыми коврами цветущих виол». Особое внимание публики привлекают павильоны новых республик: Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии и Карело-Финской ССР.

Начался летний курортный сезон. Начальник главного курортного управления Репников сообщает: «Все всесоюзные здравницы открыты и полностью работают. На юге стоит устойчивая теплая погода». Журналисты «Правды» отчитываются: на курортах Рижского взморья появились трудящиеся Латвии, которые «недавно еще не могли мечтать попасть сюда». «В Ялте открыт летний кинотеатр на 500 мест». «Летом в Крыму будет гастролировать Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски СССР».

Из номера в номер газета рассказывает о приеме в вузы, госэкзаменах, выпускных экзаменах в школе. Объявляет прием в аспирантуру МГУ (на специальности история, политэкономия, исторический и диалектический материализм, основы марксизма-ленинизма, математика, физика, зоология, ботаника, география). На одной правдинской фотографии с удовольствием позируют на фоне цветущего сада выпускники-отличники московской школы №201, а ее директор Кириков и ученик Леня Камский «рассматривают цветочные почки яблони». Вскоре на фронт ушли 160 выпускников этой школы, в том числе Зоя и Александр Космодемьянские.

СУЕВЕРИЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МОРАЛЬ

В кинотеатрах идут «Закройщик из Торжка», «Фронтвые подружки», «Первопечатник Иван Федоров», «Майская ночь». В московском цирке выступают «Донские казаки». Программа радио за один июньский день включает в себя лекцию по истории СССР, очерк «Председатель колхоза», четыре концерта (среди них – Штраус для детей и самодеятельность Тульского оружейного завода), лекцию профессора Кирхенштейна «Витамины в борьбе с инфекциями», чтение лермонтовской «Бэлы» и монтаж по шекспировской трагедии «Ромео и Джульетта».



ИТАР-ТАСС

Страна широко и торжественно отмечает пять лет со дня смерти Горького и столетие со дня гибели Лермонтова. На памяти у всех еще один юбилей – Пушкинские дни 1937-го, совпавшие с началом массовых репрессий. Юбилей смерти долго еще потом считались дурным предзнаменованием.

Еще более дурным знаком люди суеверные сочли новость от 19 июня: в Самарканде вскрыли гробницу Тимура. «В гробу обнаружен скелет, по которому было установлено, что одна нога погребенного короче, нижняя чашечка правой ноги срослась с нижним эпифизом бедра», – сообщает газета. В Средней Азии говорили, что ученые выпустили из гробницы дух войны.

Разумеется, «Правда» с предрассудками не считалась. Один из ее номеров приглашал читателей в Зеленый театр ЦПКиО на лекцию «Коммунистическая мораль». Интересен подбор лекторов: это знаменитый безбожник Емельян Ярославский и прославленный летчик Байдуков.

ПЕРЕДОВИЦЫ И ПРОБЛЕМЫ

Нет, разумеется, не все было благостно в СССР. Газета «Правда» грозно, но по-отцовски жучила провинившихся хозяйственников. Названия статей и передовиц говорят сами за

себя: «О зазнавшихся и отставших и о подлинно передовых», «Как много воронежские организации обещали и как мало делали», «Проблема лопаты в Сталинграде» (тракторный завод не выполняет план по топорам, ложкам, сковородкам и полукруглым лопатам), «Комбайны к уборке не готовы», «Против болтунов и бездельников».

Газета старательно, со вкусом копалась в подробностях выращивания кормов для животноводства, мер по повышению урожайности, сева яровых, очистки полей от сорняков. Обличала антисанитарию в Уфе. Обсуждала животрепещущие проблемы бесхозяйственности в совхозах Куйбышевской области, долгоносика и блошки на свекловичных плантациях колхозов Алейского и Рубцовского районов, бранила донбасскую газету «Горняк» за выражение «хорошисты учебы» («значит, должны быть плохисты?» – язвил правдист). Делилась интересным опытом председателя



ИТАР-ТАСС

совхоза «Безбожник» т. Грачева в разведении шампиньонов. Разбиралась в вопросах «культуры работы советского учреждения» и «насуточных вопросах советской архитектуры», возилась с сельскими агитаторами и призывала подписываться на Государственный заем третьей пятилетки. На заем, как следовало из правдинских статей, подписывались «с огромным воодушевлением» рабочие целыми производственными коллективами; жены дома брали их, что мало еще подписались, другие вон больше облигаций принесли (статья «Популярность нового займа среди домохозяек»); курортники оформляли подписку по телеграфу. Не отставали от них и жители новых советских республик. Народная артистка СССР певица Валерия Барсова рассказывала в длинной вымученной статье о том, как деятели культуры овладевают политграмотой в рамках подготовленного для них Домом работников искусств курса «Партия большевиков в произведениях искусств». Газетные площади уходили на унылую политическую трескотню: полполосы рассуждений о втором томе сочинений Ленина, бесконечные пассажи в устоявшемся уже, специфически советском стиле «важно, неграмотно и ни о чем»: «Задача воспитания трудящихся нашей страны в духе постоянной мобилизационной готовности, всемерного укрепления партийной и государственной дисциплины и мобилизации творческой активности масс для дальнейшего укрепления хозяйственной и оборонной мощности социалистического государства». Стиль пережил и войну, и перестройку и благополучно живет в

современном официозе: «всемерное укрепление» до сих пор благоденствует.

Четырнадцатого июня газета в своей передовице бранила летние лагеря за то, что они делают из детей барчуков, и уверяла: «Совсем иначе должно пройти лето 1941 года для тех школьников, которые нынешний год выедут в лагеря. Гимнастика, плавание, бег, военно-физкультурные походы – все это по-новому окрасит лагерный быт, сделает его иным, мужественным и интересным».

РЯД ИНТЕРЕСНЫХ ВОЕННЫХ ИГР

Вроде бы все помнят о «постоянной мобилизационной готовности». Но вот в 1939 году к войне население готовили всерьез: летчиками, танкистами и рассуждениями о возможностях зенитной артиллерии были забиты даже детские познавательные журналы. В 1941 году июньская «Правда» отличается каким-то невозможным, несоветским миролюбием; наш бронепоезд загнан куда-то на очень дальние запасные пути, а о подготовке к войне рассуждают в терминах, более приличествующих «Зарнице».

флот и авиация продолжали успешную борьбу против английского торгового судоходства» (сводка германского командования). «Английская бомбардировочная авиация продолжает операции против судоходства противника». Бои в Африке. Бои в Азии. Сирия, Африка, Гибралтар, Китай, мы тут ни при чем.

Введение в Лондоне карточной системы на готовое платье и обувь, продовольственные затруднения в Англии. Жертвы среди населения Дублина. Голод среди трудящихся Франции. Все равно, все спокойно, никаких оценок. Газета только информирует: вот Гитлер встретился с Муссолини в Бреннере, они несколько часов беседовали о политическом положении. Слово «фашистский» встречается, кажется, всего один раз, и то в нейтральном контексте. Заметка о речи Черчилля, под ней точно такая же по объему и содержанию заметка о речи Муссолини. Моя хата с краю, ничего не знаю.

Да, идет прием в военные училища, в специальных артиллерийских школах Москвы проходит выпуск, а в военные лагеря Н-ского соединения Московского военного округа приезжает партийное руководство. Специально для высоких гостей «были показаны наступление роты, усиленной артиллерией, на укрепленный рубеж, интересные конноспортивные соревнования, продемонстрированы вольные движения с винтовками, инсценирован штыковой бой».

Да, журналисты повторяют за интервьюируемыми командирами, что надо учиться тому, с чем придется встретиться в бою, и с восторгом описывают удивительную учебную инициативу – переправу танкистов через речку по срубленным бревнам. Да, постоянно повторяются заклинания «завтра в бой», но завтра это – уже буквальное завтра, а понимается до сих пор как гипотетически возможное. В Ташкенте сборы парашютистов, в Минске – призыв, «за последнее время был устроен ряд интересных военных игр», а большинство призывников – значкисты ГТО. В Киевском военном округе журналист посетил школу сержантов и нашел, что больных в лазарете нет: разве что один комсомолец принял душ потным и простудился... Да, «подразделения здесь учатся наступать и строить оборону, таящую в себе идею наступления», и звучит боевая тревога, и будущие сержанты уходят в ночь из благоустроенного и чисто подметенного лагеря под теплым морозящим дождем выполнять боевое задание... и не оставляет мысль о том, что с ними всеми будет в самом близком будущем.

АНГЛО-ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА

Неужели никто не видел, что происходит в мире? Кажется, «Правда» в июне 1941 года, как те три обезьянки в известной статуетке: не видела зла, не слышала зла и не говорила зла. Вся третья полоса газеты традиционно посвящалась международному положению; если читать эту третью полосу, не зная истории XX века, – нипочем не догадаешься, за что идет война и на чьей стороне симпатии газеты.

Профессор Боголепов пространно рассуждает об инфляции в воюющих странах, приводя выкладки и обличая мировой капитал; Германия, Англия и США здесь рассматриваются в одном ряду. На международной полосе есть большие рубрики, кочующие из номера в номер: «Военные действия в бассейне Средиземного моря», «Англо-германская воздушная война» – но и в них содержится скупая, сухая информация. Англичане оставили остров Крит, немцы заняли остров Крит. Англичане бомбили Германию, Германия бомбила Англию. «В мае германский морской

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

Номер газеты за 22 июня 1941 года был подготовлен накануне. Передовица была посвящена «народной заботе о школе». Темы номера – юбилей Марийской ССР, Пленум Ленинградского городского комитета ВКП(б) и Пленум ЦК Компартии Таджикистана. «Политотделы и территориальные парторганы», «Восстановление старого инструмента – большое хозяйственное дело», «Ослабили антирелигиоз-





ИТАР-ТАСС

ную пропаганду» (в Шарчинском районе Алтайского края). На Киев уже сыпались бомбы, а газета рассказывала, какой в городе открылся замечательный новый республиканский стадион. Стадион этот действительно должен был открыться 22 июня матчем киевского «Динамо» и московского ЦСКА. Один из динамовцев, Константин Щегоцкий, вспоминал, что побегал, узнав о войне, в гостиницу, где жил знаменитый комментатор Вадим Синявский: «Вадим лежал на подоконнике и кричал в телефонную трубку: – Бьют зенитки! Мимо... Вот, кажется, попали... Опять мимо!..»

Часть команды киевского «Динамо» осталась в оккупированном Киеве и была расстреляна гестапо.

Первый военный номер «Правды» вышел 23 июня – с портретом Сталина. «Шапка» на первой полосе гласила: «Фашистская Германия совершила разбойное нападение на Советский Союз. Наша доблестная армия и флот и смелые соколы советской авиации нанесут сокрушительный удар агрессору. Правительство призывает граждан и гражданок Советского Союза еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг Советского правительства, вокруг нашего великого вождя – тов. Сталина. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Указ о мобилизации. Указ о военном положении. Указ о военном трибунале.

«Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападением зазнавшихся врагов». «Советский народ раздавит фашистских псов».

С 23 июня в «Правде» публикуются сводки – сначала главного командования, потом Информбюро. Понять из них, каково реальное положение дел, очень трудно: «После ожесточенных боев противник был отбит с большими потерями, – гласит первая сводка. – Авиация противника атаковала ряд наших аэродромов и населенных пунктов, но всюду встречала решительный отпор наших истребителей и зенитной артиллерии, наносивших большие потери противнику. Нами сбито 65 самолетов противника». До конца июня, до последних дней приграничных боев, в сводках будет значиться «успешно отбиты», «прочно удерживаем позиции», «вели успешную борьбу»,

«авиация нанесла ряд сокрушительных ударов», «все попытки противника прорваться были пресечены с большими для него потерями».

В первые дни войны газетные полосы наполнены отчетами о митингах трудовых коллективов: трудовые коллективы обещают громить врага и работать по-стахановски до окончания войны. Появляются стихи – сначала Суркова, потом Асеева. Стихи нехо-роши, особенно асеевские:

*Чтоб эти кровавые руки
Детей не пугали в ночах,
Чтоб ихней звериной науки
Погас зараженный очаг.*

ГРОЗНОЙ ЛАВИНОЙ

Шок был настолько велик, настолько все лишились дара речи, что в первые военные дни газетные страницы полны готовых формул и шаблонных заклинаний: «самоотверженным трудом обеспечим», «стахановским трудом поможем Красной армии», «с каждым днем нарастает могучий производственный подъем», «с усиленной энергией продолжим работу на полях», «грозной лавиной двинулся советский народ на защиту Отечества»...

Среди немногих человеческих слов – впечатления Кассиля от военной Москвы. Писатель замечает очереди у магазинов: «обыватель из боязливых, вспомнив забытую привычку запастись, засуетился у дверей продмагов» – обывателей стыдят другие граждане. В целом в городе царит ощущение сосредоточенного и строгого спокойствия», и даже «в трамваях люди были сегодня как-то особенно предупредительны, словно все стали друг другу дороже, объединенные одним глубоким, во все сердца проникшим стремлением». Жены поступают на заводы на места ушедших мужей. Отпускники возвращаются из отпуска – кто к станкам, а кто и на призывные пункты, в которые превращаются пустующие летом школы. Начинаются ночные воздушные тревоги – в Москве пока учебные.

В конце июня в «Правде» появляются отчеты о первых приговорах военного трибунала: пьяница, забывший о светомаскировке и сопровивлявшийся дружинникам, приговорен к десяти годам лишения свободы, комендант заводского общежития, не обеспечивший светомаскировку и песок для тушения пожаров, – к пяти.

Раздел, посвященный международному положению, тоже изменился: теперь в нем

статьи идут под общим заголовком «Под игом фашистской оккупации». «В оккупационных странах растет ненависть к поработителям». «Фашизм – враг культуры». «Зверства гестапо в Польше». «Режим фашистского террора и гнета». «Мировая буржуазия и ее озверелый пес – кровавый фашизм». «Правда» обильно цитирует речь Черчилля по радио: нападение на Россию – поворотный пункт войны, подготовка к нападению на Индию и Китай, прелюдия к вторжению на Британские острова.

Теперь жителям страны будут много и подробно объяснять, с каким врагом они имеют дело, – клише и заклинания скоро уступят место леденящим душу свидетельствам, для которых не нужно громких слов.

«Правда» охотно публикует воззвания немецких перебежчиков, в том числе рабочего Альфреда Лискофа, который накануне войны перешел линию фронта, чтобы предупредить Советы о нападении Германии.

Появляются первые фотографии с фронта: артиллерия и танки на марше, летчики энской авиачасти получают задания. Появляются новые учебные фильмы: «Как помочь газотравленному», «Светомаскировка жилого дома», «Создадим защитные комнаты», «Индивидуальный санхимпакет», «Простейшие укрытия от авиабомб», «Умей предохранить пищу от отравляющих веществ».

Скоро первый шок пройдет. Война поползет по стране. Начнутся бомбежки Москвы, появятся первые свидетельства с оккупированных и затем отбитых назад территорий: немцы изнашивали и расстреляли женщин, забросали гранатами детей...

Теперь для горя и ярости найдутся слова, и не только издеваться над кровавыми псами фашизма будет газета, но и каждый день напоминать читателю: мы – люди. Мы боремся за жизнь, за культуру, за гуманизм, за человеческие ценности. И уже не только к «всемерному укреплению» и «теснейшему сплочению» будет призывать «Правда» – а скажет симоновскими строками:

Жди меня, и я вернусь, только очень жди.

Теперь газета будет изо дня в день рассказывать о буднях страны, трудно собирающей силы для ответного удара. В ней появятся прекрасные публицисты, лучшие писатели и хорошие поэты. Ее корреспонденты будут отступать с нашими войсками и наступать с ними, а иногда и сражаться рядом. Одни погибнут, другие дойдут до Берлина, а потом расскажут читателю о Нюрнбергском процессе.

И на несколько военных лет это станет очень живая, очень человеческая газета. 

«ЗДЕСЬ ЖИЗНЬ СЧИТАЮТ СЕКУНДАМИ...»

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ, ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ПРОФЕССОР

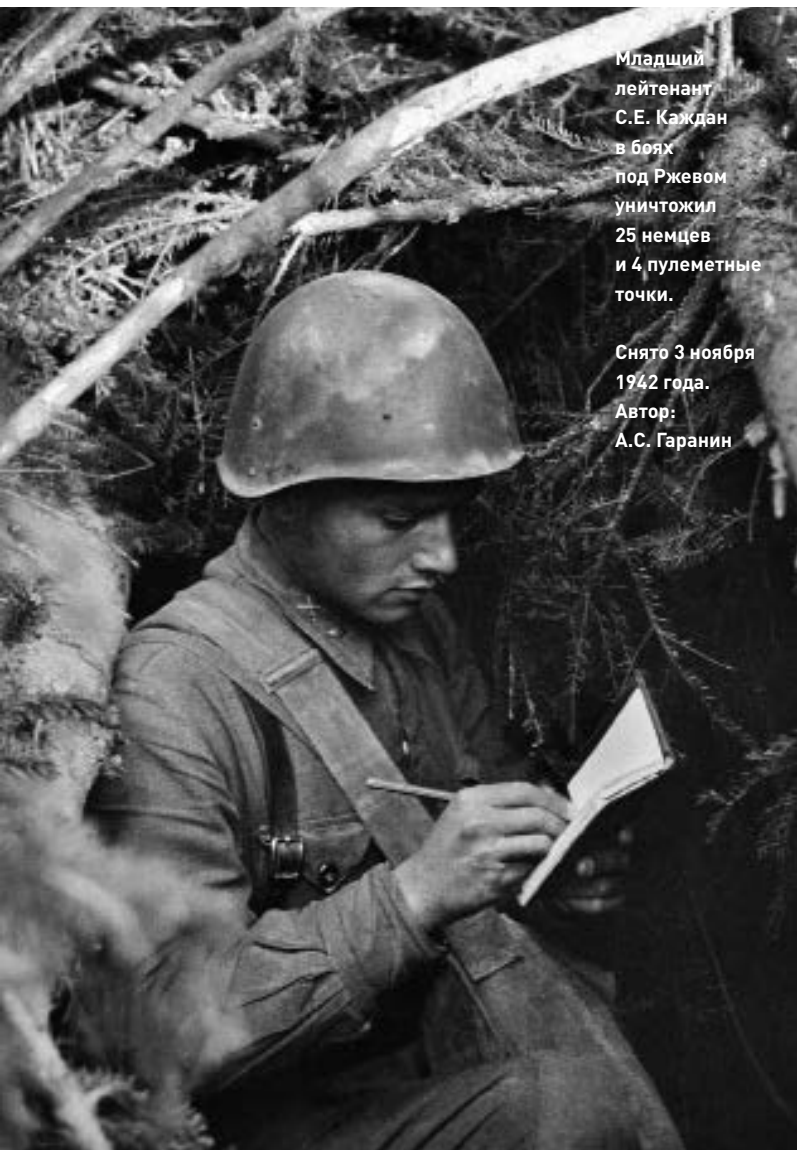
Десятки тысяч писем с фронта
собраны в архивах России.
Вероятно, не меньше писем
хранится в качестве реликвий
и в российских семьях.

Часть из них опубликована. Это выборка полутора-двух тысяч фронтовых писем из миллионов посланий, написанных в годы Великой Отечественной войны. Особо ценны письма, написанные в июне–июле 1941 года, до создания военной цензуры (6 июля 1941 года). В письмах этого времени – злая правда войны. Так, рядовой М.И. Невструев 13 июля 1941 года, когда деятельность цензуры еще не была налажена, сообщал жене немислимые позже для фронтовых писем подробности: «Я тебе писал раньше, что мы стояли на границе в 6 километрах, а теперь отошли назад, так как немец занял уже город Опочку и теперь движется по направлению к Ново-Ржеву, и мы от Опочки сейчас находимся в 40 километрах. Так вот, видишь, как будто дело не совсем как охти важное – у него очень хорошо работает артиллерия и авиация, а мы на фронте своих самолетов совсем не видим, людей оставляем на поле боя». Письма Великой Отечественной – это целое явление ее истории, относящееся одновременно к пониманию человека на войне и к пониманию человека в тылу войны. Современный, не искушенный читатель, возможно, скептически покачает головой: большим разнообразием письма не отличаются, хотя индивидуальность авторских характеров просматривается. Разведчик Н. Евдокимов в письме к родителям 15 мая 1943 года эту особенность охарактеризовал так: «Если посмотреть на всю мою и моих товарищей жизнь за весь период войны, то эти жизни с внешней стороны так похожи одна на другую, а с внутренней нет. Каж-

дый живет своим, каждый выберет хотя <бы> одну минуту, чтобы подумать о чем-то ему дорогом». Вероятно, причин этому несколько.

Во-первых, экстремальность ситуаций, в которых написаны письма (районы боевых действий, госпитали и т.д.). Вот что писал шофер-фронтовик А. Измайлов в декабре 1943 года некоей Ольге: «Оля, вспоминаются все знакомые и даже незнакомые в те минуты, когда сидишь в землянке и перед тобой нечаянно найденная чернилка и заржавленное перо, рука так и тянется чиркнуть кому-нибудь. После того, как ручку не держал в руках более полугод, буквы прыгают, как пьяные». Во-вторых, разный уровень образованности авторов, часто не позволяющий письменно изложить весь спектр чувств и переживаний. Это, в частности, проявлялось в несоответствии больших обещаний рассказать о чем-то судьбоносном в начале писем и скромным их основным содержанием. Формулы «Сообщаю о себе... Но больше писать нечего» очень распространены и свидетельствуют об отсутствии привычки у авторов пользоваться пером. В-третьих, самоцензура не позволяла авторам откровенно писать об увиденном и пережитом: «нельзя все описывать» – эта формула с небольшими вариациями рефреном проходит через большинство писем. Гвардеец-артиллерист П.Ф. Болмосов, вероятно, очень хотел бы поделиться боевым опытом со своим отцом, но в письме к нему, проявляя «военную хитрость», сообщает: «Папа, Вы пишете, что интересно знать, на какой артиллерии я бью фашистов. Папа, я тебе одно могу прописать, что я могу работать на всех видах артиллерии. Папа, но я работаю не в тяжелой и не в легкой, но часто бываю на прямой наводке и бываю <в> нескольких километрах от переднего края». Попробуй отец, а заодно и враг, по этим словам догадаться, что автор письма «работает» на «катюше». В-четвертых, часто для авторов фронтовых писем был куда важнее сам факт переписки с кем-либо. Неслучайны поэтому многочисленные случаи организованно инициированной переписки. Например, 10 января 1943 года лейтенант В.Н. Гаврилов обратился к первому секретарю Тамбовского горкома ВЛКСМ К.Е. Киринос: «В нашем

подразделении есть два комсомольца, территория которых оккупирована немецкой нечистью, и данные товарищи совсем не получают писем. А здесь, на передовой, получить письмо – очень, очень большая радость. Поэтому прошу Вас поручить девушкам школы или техникума черкнуть пару слов, а каких – Вы им скажите». Были и личные инициативы. Так, рядовой П.В. Санин через первого секретаря Тамбовского обкома ВЛКСМ писал тамбовчанкам: «Товарищи девушки-комсомолки, дайте же мне весточку, бывшему вашему тамбовскому комсомольцу. Напишите мне хоть пару строчек, ведь так трудно без ваших писем в дни наших сражений. Не все же вы заняты перепиской со своими знакомыми фронтовиками. Есть же и из вас как и я, не имеющий переписки».



Младший лейтенант С.Е. Кargin в боях под Ржевом уничтожил 25 немцев и 4 пулеметные точки.

Снято 3 ноября 1942 года.
Автор:
А.С. Гаранин

ВОЕННИКОФОРМ

Фронтовые письма отчетливо делятся на три разновидности. Первая, самая многочисленная, – персональные письма персональным адресатам: родным, близким, знакомым. Вторая – персональные и коллективные письма в партийные, советские, комсомольские организации. Третья – коллективные письма с фронта родным и близким фронтовиков. Увы, практически неизвестна переписка фронтовиков друг с другом.

Каждая из разновидностей этих писем имеет свой, отличный от других формуляр. Формуляр первой разновидности фронтовых писем включал несколько устоявшихся элементов. Во-первых, обращение автора к адресату в очень торжественной, основательной форме. Например: «Добрый день, многоуважаемая супруга Мотя. Во-первых строках своего письма спешу уведомить Вас, что я в настоящее время нахожусь жив и здоров. Того же и Вам желаю – всего наилучшего в Вашей дальнейшей жизни – и шлю я Вам свой супружеский привет». Или даже в поэтической форме, явно стандартизированной и распространенной: «Добрый день или час! Что делаешь, Маня, сейчас? Брось думать и мечтать, начинай письмо читать!» Второй элемент очень часто представлен информацией о погоде и окружающей природе в момент написания. Третий – сообщение о состоянии автора письма (жив, здоров, находится на лечении и т.д.). Четвертый элемент – приветствия односельчанам, родственникам, знакомым. Пятый состоял из бытовых просьб и предложений. Шестой элемент – пожелания получения ответа и продолжения переписки. Седьмой – сознательная и бессознательная передача фактов фронтовой повседневности. Восьмой – просьбы сообщить о судьбах близких и знакомых. Девятый элемент – подпись автора письма. Десятый – своеобразные экзотерические размышления авторов. Формуляры второй и третьей разновидности фронтовых писем были похожи, включая – с разной последовательностью – торжественные обращения к партийным, комсомольским, советским адресатам с выражением верности идеям партии и действиям советского руководства; сообщения о подвигах и заслугах; предложения и просьбы; заверения в неизбежности

Разведчики
артчасти
командира
Абрамова.
На снимке:
начальник
разведки
лейтенант
И.Р. Блохин
(справа) и
разведчик
Хенифи Жама-
летдинов.

Снято в райо-
не Воронежа
в августе 1942
года. Автор:
С. Фридлянд



ВОЕНФОРМ

Победы и жертвенном вкладе ради нее авторов писем; коллективную или индивидуальную подписи.

Эти три – а фактически два – типа формуляров документов войны на самом деле отразили два класса документов: документы неофициального (личного) происхождения и документы фактически официального происхождения (последнее подчеркивалось указанием на воинские должности и звания).

«КАК ПОКОНЧИМ ЖИЗНЬ ФАШИЗМУ...»

Жить и выживать без любви и преклонения перед кем-то или чем-то человеку, тем более находящемуся в условиях войны, невозможно. Да, конечно, такой идеал – это Родина. Фронтовик знает, что она большая, верит, что она могучая и справедливая. Но в своем подавляющем большинстве он ее не видел – разве что в пределах родного города, в округе села и деревни. Фронтовик понимает, что защищает большую Родину от реальной угрозы, но для него куда понятней защита той жизни, которой он жил до войны. А она была не то чтобы одинакова, но все же похожа в своих проявлениях

социализма. И потому – более или менее понятна.

Поэтому во фронтовых письмах мы часто видим не подверженное даже тени сомнения понимание Родины как родного своего дома. Здесь практически нет риторики, связанной с защитой советского строя. Дом как связующее звено с прошлой жизнью фронтовика, как некий светлый символ его прежней жизни является главным помыслом авторов писем. Из письма рядового Ф.П. Чернобровкина матери 26 августа – 6 сентября 1941 года: «Мамаша, как покончим жизнь фашизму, тогда я приеду домой, к вам приеду повидаться. Обратно встренусь с вами, повидаемся, посидим за столом, обратно соберемся все вместе, все братья, сестра». О доме вспоминает и младший лейтенант В.П. Савиных в письме сестре от 24 августа 1942 года: «Вот

прогоним фашистов с нашей земли, расплачусь. Буду жениться, обязательно тебя в сватьи устрою. Только уж жену, Тоня, подыщи такую: роста среднего, не толстую, не тонкую». 8 апреля 1943 года разведчик В.П. Баранов написал любимой девушке: «Сегодня я получил твое письмецо. Оно сразу напомнило мне родной дом, друзей и десятки картин

из моей прошлой жизни. Что может быть роднее воспоминаний о прошлом для человека, шаг за шагом освобождающего свою землю от проклятых врагов? Представь себе хмурое небо, мелкий дождь, злой посвист ветра, степь, траншею, в которой я нахожусь, и тебе станет ясно, почему я так любовно говорю о прошлом». Корреспондент фронтовых газет, младший командир одной из боевых частей С.И. Голованов в письме родным 17 августа 1944 года отмечал: «Из Тамбова моим товарищам пишут, что там идут дожди. Это, конечно, плохо в период уборки урожая. Здесь стоят туманы, с Карпатских гор дуют холодные ветры. В чужой стране всегда холодно. Как хочется увидеть родные края!»

Авторы писем знали, что жизнь до войны дома была далеко не сладка, а во время войны – и того горше. Но мечта о возвращении, о встрече с родными постоянна и неизменна. Курсант Н. Прищепа в письме близким 11 марта 1944 года пишет: «За меня вы меньше всего беспокойтесь, больше думайте про свое здоровье и как бы лучше вам прожить. Только молитесь Богу, чтобы я остался в живых, то тогда повстречаемся и <вспомним> о многом прошлом, что встречалось в вашей и моей жизни». «Ну, ничего, папа, только бы живым остаться и с родными увидеться», – пишет гвардеец-артиллерист П.Ф. Болмосов своему отцу 29 июля 1944 года. Минометчик Г.И. Агеев в письме жене и дочерям 12 июля 1943 года: «Катя, как я соскучился без вас, без своих доченек. Наверное, они теперь стали большие. Как я с ними поговорил бы, и они теперь носили бы мне завтрак на покос. Доченьки мои милые, отпишите, наверное, вы ходите за ягодами и за грибами. Пишите письма, пока жив». Красноармеец А.П. Кондарев в письме жене 25 ноября 1941 года пишет: «Эх, Тонька, всему виною Гитлер, сволочь. Но придет тот день расплаты, дорого ему придется платить за нашу кровь и молодую жизнь, уничтожим гадину, а тогда опять цветы, опять любовь, опять молодая жизнь вернется, по-старому настанут наши времена».

Фронтовик хочет знать все о доме, поэтому жалобы о нерегулярности получения писем из тыла постоянны. В апрельском письме 1944 года сапер Б.П. Крючков пишет сестре: «Люба! Передай папе, маме и Вале большой привет. Я обижаюсь на них за то, что не пишут. Быстрее и чаще пиши.

Письма – это для меня то же, что для вас хлеб». В следующем письме, уже после получения ответа на предыдущее, он признается: «Я сейчас пока жив и здоров, живу ничего, хорошо. Но только одним плохо, что мало получаю от вас писем. Я их жду каждую минуту, каждый час. А какая для меня радость, если я получаю от вас письмо! Все письма, полученные от вас, я берегу у себя в планшете и в свободную минуту перечитываю их по несколько раз». Рядовой О.С. Грибков в письме сестре в январе 1945 года настаивает: «Дорогая Светланочка, я тебя уже несколько раз просил описать мне жизнь Моршанска, стоимость продуктов и вообще всю жизнь. Опиши мне также жизнь и дела в школе, кто остался из старых учеников, учителей и т.д.».

«...МНЕ ДЕНЬГИ АБСОЛЮТНО НЕ НУЖНЫ»

Там, где дом, – там любимая женщина, отец, мать, дети. Тревога за их благополучие – тоже своеобразная защита дома. «Клава, 18 сентября я послал тебе денег 300 или же 350 руб. – я уже что-то забыл, а также посылал тебе и в августе, но не знаю – получила ли ты их или же нет. Клава, сообщи, получаешь ли ты деньги по аттестату, и вообще как у тебя в материальной жизни», – тревожится в письме жене старший лейтенант И.И. Аверин. Ровно через год после начала войны сержант И.И. Бобров пишет своим близким: «Вчера еще вам послал 300 руб., как получите, так напишите, чтобы я не сомневался. Каждый месяц я буду переводить вам, сколько могу, может быть, хоть эти мизерные средства составят вам кой-какую материальную помощь. А мне деньги абсолютно не нужны. Покупать здесь нечего. В лесу нет ни магазинов, ни ресторанов, одни только комары...» Сначала курсант, а затем фронтовой лейтенант Н.П. Никитин, получавший во время учебы в тылу от матери денежные переводы и посылки, теперь уже сам ей помогает (27 ноября 1943 года): «Мама, я тебе послал деньги – 1200 руб. Это моя зарплата за два месяца, себе оставил 140 руб. на уплату членских взносов да так кое-куда... И в следующие месяцы буду тебе посылать или же пришлю аттестат, мне здесь их некуда девать, а ты что-нибудь купишь». А красноармеец М.Т. Экемекин в письме жене 1 мая 1942 года деловито советует: «Марина, случайно, если будет подходить близко немец, то устройте убежище в таком виде, за вишнями: длина убежища 4,5 метра, ширина сверху 1,75 метра, снизу 1,25 метра, глубиной 1,5 метра и настлать потолок, покрыть землей, с одного конца проход». Фронтовик А.В. Аляев 25 марта 1945 года сообщает жене: «Настюш, я тебе послал посылку 5 килограмм

«ФРОНТОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

«Без крови сражений не бывает», – меланхолически, но жизненно точно определил автор одного из фронтовых писем трагическую реальность войны. Тяжелейшая миссия – сообщать родным о гибели дорогого им человека. Иногда это делалось после предварительных подготови-

(в общем, хорошие ботинки хромовые – мне хороши и тебе будут по ноге, ноги у нас с тобой одного размера). Еще я тебе послал 4 метра белого материала и одну наволочку на перины. Хотел послать мыла и сахарку – было больше 5-ти килограмм, пришлось все это вынуть обратно». Полковник С.Г. Николаев в письме жене из-под Вены 10 ноября 1945 года беспокоился: «Получили ли вы в посылке двое часов? Не поломались ли они? Доволен, что Оле подошло пальто. В следующий раз подробно пиши, что получаешь в посылке». А командир 136-го танкового полка, сформированного на деньги тамбовских колхозников, подполковник Шапарь, почему-то в секретном письме 24 февраля 1944 года на имя первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) И.А. Волкова просит «разрешения преподнести от танкистов танковой колонны «Тамбовский колхозник» подарок – 2–3 немецких сельскохозяйственных трактора... марки «Папотад»...».

Там, где дом, осталась надежда на возможную, но из-за войны не успевшую состояться любовь. Старший лейтенант А. Лагуткин 3 сентября 1943 года писал любимой: «Будем твердо верить в нашу встречу. Ведь не всем же погибать на войне. Ты меня понимаешь? Поэтому не впадай в крайности и верь в нашу будущую встречу!» О том же мечтает и лейтенант Л.С. Шалаев в письме своей девушке от 23 мая 1944 года: «Я надеюсь, что ты сохранишь эту любовь, и когда наступит тот час, когда мы встретимся с тобой, чтобы от той великой радости и счастья я бы мог взять тебя на руки, как дорогое достояние, и расцеловать, как любимую, дорогую подругу жизни». 1 апреля 1945 года старшина А.И. Сазыкин пишет своей возлюбленной: «...разрешите сообщить о том, что я когда уходил, прощались с Вами, у меня сердце ныло, и слезы навертывались. Так жалко было расставаться, как будто Вы меня приворожили, хотя Вы не верили, что я Вас люблю. Надя, еще раз напоминаю о том, что я Вам никогда не изменяю и в дальнейшем верным <буду>, если Вы согласны, чтобы Вы были моей законной женой».

Там, где дом, там жизнь – тяжелая, голодная, но напоминающая довоенную. «Надюша, поздравляю тебя с окончанием десятилетки и желаю, если есть возможность, поступай в институт. Я тебе советую продолжать учебу, несмотря ни на какие трудности», – пишет сестре 15 июля 1943 года лейтенант С.П. Емельянцева. Санитар В.Н. Кожевников в письме дочери 29 августа 1941 года столь же трогательно заботлив: «Ты должна понять, что из детских лет ты вышла и следует взяться за ум как следует. Твое незаконченное образование ничего в жизни не даст. Надо не упускать момента и, пока есть возможность, пополнить его, получив какую-либо специальность, которая бы обеспечивала тебя в будущем».

тельных слов. «Любимый товарищ» погибшего фронтовика А.В. Аляева 12 июля 1945 года так сообщает его жене о смерти друга: «Вы, Настюха, дорогая Настенька, спрашиваете меня, чтобы я Вам прописал подробнее про Вашего мужа Аляева Андрея Васильевича. Я Вам врать не намерен в том, что он мой любимый товарищ. Настюха, погиб он в боях за Родину прямо на моих глазах, а почему не сообщает долго военная часть, я не знаю в чем дело. Но ты нам поверь, как своему родному мужу. Я Вам врать не буду, Настя». Письмо Героя Советского Союза В.Г. Тихонова и батальонного комиссара Шмелева вдове погибшего летчика В.И. Лахонина содержит обстоятельный рассказ о боевых подвигах Лахонина и только после этого не столько извещает, сколько констатирует: «Все мы тяжело скорбим, не веря в то, что Вениамина Ивановича больше нет с нами, но каждый из нас приходит к одному и тому же знаменателю, что «война есть война» и она без потерь не обходится... Памятуйте о том, что «лучше быть вдовой героя, чем женой труса». «Фронтовая дипломатия» просматривается и в письме командира роты Т.Я. Сергиенко в действующую армию отцу погибшего красноармейца В.В. Грязнова: «Здравствуй, дорогой отец Василия Грязнова! Прими массу наилучших пожеланий в Вашей красноармейской жизни, желаем Вам побыстрее окончить эту войну и счастливо возвратиться на родину. Данным письмом я хочу Вам известить весьма неприятную новость, а именно: Ваш сын, как взрослый мужественный герой, сражался с фашистскими захватчиками, он был верный до конца воинской присяге. 13 марта 1945 года пуля немца оборвала ему жизнь... На этом заканчиваю свое печальное письмо». Командир некоего подразделения А.Т. Лисунов начинает свое письмо сестре погибшего бойца А.Г. Попова с пожелания «наилучших успехов в Вашей дальнейшей молодой жизни», а далее продолжает: «Маруся, но наша жизнь, по-видимому, Вам известна. В настоящее

время находимся на территории Германии. Вот наши в основном успехи. Маруся, но в основном, что я хочу Вам в своем письме сообщить, это печальную весть о Вашем брате. Ваш брат в боях за Родину погиб 6.10.1944 года. А пока до свидания...» И это все. Без слов сочувствия, без хотя бы какого-то намека на обстоятельства смерти. Суровое время, фронтовая жизнь и, вероятно, цензура не всегда позволяли тратить время на сантименты.

А вот похожее на удар молота по наковальне сообщение неизвестного командира подразделения морской разведки матери погибшего на Ораниенбаумском плацдарме разведчика И.Н. Семенова от 5 июля 1943 года: «Дорогая мать, мне очень трудно писать эти слова, ваш сын Семенов Иван, а мой друг и боевой товарищ, с которым вместе мокли под холодным осенним дождем, вместе мерзли в суровые декабрьские ночи в окопах, с которым радость и горе делили пополам, он, Ванюшка-орденоносец, погиб». Письмо фронтовика Н.Д. Рязанова подруге своего однополчанина П. Журавлева В. Галкиной беспощадно своей суровой обыденностью: «Отвечаем на Ваш запрос. Ваш друг и знакомый Журавлев Петя погиб смертью храбрых в борьбе за советскую Родину против фашистских захватчиков 4.04.45 года. Был у нас в части п.п. 35617». В. Дубинин, однополчанин погибшего Я.И. Яковлева, после сообщения его вдове о смерти мужа и вовсе советует: «Конечно, переживать не следует. Нужно учесть, что сейчас война с презренным германским фашизмом не на жизнь, а на смерть».

Но не все «похоронки» были столь суровы. Е.П. Подшибякина в письме матери погибшего фронтовика В.П. Савиных от 27 августа 1943 года смогла найти слова соболезнования и сообщить детали: «Здравствуйте, дорогая, незнакомая мамаша Володи Савиных! Хотя и неприятная новость, но все же приходится сообщить. Сегодня, 27 августа в 10.20 ч. от вражеской пули скончался Ваш сын Володя... Весь наш коллектив искренне сожалеет Вам о потере такого хорошего сына. Не беспокойтесь, дорогая, не волнуйтесь и не расстраивайтесь. За него мы отомстим врагу!» Боевой товарищ комсорта полка А.М. Илькова А. Серегина писала его отцу 3 января 1944 года: «Матвей Иванович, то, что я хочу Вам сообщить – это и для Вас и для меня большое горе. Ваш сын Леша был тяжело ранен в правое бедро... Наши врачи, как ни старались спасти ему жизнь, <не смогли>, все же смерть в этом случае оказалась сильнее. Дорогой Матвей Иванович, с Лешей мы были хорошими товарищами... и я знаю, что Вам это горе перенести очень трудно, но что же, дорогой, ведь ничего не поделаешь».



ВОЕННИКОРМ

«ВРЯД ЛИ УВИЖУСЬ С ВАМИ»

Дух жертвенности, мщения и фатализма пронизывает многие письма фронтовиков. Рядовой Е.И. Жуков в письме родным 1 мая 1942 года обещал: «Я вспоминал, что у меня нет больше брата Феди, что я больше не увижу его. Да... Жалко и жалко. Но ничего не сделаешь. Пускай и я погибну на фронте, но я отомщу немецким гадам за своих братьев». Командир минометной роты Н.Н. Аршинов 18 июля 1942 года обещал своей жене: «Основное, моя дорогая, не думай, что я струшу перед врагом и что покрою тебя позором. Мои традиции –

умереть, не отступая, и я показал себя в боях неплохо». Известный приказ Сталина «Ни шагу назад» пулеметчик В.П. Назаров в письме родственникам 5 августа 1942 года прокомментировал так: «Сейчас до последней капли крови следует отстаивать каждую пядь родной земли, и, кто будет отступать, – боец ли, командир ли – будет расстреливаться своими как изменник Родины... враг забрал уже немало на-

Санитар Са-
дык Гайфулин
под огнем
врага оказы-
вал помощь
раненым.

Снято 19
сентября 1942
года на Запад-
ном фронте.
Автор: А.С.
Гаранин

В обороне на харьковском направлении боец В. Орлик и пулеметчик А. Кушнир отражают наступление врага.

Снято 5 августа 1942 года на Юго-Западном фронте. Автор: А.С. Гаранин



ВОЕНИНФОРМ

шей территории, а вместе с этим и населения... Теперь одно: иди вперед, пусть погибнешь, но честно, иначе как трус же будешь убит своими же товарищами». Сержант И.И. Бобров в сентябрьском (1942 г.) письме родителям общее состояние фронтовиков передает так: «Здесь жизнь считают минутами, она измерена шагами».

Философия фатализма иногда сопровождалась предчувствием неизбежной гибели, о чем с беспощадной откровенностью фронтовики нередко сообщали своим близким. Очень характерны в этом смысле письма пропавшего без вести гвардейца П.Ф. Силантьева жене и детям. 2 марта 1943 года: «Возможно, и придется мне вернуться домой, то всю жизнь исправим. Но если меня здорово покалечит, то я оставляю себя на вечный покой, чтобы вы на меня не казнили». 25 апреля 1943 года: «Если судьба наша с Вами увидаться, то увидимся, а если где у меня на роду написано умереть, то ничего не сделаешь. Но я предчувствую, что я домой не вернусь, и останется у Вас с детками одно воспоминание обо мне, а у меня на сердце замрет навечно

скорбь и любовь о Вас». 27 июля 1943 года: «Люсенька и Боря, Юра, пока прощайте. Наверно, что это мое письмо последнее – я предчувствую. Прощайте, любимые». Красноармеец И.Г. Гвоздев, находясь в осажденном Сталинграде, 30 октября 1942 года писал своим близким: «Тятя, спастись здесь очень трудно. День и ночь бомбят и бьют из миномета. Живым на этом фронте остаться трудно. Тятя, наверно, я здесь погибну за Родину, за наш Сталинград... Вряд ли увижусь с вами...»

«СКОРЕЕ БЫ В РОССИЮ»

Жизнь страны военного времени, конечно же, была подчинена условным и еще в большей степени вполне официально закрепленным нормам. Они были жестоки и оправдывались только одним – победой.

Она наступила, и фронтовые письма полны ликования. «Я» – победитель и «мы» – победители в письмах переплетаются в личное и коллективное торжество. Красноармеец В.П. Грязнов 13 февраля 1945 года пишет близким: «За прошлые бои мне вынесена благодарность, которую я посылаю в этом конверте. Прошу дедушку сделать «рамку» и вставить, пусть смотрят мои товарищи, которые дома, что я есть освободи-

очень хорошие, вы такие не кушали. Овощи: капуста, свекла, морковь, картошка. Жиры – английский жир, комбиджир, маргуселин, сливочное масло. Подумаете, что я обманываю...! Нет, это правда, нас, фронтовиков, так и кормят, зато вам – норма, а нам – «от пуза». Видите, как нас любит страна». С ним спорит письмо сержанта В.Е. Денисова своим близким от 15 января 1943 года: «Я имел очень большое счастье получить от вас посылку 14 января 1943 г. – фанерный ящик. В посылке

оказалось пол-литра меда, одна тетрадь и сухие лепешки, получил 14 января и покушал». Уже упоминавшийся Клочков 7 февраля 1945 года сообщал жене в письме, написанном в доме небольшого немецкого городка в Восточной Пруссии: «Конечно, дом пуст, хозяева его поспешно бежали, и теперь в нем хозяйничаем мы. Жарим кур и гусей, телят и поросят, пьем чай с медом, сахаром и вареньем, иногда заливаем за воротник вино, взятое из немецких подвалов... Обещают разрешить числа 11-го февраля послать посылку в 10 кг., но не всем». Рядовой М.М. Енин в письме родным от 11 февраля 1945 года сообщал: «Нахожусь на территории Германии, где, наконец, немцы почувствовали, что такое война. Точно как у нас в 1941 г., но еще хлеще – все они бросают. Как везут по дорогам, так и остаются перины, пух и все барахло. Куры, гуси, коровы бродят без хозяев. Все мне напоминает то, как мы эвакуировались, но здесь некому тащить, все лежит».

В письмах порой прорываются суровые реалии войны. Красноармеец-автоматчик С.И. Власенко в письме жене 2 марта 1942 года пишет: «Нашему отряду даны широкие полномочия. Так, например, если мы устанавливаем, что красноармеец ушел с фронта, старается увильнуть от атаки – словом, если он дезертировал, наш отряд имеет право расстрелять такого бойца без суда, да и как иначе поступать? Люди дерутся, льют кровь, умирают, а есть паразиты, которые увильывают и стараются скрыться ...» Иногда в письмах проскальзывали картины реальных боев. Офицер Н. Волков, сообщая 15 марта 1943 года родителям о гибели их сына И. Косарева, писал: «Я Игоря до боев не видел, но я видел сам, видели многие сотни бойцов в тот момент, когда была критическая минута напряженного боя. Он хлестал автоматным огнем по немцам. После налета авиации противника и после отбитых атак врага мы нашли его. Он был весь в масле танка, маскхалат

тель и мститель за наших родных и знакомых, которые погибли на фронте и насильно угнаны на фашистскую каторгу в Германию». Но в письмах воинов-победителей радость не столько по поводу поверженного врага, сколько остро осознаваемое скорое возвращение домой. Красноармеец Н.М. Ястребцев, находясь под Берлином, 10 мая 1945 года писал жене: «Здесь уже давно настоящая весна. Отцветают яблони и вишни, цветет сирень, ландыши. На лугах уже большая трава. Но все же это не то. Родина хоть немного и бедней, но милей... Здесь все как-то не то... Скорее бы, скорее бы в Россию». Артиллерист В.П. Савиных (Василий Петрович Савиных, брат Владимира Петровича, погибшего в 1943 году, его письмо цитировалось выше. – Прим. авт.) в письме жене 11 мая 1945 года сообщает: «Радости, конечно, нет предела. Сейчас ведь Родина стала совсем близка. Скоро, конечно, будем в России. В нашей любимой Родине. И справлять Победу».

Поразительный факт: в личных письмах с фронта практически отсутствует партия, разве что так, мимоходом, да и то в основном официальным адресатам. Нет в них места и Богу. Вероятно, неосознанно авторы писем отразили жизненную реальность: старый Бог был вытравлен безбожной властью, новый бог – партия, а вместе с ней и ее воплощение в лице вождя – так и остался не принятым в подсознательном, самом искреннем. И это не у единиц – у тысяч!

Из-за цензуры фронтовые письма бедны в описании повседневности войны. Но все же в них проскальзывали детали фронтовой жизни. Красноармеец В.А. Гордин, оборонявший некий остров в Балтийском море, 1 августа 1941 года сообщал отцу: «Папа, у нас был очень слабый тыл, много враждебных элементов, были случаи, они делали покушения на наших бойцов, находили у них пулеметы и очень много винтовок». Рядовой С.И. Бобров в письме родственникам 7 декабря 1941 года сообщал: «Нас еще не обмундировали, только дали мне ботинки да обмотки, так как сапоги изорвал вдрызг. Ну, а каково ходить и заниматься на улице при таком морозе в ботинках, когда нет шерстяных носков?» Политрук Н.С. Клочков приблизительно в это же время оказался в лучшем положении, сообщая 23 января 1942 года родственникам: «Одет я тепло: хорошая шуба, шинель, ватные куртка и брюки, новые валенки и теплые рукавицы. Морозы у нас стоят крепкие – 35–38 градусов, но они нам нипочем». Гвардеец-минометчик Л.Ф. Мухачев 22 октября 1942 года сообщал родителям: «1. Питание сверхотличное. Кушаем сало свиное, бекон, мясные, рыбные консервы. Часто получаем английские и американские консервы (мясные). Консервы

Старший
сержант
Г.И. Дубинен-
ко, почтальон
подразделения
лейтенанта
П. Беженца.

Снято 4 авгу-
ста 1942 года на
Юго-Западном
фронте. Автор:
А.С. Гаранин



ВОЕНИНФОРМ

в кое-каких местах прогорел. В руке был ремень автомата, вернее сами щепки от оружия. Изрытая артиллерийским и бомбовым ударом земля была не белая от снега, наоборот, в воронках, гарью покрыта была мертвая земля». Как бы ни сомневаться в описании героической смерти Косарева, ее детали – масло от подбитого танка, прожженный маскхалат, расщепленный приклад автомата – придумать трудно. Или вот свидетельство о деталях войны радиста-фронтовика Ф.Д. Хоркина: «Вчера мы наблюдали с шестиэтажного дома западный берег Вислы, и что же? Эти изверги, сволочи, насильники кровожадные, и не знаю, как их еще обозвать, нелюди, эти немцы. Вводят гражданских: молодежь, стариков, детей нарочно, чтобы видели наши части на восточном берегу Вислы, и расстреливают, трупы падают в воду».

РАЗГОВОР ФРОНТА И ТЫЛА

Личные фронтовые письма при их внимательном чтении оказываются наполненными переливами чувств и многоголосием мыслей и мечтаний их авторов. За внешней невзрачностью, сухостью и торопливостью их строк скрывались людские души беспокоящихся отцов, заботливых сыновей и дочерей, влюбленных воинов, людей, тоскующих по дому. В большинстве писем нет ничего героического, в них преимущественно отражается повседневный ратный труд. Война как обычная работа, только с постоянной угрозой для жизни, война людей, оскорбленных за большую и малую Родину и жаждущих отмщения, – такой рисуется Великая Отечественная во фронтовых письмах. И даже если не хочется впадать в пафос, сделать это чрезвычайно трудно, потому что невозможно избавиться от этого образа: не просто человека на фронте, а Российского Воина, буднично, как до войны дома за станком или с мотыгой, а теперь с оружием защищающего Отечество.

Две другие разновидности фронтовых посланий, за небольшим исключением, разительно отличаются от личных писем. Это связано с тем, что звание воина-фронтовика давало основание быть требовательным к местным властям в оказании помощи родственникам. Писем-просьб, писем-требований с фронта в партийные, советские органы, в райвоенкоматы, в редакции газет очень много. В них рисуются штрихи той жизни, которую приходилось переживать в тылу близким фронтовиков. Например, санитарка А.В. Щербакова, добровольно ушедшая на фронт, в письме на имя секретаря Сосновского райкома ВЛКСМ Тамбовской области от 1 апреля 1944 года просит оказать помощь своей матери: «Сейчас наша мать одна, у нее хозяйство. И что же ее заставляют все это бросать на произвол и идти работать, так как ее осудили и дали 4 м<есяца> принуд<ительной> работы за то, что она не

работает, к тому же платит все налоги». Сложно судить о том, насколько эффективны были такие фронтовые обращения к местным властям. Но на некоторых письмах имеются различные резолюции с поручениями разобраться по существу с поставленными вопросами.

В подавляющем же большинстве эти разновидности фронтовых писем отличаются своей «правильностью», согласованностью

с официальной пропагандой. Пронизывающая их риторика, неизменно героическая, не обходится без упоминания партии, Сталина, описания боевых побед, призывов крепить единство фронта и тыла. В этих письмах совсем иная война – тревожная и торжественная, героическая, победоносная, не с человеческим, а с коллективным лицом. Такие письма были рассчитаны на коллективного читателя и слушателя.

Нет сомнения, что и фронту, и тылу были нужны и эти письма. Напоминания о фашистских зверствах рождали чувство мести, сообщения о победах поддерживали веру в окончание войны. Идея единства фронта и тыла была понятна и дисциплинировала людей. Это был тоже разговор фронта и тыла.

ПИСЬМА КАК МОЛИТВЫ

Фронтовые письма – это весточка с фронта, прежде всего сообщение о том, что человек жив, ранен или убит, физический знак родным и близким о его состоянии на войне. Однако для авторов и их адресатов письма означали не что иное, как молитву, обращение фронтовика к некой сверхъестественной силе. Что за сила была в этом обращении? Кажется, ее можно назвать Надеждой, Мечтой, которые были не чем иным, как Верой в Победу. Именно эта сила постоянно присутствует или подразумевается в письмах. С ней фронтовики связывают абсолютно все свои помыслы, которые есть не что иное, как просьбы-мечты о будущем и в будущее.

Написание письма, его прочтение в тылу были своеобразными ритуальными действиями. И понятно, почему фронтовые письма были фактически молитвами. В СССР как атеистическом государстве, на фронте и в тылу Бога почти не было, он был допущен туда лишь чуть больше, чем до войны, и он вращался в сфере политики, а не во фронтовом бытии. Фронтовые письма были легальным преодолением запрета на молитву Богу, они заполняли духовный вакуум и дополняли беседы с воинами политработников желанием простого человеческого общения авторов писем. Старшина В.А. Швычков писал своей жене: «Оба письма, что я получил от вас – я их берегу. И еще берегу на память – Нина собирала мне листочки от численника для курева – я их берегу в конверте. Иногда, время от времени, я их вынимаю и

смотрю, и вспоминаю своих деток». Почти как воины дореволюционной России, которые хранили в ладанках молитвы, подаренные близкими.

Духовная терапия, присутствующая при вознесении молитвы, составляла суть и фронтовых писем. Она имела двойной результат и для авторов писем, и для их корреспондентов. Она воодушевляла и тех, и других Верой, Надеждой, Любовью, которые возвышались над страхом быть покаленным или убитым на фронте, над невзгодами в тылу. Надо всем тем, что нормальным человеком воспринимается как ненормальное: над ужасом, порождаемым войной. «Молись и молись, мама, обо мне, дай нищему горячий пирог и хлеб и стакан молока за меня», – просил красноармеец И.П. Стенькин свою мать в ноябре 1943 года, за несколько дней до гибели.

P.S.

Фронтовые письма Великой Отечественной как птицы, которым не всегда случалось долетать до гнездовий. Не долетали и фронтовые письма до адресатов в прямом смысле этого слова. А в символическом – не возвращались домой их авторы. Авторы большинства процитированных писем-молитв погибли. Не претендуя на истину, я попытался донести не только их молитву, молитву об их мечтах, жизни и судьбе, Родине большой и малой, но и нашу теперешнюю молитву в память о них и в назидание нашей сегодняшней жизни. 🇷🇺

В СТАТЬЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ФРОНТОВЫХ ПИСЕМ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ:
 НАМ ВЫПАЛО НА ДОЛЮ... великая отечественная война в письмах, дневниках, воспоминаниях. ТВЕРЬ, 2005.
 ПИСЬМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. ТАМБОВ, 2005.
 СТАВРОПОЛЬЕ: ПРАВДА ВОЕННЫХ ЛЕТ. ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ В ДОКУМЕНТАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ. СТАВРОПОЛЬ, 2005.
 СОЛДАТСКИЕ ПИСЬМА. САРАНСК, 2005.



НЕВОЗМОЖНО КАНОНИЗИРОВАТЬ ИВАНА ГРОЗНОГО И ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА

Митрополит Крутицкий
и Коломенский Ювеналий
возглавляет Синодальную
комиссию по канонизации
святых Русской Православной
Церкви. В интервью журналу
«Русский мир.ru» он рассказывает,
как сохраняется и поддерживается
эта традиция в наше время.

Кто входит в возглавляемую вами Синодальную комиссию по канонизации святых, каковы ее функции?

– В апреле 1989 года впервые в истории нашей Церкви была создана постоянно действующая Синодальная комиссия по канонизации святых, трудами которой за минувшее время были подготовлены и состоялись многие канонизации отечественных подвижников веры и благочестия. В настоящее время в ее состав входит девять человек. Мне как председателю Комиссии дано полномочие привлекать к сотрудничеству в деле изучения вопросов канонизации Преосвященных архипастырей, богословов духовных школ, пастырей и мирян Русской Православной Церкви. Первые десять лет работы Комиссии (с 1990 по 1999 год) были направлены не только на изучение вопросов канонизации конкретных подвижников, среди которых можно указать святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, святителя Филарета Московского, священномученика Петра (Полянского), митрополита Крутицкого, – имена их в сознании церковного народа олицетворяют духовный подвиг нашей Церкви в XIX и XX веках. В основном же все свое внимание Комиссия сосредоточила на вопросе исследования подвига новомучеников и исповедников Российских и

практической подготовке их канонизации. Архиерейским Собором в 1992 году определено: «Образовать во всех епархиях Русской Православной Церкви комиссии по канонизации святых для сбора и изучения материалов к канонизации подвижников веры и благочестия, особенно мучеников и исповедников XX столетия, в пределах каждой епархии». Поэтому немногочисленная по своему составу Синодальная комиссия по канонизации святых имеет многих сотрудников в епархиях нашей Церкви. Мы, в свою очередь, оказываем всестороннюю консультативную помощь работе таких комиссий, то есть делаем необходимые разъяснения, какие исследования следует еще произвести и как максимально правильно и эффективно наладить работу в архивах, какой круг вопросов исследователи должны проанализировать в ходе работы.

– Когда появилась традиция почитать святых, то есть когда появился институт святых?

– С одной стороны, святыми Церковь Христова именует вообще всех своих чад, уверовавших в Господа Иисуса Христа и пребывающих в единстве с Церковью. Так апостол Павел обращает свои послания к *святых*. Например, он пишет: *находящимся в Ефесе святым и верным во Христе Иисусе* (Еф. 1: 1). А апостол Петр говорит христианам: *вы – род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел* (1 Пет. 2: 9). По призванности в вере к иной, новой жизни во Христе святые апостолы всех христиан именуют святыми, каковым именованием подчеркивают открывшуюся возможность для всех верующих стать новым творением (Гал. 6: 15). Наряду с этим некоторых христиан Церковь почитает как особо прославленных

Богом, при этом Церковь также именует их святыми.

Начало молитвенного призывания святых видно еще в ветхозаветные времена. Царь Давид взывал к Богу: *Господи, Боже Авраама, Исаака и Израиля, отцов наших* (1 Пар. 29: 18). Апостол Иаков преподает верующим заповедь молиться друг за друга и к этому прибавляет: *много может усиленная молитва праведного* (Иак. 5: 16). Апостол Ио-

анн засвидетельствовал, что святые возносят на небе свои молитвы пред Агнцем Божиим, поминая в них Церковь воинствующую (см. Откр. 5: 8; Откр. 8: 3–4). На основании Священного Писания и Священного Предания Церковь всегда учила призывать святых, с полной уверенностью в их предстательстве за нас перед Богом. Это учение и верование Церкви содержится во всех древнейших литургиях, а это ясно доказывает, что призывание святых в это время было явлением всеобщим.

Со временем в Церкви сформировались необходимые критерии канонизации, произошло упорядочивание этого процесса. Канонизация есть причтение Церковью какого-либо усопшего подвижника благочестия к лику ее святых. Термин «канонизация» (от лат. *canonisatio*) есть латинизированная транскрипция греческого глагола «определять, на основании правила узаконять», был введен в оборот западными учеными-богословами. В Греческой Церкви этому термину адекватной аналогии нет, поэтому в подобных случаях там использовалось словосочетание «причтение к лику святых» или «вмещение, вчинение в лик святых».

Почитание святых составляет неотъемлемую часть православного вероучения. При этом процедура или механизм канонизации в истории Церкви претерпевал видоизменения и имел свое развитие. Во многом его появление было связано со стремлением предотвратить включение в лик почитаемых Церковью святых лиц сомнительного достоинства.

Апостол Павел заповедовал христианам: *поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их* (Евр. 13: 7). Особую молитвенную память Древняя Церковь имела в отношении Божией Матери, Пророка и Предтечи Иоанна и, конечно же, апостолов. Христиане с особым благоговением и трепетом, порой рискуя своей жизнью, не только собирали сведения об обстоятельствах смерти мучеников Христовых, но и прилагали все свои силы, чтобы сохранить и достойно почитать их святые мощи. Описания страданий древних мучеников, в частности священномучеников Игнатия Богоносца и Поликарпа Смирнского, на все времена стали образцом христианского мужества.

В Древней Церкви община (или даже отдельное лицо) получала благословение епископа на сохранение мощей святого мученика и на ежегодное празднование его памяти, которое непременно включало собрание верующих вместе в день мученической памяти для совершения Евхаристии и раздачу милостыни нищим. Со временем имя святого вносилось в диптихи и мартирологи, и почитание многих мучеников стало расширяться, порой далеко за пределы определенной Поместной Церкви.

– **Как происходит процесс канонизации?**

– Инициаторы канонизации, например приходские общины или монастыри, обращаются к своему Правящему архиерею, в обязанность которого входит проверить поступающие сведения, собрать исторические данные, опросить тех, кто хранит память о почитаемом подвижнике, составить житие. Если Правящий архиерей находит, что препятствий к прославлению не встречается, то он обращается к Святейшему Патриарху, который дает соответствующее благословение Комиссии провести необходимые исследования.

– **Какими критериями руководствуется Церковь, причисляя или не причисляя того или иного человека к лику святых?**

– В своей работе Комиссия руководствуется критериями, выработанными Святой Церковью на протяжении всего ее исторического бытия. Если выразить их кратко, то необходимыми условиями канонизации являются безукоризненное исповедание православной веры, праведная жизнь, народное почитание и чудотворения как при жизни, так и по смерти подвижника. В отношении мученически пострадавших

чад Церкви требуется всестороннее исследование обстоятельств ареста, содержания под стражей и на допросах.

– **Часто ли приходится отказывать в канонизации?**

– Иногда приходится. Объясню, в чем тут дело. Основные материалы, которые присылаются сегодня в Комиссию на изучение, касаются пострадавших за веру в XX веке. Новомученики и исповедники Российские – особая эпоха в жизни Русской Православной Церкви, для

изучения которой требуется комплексное исследование всего фонда архивно-следственных дел репрессированных. Не осуществив эту работу, невозможно говорить ни о полноте исследования, ни о качестве подготовленного материала, а значит, невозможно и исключить ошибки в работе. По крупицам приходится собирать сведения о пострадавших за веру, поэтому необходимо изучить каждое уголовно-следственное дело, которое заводилось в отношении предлагаемого к канонизации новомученика.

В XX веке, по сравнению с первыми веками, гонения на христиан были более длительными по времени и изощренными по форме и содержанию. Учитывая эти обстоятельства, необходимо применять дополнительные критерии, невозможна канонизация лишь только по факту насильственной смерти в период гонений. Когда Комиссия по канонизации святых приступала к изучению эпохи новомучеников, в церковных кругах раздавались голоса о необходимости без специальных исследований, опираясь на практику Древней Церкви, признать святыми мучениками всех пострадавших по церковным делам при советской власти. Само по себе такое утверждение было неверно, ибо в Древней Церкви тоже были определенные условия, или критерии, по которым пострадавшие причислялись к лику святых мучеников. Это в первую очередь принадлежность к Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви; свидетельство жизнью и смертью о вере в Сына Божия Иисуса Христа. И для Древней Церкви, и сегодня в практике прославления мучеников основным критерием канонизации остается бесспорность, очевидность и достоверная известность совершенного христианином подвига. Церковь Христова, совершая акт канонизации, являет миру бесспорные образцы следования за Господом, указывает идеальные примеры благочестия для христианина любой эпохи. Там же, где встречаются сомнения, противоречия или недоумения, где наше знание, и без того ограниченное,

сталкивается со смущающими совесть фактами и обстоятельствами поведения человека в повседневной жизни и тем более на незаконном следствии, приходится воздерживаться от принятия положительного решения, оставив все на суд Божий.

И в древности не все пострадавшие были канонизированы. Христиане видели, кто как себя вел во время испытания, они имели возможность посещать исповедников в тюрьме. Их благочестие и мужество были самоочевидны для общины. Страдания, подъятые человеком, должны были быть

**Святой
Георгий –
Георгий
Победоносец**



Святые
благочестивые
князь Петр
и княгиня
Феврония
Муромские



РИА НОВОСТИ

именно за Христа. Ибо что за похвала, – спрашивает апостол Петр, – если вы терпите, когда вас бьют за проступки? Но если, делая добро и страдая, терпите, это угодно Богу (1 Пет. 2: 20). Если и страдаете за правду, то вы блаженны... Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух Славы, Дух Божий почивает на вас... Только бы не пострадал кто из вас, как убийца, или вор, или злодей, или как посягающий на чужое; а если как Христианин, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь (1 Пет. 3: 14; 4: 14–16).

Одним из вопросов для исследователей является проблема доверия к материалам следствия – уголовно-следственным делам. По причине закрытости следствия у нас нет ни иных свидетелей, ни других документов, в которых излагались бы об-

стоятельства заключения и допросов. Сами следственные дела стали в прямом смысле слова мученическими актами, документально свидетельствующими факт страдания человека за Христа. Эти дела – своеобразная летопись истории Церкви, епархии, монастыря, прихода. Поскольку гонения препятствовали созданию и сохранению церковных архивов, то духовная и историческая ценность государственных архивных хранилищ очевидна.

– **Сколько святых насчитывает Русская Православная Церковь?**

– В Месясцеслов Русской Православной Церкви внесены святые первого тысячелетия. С принятием Русью христианства началось их почитание на Русской земле. За тысячелетнюю историю бытия Русской Православной Церкви святым житием просияло множество подвижников, которые почитаются общецерковно либо в одной из ее епархий (это местночтимые святые, их имена в календарь не вносятся). Согласно православной традиции святые, прославленные в одной из Поместных Церквей, почитаются таковыми и в остальных Церквях. Их имена также вносятся в календарь Русской Православной Церкви. В XX веке наша Церковь явила тысячи святых мучеников и исповедников. Имена их только сейчас являет нам Господь, многие из них остаются еще безымянными. Именно поэтому прославлены они как «миру явленные и неявленные, но ведомые Богу». Поэтому число святых точно подсчитать нельзя.

– **Бывали ли случаи, когда святого исключали из святых, если да, то почему?**

– В жизни Русской Православной Церкви был период в начале XVIII века, когда несколько святых были деканонизированы в ходе борьбы со старообрядческим расколом. Самый известный пример – это история деканонизации преподобной Анны Кашинской. В 1909 году состоялось ее второе прославление.

– **Распределяются ли святые по категориям, если да, то по какому принципу?**

– По границе своего почитания святые бывают местночтимые, если почитаются в определенной епархии, и общецерковные, почитание которых распространено во всей Православной Церкви. В православии по лику святости различают следующих святых: апостолы – ученики Христовы, равноапостольные – крестители и просветители целых народов, святители – святые архиереи (епископы), преподобные – постники, отшельники, как правило, монашествующие, блаженные – Христа ради юродивые, мученики – принявшие смерть за исповедание веры, исповедники – те, кто принял ради Христа страдания, пытки, заключения, лишения, но умер своей смертью на свободе, новомученики – пострадавшие за веру в годы гонений на Церковь в XX веке, благоверные князья и праведные – те, кто своей жизнью исполнил евангельские заповеди о любви к Богу и ближнему. Из ветхозаветных святых почитаются пророки – те, кто предвозвестил о пришествии в мир Христа Спасителя, патриархи – исполнители воли Божией в священной истории до новозаветной эпохи. Почитаются также Небесные Силы, или Ангельский мир. Но особое место среди православных святых занимает Пресвятая Богородица.

– Как вы относитесь к призыву некоторых верующих канонизировать Григория Распутина и Ивана Грозного?

– Кампания вокруг имен царя Ивана Грозного и Григория Распутина началась еще в 1990-е годы. Ее сторонники настаивают на канонизации этих лиц в сонме святых. Образы Ивана Грозного и Григория Распутина преподносятся как символы особой, «народной» религиозности, которая противопоставляется «официальной» религиозности Церкви. Инициаторы этой канонизации не могут не замечать, что само обсуждение такого прославления вызвало смущение и разделение среди православных верующих, ведет к соблазну и дискредитации самой идеи канонизации святых. В течение минувшего времени Синодальная комиссия по канонизации святых изучала данный вопрос. На Архиерей-

ском Соборе в октябре 2004 года мною от имени Комиссии был сделан соответствующий доклад и дана развернутая характеристика и аргументация невозможности постановки такого вопроса. Архиерейский Собор официально высказал свою позицию о невозможности канонизации Ивана Грозного и Григория Распутина. Поэтому не подчиняющиеся соборному решению Церкви ставят себя в опасное духовное положение.

– Почему Русская Православная Церковь не признает останки, найденные под Екатеринбургом и захороненные в Петропавловской крепости, царскими, то есть принадлежащими последнему российскому императору?

– Позиция нашей Церкви по вопросу екатеринбургских останков широко известна мировой общественности. Выражена она была Святейшим Патриархом Алексием II и членами Священного Синода 26 февраля 1998 года. В частности, Священноначалие обратило внимание на следующие стороны вопроса: «Оценка достоверности научных и следственных заключений, равно как и свидетельство об их незыблемости или неопровержимости, не входит в компетенцию Церкви. Научная и историческая ответственность за принятые в ходе следствия и изучения выводы относительно «екатеринбургских останков» полностью ложится на Республиканский центр судебно-медицинских исследований Минздрава РФ и Генеральную прокуратуру РФ. Решение Государственной Комиссии об идентификации найденных под Екатеринбургом останков как принадлежащих семье императора Николая II вызвало серьезные сомнения и даже противоречия в Церкви и в обществе... Когда будут сняты все сомнения относительно «екатеринбургских останков» и исчезнут основания для смущения и противостояния в обществе, следует вернуться к окончательному решению вопроса». Таким образом, Церковь не признала и не опровергла принадлежность найденных останков Царской Семье и ее слугам, вполне правомочно ожидая появления новых материалов и фактов, касающихся этой темы. Мы продолжаем внимательно изучать все, связанное с этим вопросом. 

БЕСЕДОВАЛ ПАВЕЛ КОРОБОВ

ФИЗИКИ-ЛИРИКИ

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АНТОНА БЕРКАСОВА

Молодые инженеры мечтают о светлом научном будущем России.

«В ы не смотрите на наши голые стены, – как будто извиняясь, говорит Роман, парень лет двадцати пяти, – тут скоро все будет по-другому. Все наши пятьдесят дипломов развесим. Вы войдете – робот вас поприветствует, проводит к директору, то есть ко мне. Под потолком без всякого крепежа будут висеть светящиеся шары. Стена отъедет – и откроется наше производство, во всем техническом беспорядке».

Роман ходит по просторному кабинету и размахивает руками – кажется, он и впрямь видит в этой пустоте технические «навороты», о которых рассказывает с таким жаром. Роман – руководитель Машиностроительного научно-технического центра (МНТЦ). Его детище когда-то начиналось со слова «молодежный» и представляло собой «шарашкину контору», приютившую талантливых студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана. Буквально недавно обновился сайт, на котором висели смешные ролики из разряда: «Что будет, если смешать и пустить ток?» или «Давайте, как пираты, нарисует пороховую дорожку, подожжем ее и посмотрим, будет ли она в конце взрываться». За пять лет ребята раскрутились, продавая технические идеи и конструктор «Кулибин», который даже получил федеральную премию «За интеллектуальную разработку». И теперь все иначе. Молодежь создает новые машины: 3D-принтер, машину для окрашивания винтов-саморезов... Весь научно-технический центр состоит из шести человек с зарплатами в 50 тысяч рублей. Интеллектуальное ядро составляют выпускники-бауманцы, отобранные по конкурсу десять человек на место. Столько было претендентов после объявлений в Интернете.

В ВАТНИКАХ В САРАЕ

Пять лет назад в одной точке сошлось несколько намерений. С одной стороны, маялась без дел и денег группа инициативных студентов. С другой – два горе-бизнесмена. Роман расстраивал родителей нежеланием учиться. На менеджера не выучился, не стал и юристом, ушел из Финансово-юридической академии, кое-как получил диплом в Академии госслужбы. Парень владел фирмой, которая пекла пирожки, но бизнес свой не любил. «Надо делать что-то, чтобы это будоражило фантазию», – говорил он и искал дело по душе. И тут появился Александр Оликевич, который носился с идеей создать студенческое техническое сообщество и «хоть что-нибудь уже в стране производить». Александр «и компания» занимались мелким ремонтом электроаппаратуры, но настоящим это дело не считали, мечтали о большем. Энергия и идеи Александра взбудоражили Романа, особенно одна разработка – конструктор «Кулибин». С него все и началось.

Конструктор «Кулибин», по сути, установка размером с 60-сантиметровый ящик, на которую можно повесить что угодно: флюмастер, фрезу, станок для распилики пенопласта, подсоединить к нему компьютер и получится, например, целый станок. Авторы утверждают, что при наличии технической фантазии «Кулибин» может выгравировать любую картинку на мобильнике или вырезать картину по дереву. В мастерской этот станок заваривал своим создателям чай. Правда, внешний вид у него был не очень, но в рискованном деле главное – энтузиазм. Роман и Александр сняли в Митино гараж и зимой в телогрейках с несколькими студентами начали вручную производить опытные образцы своего «Кулибина». Дело спорилось, вера в успех росла. Инноваторы, раззадорившись, взяли кредит в 3 миллиона рублей и заказали партию конструкторов на одном из московских заводов. Товар не купили, долг повис. Что делать? Решили удариться в пиар. Роман и Александр выступали в телепередачах, участвовали в выставках, ходили по чиновникам с протянутой рукой. Денег не прибавилось, надежда на помощь государства рухнула, но появилось около 50



каких-то грамот и наград. С наградами пришли заказы на новые изобретения. Например, один из клиентов попросил придумать дешевое приспособление, которое помогало бы человеку нарезать рыбу одинаковыми кусками. На идею и воплощение бауманцам понадобилось полдня – получился пластиковый лоток с желобами. Для фирмы, которая делает детские игрушки, МНТЦ изобрел набор для опытов с ультразвуком. Не ограничиваясь мелкой текучкой, ребята смастерили 3D-принтер, который из пластиковых гранул создает любое объемное изображение. Изделие ценой в 500 тысяч рублей уже готовится к массовому производству.

Следующим серийным товаром широкого потребления МНТЦ собирается сделать лампы-шары, которые будут висеть в воздухе без всяких шнуров, удерживаясь магнитами. Опытный образец уже есть, но он требует технических доработок и дизайнерских решений. За годы сотрудничества с заводами Роман накопил горький опыт: «Я был на тридцати-сорока крупнейших предприятиях Москвы и области. Все стоят глухо, дорогие огромные машины ничего не делают – просто у владельцев заводов нет идей для производства. Мы хотим изменить ситуацию».

В процессе работы два создателя центра поняли, кто за что отвечает. Александру больше нравилось иметь дело с «машинами, веществами и молекулами», а Роману – с людьми.

ВЛИВАНИЕ ДЕНЕГ В ЛЮДЕЙ

Все «производственные площади» МНТЦ – это светлая комната площадью 112 квадратных метров, где валяются разные железки и стоят ноутбуки. Посередине – 20-метровая конструкция, почти готовый аппарат по покраске саморезов. «В процессе разработок мы ходили советоваться к специалистам по порошковой окраске, – рассказывает Роман, – но те затребовали за информацию 600 тысяч рублей, и нам пришлось пойти своим путем». Разработкой руководит высокий длинноволосый 26-летний аспирант и преподаватель сопромата в МГТУ им. Н.Э. Баумана Григорий Анненков. Глядя на его благородный профиль, не верится, что его предки не имеют отношения ни к декабристам, ни к поэзии. В свободное – от университета, работы и семьи – время Григорий пишет диссертацию на тему «Разработка методов оценки живучести трубопроводов в области стыкового сварного соединения». Его

Слева – Роман, справа – Александр, руководители МНТЦ

научная работа является частью большого проекта, который включен в Федеральную целевую программу «Развитие инфраструктуры наноиндустрии в РФ на 2008–2010 годы». В конце прошлого года аспирант пришел в МНТЦ, как и другие пять человек, но в итоге остался один, потому что другие «не потянули». «Вот так будут двигаться по каналу саморезы, – с гордостью и нежностью демонстрирует он свое детище, – сюда засыпается краска-порошок. Мы придумали, как экономить его расход».

Возможно, Григорий Анненков эмигрирует в Финляндию, где развито инженерное дело. Такие мысли иногда посещают молодого ученого. Когда-то он учился в Брянском техническом университете, затем, вопреки воле родителей, перевелся в Бауманку. «Я в последнее время мечтаю и представляю себе практичные и человеческие вещи, – сказал он. – Каждый раз, когда еду домой с работы и стою в длинных очередях на автобус, хочу уничтожить неэффективную систему АСКП и сделать автоматические станции по примеру Барселоны. Там люди заходят на остановку через турникеты, а в автобус садятся все разом. Или вот еще. Рядом с Бауманкой построили огромный Стадион

металлургов. Я на его месте сделал бы студенческий городок, дал возможность молодым ученым там жить. У нас в России строят только объекты, то есть осваивают бюджет. А вот с вливанием денег в людей – тут гораздо сложнее. И это обстоятельство заставляет меня смотреть на развитие российской науки все пессимистичнее. Многие мои одноклассники готовы работать за прожиточный минимум: съемное жилье и еду. В университете со всеми надбавками и подарками я получаю порядка 8 тысяч рублей. Базовая ставка профессора – 14 тысяч рублей. Позор. Но мне интересно передавать знания, смотреть, как в глазах сверкает искорка: «О! Понял!»

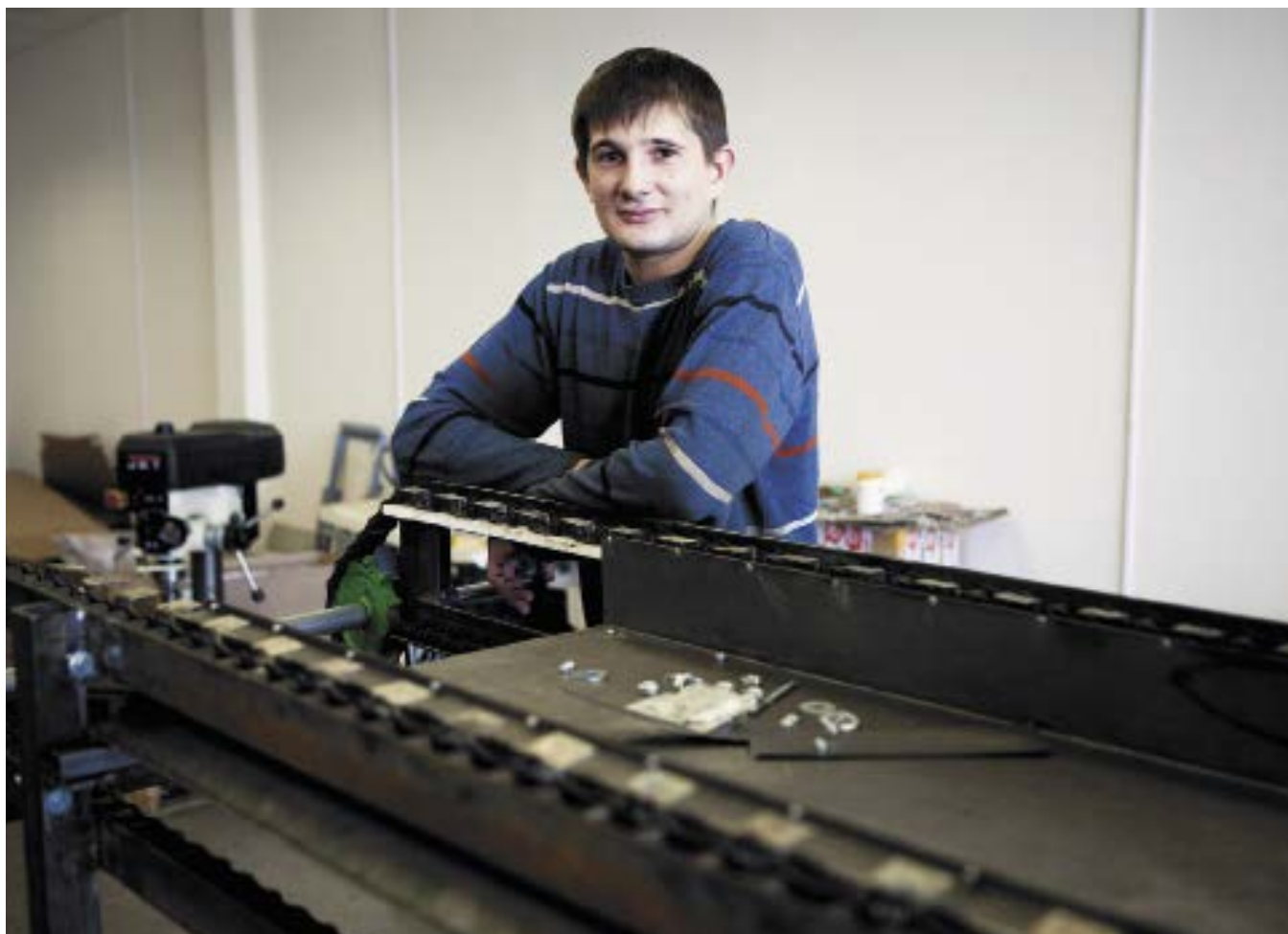
Мечты подчиненных Григория Анненкова смелее. Сергей Чуркин приехал в Москву из тамбовской деревни. Там у папы-инженера и мамы-бухгалтера небольшой семейный бизнес – магазин, но родители надеются, что детям удастся не вернуться в погибающую глубинку. Сергей с красным дипломом окончил техникум по специальности «техник-электрик», сейчас учится в МГТУ им. Н.Э. Баумана. «Я специализируюсь на регенерации травильных растворов для печатных плат на кафедре электронного машиностроения, – говорит он. – Но это учеба. Думаю, со временем смогу сократить тормозной путь автомобиля, – говорит он. – Сейчас все изобретают новые покрышки, экспериментируют с тем, чтобы увеличить трение скольжения. А я исхожу из того, что на скорость автомобиля влияет его масса. Значит, воздействуя на массу автомобиля противомассой, можно значительно сократить тормозной путь. Я даже не рассматриваю вариант переезда в другую страну, мой дом и родина – здесь».

Илье Александрову – 28 лет. Окончив Университет аэрокосмического приборостроения в Санкт-Петербурге, он работал кем придется, обслуживал Ан-2 и Як-52 в аэроклубе, потом женился и переехал в столицу. «Я хочу внедрять беспилотные летательные аппараты, – говорит Илья. – Недавно наблюдал мониторинг МКАД с помощью вертолетов, что дорого и сложно. По-нормальному – эту работу должны выполнять летающие камеры».

Но все эти планы и идеи кажутся невероятно скромными по сравнению с тем, что собирается делать с окружающим миром идейный вдохновитель проекта Александр Оликевич. Отец трехлетнего мальчика говорит, что уже начал работать над созданием материала, который под действием тока сокращается, как живые мышцы, «что позволит делать летательные аппараты по типу птиц или станки не с моторами, а с аккуратными полимерными сухожилиями». Александр утверждает, что уже придумал швабру с электрическим управлением, которая идеально выжимает тряп-

Григорий Анненков и Илья Александров (слева направо)





**Сергей
Чуркин
у агрегата,
который
будет красить
шляпки
саморезов**

ку, и начал работать над созданием нового типа компьютера по типу человеческого мозга. «Он будет маленьким, мягким и странным, – говорит Александр. – Мы уже не можем конкурировать с Западом в полупроводниковых компьютерах, значит, при нашей бедности требуется интеллектуальный скачок». Компьютер появится после того, как химическая лаборатория МНТЦ переедет от метро «Текстильщики» в новый офис. «Это все появится в ближайшие годы, а вот голубых мечты у меня три, – говорит Александр Оликевич. – Во-первых, чтобы не было бедности – то есть хочу, чтобы наша компания сделала прибор, который из атомов собирает любые предметы – еду, одежду, механизмы – из какого-нибудь мусора. Во-вторых, победить смерть – вмешаться в организм человека и избавить его от болезней и

старости. И третье, я бы хотел сделать систему, благодаря которой люди не могли бы причинять друг другу ущерба – такие наномашинки, которые бы сделали человека трудноубиваемым, а потому договориться с ним было бы сильно проще». И еще, Александр мечтает наладить связь с российскими учеными-эмигрантами. Узнав, что наш журнал выходит и за рубежом, он просит меня включить диктофон и, немного волнуясь, обращается к нашим бывшим соотечественникам. «У нас тут каменный век, – говорит он. – Мы пытаемся что-то делать. Но хотелось бы, чтобы большое научное наследие передалось и нам. Если бы нас могли чему-то научить – пусть по Интернету или телефону даже, – было бы просто классно».

Роман поощряет фантазии Александра, считая, что «всегда надо работать над тем, что кажется невозможным». Одна из таких задач – попытка сдержать отток технических кадров за рубеж. Ректор МГУ Виктор Садовничий в СМИ говорит, что нашу страну ежегодно покидают 15 процентов выпускников. На форумах МГТУ им. Н.Э. Баумана называют цифру по своему вузу – не менее 50 процентов. 

ЭМИГРАНТСКОЕ ЗЕРКАЛО РОДИНЫ

Идея переиздания 70 томов легендарного журнала «Современные записки» («ANNALES CONTEMPORAINES») была озвучена в канун 300-летия Петербурга. Казалось, лучшему толстому журналу в истории русской журналистики уготована скорая реинкарнация в родном Отечестве.

У же в 2004 году увидел свет справочник «Указатель содержания», с репринтом оглавлений каждого номера журнала, хронологической росписью, авторским и именным указателем, а также указателем рецензируемых периодических изданий и книг, описанных под заглавием. Но затем возникли финансовые трудности, на несколько лет приостановившие проект. Однако нашлось издательство – «Петрополис», – отдающее себе отчет в том, какое огромное значение для России имел этот эмигрантский журнал. И вот весной 2010 года читателям предъявили первый том с научными комментариями. Об истории проекта «Русскому миру.ru» рассказал главный редактор издания, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета Борис Аверин.

– Чем запомнилась вам личная история знакомства с «Современными записками»?

– Это случилось в 1970 году, в бытность мою аспирантом. Я занимался изучением творчества Владимира Короленко. И узнал, что Короленко писал Луначарскому письма, и они опубликованы. Пришел к своему учителю Григорию Абрамовичу Бялому и спрашиваю, где мне их прочесть. А он мне ответил: в девятом номере журнала «Современные записки», который можно найти либо в спецхране, либо в основном фонде Публичной библиотеки. И вот я иду в основ-

ной фонд и заказываю девятый номер какого-то неизвестного журнала. Когда начал его листать – ошалел. Вы меня поймете, если пробежитесь по оглавлению, которое есть в нашем «Указателе содержания»: Короленко – «Шесть писем к Луначарскому», Алданов – статья о Короленко, стихи Константина Бальмонта, статья Владимира Познера «Баллада о ночном обыске», статья Льва Шестова «Преодоление самоочевидности. К столетию рождения Достоевского», а еще – статья Керенского «Февраль и октябрь»! Где я мог в ту пору развитого социализма встретить печатную работу Керенского? Конечно, я не был наивным молодым человеком и почитывал зарубежную литературу и самиздат. Но ничего подобного не встречал. Пришлось моему учителю рассказать мне по большому секрету о сложной судьбе интересующих меня писем. Луначарский приезжал к Короленко по просьбе Ленина, чтобы уговорить его уехать за границу. Потому что хоть и был Короленко «честью и совестью России», но то и дело что-нибудь писал в разных газетах про большевиков, и всегда отрицательно. Товарищи большевики волновались о здоровье дорогого писателя и очень рекомендовали ему где-нибудь в Европе подлечиться. На что Короленко, по свидетельству его дочери Софьи Владимировны, ответил: «Передайте вашему Ленину, что из меня эмигранта сделать не удастся». Тогда нарком просвещения предложил писателю направлять критические письма прямо ему, в газету «Известия», а он, Луначарский, будет на них отвечать, и получится публичная полемика. Короленко-то письма написал, но Луначарский показал их Ленину, и вождь приказал: «В архив!» В архиве эти письма не залежались, а были тайно переданы американскому корреспонденту, и тот отвез их в Париж, в «Современные записки». Короленко к тому времени уже умер. После перестройки я опубликовал эти письма в собрании сочинений Короленко, которое готовил. Опубликовал и статью «Торжество победителей» – это ведь было тоже обращение к Луначарскому, на раннем этапе Октябрьской революции напечатанное в «Русских Ведомостях» [3 декабря 1917 года]. Короленко, к сожалению, оказался пророком:



«Вы торжествуете победу, но эта победа гибельная для победившей с вами части народа, гибельная, быть может, и для всего русского народа в целом», поскольку «власть, основанная на ложной идее, обречена на гибель от собственного произвола».

– Позже вы решили переиздать «Современные записки» целиком?

– Нет, сам я не замахнулся бы на такой неподъемный труд. А вот тогдашняя моя аспирантка Вероника Ермакова, занимавшаяся творчеством Владислава Ходасевича, решила: у нее постоянно возникала необходимость обращаться к текстам «Современных записок». И вместо того, чтобы жаловаться на трудности, Вероника приступила к их преодолению.

Надо сказать, «Современные записки» до сих пор нашему читателю практически недоступны. Конечно, можно взять в библиотеке Академии наук (БАН) микрофильм, постараться что-то прочесть, но это очень неудобно для работы. Однажды директор БАН Валерий Павлович Леонов рассказал мне детективную историю о том, как он раздобыл подшивку этого журнала. В начале 90-х годов, приехав в командировку в Париж, он попросил сотрудников Русского культурного центра, русских эмигрантов, собрать ему все номера «Современных

записок». Наши бывшие соотечественники прошерстили весь Париж, искали по всей Франции. Из 70 номеров смогли найти 64. Затем Леонов, нагруженный журналами, не хотели выпускать из аэропорта Орли, требуя заплатить пошлину за вывоз редкого издания. Денег у него не было, и он со своим бесценным багажом несколько часов просидел в зале ожидания. Французам ничего не оставалось, как махнуть рукой на нищего русского. Прилетев в Россию, Леонов все-таки пошлину заплатил, потому что за ввоз букинистических редкостей тоже берут деньги. Вот так в библиотеке Академии наук появилась подшивка «Современных записок», ее-то и микрофильмировали.

Есть такой знаменитый автор этого журнала, историк, искусствовед, культуролог – Бицилли. В свое время его комплект «Современных записок» попал в составе его архива в Россию. Он хранится в Рукописном отделе Института русской литературы

бургского издательского дома «Петрополис» – Еленой Павловой и Владимиром Барболиным. Они загорелись идеей переиздания «Современных записок». Это люди с прекрасным образованием, и они понимают, что какую-то часть тиража следует бесплатно передать библиотекам и научным центрам.

Конечно, сегодня такого рода литература не рассчитана на массового читателя. Это издание необходимо специалистам, историкам и

любителям изящной словесности. Представьте себе читателя, обнаруживающего на прилавке простую серенькую обложку, на которой написано: «Современные записки. Общественно-политический и литературный журнал». Обложка копирует оригинал. Тексты воспроизводятся репринтно. Только у просвещенного человека при виде этого заголовка забьется сердце, и он бросится листать страницы, не зная, с чего лучше начать – с начала или с конца! Ведь в конце – составляющий не менее трети объема книги безупречный научный комментарий с полными биографическими сведениями об авторе, а также именной указатель, куда входят все имена, упоминаемые в томе.

– У вас за годы простоя проекта появились мощные конкуренты. Энтузиасты проекта «Электронная научная библиотека в сети Интернет» занялись оцифровкой «Современных записок». Руководит работой ваш коллега, доцент кафедры литературы Литературного института им. Горького, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. Солженицына Сергей Федякин.

– Мне очень нравится этот проект. Электронная версия – замечательная вещь, я внимательно прочел уже готовые номера. Но виртуальные страницы никогда не заменят печатную версию. Авторы интернет-проекта нам не конкуренты, они воспроизводят текст без всяких комментариев. Скажем, есть такой автор – Ловцкий. Кто это такой? Простой читатель не может найти сведений о том, чем он примечателен. А мы рассказываем о нем, о его дружбе с Львом Шестовым, о его музыкальных произведениях и музыковедческих работах. Статьи Ловцкого прокомментировала крупнейший петербургский музыковед Людмила Барсова. Электронное издание нам очень помогает, могу только сказать спасибо коллеге Сергею Федякину.

– Вы не опоздали? Книги Набокова, Бунина, Цветаевой есть в каждой библиотеке, в каждом компьютере. Читатель за послед-

РАН. В библиотеке нашего университета есть всего четыре номера журнала. Так что даже в Москве и Петербурге этот журнал очень трудно достать.

Вероника Ермакова довольно быстро нашла спонсоров для стартового этапа проекта. Создав рабочую группу, мы начали работу над подготовкой «Именного указателя». Основная заслуга здесь принадлежит библиографу Алле Яковлевне Липидус. Указатель выпустили довольно быстро, а затем приступили к научному комментированию.

– **Надо было найти специалистов по каждому из трехсот с лишним авторов?**

– Специалистов мы решили пригласить самых лучших, блестящих знатоков творчества тех авторов, которые печатались в «Современных записках». Но помимо Бунина, Куприна, Белого, Мережковского, Гиппиус, Алданова, Набокова и других знаменитостей в журнале печатались авторы, чьи имена совсем не на слуху. Силами одних филологов справиться с этим делом невозможно: в журнале множество материалов, посвященных историческим, политическим и экономическим темам. Поэтому в состав комментаторов вошла целая плеяда авторитетных историков. И платить за комментарии решили так, как платят на Западе, а не в России. У нас за несколько лет был создан коллектив – я называю его научно-исследовательским институтом имени «Современных записок» – с большим числом специалистов по той эмигрантской эпохе. Это широчайший международный проект. Привлечены историки и филологи из разных стран – Франции, Чехии, Германии, США, Израиля. Участвуют Санкт-Петербургский университет, Пушкинский Дом, Институт истории РАН, крупные библиотеки, центральные университеты Европы и Америки.

– **Где разместился ваш НИИ?**

– В виртуальном пространстве! У всех компьютеры, переписываемся. Мы разработали очень подробные правила комментирования и условия оплаты.

– **Какой объем комментариев уже заготовлен?**

– Пока откомментировали два первых тома, начали работать над третьим и четвертым. До конца года, я надеюсь, издадим еще четыре номера. А далее будем выпускать, по расчетам издательства, не менее пяти-шести номеров в год. Таким образом, за 10–12 лет управимся. К сожалению, со сменой спонсоров нам пришлось прервать работу, но сейчас набираем обороты, благодаря прекрасному закону, по которому в истории господствуют случайности, а не закономерности. Я как-то приехал в Москву на книжную ярмарку и познакомился с руководителями петер-

ние 20 лет не только утолил свой интерес, но и успел пресытиться именами из «Современных записок». Интерес к ним спал.

– Интерес к соотечественникам, писавшим за рубежом, в эмиграции, не спал, просто «перестроечный» всплеск, массовая жажда открытия некогда запрещенных имен прошла. Сейчас особенно вдумчиво читают Шмелева, Зайцева, Набокова, Мережковского. А что такое и кто такой Мережковский? Четыре томика сочинений вышло да еще несколько отдельных томов. Что такое Алданов? Тоже несколько томов. Ну вот я, к примеру, издал статьи Алданова. Но за этими статьями – огромный социокультурный пласт, осознать который под силу не каждому нашему современнику. Ведь важно не просто прокомментировать те или иные события. Например, философ Лев Шестов имел привычку ввернуть в текст цитату по-латински или по-гречески и не указать источник. Без комментария статью Шестова

500 тысяч отправили в Сибирь, и они там буквально растворились. Короленко же упоминает несколько сибирских городов, а сибиряки очень дорожат своей историей и собирают все, что о них кто-то написал.

– **Найден архив с перепиской пяти редакторов «Современных записок» с авторами, который считался пропавшим. В 2008 году в Германии в Университете Бохум собралась конференция зарубежных филологов, историков, литераторов. Они обсуждали проблему научного издания этой русской «культурной сенсации». Не пересекутся ли ваши научные интересы?**

– В этом переиздании участвует много ученых, и этот проект такой же «долгоиграющий», как и наш. Но мы не конкуренты, а соратники. Комментаторы переиздания переписки редакторов обязательно будут участвовать в нашем проекте. Вот мы публикуем произведение, скажем, Ходасевича. А далее любопытно прочесть реакцию редактора: эта статья интересная или не очень, какие в нее были внесены поправки? С их разрешения мы будем цитировать эту переписку. Тем более что один из крупнейших западных ученых, который занимается русской литературой и, в частности, этой перепиской, – англичанин Ричард Дэвис. В далеком 70-м году я с ним познакомился, когда он приехал к нам на кафедру стажером. Он писал диссертацию

«Все события XX века в России, с 20-го по 40-й год, отражены в «Современных записках». Их источником была официальная пресса. Просматривались выходившие на родине газеты, не только центральные, но и провинциальные. И публиковались выдержки».

не понять. Есть человек, который может прочесть и откомментировать Шестова, – это московский философ Анатолий Ахутин. Другого специалиста я не знаю. Ведь в начале прошлого века философы были просвещенными людьми, они читали первоисточники на латыни, на греческом. Поэтому Шестов и не задумывался о том, что его читатель не сможет его понять. Конечно, было бы лучше, если бы «Современные записки» переиздали пару десятилетий назад, возможно, это как-то повлияло бы на общественное сознание. Ведь из впечатлений массового читателя формируется сознание народа. Тогда этот журнал запросто разошелся бы тиражом в 20 тысяч экземпляров, а то и больше. Если бы в стране была книготорговая сеть, такая, какой она была раньше в Советском Союзе! Кто сегодня повезет 20 экземпляров в Хабаровск и 20 – в Якутск? Я, помню, издал «Историю моего современника» Короленко в издательстве «Правда», тиражом 500 тысяч. А перед этим я то же произведение издал в Петербурге тиражом 200 тысяч экземпляров. И мгновенно все разошлось. Мне в Москве даже авторских экземпляров не досталось! Почему? А в издательстве мне ответили, что все

об Андрее Белом. А издание «Библиотеки поэта» со стихами Белого достать в нашей стране было невозможно. И он пошел на беспрецедентный, по меркам иностранного менталитета, шаг: попросил подарить ему книги с произведениями поэта. Мне, конечно, было жалко, но я подарил ему свой экземпляр. А Ричард отплатил мне сторицей: в течение 10 лет он присылал мне из Англии все новые издания «Библиотеки поэта». У нас их было не достать, разве что в «Книжной лавке писателя», а я тогда еще не был членом Союза писателей.

Что касается другого организатора этой конференции в Бохуме, Даниэля Риникера, то он у меня писал диплом об «Окаянных днях» Бунина. Видя его замечательные способности, я пригласил этого студента в соавторы при подготовке издания «Бунин: Pro et contra». Там он и публиковал свои комментарии. Сейчас он крупный ученый, и мы обязательно будем сотрудничать. В эту команду вошел также замечательный историк Олег Будницкий. Кстати, «нырнув» в архив

переписки редакторов «Современных записок», он обнаружил в материалах недостающие звенья для завершения своей книги «Золото Колчака». Все, что делают зарубежные и отечественные коллеги, это нам огромная помощь. Конечно, они нас обгонят, потому что комментирование 70 томов это кропотливый труд и долгая история.

– **Какое значение имел журнал «Современные записки» для русской литературы и русской культуры, с вашей точки зрения?**

– Огромное! Ни «Отечественные записки», ни пушкинский «Современник», ни «Вестник Европы», ни «Русское богатство», ни даже «Весы» или «Аполлон» ничего подобного не собирали – я имею в виду «букет» авторов.

– **Почему именно этот эмигрантский журнал смог стать лучшим?**

– Ответов на этот вопрос не менее пятнадцати, рассмотрим важнейшие. Во-первых, сложилась совершенно невероятная ситуация: в Париже собирается цвет русской интеллигенции. Во-вторых, люди оторваны от России, но еще верят, что Россия страхнет с себя наваждение большевизма. В-третьих, они себя воспринимали хранителями русской культуры, которая гибнет на Родине. Итак, пятеро хорошо образованных эсеров решили создать не просто партийный, а общественно-политический и литературный

– А вот это самое трудное. Всем кажется, что было две России: одна в Советском Союзе, другая – за рубежом. Неправда. Россия была одна – советская и эмигрантская, и они отражались друг в друге. Все события XX века в России, с 20-го по 40-й год, отражены в «Современных записках». Их источником, конечно, была официальная пресса. Они просматривали выходившие на родине газеты, не только центральные, но и провинциальные: «Правду», «Известия», «Молот» в Невеле, «Известия Перми», «Красную правду». По этим газетам они пытались понять, что происходит в России. И публиковали выдержки. Первое, что бросилось им в глаза при анализе русской прессы, – это расстрельные списки. Все газеты до определенного времени публиковали списки арестованных и расстрелянных «врагов революции». И это производит на эмигрантов чудовищное впечатление. Им становится понятной одна из причин, почему большевики удер-

{ «Современные записки» считаются энциклопедией русской религиозной философии 20–30-х годов XX века. Это первоисточник по изучению русской религиозно-философской мысли. }

журнал. Для них главное было, конечно, общественно-политическое содержание. Все толстые русские журналы традиционно занимались прозой и поэзией, а также обзоре жизни страны. А в «Современных записках» в центре внимания были события жизни Советской страны и реакция Европы и Америки на то, что там происходит. Но для того, чтобы этот общественно-политический журнал пользовался высоким спросом, в нем решено было также публиковать литературные произведения. А со временем литература и религиозная философия стали в «Современных записках» доминировать над политикой. Можно сказать, что литература, философия и история несколько «перевоспитали» издающих журнал политиков. Как ни странно, редакторы журнала даже начали пересматривать свое отношение к революции, не снимая с себя ответственности за участие в подготовке к ней.

– **Как могла редакция заниматься «внутренним обозрением», живя вдали от России?**

жались у власти: берешь газетный лист, а там расстрел, берешь завтра другой – тоже расстрел. Какие суды? ВЧК действует! Расстреливает и публикует. Или, например, промышленность исчезла – расцвело кустарное производство. Эмигранты это фиксируют, комментируют. Пишут, к примеру, о русском языке: «75 процентов слов у коммунаров и коммунистов – мат». И еще тревожные факты: «За три года смертность в России выросла в шесть раз. Если такое будет продолжаться, в стране людей не останется». Как не процитировать? Получалась страшная картина жизни на вынужденно покинутой Родине. Эмигранты внимательно читают официальную советскую прессу, излагают свое мнение.

Большевики отменили понятие «Родина». Для них был важнее интернационал. Они

не просто физически уничтожали страну, они уничтожали само понятие Родины как некоей субстанции, определяющей мирозерцание нормального человека. Из журнала в журнал идут материалы, в которых исследуется процесс уничтожения таких понятий, как «национальный характер», «нация». А наши в Кремле – читают журнал «Современные записки». Он выписывался в кремлевскую библиотеку

чуть ли не до 1924 года. И наши с «Современными записками» даже полемизировали на страницах газеты «Правда». Потом эта полемика прекратилась, так как большевики стали ощущать себя во власти все более уверенно. Получалось как бы два зеркала, в которых отражалось по-разному нечто, что мы можем назвать русской реальностью. Другого такого журнала или газеты, которые бы выходили в эмиграции непрерывно в течение 20 лет, не было.

– **Политики-редакторы смогли привлечь в свой журнал лучших литераторов, оказавшихся в эмиграции. Они оказались еще и тонкими знатоками литературы?**

– Нет, в литературе они не разбирались и привлекали профессионалов в этих вопросах. Каких авторов публиковать, определяли другие люди. Советы давали Михаил Цетлин, Марк Алданов, Федор Степун и другие литературные критики. Но в чем, допустим, была проблема первого журнала? А еще не все приехали в Париж. Еще нет Бунина, Шмелева, еще учится Набоков. И они обращаются к Алексею Толстому – он отдает им «Хождение по мукам». Хотя первые части этого романа уже опубликованы в журнале «Грядущая Россия», но он закрылся на втором номере. Так в «Современных записках» роман Толстого начинается с 11-й главы, а в приложении к первому номеру даются начальные главы. Смешно опубликовано. Приглашается Бальмонт. Помимо стихов он дает еще статью «Мысли о творчестве». Приехала Марина Цветаева, печатается она. Час-то «Современные записки» оказываются первоисточником при публикации писателей русского зарубежья. Мы с этим журналом сверяем тексты.

В «Современных записках», конечно, публиковали рукописи. Русская интеллигенция, бежавшая от большевиков, вывезла их в эмиграцию вместо золота и серебра. В журнале было огромное количество статей о русской литературе.

– **Зачем решили печатать статьи философов?**

– Это – особенность «Современных записок», которую не сразу осознаешь. Ведь он стал не просто одним из русских толстых журналов, он считается энциклопедией русской религиозной философии 20–30-х годов XX века. Это первоисточник по изучению русской религиозно-философской мысли. Из номера в номер идет Шестов. Затем Бердяев, да и вообще, все русские религиозные философы. Почему их при-

влекли? А потому, что их имена уже были широко известны как в России, так и за рубежом.

С какой целью пригласили известных философов? Эсеры, убежденные в справедливости идей социализма и демократии, решили устроить полемику с Советской Россией. Ведь там провозгласили те же идеи. Большевики и эсеры стояли на одной почве, только по-разному понимали одно и то же. Вот редакторы журнала и обратились к философам, надеясь, что мыслители все растолкуют. Но и Булгаков, и Бердяев, и другие авторы вместо трактовок сиюминутных общественных явлений писали о проблемах христианства и государства, христианства и социализма.

Что же получается? Журнал исторический, философский, религиозный, политический и литературный.

– **Можно ли считать эмигрантскую русскую литературу того периода гораздо сильнее той, которая развивалась при большевиках?**

– Это, несомненно, так. Литераторы-эмигранты были свободными, а в Стране Советов царил жесточайшая цензура. У нас вообще не было религиозно-философской тематики. У нас три главных журнала назывались «Безбожник», «Воинствующий безбожник» и «Безбожник от станка». У эмигрантов если и была некоторая идеологическая цензура, то по понятным принципам. Редакция не брала в печать работы националистов и своих идейных противников – монархистов. Хотя мемуары, в которых о монархии писалось положительно, они публиковали.

Главным принципом отбора авторов был талант. Политическая тематика со временем оказалась как-то отодвинута, хотя политики хватало. Например, однажды один из соавторов журнала, Вадим Руднев, исключил из романа Набокова «Дар» главу о Чернышевском. Это была цензура.

Между прочим, благодаря «Современным запискам» постепенно осознавалась миссия русской эмиграции. Бунин писал, что эмигранты должны хранить русский язык и русскую культуру.

В «Современных записках» было написано и опубликовано огромное количество рецензий, как на зарубежные издания, так и на книги, выходящие в СССР. В Париже эмигранты внимательно следили за нашей наукой, историей, нашими публикациями по истории литературоведения и прочему. Рецензии были яркими и точными. И сегодня по журналу «Современные записки» вполне можно изучать историю советской науки и культуры, причем в большей степени, чем по толстым ежемесячным советским изданиям. 

БЕСЕДОВАЛА НАТАЛЬЯ ШЕРГИНА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]

ФОТО АНТОНА БЕРКАСОВА

«ЛЮБИ СИРОТ, И МОЙ КОРАН ДРОЖАЩЕЙ ТВАРИ ПРОПОВЕДУЙ»

Валерия Иман Порохова – автор самого читаемого перевода Священной Книги мусульман на русский язык. Именно ее текст был использован для аудиозаписи в инновационном проекте «Священный Коран и Хадисы Пророка», который реализован при спонсорской поддержке фонда «Русский мир». О своей работе над переводом Корана и своем понимании ислама Иман Порохова рассказала в интервью журналу «Русский мир.ru».

Из предисловия к вашему переводу я узнал, что утверждался ваш труд в Академии исламских исследований Аль-Азхар Аль-Шариф, расположенной в Каире. Что это означает?

– Это единственная инстанция исламского мира, которая вправе выдавать заключение, насколько тот или иной перевод Корана на иностранный язык в точности передает смыслы, заложенные в Священном тексте. Только эта Академия наделена таким правом. В Академии действует Генеральный департамент по монограммам, научным исследованиям и переводам. При поступлении от

соискателя рукописи перевода Корана департамент собирает комиссию, как правило, из четырех-шести человек, безупречно владеющих двумя соответствующими языками. В моем случае комиссия проверяла текст шесть лет! 5 октября 1997 года было получено «Разрешение на печать и тиражирование». И только после этого перевод был впервые издан президентом и эмиром ОАЭ, эмиром Катара Аль-Тани, «Бейту з-Закат» Кувейта, фондом «Икра» Саудовской Аравии, президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым.

Наконец, недавно в России была создана электронная аудиозапись моего перевода. Это было сделано в рамках инновационного проекта «Священный Коран и Хадисы Пророка» при спонсорской поддержке фонда «Русский мир». Кстати, эта аудиозапись Корана – все суры Священного текста и хадисы Пророка записаны на русском и арабском языках – сравнима разве что с аналогичным английским изданием, выполненным в Великобритании. Но объективно она лучше, ибо имеет параметры такого высокого наполнения, которые отсутствуют в английской версии.

– Для чего нужна электронная версия?

– Это исключительно удобная версия получения знания, как для домашнего пользования, так и вне дома: в машине, офисе, на природе и тому подобное. Я получаю множество писем с благодарностью за то, что такое издание появилось.

ПОЧТИ ПУШКИНСКИЙ СТИХ

– Вы окончили Институт им. Мориса Тореза по специальности «английская филология». А арабский откуда?

– Я вышла замуж за Мухаммеда, гражданина Сирии, который в 70-х годах приехал в Москву на учебу. Я не знала тогда арабский язык. Когда прожила девять лет в Дамаске, пришлось выучить, чтобы выжить в арабоязычной стране.

– И все-таки вы не были профессиональным арабистом, когда взялись за перевод Корана. Ваши критики много чего по этому поводу говорят.

– Почему-то у меня, когда читаю ваш перевод, моментами в голове появляется мысль: да это почти пушкинский стих!

– Я не осознавала особенности моего стиля, но когда мне известный филолог сказал: «тут абсолютно пушкинский стиль!» – я была просто ошеломена.

– Тем более что у Пушкина есть короткое «Подражание Корану».

Если бы он прожил еще лет десять-пятнадцать, возможно, расширил бы эту тему. Кстати, а он читал тот Коран, который еще по повелению Петра перевели?

– Нет, он читал более поздний перевод – М.И. Веревкина. А самым первым был перевод П.В. Постникова, в 1716 году.

– То есть вы не исключаете, что Пушкин – с его огромным интересом к арабскому Востоку – мог бы сделать поэтический перевод всего Корана?

– Я представляю, как это было бы прекрасно!

– А кто эти критики? Те, которые себя никак не ознакомили. А еще те, которым, по словам доктора филологии Института востоковедения РАН М.Н. Османова, – кстати, тоже автора перевода Корана, получившего государственную премию, – «не дают спокойно спать лавры Валерии Пороховой». Ну а теперь серьезно: раз критикуете, значит, можете сделать лучше. Что ж, дерзайте! Но почему верующие все же так настойчиво покупают и читают мой перевод? Ведь общий тираж достиг уже полумиллиона экземпляров, претерпев три объемные редакции автора с многочисленными дополнениями.



обязательному ритуалу по настоятельному желанию мамы, Пороховой Надежды Павловны. Крещение состоялось в Николо-Богоявленском соборе Санкт-Петербурга. Но крещена была, не прочитав Библию, ничего не ведая о таинстве этого действия.

– **Но вы совсем немного побыли православной, приняв вскоре после этого ислам и надолго уехав из России с мужем. Нет ли противоречия между сказанным вами и реальной жизнью?**

– Но у меня такое ощущение, что вы это упущение в максимально возможной степени восполнили. Хотя я представляю, как сложно было соблюсти рифму и ритмику и в точности сохранить смысл. Поэтому вам приходилось использовать и скобки, и старорусские слова?

– Я двенадцать лет переводила. У меня много времени ушло на поездки в Академию Аль-Азхар Аль-Шариф, учет замечаний, нивелирование продукта. Что касается языка, вы должны понять: основополагающее смысловое содержание Корана за 1430 лет облечено практически в непререкаемую парадигму умами величайших ученых всего мира. И допустимые различия в толковании Священного текста тоже строго означены. Допустимы лишь те немногие частности, толкование которых не влечет искажения смысловой конструкции...

Известный филолог, доктор философии Вячеслав Али Полосин пишет, что настоящий переводчик религиозных текстов преисполняется пониманием, составляет внутри себя языковой образ – «язык-посредник», а уж потом передает его на «языке-цели», в данном случае на русском.

– **Какое влияние на вас оказало столь глубокое знакомство с Кораном?**

– Прочтение Корана воспитало во мне, как, впрочем, и во многих других, высокую культуру духа, уважение ко всему, сотворенному волеизъявлением Творца нашего. В Коране звучит интернационализм высочайшего уровня. Караются же согрешившие исключительно по деяниям! И здесь нет никакой избранности ни для арабов («О, арабы пустыни, вы говорите, что веруете, но нет в вас веры!»), ни для иудеев, ни для христиан. Более того, Коран – единственное Писание, которое проповедует уважение к «Людям Писания». Расшифровываю – к иудеям, христианам и мусульманам в равной степени: «И если бы Аллах не отражал одних людей (что злы в своих деяниях) другими (что в делах своих добры), то были бы снесены (Его угодой) монастыри и церкви, синагоги и мечети, в которых Его имя поминается сполна». (С. 22, ст. 40.) То есть Всевышний настаивает, что моленные дома находятся вне всех институтов веры, вне всяких конфессиональных различий.

О ВЕРЕ И РЕЛИГИИ

– **Вы когда-то были православной?**

– Я была крещена, ибо родилась в знатном дворянском роде Пороховых, и я всегда осознавала свою ответственность за продолжение рода. К крещению отнеслась как к

– Я считаю, что деление по конфессиональному признаку, в равной степени как и по национальному, безграмотно и неэтично. И я сказала об этом в 2007 году в своем докладе на комиссии ЮНЕСКО. Меня там услышали, доклад вызвал многодневную дискуссию и после публикации получил в ЮНЕСКО самую высокую оценку.

– **И что вы там сказали?**

– Что вера в Бога одна, она либо есть, либо ее нет. Заповедно-запретная канва исключительно всех Писаний одна и та же, и она достаточно строга. Человек, чтобы как-то ослабить узду тех обязательств, которые на него накладывает вера в Бога, – а это и есть заповедная канва – пошел на хитроумный ход: он на вере в Бога построил структуру веры, институт веры. И когда я сейчас нашла у великого Иоганна Вольфганга фон Гёте в «Западно-восточном диване» слова о том, что изменой миссии Иисуса была институционализация христианства и построение церкви Иисуса Христа, я подумала: «Господи! Ведь я к этому же пришла сама двадцать лет назад!» Я писала об этом еще в 1989 году в журнале «Наука и религия». Писала, что человек построил огромное количество разных институтов, которые обслуживают его повседневные жизнедеятельные нужды. И с верой он сделал то же самое – построил институт веры. Этот институт называется религией. Но это не есть вера в Бога. Это самый настоящий институт веры, который можно по надобности «и на версту отлучить, и приласкать на локоть», точно так же, как и все другие институты.

– **А как с исламом?**

– Прежде всего подчеркну, что ислам не является институтом веры. Ислам – это чистая, ничем не обремененная вера в Бога. У ислама нет централизованной структуры, которая направляет жизнедеятельность верующего человека. И в отсутствие формального института веры, наделенного полномочиями осуществ-

влять надзор над религиозной жизнью или же выражать официальную исламскую точку зрения, сравнимую с той, которую выражает папство или избираемое руководство церковных общин, интерпретация и применение Закона, изложенного в Коране и в сунне Пророка, происходит в соответствии с комплексом правил, разработанных учеными авторитетных правовых школ. Однако все решения, выносимые даже на уровне верховного шейха Аль-Азхара, носят чисто рекомендательный характер. При этом традиционные формы исламской духовности, которые когда-то были так изысканно представлены братствами суфиев, отягощаются до неузнаваемости идеологизацией ислама на политическом уровне с использованием чуждой исламу символики, что отражает трансформацию истинных исламских реалий в политическую идеологию, лишенную духа и буквы Господнего руководства...

– **Но ведь есть Мекка, есть паломники, есть муллы, вокруг которых все строится.**

– Нет мулл, вокруг которых все строится!

– **Не знаю, строится ли институционально, но они являются авторитетами, на их проповеди ходят...**

– Это не муллы. Это хазраты, которые хорошо образованны и просвещены. И приходят люди, как правило, не на проповедь, а на молитву. Естественно, приходят также, чтобы получить у хазратов полезные советы в сложных ситуациях: деление наследства, бракоразводные процедуры, грамотное воспитание детей, халяльное питание, одежды и тому подобное.

ИСЛАМ В ЕВРОПЕ И В РОССИИ

– Желая больше узнать о родословной моего отца-немца и бабушки-немки, я отправилась в Германию. Побывав, например, в Кёльне, я к своему удивлению узнала, что там закрыты почти все соборы. А работает один-единственный – Кёльнский собор, да и тот, видимо, потому, что охраняется ЮНЕСКО. Все остальные соборы проданы.

– **Не хватает денег у прихода?**

– Прихода просто нет! И прагматичные немцы продали их. Покупатели, ставшие собственниками соборов, организовали в них кто гостиницу, кто казино. Я разговаривала с одним человеком, который купил

ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ КОРАНА КАК УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Значение для российских мусульман электронной версии Корана, подготовленной в рамках проекта «Священный Коран и Хадисы Пророка» по инициативе и при финансовой поддержке фонда «Русский мир», трудно переоценить. Ведь сегодня немногие могут прочитать Священную Книгу ислама в оригинале – на арабском языке.

Поэтический перевод Священной Книги мусульман делает ее доступной для всех мусульман, владеющих русским языком. И, конечно, этот проект будет способствовать совершенствованию владения русским языком тех, кто в силу различных обстоятельств знает его недостаточно или почти его не знает. Ведь русский язык закрепляется среди мусульман России и бывших стран СССР как язык межнационального общения. Двухязычность программы (а на дисках записаны русский и арабский тексты Корана) помогает использовать электронную версию книги как своего рода учебное пособие. Значение и уникальность проекта заключаются не только в его высокой просветительской и духовной миссии, но и в использовании инновационных технологий. Программа включает в себя русский перевод Корана и хадисов* с комментариями к ним, а также оригинальный арабский текст Корана. Комментарии к Корану и хадисам для удобства просмотра показываются в отдельных электронных окнах. Программа дает возможность поиска по тексту Корана, хадисов и комментариев с учетом русской морфологии. Разработчики программы предусмотрели возможность создания закладок, которые позволяют быстро перейти к интересующим фрагментам текста.

Русский и арабский тексты Корана полностью озвучены, причем для арабского текста возможно прослушивание в отдельности каждого стиха (айата). Все звуковые файлы в формате MP3 можно скопировать с диска программы на компьютер, а также на любой MP3-плеер или мобильный телефон. Благодаря этому можно прослушивать тексты Корана в любом удобном месте.

«Хочется без преувеличения отметить, что выход в свет компьютерной программы «Священный Коран и Хадисы Пророка» – большое событие для всех мусульман, которых помимо духовного единства сближает русский язык», – отмечается, в частности, в послании муфтия шейха Равиля Гайнутдина руководителю фонда «Русский мир» Вячеславу Никонову.

* **Хадисы** – свод высказываний и поступков Пророка Мухаммеда, свидетелями которых были порой не только люди его ближайшего окружения, но и сотни и тысячи его сограждан.



очень красивый собор; ему понравилась колокольня. И что он сделал? Он построил на колокольне спальню, соорудил лифт и каждый день поднимается к себе в спальню. Когда я это слышала, мне хотелось плакать. Это настолько неправильно, цинично, отвратительно!

– Получается, что в Европе христианские храмы закрываются, а новые мечети открываются. Некий прообраз будущего России? Или уже настоящего? В Москве ведь уже около миллиона мусульман.

– Не так давно при открытии новой мечети в Москве наш мэр сказал, что мусульманская община Москвы и пригородов – 2 миллиона! И большинство из них живет в Москве. И в городе всего пять мечетей! Во всей Англии живет 1,5 миллиона мусульман, из них полмиллиона в Лондоне, так вот у них 75 молельных домов в одном только Лондоне! Самый большой – на Baker Street, 10. Всего в 20 минутах ходьбы от королевского дворца. И когда я пришла в пятницу туда, я была ошелоmlена числом молящихся, вся мечеть заполнена до отказа – и читальный зал, и магазин мусульманской литературы.

– Вы читали лекции в Оксфорде, других местах. Скажите как востоковед востоковеду: что у них, в ведущих университетских центрах Европы, и что у нас? Где мы и где они по части исламоведения?

– Я думаю, мы даже не на нуле, а на минус единице по сравнению с ними. Наше общество, включая образованный слой, не знает, что есть ислам. Вот, например, наши средства массовой информации говорят: «исламский терроризм». Но откройте любой толковый словарь, что означает слово «исламский»? «Мирный», «спокойный», «безопасный», а еще «ислам» означает «чистота намерений». То есть получается что-то типа «безопасный, мирный терроризм». Филологическая абракадабра! Не так ли?

– С другой стороны, исторически в России православные и мусульмане столетиями мирно сосуществовали...

– Да, нигде не было такого хорошего тандема, как в России с исламом. Не считая, конечно, времени Ивана Грозного, который совершил насильственное крещение Казанского ханства, после которого, конечно, Россия очень много потеряла.

МИФЫ И СТЕРЕОТИПЫ

– Но настороженность у обывателей не только от СМИ исходит. Вот цитата из Корана: «И тех, которые знамения наши отвергают, поистине мы будем жечь в огне». Это лишь одна из многих, я бы сказал, непримиримых, воинственных цитат. То есть получается, есть как бы мифы надуманные, а есть те, что формируются у стороннего человека под воздействием самого Корана.

– Ответу вам: могут ли вырванные из контекста строчки любого Писания претендовать на завершённую идеологическую версию этой Книги? Открываем Новый Завет и читаем прямую речь величайшего Господнего Посланника – Иисуса Христа: «Не думайте, что я принес мир на землю, не мир принес я, но меч. И я разлучу...» Далее перечисляются жестокие угрозы. Я считаю, что это удачная иллюстрация неправильной интерпретации слов, вырванных из контекста Писания, и я полагаю, что не имеет смысла делать акцент на том, что нас разъединяет. Поэтому единственный текст, который настаивает на Единстве Божественного Волеизъявления, это коранический текст суры 5, ст. 44, 46, 48.

«И это Мы, кто низвели им Тору, в которой правый путь и свет,

По ней судили иудеев те пророки, что Господу всем сердцем предавались.

Раввины и ученые мужи судили по тому, Что было им доверено хранить из Божьей Книги».

(С. 5, ст. 44.)

«По их следам отправили Мы Исса, сына Марьям,

Чтоб истинность Закона (Моисея) утвердить...

Ему Евангелие Мы послали, в котором правый путь и свет,

И подтверждение того, что до него ниспослано в Законе».

(С. 5, ст. 46.)

«Мы Книгу в истине тебе (О, Мухаммед!) послали

Для подтверждения того, что прежде из Писания пришло,

Для охранения Его от всяких искажений...

И если бы желал Аллах, Он сделал бы Вас всех одним народом,

Но (волею Своей Он хочет испытать вас)

(На верность в соблюдении того), что Он вам даровал...

Стремитесь же опередить друг друга в сотворении благого.

К Аллаху – возвращение вас всех, –

Тогда Он ясно вам покажет все то, в чем расходились вы».

(С. 5 ст. 48.)

– В Коране, «что касается тех женщин, непослушания которых вы боитесь» дается такая рекомендация: «сначала убеждайте их, а если это не поможет, вы отлучайте их от ложа, а коли это не поможет, вы можете (слегка) ударить их, и если станут вам послушны, то не ищите ссоры с ними». То есть раз стану перечит...

– Нет-нет, тут не перечить имеется в виду. Если она не соблюдает целомудрие и муж уличает ее в этом. Если она демонстрирует перед посторонними свои сексуальные прелести, неумеренно флиртует, то, не будем с вами лукавить, это не что иное, как активное привлечение внимания противоположного пола. Проще говоря, приглашение к блуду. Это и чрезмерное расточительство домашнего бюджета, и бесхозяйственность, и легкомысленное отношение к детям, и неуважение старших. Вот то непослушание, о котором предупреждает коранический текст.

ТЕРРОРИЗМ ЛИЧНОСТНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

– Когда в московском метро взрывает себя и невинных людей девушка, которая окончила магистратуру, является преподавателем, это становится для многих настоящим шоком. А оказывается, она «черная вдова», и вот тогда на эту тему начинают писать. А в «обычное время» никто не интересуется этими «черными вдовами»...

– Это – *личностный* терроризм, отягощенный эмоционально, усиленный попраным достоинством своих культовых и национальных чувств. И надо проводить грань между личностным терроризмом и хорошо организованным *государственным* военным терроризмом в пользу чьих-то геополитических национальных интересов за десятки тысяч километров от своих границ. Например, то, что делают США в Афганистане и Ираке. Что это? Это государственный терроризм!

– Но нас больше волнует, когда в центре Москвы взрывают себя шахидки с высшим образованием.

– Мы вообще не имеем права называть этих женщин шахидками. Шахид – это человек, погибающий за веру. Он никого не убил, он никого не уничтожил – ни одну невинную душу. Он погиб за веру. Знаете, кто был шахидом? Русский мальчик, который в конце 90-х был захвачен чеченскими террористами. Ему сказали: давай, снимай крест, принимай



ислам, и ты будешь жив. А он сказал: нет, я воин Иисуса Христа. Ему отрезали голову. И когда шейха Тантауи из Академии Аль-Азхар Аль-Шариф попросили дать этому действию экспертную оценку, тот сказал: этот мальчик пойдет в рай, потому что он шахид – он погиб за веру. А те, кто его убил, пойдут в ад.

Женщины, которые взрываются и убивают невинные души, кормильцев семей и оставляют детей сиротами, пойдут в ад. И они никакого отношения к великому званию «шахид» не имеют. Да, для мусульманина это счастье – умереть за веру. Но они умирают не за веру. Они умирают совсем за другое. Они потеряли смысл жизни. У

женщины убили мужа, отца, брата, сына, ей незачем жить, и она мстит. Это не возмездие. Это самая настоящая месть, от которой погибают невинные люди. «И не убий ты душу, что Господом твоим освящена была», – говорит Всевышний в Коране. Она – не шахидка. А наша пресса присваивает ей это величайшее звание. И у нее на родине ей поют гимны, потому что она названа шахидкой. Раз по телевизору сказали – значит, шахидка! Вы понимаете, какая страшная вещь получается?

– **А те шахиды, которые взрывают себя в Израиле?**

– Они также не попадут в рай. Равно как и те, которые наносят ответный, куда более жестокий удар – вследствие непоставимости военной мощи – и, естественно, приводящий к гораздо большему числу жертв.

В кораническом тексте и в хадисах Пророка категорически запрещается самоубийство, и человек, совершающий это

действие, попадает в ад. Самоубийство нельзя ничем оправдать. Это личностный протест, обусловленный влиянием со стороны, отягощенный эмоциональным состоянием, невежественностью и т.д. Он не имеет никакого отношения к вере в Бога, а, когда сопряжен с убийством других людей, это уже смертный грех.

Но что меня огорчило как русского человека, любящего свою страну. В 8 часов утра был совершен теракт на «Лубянке», чуть позже – на «Парке культуры». В 10 часов утра мне позвонили с «Радио Свобода». Сразу за ними мне позвонили с Би-би-си на предмет экспертной оценки. А с российской радиостанции позвонили только ближе к вечеру, причем в последнем случае я не уверена, пошло ли сказанное мною в эфир.

Наши СМИ работают, скорее, на предмет освещения события, нежели на исследование причинно-следственных связей с тем, чтобы не допустить повторения трагедии. При этом обильно используют религиозную и национальную составляющие, посягая на политическое единство и стабильность России, с одной стороны, и на культовые чувства верующих – с другой, навязывая им равную ответственность за безответственное поведение их «единоверцев». Грамотно освещались эти темы в конце 90-х. Например, в программе «Тысяча и один день энциклопедии ислама» (104 передачи), которая шла по пятницам на РТР в течение нескольких лет, где я была ведущей. Или в программе «Все суры Корана» (свыше 50 передач), которая шла на канале «Культура».

– **Вернемся к вашему переводу. Итак, вы выдвинули, по ощущению многих, почти пушкинский текст. И вам его в Каире утвердили...**

– Утвердили смысловую адекватность: концептуально и текстуально. Они убедились в отсутствии смысловых искажений «при наличии допустимого разночтения ведущими толкователями исламского мира. А что касается стилистики перевода, насколько красив стиль вашего перевода, мы не можем до конца оценить. Не можем до конца постичь красоту русского языка, потому как не владем им в той же степени, в какой им владеете вы. Но для нас приоритетным является смысл и грамотность изложения», – это прямая речь ведущего специалиста Аль-Азхара в его заключительной оценке.

– **Еще один миф: ислам – одна из самых консервативных религий, застой, отсутствие прогресса...**

– О каком прогрессе в религии идет речь? Религия – это то Писание, которое правит всей нашей жизнедеятельностью, является уставом для проживания в условиях земной реальности. Человек – предмет творчества некоего Абсолюта. Более того, в программу сотворения Господней мудростью был введен мощный элемент эволюции. Мы являемся разумными свидетелями функционирования программы, которая «работает» в совершенном режиме по законам эволюции, открытым гениальным Гегелем. И здесь мы правильно выбираем глагол **«открытым»**: но ведь кем-то они были **названы**? Мы говорим о многочисленных гениальных открытиях и присуждаем Нобелевские премии людям, сделавшим их, но деликатно умалчиваем о Творце, положившем их в основу Своей эволюционной программы.

А вы знаете, что Пророк вещал, находясь в состоянии странного транса? Лицо его покрывалось густой краской и влагой, более того, выйдя из этого состояния, то есть закончив вещание, он не мог ни прокомментировать, ни толковать ни один пассаж, который был им сию минуту произнесен. Крупнейший немецкий исламовед Август Миллер выдает этот факт за неоднозначное свидетельство того, что Откровение низводилось свыше, и настаивает на нерукотворности Корана. Реагируя на такое утверждение своего соотечественника, немецкие врачи провели масштабное исследование персоналий, крупнейших ученых, явивших миру основополагающие законы во всех областях научного знания. И что же они обнаружили? Весомое число этих ученых совершили свои открытия в состоянии некоего транса, причем природой транса некоторых из них, далеко не всех, была височная эпилепсия. Это стало известно при медицинских исследованиях таких великих мужей мира, как Исаак Ньютон, Федор Достоевский. И больше не хочется называть никаких имен. Может быть, это Господне кодирование Своих избранных? Как знать... 

БЕСЕДОВАЛ ЕВГЕНИЙ ВЕРЛИН

ДЕЛО МАРКСА

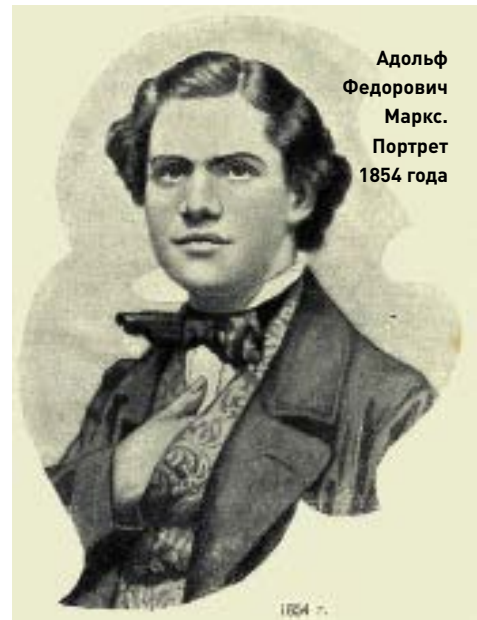
ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Годовая подшивка «Нивы» была до революции почти в каждом читающем доме. Серьезные литераторы и общественные деятели посмеивались над благонамеренностью журнала и ядовито вышучивали «картинки из «Нивы», висевшие на стенах мещанских домов по всей России. И все-таки «Нива» так и осталась в культурной памяти страны одним из лучших ее журналов и одним из самых успешных издательских проектов. В чем секрет ее успеха?

В 1859 году в Россию приехал молодой немец Адольф Маркс, сотрудник лучшего в Берлине, а может быть, и в Европе, книжного магазина. Книготорговец Битепаж пригласил перспективного юношу помочь с организацией дела в России. И Маркс, которому тогда был 21 год, отправился в чужую страну, не зная даже ее языка. Пять лет проработал у Битепажа, потом перешел к Маврикию Вольфу, успешному издателю, однако вскоре ушел и от него. В 1869 году Маркс взялся за самостоятельное издание книг, а через год основал журнал «Нива». Тонкий еженедельник был иллюстрирован гравюрами (к каждой из которых давалось основательное пояснение) и рассказывал читателю о новостях науки, о международной жизни, о медицине. В нем печатались рассказы и стихи русских и зарубежных литераторов, часто – повести и романы с продолжением. Уже в первый год существования журнала с

ним стали сотрудничать поэт Аполлон Майков, писатель Всеволод Крестовский, художник Константин Маковский. Постепенно вокруг издания сложился круг авторов, которые отличались известным консерватизмом. Общественную позицию журнала проще всего было бы определить словами «за веру, царя и отечество»; российская жизнь в нем представляла очень спокойной, основанной на незыблемых устоях, картина мира была ясной и простой. Самые громкие имена среди авторов ранней «Нивы» – Фет, Полонский и Лесков.

Возьмем подшивку за первый год издания журнала – 1870-й. В ней мы найдем историческую повесть, отчет о Всероссийской мануфактурной выставке с гравюрами (вот главный сад и вход в аквариум, вот пушка-великан Обуховского сталелитейного завода, вот панцирная броня в разрезе). Читателю рассказывают об уходе за больным, о потогонных средствах, обсуждают женский вопрос, повествуют о диком итальянском обычае «чиччата» (это нечто вроде дуэли на ножах до смертельного исхода). Есть военные мемуары, охотничьи рассказы, очерки Кавказа,



Адольф
Федорович
Маркс.
Портрет
1854 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО И. ЗОЛОТАРЕВЫМ

история жизни Наполеона III с картинками. Политическое обозрение. Воззвание Гюго. Письмо Карлайля. Статья о водороде в природе и хозяйстве, статья об озоне. Иллюстрированный очерк «Помещение для скоропостижно умерших в Нью-Йорке»: «Моргой в Нью-Йорке называется здание, в которое сносятся все умершие на улице, раздавленные, утопленники...» Автор подробно описывал, как все организовано у американцев («с потолка идет над каждым из столов трубка, из которой безостановочно струится критановая жидкость и поливает охлажденные трупы»), и резюмировал: «К несчастью, у нас в Петербурге до сих пор еще нет ничего подобного, а между тем, в виду часто повторяющихся несчастных случаев, не мешало бы подумать об этом».

БОЛЬШАЯ ПУБЛИКА МАЛЕНЬКИХ КОШЕЛЬКОВ

Журнал был относительно недорог – годовая подписка стоила от 4 до 5 рублей, в зависимости от места проживания читателя и необходимости доставки и пересылки журнала. Уже в первый год выпуска подписаться на «Ниву» можно было не только в Москве, но и в Берлине; в 1870 году подписчиков было 9 тысяч – гораздо больше, чем у любого другого русского журнала.

Издатель постоянно придумывал способы увеличить подписку. Сначала они были довольно стандартными. В 1871 году подписчики журнала стали получать бесплатное приложение «Парижские моды» – с обзором тенденций, изящными картинками, узорами для рукоделия и практичными выкройками. В 1879 году Министерство внутренних дел позволило Марксу посылать подписчикам «бесплатные премии, заключающиеся в книгах, картинах, фотографиях, портретах, географических и прочих картах, планах, общественных играх, календарях и т.п. изданиях». До тех пор рассылка приложений была не особенно популярна; Маркс положил начало целой отрасли издательского дела, существующей и по сей день.

Адольф Федорович внимательно следил за новинками в издательском деле, внедрял новые технологии и постоянно работал над тем, чтобы максимально удешевить свою продукцию, не теряя при этом в ка-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

честве. Недорогая продукция Маркса не была дешевкой: он с уважением относился к небогатой публике и старался дать ей за ее небольшие деньги интересный журнал и по-настоящему хорошие книги.

К середине 1880-х тираж «Нивы» перешагнул 100-тысячный рубеж. Это означало, что в малограмотной прежде России появился большой читательский слой – «большая публика маленьких кошельков», по чьему-то удачному выражению. Менялись читатели – менялось и изображение семьи подписчиков на первой странице журнала. В первые годы издания типичные читатели выглядели настоящими арис-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

**Издательство
А.Ф. Маркса.
Цех типогра-
фии. С.-Петер-
бург. Начало
XX века**

тократами – гладко выбритый, хорошо одетый мужчина в сюртуке и дама в пышном платье с завитыми локонами. В последующие годы мужчина отрастил бороду (в 1900-е это уже стала типичная интеллигентская бородка клинышком), а дама стала одеваться и причесываться поскромнее. Третий член семьи, дитя, почти не видоизменился – да его толком и не видно, картинка маленькая.

ИСКУССТВО УДИВЛЯТЬ

Круг читающей публики вбирал в себя все новые и новые социальные слои, вплоть до грамотных рабочих и крестьян. За внимание и деньги нового, массового читателя стали бороться старые и новые издания. Конечно, полезный опыт «Нивы» многие тут же переняли и тоже стали рассылать подписчикам бесплатные приложения – моды или олеографии. Чтобы сохранить за собой преимущество, Марксу приходилось постоянно изобретать что-нибудь новое.

Поэтому в 1889 году к журналу стал прилагаться ежегодный литературный сборник. Со следующего года он стал ежемесячным, затем в год стало выходить 24 таких сборника. Впоследствии приложение к «Ниве» превратилось в самостоятельное периодическое издание.

Маркс резко повысил гонорары за публикации в «Ниве» и постарался привлечь на страницы журнала лучших отечественных писателей: Гончарова, Григоровича, Толстого, Тургенева;

целые драмы можно писать об истории его переговоров с умирающим Тургеневым о его последнем произведении или с Толстым по поводу издания «Воскресения» в пользу канадских духоборов. Впрочем, публикация «Воскресения» в 1899 году стала крупной удачей «Нивы».

Старый круг малоизвестных писателей постепенно уступил место созвездия замечательных имен. «Нива» печатала стихи Алексея Толстого, Тютчева, Случевского, прозу Николая Успенского, Станюковича, Чехова, Мамина-Сибиряка, Григоровича...

Фирма Маркса не ограничивалась изданием «Нивы», основной целью было книгоиздание. Маркс был уверен, что для русского читателя интересней всего русские авторы – и ставку сделал именно на русскую литературу, хотя издавал и иностранных авторов.

Сначала, пока финансовое положение фирмы было неустойчивым, Маркс вбирал авторов, которым не надо платить гонорар, – умерших более 50 лет назад; за полвека истекло авторское право.

Так он издал Фонвизина, Кольцова, Екатерину II. Когда его положение на рынке упрочилось, а «Нива» стала давать стабильный доход, он смог покупать права у наследников писателей, на чьи произведения авторское право еще не истекло. Затем смог заняться и неприбыльными издательскими проектами, к которым лежала его душа: к роскошному, на века, изданию хороших книг –

таких, которые держат на полке десятилетиями и передают потомкам. Выбор книг для издания говорит сам за себя: «Потерянный рай» Мильтона с иллюстрациями Доре, «Фауст» Гёте. Позднее вышли в свет сказки братьев Гримм, «Рейнеке-лис» («Лис Патрикеевич») Гёте и «Мертвые души» Гоголя – издание, в которое Маркс вложил множество средств и душевных сил.

Еще в начале работы над «изящными» изданиями Маркс писал переводчице «Потерянного рая»: «Я больше двух лет употребил на составление и приготовление этого издания; хорошо было бы, если бы русская публика приняла эту книгу, хотя с малой долей той любви, которую я положил на нее. Предпринимая это издание, я не рассчитываю на то, что оно может скоро разойтись, и знаю, что мне в несколько лет не покрыть расходов на него, но это только доказывает, что есть идеалисты, которые хотят работать без надежды на скорую пользу».

Впрочем, с такой же любовью Маркс относился и к более скромным изданиям – полным собраниям сочинений и одно-томникам русских классиков. Они не были вполне научными, как в других издательствах, с ними не проводилась такая дотошная текстологическая работа, однако они были иногда в десятки раз дешевле – при большом тираже и приемлемом качестве. Именно с Адольфа Федоровича Маркса началась традиция дешевого издания русской классики большими тиражами.

БИБЛИОТЕКА «НИВЫ»

Другие издания не отставали: рассылка литературных сборников подписчикам стала обычной практикой. Поэтому в 1894 году Маркс сделал следующий шаг. Теперь подписчики «Нивы» стали получать в качестве приложения к журналу бесплатные собрания сочинений русских и иностранных писателей. Так началась совершенно новая страница в истории журнала и его приложений.

Русскую классику Маркс выпускал обычно двумя изданиями: первое было коммерческое – большой тираж, невысокая цена. Второе издание – бесплатное приложение к «Ниве», тираж зависел от подписки. Постоянные подписчики «Нивы» собирали целые библиотеки русской классики. В течение года они получали

в качестве приложения одно-два собрания сочинений. Бесплатные собрания приводили в журнал массы подписчиков – в 1904 году у «Нивы» их было 275 тысяч – второй результат в Европе.

Коммерческий успех «Нивы» позволял финансировать издательские проекты. Сам Маркс определял свою задачу так: «Главная цель «Нивы» – служить в области печатного слова культурным задачам дорогого нашего отечества. В этом она полагает и все свое значение, и все свое честолюбие; этим определяется и содержание ее приложений. Сделать выдающихся наших писателей общедоступными – одно из верных средств достижения этой плодотворной цели».

Ломоносов, Жуковский, Лермонтов, Грибоедов, Гоголь, Гончаров, Достоевский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Лесков, Чехов, Фет – это далеко не полный список авторов, чьи произведения фирма Маркса издавала отдельно и в составе собраний сочинений, в том числе приложениями к «Ниве».

ОЛЕОГРАФИИ

Картинки в «Ниве» и приложения-репродукции к ней – совершенно особая история. «Нива» знакомила читателей с творчеством русских и иностранных художников: рассказывала о недавно состоявшихся художественных выставках, воспроизводила самые интересные из выставленных картин. Картины известных художников сначала публиковались в виде гравюр. Позднее в журнале стали

А. Степанов.

**Утренний
привет**

**(Утро
помещика
в усадьбе).**

**Музей имп. АХ.
«Нива» 1913,
№25, 22 июня**



А. Степанов. Утренний привет. Худ. мастерская Академии Художеств.

появляться фотографии. Иллюстраций из года в год становилось все больше.

В качестве приложений подписчикам бесплатно высылали олеографии и хромолитографии – цветные, многокрасочные репродукции, которые позволяли читателям – особенно провинциальным – получить личное представление о картине. Олеографии и хромолитографии были несовершенны и трудоемки, они неточно передавали и иногда даже искажали цвета. Их часто бранили за безвкусицу и аляповатость, которые в первую очередь объяснялись уровнем развития типографской техники. Во вторую очередь – дело в социальных слоях, которым пришлось по душе олеографии из журнала. Эти картины вытеснили из употребления совсем уже низовые культурные явления: лубок, народные картинки про битву русских с кабардинцами... Репродукциями из «Нивы» в глухой русской провинции стали украшать стены в избах и трактирах – это прибавило журналу дурной славы, но очень способствовало просвещению: Маковский, Шишкин, Верещагин стали известны даже в отдаленных уголках Российской империи. А позднее Маркс стал издавать и целые художественные альбомы – Айвазовского, Репина, других художников.

А.Ф. Маркс
в редакции
журнала
«Нива».
Рисунок
Е. Самокиш-
Судковской.
«Нива»
1904, №50,
11 декабря



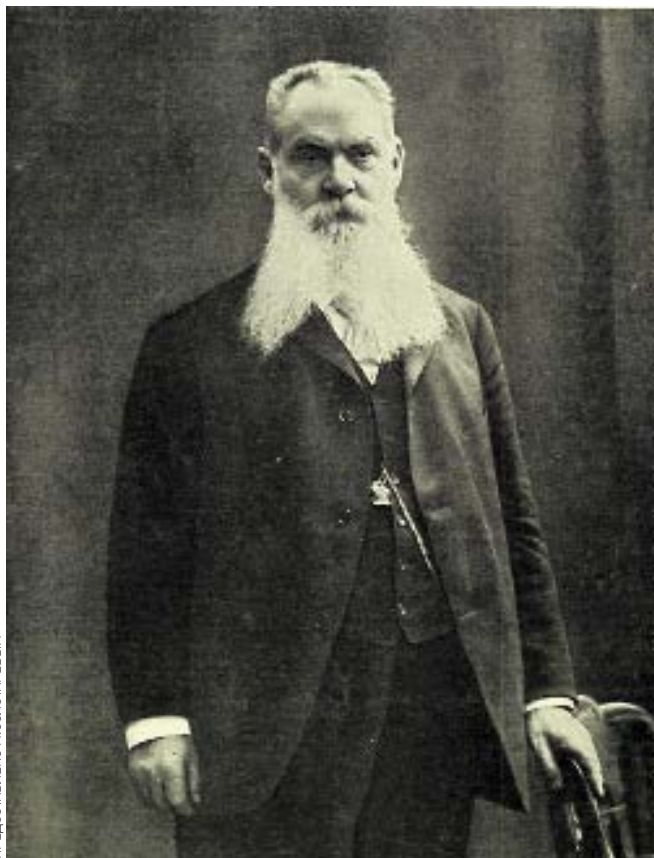
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПОСЛЕ МАРКСА

Маркс умер в 1904 году, однако «Нива» не погибла – напротив, обрела второе дыхание, в чем большая заслуга ее последнего редактора, Валериана Ивченко (Светлова). Его усилиями в журнале появилось новое поколение замечательных литераторов: Мирра Лохвицкая и ее сестра Тэффи, Блок, Есенин, Куприн, Мандельштам, Брюсов, Мережковский, Георгий Иванов, Чулков, Бальмонт, Кузмин, Сологуб, Грин, Ремизов... С «Нивой» сотрудничал (как журналист и публицист) Корней Чуковский, печатался адвокат Анатолий Кони, искусствовед и художник Игорь Грабарь, шахматный раздел вел Зноско-Боровский, известный не только как шахматист, но и как драматург и критик. Аудитория «Нивы» тоже подросла и изменилась: теперь это был журнал уже не для среднего мещанина, а, скорее, для среднего интеллигента. Впрочем, ни своей консервативности, ни своей благонамеренности он не потерял. «Ниву» периода ее расцвета выделяет обилие отличных иллюстраций (для журнала работали замечательные фотографы, в числе которых Булла) и колоссальное обилие рекламы – «угрина», «бородорастителя», шоколада и какао, «лучшей крыши Руберойд», слабительного Purgin («Вкусно. Нежно. Надежно»), коньяка Шустова, вина Хина-Ларош, которые рекламируют театральные артисты, в том числе Шаляпин.

Полистаем подшивку за 1907 год. Выставка картин в Академии художеств. Фоторепортажи: «продовольственные работы для голодающих в городе Кинешме», «безработные ожидают очереди для получения провизии», «парад в Высочайшем присутствии», «наводнение в Кременчуге», «лаборатория бомб в Финляндии», «закладка памятника Гоголю». Серьезные статьи с серьезными названиями: «Из практики современного судостроения военных флотов». Подробный, с фотографиями и схемами, рассказ «спасение заживо погребенного» – о человеке, попавшем в завал; на фотографиях ему проиг-

рывают через просунутую в землю трубу песни через фонограф и подают пищу; на схемах – как просунули эту трубу и какие копали траншеи и тоннели, чтобы его спасти. Искусствоведческая статья о Нестерове и множество его картин. Картины Семирадского. Очерки по истории конституции. Жизнеописание Гарибальди. Подарки Франции русской армии. Общий портрет царской семьи «по поводу счастливого избавления



**Адольф
Федорович
Маркс. Фото-
графия начала
1900-х годов**

от готовившегося покушения на Особу Его Императорского Величества». Много групповых фотографий – скажем, «женщины-депутатки Финского сейма», «ходоки к крестьянским депутатам», «старообрядцы». Разное: винодельческая революция во Франции, слоны-дровосеки в Азии. В качестве приложения – заканчивается собрание сочинений Станюковича, начинается десяти томный Алексей Толстой. Тексты большие, гораздо больше мелкого шрифта, чем в прежние годы: объем издания не увеличился, но он стал плотнее и насыщеннее. Революция сильно изменила «Ниву»: из нее пропали фоторепортажи и проблемные статьи, исчезла политика. Однако «Нива» продолжала выходить. Реклама из нее тоже пропала: все частные объявления стали монополией советской власти. Собрания сочинений, однако, продолжались и в 1918 году – последнем в жизни «Нивы». Подписчикам высылали Герцена, Горького, Короленко, Беранже и труды историка Кареева. О чем теперь пишет «Нива»? «Картины русской жизни» с крестным ходом на Троицу и рассказом из жизни сельского батюшки, этнография и страноведение («улица в Эрзеруме», «калмыцкая легенда», виды Константинополя)... В журнале почти никак не отражается современная жизнь с ее трагедиями (разве что намеками: в серии крымских работ Маковского одна называется «Товарищ»: сидит полупьяный босяк с двумя бутылками вина) – а поди-ка попробуй в 1918



году говорить прямым текстом. Зато очень подробно, из номера в номер, обсуждается Великая французская революция: очерки Кареева, статьи Власа Дорошевича, картины и гравюры – все о Марате, Дантоне, Робеспьере; это был единственный известный русскому интеллигенту опыт состоявшейся революции; в истории Французской революции люди пытались искать ответы на свои сегодняшние вопросы.

И еще вопросы: «сколько нужно земли, чтобы разбогатеть?» – пропагандируется опыт немца-садовода, разбившего фруктовый и розовый сад с пасекой на клочке 20 на 20 сажень. Инженер Рюмин очень научно обсуждает животрепещущий для замерзающих Москвы и Петрограда вопрос «топливо и тепло» – как правильно топить печь. Роли Шаляпина. История помпейских раскопок. Неизбежные для 1918 года Пьеро и Коломбины. «Галантный разговор» Сомова.

В сентябре 1918 года советская власть закрыла все буржуазные издания, в том числе «Ниву». Многолетняя блестящая история журнала закончилась.

Остался простой секрет успеха: любить то, что делаешь, уважать своего читателя, издавать хорошо, продавать недорого – и понимать, что есть ценности выше прибыли. Но почему-то так, как у Маркса, ни у кого не получается. ❏

**Кабинет и стол
А.Ф. Маркса
в редакции
журнала
«Нива».
С.-Петербург.
Начало
XX века**

ИСКУССТВО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ЛАДА КЛОКОВА, АЛЕКСАНДР БУРЫЙ
ФОТО АЛЕКСАНДРА БУРОГО

– Галина Сергеевна, а для чего в аудитории уют?
– Как – для чего? Это орудие пытки для
нерадивых студентов. – Заведующая
кафедрой реставрации факультета
церковных художеств Православного Свято-
Тихоновского гуманитарного университета
Галина Сергеевна Клокова хитро улыбается.

А

если серьезно?

– Ну а если серьезно, то для чего обычно нужен уют? Чтобы проглаживать, естественно.

– Что проглаживать? Иконы?!

– Иконы, иконы. Майя, поясните, пожалуйста!

Слушательница курсов повышения квалификации кафедры терпеливо объясняет: из папиросной бумаги делается специальная профилактическая заклейка для пострадавших участков икон. Она пропитывается теплым клеем, потом накладывается на реставрируемую икону и проглаживается опять-таки теплым («Ни в коем случае не горячим!» – строго подчеркивает Майя) утюжком.

«ГОРА», «ГУМ» И «МОЗГИ»

Мы в гостях у реставраторов – на «Горе». Так на кафедре реставрации факультета церковных художеств Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (ПСТГУ) называют отделение, расположенное на четвертом этаже обычной хрущевки. Она находится у самой Поклонной горы, так что происхождение «топонима» вполне понятно. Кроме того, студенты университета занимаются в «ГУМе» – в гуманитарном корпусе МГУ. Раньше еще были «Мозги» – НИИ мозга РАМН, что на Яузской. Но теперь институт боль-

ше не может предоставлять помещения для занятий учащихся ПСТГУ, и «Мозги» канули в Лету.

Галина Сергеевна Клокова – реставратор высшей категории, создатель и бессменный руководитель кафедры – водит нас по небольшим аудиториям-мастерским, четко дает пояснения, демонстрирует поврежденные и отреставрированные иконы, успевает отвечать на многочисленные телефонные звонки и наши вопросы. Из этой импровизированной захватывающей экскурсии мы узнаём, почему иконы «болеют», зачем получают свои «паспорта» с фотографиями и для чего, прежде чем вернуть владельцу, их покрывают несколькими слоями лака так, чтобы они блестели, как зеркало. Понимаем, что основными инструментами реставратора являются скальпель, ватные тампоны на деревянных черенках, микроскоп, фотоаппарат, утюг и, разумеется, кисти. И замечаем, что в аудиториях – сплошь девушки и молодые женщины.

– Галина Сергеевна, а ребята к вам на кафедру не идут учиться?

– Очень мало. В основном к нам идут девушки. Правда, вот сейчас учатся двое ребят. И это обычная ситуация, а не исключение.

– А есть ли разница между подготовкой реставратора светских произведений искусства и реставратора икон или фресок?

– Это одно и то же практически на 99 процентов. Разница обнаруживается только на последнем этапе. И в светских вузах, и у нас обучают реставрации икон, но мы не обучаем реставрации настенной живописи – условий нет.

Светские учебные заведения готовят реставраторов для музеев, где никакое вме-

шательство в «ткань» произведения недопустимо. То есть если у святого на иконе нет глаза, то глаза и не будет. А в церкви икона без глаза существовать не может, она ведь объект поклонения, молитвы. Поэтому на последнем этапе у нас осуществляется тонировка – итоговая косметическая реставрация. Если через 50 лет потребуются убрать тонировку, то она исчезнет с иконы без всякого следа. Важно подчеркнуть, что в светских вузах тоже учат правильно тонировать,



но там тонируют мелкие утраты, а крупные не трогают, чтобы несведущий зритель в музее не спутал реставрационную тонировку с живописью мастера, скажем, XV века. А у нас учат тонировать с реконструкцией утраченных элементов живописи.

– **Как восстанавливают утраченные фрагменты икон?**

– Ищутся аналоги, делается проект реконструкции иконы, затем этот проект утверждается на реставрационном совете и только после этого переносится на икону.

– **Что такое реставрационный совет?**

– Наш реставрационный совет состоит из преподавателей кафедры и приглашенных со стороны специалистов. Так что это весьма авторитетная комиссия.

РЕСТАВРАЦИЯ

[лат. *restavratio* – восстановление, возрождение] – возвращение изначального облика предметам старины. Первые сведения о реставраторах относятся к Средневековью, а профессиональные школы реставрации начинают складываться уже в XVII–XVIII веках. В эпоху романтизма французский архитектор Эжен Виолле-ле-Дюк обосновал необходимость изучения стилистики и строительной техники реставрируемых готических храмов. Самостоятельной наукой реставрация памятников искусства становится в середине XIX века. В 70-х годах XX века ЮНЕСКО приняла международную Конвенцию об охране Всемирного культурного и природного наследия, которая была ратифицирована СССР в 1988 году.



На кафедру реставрации ПСТГУ приносят старые иконы, оклады и церковную утварь. Здесь эти предметы церковного искусства обретают вторую жизнь

– Какие дисциплины изучают будущие реставраторы?

– Особый акцент у нас делается на изучении христианского искусства. Конечно, обязательно изучают академический и иконописный рисунок, живопись. Историю, философию, иностранный язык, всемирную историю искусства, историю реставрации, климатологию, физику, химию, основы организации реставрационного производства, ОБЖ, физкультуру, фотодело.

– Фотографировать нужно каждый этап реставрационного процесса?

– Каждый этап нужно фиксировать. Но... Мы стеснены в средствах, и у нас нет нормальной фотолаборатории, где можно было бы учить устанавливать штативы, свет и т.д. Нам сложно учить студентов фотоделу как положено. К тому же у всех разная техника – у кого мыльница, у кого хороший цифровой фотоаппарат. Поди-ка всех разом научи... Это вообще проблема. Ведь фотографов, специализирующихся на съемке икон или фресок, – единицы. И никто из них не поедет в далекую церковь из-за двух кадров. Это дорогое удовольствие. Поэтому реставратор, конечно, должен уметь хорошо фотографировать. И те, кто серьезно думает о своей работе, сами выучиваются. Например, как я в свое время – на пальцах. Что же касается нашей кафедры, то у нас обязательную подробную съемку всех процессов выполняет

наш штатный сотрудник, фотограф-профессионал.

– А богословские предметы на факультете преподаются?

– Догматика, литургика, история русской и зарубежной церкви, библеистика, сектоведение и так далее. Фактически наши студенты за шесть лет получают сразу два образования. Конечно, они очень устают из-за такой нагрузки, многие не выдерживают и уходят. А те, кто выдерживает, получают государственный диплом.

– Сколько студентов ежегодно принимает кафедра?

– Мы принимаем семь человек, конкурс у нас обычно – три-четыре человека на место.

– А сколько из них выдерживают обучение до конца?

– По-разному... В этом году у нас выпускается группа из шести человек. А вот в следующем году мы выпустим всего двух специалистов.

– Вы их готовите для работы в церквях?

– Да. Но в церквях они не очень нужны.

– Почему?

– Потому что настоятели не считают необходимым включать в штат работников еще и реставратора. Во-первых, они сами все знают. Ну, они так думают. Во-вторых, если им нужно, они пригласят бригаду, которая им за пару месяцев все починит и покрасит. На то, как такие бригады «красят», вы можете полюбоваться у нас: подобных икон мы реставрируем предостаточно. Так что налицо два грустных факта. Первый: памятники церковного искусства в церквях портятся, что естественно. Второй: в церквях не хватает грамотных ризничих. А ведь наш факультет как раз и готовит хранителей для церкви. Мы существуем с 1992 года, и с того момента по этой специальности были востребованы всего две наши выпускницы. Одна работает в церковно-археологическом кабинете Московской духовной академии в Троице-Сергиевой лавре. Другая трудится хранителем у протоиерея Максима Козлова в церкви великомученицы Татианы при Московском госуниверситете.

– А разве ваш университет действует не под эгидой РПЦ?

– Мы созданы по благословению патриарха Алексия II. Представители РПЦ ежегодно посещают наши торжества в день памяти патриарха Тихона. В общем, это все. А существуем мы на средства спонсоров. Они у нас замечательные. Но ведь спонсоры сегодня есть, а завтра их может и не быть. Тогда что?

КЛИМАТ ДЛЯ ИКОНЫ

– А вот здесь у нас работают дипломники. – Галина Сергеевна заводит нас в очередную аудиторию. – Это что еще такое?! Немедленно закройте окно!

Одна из девушек вскакивает и с виноватым видом захлопывает створки окна. Оказывается, даже такая малость может повлиять на «самочувствие» старой иконы. Так что никаких сквозняков!

Аудитория немного напоминает операционную. Белые стены, белый потолок, яркое освещение, столы, на которых лежат «больные» иконы. Над ними склонились девушки, почти все – в белых халатах. В руках у них скальпели и ватные тампоны на черенках. Только в дальнем конце комнаты – несколько мольбертов с большими иконами, за которыми будущие реставраторы с ювелирной аккуратностью работают кисточками.

По стенам – металлические стеллажи, на некоторых полках надпись большими буквами «Аварийная!!!». Значит, выдвигать полку надо предельно осторожно, поскольку хранящаяся в ней икона находится в плачевном состоянии.



Галина Сергеевна достает из стеллажа отреставрированную икону: «Вот, посмотрите, это весьма любопытно. Кто это?» Перед нами знакомый образ: архангельские крылья широко раскрыты, победно сияет золотой нимб, пурпурный плащ развевается за плечами, в руке – меч. Что тут гадать? Можно даже не сомневаться. «Архистратиг! Это архангел Михаил, конечно!» Галина Сергеевна опять хитро улыбается: «А вот и нет. Посмотрите на надпись. Видите? Архангел Гавриил». Действительно, церковнославянская вязь не оставляет сомнений: на иконе – архангел Гавриил.

– Но почему он изображен с атрибутами архистратига?

– Об этом надо бы спросить у автора. Но он жил в XVII веке, так что вопрос остается без ответа.

За соседним столом девушка корпит над темной ободранной доской.

– И вот эту икону можно восстановить?

– Конечно. Она не в «тяжелом состоянии». Утраты небольшие. Лики и фигуры фактически сохранены. Это икона конца XVII века, сейчас она освобождается от более поздних поновлений.

«Запасники» музея кафедр – Церковно-археологического Кабинета – уже переполнены. А дополнительных помещений для хранения требующих ремонта экспонатов нет

бьем клее, наносится несколькими слоями на подготовленную доску, после высыхания шлифуется. – *Прим. ред.*) с основой была прочнее. А вот после XVII века паволоку на иконах почти не встретишь. Эта икона – исключение. Она – XIX века, а паволока из очень толстой ткани здесь присутствует.

– **Значит, мастер хороший был?**

– Мастер-то был хороший, а вот тот, кто сделал ему основу, – очень плохой. Потому что взял для основы сырое дерево, а оно усохло. Видите, какие трещины?

Рядом, на соседнем столе, икона выглядит совсем иначе. Так и хочется сказать: нарядная. Только что отреставрированная, она сияет под светом лампы, поверхность блестит, как зеркало. Заметив недоуменные взгляды, Галина Сергеевна поясняет: – А эта икона готова и скоро будет передана в церковь. Блестит она так потому, что мы покрыли ее несколькими слоями лака. Это своего рода предосторожность. Ведь в церквях ретивые бабушки-прихожанки часто моют иконы хозяйственным мылом, а порой и шампунем. Им же никто не объясняет, что этого делать нельзя. А такое количество слоев лака хоть как-то поможет сохранить изображение.

– **Вот почему в церквях нужны специально обученные хранители-ризничие?**

– Конечно. В идеале и реставратор, и ризничий должны следить за тем, как в церкви производится уборка, каким количеством воды моется пол – от этого зависит уровень влажности, как проветривается помещение, нет ли сквозняков. Именно из-за всего этого иконы и «болеют».

БЕЗ ОСОБЫХ ПРИМЕТ

– **Что сейчас происходит со старыми иконами в церквях?**

– То же, что и всегда. Если с точки зрения настоятеля и прихожан икона пришла в негодность, то в определенные дни ее можно либо пустить по воде, либо сжечь. В определенном месте у храма, естественно. Да вы вспомните, как были обретыны некоторые иконы? Например, Тихвинская или круглый святытель Николай в Новгороде? Они же по реке приплыли. То есть их где-то выше по течению спустили на воду.

– **А есть ли гарантия, что прихожане и настоятель приняли правильное решение? Ведь икону можно отреставрировать. Существует ли какая-либо организация, кото-**

В это очень трудно поверить. Даже при ближайшем рассмотрении разобрать на иконе лики и фигуры сложно. Студентки посмеиваются над нашей недоверчивостью и показывают фотографии тех икон, над которыми они сейчас работают. Только тогда начинаешь понимать, насколько тяжел труд реставратора: миллиметр за миллиметром возвращать к жизни работы старых иконописцев.

– **Галина Сергеевна, сколько времени уйдет на восстановление этой иконы?**

– Думаю, года два. Это если работать каждый день. А бывают иконы, на реставрацию которых может уйти и десять лет.

– **И при реставрации каждой иконы составляется специальный паспорт?**

– Да, это вроде истории болезни. Описывается состояние перед поступлением в «стационар», затем – анализ состояния, затем – задание реставрационного совета, в конце – описание всего того, что реставратор делал, и итоговый результат. Каждая отреставрированная икона принимается реставрационным советом.

Галина Сергеевна подводит нас к другому столу. На нем лежит огромная икона, на которой тоже сложно что-либо разобрать. По углам торчат лоскуты ткани, похожей на изношенный грязный холст.

– Вот полюбуемся, в каком состоянии мы получаем иконы. Эта – из Воскресенского монастыря, что в Угличе. Видите эту ткань? Это паволока. До XVII века паволока всегда была на иконах, ее клеили для того, чтобы связь левкаса (меловой или гипсовый порошок, размешанный на животном или ры-





рая ведет реестр икон по всей стране? Как это все контролируется?

– Контроля никакого нет. И, честно говоря, потому есть большие опасения, когда заходит речь о передаче икон из музеев в церкви.

В некоторых храмах есть книги, ну, знаете, такие большие, их еще «амбарными» называют, в которых ведется опись имущества. И все туда заносится одним списком. Скажем, ковер – три штуки, стиральная машина – марка такая-то, одна штука, икона святителя Николая – пять штук и т.д. И вот если происходит такая грустная, но вполне обычная для церковной история, как кража, то милиция часто даже дело возбуждать не может. Что искать-то?

– **Как – что? Икону, разумеется.**

– Какую? Вот, скажем, украли икону святителя Николая. Какого она размера? В какой технике исполнена? Как выглядит, какие на ней надписи?

– **По фотографии можно искать, например...**

– А она у вас есть? Нет фотографии, нет описания, перечисления индивидуальных признаков именно этой иконы. Искать нечего.

– **Как же так получилось?**

– В XIX веке при епархиях появились древлехранилища, куда свозили наиболее древние и почитаемые иконы, облачения. Это были своего рода церковные музеи. После революции все древлехранилища стали государственными музеями, а вот то, что оставалось в тех церквях, которые взрывали и сжигали, – гибло безвозвратно. И находились люди, которые по мере сил спасали это бесценное наследие из уничтожаемых церквей. Николай Николаевич Померанцев, Петр Дмитриевич Барановский... Они рисковали своей свободой, на собственные средства нанимали

циалисты, для того чтобы ставить на учет иконы, утварь, облачение, книги. Эта колоссальная и полезная работа была проведена по инициативе государства и на средства государства.

– **Был составлен полный каталог?**

– К сожалению, нет. Сделали лишь то, что успели. Скажем, в ГосНИИРе (Государственный научно-исследовательский институт реставрации. – Прим. ред.) этой

работой занимался Михаил Михайлович Краси́лин. Я занималась тем же от ВХНРЦ (Всероссийский художественный научно-реставрационный центр им. академика И.Э. Грабаря. – Прим. ред.). Я обследовала Рязанскую, Липецкую области, частично Ярославскую и Тверскую области, Красноярский край. Были составлены паспорта единого образца, все было сфотографировано, обмеряно, описано. В некоторые церкви вместе с нами ездили сотрудники милиции, на обороте каждой иконы ставили специальным карандашом подпись или метку. И, кстати, по этим меткам часть украденных икон в Ярославской области была найдена и возвращена в церкви.

подводы и вывозили иконостасы из церквей в музеи. Померанцев целыми баржами вывозил церковную утварь с Соловков. Благодаря таким людям многое было спасено. Так что музейные работники не грабили церкви, как это иногда сейчас пытаются представить, а спасали произведения искусства.

При советской власти чиновники не особо интересовались тем, ведется ли какой-то учет в церквях или нет. Тем не менее в 80-е годы по приказу Министерств культуры СССР и РСФСР было произведено обследование движимого церковного имущества. В города и веся направлялись спе-



Все готово к очередному этапу длительной «операции» под названием реставрация

БЕСПРАВНЫЙ РЕСТАВРАТОР

– **Галина Сергеевна, как себя чувствует отечественная школа реставрации? Ее состояние сейчас лучше или хуже, чем в СССР?**

– Состояние такое же. Реставрация картин и икон, как и раньше, находится на очень высоком уровне. Наша школа, пожалуй, лучше любой западной. Нам у них учиться нечему. Это они к нам приезжают на стажировки, например в ВХНРЦ, в ГосНИИР, в Третьяковку.

– **А по технологиям мы не уступаем?**

– Нет. Разница только в том, что они активно применяют синтетику, а мы используем натуральные материалы. У нас, например, рыбий клей, а у них – синтетический, который неизвестно как поведет себя через 100 лет.

– **Раньше действовала система присвоения реставраторам специальных категорий. А сейчас?**

– К сожалению, с 2005 года эта система ликвидирована. Почему – я не знаю. Этот вопрос надо адресовать Министерству культуры. Могу только сказать, что это было плохое решение. Вот, например, моя студентка, которая сейчас готовится к защите диплома. Скажем, пойдет она трудиться в музей, ей там не понравится, и решит она

работать по частным договорам. Но у нее не будет такого права, потому что ей не дадут лицензию. А лицензию ей не дадут, потому что у нее нет категории. Лицензию выдают только реставраторам первой и высшей категории. Или другой пример. У меня проблема с преподавателями. Они как застряли на второй категории, полученной до 2005 года, так и сидят. А я имею право приглашать преподавать реставраторов только первой и высшей категории. И что делать? То есть реставратор у нас сейчас стеснен. Просто бесправен.

– **Есть ощущение, что работу реставраторов не всегда оценивают по достоинству.**

– К сожалению, да. Раньше – в том же Союзе – нас ценили. Ведь реставратор – уникальная профессия. Например, реставраторов по темпере на весь СССР было всего тысяча человек. А сегодня с реставраторами считаются лишь в крупных авторитетных музеях – в Эрмитаже или Третьяковке, скажем. А в провинциальных музеях отношение иное. Как и зарплата.

– **А какими качествами должен обладать профессиональный реставратор?**

– Терпение. Крепкие нервы. Аккуратность. Умение долго ждать. Как я вам говорила, некоторые иконы реставрируются по 10–15 лет.

– **Это какая-то каторжная работа...**

– Нет, это радостная работа. Потому что когда вы видите, что было и что получилось... Это невозможно передать словами.

– **Чего не может сделать профессиональный реставратор, какие бы деньги ему ни посулил заказчик?**

– Он не может кардинальным образом менять произведение. Например, на иконе фон написан охрой, а заказчику вынь да положь золотой фон. Этого делать нельзя.

– **Но такие случаи бывают?**

– Я не знаю подобных случаев, но теоретически такое может быть.

– **Как вы относитесь к коммерческой реставрации?**

– Я к ней никак не отношусь, поскольку никогда не занималась ею и заниматься не буду. Я этого не понимаю. Этот круг мне совершенно чужд, и я его побаиваюсь. И из наших выпускников никто не работает в коммерческой реставрации. Но я не только поэтому горжусь своими учениками. Их ведь берут в Третьяковку, в Музеи Кремля, в Коломенское... А в подобные музеи, как вы понимаете, просто так не попадают.



ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

– Кстати, о музеях! Пойдемте! – Галина Сергеевна снова ведет нас по длинному коридору. – Знаете, мы ведь организовали свой собственный музей. Сейчас я попрошу хранителя показать вам нашу экспозицию.

Хранителем Церковно-археологического Кабинета ПСТГУ оказывается скромная приятная девушка Татьяна Никольская. Сам музей – это всего несколько комнат. В двух из них устроена экспозиция, остальные отведены под хранение экспонатов, которые ждут реставрации. Причем «запасники» здесь уже забиты до отказа. Кабинет явно нуждается в дополнительных площадях, но взять их негде. А коллекция между тем пополняется постоянно. Люди приносят иконы и утварь, отдадут просто так, чаще всего потому, что они, как ни странно, им не нужны. Татьяна знакомит нас с экспозицией, рассказывает про экспонаты, привлекая наше внимание. Вот это, например, щепная икона, это – сделанная под оклад «Нечаянная радость». А вот – «проба пера» иконописца, учебная икона. «А вот смотрите, на этой иконе все волосы на изображении осыпались. Это потому, что на золоте краска плохо держится. Это ошибка иконописца», – объясняет Таня.

Татьяна – тоже выпускница кафедры реставрации.

«Тяжело было учиться? – интересуемся мы. – Говорят, далеко не все выдерживают?» Таня пожимает плечами: «Да, учиться тяжело, многие действительно уходят, не доучиваются до конца. Ну и работа реставратора нелегкая». – «Не жалеете, что получили такую специальность?» – «Почему я должна жалеть? Это замечательная специальность!»

Вот так, миллиметр за миллиметром, с помощью тампона на деревянном черенке икона сначала очищается от более поздних поновлений. Только после этого начнется длительный процесс восстановления изображения. Этапы работы студентов и преподавателей Галина Сергеевна предпочитает контролировать лично

ХРАНИТЕЛЬ АНГЕЛА

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]

Михаил Михайлович Бобров – человек-легенда. Родной Петербург ему многим обязан: если бы не усилия Боброва во время блокады, неизвестно, как сложилась бы судьба осажденного города. Неслучайно его прозвали Хранителем ангела. Так что звание Почетного гражданина Санкт-Петербурга ему присвоили заслуженно.

За свои 87 лет Михаил Бобров пережил столько приключений, что их с лихвой хватило бы на несколько жизней. Но сам он шумиху вокруг своего имени считает излишней.

Михаилу Боброву действительно нельзя дать 87 лет – он выглядит как минимум на 10–15 лет моложе.

Когда кто-нибудь входит в его кабинет на кафедре физического воспитания Санкт-Петербургского университета профсоюзов, Михаил Михайлович обязательно галантно встает, чтобы поприветствовать гостя. Стены здесь увешаны фотографиями, на которых Михаил Бобров с компанией единомышленников позирует на самых высоких горных точках мира.

– А это мы на Северном полюсе, – объясняет он. – Экспедиция состоялась в 1999 году, мне уже было больше 75 лет. До сих пор помню вопрос в глазах моих детей и жены: «Ну и зачем тебе это нужно?» Кстати, смешно было: мы долго на лыжах шли до полюса, а когда компас наконец-то показал, что мы достигли цели путешествия, то мы ужасно обрадовались, стали обнимать друг друга, разворачивать флаг Петербурга и фотографироваться. Это все заняло какое-то время, а потом оказалось, что наша льдина – там же постоянный дрейф происходит – уже отплыла на приличное расстояние от Северного полюса. Поэтому нам пришлось сворачивать флаг и, ориентируясь по приборам, снова искать полюс.

Таких историй у Михаила Михайловича за всю жизнь накопилось очень много, и он с удовольствием их рассказывает. Как попал под лавину в горах Кавказа во время войны и как его спасли грузинские товарищи, как откапывал свой дом от снега в Исландии, как путешествовал по самым высоким точкам мира. Не раз альпинист оказывался на краю гибели.

– Вы только не смейтесь, но мне мою жизнь предсказала цыганка, – говорит он. – До войны я как-то приехал к маме в дом отдыха в Сиверское. Мы весь день купались, загорали, бродили по лесу. У проселочной дороги нам случайно повстречался цыганский табор. Они нас встретили гостеприимно, накормили, рассказали, что кочуют с Украины в сторону Ленинграда. Цыганка погадала моей маме: «Для тебя будет трудным 42-й год, для супруга – 43-й, а с сыном твоим ничего не случится, жизнь его будет полна приключений, испытает всего с лихвой и событий этих хватит на несколько судеб. Жить он будет долго». И все сбылось: мама ушла из жизни в голодный 1942 год, отец погиб в 43-м, а моя судьба достойна приключенческого романа!

ОТ ПУЛЬ ПРЯТАЛИСЬ ЗА ШПИЛЯМИ

В каждом своем приключении Михаил Бобров старается найти что-нибудь веселое, задорное, чтобы не показаться слушателю излишне героическим персонажем, расхваливающим самого себя. Но есть у старого спортсмена воспоминания, когда шутить ну никак не получается: уж слишком много боли связано с его работой в первую блокадную зиму. Ведь Михаил Бобров был одним из четырех альпинистов-верхолазов, которые

маскировали шпили и купола ленинградских доминант, чтобы спасти город и его жителей от разрушительных бомбежек немецкой артиллерии.

– Наши власти сначала никак не могли понять, как противник с приличного расстояния – фронт был в районе Пулковских высот – так метко наводит оружие на цель, чтобы артобстрелы оказались наиболее разрушительными, – вспоминает Михаил Михайлович. – Потом сообразили – всему виной



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

позолоченные шпили и маковки соборов и церквей, которые, ярко светясь на солнце, служат прекрасными ориентирами. Стали думать, как эти губительные ориентиры убрать. Были даже идеи разобрать купола и шпили, но, к счастью, к таким крайностям решили не прибегать. И тут вспомнили про ленинградских альпинистов, которые могли бы помочь в этом деле.

Задача перед альпинистами стояла непростая: к каждому шпилю и куполу нужен был индивидуальный подход. Например, купол Исаакиевского собора решили покрыть серой масляной краской в цвет осеннего неба, так же «обработать» можно было и шпиль Петропавловской крепости: крепкой позолоте не страшна краска, которую потом можно смыть. А вот те шпили, которые были покрыты тончайшими листами сусального золота, решили «укрыть» в серые чехлы. По смете, составленной главным инженером, только для маскировки шпиля Петропавловки потребовалось бы 6 человек и 70 дней работы. А времени и нужного числа людей в блокадном городе не было.

– Вся молодежь ушла на фронт, кто-то строил оборонительные сооружения, – вспоминает Михаил Михайлович. – Нашли только четырех альпинистов, да и тех случайно. Я был в госпитале в Инженерном замке, меня контузило во время перехода фронта – уже успел побывать в тылу у врага. Нашел меня мой товарищ по секции альпинизма Алоиз Земба, он остался в Ленинграде, так как в Финскую войну был ранен, у него нога в правом коленном суставе не сгибалась. Он меня страховал, из-за колена не всегда мог сам лезть вверх. И две девушки: Аллочка Пригожева – ее вызвали на маскировочные работы прямо перед эвакуацией, и Оленька Фирсова. Алоиз и Алла умерли весной 42-го года от истощения и голода. А Оля прожила долгую жизнь, но не так давно тоже скончалась. Один я остался.

Времени на подготовку к рискованным «восхождениям» у молодых скалолазов практически не было – каждый новый арт-обстрел уносил жизни ленинградцев, надо было спешить. Начать решили с Адмиралтейства. Михаил Бобров сразу понял, что ползти по шпилью куда сложнее, чем лезть по скалам.

– Шпили гладкие, с вертикальным взлетом, колеблются на осеннем ветру, – вспоминает он. – Да и немцы не давали покоя. Алла и Оля сидели на специальной дощечке, которая была привязана к проведенной нами страховке. Они прикрепили чехол к верхушке шпиля и сшивали его специальной иглой, спускаясь все ниже и ниже. Однажды произошло ЧП: со стороны Дворцовой площади из-за облаков на бреющем полете появился фашистский истребитель и дал очередь по шпилью. Пули пробили обшивку рядом с Олей, но ее не задел. Мы быстро спустили девушку вниз. Оля была в шоке: «Ребята, я видела глаза летчика!» Ведь он так близко пролетел. Потом, уже вечером, у нее началась истерика... Да и на нас не раз совершали налеты, стреляли бризантными (взрывающимися) снарядами, но мы уворачивались, прятались за шпилем.

Несмотря ни на что, шпиль Адмиралтейства скоро «исчез», растворившись в сером ленинградском небе. Альпинисты перешли

Михаил Бобров бережно записывает все свои воспоминания – и о войне, и о любви, и о работе

Адская работа подкосила Алоиза – он стал сдавать, появились признаки цинги.

– Однажды мы с ним без сил спустились после рабочего дня в наше жилище, смотрим, буржуйка не топлена, никого нет, – рассказывает Михаил Михайлович. – Пошли искать Максимыча и нашли его – тело распласталось перед алтарем. Добрый сторож разбился, упав с колокольни, где пытался поймать нам на ужин неосторожного голубя...

работать на шпиль Инженерного замка. Вид с колокольни открывался поистине невероятный.

– Один раз, уже под конец работы над шпилем замка, нас с Алоизом бомбежка застала прямо наверху, – не без драммы вспоминает Михаил Бобров. – Бомбы посыпались на Летний сад, прямо у нас на глазах лишь руины остались от жилого дома на Моховой улице. Мы были оглушены свистом и разрывами бомб, но Алоиз все равно сумел мрачно пошутить: это, мол, Мишуня, салют в нашу честь по случаю окончания работы на Инженерном замке.

БЛОКАДА С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

Наступил ноябрь, впереди у Алоиза и Михаила была самая сложная «вершина» – 122-метровый шпиль Петропавловского собора, самая высокая точка Ленинграда. Подступал голод, пайка хлеба все уменьшалась, а ведь как нужны были силы двум скалолазам, совершающим беспрецедентное по своей важности и сложности восхождение!

– Я семь дней преодолевал расстояние до креста на шпиле, – вспоминает Михаил Бобров. – Алоиз меня страховал, если бы не его чуткая поддержка – вообще бы не справился. Помню, как-то посмотрел вниз – и тут же голова закружилась. Шпиль раскачивается под порывами ветра. Алоиз увидел мое состояние и крикнул: «Смотри вперед на другой берег Невы!» Вообще, страха не было, было бессилие. Нужно было преодолеть отрицательный наклон шара, на котором стоит ангел с крестом, а сил просто не хватало. Да и морозы ударили, тем более что мы работали по ночам, чтобы не привлекать внимания немецких летчиков. Когда я через неделю бесплодных усилий все-таки закрепил веревку на кресте Петропавловского собора, мы с Алоизом были счастливы – теперь можно приступать к покраске.

Чтобы экономить силы, верхолазы после работы перестали уходить домой – они оборудовали себе жилище прямо в соборе, в усыпальнице императоров.

– Жилище было прямо на надгробных плитах сына Петра I, его жены и сестры Марии, – вспоминает Бобров. – Мы с Алоизом положили сверху доски, щели заткнули войлоком, притащили из дома спальные мешки. Нас очень поддерживал сторож собора Максимыч. Двое его сыновей погибли на фронте, старик каждый день к нашему приходу топил буржуйку и ловил голубей и ворон, залетавших в собор. Как сейчас помню – мясо ворон было жестким, а голубей – мягким и сладким.

Сантиметр за сантиметром покрывали Михаил с Алоизом шпиль краской. Краска не держалась из-за холода, отваливалась, приходилось возвращаться и наносить ее снова.

Алоиз с каждым днем слабел, уже не мог работать. Но шпиль мы с ним докрасили. Весной моего друга эвакуировали, но истощенный организм было уже не спасти.

До сих пор перед глазами Боброва стоит картина, которую он наблюдал, закрепившись на главном символе Северной столицы – ангеле Петропавловского собора. Оттуда открывался такой вид, ради которого любой современный фотограф был бы готов на все.

– Это был совсем особенный город, – описывает увиденное Михаил Бобров. – Весь Балтийский флот стоял в Неве, вмерзший в лед. Зенитные установки стояли на стрелке Васильевского острова, на Сенатской площади, на бастионах Петропавловки. А знаете, где были самые меткие зенитчики? Возле здания филфака, на Университетской набережной. Там стояли три батареи, их обслуживали девочки с мехмата. Они сами делали расчеты и сбивали самолеты очень точно!

ВРАГОВ ЗНАЛИ ПО ИМЕНАМ

Уже этого было бы достаточно, чтобы воспоминаний хватило на всю оставшуюся жизнь. Но приключения Михаила Боброва на этом только начинаются. После выполнения маскировочных работ юношу отправляют на Кавказ – участвовать в «горной войне», где немцы активно продвигались вперед. Оказалось, немецкая разведка хорошо подготовилась к боевым действиям в горных условиях, засылая своих шпионов в Советский Союз еще до войны под видом альпинистских инструкторов. Выходило так, что своих врагов многие воины-альпинисты знали по именам.

– До войны к нам приехала большая группа австрийцев-альпинистов, мы вместе работали, они хорошие инструкторы, – говорит Бобров. – А что оказалось? Что под видом этих австрийцев к нам проникли многие разведчики. Они изучили Кавказ, хорошо знали все маршруты, сами сделали прекрасные карты, схемы. И очень быстро прошли через перевальные точки, минуя фронтовые участки. По их следам пришла

горно-стрелковая дивизия «Эдельвейс». Но это была зима 1942/43 года, больше гибло людей не от мин и пуль, а от лавин, «белая смерть» сносила всех – что немцев, что наших. Я сам попал в лавину, но мои сослуживцы родом из Грузии бросились за мной вслед и откопали меня. Тот день я считаю днем своего второго рождения.

«БЕЗ ЛАРОЧКИ КРЫЛЬЯ ОПУСТИЛИСЬ»

Михаил Михайлович – хороший рассказчик, для всех его историй не хватит и сотни страниц. Например, про замечательную страну Исландию, где Бобров несколько лет работал, готовя сборную к чемпионату мира. Про путешествия, восхождения и преподавательскую деятельность в различных вузах. Про любимую лошадь Гвиню, которая чувствовала, что к ней едет хозяин, за 40 минут до его приезда. С особой нежностью Бобров вспоминает свое знакомство с будущей женой.

– Я же лыжник, тренировался у большого кавголовского трамплина в пригороде Петербурга, – говорит он. – Там вдоль озера проходила трасса для беговых лыж. Вижу, девушки бегут кросс. Одна из них так здорово шла, прямо рассекала лыжню. Я подбежал к ней перед крутым подъемом и стал подбадривать: «Давай! Давай!» Потом подошел к финишу, смотрю, ее как раз награждают. Я пригляделся и понял – это моя любовь. С первого взгляда. В тот же вечер мы с ней – прямо в лыжных костюмах – отправились смотреть балет «Лебединое озеро», лыжи сдали в гардероб... И прожили мы с моей Ларисой долгую и счастливую жизнь! Ларочка до самого последнего времени оставалась бодрой, спортивной, подвижной. Даже инсульт, который ее в итоге и убил, случился во время нашего с ней купания на озере...

После долгой и тяжелой болезни Лариса умерла. И Михаил Михайлович потерял точку опоры, свою вечную жизнерадостность, стал болеть...

– Я сорвался, подхватил инфаркт. Я крылья опустил, решил, что пора следовать за Ларочкой, – печально говорит старый спортсмен. – Меня вытаскила молодая подруга жены Наташа. Она проявила ко мне участие, я по больницам все валялся. Наташа подняла всех врачей, нашла двух кардиологов-горнолыжниц, предложила им рассчитать, на какую высоту мне можно подняться. Врачи сначала покрутили пальцем у виска, но потом рассчитали, что я могу подняться не выше 2500 метров. Подниматься, естественно, не ногами, а на кресельном подъемнике, а вниз спускаться

на лыжах. Я ведь навыков катания не растерял. Поехали с Наташей в Андорру. А когда вернулись через 15 дней, то я стал не просто моложе, я стал просто здоровым мужчиной!

И снова начались у Михаила Михайловича путешествия – север Франции, покорение Эльбруса, Австрия. В прошлом году в Австрии неутомимый искатель приключений опять чуть не поплатился жизнью за свое безрассудство.

– В последний день отпуска мы с моим ровесником, бывшим чемпионом мира по горнолыжному спорту, решили скатиться с черной трассы, хотя погода была туманная. И оба разбились – так крепко приложились головой об лед, что потеряли сознание. Спасатели не могли нас найти, зато Наташа – моя спасительница – спустилась на лыжах и разыскала нас. Я тогда сломал ногу, месяц валялся в больнице, теперь решил пока завязать с катанием. И здесь дел хватает.

«ВО ВЛАСТИ – СПОРТИВНЫЕ РЕБЯТА»

Дел действительно много. Вместо того чтобы наслаждаться заслуженным отдыхом, Михаил Михайлович – это в 87 лет! – с головой окунулся в работу. Он заведующий кафедрой физического воспитания в Санкт-Петербургском университете профсоюзов.

– У нас с этим строго, – рассказывает он о порядках в вузе. – Зачет по физкультуре не сдал – к сессии не допустят. Да и видели бы вы наших студентов! Приходят на первый курс гадкими утятами, толстенькие, слабенькие. Тут им тренажеры, тренировки, они сами себе параметры фигуры устанавливают. И глядь – выпускаем уже красивых лебедей, готовых женихов и невест!

Помимо фотографий из путешествий в кабинете у Михаила Боброва есть еще ряд фотокарточек, где он рядом с первыми лицами страны – Владимиром Путиным, Дмитрием Медведевым, Сергеем Ивановым. Но спортсмен относится к ним без особого пиетета, хотя и с уважением. Ведь для него – старого преподавателя ЛГУ, где он проработал много лет, – эти люди навсегда останутся просто спортивными пареньками.

– Я-то этих ребят хорошо знаю, – улыбается Михаил Михайлович, глядя на фотографии. – Они все прошли через нашу кафедру. Путин был двукратным мастером спорта по борьбе самбо и дзюдо, физруком юридического факультета. А Медведев был чемпионом Ленинграда по байдарочной гребле, да еще и штангу таскал, ядро толкал. Крепкий, быстрый парень, выходил вместе с мужиками здоровыми под два метра ростом, но за счет выносливости их обгонял. Я рад, что во власть пришли нормальные, умные и спортивные ребята. С ними можно разговаривать. 🍷

СКОЛЬКО ИСТИН В КУПРИНЕ

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Рассказывают, что, когда в 1937 году Куприн вернулся в Россию, ему решили торжественно вернуть домик в Гатчине, где он квартировал с 1911 года. Это был зеленый домик №19 на улице Елизаветинской (ныне Достоевского). Дачка крошечная, деревянная, с нынешними подмосковными коттеджами несравнимая.

Прожил он там до самого бегства из России, до 1919 года. И вот, значит, решили ему этот сохранившийся домик воротить. Митинг, оркестр, гости. Надо говорить речь. Хватились – нет Куприна! Куда сбежал? Оказывается, сбежал на станцию, где в местном буфете со сторожем, хорошо его помнившим по старым временам, пил запрещенный ему мерзавчик и обсуждал бывшее. А помнишь Заикина? А помнишь, как я на шаре поднимался? Теперь, конечно, не то... То, то, Александр Иванович! Еще слетаешь, еще напишешь! Там, в углу буфета, он и отметил возвращение, и никто не посмел извлечь его оттуда. Апокриф верен лишь отчасти, ибо Куприн в Гатчину действительно вернулся и лето 1938-го провел по соседству с родным домом, на даче инженера Белогруда. Торжественного возвращения не было, митинга тоже. Гатчинцы отлично помнили Куприна: он считал приятным долгом писать в местную газету и вообще заботиться о развитии городка, и люди к нему приезжали интересные. Сторож, помнивший его, на станции был. Что Куприн с ним пил – сомнительно, он уже был болен. Но кухарка Катерина, которую Куприн едва узнал («поперек себя

толще!» – радостно писала о ней Елизавета Морицовна дочке Кисе), бежала им навстречу с радостным криком: «Наши приехали!» Ни Куприн, ни жена его не нашли в себе сил зайти в «зеленый домик», как называли они свою дачку, так и смотрели издали. Новые жильцы принесли им клубники «Виктория» – кусты сажал Куприн; садоводом он был капризным, выращивал только то, что любил, – клубнику и нарциссы, – прочим же не интересовался. Он этой клубники успел поесть. А через два месяца, 25 августа 1938 года, умер от рака пищевода.

Разговоры о том, что он в России ничего не соображал, тоже апокрифичны и как-то особенно подлы, ибо в них отчетлива попытка принизить его последний выбор, превратить триумфальное возвращение в советскую пропаганду. Правда и то, что въехал он в Россию в отвратительное и страшное время, о котором ничего не знал, которого не понимал – как, впрочем, и добрая половина местного населения. Но сказать, что Куприна затащили в Россию обманом, исключительно ради пропаганды, – явная клевета; в эмиграции этот слух особенно распускали люди из круга Зинаиды Гиппиус, женщины умной, но непримиримой и притом безнадежно зашоренной. Куприн знал, куда едет, а растерянность и подавленность его в первые дни на Родине объяснялись просто: он много резкого понаписал о большевизме и в 1919-м, и в первые годы после эмиграции. Сейчас эти его статьи собраны, изданы в России – полней всего, кажется, в книжке 2001 года «Мы, русские беженцы в Финляндии». Статьи резкие, да, но нет в них холодной бунинской злобы, нет бесповоротности, а главное – нет ощущения отдельности. Он

бежал из России в Гельсингфорс, но, Боже мой, это же еще недавно – Россия, и всегда можно вернуться, ничто не бесповоротно! Злится он как-то растерян, не понимая: что случилось? Февраль же был сплошным счастьем, казалось, что теперь-то наконец...

Русская литература традиционно побаивалась народа, хоть и любила его несколько напоказ; но Куприн – иной случай, он себя от народа не отделял, литература не дала ему ни богатства, ни статуса, он и в 1914 году



П.Е. Щербов.
А.И. Куприн
и художник
Троянский
в Гатчине.
Шарж,
1910-е годы

мечтал о возвращении в газету (и никогда не брезговал поденщиной – она помогала держаться в тонусе). И потому, когда Куприн боится – он бранится необходимо, как свой, видно, что самому ему больно и стыдно. Он, однако, боялся, что эти статьи ему припомнят. Особенно злые выпады против Ленина, у которого он в 1918 году побывал с проектом газеты и очень его не полюбил (Куприн предлагал вождю пролетариата издавать газету для деревни «Земля». – **Прим. ред.**). Врут, что Ленин на всех интеллигентов производил чарующее впечатление: Куприн в нем разглядел все – даже близорукость (о которой Ленин понятия не имел, она выявилась при медосмотре в 1921 году). «Реплики в разговоре всегда носят иронический, снисходительный, пренебрежительный оттенок – давняя привычка, приобретенная в бесчисленных словесных битвах. «Все, что ты скажешь, я заранее знаю и легко опровергну, как здание, возведенное из песка ребенком». Но это только манера, за нею полнейшее спокойствие, равнодушие ко всякой личности». «В сущности, – подумал я, – этот человек, такой простой, вежливый и здоровый, гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки людьми, доступными капризам дня и колебаниям характера. Этот же – нечто вроде камня, вроде утеса, который

оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И притом – подумайте! – камень, в силу какого-то волшебства – мыслящий! Нет у него ни чувства, ни желаний, ни инстинктов. Одна острая, сухая, непобедимая мысль: падая – уничтожаю».

Эдакое написать и вернуться – надо быть малым довольно храбрым; немудрено, что он в писательском доме в Голицыне осторожно вступал в разговоры и вздрагивал от стука в дверь. Потом приехали красноармейцы, им наготовили всякой всячины, ватрушек, ягод, вынесли кресло Куприну, чтоб он послушал их хоровое пение. Когда пели советское, он мрачно молчал. Когда подходили командиры и признавались, что любят его читать, – кивал и благодарил. Но когда запели «Вниз по Волге-реке», он вскочил, дрожа, рыдая: «Неужели Родина простит меня, великого грешника перед нею!» Кажется, только в этот миг поверил, что «ничего не будет».

ков в крайне субъективном очерке о возвращении Куприна ссылается на свидетельство голицынской сестры-хозяйки. На веранде накрыт чай, кипит самовар, допущен корреспондент «Комсомолки».

– Александр Иванович! Как вам на родине?

– Вот, пышечки дают...

Очень я это хорошо представляю. И голос его – пусть старческий, но еще сильный, – и быстрый говорок, и такой же быстрый ядовитый взгляд.

И апокриф насчет выпивки в Гатчине – он, в общем, понятен. Истинному читателю не хочется видеть старого Куприна, больного, шатаемого ветром. Читатель хочет, чтобы Куприн пил. Чтобы он вспоминал Заикина, и шутил по-стариковски, и по-прежнему сбегал из-под всякой опеки, от любой попытки его присвоить. Мы хотим видеть нашего Куприна сильным. Пьяным? – да, и пьяным: ведь это нормальное его состояние.

О, это отдельная тема: «если истина в вине, сколько истин в Куприне?!» «Водочка откупорена, плещется в графине – не позвать ли Куприна по этой причине?» «А. Куприн, будь дружен с лирой и к тому – «не циркулируй». Это написал ему Скиталец (писатель С.Г. Петров. – **Прим. ред.**). Циркулированием называлось беспорядочное кружение Куприна по кабакам, которые успевал он за одну ночь обойти по нескольку раз: в Питере – главным образом вокруг «Вены» на Малой Морской. В Балаклаве была у него любимая кофейня Юры Капитанаки, откуда он не выходил, не нагрузившись. Но пусть все эти эскапады не заслоняют от нас главного: пил Куприн не для того, чтобы расслабиться, как любят говорить пьяницы, и не с горя, и не от счастья, а чтобы хоть как-то заглушить и притупить невыносимую остроту восприятия. У Куприна все пять чувств – и шестое, дар предвидения и угадывания, – в постоянном напряжении: ни секунды покоя. В этом смысле он единственный в русской литературе наследник Толстого: Бунин далеко уступает ему – ум мешает. Да, ум в таком деле совершенно излишен – Куприн ведь и не умен в обычном смысле, не расчетлив, не умеет выстроить имиджа, сходится с самыми простыми людьми, но не потому, что позиционирует себя в качестве демократа, а потому, что терпеть не может хитрить и умеет вести себя лишь абсолютно естественно. Он и на воздушном шаре летал не для того, чтобы все ахали – ах, Куприн! ах, шар! – а просто из любопытства, острейшего, не писательского даже, а детского. Часто вслух жалел, что не сможет родить, не испытает ощущение



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОПОТАРЕВЫМ

А.И. и Е.М. Куприны с дочерьми Ксенией и Зиной и няней Сашей. Гатчина, 1911 год

Наутро проснулся в нем прежний Куприн: потребовал, чтобы жена его везла в цирк. В цирк, и никаких разговоров! Тысячу лет не был в цирке! На другой день – в цыганский театр. Хочу видеть цыган! Господи, только бы сил, сколько еще надо написать! А потом в Гатчину. Ведь живы Щербовы, любимые соседи. «Нам надо с Павлом хорошенько выпить». Павел умер той зимой от воспаления легких, Куприна не дождался, но вступить в переписку они успели.

Врут также, что «Москва родная» – последний текст, подписанный его именем, – сочинен целиком за него сотрудником «Комсомольской правды»: написан он и впрямь не Куприным, но мысли его и самый тон тут узнаются. И его ощущение мира – «Даже цветы на Родине пахнут по-иному»: все через запах, через звериное его обоняние, не изменившее и теперь. Как бы ни хотелось эмигрантам всех видов, взглядов и поколений, Куприн вернулся сознательно и возвращению этому радовался, и перед смертью говорил жене: «Ум мой стал странным, не все понимаю. Что со мной случилось? Но хорошо, даже умирать хорошо, если кругом родная речь...» И склонность к едким шуткам оставалась у него до последнего: Юрий Дружни-

ний роженицы. Иногда эта купринская жажда все почувствовать, пережить и высказать, это счастье точного описания и сильного чувства – едва ли не единственное счастье, доступное писателю, – вводят в заблуждение даже такого мастера, как Лев Толстой. Вот Толстой, который вообще-то Куприна любил совершенно отечески, выделял из всех, ставил по таланту выше Андреева и уж точно выше Горького, – брюзжит, читая «Яму»: гадость, гадость! И гаже всего, что вроде бы разоблачает проституцию и публичные дома, а сам, описывая, наслаждается, и от человека со вкусом этого скрыть нельзя. Ну да, наслаждается. Но не публичным же домом, не грязью? Куприн вообще изумительно целомудрен, у него нет ни одного натуралистического описания любовного акта. Наслаждается он тем, как остро и сильно чувствует и как густо, ярко передает все это на бумаге. У него вообще нет бунинской тонкописи, «сухой кисти» – сплошь яркая олеографическая живопись: все цветет, пахнет, орет, хохочет. Ослепительное солнце, резкие тени, бурные страсти, и даже едят у него всегда вкусно, и вкус у еды всегда резкий – даже обед дедушки Лодыжкина и Сергея в «Белом пуделе» состоит из острых и сладких помидоров, соленой брынзы! И нет у него горьковских сверхчеловеков, больше всего озабоченных тем, чтобы разговаривать вычурно и выглядеть монументально: все – люди, даже сволочи. Да, собственно, и отрицательных героев у Куприна – раз, и обчелся: навскидку не припомнишь никого, кроме богача Квашина из «Молоха» да поручика Николаева из «Поединка», и тот еще ничего себе (Шурочка больше виновата, но как можно ненавидеть Шурочку?). Даже брат Веры из «Гранатового браслета», циничный и жестокий Николай, как-то нам по-человечески понятен: он же не знал, что Желтков покончит с собой? Как защитить честь сестры, ежели к ней, замужней женщине, пристал какой-то ГСЖ? И брат Николай нам понятен, а Желтков непонятен. Трудно, трудно вспомнить у Куприна законченную гадину: разве что Митька Гундосый из «Гамбринуса», – но это разве серьезно? Мир Куприна так жарко, ярко и щедро освещен, в нем ликует такая полнота и щедрость, что зло возможно лишь как ошибка и почти всегда поправимо.

Толстой у него сказывается именно в этом сознании изначальной справедливости, правильности мира. Никакого Достоевского излома: все рождены быть здоровыми и счастливыми. Это счастливое мироощущение сочетается у него с невероятной, пронзительной, совершенно детской сентиментальностью – вряд ли есть в русской литературе более надрывная повесть, нежели «Кадеты». Помните, как там герой плачет, когда у него в первый же день в корпусе отрывают от курточки пуговицу – а курточка сшита мамой, и пуговица заботливо пришита любимыми руками? К такой сентиментальности Куприна многое располагало – он вырос без отца, в нищете, мать любила больше всех на свете и страстно жалел, и детство его прошло вдвоем в доме престарелых, куда мать устроилась присматривать за старухами. Старухи его ласкали, жаловались ему на жизнь и рассказывали сказки. Самые тоскливые, слезные вещи Куприна – об этих домах престарелых, где обитают беспомощные старухи («Святая ложь») либо старые актеры («На покое»). Че-



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Александр Иванович Куприн родился 26 августа (7 сентября) 1870 года в селе Наровчат Пензенской губернии. Отец – мелкий чиновник, умер спустя год после рождения сына. Мать, овдовев, переехала в Москву. В шесть лет будущий писатель был отдан в сиротский Московский Разумовский пансион, в 1880 году поступил в Московскую военную гимназию, позже переформированную в Кадетский корпус. С 1888 по 1890 год учился в Александровском военном училище. Первым опубликованным рассказом стал «Последний дебют» (1889). Служил в звании подпоручика в пехотном полку. В 1894 году вышел в отставку, много странствовал по России. В 1901 году переехал в Петербург, работал в «Журнале для всех». Женат Куприн был дважды: сначала на М. Давыдовой, родившей ему дочь Лидию, затем на Е. Гейнрих, которая родила писателю двух дочерей – Ксению и Зиночку (ум. в 1912 году). Куприн не принял Октябрьскую революцию, в 1919 году эмигрировал из Гатчины за границу. Провел в Париже 17 лет. Весной 1937 года, уже тяжелобольной, вернулся в Россию. Умер 25 августа 1938 года в Ленинграде.



**И.А. Бунин
и А.И. Куприн
в редакции
газеты «Воз-
рождение».
Париж,
1933 год**

ховской жестокости, трезвой правды нет у него в помине: он отбирает детали, которые разжалобят и каменного читателя, а все, что может его напугать или отвратить, тщательно отфильтровывает. Страх перед богадельней сидел в нем всю жизнь. Есть у него рассказ, который из любого слезу вышибет, и тоже про дом престарелых, – «Королевский парк». Это счастливый новый мир, ни войн, ни монархий, сплошная демократия, и в этом мире выстроен дом для старых, глупых, вечно ссорящихся королей, и при доме парк, где гуляют по воскресеньям дети. И одна девочка, увидев сидящего на лавочке старого короля, предлагает ему сахарное яичко, но съесть его он не может по причине отсутствия зубов. И тогда она упраскивает отца взять дедушку домой, и они его берут, и старик безумно счастлив (жестокий, страшный старик, тиран в прошлом), и, когда они ведут его к выходу, он вдруг дрожащим голосом произносит: – Не думайте, что я совершенно бесполезен! Я умею... клеить прекрасные коробочки... из цветного картона! Куприн, вероятно, имел в виду, что читатель тут расхохочется: король, владыка державы, на старости только вот на что сгодился! Но сам он, не сомневаюсь, рыдал, и правильный читатель тоже рыдает – от сострадания, но главное, от умиления. Все хорошо, все по-человечески. Этой человечностью Куприн и выделяется столь резко из ряда русских литературных гигантов: он враг патологии, он

поэт естественности – как и любимый его Толстой. Вероятно, самая выразительная его фотография – это сразу после погружения на черноморское дно: он недавно женился во второй раз, рядом с ним его Елизавета Морицовна, прекрасная венгерка, моложе его на десять лет. Куприн, толстый, еще и раздувшийся от костюма, с выражением полного довольства, – вот, еще и это попробовал, – глядит на нее, однако не без робости: сам понимаю, дорогая, что глупо выгляжу, но очень хотелось. И ведь благополучно же все, а? Она же смотрит в камеру с детской обидчивой решительностью: да, я знаю, что он у меня вот такой, но любому, кто про него скажет плохое слово, я вот этими руками оторву голову. «А когда мне будет нужно, я сама его побью».

По складу характера, по силе и яркости описаний, по прихотливости и поэтической алогичности воображения, по готовности к любой литературной работе, включая святочные рассказы и стихи на случай, – ближе всего он, конечно, к Грину. Не зря они друг друга обожали и не раз вместе надирались – одна такая пьянка описана у Леонида Борисова в «Волшебнике из Гель-Гью», но была она, конечно, не одна. И круг знакомств был у них примерно одинаковый: петербургские репортеры, циркачи, игроки, крымские рыбаки, иностранные моряки. И сюжеты сходные; и даже жены похожи – в первых браках оба стонали под пятой женщин честолобивых и волевых, а во вторых – нашли терпеливых и понимающих. Оба писали смешные, трогательные стихи, оба стыдились этого. Оба терпеть не могли людей самовлюбленных и претенциозных, не ладили с символистами и религиозными философами, профессиональных литераторов недолюбливали. Разумеется, Грин больше похож на По и Лавкрафта, он мечтательней, в чем-то абсурдней... А почитайте несказочного, не-зурбаганского Грина, что-нибудь про эсеров да про ссылку, и увидите купринский стиль, купринскую зоркость и купринское жизнеприятие. Конечно, луч-

ший Грин и лучший Куприн отличаются – и сразу узнаются – и яркость, праздничность, сила, пружина сюжета, героические страсти роднят их, как братьев. Отличались у них только пьянки: Куприн пил шумно, радостно, а Грин – поэтически, мрачно и одиноко. И еще одна вещь роднит их – репутация. С ней повезло не особенно – если брать не читательскую (неизменно высокую), а профессиональную и литературоведческую.

С Куприным и Гринем случилась печальная вещь: они попали в классики второго ряда, потому что у них якобы проблемы со вкусом. И это бы даже нормально, – «любя поврозь талант и вкус, я мало верю в их союз», но ведь в России почему-то число читателей не влияет на писательскую репутацию. А если и влияет, то, скорее, в отрицательную сторону.

Куприн – один из самых читаемых отечественных классиков. В активе его – несколько текстов, которые сделали

бы честь любому европейскому литератору; рискну сказать, что в отечественной прозе, столь богатой, мало что сравнится по мощи с «Поединком» и «Штабс-капитаном Рыбниковым», со «Святой ложью» и «Листригонами», с «Гамбринусом» – этой дивной поэмой в прозе, которая много увлекательней и ярче сделанного в том же жанре «Господина из Сан-Франциско»... А сколько еще вспоминается потом – «Суламифь», «Олеся», «Морская болезнь»! Но «Морскую болезнь» заклеили за реакционность: там социал-демократ представлен филистером, не могущим простить жене, что ее изнасиловали. «Суламифь» обругал Горький, и не без остроумия: «Соломон у него сильно смахивает на ломового извозчика!» [А у тебя все ломовые извозчики глядят в соломоны; что лучше?]. А в прочих повестях и рассказах много газетчины, мелодраматизма, ходульности... мало он наслушался этого при жизни, давайте теперь еще добавим!

Есть ли у Куприна проблемы со вкусом? Безусловно, в каждом втором рассказе. Есть ли избыточность в средствах? Еще бы. Наивное морализаторство, газетные поводы, искусственные развязки? Сколько угодно. Портит его все это? В очень малой степени. Напротив, это делает его человечней. А бесчеловечность всегда высокомерна и презирает все нормальные проявления людской морали – вот почему эстеты всех мастей, адепты элитарности, так называемые стилисты откровенно гнобят Куприна. Им человечности не надо – сверхчеловечность подавай!

Что интересно – Куприн отлично все это понимал. И лучшая, по-моему, его повесть – «Звезда Соломона» – про это. В ней добрый и тихий чиновник Цвет внезапно узнает, что унаследовал усадьбу в обожаемой Куприным Белоруссии. Поездку в усадьбу устраивает ему что-то уж очень приторно любезный агент **Мефодий Исаевич Тоффель**. Всем понятно, кто он? Куприн любит сильные и лобовые ходы, а чего церемо-

ниться?! В усадьбе Цвет просматривает дядюшкины книги и случайно получает ускользавшую от нескольких поколений формулу всемогущества. Начинает помаленечку управлять миром. А Тоффель неустанно следует за ним, предупреждая малейшие его желания, знакомит его с красавицей, осыпает деньгами – и все умоляет выдать имя, сообщить ему формулу. Наконец, когда Цвета начинает тяготить всемогущество, стремительное исполнение малейших капризов и неразрывно связанная с этим аморальность, он выдает Тоффелю свою формулу и тут же лишается всемогущества. На прощание просит чин коллежского регистратора. А когда они потом встречаются с той красавицей, которую Тоффель привел, то друг друга не узнают.

В этой весьма увлекательной, несколько мопассановской вещи есть мощный финальный монолог Меф-ис-тоффеля, такой слегка разочарованный. Милый мой, говорит он Цвету со снисходительной нежностью, вы, конечно, чудесный малый и мухи не обидели. Но какие были возможности! Вы могли залить мир кровью. Вы могли сделать его счастливее. Вам доступна была вся власть, весь арсенал человеческих вековых мечтаний, а вы? Вы захотели фуражку коллежского регистратора?

Это он, конечно, о себе. Ведь Куприн и сам остановился в шаге от гениальности; он остался слишком человеком – потому что писатель ведь совсем другое дело.

Страсти в его книгах много, а интеллекта мало. Крайностей полно, а патологии нет. Силой веет от любой страницы, а расчет отсутствует либо скрыт. С таким багажом не попадают в гении, хотя – как сказать... Но для читательского любимца у Куприна есть все. Как в личном плане, так и в умозрительном: не порывайся за свои границы. Это и увлекательней, и трудней, и почетней всякой особенности.

Много ли мы знаем в русской литературе имен, заставляющих радостно улыбнуться? Многих ли русских классиков можно перечитывать? А вот Куприн с его сантиментами, силой и яркостью – всегда с нами, и главная его истина – вера в неколебимую нормальность мира – много раз еще выручит нас. Пускай себе гордые и самовлюбленные сверхлюди, а по сути нелюди, пишут монотонно и мрачно и брезгают газетой. А мы не брезгуем. У нас таланту хватит и на взрослое, и на детское, и на фантастическое, и на нравоописательное. Наши олеографии яркие и подчас аляповаты, но герои наши живы, и читатель нас поблагодарит.

Это и есть истина, завещанная нам Куприным – одним из очень и очень немногих русских классиков, с кем так хочется выпить. 🍷



КАК НАЗЫВАЛАСЬ ТА ВОЙНА?

МИХАИЛ БЫКОВ

2 сентября 1945 года
закончилась Вторая мировая
война. Прошло 65 лет.

Профессор Корнуэльского университета (штат Нью-Йорк) Антония Глассэ сделала мне как-то удивительный подарок. В Москву прилетела огромная бандероль, а в ней – коллекция изданных в 90-е годы XX века в США настенных 12-страничных календарей. И все они – из многолетней серии «Великие сражения». Календари сделаны со вкусом: каждая страница – либо репродукция с батальных полотен старых мастеров, либо современная картина. Но есть одна странность. Перелистываешь плотные листы – и через раз иллюстрация великого сражения на... американской земле. Вот уж где безо всяких сомнений безжалостный бог войны прошелся огнем и мечом!

В достатке и тех картин, на которых доблестные «джи-ай» покоряют чужие пространства, а не менее доблестные американские моряки рассекают киями красавцев-кораблей просторы Мирового океана. С боями, разумеется.

Естественное удивление, вызванное очевидным переизбытком живописной доблести американских солдат, слабо корреспондирующим с реальной военной историей планеты и самих США, довольно быстро сменилось чувством одобрения. Ну молодцы же!

И высадку на пляжах Нормандии не забыли. Чего там, до сих пор она на самом деле является крупнейшей десантной операцией всех времен и народов. И великую битву под Саратогой 17 октября 1777 года вспомнили, в которой сошлись 23 тысячи американцев и англичан. Общее число убитых поражает воображение – 530 человек. И танковое сражение с иракской механизированной дивизией 26 февраля 1991 года восславили. Именно в этот день войска Саддама, согласившись на перемирие, отступали по Дороге смерти, расстреливаемые и выжигаемые американскими самолетами.

Еще раз – молодцы! Реклама – двигатель торговли. В том числе и торговли величию собственной страны. Тут за американцами ни на танке, ни на самолете не угонишься. Штаты ведь не только настенными календарями бытуют. Все идет в бой – и книги, и фильмы, и песни, и речи политиков. А их газеты? А их ТВ?

У нас – иначе.

НА ОЗЕРЕ И НА РЕКЕ

Прямое столкновение с Японией не заставило себя ждать. Сначала – на озере Хасан в 1938 году, затем, в 1939-м, – на реке Халхин-Гол. Но обо всем по порядку.

Тому, кто захочет найти озеро Хасан на мелкокомасштабной карте, придется трудненько. От Владивостока – на юго-запад, в Посыетский район. К запутанному до невозможности клубку границ российской,

северокорейской и китайской. Озеро так себе, одно название. Длиной километра три. По приморским понятиям и не озеро вовсе – лужа. Амур – река, а шире.

Здесь-то и решили японцы проверить, чего стоит Красная армия. Та самая, которая всех сильнее «от тайги до британских морей». Проверяли двумя-тремя дивизиями общей численностью до 20 тысяч человек. Советских оказалось столько же. Бои шли две недели, убитых с обеих сторон исчисляли сотнями, граница осталась на месте. На следующий год японцы разведкой боем не ограничились. Развязали полноценную малую войну. Даром что на дипломатическом уровне ее никто не объявлял. Даже претензиями советский МИД поделился с японским только спустя два месяца. После того как в районе монгольской реки Халкин (местное произношение названия. – **Прим. авт.**) в предгорьях пограничного с Китаем хребта Большой Хинган стали гибнуть солдаты.

Война продолжалась четыре месяца с лишком. Погибло с советской стороны 9700 человек, а еще 15 тысяч было ранено и контужено, с японской – около 8500 потеряно безвозвратно, еще примерно столько же вышло из строя по ранению. А всего в операциях на Халхин-Голе столкнулось около 135 тысяч солдат. 57 тысяч – советских, 75 тысяч – японских.

Какой смысл советско-японской войны в Восточной Монголии? Для СССР он был очевиден: напали – надо защищаться. Правда, почему же в Монголии? А потому, что в результате погони красных полков за белым отрядом барона Унгерна все вместе они вывалились из пределов России на территорию монгольских улусов. Отряд барона растворился в истории, а Монголия превратилась в народную республику. Под неофициальным, но неоспоримым протекторатом Советского Союза. Так что набросился на МНР – читай, напал на СССР!

Японцы знали это не хуже монголов. Но... Разведки боем на Хасане для полного по-

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ

Если пораскинуть мозгами, то окажется, что Восточный фронт – это не всегда кто-то против России. Бывало, что Восточный фронт – это Россия против кого-то. По большей части против Японии.

После Русско-японской войны 1904–1905 годов прошло 12 лет, и мы вдруг стали союзниками со Страной восходящего солнца. В 1914-м Япония объявила войну кайзеровской Германии. Равно как и Китай в 1917-м. Первая хотя бы захватила германскую базу в китайском Циндао, патрулировала в океане и перевозила французских солдат в Средиземном море. А вот второй куда в это время не годился. После объявления республики в 1911 году Китай стал еще слабее, чем при последнем императоре.

Как раз с Китаем мы и повоевали немного в 1929 году по поводу Китайско-Восточной железной дороги. Сменивший отца Поднебесной республики Сунь Ятсена генерал Чан Кайши то ли по чьей-то настойчивой просьбе из далекой Европы, то ли по собственному разумению спровоцировал конфликт, в котором приняли участие примерно 320 тысяч солдат и офицеров. Причем только 18 тысяч из них – советских. Однако, вопреки логике цифр, китайцы были в течение неполных двух месяцев приведены в прежнее спокойное состояние. Советская Дальневосточная армия потеряла до 1000 человек убитыми и ранеными, китайская – более 3 тысяч плюс почти 9 тысяч пленными. Железная дорога, как и прежде, осталась в совместном управлении.

Правда, коллективное хозяйствование длилось всего шесть лет. В 1935 году Советский Союз продал КВЖД полугосударственному образованию Маньчжоу-Го, сконструированному японцами на захваченных ими у китайцев маньчжурских территориях. Продал, кстати, по дешевке.

Известно, что Восток – дело тонкое. А Дальний Восток – тонкое, как китайский шелк.

В 1929-м мы с остатками Поднебесной воевали. Но это, оказывается, был короткий перерыв в дружеских отношениях. С 1923 по 1941 год мы только и делали на Дальнем Востоке, что Китаю помогали. В 1924–1927 годах там работало 135 советских военспецов. Это когда и самим-то не хватало. А, например, в 1939-м этих военспецов стало уже 3665.

С ноября 1937 по январь 1942 года СССР поставил Китаю 1285 самолетов, 1600 орудий и минометов, 82 танка... Помогали, ясное дело, тем районам, в которых фактическая власть принадлежала китайской компартии. Другим районам, уцелевшим от японского вторжения, помогали американцы и британцы. Но политика политикой, а 227 советских военных погибли в этот период на территории Китая. 97 из них пали в бою.



ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

нимания ситуации было мало. Требовалась проверка посерьезнее. Кто из двух противников извлек больше пользы из халхин-гольской войны, большой вопрос. Но если сравнивать последнюю армейскую операцию, подготовленную генералом Богдановым и осуществленную будущим маршалом Жуковым в Монголии, и немецкий «блицкриг» образца лета 1941-го, напрашивается ответ: наибольшую пользу извлек гитлеровский генштаб. Впрочем, в стратегическом смысле СССР получил неизмеримо больше. Решение открыть Второй фронт против Советской России в 1941 году японское правительство не приняло во многом благодаря опыту Хасана и особенно Халхин-Гола.

ПОБЕДА ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Все это была присказка. Но без присказки дальнейшие наши и так не слишком понятные отношения с государствами на дальневосточных границах понятнее точно не стали бы. А вот и сказка.

На Ялтинской конференции «Большой тройки» в феврале 1945 года Сталин пообещал Рузвельту и Черчиллю помощь в войне

против Японии. Оговорив, правда, условие: СССР вступит в нее через три месяца после капитуляции гитлеровской Германии.

И слово советский лидер сдержал. День в день.

9 августа 1945 года советская 1,7-миллионная группировка начала боевые действия против миллионной японской Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии и Корее. По масштабу задействованных сил эти недели боевой работы сопоставимы с главными сражениями 1941–1943 годов. Для примера скажу, что Советская армия располагала 5250 танками и более чем 5000 боевых самолетов, японская – 1215 танками и 1907 самолетами.

Насколько в современной России много и подробно вспоминают сейчас события Великой Отечественной войны, начиная с 22 июня 1941 года и до 9 мая 1945-го, настолько невразумительно и общо говорится (если говорится. – **Прим. авт.**) о том, что происходило на дальневосточном театре военных действий.

Аномалия начинается в зародыше: что это за война, в которой СССР использовал такие могучие ресурсы и быстро и четко решил весьма важные для всей планеты проблемы?

Если попробовать поискать ответ на официальных сайтах военного ведомства, то в приложении к интернет-порталу Министерства обороны РФ четко сказано: Великая Отечественная война завершилась 9 мая 1945-го. Аналогично – и на сайте «Великая Отечественная война». Командующий советскими войсками на Дальнем Востоке летом 1945 года маршал Советского Союза Василевский в мемуарах говорит о «войне на Дальнем Востоке», о «военной кампании Вооруженных сил СССР на Дальнем Востоке», о «войне с Японией» и «войне с японским милитаризмом». Даже на медали, учрежденной в память об этой операции, написано: «За победу над Японией». Куда ни кинь – а четкого названия, единственно верного определения нет!

В одном месте Василевский дает формулировку: «Кончилась вторая мировая война. *Более четырех огненных лет* шли советские люди к этому моменту...» Ага, вот оно! Значит, маршал косвенно признает, что наша группировка воевала на Дальнем Востоке в рамках Второй мировой. Почему? Да потому, что Великая Отечественная продолжалась *чуть менее четырех лет*.

Интересно, а что если спросить самих солдат, воевавших в составе двух Дальневосточных и Забайкальского фронтов летом 1945 года, в какой войне они воевали-то? Неужели усомнятся, что в Великой Отечественной?

Для большинства солдат и офицеров это было естественное продолжение ратной работы после берлинского мая. Их части эшелонами перебрасывались из Центральной Европы в Маньчжурию. А каково тем солдатам, что всю Отечественную провели в глубоком резерве на восточных границах Союза, карауля тех самых японских милитаристов на случай чего? А пограничникам на Сунгари и Амуре? А морякам Тихоокеанского флота и Амурской флотилии, чистившим главный калибр без надежды его использовать?

Первые, те, что из Европы, в обязательном порядке к прочим боевым наградам получали и медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945». Тоже есть вопрос – разве мы только Германию тогда победили? Но в главном – все верно.

Дальневосточники тоже получили медаль – «За победу над Японией». И все! Получается, что точно не в Великой Отечественной войне.

Странная какая-то логика...

Но давайте посмотрим, может быть, события, развернувшиеся на Тихоокеанском театре военных действий, не стоят того, чтобы так переживать по формальным поводам? Это пусть ученые считают, что прежде, чем что-то обсуждать и делать выводы, надо договориться о терминологии. А простым смертным какая разница, что это была за война. Ведь победили ж таки! К 1945 году стало понятно, что Япония обречена. Так же, как обречена Германия. И там, и там начиналась агония. Вот только у немцев на этот процесс оставались считанные месяцы, а японцы не торопились. И могли себе это позволить.

Под ружьем у микадо оставалось еще более 7 миллионов человек. Лишенная природных запасов Япония продолжала «питаться» полезными ископаемыми, доставляемыми с колонизированных земель Кореи и Северного Китая. Дух нации не упал, несмотря на американские бомбардировки и перебои с провизией для мирного населения. Дети Страны восходящего солнца в этом отношении разительно отличаются от принципиально не готовых к харакири детей из стран солнца заходящего.

В любом случае, по оценкам генштаба США, война на Тихом океане должна была бы продлиться до 1946 года включительно и отнять по меньшей мере еще миллион жизней американских и британских солдат. Напомню, в составе союзных сил против Японии воевали подданные Его величества из Австралии, Канады и Новой Зеландии.

Очень нужны были русские!

Это – с одной стороны.

А с другой... Красный Китай, возвращение Советами утраченного контроля над Северной Кореей и Маньчжурией, КВЖД и Порт-Артуром, моральные дивиденды по всей планете, очевидные в результате активного участия в победе над Японией. А еще – материальная сторона дела: в странах Дальнего Востока было что поделить для выплат контрибуций и репараций.

Требовалось если не убить, то поймать двух зайцев. Исползовать силу СССР для скорейшего разрешения японского кризиса и одновременно не дать этой силе полную волю. Как это вышло в Германии при взятии Берлина. От пляжа «Омаха» (кодовое название одного из участков побережья Нормандии, где проходила высадка американского морского десанта в июне 1944 года. – **Прим. ред.**) до немецкой столицы было куда как ближе, чем от белорусской границы, а русские пришли первыми.

Короче говоря, бомбы упали. 6 августа – на Хиросиму, 8 августа (9 августа в 11.00 по местному времени. – **Прим. авт.**) – на Нагасаки. **Восьмого августа** – когда маршал Василевский получил из Москвы приказ начинать!

Это уже потом пиарщики от политики раздули эффект первых атомных взрывов. Раскручивался потенциал США как единственных обладателей атомного оружия. И одновременно умалялось значение союзников по антияпонской коалиции, в частности и особенно – СССР. И все поверили. Как-то сэр Черчилль заметил, что «было бы ошибкой заявлять, что атомная бомба решила судьбу Японии». И его не услышали.

Для войск маршала Василевского бомбардировка японских городов а-бомбами не имела никакого значения. Равно как и для солдат противостоящей им Квантунской группировки. На материке сражались!

Это подтверждается и тем, что заявление микадо о перемирии последовало 14 августа, спустя всего пять дней после того, как загрохотали советские орудия. Но маршал Василевский пишет, что повсеместная капитуляция японских войск началась только 19 августа. Сдалось 594 тысячи солдат и офицеров и 148 генералов.

Если строго следовать исторической канве, то военные действия на Дальнем Востоке – это часть Великой Отечественной войны. Потому что мы воевали с союзником Германии. Может быть, самым главным и опасным ее союзником. Потому что еще на конференции в Тегеране в 1943 году Сталин заявил о готовности СССР принять участие в боях против Японии, следовательно, мы обозначили свои намерения еще в ходе Великой Отечественной войны. Наконец,

Лишь 18 августа удалось полностью взять под контроль Южный Сахалин и Курильские острова. Да и то – бои там вспыхивали вплоть до 5 сентября, на материке – аж до 10-го. Более недели после того, как Япония капитулировала и ее представители подписали соответствующий акт на борту американского линкора «Миссури».

В военном отношении преимущество советских сил над японскими оказалось подавляющим. И танков с самолетами было больше, и ратного мастерства. Наши потеряли в эти дни 12 тысяч убитыми, японцы – более 80 тысяч. Но все это не означает, будто «война на Дальнем Востоке» оказалась приятным приключением для советских солдат. Пусть меньше, чем на германском фронте, но гибли. И так же отрывало ноги и руки взрывами японской шимозы (взрывчатое вещество, применявшееся в японской армии, названо по имени изобретателя Симосэ Масатика. – **Прим. ред.**), и так же выжигало глаза огнеметами, и так же дико хотелось пить, когда пуля попадала в живот...

Миру повезло, что советские части чрезвычайно быстро продвинулись на территорию уезда Пинфань, где находились японские лаборатории по разработке бактериологического оружия и – что особенно жутко – склады с уже «готовыми к употреблению» тоннами микробов чумы, тифа, сифилиса, сибирской язвы, проказы, сапа. И хочется присоединиться к тем знатокам войны, что склонны считать преувеличенной опасность японского бактериологического оружия, да китайцы не дают. Они-то до сих пор помнят, как во время их войны с Японией 1937–1945 годов новое «средство массового поражения» апробировали на китайских солдатах. Что-то и сами японцы тогда на малую эффективность ноу-хау не жаловались. Не случись столь быстрого продвижения советских войск, вполне возможно, что и американцы познакомились бы с б-бомбами. В благодарность за знакомство с а-бомбами!

По крайней мере, после войны бывший командующий Квантунской армией, генерал Ямада, сообщил, что «только стремительное продвижение Красной армии вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран». Под другими странами генерал имел в виду США и Англию в первую голову. Он сам так сказал.

ОНО ТОГО СТОИТ

Итак, сомнений нет: поднимать разговор о статусе и названии той войны стоит. Есть несколько дискуссионных вариантов, и пусть в споре родится наконец истина.

нельзя игнорировать эмоциональный фон. Получается, что кто-то из советских воинов сражался в Великой Отечественной войне, а кто-то – на Дальнем Востоке. Между прочим, 2 сентября 2009 года в Петропавловске-Камчатском был большой праздник. Посвященный, само собой, 64-летию победы... в Великой Отечественной войне! Да-с! И венки на воду Авачинской бухты опускали в честь погибших именно в Отечественную.

И пусть рассказывают, да что там – сам слышал, как говорят в современной Сибири и на Дальнем Востоке о европейской части страны: «у вас в России». Да, говорят – если про работу там или родственников. А про войну – нет.

Давайте посмотрим на ситуацию с юридической точки зрения. 26 июля 1945 года США, Великобритания и Китай подписали и опубликовали Потсдамскую декларацию, требующую от Японии безоговорочно капитулировать. СССР официально присоединился к этой декларации 8 августа 1945 года. И тут же объявил Японии войну. Следовательно, состояние войны между нашими странами наступило спустя три месяца после завершения Великой Отечественной. И группировка Василевского сражалась в какой-то другой войне, официального названия которой в свое время по каким-то соображениям дать не удалось. В то, что забыли, верится с трудом.

Можно припомнить, что 5 апреля 1945 года СССР денонсировал пакт о нейтралитете, подписанный с Японией еще в апреле 1941-го. Но ведь отказ от нейтралитета еще не означает вступления в войну.

Таким образом, может в нашей истории оказаться советско-японская война? Ничто не мешает. Ведь в те годы, когда шла Вторая мировая и Китай официально заявил о вступлении в нее против стран германской коалиции, сама Поднебесная вела двустороннюю войну с Японией, начиная с 1937 и заканчивая 1945 годом.

Однако эта война не была автономной. Потому как в это же время Япония участвовала во Второй мировой войне. Той самой, в которой оказались и ее основные противники – США, Британия и Китай. Совершенно очевидно, что и Советский Союз сражался против Гитлера в рамках мировой войны. Тогда на первый план выходит вопрос нашего собственного позиционирования по теме этой самой Второй мировой. Сегодня мы чувствуем себя на этом празднике жизни если не чужими, то уж не самыми желанными точно. И при этом ведем себя как-то излишне скромно.

Все возрастает актуальность шутки о том, что, к сожалению, американцы не сразу узнали о какой-то заварушке в старушке-Европе, и лишь поэтому процесс оказался слишком запущен. Вмешались, конечно, и всё решили, но лучше бы раньше.

Мы улыбаемся, но в душе, разумеется, недовольны тем, что други-союзники вежливо игнорируют **наше** 9 Мая, ссылаясь на **собственное** 8-е. Вишь ты, какой чудный аргумент припасли: германская капитуляция фельдмаршалом Кейтелем подписана днем ранее, потому как в Европе было еще вчера, а в Москве уже наступило сегодня. Воля ваша, как говорится.

Но мы-то почему должны игнорировать наше **общее** 2 сентября? Я что-то пока не слышал о каких-то связанных с грядущим юбилеем мероприятиях, ни наших собственных, российских, ни в рамках общемирового праздника. А кроме того, что-то не знаю о существовании какого-нибудь специального документа, удостоверяющего некую особенную дату окончания Второй мировой войны. Следовательно, день подписания акта капитуляции последнего противника – Японии – и является днем памяти окончания самой большой войны в истории человечества. И Россия в этой войне сказала главное слово. Вот так!

И уж если почти 2 миллиона соотечественников сражались во Второй мировой, но не в Великой Отечественной, их нужно чествовать наравне с теми, кто воевал в Великой Отечественной и Второй мировой одновременно. Может быть, и ошибаюсь, но памятников солдатам Второй мировой



ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

в нынешней России что-то не припомню. И фильмов об этом что-то не снимают. И книг – не пишут.

А уж про календари с батальными картинками и говорить нечего!

Привет, профессор Глассэ! И спасибо!

P.S.

Нечто похожее происходит и с Отечественной войной 1812 года. Она сама по себе, а военные походы 1813 и 1814 годов – сами по себе. Будто не одни и те же генералы под одними и теми же знаменами вели своих солдат по дорогам Европы и сражались под Лейпцигом и Дрезденом, Бауценом и Люцеком, Фер-Шампенуазом и Парижем? Будто не с Наполеоном они воевали после того, как выгнали остатки его армии за пределы Отечества? Будто русские войска вошли в марте 1814 года в столицу Франции не в прямой связи с тем, что французские солдаты в Первопрестольной расстреливали мирных жителей, кололи штыками иконы и держали лошадей в храмах в сентябре 1812-го?

Первая Отечественная война шла почти два года: с июня 1812 по март 1814-го! Ее результат – освобождение Европы. Помнить об этом и отмечать это надо соответственно грандиозности самого события. 🇷🇺

В ИЮЛЕ 2010 ГОДА ПРЕЗИДЕНТ РОССИИ ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ ПОДПИСАЛ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН, СОГЛАСНО КОТОРОМУ В СТРАНЕ УСТАНОВЛИВАЕТСЯ НОВАЯ ПАМЯТНАЯ ДАТА. ТЕПЕРЬ В РОССИИ БУДЕТ ОТМЕЧАТЬСЯ 2 СЕНТЯБРЯ – ДЕНЬ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

ВИРТУОЗ

Денис Мацуев – виртуоз, каких мы давно не видали, по каким соскучились и каких ждали. Баланс мастерства и страсти! Кто называет его поверхностным, путая безупречность техники с отсутствием глубины, чувства. Но как раз чувства можно и поубавить: когда оно возобладает, баланс разлетается в щепы. Сохранить гармонию помогает чужой опыт. С художественным руководителем Мариинского театра Валерием Гергиевым Мацуев играет уже более трех лет, и совместные концерты не единственное, что их объединяет.

Не так давно завершился IX Московский Пасхальный фестиваль Валерия Гергиева. Вы не в первый раз в нем участвуете. Чем для вас интересен этот проект?

– Гергиев делает уникальные просветительские вещи. По количеству программ – а их в фестивале около 200 – аналога ему, я думаю, в мире нет. Как и той энергии, того музыкального драйва, каким обладает каждый из музыкантов его оркестра. График работы – экстремальный. Но я люблю такой ритм. Он придает тонус, фокусирует на сцене. В этом году фестиваль прошел в 20 российских городах. Я сам люблю гастролировать по России. Если бы это зависело только от меня, я бы чаще играл в регионах. Поэтому когда

три года назад у меня появилась возможность сделать это в рамках Московского Пасхального фестиваля, я сразу же согласился. Прежде я уже работал с Гергиевым. Впервые он обратился ко мне в 2007 году. Предложил сыграть с оркестром Мариинского театра на только что открывшейся Новой сцене в Петербурге. Потом и я приглашал Мариинский театр на свой фестиваль в Иркутск. Так начались наши отношения.

– Вы не единственный солист, с которым Гергиев работает постоянно. Вокруг маэстро сформировался своего рода клуб близких по духу музыкантов. Концерты с их участием так и зовутся: «Гергиев & друзья». У кого еще есть такой «круг друзей»?

– В свое время это было у Бернштейна, у Караяна и Ростроповича. Но у Гергиева оно обретает особое значение. Он окружает себя друзьями, которые являются его единомышленниками. Причем это не только музыканты, с которыми он играет, а все, кто входит в его команду, – режиссеры, художники, артисты, уникальные танцовщики, превосходные певцы. Гергиевские певцы – это уже бренд, с ними на протяжении 20 лет он открыл столько в русской музыке и так прославил ее в мире!

– Слово «друг» подразумевает равенство. Для вас с Гергиевым оно существует?

– Несмотря на возраст и опыт – я держу это в уме и преклоняюсь перед ним, естественно, – маэстро разговаривает со мной на равных, и для меня это огромная честь. Но он и подсказывает, как старший: «Лови-лови, мотай на ус, пока у тебя есть такие люди, как я, которые могут помочь и в музыкальном плане, и в жизни». При этом он никогда не скажет: «Вот я сейчас тебе

скажу, ты запомни, потому что я опытнее, мудрее и т.д.». Свою «науку» он вуалирует, я должен читать ее между строк.

– В этом году вы не собирались выступить на Московском Пасхальном фестивале, но в результате играли вдвое больше, чем в прошлый раз...

– IX Пасхальный фестиваль оказался для меня особенным. Сначала я действительно не думал в нем участвовать. Не попадал в график. Но планы изменились таким образом, что я попадал в Воронеж в



одно время с Пасхальным фестивалем. Я решил, что это судьба, и выступил там, а также сыграл еще несколько концертов, в том числе в Кисловодске, Владикавказе и Волгограде.

– **Как вы оказались в Воронеже?**

– У меня там был концерт юных музыкантов-подопечных фонда «Новые имена». По духу этот проект близок Пасхальному фестивалю, и я рад, что два события объединились. Концерт проходил на следующий день после фестивального, и, по идее, я должен был только вести его. Но мне на сайт пришло сообщение, что публика на него не попадает, и, раз уж на то пошло, я решил сыграть и сам тоже. Потому что это не дело. Я для того и приезжаю, чтобы все желающие могли попасть в зал, а не для того, чтобы поднимать цены. Мы пустили студентов, посадили их на дополнительные места, на сцену, и я сыграл незапланированный концерт – Третий рахманиновский, который перед этим исполнял с Гергиевым.

– **Что за фонд – «Новые имена» и какое вы к нему имеете отношение?**

– Для меня «Новые имена» – моя вторая семья. Это уникальный проект, которому 20 лет. Сейчас таких много, но в 1990 году, когда он появился, он был единственным в стране. Долгое время фонд возглавляла его инициатор и вдохновитель Иветта Николаевна Воронова, и, хотя сейчас официально его президентом считаюсь я, она никуда от нас не ушла и принимает участие в работе. Сам я не могу заниматься фондом постоянно. Я живу в самолете, играю 160 концертов в год. Но когда мне предложили его возглавить, я согласился, потому что не мог не помочь своей второй семье.

– **В чем помимо концертов заключается работа фонда?**

– Фонд ищет молодые дарования, помогает им встретить своих педагогов, покупает инструменты, посылает на стажировки и, самое главное, помещает их в определенную среду. Это очень важно, потому что таким образом человек осознает, что то, чем он занимается, кому-то нужно. Например, я, когда только приехал в Москву из Иркутска, без поддержки «Новых имен», может, и не понял бы, что музыка может стать моей профессией. Поэтому когда я согласился войти в эту историю уже в другом статусе, я поставил себе задачу не дать «Новым именам» затеряться среди других подобных организаций, напомнить, что мы существуем и что есть реальная помощь и результаты. Раньше «Новые имена» работали при Фонде культуры, сейчас это самостоятельная структура, хотя поддержку государства и спонсоров мы по-прежнему имеем. Наши ребята проходят стажировки в Англии, Италии, Америке, у нас своя летняя база, где проходят мастер-классы. Это школа в Суздале, которой уже 17 лет. Аналогов ей нет. Лучшие профессора Московской и Петербургской консерваторий собираются в этом уникальном городе и два месяца занимаются с одаренными детьми со всей России.

– **Вы возглавляете еще два музыкальных фестиваля – «Звезды Байкала» и «Крещендо». Как они начинались?**

– Как я все это замыслил? Ну, «Звезды Байкала» в Иркутске – это само собой. В какой-то момент в наш город перестали ездить знаменитые музыканты. И мне стало обидно, потому что помню те времена, когда я ходил в филармонию слушать Рихтера и других великих исполнителей. Я понял, что у меня есть возможность привозить их к себе на родину. У меня ведь столько друзей-музыкантов! И никто не отказал, а те, кто уже побывал там, все хотят вернуться, потому что Байкал уникальный. Что касается «Крещендо», то здесь тоже все просто получилось. Знакомый продюсер, Давид Смелянский, как-то спросил: «А есть талантливые ребята твоего поколения?» Я ответил, что есть. «И где они?» – «Везде, только не у нас». Он сказал: «Давай соберем» – и получился фестиваль «Крещендо».

– **Сколько на это уходит времени и сил! Их же надо по всему миру собирать!**

– Как раз от организационной деятельности я получаю страшный кайф. Просто от того, что удастся все состыковать.

– **Вы что, сами занимаетесь этим? Звоните и договариваетесь?**

– Вплоть до авиабилетов и размещения в отелях. Мне это нравится! Конечно, если я начну понимать, что страдает качество моих концертов, я отойду от этого. Но пока я все успеваю.

– **Вы много выступаете в России. Какие из наших регионов сейчас сильны в музыкальном отношении?**

– Об Иркутске говорить не буду – я человек заинтересованный. За эти пять лет фестиваль на Байкале стал одним из сильнейших в стране. На него съезжаются музыканты не только из России, но и из Японии, Англии, США. Не так давно у меня было интервью на Би-би-си, и первое, о чем меня спросили в прямом эфире, – кто на сей раз приезжает на фестиваль «Звезды Байкала». Было отрадно – в Европе о нас уже знают! И на этом я не собираюсь останавливаться. Если говорить о других центрах, то это Екатеринбург. Там замечательная филармония, блистательный Уральский оркестр под управлением Дмитрия Лиса. Новосибирск такой центр, безусловно. Это традиционное «место силы» для музыкантов. Репин, Венгеров, Брон – они же все там преподавали, все оттуда. Вообще, Сибирь – неплохой региончик, скажем так. Хворостовский из Красноярска, Третьяков из Иркутска... Другой блистательный город – Нижний. Очень мне близкий, давно его знаю и люблю. И публика там намоленная, и оркестр чудесный.

– **Каким образом у вас строятся отношения с дирижерами?**

– Если говорить о первом знакомстве, то не со всеми у меня складывается полноценный контакт. И хотя это не влияет на успех в зрительном зале и высказывания прессы, то, что с этим человеком, с которым тебе предстоит много играть и даже записываться, у тебя что-то не ладится, очень мешает. Между нами стена – пусть внешне это и не проявляется. Со стороны дирижера есть внутреннее неприятие того, что делаю я, с моей – непонимание того, чего добивается

он. Тяжелая ситуация. Но иногда она исправляется, и я не знаю, благодаря кому – мне ли, дирижеру...

– **А с открытой враждебностью вам приходилось сталкиваться?**

– Нет, мне повезло в жизни. Я общался с людьми, которые хотели, чтобы все у меня было хорошо. Допустим, Юрий Темирканов. Потрясающий, гениальный Юрий Хатуевич, мой большой старший друг. Он настоящий романтик-дирижер. Он тоже, как Гергиев, дарит себя, и ждет чего-то взамен, и предлагает такую воздушную подушку аккомпанемента, которая помогает тебе что-то сказать. Иногда это получается, иногда нет – я не скрываю этого. Не каждый концерт удачный. Иногда, даже когда у тебя есть партнер, с которым ты много играл, ничего не выходит.

– **Музыкант вообще осознает, как он играет – хорошо или не очень?**

– Это может по-разному восприниматься со сцены и из зала. Тебе на сцене кажется, что сегодня было просто чудесно, а зритель – что-то не то ты делаешь. Об этом еще Шаляпин говорил. Кого слушать в таком случае – себя самого или других, – это большой вопрос. И здесь важны три вещи: найти людей, которым ты полностью доверяешь, раскрутить тех, которые тебя критикуют, и сделать так, чтобы их суждения пошли тебе во благо, и, наконец, переманить своих врагов в стан своих поклонников. Это то, чем я занимаюсь последние 10 лет. Неприятие меня заводит. Я человек спортивный и, когда чувствую сопротивление, увлекаюсь.

– **Да-да, как раз за это вас и чихвостят: мешаете спорт с искусством. И Валерий Абисалович тоже прибегает к таким сравнениям. По-вашему, это допустимо?**

– Возвращаясь к Валерию Абисаловичу... Мне очень нравится его выражение «пахать». Он великий пахарь – и мне близок такой его подход к искусству. Здесь не нужно бояться сильных слов. Нужно просто пахать, перепахать все, что тебе дано, а дальше видно будет. Докапываться надо очень серьезно до каждого произведения, отложить его, если надо, и потом возобновить с ним роман или играть долго одно и

то же, чтобы в какой-то из разов понять его суть. Но вообще, я не люблю об этом говорить. Потому что все-таки говорить надо на клавишах. Русская фортепьянная школа всегда отличалась тем, что в ней главным было не то, как виртуозно и чисто сыграно (как раз это – спортивно-конкурсные термины), а то воздействие на слушателя, которое ты своей музыкой оказал. Музыка – это язык, овладев которым ты пытаешься достучаться до произведения и до сердца человека, сидящего в зале. Это самое главное – научиться петь, разговаривать, плеваться, улыбаться, соблазнять. Все, что угодно! У тебя есть десять пальцев, черно-белая клавиатура – пожалуйста, соединишься с клавишей! У тебя есть контакт – добьешься!

– **А как вы относитесь к критике?**

– Обожаю, обожаю – но только где ее найти? К сожалению, у нас этот жанр умер.

– **На Западе тоже?**

– На Западе она есть. За последние два месяца я сыграл около 48 концертов. На них было 80, а то и 90 рецензий. О многих можно сказать, что это вообще учебное пособие для музыканта. Например, о разборе, который я получил в Лондоне на концерт с Лондонским симфоническим оркестром. На концерте было восемь критиков, и все написали рецензии.

– **И вы все читаете?**

– Безусловно. И нахожу массу деталей, которые мне помогают. Есть, конечно, и на западе *экземпляры*... Как правило, это маститые люди в уважаемых изданиях, которые уже немножко теряются и пишут не о музыке, а о прилагательных вещах. Или о тебе непосредственно, или о концерте как светском мероприятии. Но это не значит, что они *непрофессионалы*, как у нас. У нас другое. У нас мальчики и девочки пытаются выскочить за счет великих имен. Они не разбирают игру – для этого нужны знания, которых нет, – а хулят тех, чьи достоинства они даже не способны оценить. И об этом нужно беспокоиться. Мне-то все равно, я могу и ответить. Я простой, сибирский, нормальный, правильно ориентированный парень. Но из-за таких мальчиков и девочек мы потеряли Ростроповича на 15 лет. 15 лет он не

играл в России на виолончели, потому что была статья, которая его оскорбила. Его смешали с грязью по поводу постановки Слонимского в Самаре. А потом был один концерт, после которого его просто убили. По-моему, можно было по морде сразу дать за это. О Ростроповиче – так... Как бы он ни играл, такие вещи непозволительны! И не только о Ростроповиче нельзя так писать – ни о ком вообще. Ну да что об этом говорить, бог с ними.

– К кому вы прислушиваетесь еще помимо Гергиева и западных критиков? Кто ваш советчик, авторитет в искусстве?

– Кого слушаю? В первую очередь своих родителей. Мою папу, который со мной с трех лет сидит за инструмен-

том и который для меня самый первый критик. Он и сейчас сопровождает меня почти на всех гастролях. Я благодарен родителям за то, что они посвятили свою жизнь мне, что бросили все в Иркутске в 1991 году и приехали со мной в Москву. А ведь они были отнюдь не самыми последними людьми в городе. На папе держалась вся музыкальная жизнь его – и в драмтеатре, и в театральном училище, и все концерты... Он блестящий пианист, композитор и педагог выдающийся. С раннего детства он мне подсказывает такие вещи и знает меня как облупленного, потому что я сделан его руками. Безусловно, и мама, и он понимают, как я могу играть, и я им полностью доверяю, они никогда еще не ошибались. Поэтому после всех криков «Браво, гениально», я, будучи правильно воспитан родителями, не придаю этому большого значения. Я благодарен родителям еще и за то, что они меня сориентировали во всех отношениях, научив воспринимать любую ситуацию – будь то похвала или нападки – с глубокой иронией. Мне это помогает, и даже более того – я завожусь, когда что-то не получается. А людей без чувства юмора я просто боюсь.

– Кто ваш ориентир в классической музыке?

– Наверное, это собирательный образ... Чайковский, Шаляпин, Стравинский... Вместе с тем Рахманинов для меня стоит особняком. Последние 20 лет я играю очень много его музыки. Я столкнулся с этим композитором в 11–12 лет, когда начал учить Третий концерт для фортепьяно с оркестром, а в последний раз играл его, когда записывал вновь обретенные рахманиновские произведения в имении Сенар под Люцерном, где он жил каждое лето с 1929 по 1943 год. Не так давно я возглавил Фонд Рахманинова. Мы делаем разные проекты, и когда я приезжаю на них, то живу в этом доме, дышу этим воздухом, занимаюсь на этом инс-

9 июня Дмитрий Медведев подписал Указ о присуждении Денису Мацуеву Государственной премии в области литературы и искусства 2009 года за вклад в развитие и пропаганду отечественного искусства



трументе. Этот рояль – уникальный. Это подарок американского подразделения «Стейнвей» Рахманинову, сделанный специально под него. Он громадный, больше, чем обычный рояль, в два раза. Стоит там с 1929 года и до сих пор звучит так, как ни один из современных «Стейнвеев». Басы – как с микрофонами. До сих пор этот инструмент не покидал стен имения, но не исключено, что в будущем декабре, когда мы с Валерием Абисаловичем будем играть Рахманинова в Берлинской филармонии, мне позволят сесть за него перед публикой. Если так и произойдет, то впервые рахманиновский рояль переместят на сцену, хотя сам композитор на нем и записывал, и выступал. Я жду этого момента с большим трепетом.

– **Как вам удалось «сойтись» с Рахманиновым так близко?**

– Это известная история, я ее не раз рассказывал. Благодаря его внуку Александру Рахманинофф. Он пришел на мой концерт в Париже и сказал: «Если ты бросишь курить, я тебе сделаю большой подарок». Я ответил, что уже не курю, и получил неизвестные произведения Рахманинова. Эти сочинения – сюита ля-минор и fuga – написаны композитором в 1891 году, надолго были утеряны и никем, кроме самого автора, не исполнялись.

– **Месье Рахманинофф всем, кто бросает курить, делает такие подарки?**

– Нет, не всем. Но меня он как-то заприметил и доверил первому сыграть вещи, которые еще никто не играл. Я их записал на пластинку на том самом рахманиновском рояле: пока шла подготовка к записи, я жил в доме композитора. За это время мы познакомились с Александром Борисовичем очень близко и с тех пор многое делаем вместе.

– **С классиками понятно. А что вы скажете о новых композиторах? Вы не так часто к ним обращаетесь.**

– Почему? Наш первый фестиваль «Крещендо» вообще открывался сочинением Дмитрия Курляндского – 30-летнего очень самобытного автора. А как раз сейчас мы с Гергиевым играем Пятый концерт для фортепьяно с оркестром Родиона Щедрина. Валерий Абисалович большой просветитель в этом отношении, и Щедрин для него особняком стоит, безусловно. Оркестр Мариинского театра играет его сочинения по всему

миру. Если говорить в целом о современной музыке, то это не обязательно модерн, авангард, атональность и прочая белиберда. Она может быть очень мелодичной. Но то, что очевидно для музыкантов, совсем не очевидно для менеджеров и фестивалей. Им нужно известное имя, Первый концерт Чайковского и т.д. Круг интересов сужается все более, и это совершенно неверно. Понятно, что никогда не будет ни Рахманинова, ни Прокофьева. Но будут другие. Пендерецкий написал действительно потрясающий новый фортепьянный концерт, пишут Десятников, Щедрин, Вячеслав Артемов. Есть Эшпай – слава богу, пока он еще жив. 85 лет ему сейчас будет, воевал, уникальный, потрясающий, искрометный музыкант и человек. Я играл его Второй концерт – мне посвященный, кстати говоря. А вот в поколении 30-летних действительно получился провал – в процентном отношении, конечно. Не так их много. Но в целом, слава богу, пианистам есть что поиграть. Не так давно я был в Америке. И Национальный оркестр, и Чикагский, и Питтсбургский – все играют музыку Леры Ауэрбах. Знаете, кто это? Нет? И никто ее у нас не знает. А она из России, принадлежит к новому поколению композиторов. Не помню, где она родилась. Кажется, в Ростове. Поехала учиться в Нью-Йорк, осталась, и сейчас она один из самых играемых в Америке композиторов. Суперизвестна! Только надо ее играть и у нас, чтобы и наша публика слушала это.

– **Есть мнение, что искусство композиции вообще исчерпало себя. Его придерживаются и сами композиторы – например, Владимир Мартынов, который написал об этом уже несколько книжек.**

– Кто-то говорил, что на Прокофьеве все закончилось, на Шостаковиче... Я так не считаю. Я и самого Мартынова ставлю в этот список. Но нельзя ставить точку и на Мартынове даже. Говорить, что сейчас все умерло, нельзя. Композиторы есть, их просто нужно искать. Искать и играть, если это действительно достойно. 🍷



«МЫ ПРИЗВАНЫ НЕ ПРАВИТЬ, А СЛУЖИТЬ»

ПОЧЕМУ КУЛЬТУРА НЕ МОЖЕТ
ПРИНОСИТЬ ПРИБЫЛЬ И ПОЧЕМУ РАДИ
НЕЕ ВЕЛИКОМУ МУЗЫКАНТУ НЕ СТЫДНО
ХОДИТЬ С ПРОТЯНУТОЙ РУКОЙ

Зачем один из лучших скрипачей мира, дирижер, создатель легендарных «Виртуозов Москвы» и Национального филармонического оркестра России в 2010 году возглавил еще и Молодежный симфонический оркестр СНГ? Об этом и многом другом «Русскому миру.ru» рассказывает сам Владимир Спиваков.

Владимир Теодорович, вы и так слишком загружены и при этом еще взваливаете на себя Молодежный симфонический оркестр. Зачем?

– С молодыми легко и непредсказуемо. Они другие. У нас уже понимания больше, а надежды меньше. Как сказал замечательный философ Фрэнсис Бэкон: «Надежда хороша на завтрак, но плоха на ужин». У них в глазах надежд много. Это для меня питание, подзарядка моих севших батареек. Смотришь, как они

жадно все впитывают и не замечают трудностей, и понимаешь: да, им легче, а мне – рядом с ними. И как-то сил прибавляется. А еще с ними я – солдат музыки. Марина Цветаева сказала, что нужно брести по жизни в плаще ученика. Мы учимся даже у тех, кого сами учим. Между прочим, в Древней Греции философы уверяли, что самые значительные познания они получили от своих учеников.

– **И чему они вас научили, если вы сами признаетесь, что не знаете оркестрантов даже по именам?**

– Имена очень трудные. Айсулык, например. Слышали такое? Башкирское. Фамилий тоже не знаю. А если во время репетиций вижу, что молодой человек или девушка по-русски не понимают, мне этого от них и не надо. Я их всех в лицо знаю. По глазам пою.

– **Как это?**

– Очень просто. Есть в оркестре такая традиция – на пюпитре каждого оркестранта крепится флажок его страны. У нас такая пестрая радуга из флажков, что они, конечно, притягивают взгляд. Но я-то рассаживаю музыкантов не по цвету флагов или глаз. И вот так сложилось, что азербайджанец и армянин – а их страны из-за Нагорного Карабаха переживают сложные отношения – сидят рядом. Скажу честно, я тоже переживал. Но вслушиваясь в их звук, а он – на грани безупречности. Вообще, детки сыгрались. У них есть кураж. На каких-то гастролях подходят ко мне эти двое ребят и робко просят: «Давайте сделаем исторический снимок». «Какой?» – спрашиваю. А сам хочу верить, что не ошибаюсь в догадке. Один из них переминается с ноги на ногу: «Я – армянин, он – азербайджанец»... Недавно читал книжку Андрея Макаревича – как ни странно для вас, может быть, но я читаю и такие книги, – так вот, он написал: «Музыка – это маленький кусочек картины счастья». Вот этот оркестр для ребят – это маленький островок счастья. Этот островок, в отличие от Дон Кихота, к которому Санчо приставал с вопросом: «Где же этот остров?» – а тот отвечал: «Этот остров – мечта», у детей есть. Их мечта – музыка. Они ее получили.

– **Что, так сильно отдалились наши взгляды и мировоззрение, что легче разговаривать на языке музыки?**

– Есть вещи, которые я объяснить не могу. Анна Ахматова однажды о музыке заметила: «В ней что-то чудотворное

горит». Вот горит, когда люди занимаются созиданием. Ведь людей разделяют не границы, не моря или океаны, даже не отличия в мировоззрениях, а невежество. Разные мировоззрения дают музыке и людям другие краски и ощущения мира. Знаете, как-то меня пригласили дирижировать национальным симфоническим оркестром Китая. Но сначала позвали его послушать. Оркестр исполнял Чайковского. И исполнял совершенно по-китайски. Иначе и нельзя: ведь в мелодии зашифрован язык исполнителя. Когда меня спросили, какое у меня впечатление, я вот прямо об этом и сказал. А дирижер попросил меня встать за пульт. Мы исполнили первую часть Четвертой симфонии Чайковского. И так, будто музыканты всю жизнь ходили по мостовым Петербурга или тротуарам Москвы. Они поддавались моим движениям, чувствовали меня... Оркестр стал русским, несмотря на его китайское мировосприятие. И дело не во мне, дирижере. Просто мига искусства не может быть, пока артист не выйдет за рамки эгоизма, не превратит зеркало, в которое смотрится, в прозрачное стекло. Вот через него и видно мир и человека.

– **Каждый год Молодежный симфонический оркестр СНГ меняет художественных руководителей. До вас его возглавляли Марк Горенштейн, Валерий Гергиев. В чем идея ротации?**

– Не ко мне вопрос. Могу только предположить, что его создатель – Межгосударственный фонд гуманитарного сотрудничества – пошел по пути ЮНЕСКО. Там часто практикуют смену музыкальных, научных или иных национальных руководителей на международных. Ну а что? Есть в этом... своя правда. Я тоже в Национальном филармоническом оркестре ввел такую практику. Я не ревнивый и считаю, что другие хорошие дирижеры тоже должны работать с оркестром, чтобы музыканты видели мир с разных сторон. Это пища для размышления, а ее количество не замедлит перерасти в качество. И музыки в том числе. Дети в Молодежный оркестр прошли жесткий отбор, но на следующий год их опять ждет ротация. Но их взгляд на мир уже изменился. Только за этот год кто-то из них выучил русский, кто-то – английский.

– **Ну а почему вообще именно дети? Ведь помимо Молодежного оркестра вы включаете детей и во взрослый Национальный филармонический оркестр.**

– А я давно живу с ощущением, что мы должны прислушиваться к ним. Они чисты, в их сердцах нет ненависти. Если все мы являемся образом и подобием Творца, то образ этот мы, взрослые, немилосердно унизили. Он

росом: если меценат так «шикует», сколько же «лишнего» он ворует? Другая сторона меценатства: помогая культуре, некоторые из спонсоров мало того что оптимизируют налоги, так они еще требуют для себя преференций – «маленький свечной заводик» типа нефтяной или газовой скважины. Конечно, нам нужен закон о меценатстве, который упорядочил бы вопросы финансирования культуры.

жив в детях. Нам, чтобы оставаться людьми, надо у них учиться сохранять в себе этот образ. У меня в обоих оркестрах много учеников из моего Международного благотворительного фонда. Тот же трубач Кирилл Солдатов. С 17 лет – первый трубач Национального филармонического оркестра России. Небывалый случай. Он у меня в фонде с 9 лет. Мы его посылали на курсы Мориса Андре, выдающегося французского трубача. Это чтобы поднять уровень, когда есть талант. А еще, когда я послушал Сашу Гаврилюка, украинского пианиста, живущего то в Австралии, то в Германии, – дома, к сожалению, его талант никому не нужен, – я сразу понял, что ему надо помогать расти. Другого пути ни в жизни, ни в искусстве нет. Талант надо пестовать как английский газон. Там его 300 лет поливают и стригут, чтобы был результат. И про отдачу и затраты никто не говорит. Просто понимают: из ничего что-то не получается. Такова природа культуры.

– В новом веке, когда все стремительно меняется и на все не хватает средств, культура, чтобы на ней не сэкономили, должна приносить доход или хотя бы самоокупаться, чтобы уж совсем не занять узкую нишу для избранных?

– В Италии, не самой богатой стране, на культуру государство выделяет в три раза больше средств, чем в России. Подчеркиваю – выделяет, не требуя отдачи или прибыли. Так же поступают Англия, Канада и даже США, которые трудно упрекнуть в том, что они не умеют считать деньги. Не хватает и не будет хватать денег всем во все времена. Во все века искусство не приносило прибыли и не встраивалось в доходные отрасли экономики, как ни пытались это сделать не самые глупые люди. В итоге они приходили к пониманию, что то, что приносит доход, перерождается в масскульт или шоу-бизнес. А искусством, сохраняющим душу, остается то, на что человек не пожалел отщипнуть от своих материальных потребностей. Просто для этого полезно вспомнить, что мы призваны не править, а служить. Евангелие.

– То есть вы полагаете, что научить зарабатывать учреждения культуры нельзя?

– Надо научить. Но при этом надо понимать, что в мире они выживают не за счет самофинансирования, а за счет спонсорства. И главный спонсор – государство. Все остальные – меценаты. Однако у нас государство все меньше выделяет на культуру, а спонсоры – я говорю только о своем опыте, – помогая, вынуждены таиться от государства. К сожалению, по банальной причине. И фискальные органы, и конкуренты, и обыватель сразу задаются воп-

росом: если меценат так «шикует», сколько же «лишнего» он ворует? Другая сторона меценатства: помогая культуре, некоторые из спонсоров мало того что оптимизируют налоги, так они еще требуют для себя преференций – «маленький свечной заводик» типа нефтяной или газовой скважины. Конечно, нам нужен закон о меценатстве, который упорядочил бы вопросы финансирования культуры.

– Где легче их просить – дома или за границей?

– Везде трудно. Никто легко не расстается с деньгами. Кстати, систему финансирования музыкальных школ и США, и Европа заимствовали у Советского Союза, не сразу придя к системе их государственного финансирования, а частное спонсорство – это как важное, но все же дополнение. Даже в жестких условиях конкурентной среды рынка государство этих стран осознало, что классическая музыка не способна приносить доход, хотя бы близкий к шоу-бизнесу. Но в нее надо вкладываться, потому как классика – «гохран» нации. Или ее неприкосновенный запас. Его, как известно, надо пополнять, что под силу только государству. Проблема лишь в размерах финансовой поддержки и аппетитах просителей. Ну да, мне приходится просить. Это очень тяжело. Но все же, думаю, верна мысль, что не следует быть гордым, когда просишь ради хорошего дела. И надежд я не оставляю...

– Вы, наверное, знаете, что билеты на ваши концерты в Москве непомерно дороги. Почему хороший концерт классической музыки часто становится не по карману рядовому зрителю?

– Я знаю, что нередко артисты берут высокие гонорары, из-за чего взлетает цена и далеко не все могут позволить себе такую роскошь, как классическая музыка. Поэтому я приветствую тех меценатов, которые просто дарят концерты публике. Но иногда дорогостоящими концертами приходится зарабатывать – для музыкальных школ, для одаренных детей, для обновления музыкальных инструментов оркестра. Взамен я обя-

зательно выступаю по абонементам, которые, могу утверждать это смело, абсолютно доступны. Были бы время, желание и потребность.

– **Когда-нибудь жалели, что отказались от миллиона долларов, который Испания была готова вам заплатить, лишь бы «Виртуозы Москвы» стали «Виртуозами Барселоны»?**

– Я не бизнесмен и не отношусь к концертам как к бизнесу, поэтому не жалею о потерянных деньгах. Но, бывает, вызывает оторопь, когда американцы о концерте говорят: «Well done». Так можно сказать о хорошо прожаренном мясе, а не о музыке. Хотя выступать люблю везде. И в Испании, где зритель чувствует музыку как себя, и в России, где эмоциональная отдача зала зашкаливает, и в Америке, где зритель благодарен как ребенок.

– **Тогда почему в современном мире падает интерес к классической музыке? И правда ли, что это особенно заметно в США?**

– Знаете, а я как-то не заметил, что именно в Америке снизился интерес к классике. Как раз американцы умеют работать с публикой, особенно со студенчеством. И лучше, чем мы. У них это называется «целевой аудиторией». Так вот в работе с ней им нет равных. Другое дело, что все, что выходит за ее пределы, так называемая широкая зрительская аудитория, часто понятия не имеет о классике. Но ведь подобные набирающие обороты разрушительные процессы идут, возможно, во всем мире. Точнее, так было всегда. Классику слушали и ценили не все. Если быть честным, всегда это была тонкая прослойка общества. Другое дело, что в Европе она растет. Там классику приходят послушать просто на городскую площадь вечером, а на хороший концерт билетов не купить за неделю. А у нас не то что массовая – целевая аудитория истончается и постепенно перемещается в массовую культуру. Появилась даже целая плеяда музыкальных критиков и прочих пиарщиков, которые «упрощают» или, как они говорят, «адаптируют» классику под потребности дискотек и прочих увеселительных заведений. Такие «просветители» напоминают мне клещей на деревьях. Их емко описал Патрик Зюскинд в «Парфюмере»: подходит животное, чтобы спрятаться в тени дерева, а клещ незамедлительно сваливается на него и пьет кровь.

– **Вам важно, чтобы зал был полным?**

– Не знаю. Не сталкивался с пустыми или полупустыми залами. Помню, в Минске около ста «металлистов» ложились на наш концерт. Администрация безбилетников, ясное дело, не пускала. Тогда я вышел и спросил: «Обещаете, что будете слушать? Посажу вас на сцене». «Обещаем», – орут. И они, все в коже, ремнях и заклепках, облепили сцену и слушали. В Грузии тоже на сцене вокруг оркестра сидело просто море людей. Музыканты между произведениями вставали на поклон, а публика в это время потихоньку забирала их стулья – мест не было абсолютно. Помню, какой-то зритель – у него на каждом колене сидело по ребенку – дергал контрабасиста Григория Ковалевского за фрак и темпераментно шептал: «Отодвинься, слушай! Детям не видно Спивакова!»

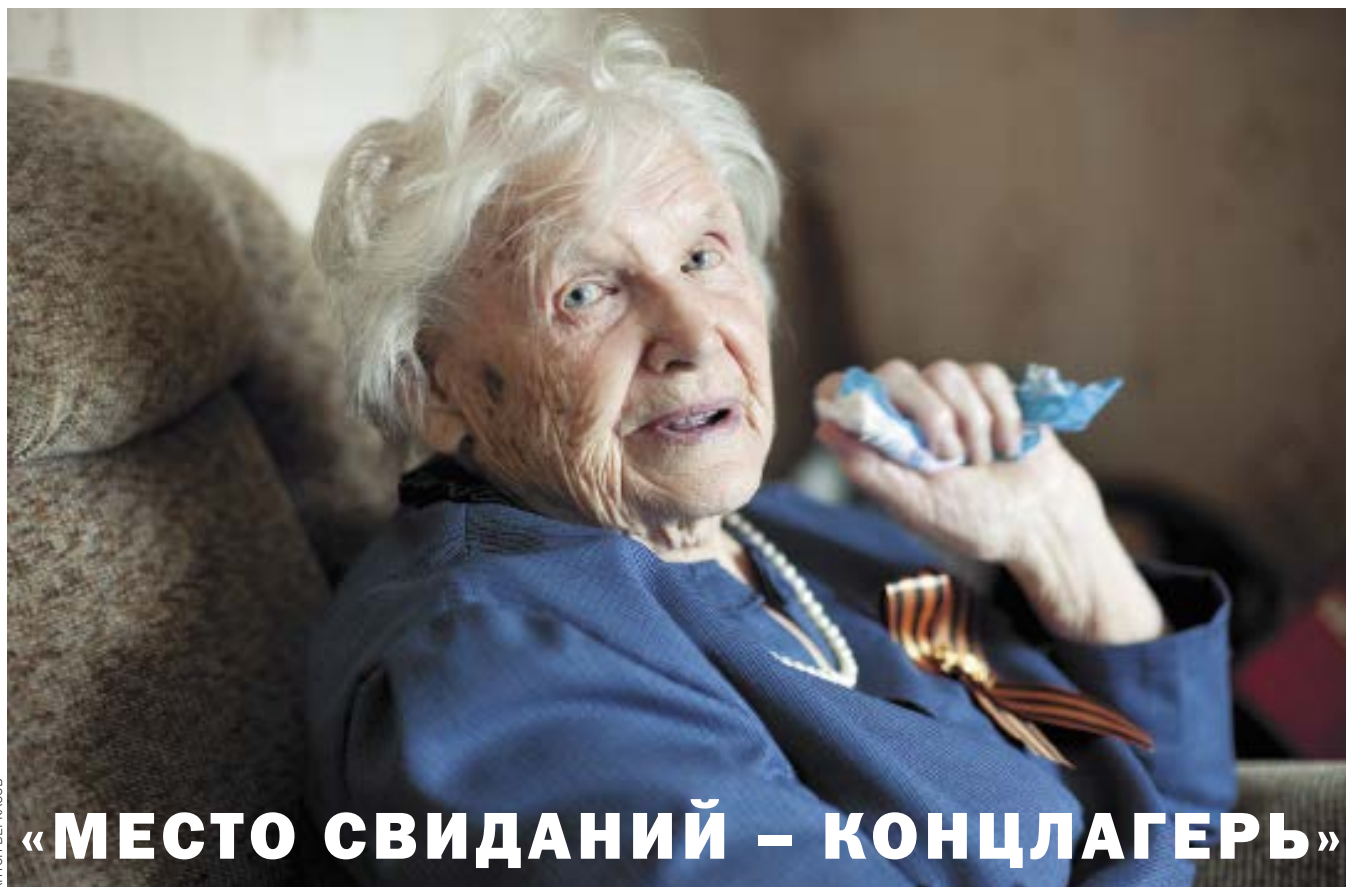
– **Почему ваши дети – и из фонда, и из Молодежного симфонического оркестра СНГ – почти не участвуют в международных конкурсах?**

– В конкурсах участвовать надо, но я не очень им доверяю. Ведь судят, КАК музыкант сыграл СЕЙЧАС. В этот миг. Были случаи в истории международных конкурсов, когда гениальные музыканты получали последние места. Как Артуро Бенедетти Микеланджели. Это сегодня он, наряду с Рихтером и Гульдсом, выдающийся пианист XX века, а на одном из конкурсов получил одну из последних премий. Так переволновался. Его спросили: «Как это возможно?» Он, будучи человеком воспитанным, ответил: «Я не очень был готов».

– **«Виртуозы» всегда были построены по принципу Герберта фон Караяна – «ни одной юбки в оркестре». Не было у вас искушения опробовать эту модель и на Молодежном симфоническом оркестре СНГ?**

– С годами я смягчился. Кстати, сегодня в «Виртуозах» появились женщины, хотя сами «Виртуозы» этого категорически не хотели. Тосканини как-то заметил: «Если женщина красива, то она мешает работе оркестра, если она уродлива, то мешает мне». Но Молодежный оркестр без девушек – это как птица без одного крыла. Мне вообще кажется, что культура творчества Молодежного оркестра СНГ – достойный ответ духовным вызовам нового времени и всяким прочим предубеждениям взрослых. У Достоевского, помните? – «красота спасет мир». Но кто-то должен спасти красоту. Вот и нужно помогать молодым дарованиям, которые способны спасать и спасают эту красоту. И уже не важно, что у одного музыканта в душе больше Моцарта, у другого – Сальери. Мир-то многолик. Как и музыка... ❀

БЕСЕДОВАЛ ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО



АНТОН БЕРКАСОВ

«МЕСТО СВИДАНИЙ – КОНЦЛАГЕРЬ»

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ]

Никогда не знаешь, как сложится твоя судьба. Валентина Кокорева и предположить не могла, что, попав в первый же день войны в плен к фашистам, видя ежедневно смерть и страдания, она не только выживет, но и обретет счастье, вернувшись на родину.

Валентина Александровна Кокорева, живущая с внуком и внучкой в маленькой «однушке» в поселке Мурино на окраине Санкт-Петербурга, встречает нас неожиданно:

– Сейчас я вам частушки спою!

Потом бежит на кухню – угощать, поить чаем. При этом не переставая шутит и смеется. Свои шутки она называет «кокоринками». За хозяйкой неотступно следуют два кота. За первые пять минут знакомства складывается ощущение, что энергичности и чувству юмора этой 96-летней женщины позавидовали бы и 20-летние.

Когда Валентина Александровна усаживается на диван и начинает рассказывать о своей жизни – о войне, о плене, о трех дочерях, о внуках и правнуках, – у нее на груди уютно устраивается один из котов – рыжий красавец Фунтик.

– Может, благодаря котам я так долго и живу, – улыбается женщина, поглаживая своего любимца. – Они чувствуют, где и что у меня болит, ложатся именно на это место, и все проходит.

Валентина Кокорева – потомственный врач. Ее отец всю Первую мировую войну прошел фронтовым врачом, мать была акушеркой. Дочка тоже пошла по родительским стопам: стала детским неврологом, к 1939 году уже училась в аспирантуре в Ленинграде, писала диссертацию по детскому параличу. Вышла замуж. Но как сама говорит – без особой любви, просто решила, что «старая уже – пора выходить». – А тут война началась с Финляндией, – рассказывает Валентина Александров-

на. – И я решила, что надо идти воевать. На нас же напали! Такая я была дурочка тогда... Пошла, записалась добровольцем.

Но как только пересекла границу и попала на линию фронта, то поняла, как все обстояло на самом деле.

– Не на нас напали, оказывается, а мы напали! После этого у меня на многое открылись глаза, – рассказывает Валентина Александровна. – Всю войну я проработала врачом. Вернулась с фронта с седыми висками. До сих пор не могу забыть, как красивые солдаты-танкисты, которые дарили мне шоколадки и ухаживали за мной, уходили в бой на мощных танках. А потом на месте боя я видела искореженные машины, обрубки людей и обрубки сосен. Двух моих фельдшеров убило прямо у меня на глазах. Мороз зимой доходил до 40 градусов, а я «щеголяла» в солдатских галифе и по молодости очень стеснялась этого: я была не худенькая, плотненькая девушка, меня прозвали «танкеткой», что очень обижало. Если бы я тогда знала, что в плену моя полнота спасет жизнь и мне, и дочери...

«ФАШИСТЫ ЛЕЗЛИ КАК КРЫСЫ»

После окончания советско-финской Валентине и дальше пришлось работать военным врачом: как опытного специалиста ее отправили сначала в Латвию, а потом в Брест. В Брестской крепости располагался военный госпиталь, где женщина работала неврологом.

– Убедилась, что наши границы не были готовы к нападению немцев, – говорит фронтовой врач. – Конечно, мы с коллегами-врачами все это замечали, обсуждали неготовность нашей армии, когда собирались тесным кругом, то и Сталина поругивали. А тут меня решили сделать стукачом! Вызывают в органы, требуют, чтобы докладывала, о чем разговариваем на наших «собраниях». Но я не признавалась – мол, выпиваем, танцуем, ничего плохого не говорим. Уже потом, в плену, узнала, что и моих коллег «дергали» в НКВД.

21 июня 1941 года Валентина Александровна не успела на последний поезд в Ленинград – до поздней ночи выписывала больных из своего госпиталя. Не успела прикорнуть на койке, как тут же вскочила от грохота.

– Решила, что это гроза, но потом поняла – артобстрел, – вспоминает Валентина Александровна. – От взрыва на меня поползла противоположная стена. Вокруг все горело, рвались бомбы, стоял гул в ушах,

едкий желтый газ щипал глаза, вокруг огненные смерчи... Я выбежала на площадь возле госпиталя, вижу – лежит молодой лейтенант, его задело осколком снаряда. Попыталась ему помочь, но он умер прямо у меня на руках. Взрывом снаряда меня отбросило, упала в воронку из-под бомбы, в голове что-то больно щелкнуло, и наступила тишина – только в ушах гудело. Потом я уже поняла – меня контузило. Схватила в беспмятстве свою туфлю, окапываю вокруг себя землю и кричу: «Сволочи! Все равно буду жить!» Я попыталась ползти к своему корпусу, но, оглянувшись, увидела фашистов. В серо-зеленой военной одежде они, как крысы, перелезали через деревянный забор. Задние ряды напирали на передние... Это зрелище мне снилось в кошмарах еще много лет.

К счастью, женщина вовремя пришла в себя и, схватив двух находившихся рядом детей своих коллег, бросилась в газоубежище.

– Там уже был народ – в основном дети, из военнослужащих только я и еще один врач, – говорит она. – Дети плачут, просят пить, одна женщина рожать вот-вот начнет. Просидели в убежище около суток, там нас немцы и обнаружили на второй день войны. Солдат открыл дверь, хотел забросить внутрь гранату. Но тут я подняла руки и сказала: «Ich bin Ärztin!» («Я – врач»). А у самой в голове: «Что же это я делаю, сдаюсь врагу?!» Вышли наружу, а там – солнечный день, немцы разделись до трусов и танцуют под патефон на берегу реки.

**Валентина
Кокорева
со старшей
дочерью,
Люсей,
родившейся
в концлагере**



«НЕМЦЕВ СПЕЦИАЛЬНО ЗАРАЖАЛИ ТИФОМ»

Сначала Валентину Александровну поместили в лагерь для военнопленных, созданный прямо в Бресте. Из 10 тысяч пленных к ноябрю 1941 года осталось в живых всего 3 тысячи.

– Нас косил голод, потом начался сыпной тиф, – вспоминает Валентина Александровна. – Люди мерли как мухи. Я и в плену работала врачом в госпитале. Вскоре в наш лагерь перевели военного хирурга – Николая Кокорева. Меня отравили в его корпус.

Николай Валентине сначала не понравился.

– Он умудрялся не терять интереса к жизни даже в плену, – с нежностью теперь вспоминает она. – На первом же дежурстве стал жаловаться мне – мол, чего это у вас женщин красивых тут нет? Я тогда обиделась и подумала: «Ну и Нарцисс!» Коля не опускал рук и боролся с завоевателями всеми возможными способами. Например, тифозных вшей под его руководством специально подбрасывали к немцам. Фашисты умирали от тифа сразу, у них организм был менее выносливый. Коля организовал побеги – пленными был вырыт туннель, выводивший за 8 рядов колючей проволоки. Спасать старались в основном евреев.

Долгие ночные дежурства Валентина и Николай коротали вместе. Николай в первую же ночь рассказал Вале о своей довоенной жизни.

– Я до сих пор вспоминаю нашу первую беседу, – говорит Валентина Александровна. – Я прихожу к нему в корпус,

спрашиваю: «Где тут Токарев?» А он меня поправляет: «Не Токарев, а Кокорев». Я пожимаю плечами – мне-то какая разница. Он стал мне рассказывать о том, что был женат, а жена умерла от туберкулеза, теперь он вдовец... А я думала про себя: ну и зачем мне его биография, я же замужем? Но потом он ненароком взял меня за руку – и я поняла, что погибла.

«ДОЧЬ ОТОБРАЛИ В ГЕСТАПО И УНЕСЛИ»

Ночные дежурства с Кокоревым давали надежду и смысл жизни истощенной и измученной женщине.

– Меня мучила совесть, что я при живом муже... – говорит Валентина Кокорева. – Но устоять не могла. Коля был надежным, добрым и умным, тоже врач – у нас с ним нашлось много общих тем. А каким он был галантным! Цветов не дарил – откуда в плену цветы. Зато из своих брюк сшил мне теплую юбку, где-то достал сапоги. Я влюбилась без памяти. И забеременела. Коля сначала прислал мне своего коллегу-врача, для аборт. Говорил: «Стыдно мне, я русский военный врач и такое получилось!» А я отказалась: «Коля, у нас с тобой не «развлечение», а настоящее чувство!» От фашистов беременность скрывали.

– Нас перевезли в другой лагерь, в Польшу, – рассказывает женщина. – Когда пришло время мне рожать, врач-австриец даже разрешил свидание с Колей, он увидел нашу дочку Люсю. Она родилась нормальным ребенком, несмотря на плен, я смогла ее выносить благодаря своей «крепкой» фигуре. Был еще врач-еврей, навещал меня и других таких матерей в больничной камере. Его жену и дочь расстреляли у него на глазах. Он давал нам то галеты, то кое-какие витамины. Рядом с нашим лагерем был лагерь французских военнопленных. Им помогал Красный Крест, поэтому они были розовощекие, загорелые, здо-

ровые, играли в волейбол. А мы были доходягами. Некоторые из наших девушек подлезали под проволоку, ну кто будет корить их за моральную неустойчивость? Ведь за те минуты, которые они проводили с французами, они были сыты. Как-то стороживший меня немец принес мне и дочке передачу от французов – печенье, несколько мармеладинок и кусочек засохшего кекса. «Я не фашист, – говорил он. – Я не хочу убивать. У меня ревматизм, а я уже

Валентина и Николай поженились в 1946 году – любовь помогла пережить плен



три года в армии. Надо было Сталину с Гитлером устроить дуэль!» Он даже раздобыл где-то таз, чтобы купать Люську. Правда, иногда от голода и переживаний – Люся была очень слабенькой от голода, а молока у меня было совсем мало – кружилась голова, охватывало такое отчаяние, что хотелось поскорее умереть, чтобы не мучить себя и ребенка.

Когда Валентина поправилась после родов, Николая и ее с ребенком вызвали в гестапо. Их принял эсэсовец.

– Он угостил Колю сигаретами, предложил нам, как «семье», перебраться во Францию и работать на них, – говорит Валентина Александровна. – Он был уверен в нашей согласии, потому что видел безвыходное положение. Но мы с Колей еще давно решили: даже под угрозой смерти не будем работать на немцев. Услышав отказ, гестаповец впал в ярость, стал угрожать, потом выхватил Люсю у меня из рук и унес куда-то. Я от ужаса потеряла сознание. Но через некоторое время он вернулся и кинул нам кулек обратно. Я прижала дочку к груди и рыдала: «Жива, жива, моя радость, жива!»

«ЕДУ УКРАЛИ У ОВЧАРКИ»

Семью все-таки разлучили: Валентину с дочкой и Николая направили в разные концлагеря. Валентина попала в лагерь в польском местечке Дзялдово. Всех матерей с детьми держали в отдельной камере, форточку открывать было нельзя, выходить разрешалось раз в неделю на прогулку. От спертого воздуха и недостатка света дети начали болеть – у всех был рахит, золотуха на роговице.

– Мы выжили благодаря картофельным очисткам «лушпайкам», которые с риском для жизни воровали на кухне, – говорит Валентина Кокорева. – Правда, если у кого-нибудь в карманах наша охранница Эмма обнаруживала «лушпайки», то провинившейся грозило наказание. Дети жадно хватали полупустую материнскую грудь, а те, кто постарше, мусолили корку эрзац-хлеба, оставленную от обеда. Даже когда хлеб кончался, дети еще долго причмокивали и обсасывали пустые кулачки. Теперь это невозможно вспоминать без слез. Во время прогулки нас охранял полицейский-украинец вместе с овчаркой. Обычно мы сидели и шили женщинам из рабочей команды юбки из мешковины – за каждую юбку давали луковицу. И вот наш охранник уснул. Мы с подругой подползли

к собаке и схватили у нее миску с едой. Это были жирные щи с несколькими кусками мяса. И едва мы успели разделить это со всеми и съесть, как полицейский и пес проснулись. Нас пинками загнали в здание концлагеря, а через полчаса всех выгнали на плац и заставили два часа прыгать «жабку» – в присядку. Это было частым наказанием в лагере.

...Когда лагерь освободили русские солдаты, то талию некогда считавшей себя толстой Валентины можно было обхватить двумя ладонями. От голода маленькая Люся постоянно болела. Но главное – ведь остались живы!

Кстати, о «воинах-освободителях» Валентине Кокоровой тоже есть что сказать.

– Сначала пришли солдаты-сибиряки, они были к нам добры, только спрашивали, не от немцев ли дети. Мы их успокаивали, мол, от наших советских пленных. А потом следом за ними явились штрафники, мы их называли «бандой». Они напались, обзывали нас «немецкими подстилками» и пытались изнасиловать. От таких «освободителей» мы еле отбились – спасли старшие по званию, которые вступились за нас.

«ЛИБО ВОЗВРАЩАЙСЯ, ЛИБО КОНЕЦ»

О судьбе своего возлюбленного женщина не знала еще долго – весточку от Коли Валентина получила, только когда кончилась война. Он тоже выжил, его освободили из концлагеря американские солдаты. После освобождения Николай отправился к себе домой под Саратов.

– Он как будто не торопился к нам, – говорит Валентина. – Я ему послала телеграмму: «Либо возвращайся, либо конец». И он приехал! Я развелась с прежним мужем, мы с Колей расписались. И ровно через девять месяцев родилась наша вторая дочка, Верочка. Но трудности наши только начинались. Мы же оба военнопленные. В Ленинград не пустили, всю жизнь прожили в Ленобласти, работали врачами. Долго нам не доверяли, таскали на проверки. Мне как-то в отделе кадров при устройстве на работу сказали как отрезали: «Финская война – не считается, Отечественную провели в плену». Мол, я уже не человек... У нас в доме жил Герой Советского Союза, так он как-то остановил Колю и говорит ему: «Твоя жена хоть людей эвакуировала до последнего, а тебя почему Гитлер четыре года кормил?» Как будто в лицо плюнул. А ведь моего отца, который попал в плен во время Первой мировой, на родине встречали с почестями и цветами...

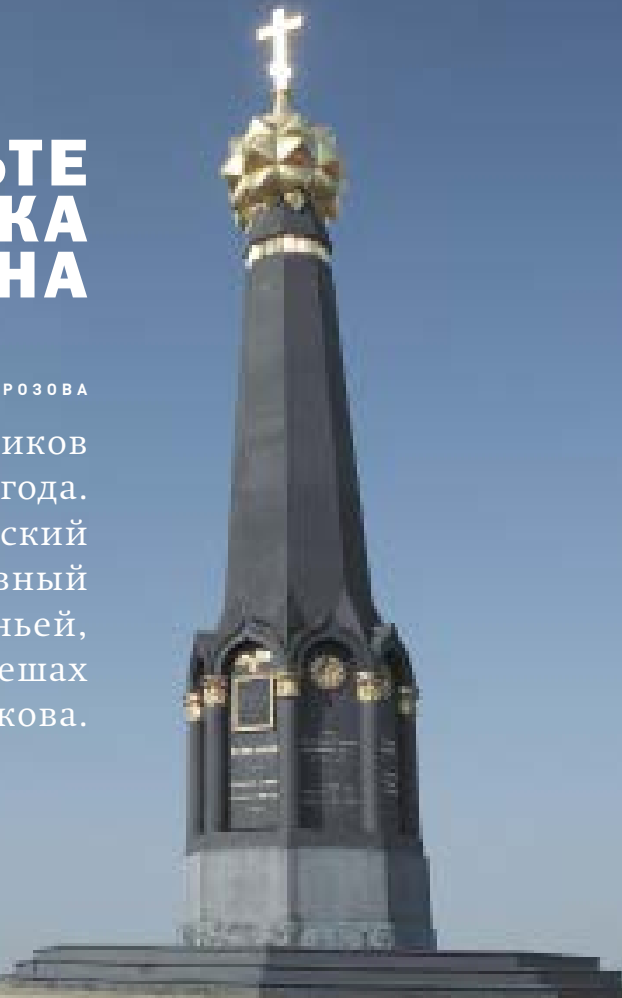
В семье Кокоревых три дочери, есть внуки и правнуки. Валентина и Николай прожили вместе более 50 лет – до самой его смерти. ❀

И НЕ ЗАБУДЬТЕ ПРАПОРЩИКА ОЛЕНИНА

МИХАИЛ БЫКОВ, ФОТО АЛЕКСЕЯ МОРОЗОВА

На Бородинском поле стоит 40 памятников героям Отечественной войны 1812 года. И еще – Спасо-Бородинский женский монастырь, быть может, самый главный мемориал, основанный инокиней Меланьей, вдовой погибшего на Семеновских флешах генерала Александра Тучкова.

Монумент
русским воинам
на батарее
генерала
Раевского



Подавляющему большинству памятников почти сто лет. Они устанавливались на средства полков и дивизий, частные пожертвования к 100-летию Бородинского сражения.

Миллионы людей видели эти плиты и колонны, читали выбитые в металле фамилии и названия воинских частей и соединений. А все ли из нас знают, кто были эти люди, какой подвиг совершили эти полки и батареи? Сегодня, в преддверии 198-го Дня Бородина, вернемся на поле, раскинувшееся между селами Бородино и Семеновское, и пройдем от памятника к памятнику. И вспомним.

**ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ РУССКИМИ
АРМИЯМИ М.И. ГОЛЕНИЩЕВУ-
КУТУЗОВУ НА КОМАНДНОМ
ПУНКТЕ ПОЛКОВОДЦА.**

АРХИТЕКТОР П. ВОРОНЦОВ, 1912 ГОД

Очевидно, что фамилия светлейшего князя Михаила Кутузова – из тех, что в России знает каждый. Не стоит, наверное, повторять сейчас богатую и длинную биографию народного героя. Остановимся на том, когда и почему Кутузов выбрал для генерального сражения поле у села Бородина. Ведь это с его легкой руки Бородинское поле

получило всемирную известность.

Двадцать третьего августа (4 сентября по н.с.) Кутузов отправил донесение императору Александру I: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине в 12 верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно... желательно, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе...» Следующей

ночью говорил о победе и адъютант Наполеона, кавалерийский генерал Рапп: «Мы истощили все свои средства, мы принуждены победить». Так отвечал он на вопрос своего императора об исходе предстоящей битвы.

Однако богиня Ника отвернулась от обоих полководцев. Но в стратегическом смысле Бородинская битва лишила армию Наполеона всех шансов на победу в войне. И тут Кутузов оказался абсолютно прав.

А что до морально-нравственного взрыва в рядах русской армии и во всем народе, то тут лучше, чем граф Лев Толстой, не скажешь. «Прямым следствием Бородинского сражения было беспричинное бегство Наполеона из Москвы, возвращение по старой Смоленской дороге, гибель пятисоттысячного нашествия и гибель наполеоновской Франции, на которую в первый раз под Бородином была наложена рука сильнейшего духом противника».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЕГЕРСКОМУ ПОЛКУ И МАТРОСАМ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА.

АРХИТЕКТОР С. ПРОХОРОВ, 1912 ГОД

Гвардейские егеря полковника Бистрома держали оборону непосредственно в селе Бородине. Стоит сказать, что первым шефом лейб-гвардии Егерского полка, возникшего в 1806 году из лейб-гвардии Егерского батальона, был не кто иной, как князь Петр Багратион.

Для двух с лишним тысяч егерей перед днем сражения решено было устроить баню. Но деревенская банька оказалась столь мала, что к утру последние роты только готовились к помывке. В густом тумане на позиции егерей двинулись колонны 8-тысячной дивизии генерала Дельзона. Более часа гвардейские егеря сдерживали атаки французской пехоты. А в это время, согласно ранее отданному приказу, отряд гвардейских моряков из 30 человек под командой мичмана Лермонтова готовил к поджогу мост через речку Колочь. Морской Гвардейский экипаж был создан только в 1810 году, и война с Наполеоном стала первым боевым испытанием части. Уже при отступлении от государственной границы Российской империи гвардейские моряки зарекомендовали себя как отменно подготовленная саперно-инженерная часть. Когда егеря отошли через единственную переправу, моряки Гвардейского экипажа подожгли мост.

1-МУ И 19-МУ ЕГЕРСКИМ ПОЛКАМ.

АРХИТЕКТОР Б. АЛЬБЕРТИ, 1912 ГОД

На плечах отходящих через мост гвардейских егерей на другой берег Колочи смогли прорваться пехотинцы 106-го линейного полка дивизии Дельзона. И тут их встретили!

По приказу командующего Первой русской армией генерала Барклая-де-Толли к мосту подошли колонны 1-го и 19-го егерских полков.

В принципе, егерские полки предназначались для боя в рассыпном строю, так как в них набирали преимущественно метких стрелков. Егерям вменялось в обязанность «в засадах тихо лежать и молчание хранить», желательно в «местах наиудобнейших и авантажнейших, в лесах, деревнях, на пассах».

Но тут, у горящего моста, было не до авантажей и пассагов. Егеря после дружного залпа ударили в штыки. 106-й полк французской пехоты был уничтожен полностью.

Затем егеря 1-го (командир – полковник Моисей Карпенко) и 19-го (командир – полковник Николай Вуич), объединившись с гвардейцами, потерявшими 27 офицеров и 693 нижних чина, заняли позиции по берегу Колочи и больше атаковать французам не позволили.



**Памятник
фельдмаршалу М.И. Кутузову у деревни Горки, где находился его командный пункт**

левый фланг частей Молодой гвардии, Итальянской гвардии и корпуса маршала Груши. Да и сам не поленился поехать посмотреть, что случилось.

Было выиграно часа два.

Одна загадка: почему из 28 эскадронов корпуса Уварова только нежинские драгуны и лейб-казаки решили увековечить память о своей боевой работе памятниками? Впрочем, еще не поздно...

К слову, автор памятника нежинским драгунам Кишкин сам служил в этом полку.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КАЗАЧЬЕМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР С. РОДИОНОВ, 1912 ГОД

НЕЖИНСКОМУ ДРАГУНСКОМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР Л. КИШКИН, 1912 ГОД

К полудню раздраженный неудачными действиями маршалов Нея, Понятовского и Мюрата на левом фланге русских у Семеновских флешей Наполеон решил перенести удар на центр позиции Кутузова – батарею Раевского. Ударная группировка составила из корпуса маршала Богарне и кавалерийских дивизий Мюрата. Впервые сдвинулась с места Молодая гвардия...

Тогда-то командир корпуса легкой кавалерии генерал Уваров и казачий атаман Платов и получили приказ главкома – глубоким обходным маневром обогнуть левый фланг французов и взломать их тыловые коммуникации. Сказано – сделано!

Две линии уваровского корпуса (первая – лейб-гвардии Казачий и Елисаветградский гусарский, вторая – лейб-гвардии Гусарский, лейб-гвардии Драгунский, лейб-гвардии Уланский и Нежинский драгунский) вброд перешли Колоочь и ринулись на кавалерийскую дивизию генерала Орнано, прикрывающую фланг. Французская кавалерия была опрокинута, но дальше рейд наткнулся на пехотные части, уже выстроившиеся в каре.

Однако эффект от неожиданного рейда был столь велик, что Наполеон поспешно отдал приказ о переводе на свой

7-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

ГЕНЕРАЛА П.М. КАПЦЕВИЧА.

АРХИТЕКТОР А. ДРОЗДОВСКИЙ, 1912 ГОД

23-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

ГЕНЕРАЛА А.Н. БАХМЕТЬЕВА 2-ГО.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

12-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

ГЕНЕРАЛА И.В. ВАСИЛЬЧИКОВА 1-ГО.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

Генерал-лейтенант Капцевич имел под началом Псковский, Московский, Либавский и Софийский пехотные полки, 11-й и 36-й егерские, а также 7-ю артиллерийскую бригаду. Дивизия входила в 6-й пехотный корпус генерала Дохтурова.

Генерал-майор Бахметьев 2-й командовал Рылским, Екатеринбургским, Селенгинским пехотным и 18-м егерским полками, 23-й артиллерийской бригадой, состоявшей всего из одной легкой роты №44. Дивизия входила в состав 4-го пехотного корпуса генерала графа Остермана-Толстого.

Генерал-майор князь Васильчиков распоряжался Смоленским, Нарвским, Алек-

**Пленные
французские
пушки у
Бородинского
музея**



сопольским и Новоингерманландским пехотными полками, 6-м и 41-м егерскими. Его дивизия входила в 7-й пехотный корпус генерала Раевского.

Как писал Лермонтов, «плохая досталась доля» людям Капцевича, Бахметьева и Васильчикова. Оборона центрального редута, получившего впоследствии название «Батарея Раевского».

В третьем часу пополудни 150 французских орудий обрушили на редут страшный огонь. Это была, если хотите, агония французской армии, последний штурм, после которого сил на атаки уже не оставалось. Поручик Граббе, адъютант генерала Ермолова, вспоминал: «Массы пехоты и конницы двинулись на нас. Тогда закипела сеча, общая, ожесточенная, беспорядочная, где все смешалось: пехота, конница, артиллерия».

Оценку дивизиям корпуса Остермана-Толстого дал Барклай-де-Толли: «Бесподобные!»

Именно фельдфебель бахметьевской 23-й дивизии из 18-го егерского полка Василий Золотов притащил прямо на командный пункт Кутузова пленного французского бригадного генерала Бонами. Золотов был уверен, что пленил самого Мюрата. В тот момент, когда он хотел ткнуть в шитый золотом мундир француза штыком, генерал закричал: «Я король!» Легенда умалчивает, как русский егерь понял французского генерала, но факт пленения остается фактом. Дивизия Капцевича... Она сражалась на рубеже ручья Огник с кирасирскими дивизиями Ватье, Дефранса и легкой кавалерией Шастеля, с пехотой Богарнэ. Стояла насмерть!

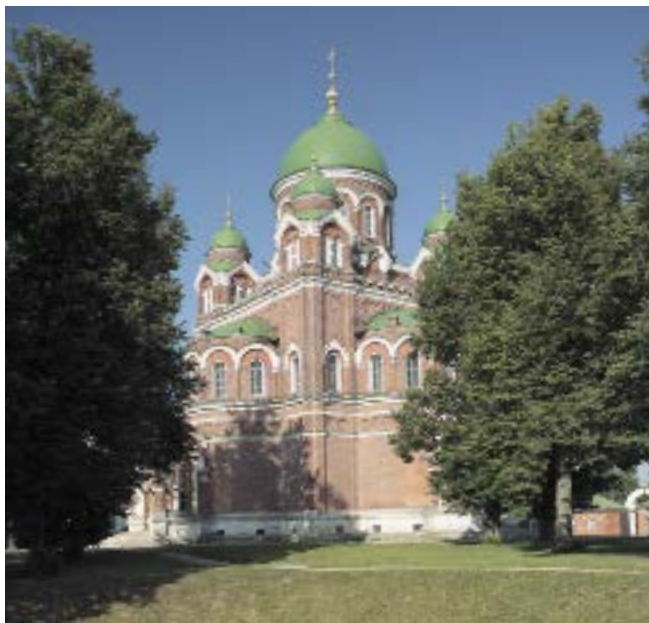
Дивизия Васильчикова встречала первые атаки французов на редут. Она завершила разгром и уничтожение бригады генерала Бонами. Она билась с кавалерией врага левее батареи Раевского, прикрывая фланг.

24-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.Г. ЛИХАЧЕВА.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

Уж на что тяжело пришлось полкам Бахметьева и Капцевича, но с судьбой дивизии генерала Лихачева не сравнить. Тут опять уместно вспомнить Лермонтова: «Немногие вернулись с поля»...

Лихачевцам (Уфимский, Ширванский, Бутырский и Томский пехотные полки, 19-й и 40-й егерские, 24-я артиллерийская бригада) достались не подступы к редуту Раевского и не фланги. Им достался сам редут!



**Владимирский
собор Спасо-
Бородинского
монастыря**

Но не сразу. Вторая атака на люнет Раевского принесла французам короткий успех. Проезжавшие мимо генералы Кутайсов и Ермолов, командующий всей русской артиллерией и командующий конной артиллерией соответственно, встали во главе батальона Уфимского пехотного полка дивизии Лихачева и повели ее в контратаку. Батарея была отбита, но конь Кутайсова вернулся из боя без всадника, с залитым кровью седлом. Более тяжелой в тот день можно назвать лишь одну потерю – смертельно раненного Багратиона.

Кутайсов погиб, Ермолов получил контузию. А генерал Лихачев – приказ: занять центральный редут и держаться. Он и держался. До тех пор, пока, израненный и оглушенный ударом приклада в рукопашном бою, не был взят в плен. Известно, что генерал отказался принять назад шпагу из рук Наполеона и умер в плену в 1813 году.

Один французский офицер писал позже: «Погибшая почти целиком дивизия Лихачева, кажется, и мертвая охраняет свой редут». Только убитыми и пропавшими без вести дивизия потеряла тогда около 2 тысяч человек.

Под вечер французы выдавили с редута остатки артиллерийской прислуги и солдат прикрытия. Но вскоре сами ушли из укрепления и до темноты прятались от огня русских пушек в оборонительных рвах, заваленных трупами их товарищей. Прятались, стоя на коленях.

**1-Й КОННОЙ БАТАРЕЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
Артиллерийской бригады капитана Р.И. ЗАХАРОВА.**

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

**2-Й КОННОЙ БАТАРЕЕ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
Артиллерийской бригады капитана А.Ф. РАЛЛЯ.**

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

В старой песне, ставшей гимном гвардейской конной артиллерии, поется: «Есть много войска у царя – стрелки, гусары, егеря. Но лучше конных батарей не сыщешь войска у царей». После войны 1812 года офицеры пешей гвардейской артиллерии долго бились за то, чтобы у них, по примеру конноартиллеристов, форму украсили синие шаровары. Не вышло.

На Бородинском поле гвардейские батареи конной артиллерии капитанов Захарова и Ралля выглядели особенно даже на фоне блистательно сражавшихся коллег. Их подвиги похожи. В обоих случаях батареи вылетали на прямую наводку и били врага в упор. Капитан Александр Ралль спас драгун Псковского полка от гибели. Но сам... погиб от смертельной раны. Капитан Ростислав Захаров в десять утра оказался у Багратионовых флешей, где с ходу расстрелял французскую колонну, заходившую в тыл. Он вел бой в течение двух часов, пока не опустошил все зарядные ящики. Вскоре был ранен ядром и все оставшиеся ему на свете пятнадцать минут повторял одно: «Наша ли победа? Отступает ли неприятель?»

Только в 1811 году по приказу главного фельдцейхмейстера великого князя Константина Павловича входившая в лейб-гвардии артиллерийскую бригаду конно-артиллерийская рота была укрупнена и разделена на две батареи. Война 1812 года – дебют лейб-гвардии Конной артиллерии в качестве самостоятельной части. И какой дебют!

Правда, достался он дорого. Помимо Захарова и Ралля батареи потеряли еще шесть офицеров и 110 нижних чинов, а также 113 лошадей.

КАВАЛЕРГАРДАМ И КОННОЙ ГВАРДИИ.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

Два самых блестящих полка русской гвардейской кавалерии – Кавалергардский, основанный в 1800 году, и лейб-гвардии Конный, рожденный аж в 1730-м, – на Бородинском поле щадить никто не собирался. Оба полка после полудня выдвинулись к батарее Раевского и заняли место во второй линии, позади дивизий Остермана и Дохтурова. Их время пришло, когда поредевшие ряды 7-й пехотной дивизии пропустили-таки атакующих французов. Наполеоновские кавалеристы, уже праздновавшие победу, увидели перед собой эскадроны конногвардейцев и кавалергардов бригады генерала Шевича. Вот и сошлась тяжелая кавалерия на бранном поле!

Всего 8 эскадронов насчитывали два полка, примерно 1500 всадников. Но они последовательно разобрались с саксонскими кирасирами, польскими уланами, карабинерами Дефранса. Остатки французской конницы, проскакавшие сквозь рубку, встретили преображенцы и семеновцы, стоявшие в резерве.

Девиз кавалергардов – «Мы не стремимся быть первыми, но не допустим никого быть лучше нас». Следуя кавалергардским канонам, командир 1-й кавалерийской (кирасирской) дивизии генерал-майор Бороздин так оценил действия своих всадников: «Сим было остановлено стремление на центр наш, и часть пехоты нашей спасена».

АСТРАХАНСКОМУ КИРАСИРСКОМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

Свой подвиг астраханские кирасиры совершили у Багратионовых флешей. Перед Бородинским сражением эскадроны насчитывали 597 человек личного состава. После – 95!

Командир полка полковник Каратаев был дважды ранен, но поле битвы не покинул. Трубоч Кирилл Семякин вынес из боя раненого эскадронного командира майора Белавина,

**Однополчане –
офицерам и
солдатам 53-го
Волынского
пехотного
полка**



а кирасир Осип Ярославский спас эскадронного командира майора Нанцева. В штыковом бою, как пехотинцы, бились тяжелораненые кирасиры Никита Горбенко и Григорий Изымбал. Притащил в тыл пленного французского полковника унтер Афанасий Авраменко. Вот так!

ПОЛЕВОЙ КОННОЙ АРТИЛЛЕРИИ.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

О значении артиллерии в Бородинском сражении сказано достаточно. Осматривая поле боя, маршал Мюрат делился с маршалом Неем: «Вчера был жаркий день, я никогда не видал сражения с таким артиллерийским огнем. При Эйлау не меньше стреляли из пушек, но там были ядра, а вчера обе армии так близко стояли друг от друга, что почти все время стреляли картечью».

Говорят, Наполеон приказывал переворачивать трупы своих офицеров, чтобы видеть рану, приведшую к смерти. В большинстве случаев это были раны от картечи. Французский император по образованию был артиллерист, и он знал, о чем говорил, когда в превосходных тонах оценивал работу русских пушкарей на Бородине.

В создании памятника принимал участие командир 20-й конно-артиллерийской батареи Буйницкий. По его проекту сделана бронзовая памятная доска с барельефом. В 1977 году доску украли. Но год спустя она была восстановлена.

В бородинском бою приняли участие 9 конных артиллерийских рот армейской полевой артиллерии. Деньги на сооружение памятника сдали все конно-артиллерийские батареи Русской императорской армии.

ВОЛЫНСКОМУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

4-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА Е. ВЮРТЕМБЕРГСКОГО.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

Четвертая пехотная дивизия в составе Кременчугского, Минского, Тобольского и Волынского пехотных полков, 4-го и 34-го егерских полков и 4-й артиллерийской бригады входила во 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута. Так случилось, что части этого корпуса вступили в Бородинское сражение последними. Но последние не означает – худшие.

Кременчугцы и минцы держали оборону на левом фланге в районе старой Смоленской дороги, где атаковали польские части Великой армии под командованием маршала Понятовского.



**Монумент
«Благодарная
Россия»**

Тобольцы и волынцы как встали на позиции между батареей Раевского и деревней Семеновское, так и не сдвинулись с места. Несмотря на все попытки французов раздробить их каре.

Немного о принце Вюртембергском. Он был самым молодым генералом в армии Кутузова. Ему едва минуло 24 года. Евгений приходился кузеном императору Александру I. Один из великих князей писал о нем: «Отличительной чертой принца была любовь к военному делу и умение применяться к русскому солдату и офицеру, чего недоставало другим иностранцам, наполнявшим ряды нашей армии».

Уместно сказать и о том, что в Русской императорской армии спустя некоторое время появился еще один Волынский полк – лейб-гвардии. В результате имеется некоторая путаница, усугубляемая тем, что пехотные волынцы за Бородино полковых наград не получили, а среди наград волынцев-гвардейцев имеется Георгиевское знамя за изгнание Наполеона из пределов России.

Дело в том, что основу лейб-гвардии Волынского полка при его создании в 1817 году составили солдаты лейб-гвардии Финляндского полка, заслужившие награды в кампанию 1812 года. Эти награды и достались лейб-волынцам по наследству.

А порохом Бородина обожжены знамена 53-го Волынского пехотного полка, возрожденного, к слову, в 1918 году в Белой армии генерала Деникина.

На месте этого памятника насмерть стояло каре лейб-гвардии Измайловского полка



**ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЕ.
АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД
БАТАРЕЙНОЙ №2 И ЛЕГКОЙ №2
РОТАМ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ
АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ БРИГАДЫ.
АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД**

В канун Бородинского сражения адъютант командующего всей артиллерией графа Кутайсова гвардейский прапорщик Норов объехал все батареи и роздал приказ. Из бумаги следовало, что орудиям велено с позиций не сниматься и вести огонь до тех пор, пока «неприятель не сядет верхом на пушки». Сейчас трудно понять, в чем смелость и новаторство молодого генерала Александра Кутайсова, но тогда...

Дело в том, что в артиллерии не было ни знамен, ни штандартов. Эту роль выполняла сама пушка. И в случае ее захвата врагом позор падал на всю часть. Поэтому артиллеристы были приучены вести огонь аккуратно и до тех пор, пока неприятель находился в относительной дали. Но едва возникала опасность захвата пушек, расчеты цепляли орудия к передкам и уходили с позиций. Кутайсов сломал эту традицию, не оглядываясь на мнение самого императора. Неслучайно участник Бородинской битвы Глинка назвал этот день днем рождения русской артиллерии.

Согласно приказу Кутайсова и сражались в числе прочих гвардейские артиллеристы.

Довольно привести один пример – батарею роту №2. По началу 12 орудиями роты командовал полковник Таубе. После полученного им смертельного ранения командование принял штабс-капитан Демидов. Контузия – и он уступает место поручику Коробыну. И тоже контузия! Но смены уже не было. И Коробин остался в строю.

**2-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА
К. МЕКЛЕНБУРГСКОГО И СВОДНО-ГРЕНАДЕРСКОЙ
ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА М.С. ВОРОНЦОВА.**

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

Бой за Багратионовы флеши у села Семеновского грянул с самого утра. Наполеон предполагал, что с ограниченными ресурсами Багратиона на флешах он справится двумя дивизиями из корпуса маршала Даву. План рухнул в самом начале. В самих флешах гренадеры Воронцова, расположившиеся на подходах гренадеры Карла Мекленбургского и пехотинцы 27-й дивизии генерала Неверовского отступать не собирались.

В мясорубку боя с обеих сторон падали все новые и новые батальоны. Во время одной из контратак погиб со знаменем родного Ревельского пехотного генерал Александр Тучков 4-й, чье тело так и не удалось обнаружить.

Флеши не раз переходили из рук в руки. К десяти часам утра Багратион собрал мощный ударный кулак, чтобы выбить французов из укрепления окончательно. Пальцами в кулаке были в том числе и остатки гренадер Воронцова, мекленбуржцы, полки Коновницына, батальоны Васильчикова...

Судьба вмешалась в неподходящий для нас момент. Багратион получил смертельное ранение в ногу, и его войска на время потеряли опору.

**3-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ
ГЕНЕРАЛА П.П. КОНОВНИЦЫНА.**

АРХИТЕКТОР А. ГОДУНОВ, 1912 ГОД

МУРОМСКОМУ ПЕХОТНОМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

Кутузов называл генерала Петра Коновницына «Лев». Так же, как Наполеон – маршала Нея. Выполнил ли на Бородинском поле Ней все указания своего императора, пусть судят французы. Я же могу утверждать, что Коновницын выполнил все приказы, полученные им по ходу боя.

Его 3-я дивизия, включавшая Ревельский, Муромский, Копорский, Черниговский, 20-й и 21-й егерские, сражалась на Семеновских высотах, обороняя Багратионовы флеши.

тузов вспоминал: «Желая сбить колонны наши, усиливал неприятель огонь своей артиллерии; действие оной, истребляя ряды наши, не производило в них никакого беспорядка...»

В Бородинском сражении самые крупные потери в абсолютном исчислении понес лейб-гвардии Литовский полк: 436 убитыми, 113 пропавшими без вести и 532 ранеными. Но два памятника стоят ему не по этой причине. В 1817 году два батальона полка стали лейб-гвардии Московским полком, а третий батальон стал базой для разворачивания нового лейб-гвардии Литовского полка.

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ИЗМАЙЛОВСКОМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКОМУ ПОЛКУ ОТ МОСКОВСКОГО ПОЛКА.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ЛИТОВСКОМУ ПОЛКУ ОТ ЛИТОВСКОГО ПОЛКА.

АРХИТЕКТОР Ф. БЫЛЕВСКИЙ, 1912 ГОД

Вторая гвардейская пехотная бригада под командой полковника Храповицкого, состоявшая из полков лейб-гвардии Измайловского и лейб-гвардии Литовского, получила приказ о выдвижении уже в седьмом часу утра. Кто ж знал тогда, что Храповицкий двинулся в путь за генеральским званием, а полки – к Георгиевским знаменам.

Гвардия заткнула собой брешь, образовавшуюся у Семёновских флешей. Назревала мощная кавалерийская атака противника. Кирасиры генералов Нансути и Латур-Мобура двинулись на измайловцев и литовцев. Два корпуса – против двух полков! На пути латников встали батальонные каре русской гвардейской пехоты.

Волны французской кавалерии, разбившиеся о волнорезы русской гвардии, стали наградой полкам за огромные потери, понесенные ими до и после. Шесть часов стояли пехотинцы под прямым картечным огнем французских батарей. И спрятаться невозможно, и уйти нельзя. Очевидец А.П. Ку-

2-Й КИРАСИРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА И.М. ДУКИ.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

4-МУ КАВАЛЕРИЙСКОМУ КОРПУСУ ГЕНЕРАЛА К.К. СИВЕРСА.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

Пять кирасирских полков – Екатеринославский, Орденский, Глуховский, Малороссийский и Новгородский – это силища! По меньшей мере около 3 тысяч кирасир, считавшихся тогда тяжелой кавалерией. Каждый кирасир был вооружен палашом, двумя пистолетами и ружьем.

В корпусе графа Сиверса сражались драгуны Харьковского, Черниговского, Киевского и Новороссийского полков, а также ахтырские гусары и литовские уланы. Эта конная масса сильно испортила жизнь французам двумя днями ранее в бою за Шевардинский редут. «Наш полковник командовал «Стройся в каре!», но уже было поздно, и когда полковник командо-



**Кавалеристам
4-го корпуса
генерала
Сиверса**

вал отступление, то кирасиры обрушились на передовых из первого батальона, пробились сквозь каре, построенное второпях, и изрубили саблями всех, кого смогли только достать. Прочие батальоны начали отступать в большом беспорядке», – вспоминал офицер 111-го полка Фоссен.

Такой же хорошей боевой работой отметились кирасиры Дуки и кавалеристы Сиверса на Бородине, помогая отбивать атаки лейб-гвардии Измайловскому и лейб-гвардии Литовскому полкам.

К примеру, командир эскадрона новороссийцев граф Сиверс (сын командира 4-го корпуса) пленил 12 французских пушек, перебив прислугу, но вывезти их с батареи не смог – потерял коня и был ранен. А в рядах литовских улан сражалась кавалерист-девица Надежда Дурова, послужившая прототипом для образа Шурочки Азаровой в «Гусарской балладе».

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ФИНЛЯНДСКОМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР Ф. БЫЛЕВСКИЙ, 1912 ГОД

17-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА З.Д. ОЛСУФЬЕВА.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

ПАВЛОВСКОМУ ГРЕНАДЕРСКОМУ ПОЛКУ.

АРХИТЕКТОР А. ВЕРЕЩАГИН, 1912 ГОД

1-Й ГРЕНАДЕРСКОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА П.А. СТРОГАНОВА.

АРХИТЕКТОР МАТВЕЕВ, 1912 ГОД

В районе Утицкого кургана сражение также не утихло. Посланный сюда Наполеоном корпус Понятовского, поддерживае-

мый корпусом Жюно, должен был прорвать русскую оборону и выйти в тыл всей русской армии. Не удалось.

Одними из тех, кто помешал этому плану, были солдаты лейб-гвардии Финляндского полка. Большую часть времени полк сражался в стрелковых цепях среди деревьев Утицкого леса.

А первыми встретили удар врага гренадеры Строганова. Шесть полков – лейб-гренадерский, графа Аракчеева, Павловский, Екатеринославский, Санкт-Петербургский и Таврический. Гренадеры – это особые части, и не случайно впоследствии три из шести строгановских полков были переведены в лейб-гвардию.

Но силы были слишком неравны, и русская пехота стала отходить, очищая курган. Не давая врагу опомниться, командующий корпусом генерал Николай Тучков 1-й бросил гренадер в контратаку, а чтоб им было веселее – пустил в дело полки 17-й пехотной дивизии. Довольно сказать, что ее командир генерал Захар Олсуфьев генеральский чин и полк под команду получил за 14 лет до Бородинского сражения. Опытнейший был командир. Именно он спустя считанные месяцы в сражении при Тарутине заменил убитого командующего пехотным корпусом Багговута.

А здесь, на Утицком кургане, нашел свою смерть другой корпусной командир русской армии – генерал-лейтенант Николай Тучков.

ПИОНЕРНЫМ (ИНЖЕНЕРНЫМ) ВОЙСКАМ.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

На южной флеш, которую первой удалось захватить французам, памятник инженерным ротам русской армии более чем уместен. Полевые укрепления – Багратионовы (Семеновские) флеш на левом фланге и редут Раевского в середине позиции – были построены быстро и надежно. Трудно сказать, каковы были бы результаты и размер потерь в битве, случись войскам встретиться в чистом поле.

3-МУ КАВАЛЕРИЙСКОМУ КОРПУСУ, БРИГАДЕ ГЕНЕРАЛА И.С. ДОРОХОВА.

АРХИТЕКТОР А. РАХМАНИНОВ, 1912 ГОД

Курляндский, Оренбургский, Сибирский, Иркутский драгунские, Сумской и Мариупольский гусарские полки – вот ударная сила 3-го резервного кавалерийского корпуса.

Самый яркий момент среди десятков эпизодов у батареи Раевского и Багратионовых флешей, в которых бились драгуны и гусары Дорохова, это атака бригады на конницу маршала Мюрата. Ее смяли, точно бумажную, чудом не пленив

Надгробная
плита на мо-
гиле капитана
лейб-гвардии
Финлянд-
ского полка
А.Г. Огарева,
прах которого
был перенесен
на Бородин-
ское поле



при этом самого неаполитанского короля, считавшего себя лучшим кавалеристом Европы.

Ударом дороховской бригады закончилась четвертая попытка Наполеона захватить Семеновские флеши.

27-Й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ ГЕНЕРАЛА Д.П. НЕВЕРОВСКОГО.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

МОГИЛА ГЕНЕРАЛА Д.П. НЕВЕРОВСКОГО.

АРХИТЕКТОР НЕИЗВЕСТЕН, 1912 ГОД

Генерал Неверовский и его 27-я – особая страница русской военной истории. Дивизия и ее командир прославились под Смоленском. В течение дня 10 тысяч новобранцев Одесского, Тарнопольского, Виленского, Симбирского, 49-го и 50-го егерских полков сдерживали всю армию Наполеона на дороге, ведущей к древнему русскому городу. Узнав о том, кто противостоял ему, император Франции отказывался верить рапортам.

Генералу Раевскому доложили, что вся дивизия погибла на подступах к Смоленску. Засев в предместьях, Раевский приготовился к встрече с противником. Но противника все не было. Наконец появились колонны солдат. На фоне садящегося солнца к Смоленску шли батальоны Неверовского. «Я помню, какими глазами смотрели мы на эту дивизию, подходившую к нам в облаках пыли и дыма, покрытую потом трудов и кровью чести. И каждый штык ее горел лучом бессмертия», – писал Денис Давыдов. Тогда дивизия потеряла 1200 нижних чинов и 20 офицеров.

Проведя весь день Бородинского сражения в гуще событий на Семеновских флешах, дивизия лишилась более половины численного состава. Но хотела драться.

Неверовский получил смертельную рану в 1813 году, в Битве народов при Лейпциге. Но могила его здесь, в России, на Бородинском поле.

МОГИЛЫ РУССКИХ ОФИЦЕРОВ: КАПИТАНА А.П. ЛЕВШИНА И КАПИТАНА П.Ф. ШАПОШНИКОВА. ПОРУЧИКА С.Н. ТАТИЩЕВА И ПРАПОРЩИКА Н.А. ОЛЕНИНА.

НАДГРОБИЯ XIX ВЕКА

Памятники Бородинского поля в большинстве коллективные. Кутузову, Неверовскому и Багратиону, в ограде главного монумента на батарее Раевского, – исключения. Но есть еще два памятника, выходящие из общего ряда.

Первый – капитану лейб-гвардии Егерского полка Левшину и капитану лейб-гвардии Преображенского полка



Шапошникову. Второй – двум офицерам лейб-гвардии Семеновского полка поручику Татищеву и прапорщику Оленину. По большому счету семеновцы и преображенцы в Бородинском сражении участвовали едва-едва. Стояли в резерве и гибли от залетающих французских ядер. Потери – 273 человека. И среди них...

Офицер-семеновец Матвей Муравьев-Апостол вспоминал: «Правее 1-го батальона Семеновского полка находился 2-й батальон. Петр Оленин, как адъютант 2-го батальона, был перед ним верхом. В 8 утра ядро пролетело близ его головы: он упал с лошади, и его сочли убитым. Князь Сергей Петрович Трубецкой, ходивший к раненым на перевязку, успокоил старшего Оленина тем, что брат его

только контужен и останется жив. Николай Оленин стал у своего взвода, а граф Татищев перед ним у своего, лицом к Оленину. В эту самую минуту ядро пробило спину графа Татищева и грудь Оленина и унтер-офицеру оторвало ногу».

Двадцатилетний прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка Николай Оленин свой подвиг на Бородине так свершить и не успел.

Или – успел? 🍷

Лейб-гвардии литовцам – от лейб-гвардии москвитцев. Полку-отцу – от полка-сына

ДЕВЯНОСТО ЛЕТ ЗАБВЕНИЯ

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ], ФОТО ЗАМИРА УСМАНОВА

В небольшой комнатке в хозяйственной постройке на территории Петропавловской крепости весь пол устлан газетами, на которых разложены фрагменты одежды и обуви. Это то немногое, что осталось от людей, расстрелянных во времена «красного террора» в 1918–1919 годах. Неожданная находка петербургских археологов заставляет вновь вспомнить черные страницы российской истории, которые многие предпочитают забыть.

«Вот, смотрите, прекрасно сохранилась фетровая шляпа!» – показывает находку археолог и историк Владимир Кильдюшевский. Именно он в декабре 2009 года во время наблюдений за земляными работами в Петропавловской крепости наткнулся на неизвестные ранее захоронения, где было найдено 18 человек, погибших предположительно в первый послереволюционный год. Шумиха вокруг находок поднялась такая, что было принято решение подробно изучить территорию возле Головкина бастиона, недалеко от Кронверкского канала, – шутка ли, прямо в центре Санкт-Петербурга обнаружилось неучтенное кладбище! Все лето, несмотря на аномальную жару, группа археологов во главе с Кильдюшевским изучала участок грунта возле Головкина бастиона. И сенсационные находки не заставили себя ждать.

«Вообще-то начало XX века для меня, как для ученого, интереса не представляет, я занимаюсь гораздо более ранними эпохами, – вздыхает Владимир Игоревич. – Но тут уж это было делом моей совести – раз я на захоронения наткнулся, то мне дальше с ними и работать. Когда мы в июне приступали к раскопкам, думали, что найдем одну-две могилы, а нашли целых семь! В них захоронено около ста человек. Точно определить число, конечно, смогут только антропологи после тщательной экспертизы. Но такой гигантской цифры никто из нас не ожидал. А ведь это только один исследованный участок, следующим летом будем копать на соседнем куске земли, я не берусь предсказывать, сколько убитых мы там найдем...».

Обнаружение кладбища нельзя считать совсем уж полной неожиданностью: в последние годы появились воспоминания современников, которые рассказывали о расстрелах в Петропавловской крепости, совершавшихся пришедшими к власти красными. Академик Дмитрий Лихачев писал в своих воспоминаниях, что он слышал выстрелы по ночам со стороны Петропавловки, когда жил на Арсенальной набережной. Но внимание к раскопкам было особое: есть вероятность, что в обнаруженных могилах могут оказаться останки четырех великих князей – Дмитрия Константиновича, Николая и Георгия Михайловичей, а также Павла Александровича, которых расстреляли в конце января 1919-го именно в Петропавловке. Об этом, уже находясь в эмиграции, писала в своих мемуарах княгиня Ольга Палей, жена Павла Александровича. Чтобы узнать о последних минутах жизни своего мужа, женщина общалась и с тюремным сторожем, который вел князей

к могиле, и с тем, кто закапывал тела... Но точное место их расстрела и захоронения так до сих пор неизвестно. «Неужели убитых великих князей наконец-то нашли и похоронят по-человечески?» – обрадовалась петербургская общественность, узнав о находках близ Головкина бастиона. Но археологи остужают пыл любителей сенсаций: определить, есть ли среди ста найденных тел принадлежащие к цар-



ской фамилии, без долгих и кропотливых исследований и геномной экспертизы практически невозможно. «Если бы их было всего 18, которых мы нашли в первой, «декабрьской» могиле, то еще можно было бы говорить о геномных экспертизах, – объясняют археологи. – Но изучить сто человек, да еще тех, которых мы найдем в следующем году, – на это нужна большая комиссия, состоящая из самых разных специалистов. Например, нужен историк, специализирующийся на моде начала XX века, – он мог бы определить тип ткани, может быть, даже особый покрой платьев – примету портного, у которого одевалась вся элита. Нужен ювелир, разбирающийся в найденных нательных крестиках и образках. Нужен стоматолог для изучения зубных протезов. Антрополог мог бы изучить болезни, которыми страдал человек при жизни и которые оставили следы на костях, сравнивая их затем с записями в старых медицинских картах. Только так можно было бы постепенно определить личности всех погибших, что является нашей первоочередной задачей. Но это требует мощного финансирования, которого пока нет».

ГЛАВНЫЙ ВРАГ – ПЛЕСЕНЬ

Пока группе Кильдюшевского рано думать об опознании всех погибших. Их первоочередная задача – сохранить находки: ведь выкопанные из земли останки не могут храниться просто так. Особенно вредны для них влажность и жаркое солнце – а и того, и другого, вздыхают археологи, в Петербурге этим летом слишком много.

«Видите, некоторые уже стали покрываться плесенью, – переживает Владимир Игоревич. – А плесень – главный враг любой органики. Находок так много, что нам их некуда деть – они сложены на полу, в ящиках, все помещение ими забито. Конечно, так быть не должно. Вообще-то это уже не наша обязанность, но мы не можем бросить останки на произвол судьбы. Были предложения отправить найденное в прокуратуру, но кто там будет этим заниматься? Всё сложат в коробки, будут хранить до тех пор, пока определить

Владимир Кильдюшевский отметил на карте Петропавловки места возможных захоронений

ДЕТЕКТИВЫ ИЗ-ПОД ЗЕМЛИ

О своей работе Владимир Игоревич может говорить часами.

«Работа археолога – это своего рода детектив, – рассказывает Кильдюшевский. – Ведя раскопки, мы обращаем внимание на самые, казалось бы, незначительные мелочи, изучаем все детали. Например, мы выяснили, что все захоронения велись в зимнее время. Найдены фрагменты валенок, свитеров, шинелей. Да и ямы выры-

что-либо будет уже нельзя, а потом отвезут на свалку. Как профессионал и как человек с совестью, я не могу этого допустить».

Археологи буквально днюют и ночуют в Петропавловской крепости – ведь они знают, что время работает против них. «Нам не хватает рук, пришлось кинуть клич по всем знакомым, чтобы они помогли почистить и должным образом законсервировать находки, – объясняет Кильдюшевский. – Все на добровольных началах, денег за эту работу мы заплатить не можем. Но много людей откликнулось, что вселяет в меня определенный оптимизм. Значит, есть неравнодушные люди в нашем городе».

Два незаменимых инструмента современного археолога – лопата и металлоискатель



ты неглубокие и сохраняют четкую форму с углами – археологу сразу понятно, что долбили мерзлый грунт, иначе бы могила была бесформенной, а земля рыхлой. В одной из могил мы нашли множество пенсне, шляп, вставных челюстей – то есть здесь захоронены в основном пожилые люди в штатском, скорее всего, интеллигенция, банкиры, профессора. Теперь уже работа историков выяснять в архивах, кто из профессуры был расстрелян или пропал без вести в те лихие годы. А в другой могиле, наоборот, одни матросы – мы обнаружили бескозырки, ленточки, даже одну пряжку от ремня ученика кадетского училища...»

Один из помощников, Алексей, внимательно изучает найденные туфли. «Они такие узкие, с лакированным мыском и на каблучках, – обращается он к более опытному Владимиру Игоревичу. – Как думаете, могли они принадлежать женщине?»

«Сложно сказать, – отвечает археолог, рассматривая находку сквозь очки. – Может быть, и женские, но, скорее всего, они принадлежали какому-нибудь офицеру-моднику. Видите, и подкова на каблучке, характерная для военных... Все-таки женщин в этих могилах мы пока не распознали, – объясняет Кильдюшевский, возвращаясь к разговору. – Только в «декабрьском» захоронении нашли один женский скелет, есть предположение, что это Вера Шульгина, сестра монархиста Шульгина, она проходила по делу о вербовке офицеров в белую армию».

Глядя на молодых ребят-волонтеров, сосредоточенно и деловито разглядывающих выкопанные черепа («Видите, тут даже волосы сохранились, и зубы не стерты, значит, череп принадлежал молодому человеку»), очищающих от грязи неплохо сохранившиеся за 90 лет сапоги с железными набойками в виде подков («Тогда так все военные носили, чтобы каблуки не снашивались»), становится жутко: ведь эта груда «материала» когда-то была жи-

вым человеком со своими горестями и радостями. Археологи – люди привычные и циничные, но признаются, что работать в Петропавловке даже им было психологически трудно.

«Это не первая работа с захоронениями в моей жизни, – говорит Владимир Кильдюшевский. – Но я привык, что к умершим относятся с уважением, в могилах все аккуратно, лежит лишь один или два человека... А тут в каждой яме по 18–20 трупов, набросанных кое-как, друг на друга, переплетенные тела, у многих видны в черепе следы от пуль. Тут же их одежда, обувь. Начинаешь задумываться, почему и зачем вот этот человек здесь сложил голову ни за что ни про что...».

ПОМОЙКА НА МЕСТЕ МОГИЛ

Осложняет работу питерских ученых и то, что большинство могил уже было «перекопано», или, говоря проще, разграблено. Территория, где нашли кладбище, до 1953 года была ограждена забором и принадлежала военному ведомству – никого из посторонних туда не пускали. Лишь после 1953 года на территории Петропавловки организовали музей.

«В 30-е и даже в 40-е годы на этом месте располагался хозяйственный двор, стояли сараи, была автомастерская, – говорит археолог. – На останки, закопанные неглубоко, явно натыкались – все могилы, кроме двух, перевершены, кости валяются как попало, а не в антропологическом порядке, нет ни нательных крестиков, ни образков, ни других драгоценностей, которые мы в большом количестве нашли в нетронутых могилах. Но, естественно, никакая информация о найденных телах никуда не поступала. Например, одно из захоронений «расхитители» нашли, когда рыли выгребную яму. Что самое странное – они все-таки сделали помойку прямо над могилой, попутно изучив содержимое найденного «склепа» и вынув оттуда то, что посчитали ценным. Видимо, помойку копали рядовые, о своих находках они никому не сообщали. Удивляться не приходится: люди в 30-х годах были уже в массе своей безбожники, осквернить чью-то могилу и поживиться за счет умерших зазорным не считали».

Кстати, и в наше время археологам пришлось столкнуться с «гробопателями»: известие о необычных находках в центре города привлекло к месту раскопок не только зевак и туристов, но и людей с недобрыми



намерениями. «Когда мы изучали первое, найденное еще в декабре 2009 года захоронение, то пришлось охранять место круглые сутки, даже ночью, – вспоминает Владимир Игоревич. – Трое ребят следили за тем, чтобы найденные тела не были потревожены. Попадались им люди с металлоискателем, но при виде охраны они исчезали. Этим летом мы не стали ставить специальную охрану, потому что участок раскопок и так был огорожен забором. Но в качестве предосторожности каждую ночь мы засыпали могилу, если не успевали вытащить все тела за один день. А утром откапывали заново.

«КОСТЬМИ ЛЯЖЕМ, НО ЛЮДЕЙ ПОХОРОНИМ»

Трудно поверить, что разложенные на газетках фрагменты тел, заботливо снабженные бумажками с номерами захоронений, когда-нибудь будут достойно захоронены – каждый под своим именем. Слишком многое зависит от расторопности чиновников, от финансирования.

«Все, что от нас зависит, мы сделаем, – убежден старый археолог. – Костями, как говорится, ляжем, чтобы эти сто человек были опознаны и похоронены. Они ведь 90 лет ждали погребения. Ведь это наша история. И давно пора прекратить делить всех на «своих» и «чужих». Мы же все свои! Без понимания этого примирения со своей историей и с собой у нас никогда не будет».

Еще одна разграбленная могила – кости убитых лежат в беспорядке

УГАДАТЬ ТАЛАНТ



О том, какие взаимные открытия делают россияне и французы в культурной сфере, как создаются музейные коллекции и куда движется современное искусство, «Русскому миру.ru» рассказывает директор Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, академик, заслуженный деятель искусств России Ирина Антонова.

Ирина Александровна, перекрестное проведение Года России во Франции и Года Франции в России уже принесло много открытий в художественной сфере. В Париже выставку «Святая Русь» посетили 200 тысяч человек, а в Москве огромные очереди стояли на экспозицию Пикассо. Разве за прошедшие десятилетия наши страны не представили свое искусство друг другу? Или еще остались белые пятна?

– Я думаю, взаимный интерес друг к другу неисчерпаем. Ведь и искусство России, и искусство Франции являются одними из самых глубоких явлений в европейской культуре. Процесс взаимных открытий бесконечен. Я была вместе с делегацией нашего президента на выставке «Святая Русь» в Лувре и сразу же сказала коллегам, что ее необходимо показать в Москве, настолько она содержательна. На ней представили уникальные экспонаты из 26 российских музеев. Некоторые из этих экспонатов находились в запасах, некоторые были только недавно отреставриро-

ваны, и даже я, специалист в области искусства, знала далеко не обо всем на этой выставке. Например, где-то в Вологде хранилась старинная икона, которую практически никто не видел. А когда ее привезли в Париж, оказалось, что это – настоящий шедевр. Так что парижская выставка была открытием не только для французов, но и для россиян.

Что касается дальнейших взаимных открытий, то существуют еще целые «континенты» французского искусства XIX века, которые россияне пока у себя не видели. Например, мы были бы счастливы показать выставку таких мастеров, как Энгр, Курбе, Эдуард Манэ, Милле. Кроме того, лично я очень люблю выставки, посвященные архитектуре, было бы интересно провести что-то подобное, посвященное Франции. Также хотела добавить, что на наших Декабрьских вечерах, которые в этом году отмечают 30-летний юбилей, всегда очень много играют французской музыки, и каждый раз находится что-то новое, недостаточно известное.

А по поводу выставки Пикассо у нас, в Музее имени Пушкина, могу сказать, что в последнюю неделю некоторые посетители ночевали в машинах, чтобы утром попасть на экспозицию. Все три месяца вокруг нашего музея стояла очередь, которая не только огибала все здание, но еще иногда шла по второму кругу, и, встав утром, люди рисковали к вечеру не попасть на выставку. Интерес был просто невероятный. Мы

специально в отдельные дни увеличивали рабочее время, чтобы дать возможность посмотреть картины большему числу посетителей.

– Такие огромные очереди вокруг вашего музея всегда наблюдались во времена Советского Союза, когда привозили что-то из западных коллекций. Тогда это было понятно,

поскольку мало кто сам мог их видеть. И просто удивительно, что сохранился подобный интерес сегодня.

– Да, это тем более удивительно, что Пикассо достаточно известный художник, а кроме того, и в наших собственных музеях имеются его произведения. Но эта выставка была замечательно сделана, показывая творчество Пикассо всех периодов. Интерес в результате был беспрецедентный, и это, конечно, очень радует.

– Если наблюдается такой интерес к Пикассо, то, может быть, вы осуществите то, о чем однажды упоминали: создание отдела современного искусства? Хотя если вы это сделаете, наверняка все начнут критиковать музей за предпочтение того или иного художника.

– Конечно, данное направление в музее должно непременно развиваться, но я хочу сказать, что понимать и правильно оценивать искусство своего времени – это самая трудная задача. Почему мы так и восхищаемся

ционеры, а также американцы Лео и Гертруда Стайн, которые начали покупать картины Пикассо. Конечно, такое превращение из неизвестного художника в музейного – это целый процесс: процесс квалификации, понимания, глубины прочувствования.

Все могут ошибаться, но время уже сейчас позволяет дать оценку каким-то периодам. При этом мы видим вокруг огромное количество продукции, я бы так это назвала, которая когда-нибудь уйдет навсегда. Это просто очевидно. Но что-то непременно останется, хотя бы как пример усилий, которые делались для того, чтобы понять свое время в искусстве. Нужно за всем этим процессом внимательно наблюдать и изучать.

– В Париже говорят, что руководитель Цент-

«Настоящее искусство никогда не было натуралистическим. Картина Вермеера со всеми своими тщательно проработанными деталями – это великое поэтическое преображение. Именно в этом красота и сила искусства».

нашими великими коллекционерами Сергеем Щукиным и Иваном Морозовым, ведь они в свое время угадали талант и величие тех художников, которые были признаны только потом. Среди них Пикассо и Матисс. Причем угадали тогда, когда даже французы отказывались их покупать. Более того, отказывались и даром брать, как это, например, случилось с изумительной коллекцией Кайботта, которую Лувр не захотел принять в дар, поскольку не посчитал ее соответствующей своему уровню.

У искусствоведов есть такое выражение: «вещь становится музейной». Тот же Пикассо когда-то не был музейным художником, а с определенного момента стал таковым. Здесь как раз помогли наши русские коллек-

ра Помпиду обладает способностью чувствовать коммерческий потенциал современных художников и правильно угадывает, чьи работы будут подниматься в цене. Есть ли у нас уже такие коллекционеры?

– Нет, это даже не коллекционеры, а руководители галерей. Есть музеи современного искусства, там можно найти пять-шесть специалистов, к которым прислушиваются и которые, в определенной степени, диктуют моду. Хотя не всегда ясно, на что они при этом опираются. Если же говорить обо мне лично, то вполне нормально, что у меня есть своя собственная оценка и понимание происходящего. И нужно сказать, что тот процесс, который происхо-

дит в последнее время, скорее огорчает, чем радует. Может быть, заканчивается то, что мы и называем искусством. Появилось огромное количество продукции, которая представляет какой-то иной вид творческой деятельности. Я отношусь к происходящему с уважением и обычно не считаю, что художник «оригинальничает» только на потребу кому-то. Но для всей этой продукции нужно придумать другое название.

– Леонардо да Винчи использовал до 20 слоев краски, чтобы добиться своего эффекта sfumato. Сейчас любой обладатель компьютера в состоянии сделать то же самое за полчаса и распечатать готовый продукт. Все это сильно нивелировало критерии мастерства. Тот же Пикассо практически одинаково хорошо рисовал и правой, и левой рукой, а сейчас большинство художников обращают внимание вовсе не на основы ремесла. Можно ли сказать, что искусство вырождается в перформанс?

– Отчасти это так. Сейчас появилось огромное количество возможностей, которых ранее не существовало. Может быть, тот путь познания, который давало искусство в классическом понимании, исчерпан. Это направление возникло когда-то из желания человека сделать подобное. Другой вопрос, что изображение никогда не было

нужны большие пространства. Хотя иногда мне на ум приходит образ из одной старой рецензии, еще доперестроечных времен, про постановку оперы «Борис Годунов». Критик написал про одного певца, исполнявшего партию Варлаама: «Нехватку голосовых ресурсов он восполнял притоптыванием». И сейчас тоже очень многое «восполняется притоптыванием».

На наших глазах рождается что-то другое. Уже родилось, а мы его все время описываем теми понятиями, к кото-

{ «Тот процесс, который происходит в последнее время, скорее огорчает, чем радует. Может быть, заканчивается то, что мы и называем искусством. Появилось огромное количество продукции, которая представляет какой-то иной вид творческой деятельности». }

и не могло быть прямолинейным подобием, а определенным образом преображало действительность. В этом и состоит смысл искусства. Настоящее искусство никогда не было натуралистическим. Картина Вермеера со всеми своими тщательно проработанными деталями – это великое поэтическое преображение. Именно в этом красота и сила искусства.

Почему этот путь сегодня кажется исчерпанным? Это вопрос, который требует отдельных исследований.

– Когда 200 лет назад человек отправлялся в путешествие, то он мог только зарисовать то, что видел. Чем профессиональнее, тем лучше. Сейчас есть много других способов зафиксировать наш мир, поэтому нынешние творцы пытаются делать сами из себя «произведение искусства».

– Да, такой процесс тоже наблюдается. Пока непонятно, как это будет вписываться в музеи. Недаром для этого искусства нужны такие структуры, как, например, «Гараж»,

рым это явление отношения не имеет. Оно и само хочет прицепиться, «притулиться» к классическому пониманию искусства, а ему туда совсем не нужно просто. Это явление надо отделить и судить уже совершенно по другим законам. По законам этого рода продукции. Тогда все станет как-то яснее.

– В XVII веке картины продавались на аукционах по разряду мебели. И никто не видел ничего зазорного в том, чтобы покупать картину, руководствуясь тем, что она должна гармонировать с мебелью. Может быть, история сделала круг, и эти новые виды продукции тоже должны гармонировать с нашим стилем жизни? Пустить их «по разряду мебели» и все сразу стало бы на свои места?

– К счастью, в большинстве случаев об этой продукции и не говорят как о высоком искусстве. В противном случае на нее будут накладываться все психологические и эстетические требования, которых она обычно не выдерживает. Более того, даже не имеет к ним отношения. Нельзя к современному искусству предъявлять те требования, которые к нему не имеют отношения. Это даже некорректно. А кроме того, нужно избавиться от раздражения, которое ведет к необъективности. 

МУЗЕЙНОЙ ФЛОТИЛИИ АДМИРАЛ



АНДРЕЙ СЕМАШКО

Александр Штурманов посуху привел подводную лодку в родную Вытегру, дабы укрепить морскую славу Вологодской области – здешние Тотыма и Великий Устюг дали России несколько мореплавателей-первооткрывателей

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

Капитан первого ранга на пенсии создал на сухопутной Вологодчине музейный флот, набрал команду из экскурсоводов и собирается в поход против исторической безграмотности населения.

Кто-то из отставных моряков модели кораблей собирает, кто-то – бутылку с морской водой в серванте держит. А капитан первого ранга, ныне заместитель главы Вытегорского района Вологодской области Александр Штурманов с недавних пор коллекционирует настоящие суда, да еще

выставляет их на всеобщее обозрение.

Русская подлодка уже год пришвартована к берегу, в то время как ее финская коллега (в прошлом – «враг») обретается в водах Онежского озера. Не исключено, что скоро откроется для посещения минный тральщик времен Великой Отечественной. Воевать «адмирал» Штурманов собирается против патристической невоспитанности молодого поколения, равнодушия к родной истории, а также против тех, кто называет северный форпост Вологодской области дремучей глушью. Под прицелом бутафорских орудий окажется и сама природа, пожалевшая для Вытегорского края, который расположен на границе с морозной Архангельщиной, океанского берега.

ПОДВОДНАЯ ОХОТА, ИЛИ КАК ИСКАЛИ ЛОДКУ

У подлодки, вышедшей на пенсию, по сути, две вероятные судьбы. От первой – мурашки по спине: четвертование с ужасным металлическим скрежетом – и в металлолом. Вторая – стать музеем, о чем подлодке, видимо, мечтается так же, как боевому летчику – сесть за штурвал «кукурузника». Но из двух зол...

Идея заиметь под боком подводное судно с надписью «Добро пожаловать!» над люком пришла в голову Александру Штурманову, тогда помощнику губернатора Вологодской области и председателю вологодского морского собрания, еще в 90-х. А уже с начала нового тысячелетия подходящую подлодку разыскивали по всей стране. Не раз случалось так, что вполне приемлемый вариант уводили из-под носа: одна из таких «уведенных» лодок сегодня принимает посетителей в немецком Гамбурге.

Для облегчения поиска пошли от противного. С тем, что лодка нужна дизельная, а не атомная, определились сразу. Виновата дурная слава последних. «Трудно убедить людей в том, что атомное судно безопасно. Скажи им, что и реактора в ней нет, все равно боятся», –



АНДРЕЙ СЕМАШКО

{ Сегодня в мире насчитывается 57 действующих музеев подводных лодок, в том числе в России – четыре. Почти все музейные суда ранее состояли на вооружении СССР и России. }

рассказывает Александр Александрович. Тихоокеанский и Черноморский флоты отпали сразу: с Дальнего Востока транспортировать очень уж далеко, а с кораблями «самого синего в мире» вышла другая заваyka. Не совсем ясно, кому они принадлежат, России или Украине. Оставались Балтийский флот и родной для Штурманова Северный, на котором он отслужил два десятка лет. «В Полярном брать было нечего – списанные лодки разграблены, частично демонтированы. Фактически одни корпуса. Такую коробку мне на любом металлургическом заводе и под заказ вырезали бы», – вспоминает Штур-

манов. «Она самая», та, что охраняет сегодня покой вытегорцев, нашлась в Кронштадте. Взяли последнюю в своем классе. Правда, на Б-440 претендовало одно питерское ОАО, также намеревавшееся открыть музей. Красноречивому капитану много крови и нервов стоило уговорить бизнесменов отдать лодку Вологодчине. Приказ о ее передаче области, которая отстоит от ближайшего моря на несколько тысяч километров, подписал тогдашний премьер, Михаил Касьянов. Надо сказать, что это второй случай в истории, когда Вытегра фигурировала в документах государственного значения: свою положительную резолюцию на приказ о строительстве в городе шлюзов Мариинской водной системы наложил Екатерина II. Александр Штурманов рассказывает это с таким смаком и в таких подробностях, что невольно подразумеваешь его руку и в том мероприятии.

Хоть и обошлась сама лодка Штурманову и областному бюджету в ноль рублей и такое же количество копеек, на ремонт и доставку Б-440 в пункт назначения требовались средства. Долгожданное и окончательное да от губернатора прозвучало во время одного из вологодских совещаний по северо-западу. Больно уж глава Калининградской области хвастался своей подлодкой – и то

у них, и се. Вологжане терпели-терпели, да и изыскили три десятка миллионов на ремонт и доставку надводного музея подводного крейсера в Вытегру. Об уникальном способе доставки, о понтоне весом 200 тонн, о специальных дноуглубительных работах в Вытегорском водохранилище написана не только целая библиотека. Даже фильм о последнем походе Б-440 сняли. Кстати, о фильмах. В Вологодской области уверены, что тема подлодок всплыла в отечественном кинематографе опять-таки с подачи Штурманова. Об этом скромный капитан говорить не любит, но для гостей делает исключение. «Лет десять назад к нам в Вологду приезжал Никита Михалков, и мне довелось поговорить с ним, – рассказывает Александр Штурманов. – Кстати, беседа со знаменитым режиссером состоялась возле памятника поэту-моряку Николаю Рубцову, и он был настроен лирически. Я сказал Никите Сергеевичу, что все мы благодарны ему за фильм «Сибирский цирюльник», за то, что правдиво показал русских юнkers. Но, отметил я, хотелось бы увидеть и фильм о морях – ведь таких лент сейчас почти нет». Михалков, кстати сам служивший на Тихоокеанском флоте, обещал подумать. Через несколько лет на его студии «ТРИТЭ» вышли «72 метра».



АНДРЕЙ СЕМАШКО

ПОДВОДНАЯ ЛОДКА Б-440

Построена на Новоадмиралтейском заводе. Вошла в состав ВМФ в 1970 году. За боевую службу на Северном и Балтийском флотах прошла более 100 тысяч миль.

Параметры подлодки:

длина – **91,3 м,**

ширина – **7,5 м,**

осадка – **5,1 м,**

скорость – **16 узлов.**

ИСПЫТАНИЕ ГАЛЬЮНОМ

Итак, пригнав несколько лет назад морскую красавицу в Вытегру, стоящую на пресном Онежском озере, стоянку ей выбрали близ речного вокзала, дабы услаждала взор пассажиров, отбывающих на дачи на «калошах» и «мошках». Но уже через несколько месяцев после открытия на уникальный музей стали смотреть не только те, кто рвался к земле и помидорной рассаде. В Вытегру, где, кроме природных памятников вроде «пяточка», на котором встречаются реки из трех морей, смотреть нечего, хлынули туристы.

В лучших музейных традициях, кроме освещения, на подводной лодке Б-440 не работает ни один механизм. Двигатель – и тот шумит «под фанеру»: замаскированные по его бокам динамики сутки напролет издают однотонное «ж-ж-ж». Не скрою, летаргии одного из устройств был даже рад. Туалета, или гальюна по-морскому. Миловидная экскурсовод поведала, что впервые оказавшийся на подлодке молодой матрос именно с него начинал постигать устройство судна, вторично обучаясь правильно «ходить на горшок». Сходить не труд, а вот смыть без предварительного инструктажа не получалось. Дабы произвести это по науке, необходимо повернуть в общей сложности девять клапанов в определенной последовательности. Некоторые кодовые замки на сейфах открываются проще. Показав наскоро мо-



Жара нынешнего лета прибавила туристам сочувствия к службе подводников. «Представьте, а они по полгода в такой духоте», – сообщает экскурсовод, ведя группы тесными коридорами музея

АНДРЕЙ СЕМАШКО

лодым, чего и куда крутить, бывалые подводники начинали свою любимую игру, о проигрыше в которой информировали перепачканные штаны участника. При неверной последовательности содержимое «смывается» в обратную сторону. Секрет клапанов утерян, а посему подлодковый унитаз по назначению не используется. Удобства на берегу.

ФИНКА И ТРАЛЬЩИК

Б-440 до сих пор еще не раскрыла всех деталей своего прошлого. Судя по имеющейся в музее карте, подлодка побывала почти у всех континентов. А вот чем она там занималась, неизвестно. Выполняла задания партии и правительства, этакий стотонный чиновник по особым поручениям. Известно лишь, что в прямых военных столкновениях лодка участия не принимала. Скоро компанию черной красавице составит минный тральщик. Этот, напротив, нюхнул пороха аж Второй мировой. История его известна: воевал на Онежском озере, участвовал в операциях по обезвреживанию мин. Поступил он в Вытегру 20 лет назад как подарок родине от одного из шести адмиралов, имеющих вытегорские корни. Все эти годы тральщиком мало кто интересовался, и он преспокойно гнил. Избежав вражеских снарядов, тральщик

чуть было не подорвался на mine замедленного действия под названием «время». После того как подлодка нашла покой у вытегорских берегов, о минном катерке вспомнили. Сейчас его ремонтируют. Третьим судном музея морской славы вполне может стать другая подлодка, финская. Пока это легенда, и ни один пользующийся доверием водолаз своими глазами ее не видел. Но говорят, что лежит на боку в Онежском озере подорванная нашим флотом лодка, набитая мертвыми диверсантами. «Эх, поднять бы», – мечтает, сидя в чиновничьем кабинете, Александр Штурманов, который многие годы светскую должность исполняет исключительно в морском мундире. Полдела уже сделано: легенда на свет божий поднята, осталось только саму «финку» поднять. На ремонте можно бы и сэкономить. Пускай стоит в растрепанном виде – как наглядное свидетельство мощи отечественного оружия. 

ВРАЧ ПО ИМЕНИ АНГЕЛИНА

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

Академик Ангелина Гуськова создала основы лечения лучевой болезни и отвечала за лечение пострадавших во время аварии на Чернобыльской АЭС.

Несмотря на свои 86 лет, Ангелина Константиновна ежедневно ходит на работу – в Федеральный медицинский биофизический центр им. А.И. Бурназяна. Она оставила молодым должность заведующей клиники и занимается консультационной работой. Хотя иногда ее все равно просят осмотреть сложных больных. Еще Ангелина Константиновна является членом экспертного совета по признанию связи заболеваний с воздействием радиации и курирует несколько диссертаций. Несколько лет назад ее наградили редкой и очень почетной медалью Зиверта «За защиту от излучения» – такой чести в нашей стране пока не удостоивался никто. Все, что ей удалось скопить за всю жизнь, – это большая библиотека, в которой хранится немало редких изданий. Ее вкусы и ценности далеки от мещанских: она не любит дач, ей безразличен материальный достаток. У нее не сложилось с семьей и детьми, но она никогда не чувствовала себя ущербной. «Несчастный был бы муж, имеющий жену с таким укладом жизни и работы, – полушутя говорит она. – А детей, образно говоря, у меня много. Дети моих друзей всегда остаются для меня близкими. Они со мной заботливы, нежны, всегда разделяют счастливые и тяжелые события моей жизни».

ПЕРВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Ангелина Константиновна родилась в Красноярске в 1924 году, а через два года семья переехала в Нижний Тагил. Отец был заслуженным врачом республики, участвовал в Первой мировой, Финской и Великой Отечественной войнах. Дед служил фельдшером на русско-турецкой войне, умер от тифа, заразившись от пациента. Прадед участвовал в русско-турецкой войне в качестве медбрата. Врачебную этику маленькая Ангелина познавала с детства. «Папа много рассказывал про бомбежки поездов, отмеченные санитарными крестами и знаками, – вспоминает академик. – Медработники не прятались: нельзя бросать раненых. Папе повезло, он вернулся домой живым, воспитал двух дочек, меня и младшую сестру. Сестра тоже занимается наукой, но историей. Она мыслит шире, для нее нынешние события – ерунда. А я по складу характера более, что ли, житейская». Бабушка Ангелины Гуськовой окончила церковно-приходскую школу и, чтобы дать всем своим детям образование, переехала в Екатеринбург, сняла квартиру, организовала детский пансион, где обстирывала и кормила воспитанников. В доме Гуськовых всегда было много музыки, потому что мама, не имея специального образования, работала в Нижнем Тагиле пианисткой, аккомпанировала приезжим певцам и скрипачам. Ангелине передался мамин талант, радиолог до сих пор играет на фортепиано, собирает фонотеку.

В 1941 году она поступила в Свердловский государственный медицинский институт, блестяще его окончила и осталась работать в ординатуре при вузе в Клинике нервных болезней и нейрохирургии. Клиникой тогда руководил Давид Шеффер, автор первой в России монографии о воздействии излучения на нервную систему. Ангелина Гуськова исследовала злокачественные опухоли мозга, этой темой тогда в СССР занимались всего два человека, и девушка ездила на консультации в московский НИИ им. Бурденко. Ее уникальные наработки были очень высоко оценены, и Ангелине Гуськовой предложили перейти в Институт им. Бурденко. Она от-



АНТОН БЕРКАСОВ

чаянно сопротивлялась, потому что не хотела уезжать с родного Урала, считая своим долгом вернуться в alma mater. «Я делала все, чтобы не ехать, за меня даже хлопотал секретарь уральского обкома, – вспоминает академик. – Теперь с высоты опыта я говорю молодежи: никогда не знаешь, чем обернется первое назначение». А тогда, в 1949-м, для Ангелины Гуськовой на первый взгляд все обернулось драмой. Она вернулась на Урал, но там ее ждала не родная клиника, а направление на закрытый комбинат Челябинск-40 (первый комбинат атомной отрасли ПО «Маяк» в городе Озерске Челябинской области). В Челябинске-40 молодой бунтарке пришлось пройти через испытание секретностью: она не могла видеться с родными, даже выезды для защиты диссертации сопровождалась сложностями.

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕРНОБЫЛЬ»

Бытовые неудобства в Челябинске-40 – семь человек на четырех койках – Ангелина Гуськова восприняла стойко. Ее зарплата была ниже той, что она получала в клинике, но она только пожимала плечами: «Ничего, обойдусь как-нибудь». Ангелина Гуськова тогда боролась за другое – за новую для себя, да и всего мира, проблему организации медобслуживания персонала атомной отрасли. О лучевой болезни не было известно ничего. Медико-санитарному отделу №71, состоявшему из молодежи, предстояло сделать научный

**Ангелина
Гуськова
в своем кабинете в ФМБЦ
им. А.И. Бурназяна**



из личного архива

Барак медико-санитарного отдела №71 в Челябинске-40, где были написаны первые диссертации по лучевой болезни

прорыв: организовать диагностику, распознать болезнь и приступить к лечению. Отдел стал ведущим учреждением страны по теме лучевой болезни. Ситуация обострялась тем, что молодые специалисты, через руки которых прошли первые облученные, были вынуждены противостоять московским именитым ученым-теоретикам, получая резкие замечания: «Фантазии мальчиков и девочек».

В Челябинске-40 почти у 2500 человек выявили начальные проявления лучевой болезни, у 49 из них недуг выявлен в острой форме. Ангелина Гуськова и Григорий Байсоголов сформулировали принципы классификации и лечения лучевой болезни, которые актуальны и сейчас: восстанавливать кровь, бороться с инфекциями. Их монография «Лучевая болезнь человека» была переведена на английский язык. Научные успехи молодого медико-санитарного отдела привели к тому, что в 1953 году его переименовали в филиал московского Института биофизики. В работе отдела №71 живое участие принимал Игорь Курчатов, с которым Ангелина Гуськова подружилась на всю жизнь. В 2004 году в своих воспоминаниях она напишет: «Это позднее появились журналистские измышления о трагическом воспоминании И.В. (Игоря Курчатова. – Прим. авт.) о сути работы по созданию атомного оружия, уже в процессе ее выполнения якобы породившей постоянный душевный кризис у ее участников. Многие говорят и о работе «под страхом», по принуждению <...>. Нет, я запомнила И.В. и его соратников безмерно ус-

тавшими, взволнованными, но счастливыми и гордыми. Конечно, они задумывались о разрушительной силе созданного ими изделия, <...> но тут же были готовы вернуться к этой работе».

Положение людей на первом в СССР комбинате по наработке плутония было тяжелым. Опытно-промышленный комплекс ПО наработке плутония в первый год располагался в бараке, продукт разливался и переносился вручную в платиновые стаканы в воронках из золота. Общая техника безопасности была далека от современной. Первым пострадавшим стал солдат срочной службы, который нес вахту под действием опасных гамма-полей, берег плутоний. В то время люди не боялись радиации, ведь первые симптомы поражения вполне привычные: тошнит, болит голова. «Даже разговоров на эту тему не было, – говорит Ангелина Константиновна. – Во всех документах диагноз «лучевая болезнь» подменялся астеновегетативным синдромом. Ни пациенты, ни мы не испытывали растерянности. Первые пять лет мы наблюдали все основные типы радиационных аварий, включая «маленький Чернобыль». Лечили по аналогии с заболеваниями крови». Сложнее было объяснить человеку, что ему вредно дальше работать здесь, на высокооплачиваемом месте с «непыльным» графиком.

По официальной статистике, всего в РФ за все время зарегистрировано 355 радиационных аварий и инцидентов, при которых лучевая болезнь развилась у 757 человек. Среди них особенное место в списке чрезвычайных происшествий занимают аварии 1957 года на Урале и в 1986-го – на ЧАЭС. Большинство больных полностью излечиваются. За все время существования атомной отрасли в нашей стране от лучевой болезни умер 71 человек.

В 1951 году произошла катастрофа, «маленький Чернобыль» – радионуклиды попали в сточную канаву. В опасном месте, вне территории комбината, копала тран-

шею группа заключенных из 14 человек, когда никто еще не знал о случившемся. Из 14 заболели четверо, у троих развилась болезнь, один из них погиб. Канаву закрыли, поставили памятник, сейчас там уже «чистое» место. Через 6 лет, в 1957 году, случилась крупная авария, так называемый Восточно-Уральский радиоактивный след. Произошла утечка, радиоактивные вещества от ПО «Маяк» «сигарой» протяну-

лись через огромную территорию с населением в 270 тысяч человек. Ответственность за ликвидацию последствий взял на себя молодой состав Челябинска-40, вычислив самую опасную точку для эвакуации. В итоге не пострадал ни один житель, последствия минимизировали. «Мы ходили по домам, было очень трудно объяснить бедному населению, что нужно выбросить последнее цинковое ведро, снять последнюю одежду, оставить корову и обжиться на новом месте», – рассказывает Ангелина Гуськова. «Мы с Григорием Байсоголовым сидели у постелей больных, не различая ни дня, ни ночи, – вспоминает она. – Я осталась, а он сказал: «Пойду, хоть часок-два посплю». Я смотрела в окно, как он, шатаясь, идет к дому, и боялась, не свалился бы по дороге».

ОПАСНОСТЬ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

Все эти годы Ангелина Константиновна и ее коллеги жили в состоянии напряженного научного конфликта с консервативным ученым сообществом. Но в 1957 году Игорь Курчатов волевым решением перевел доктора наук Ангелину Гуськову в столичный Институт биофизики. Ее встретили неприязненно. «Из истории болезни могли просто вырвать лист с моей консультацией из-за неприятия моей позиции, – рассказывает академик. – Допустим, я настаивала на ампутации конечности, ее ампутировали, но мои рекомендации убирали».

В 1951 году Ангелина Гуськова перешла на работу в Институт гигиены труда и профзаболеваний Академии наук СССР. Там она занималась лечением рентгенологов. Ангелина Константиновна занималась лечением рентгенологов. Тогда считалось, что у них просто страдает нервная система, а Ангелина Константиновна настаивала на том, что у 85 процентов из них происходят изменения в крови из-за облучения. Особенно у тех людей, которые начинали работать в 30–40-е годы. «Мы выяснили, как у рентгенологов формируется доза, – говорит ученый, – ведь многие сидят за плохо защищенными столиками. А еще помню одного молодого человека, который погиб от радиевой болезни. Он в шутку красил радиевым веществом себе губы, нос и пальцы, чтобы поугадать девчонок». В 60-е годы аппаратура сменилась, и первые трагические ошибки ушли в прошлое. В 1974 году она вернулась в Институт биофизики.

Жилка первопроходца не дала Ангелине Константиновне смириться с непростым положением в институте. Совместно с Леонидом Ильиным и Евгением Чазовым она написала монографию, в которой впервые в СССР в одной из глав под названием «Опасность ядерной войны» рассматривались возможные аварии реактора. Эта книга была воспринята уважительно мировой научной общественностью. Но дальнейшая работа над темой стала скандальной. Совместный с А.А. Моисеевым труд «Радиационные аварии» о возможных взрывах АЭС был воспринят как крамола и попытка посеять панику в обществе. В те годы медицинской отраслью руководил Аветик Бурназян, который очень разгневался на предложение о публикации: «Вы планируете эти аварии!» Только через несколько лет, в 1971 году, Ангелине Гуськовой разрешили сделать на эту тему небольшой доклад на конференции в Димитровграде Ульяновской области. Но книга все-таки вышла небольшим тиражом, для специалистов, и, когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, оказалось, что другой специальной литературы нет. «Над нами грустно шутили, что это мы написали сценарий чернобыльской аварии, потому что все основное совпадало», – говорит Ангелина Гуськова.

ПРИХОДИЛ ПОБЛАГОДАРИТЬ

26 апреля 1986 года в 2 часа ночи Ангелине Гуськовой позвонили из чернобыльской медсанчасти: подозрение на аварию. Она руководила в эти годы клиникой при Институте биофизики и возглавила организацию лечения людей, пострадавших на ЧАЭС. Говорили «подозрение», потому что тогда еще не был понятен весь масштаб случившегося, но к 6 утра в санчасть уже было доставлено больше 100 пациентов с характерными симптомами. Ангелина Константиновна в клинике при своем институте срочно готовит в Москве палаты на 150–200 человек. В первые же сутки на место происшествия вылетела аварийная бригада во главе с Г.Д. Селидовкиным, которая отправила людей в Москву двумя самолетами, у 134 человек болезнь протекала в острой форме. Врачи работали по 18 часов. Не удалось спасти 28 человек. Родственники погибших до сих пор помнят это отношение медперсонала. «Однажды я приехала в Чернобыль, меня там разыскал сын погибшего, – говорит Ангелина Константиновна. – Приходил поблагодарить. Все понимали, что мы выложились до предела». Организацию медпомощи пострадавшим в Чернобыле очень высоко оценило мировое сообщество, но до сих пор академик Гуськова анализирует, все ли было сделано.

тов, которые потом оставил нашей стране, – вспоминает она. – Принимал участие в обследовании наших детей. Он не испытывал к нашим условиям никакого пренебрежения, ходил, извините, в наши полевые туалеты, проявил полное внимание к сути дела. И написал очень хороший отчет, который не имел у нас успеха. В нем говорилось, что у нас очень плохо обстоит дело со здоровьем, но это связано не

с облучением, а с сельским здравоохранением. Фред Меттлер сейчас руководитель делегации США в научном комитете по действию атомной радиации, поддерживает нас. Помню, в качестве доказательства, что Киев не заражен радиацией, он приезжал туда со своими детьми».

Атомная отрасль сильно политизирована, и такое событие, как авария на ЧАЭС, стало поводом для замораживания большинства проектов. Представителей атомного сообщества только ленивый не поливал грязью в прессе. «Я разговаривала с Евгением Адамовым, – вспоминает Ангелина Гуськова. – Считаю его одним из самых ярких, технически образованных министров атомной промышленности, которые у нас были. Он хорошо выступал на «Радио Свобода», но отказался от телеинтервью Светлане Сорокиной, потому что его хотели выпустить дуэтом с экологом Алексеем Яблоковым. Адамов считал это ниже своего достоинства. Я была уверена, что говорить было надо, чтобы освободить людей от фобий, гипноза и страха».

Прошло много лет. Ангелина Гуськова исследовала три поколения работников атомной отрасли. Влияния радиации на здоровье будущих поколений не нашла, как и все мировые специалисты.

АВТОБУС НА ПАМЯТЬ

Ангелина Константиновна Гуськова стояла у истоков радиологии. В те годы в эту сферу были вовлечены лучшие умы эпохи, со многими из них академик дружила. И эту возможность она считает самым большим подарком судьбы. Краткие воспоминания о великих людях, с которыми ей довелось общаться, Ангелина Константиновна поместила в 200-страничную книгу «Атомная отрасль глазами врача». В ней она рисует портреты людей такими, какими они ей запомнились. «Один раз на приеме в доме И.В., – пишет она, – я увидела незнакомого человека мрачно-молчаливого вида с короткой, точно нелегко поворачивающей-

Ангелине Константиновне приходилось не только заниматься медициной, но и общаться с большим количеством инспекций, комиссий, чиновников – по делу и без дела. Бывали и курьезные ситуации. «Мы получили огромную посылку от пожарных Голландии – целую машину разнообразных сыров, – говорит радиолог. – Но спецслужбы забрали ее, так этот сыр и остался теплым воспоминанием о хорошем, человеческом жесте». Приходило много писем от сочувствующих. Были и забавные инициативы, например: «Я перенес ожог и думаю, мой спинной мозг имеет полезные защитные свойства. Если нужно, возьмите мой мозг для пересадки». Но добровольцев практически не принимали, государство бросило в зону бедствия все необходимое. Люди проявляли чудеса смелости, самоотдачи и находчивости.

«Однажды в клинику пришел начальник из министерства и сел в президиум на нашей утренней летучке, – вспоминает Ангелина Гуськова. – Я не успела даже его представить, как он тут же начал сам: «Что у вас тут за безобразие, и врачи, и санитарки ходят в одинаковых нелепых халатах, без всяких различий!» А мы по нормам были вынуждены постоянно халаты менять из-за загрязнений, уже просто не смотрели, какие надевали. И тут голос из зала: «Ангелина Константиновна, это что за дурак такой?» Я спохватываюсь и представляю: замминистра такой-то...».

Изучать медицинские последствия аварии в Чернобыле прилетел знаменитый американский врач Фред Меттлер, с которым Ангелина Гуськова была дружна. «Он на 2 миллиона долларов привез разных инструментов, реактивов, аппара-

Ликвидаторы аварии на Чернобыльской АЭС по завершении укрытия разрушенного реактора



ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ся шеей, как бы отдаленного от остальных чем-то своим, особым. И.В. подошел ко мне сзади и спросил: «Как вам нравится этот человек?» Я ответила: «Совсем не нравится». И.В. засмеялся: «Ну и напрасно – скоро все забудут меня и будут говорить только о нем». Это был С.П. Королев». Или вот воспоминания о Ефиме Славском, министре среднего машиностроения СССР: «В его прошлом – и батрачество (у помещика!), и сабельный поход по Ставрополю и Крыму в составе Конармии, о чем он так колоритно рассказывал мне. <...> От моей сестры – историка – через меня он узнал о прочности уральского железа, покрывавшего своды Вестминстерского аббатства в Великобритании, об уральской меди в статуе Свободы в США. Важно это было и нужно Е.П. в его любви к «великой державе» и гордости за нее. Наверное, так можно любить только то, во что вложена частичка души и сердца, чему отдана жизнь». А в память о сэре Эдварде Почине, авторитетном английском радиологе, у Ангелины Гуськовой хранится дома маленький сувенир. Однажды, после приема в Королевском обществе, сэр Эдвард Почин предложил Ангелине Гуськовой вызвать такси. «А мне очень хотелось проехаться на втором этаже лондонского автобуса», – вспоминает академик. – Сэр Эдвард посмеялся, это считалось неприличным, потому что там обычно парочки целуются. «Но ради вас, – сказал он, – поедем на втором этаже!» И в память о том легкомысленном путешествии двух пожилых людей он потом подарил мне маленький автобус». Стены кабинета Ангелины Гуськовой увешаны фотографиями. Игорь Курчатов, Анатолий Александров, Август Летавет, Глеб Франк, Виталий Гинзбург, Жаме, Почин, Тейлор... При каждом удобном случае она старается привозить в клинику фото кого-нибудь из «иконостаса», чтобы знакомить с молодежью. Она считает, что это такое богатство, которым она не имеет права не делиться с окружающими.

Ангелина Константиновна объездила весь мир в составе официальных делегаций. Она очень рано стала главным радиологом Второго управления Министерства здравоохранения, ведавшего гражданской обороной, в том числе по радиационной линии. Ангелина Гуськова входила в команду наших лучших врачей наряду с хирургами Виктором Поляковым, Александром Вишневым. В 1967 году ее выдвинули в качестве эксперта сначала советской, а по-



АНТОН БЕРКАСОВ

том и российской делегации в Научный комитет по действию атомной радиации. В одной из командировок в Вену радиолог застала открытую встречу Леонида Брежнева с американским президентом Ричардом Никсоном. «Встреча проходила на площади, – вспоминает врач. – Толпа была доброжелательной, американский президент – предупредительным, Брежнев – очень плох. Мне было больно, я страдала за него. Не стыдилась – чего врачу стыдиться за больного. Но его не должны были отпускать».

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Ангелина Константиновна освоила Интернет и живо следит за развитием современной науки. Сожалеет, что в перспективной сфере нанотехнологий сейчас не аккумулируются лучшие философы и технические специалисты – «отраслью руководят менеджеры».

На прощание академик дарит мне свою книгу. Эпиграфом к ней стоит стихотворение Николая Тихонова:

*«Наш век пройдет. Откроются архивы,
И все, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики,
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда».*

**Страницы
первого
доклада
об аварии
на Черно-
быльской АЭС
ученым мира
в августе 1986
года**

«СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ»

С президентом культурно-просветительной и исследовательской организации «Северный Крест» мы встретились в центре Нью-Йорка, в манхэттенском Сохо. Знакомьтесь: Юрий Аскольдович Сандулов. По образованию – философ, по призванию – историк, по роду деятельности – неутомимый собиратель и хранитель того хрупкого мира, который мы сегодня называем «Русская Америка».

Юрий Аскольдович, а вы сами себя кем считаете в первую очередь – историком или философом? – Вот вы сразу задали вопрос, на который я и самому себе затрудняюсь ответить. Образование у меня – классическая философия, окончил философский факультет Санкт-Петербургского университета, затем аспирантура и докторантура, там же и защищался, но в Америке преподавать ее мне не представилось возможным. Поэтому здесь я, наверное, больше известен как историк. Историк русского православия в Америке, историк Русской Америки. Практически я продолжаю дело, начатое Виктором Порфирьевичем Петровым, нашим знаменитым историком зарубежья. Кстати, в моей жизни случился интересный случай, который я считаю в определенном смысле для себя знаковым. Как-то раз я разыскивал на вашингтонском кладбище русские захоронения, у меня был список из 120 фамилий, там и философ Левицкий, и издатель Камкин, и многие другие. И вот когда я практически уже все могилы нашел, кроме одной, именно Виктора Порфирьевича, ко мне вдруг подходит молодой человек явно

славянской внешности и, обращаясь по-русски, спрашивает, не может ли он мне чем-нибудь помочь. Так что вы думаете? Он оказывается внуком Виктора Петрова! Он не только мне показал его могилу, но и впоследствии, когда мы уже подружились, передал и все архивы своего деда. Представляете, какая удача! Я ему, конечно, обещал хранить архив Петрова как отдельную единицу, что мы, безусловно, и осуществили. И потом, уже разбирая его бумаги, его бесценные тетради, его записки и исследования – и по истории Форта Росс, и по истории первых русских поселений на Аляске, – я только и благодарил судьбу, которая предоставила мне такой счастливый случай. Ну и конечно, это послужило отправной точкой в моей последующей концентрации на изучении и исследовании истории Русской Америки.

– **А большой был архив?**

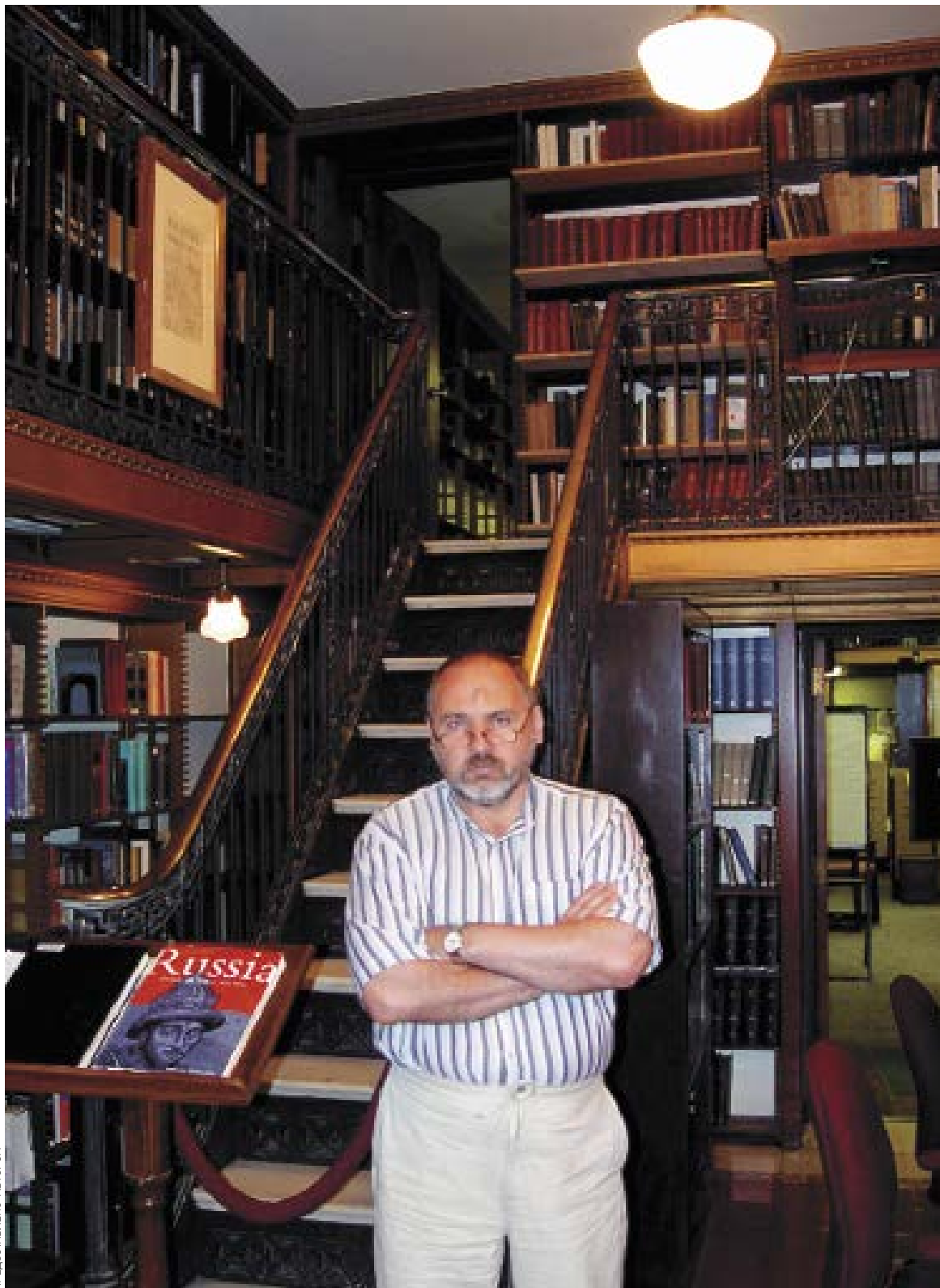
– Вывозил тремя микроавтобусами! Около двухсот коробок.

– **Если взять любую вашу книгу или исследование, то только диву даешься тому обилию материалов, которые там представлены. А если учитывать, что многие из них из вашего собственного архива, то возникает вопрос: где вы это все храните?**

– Ну, когда-то все начиналось, конечно же, с квартиры. Но потом, по мере роста архива, я использовал другие помещения, а сейчас все становится гораздо проще. Сейчас наша организация «Северный Крест» получает официальный статус «нонпрофитной» организации. Уже и американское правительство намерено нам выделить гранты на помещение, в котором мы и собираемся в первую очередь

разместить наш архив. Все это делается с дальним прицелом: превратить это однажды в большой музей, в который могли бы приезжать и работать историки и специалисты со всего мира.

– **Вы не только собираете документы, бесценные фотографии нашего так быстро уходящего прошлого, но и публикуете материалы. И в виде книг и монографий, и даже в виде наборов**



Ю.А. Сандулов
в Русском
отделе Нью-
Йоркской
публичной
библиотеки

Работа над рукописью книги «Записки белого офицера». Сидит сын автора – председатель Дворянского собрания США К.Э. Гиацинтов

открыток. Я имею в виду вашу замечательную серию «Награды и знаки белых армий и правительств»...

– Как и в любом большом деле здесь заслуга не только моя. Без помощи моих соратников – историков, писателей, ученых, исследователей – таких же энтузиастов, как и я, – это все было бы невозможно. Эти три комплекта открыток – «Награды белых армий и правительств» – появились вообще впервые в мировой филартии. Когда-то, в 60-е годы, издательство «Посев» пыталось это сделать, но у них тогда не хватило материала. Они издали, по-моему, всего четыре открытки, и все. И то, они были в виде рисунков. Мы же нашли все оригиналы. Что-то в Эрмитаже, что-то на Украине, что-то в американских музеях, ну и конечно, в основном это частные коллекции. Все было сфотографировано, задокументировано и издано. Я бы хотел подчеркнуть, что здесь велика заслуга моего помощника Александра Рудиченко,

исследователя-энтузиаста, специалиста по наградам, – он нам оказал неоценимую помощь. И вот этот пример заразил нас всех.

Когда мы поняли, что так быстро и скоро можно поделиться результатом своих исследований, то, конечно же, решили продолжить наше издательское дело. Скоро, например, будет годовщина, 90-летие «исхода», 90-летие белой эмиграции. Это, конечно, не праздник, скорее, трагедия... Национальная трагедия... И мне бы не хотелось, чтобы эта дата прошла незамеченной. Мы уже получили поддержку и благословение владыки Илариона на то, чтобы издать комплекты открыток по всем митрополитам РПЦЗ – здесь будут владыки Анастасий, Антоний, Филарет, Виталий, Лавр. А также по всем организациям, которые за все эти годы поддерживали в Америке русскую культуру.

– Юрий Аскольдович, а с чего все начиналось?

– Жизнь моя сложилась непросто... Сначала я был моряком, затем преподавал в университете, потом издавал книги. И вот издание книг, академических книг, для высшей школы России, особенно в 95–96-м годах, когда в России во всем была нехватка, и послужило, по-видимому, отправной точкой. Первой книгой, которую мы издали огромным тиражом, был «Обзор русской истории» Сергея Германовича Пушкарева. Тогда сложилась ситуация, когда старые учебники уже не подходили, новых еще не написали, и был такой провал. И вот тогда я, занимаясь эмигрантской литературой, предложил попробовать издать книгу эмигранта Пушкарева. Успех превзошел

все ожидания. Книга выходила тиражом по 25–30 тысяч экземпляров, и практически все российские университеты учили тогда историю по Пушкареву...

– Вы долгие годы занимаетесь историей Русской Америки. Какое у вас сложилось впечатление об американцах? Насколько они осведомлены о том огромном вкладе, который внесли русские в развитие американской культуры и науки?



**Известны ли им такие имена, как Сикорский, Тимашев, Зво-
рыкин, Ипатьев?**

– Да, конечно, имен этих сотни! Какую область американской науки ни возьми, обязательно натолкнешься на русскую фамилию. Знают ли это американцы? Смотря какие. Если вы имеете в виду простого обывателя – пусть никому не будет обидно, что я употребляю здесь это слово, – то, конечно, он далек от русской истории, русской культуры и от понимания ее вклада в развитие Америки. Но те ребята, на которых мы опираемся, – из Колумбийского университета, из Принстона, из Йельского университета – оттуда мы стараемся подтянуть наши ресурсы...

– ...Гуманитарная элита, так сказать...

– Да, безусловно... О, эта молодежь, особенно те, кто занимается русской историей или литературой, прекрасно во всем разбираются. Они очень глубоко знают и русскую культуру, и тот вклад, который она внесла и продолжает вносить в американскую жизнь. Ведь американское образование, как вы знаете, очень углубленное. Может, не такое «широкое», как у нас, зато, если человек на чем-то специализируется, то уж знает свой предмет досконально!

– Расскажите поподробнее о вашей организации «Северный Крест». Цели, задачи и почему такое название? Очень красивое, надо заметить...

– Я уже говорил, что первые годы моей сознательной жизни я был моряком. И как все моряки, я знал морскую навигацию, навигацию по звездам... Так вот, многие слышали о существовании созвездия Южный Крест в Южном полушарии, но немногие знают, что и в Северном полушарии есть свой Крест. Находится он в созвездии Лебедя. И именно его древние русские мореходы использовали как путеводный знак для возвращения к родным берегам, возвращения на Родину. И задачей нашего фонда также является возвращение, возвращение нашего русского наследия на Родину.

– Возвращение вы имеете в виду в прямом или в переносном смысле?

– По-разному... Бывает, мы что-то передаем или дарим российским музеям. Вот, например, совсем недавно я передал в Центральный музей Вооруженных сил России карты белых армий. Как вы понимаете, наступательных карт красных у них в избытке, а вот наступательные карты из штабов белых армий все еще редкость... Сказать, что они были рады, – это ничего не сказать. Или, например, сейчас мы занимаемся передачей в Морской музей, в Санкт-Петербург, модели крейсера «Варяг», сделанной филадель-



ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

фийскими мастерами. Петербург – мой родной город, я хотел, чтобы это хранилось там...

Но вообще-то мы мечтаем, что со временем превратится в небольшой исследовательский институт, с четырьмя-пятью рабочими местами для ученых. Которые смогли бы сюда приезжать и заниматься...

– Исследованием Русской Америки?

– Да, конечно! Именно в этой сфере нашей национальной истории мы планируем занять лидирующее место. С нашей библиотекой, которая уже насчитывает 40 тысяч томов, с нашим архивом, который практически еженедельно пополняется, я думаю, у нас есть все шансы рассчитывать на успех. 📖

**Виктор
Порфирьевич
Петров,
выдающийся
историк
и исследова-
тель Русской
Америки**

**БЕСЕДОВАЛ ДМИТРИЙ ПОЛЕТАЕВ
[НЬЮ-ЙОРК]**

БУНИН 3D

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

Одного учителя, который рассказывал своим старшеклассникам о Бунине, ученица спросила: «Скажите, а был ли у него хоть какой-нибудь позитив?» И в самом деле: кажется, Бунин – певец умирания и упадка, трагической любви и неизбежной смерти, Бунин кипит ядом и отчаянием, какой же у него позитив?

У него и жизнь вся – отчаянная и печальная, кажется, одни потери и горечь. Родился в разорившейся дворянской семье – дворянин без усадьбы. Гимназию окончить не смог: у семьи не было денег.

Учился под руководством старшего брата, с которым и прошел гимназический и даже университетский курс. Зарабатывал газетным трудом, часто сидел голодным. Всю жизнь был практически бездомным – переезжал с одной съемной квартиры на другую, умер на чужбине, в запущенной неуютной квартире, растратив и раздав нуждающимся и нахлебникам Нобелевскую премию.

Он терял возлюбленных: сбежала от него первая и главная любовь, Варюшенька Пашенко, разочаровала Анна Цакни, нелепо и странно бросила его ради женщины поздняя, последняя любовь, Галина Кузнецова. Осталась с ним до конца только Вера Николаевна, гений служения, понимания и терпения – единственная, кто, кажется, и мог выжить в его отчаянной и злой тени. Но и Веры Николаевны ему было мало – недаром на вопрос, любит ли он жену, Бунин ответил раздраженным и удивленным: как можно любить или не любить свою руку или ногу?



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Он потерял единственного сына, умершего в пятилетнем возрасте от скарлатины. Потерял родину, при жизни – почти потерял читателя: даже на гребне популярности, даже в зените славы он не удостоивался такой всенародной любви, как его счастливые соперники.

Он считал себя прежде всего поэтом, а стихи его любят и ценят немногие, и то все больше литераторы и составители хрестоматий для чтения в начальной школе: азы любви к родной природе; интересно, что бы он сам сказал, узнай об этом.

Он пытался строить жизнь, как русский барин. На вилле в Грассе, где он прожил с женой 16 лет («вилла» – слово

громкое; скромный съемный двухэтажный дом), постепенно скопились возле него, как в хорошей дворянской усадьбе, загостившиеся гости, приживалки и нахлебники... но и это была только тень усадьбы и тень той жизни, для которой он был предназначен и которой был так фатально лишен.

Кажется, все эти Пушкинские премии и звание почетного академика по разряду изящной словесности, которым он так очевидно гордился, и даже Нобелевская премия, первая в истории премия, присужденная русскому литератору, – даже эти весомые, осязаемые знаки признания не перебили для него полынной горечи жизни, не возместили утрат. Так самый красивый букет цветов, выигрыш в лотерею или орден за заслуги не утешают, не спасают, не радуют смертельно больного. А Бунин, кажется, был если не болен, то навсегда и смертельно ранен.

Был ли у него хоть какой-нибудь позитив? – спрашивают юные барышни, рожденные, как будто специально, чтобы радоваться, – и в самом деле, может ли им что-то дать вечно ядовитый Бунин со своими сюжетами, где все хорошее обречено на умирание, распад, увядание, где усадьбы гибнут, люди тупеют и тусклеют, любовь кончается трагедией, а жизнь, как ей неизбежно положено, – смертью? Про него даже в учебнике читать тошно: смерть да смерть кругом.

Достаточно, однако, вчитаться в самого Бунина, а не в краткие его пересказы для торопящихся сдать экзамен – их как раз легче легкого свести к сакраментальному «в общем, все умерли», – и сразу понимаешь, что смерть, вечно стоящая за плечом автора и его героев, вовсе не главное действующее лицо в этой прозе. Это резкая, черная, дышащая могильным ужасом тень – но только тень. Она лишь оттеняет узор жизни, делая ярче краски и сильнее запахи, заставляя с необыкновенной остротой чувствовать ее летучую, горячую прелесть, ее короткое и брэнное счастье. Чем ярче светит солнце, тем глубже и резче тени. Один из

лучших бунинских рассказов, наверное, коротенькая «Часовня», полтора десятка строчек: летний день, в поле стоит часовня, в ней лежит какой-то дядя, застрелившийся давным-давно от несчастной любви, вокруг играют дети: «В синем море неба островами стоят кое-где белые прекрасные облака, теплый ветер с поля несет сладкий запах цветущей ржи. И чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна»...

Бунин ведь южанин, воронежец, из плеяды жизнелюбивых и мощных талантов, которых дал русской литературе ее юг: Тургенев был орловец, Толстой туляк... Смерть для каждого из них важная тема, но не ключевая, как для русского декаданта; смерть – итог жизни; смерть – переход в вечность; смерть – изнанка жизни, но не центр размышлений. Смерть не чарует, не тянет к себе, даже не пугает мучениями и inferнальным ужасом; она – тень, и у нее здесь свое место.

**И.А. Бунин
и В.В. Пашенко.
1892 год**



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

А.Н. Цакни. Одесса, 1898 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**Сын И.А. Бунина Николай,
родившийся от брака
с А.Н. Цакни. Одесса,
5 марта 1902 года**



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.А. Бунин.
Фотография
Б.Б. Пейроша.
Орел, 1889 год



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВО ВРЕМЕНА ВЕЛИКИХ ПЕРЕМЕН

Русский гений – сложное сочетание истории, биографии и текста; увы, лучшие тексты иной раз оттачиваются такими историческими завихрениями, такими зигзагами биографии, что никакой гениальности себе не пожелаешь такой ценой – гори она синим пламенем, эта Нобелевка, прожить бы жизнь мирно и подальше от края бездны. Беда в том, что великая литература делается у края бездны: блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые. Или, как гласит старинное китайское проклятие, «чтоб тебе жить во времена великих перемен».

Безжалостная коса судьбы, занесенная над естественным и привычным ходом жизни, всегда присутствует в бунинской прозе. Вершина ее, «Темные аллеи» – удивительный гимн обреченной любви, хрупкому счастью, утраченной родине, невозвратной молодости, гимн человеческому величию и человеческой трагедии: сборник, задуманный и начатый накануне Второй мировой, увидел свет в 1943 году, в самые темные времена человечности, когда и само понятие человеческого размылось дальше некуда.

Интересно, что с годами проза Бунина укорачивается, тексты сжимаются: начав с классической русской повести, к концу жизни Бунин пришел к короткому, иногда до нескольких абзацев, рассказу, будто поставив перед собой задачу скрутить пружину, уложить главное в 10–20 строк: таковы «Пожар», «Дубки», «Красавица», «Холодная осень». Даже прилагательные в них скручены, как вольфрамовая



ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

**Галина
Николаевна
Кузнецова.
В.Н. Бунина
надписала:
«У Гали 10 дек.
1931 г.»**

Времена великих перемен – главное условие, породившее прозу Бунина; кто знает, может быть, без страшных сдвигов исторических пластов он навсегда остался бы певцом

старинного уклада, меланхоличным усадебным мастером, которого Куприн метко и несправедливо спародировал одной фразой: «Сижу я у окна, жую мочалу, и в моих козьих глазах светится дворянская грусть».

Неправда тут даже не козьи глаза – хотя Бунин в самом деле любил всякие «козьи» и «волчьи» эпитеты, – неправда в мочале. Мочалу в своих текстах Бунин сроду не жевал; конечно, неторопливая обстоятельность его прозы, его медленное, сосредоточенное любование динамичному и авантюрному Куприну не могли не показаться мочалой. Но в бунинской прозе, на первый взгляд статичной, скрыта мощная внутренняя динамика, скрученная стилистическая пружина.

спираль в лампочке, нагружены смыслами: таковы его любимые «сухой» и «сложный» – «сухой полдень», «сухая фигура», «сложный запах дегтя»... Бунинская проза – очень взрослая; это не детское, радостное и нерасчлененное восприятие жизни всем куском, картиной, не буйство красок, а ювелирная работа тончайшей кисточкой: всякая деталь прописана, каждое облачко оттенено – и все вместе звучит, переливается, пахнет, волнуется под ветром, создавая поразительный эффект присутствия: трехмерное пространство текста, Бунин 3D.

Сложность во всем: в характерах, в запутанности чувств и отношений, которые чреват трагедией и разрешаются ею. Неимоверно сложна бунинская деревня, сложны населяющие ее люди, сложны их чувства. Отношения Бунина с народом – тоже сложные, особые: это не отцовское, родительское попечение, как у Толстого, не барская дистанция, как у Тургенева, но и не чеховское стирание сословных различий, ибо все люди. Это ревнивый, жаркий, мучительный роман – с взлетами восхищения и безднами отвращения; недаром постоянная тема его прозы – роман барина с крестьянкой: когда – отвратительный и гибельный для него, когда – мучительный и унижительный для нее; не комедийная пушкинская «Барышня-крестьянка» с притворным синим сарафаном – а все всерьез, на горе обоим.



ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

**Вера
Николаевна
и Иван
Алексеевич
Бунины.
Грасс**



**И.А. Бунин.
Грасс,
10 ноября
1933 года**

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бунин, пожалуй, только наметил эту тему, подвел итог под XIX веком; в XX ее продолжили другие – в первую очередь бунинский же ученик Катаев, который пошел дальше: в его «Траве забвения», где царит живой, язвительный, восхитительный, сжигаемый тайным огнем отчаяния Бунин, есть и другой персонаж, девушка из совпартшколы, из народа, которая влюбляется, но приносит свою любовь в жертву революции и сдает возлюбленного чекистам. В «Уже написан Вертер» – другой разворот того же сюжета: никакой любви, чистое предательство; к старости Катаев, кажется, в революцию и народ верил не больше Бунина.

А разрешается сюжет у Лавренина, в «Сорок первом», собственноручным убийством «синеглазенького», любимого; поворот для Бунина – при всех его роковых страстях – все же немислимый.

Может быть, в этом и был смысл бунинского изгнания: революция опрокинула целый культурный материк – с недодуманными мыслями, недоспоренными спорами, неоконченными диалогами, – отменила их как не важные и пошла по новому пути, думать новые мысли и вести новые споры об ином. Но кто-то должен был их додумать до конца, дописать до точки, подвести под ними черту; кто-то должен был извлечь из бездны и оставить миру свидетельство отмененной жизни – сложной, умной, страстной, прекрасной, – жизни в присутствии смерти, на краю бездны, – поэтому особенно хрупкой и драгоценной. 📖

ЛАГЕРЬ №27

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА, ФОТО АЛЕКСЕЯ МОРОЗОВА

Здесь, в 20 километрах от Москвы, фельдмаршал Фридрих Паулюс писал акварелью мирные русские пейзажи... Здесь же скучал последний император Китая, Пу И, на гардероб для которого НКВД выделил из своих фондов 16 тысяч иен... А генерал-лейтенанту Винценту Мюллеру, наверное, все не давала покоя одна и та же картина: он возглавляет колонну изможденных пленных немецких солдат, уныло бредущих через советскую столицу под колючими взглядами москвичей...



Здесь томились внучатый племянник «железного канцлера» Отто фон Бисмарка – Генрих Айзидель, сын промышленного и финансового магната Германии Густава Круппа – Гарольд фон Болен унд Гальбах, родственники фон Клейна и фон Паппена, венгерский генерал Ласло Деже, до войны работавший военным атташе посольства Венгрии в Москве, военный атташе Германии в Японии Родольф Петерсдорф, лично знавший Рихарда Зорге... Сюда же попали все 24 германских генерала, плененных под Сталинградом, а также почти все приближенные Гитлера: и

его личный адъютант, майор СС Гюнше, и старший камердинер Линге, и шеф-пилот, генерал-лейтенант Бауэр... Все они были заключенными лагеря №27, созданного в марте 1942 года в подмосковном Красногорске. Через это учреждение, называвшееся НКВД УПВИ СССР № 27, прошло 50 тысяч арестантов – чуть больше 1% всех пленных в Советском Союзе. Лагерь был пересылочным, рядом находились Волоколамское шоссе, Калининская железная дорога, Тушинский и Ходынский аэродромы. «Контингент» был исключительным: 530 генералов, тысячи офицеров, дети видных политиков и ученых, научная и творческая интеллигенция, дипломаты. Статус лагеря был настолько высоким, что его начальник назначался и смещался лично наркомом внутренних дел. Да и условия жизни высокопоставленных пленных заметно отличались от содержания в других, «про-

стых», лагерях. Иногда заключенные здесь жили значительно лучше, чем вольные советские граждане в военной и послевоенной разрухе. «Однажды генерал Иван Серов приехал в красногорский лагерь, – вспоминает бывший сотрудник лагеря Юрий Фрязиновский, – посмотрел на наши фонтаны, цветники и сказал: «Я на Урал посылаю иностранные делегации, а у вас здесь курорт».

Сегодня на месте бывшего лагеря для высокопоставленных военнопленных находится Музей антифашистов, основанный 25 лет назад.

«СОГРЕЕТ ЛИ ТЕБЯ ЭТО?»

Это единственный музей в России, посвященный плену. Здесь на двух этажах уместилась лишь маленькая часть обширных фондов – в основном фотографии, карты, плакаты,

личные вещи, дневники. «Основная наша миссия сегодня, когда фашизм понимает голову, показать наглядно, что он несет и как с ним боролись в 40-е годы. Забывать об этом нельзя ни в коем случае», – говорит директор музея Ирина Кузьмичева. Возможно, на первый взгляд слова эти звучат несколько высокопарно, но это ощущение быстро пропадает после знакомства с экспозицией музея.

Сейчас в Европе работают несколько передвижных выставок красногорского музея, самая ценная из которых – «Антифашистская графика времен Великой Отечественной войны», демонстрируемая в Словакии.





Там выставлены художественные работы, которые переворачивали сознание немецких солдат. Например, мало кто знает, что для доказательств того, что жители СССР – не люди, немецкая пропаганда использовала фотографии, сделанные в немецких концлагерях. В плену нашим солдатам неделями не давали еды и воды, а затем выпускали на улицу, где у грязных луж валялась гниющая туша коровы. Полуживые люди набрасывались на воду и мясо, эту сцену фотографировали, а

фотографии затем подавались как «бытовые жанровые сценки из мирной жизни СССР». Для многих немецких молодых солдат столкновение с нашей реальностью стало потрясением: чистые избы с красными углами, сельчане, делящиеся с пленными последним куском хлеба из сострадания...

Советская графика тоже давила на «болевые точки» немецких солдат. Причем порой эффект был таким сильным, что, например, Геббельс лично внес имя художника Александра Житомирского в список «Найти и повесить!». Житомирский выпускал журнал «Фронтальная иллюстрация», создавал яркие психологические черно-белые фотоколлажи, которые миллионными тиражами разбрасывались с самолетов над местами дислокации войск противника. Эти работы собраны и опубликованы работниками Музея антифашистов. Вот на одном из таких коллажей рука скелета сжимает Железный Крест над погибшими немецкими солдатами. Плакат пересекает надпись: «Согреет ли тебя это?». А вот другой плакат: фотокамера запечатлела взрыв, падающего немецкого солдата. Внизу крупным шрифтом слова: «За что?». Другая выставка графики и документов под названием «Чтобы выжить», прошедшая в Российском доме науки и культуры, вызвала широкий резонанс в Берлине. «Мы уже подписали договор на следующую выставку в Германии – «Идеологическая борьба на российско-германском фронте», – рассказывает Ирина Кузьмичева. – Она сейчас переводится на немецкий, будем экспонировать в мае все в том же Русском доме».

Музей занимается поисковыми работами, перепиской с родственниками военно-

пленных, издает книги, организует российско-немецкие круглые столы старшеклассников и ежегодно проводит Дни великого примирения, на которые приглашаются ветераны войны обеих сторон. «На наших экспонатах из архивов защищено много диссертаций в Германии, – говорит Ирина Кузьмичева, – так что мы еще работаем и как своеобразный институт, подбирающий материалы».

РАСПОРЯДОК ДНЯ ЛАГЕРЯ №27

- 7.00** – подъем, уборка помещений
- 8.30–9.30** – завтрак
- 9.30–16.30** – работа на территории пункта
- 16.30–18.00** – обед
- 18.30–21.00** – культмассовая работа
- 21.00–22.00** – ужин, вечерняя поверка
- 23.00** – отбой

«Я ХОЧУ БЫТЬ МОСТОМ!»

Красногорский лагерь начинался с трех жилых барakov. А к концу войны здесь содержались уже 12 тысяч военнопленных, в распоряжении которых находились баня, лазарет, мастерские, техническое бюро, кухня, склад, сапожная мастерская, клуб, три овощехранилища, конный парк. Общие затраты на строительство и ремонт лагеря к 1 января 1950 года превысили миллион рублей. Большое хозяйство обслуживало 200 человек лучшего персонала. Например, светило советской медицины, хирург-травматолог Йозеф Роббинс. «Был врачом в зоне еще Петр Иванович Харитонов, 1903 года рождения, – рассказывает Юрий Фрязиновский. – Он был в финском плену. Дослужился до заместителя начальника полка по политчасти. Примечательная фигура. Его отец был поваром у самого Николая II. Культурный, порядочный человек, интеллигент до мозга костей. В плену организовал восстановление, побег, затем служил, но демобилизовался и уехал в Ленинград». Некоторое время лагерем руководил человек-легенда – адмирал Михаил Кудрявцев, начальник контрразведки Черноморского флота. «Сталин велел его расстрелять, но друзья по разведке спрятали, сняв все регалии, – говорит бывший сотрудник лагеря Юрий Эльперин. – Потом Кудрявцев работал в лагере, позже ему даже присвоили звание полковника». Текуч-

ка кадров была большой: НКВД у многих находил политические недочеты в работе. Пленные портные обшивали чиновников МВД, МИД, редакторов газеты «Правда», артистов московских театров. Известно, что в «элитном» ателье лагеря №27 заказывал костюм писатель Борис Полевой. В те годы было принято регулярно слать подарки в Кремль. В этом деле учреждение №27 всегда было оригинальнее других лагерей. Чего стоил, например, столик тонкой работы с инкрустацией по дереву и надписью: «От немецких антифашистов лучшему другу немецкого народа». Но самым грандиозным даром генералиссимусу стало творение японских пленных из Красногорска. Они написали письмо Сталину на шелковом полотне длиной 26 м весом в полторы тонны, вышив 14 тысяч иероглифов! К письму прилагались деревянный постамент с резным изображением скульптурной группы знаменосцев, несколько художественных альбомов в специально выполненных шкатулках с 56434-мя подписями пленных, портрет товарища Сталина, исполненный резьбой по дереву, три картины, японская этажерка для книг... История умалчивает, помогли ли эти дары





В период с 1941 по 1945 год советскими войсками на западном театре военных действий было пленено 3 миллиона 486 тысяч человек армии противника.

На Дальнем Востоке было взято в плен 639 776 военнослужащих японской армии.

Общее число военнопленных на территории СССР составило 4 миллиона 126 тысяч человек более 60 национальностей.

японцам досрочно освободиться из плена и вернуться на родину.

Мастерили, вытачивали, рисовали красногорские пленные чуть ли не поголовно. Вместо холста использовали картон и вафельные полотенца. Особой популярностью пользовалась картина Ивана Шишкина «Утро в сосновом лесу», видимо, потому, что именно репродукция этого полотна висела в кабинете Лаврентия Берии. Лагерные «Шишкины» воспроизводили картину по памяти, поэтому количество медведей на копиях варьировалось от трех до шести. Священник Йозеф Кайзер на куске березы вырезал слова: «Я хочу быть мостом!». С помощью осколков стекла вырезали из дерева шкатулки, украшали резьбой выловленные в супе кости, даже крышка кинокамеры не избежала подобной участи. Пленный австрийский врач Конрад Лоренц именно в красногорском лагере завершил написание своего научного труда по этиологии – тогда еще не признанной области науки. В 1973 году за эту работу ему была присуждена Нобелевская премия.

А вот румынскому инженеру-танкостроителю Балабану не повезло. Он долго и безуспешно предлагал советским влас-

тям реализовать его идеи протезов. «Я хочу помочь вашим раненым солдатам, говорил он мне, – вспоминает Евгений Ермаков, бывший сотрудник лагеря. – Ваши власти мне предлагают работать на вооружение. Я не хочу». Я доставал ему краски и бумагу, он сделал много невиданных тогда моделей: кисть руки двигалась, на пальцах были окошечки – чтобы чувствовать. Эту руку возили в Москву, но дело не пошло». В августе 1943 года в лагере появилось бюро изобретательства и технических новинок, которое выполняло проектные работы по заданию различных министерств. В 1944 году создали часовую и художественную мастерские, работала мастерская по выпуску репродукторов для радио, больше 100 человек трудились в автомастерской, ремонтируя, в основном, трофейные машины. Дело дошло до того, что пленным героям труда стали вручать почетные грамоты, а пере-

довым бригадам военнопленных – переходящие красные знамена. Но эта практика была запрещена специальной директивой МВД СССР в мае 1946 года.

В красногорском лагере не голодали даже обычные заключенные, получая минимум 600 граммов хлеба на человека в день. Еду готовили три раза в сутки, обед состоял из двух блюд, с 40 г мяса или 30 г рыбы, утром и вечером выдавались чай и



кофе с сахаром, сгущенкой, маслом. Пленным раздавали витамин С и дикорастущую съедобную зелень, которой каждый год собиралось от 20 до 25 тонн. «Что и говорить, – продолжает вспоминать Юрий Фразиновский, – питание в лагере было приличное. Наши не получали того, что получали немцы». А с августа 1942 года было введено денежное довольствие военнопленных и интернированных, от 7 до 100 рублей в месяц. Правда, циркуляр начал действовать только после 1947 года, когда улучшилась экономическая ситуация в стране.

Но плен оставался пленом. Многие немецкие военнопленные, разумеется, враждебно относились к Советскому Союзу, создавались заговоры и тайные фашистские общества, бывали случаи саботажа и вредительства, не редки были попытки побегов и самоубийств. За первые семь лет работы умерло 770 человек, из которых 730 погибло в первый год работы лагеря. Правда, большая часть из них прибыла в лагерь уже больными, в состоянии крайнего истощения.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРБОВКА

В 1943 году в Красногорск из Горьковской области перевели Центральную школу антифашистов, призванная превратить бывших фашистов в коммунистов – такая идеологическая «перевербовка». Ее отделили колючей проволокой от основной территории лагеря, учащихся поселили в трехэтажных коттеджах. Занятия не были принудительными, но за них давалась большая порция хлеба и каши. Те, кто посещал школу из меркантильных интересов, назывались «кашистами». «Среди этой категории были и убежденные сторонники фашистского режима, обладающие высоким общественным положением, –



вспоминает преподаватель школы Николай Терещенко. – Они проникали сюда, чтобы парализовать идеологическое воздействие служащих». Здесь ежедневно читались лекции по русской классической литературе, истории СССР, основам политэкономики, вопросам диалектического материализма, социалистическому

строю. А после окончания войны пленных вывозили на экскурсии в Москву, – в Третьяковскую галерею и по другим музеям. Вот отрывки из впечатлений пленного Отто Метенфинка, посетившего празднование 800-летия столицы: «Как зачарованные, мы смотрим на симфонию огня и красок на министерствах, театрах, музеях, зрелище превосходит все увиденное ранее. Всюду в нас узнают немцев, но мы не слышим ни одного злобного слова. Мы – бывшие военнослужащие нацистской армии, на которых лежит доля вины за разрушения русских городов, сегодня от всего сердца вместе



с русским народом празднуем его праздник. Этот день для нас незабываем».

Политрабату в школе проводили контрразведка, ГлавПУ и РККА. Издавались листовки, газеты, записывались аудиобращения для немецких солдат, организовывались антифашистские конференции пленных, сюда неоднократно приезжал сын немецкого политэмигранта Вильгельма Пика, здесь была создана первая антифашистская организация из немецких военнопленных и интернированных – национальный комитет «Свободная Германия». «Газета «Свободная Германия» была для военнопленных единственным источником информации на немецком языке, – пишет в воспоминаниях Йозеф Хендрикс, заключенный лагеря. – Она отлично подходила для скрутки сигарет с махоркой и среди курильщиков пользовалась большим спросом. Несмотря на решение стать слушателем школы, я противостоял антифашистским агитаторам. Это, конечно, не нравилось лагерным пропагандистам. Я был колеблющимся, и меня сочли слишком легкомысленным».

Активисты школы участвовали в антифашистской пропаганде. Особенно действенными были письма бывшим сослуживцам и на родину. «По прибытии домой японские военнопленные начинали пропагандировать идеи социализма, – говорил Владимир Галицкий, профессор Академии военных наук, – за что местные власти многих из них арестовали. Все это послужило поводом к тому, чтобы Генеральный секретарь КПЯ Токуда в марте 1947 года обратился с просьбой к ЦК ВКП(б) изменить направленность политической обработки и внушать военнопленным, что революция в Японии – дело длительное, необходима спокойная разъяснительная работа в течение многих лет».

РАВЕНСТВО ПРЕСТУПНИКОВ И ЖЕРТВ

В 1949 году началась массовая репатриация военнопленных и интернированных из СССР. Бывшим узникам возвращались личные вещи, часы, деньги, драгоценности. С этого времени лагерь стал важнейшим пунктом подготовки судебных процессов против военных преступников. В 1950 году красногорское учреждение опустело, 10 тысяч человек были осуждены и отправлены по этапам в спецлагеря и тюрьмы. Война давно закончилась, надежда на свободу у пленных таяла. Душевное напряжение тех, кто ожидал суда, достигло апогея. «После работы мы не шли спать, а сидели у окон барака и ожидали посыльных, – продолжает Йозеф Хендрикс. – Можно представить себе наше состояние, когда посыльный приближался к нашему барaku, приглашал проследовать за ним одного из соседей по кровати. И постоянно думаешь: когда они заберут тебя? В чем они могут тебя обвинить? Убил ты курицу, которая является социалистической собственностью? От пяти до десяти лет. Был ли ты в союзе с Гитлерюгенд? 25 лет заключения. Ты как комендант заставлял рубить деревья для строительства бункера? Вы не лжете? Я пытаюсь молиться, затем читаю газету. В ней статья: «Дружба с СССР – задача сегодняшнего дня». Это как удар в лицо».

Последние фразы лагерного отчета звучат так: «Все материальные ценности, за исключением вещимущества, были переданы командиру 76-й Ашанской Хинганской краснознаменной дивизии конвойных войск МВД. Офицерский состав был откомандирован в отдел кадров ГУПВИ МВД СССР, ликвидация лагеря закончена 5 января 1951 года, все материальные ценности переданы полностью, довольствующие органы к лагерю претензий не предъявляют». 🇷🇺

КРЕСТОМ И МОТОЦИКЛОМ



Отказаться от мотоциклов Дмитрий Меньшиков не может. Поэтому в свободное от церковных служб время частенько берет грех на душу и гоняет по уральским трассам

ВЛАДИСЛАВ ЛОНИЩАКОВ / КОММЕРСАНТ

ЕВГЕНИЙ ЩЕПИН

К храму Архангела Михаила на огромной скорости подлетает скрипучая «газель».

На боковом стекле стикер – «За рулем байкер». На самом деле за рулем не только байкер, но и священник. Байкерский клуб для подростков организовал 42-летний священник Дмитрий Меньшиков.

Из кабины выходит отец Димитрий в кроссовках, широких штанах и черной толстовке и направляется в отнюдь не намоленное место – церковную бухгалтерию. Здесь у отца Димитрия рабочее место и одновременно место для уединения.

– Я вчера грех на душу взял, – взволнованно рассказывает он. – Оседлал «хонду», разогнался по трассе до 200 км/ч – и скорее в храм, просить у Бога прощения за то, что искусил Его. Не могу с собой ничего

поделать, люблю мотоциклы. Отказаться от них выше моих сил.

Любовь к мототехнике у батюшки с детства. Всегда возился с трещащими и дымящими драндулетами, возвращая их к жизни. В маленькой Кушве Свердловской области священника-байкера знает каждый, и никто из местных не относится к нему равнодушно. Одни его уважают. Другие ненавидят и ругают за мотоциклы и «бесовские увлечения». Некоторые прихожане даже владыке Викентию жалобы писали, просили заменить священника. Дескать, как может крестить человек, у которого ветер в голове?

МОТОКОЛХОЗ ОТЦА ДИМИТРИЯ

Оказывается, может. И никакого ветра в голове у батюшки нет. Каждую неделю по пятницам отец Димитрий в небольшой комнатке при храме проповедует жителям Кушвы необходимость принять православную веру и креститься. На проповеди ходит человек 8–10, но аншлагов священник и не ждет.

В годы юности и максимализма тагильский неформал Дима Меньшиков со своим другом Вадимом пришел в храм Нижнего Тагила, чтобы «наехать на попа». Отец Геннадий выслушал двух юнцов, доказывающих, что Бога нет, а вот Борис Гребенщиков – есть, вступил с ними в дискуссию и предложил pokреститься.

А потом Меньшиков стал священником... Во время очередной пятничной проповеди за окном раздается пронзительный стрекот мотоцикла. Священник прерывает речь и улыбается. Уже три года на территории храма существует байк-клуб «Северный цвет», в простонародье называемый «мотоколхоз отца Димитрия». Организовать клуб священника побудили две вещи: собственная страсть к мотоциклам и тяжкие думы о кушвинской молодежи.

Кушва – типичный провинциальный город, в меру депрессивный и не в меру спивающийся. Из развлечений у молодежи – местная дискотека и пивной ларек. Отец Димитрий прекрасно понимал, что одними проповедями ситуацию не исправить. И начал действовать. Расчистил от хлама гаражи при храме, нашел пару инициативных ребят – и байкерский клуб затарахтел.

Свой статус мотоколхоз оправдывает полностью. В гараже стоят старенькие «Ижи», «Юпитеры» и «Уралы» 60–70-х годов. Но для местных мальчишек эта рухлядь – самая настоящая роскошь. К технике они относятся уважительно и при входе в гараж как по команде снимают обувь.

– Раньше район около храма считался самым опасным, – говорит председатель мотоколхоза Макс Гуров по прозвищу Безумный. – Здесь ночью люди в одиночку ходить боялись. То телефон отожмут, то изобьют, то еще чего. Мы тут быстро порядок навели. Теперь местные бабушки чуть ли не молятся на нас – жить стало спокойнее.

Жители Кушвы к священнику-байкеру относятся неоднозначно. Им сложно понять, как можно одновременно верить в Бога и столь фанатично любить двухколесную технику



ВЛАДИСЛАВ ЛОНИШКОВ / КОМЕРСАНТ



ВЛАДИСЛАВ ЛОШАКОВ / КОММЕРСАНТ

«Босс», как называют ребята священника, заходит к ним нечасто. А уж если зайдет, разговоры могут длиться часами

КАСТИНГ ДЛЯ БАЙКЕРОВ

Макс Безумный недаром стал председателем мотоколлаха. Отец Димитрий сразу разглядел в нем лидерские замашки. Собственно, он и проводил «кастинг» желающих попасть в клуб. Тех, кто шел ради пьянок и гулянок, он быстро ставил на место, и они либо уходили сами, либо соглашались: сначала мотоциклы, потом – все остальное. Авторитет байкеров в Кушве стал расти как на дрожжах. Отец Димитрий экспериментом доволен. Правда, прихожане храма вымазанных в масле парней побаиваются. Называют их «мракобесами» и на всякий случай обходят стороной. Поэтому священник строго-настрого запретил

байкерам заводить мотоциклы во время субботней службы и уж тем более ездить по территории храма. Парни условия договора беспрекословно выполняют, поэтому собираются вечером, ближе к ночи, когда храм закрыт. Для них слово «босса», так ребята называют священника, самый строгий в мире закон.

– Верить в Бога я парней не заставляю, – говорит отец Димитрий шепотом, чтобы ребята в гараже не слышали. – Это будет несправедливо, да и вера – слишком интимная вещь. К ней прийти надо. А как

прийти? Мы не так давно проводили пару благотворительных акций для детского дома Кушвы. Там одна девочка-инвалид впервые за 15 лет своей жизни благодаря нам увидела небо. Мальчишки вынесли ее на улицу. Представляешь, 15 лет лежать в кровати и видеть перед собой только окно и табличку «Слава КПСС», которой забита в стене дырка. И ведь она действительно думала, что это весь мир. Парней

это очень загрузило. Ходили потом несколько дней серьезные, молчаливые. Чтобы выезжать на байкерские слеты, ребята сложились и купили старенький грузовой «мерседес» за 50 тысяч рублей. Фургон получил доброе прозвище «Мороженка» и ребятами лелеется не меньше, чем мотоциклы. В кузове можно везти четыре стальных коня, а ночью спать на них. Байкеры говорят – удобно, как на кровати.

ЛЮБОВЬ И МАКАРОНЫ

Около 10 вечера к храму подъезжает тюнингованный «Урал». Макс бросает все дела и горячо приветствует приятеля из Нижнего Тагила.

– Какими судьбами на наши скромные земли? – театрально спрашивает он.

– Пока ехал, тросик сцепления порвался, надо заменить, – строго отвечает тагильский байкер.

К двум часам ночи мотоцикл перебран, начиная со сцепления и заканчивая колесами. Парни устало переводят дух.

– Поесть бы чего, – робко предлагает тагильский байкер.

– Не проблема. – Макс хватается за телефон. – Зая, привет, ты спишь? Давай просыпайся и приготовь нам что-нибудь поесть. Только с мясом. Как приготовишь – позвони, я заеду, заберу еду и тебя.

Поясняет:

– Сейчас приготовит макароны с тушенкой, поедим. А чему ты удивляешься? Она же меня любит.

На эти ночные «посиделки» мотоциклистов отец Димитрий не заходит. Зато днем он любит пройтись около мотоциклов и похлопать по сиденью старенький «Юпитер».

Семья отца Димитрия с мотоциклетными чудачествами хозяина смирилась. Матушка Татьяна ведет похоронный бизнес на кладбище при церкви: на одних пожертвованиях далеко не уедешь. А вот 7-летний сын, которого за недетское любопытство отец называет «клещиком», уже пересел с велосипеда на мотоцикл и наворачивает на нем круги на футбольном поле.



ВЛАДИСЛАВ ЛОНИЩАКОВ / КОММЕРСАНТ

– И пусть ездит, полезно, – рассуждает священник. – Я как перестал регулярно на мотоцикле ездить, так сразу полнеть начал. Хотя и в седле сидишь, а все физическая нагрузка. Кстати, среди служителей алтаря шутка есть, что все они полные, потому что бедные. У них нет денег в фитнес-центры ходить. Я вот думаю, мото клуб создали, теперь надо на территории храма еще фитнес-клуб открыть. Пусть народ занимается фитнесом и худеет. И священники пусть приезжают.

Пока я соображаю, шутка все это или очередной повод для экспериментов, отец Димитрий машет мне рукой, и его мотоцикл, ревя двигателем, уносится в пыльную даль. 🏍️

Священник Дмитрий Меньшиков с байкерами договорился: пока в церкви идет служба, мотоциклы стоят заглушенными

РУССКАЯ ФИНЛЯНДИЯ

ЛЮБОВЬ РУМЯНЦЕВА [САНКТ-ПЕТЕРБУРГ],
ФОТО МАКСИМА СЛАВЕЦКОГО

О «русской Финляндии» я впервые услышала от своей прабабушки. Она рассказывала, как в начале Первой мировой войны, в августе 1914 года, тысячи отдыхающих на берегу Финского залива дачников в спешке возвращались в Петербург: кто-то пустил слух, что в залив войдут немецкие подводные лодки и будут обстреливать прибрежные финские городки. Слух оказался лишь слухом, но подводы с «дачными» беженцами создали на Приморской дороге пробку на несколько дней.

Прабабушку вместе с ее сестрами отец посадил на поезд, причем из-за огромной и паникующей толпы в поезд девочек пришлось сажать через окно. «Вскоре наша семья эвакуировалась, а когда в 1920 году вернулись с Украины в родной город, то Финляндия уже была независимой страной, проще было попасть на Луну, чем туда, – говорила прабабушка. – Если бы я знала, что снова смогу увидеть любимый пляж в Терийоках только через 20 лет, когда мы отвоевали Карельский перешеек обратно, я бы внимательнее глядела тогда в окно поезда». Понятие «русская Финляндия» осталось только в памяти и на бумаге, осколки этой исчезнувшей «страны» разбросаны среди лесов и озер Курортного района Петербурга и Ленинградской области. Но побывать там все-таки можно.

Потому что «русская Финляндия» – это не только историко-географическая реальность, но и определенная атмосфера, дух беспечной дачной жизни, который сохранился и сегодня. Чтобы окунуться в эту атмосферу, можно воспользоваться собственным воображением и общественным транспортом. Например, сесть на автобус, идущий по Приморскому шоссе, той самой дороге, по которой в панике уезжали дачники в 1914 году. В летнее время здесь и сейчас пробки, правда, не из повозок, а из машин. Или приехать на Финляндский вокзал, сесть в электричку и через час оказаться в другом веке. Пусть надпись на платформе и твердит, что вы сошли в пригороде Петербурга Зеленогорске, но стоит лишь закрыть глаза, вдохнуть свежий морской воздух – и вы окажетесь в финском поселке Терийоки, райском дачном уголке столичной интеллигенции «серебряного века».

У Карельского перешейка нелегкая судьба: много веков его не могли поделить между собой сначала новгородцы и шведы, потом финны и русские. Сначала Финляндия вошла в состав Шведской, затем – Российской империи, и сюда нагрянули русские дачники. В XX веке снова метаморфозы: то независимость, то принудительное «советское подданство». Но, видимо, магия этих мест не исчезла после войн и переделки территории – каждый, кто оказывался среди карельских сосен и гранита, влюблялся в северную красоту всей душой. И каждый дорого готов заплатить, чтобы иметь возможность прогуливаться вдоль кромки воды, вдыхая в себя смешанные запахи моря и соснового леса. «Природа Финляндии обладает магическим свойством, – писал в своем дневнике Леонид Андреев, – вначале она не действует на вас, но чем дольше вы живете среди невзрачных финских болот, тем все глубже западает в вашу душу любовь к этому заброшенному краю. Никакие красоты Кавказа, Крыма и Волги не могут сравниться со скромной, глубоко человеческой финской природой».



Дачи начала XX века отличались экстравагантностью архитектуры. Некоторые из них сохранились по сей день...

В ВОДУ НА КАРЕТАХ

...Городской пляж в Зеленогорске называется не оригинально – Золотой. Хотя осенью сложно найти хоть что-то золотое в этом северном и неброском пейзаже. Одиноким кабинки для переодевания, пустующие скамейки, серо-зеленые волны Финского залива на фоне хмурого неба. Лишь изредка заблудший солнечный луч высветит верхушки сосен или мазнет по обветрившимся песчаным дюнам. По пустынному пляжу мы гуляем с краеведом Львом Струнским – он родился в здешних местах и знает буквально каждый камень. «Я хоть и русский, но получается, что всю жизнь живу практически в Финляндии», – смеясь, говорит житель Зеленогорска. «Терийоки всегда был курортным местом именно для русских, – рассказывает он. – Финскому городку уже больше 450 лет, но до 1870 года Терийоки (с финского – Смоляная речка) был захолустным рыбацким поселком. Но как только провели железную дорогу, соединившую Петербург и Хельсинки, – на живописные карельские берега Финского залива ринулись дачники. На Золотом пляже сто лет назад народу было не меньше, чем сейчас!»



...А вот деревянный дом в имении «Мариоки» остался только на старинных открытках

Кстати, проблемы у купающихся за сто лет не изменились – Финский залив славится своим мелководьем. Чтобы добраться до глубины, любителям поплавать приходится идти по колено в воде почти полкилометра. До революции подобные «прогулки» являлись большим неудобством для женщин – ведь купальников тогда еще не придумали, а идти по воде в дезабилье не могла себе позволить ни одна воспитанная девушка. Находчивые финские извозчики решили убить сразу двух зайцев: избавить дачниц от неудобного положения и подзаработать. На мелководье девушек поджидали кареты. Купальщицы доезжали в них до относительно глубокого места. Карету же использовали как кабинку для переодевания.

кадетов Милюков. Тут же отдыхали Боткин и Бехтерев. Кстати, Валентин Серов так сильно влюбился в цветовую гамму Карельского перешейка, что его сын впоследствии говорил: «Даже когда мы долгое время жили на Эгейском море в Греции и отец рисовал местные пейзажи – на холсте у него все равно получался Финский залив». Между прочим, по одной из легенд именно в Терийоках Владимир Маяковский, выезжавший «в русскую границу» на отдых, объявил рождение футуризма».

Не удивительно, что летом культурная жизнь в столице замирала – зато в Терийоках царило оживление. «Раньше на пляже возле яхт-клуба находилось казино, – показывает краевед. – В один из летних сезонов в нем выступала труппа Всеволода Мейерхольда, представления давались каждые выходные, собирая дачников со всего Карельского перешейка. Аншлаги были всегда. Кстати, в труппе Мейерхольда играла и Любовь Менделеева-Блок – дочь великого химика и жена великого поэта. Поэтому Александр Блок тоже провел одно лето в Терийоках, хотя он и не очень ладил с Мейерхольдом, у них были рас-

РУБЛЕВКА «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

«В начале XX века прибрежные поселки считались элитными, такой Рублевкой «серебряного века», – говорит Лев Струнский. – Участки земли в Куоккале (ныне Репино), Келломяках (Комарово), Оллила (Солнечное), Терийоках (Зеленогорск) шли нарасхват, как горячие пирожки. Причем придворные и высшие саны империи исторически предпочитали селиться на южном берегу Финского залива, поближе к Царскому Селу – в Павловске, Гатчине. А северный берег облюбовала интеллигенция – в Куоккале жил Илья Репин, подальше – в деревне Вамельсуу – выстроил огромный дом с высокой башней Леонид Андреев, в соседней Найволе несколько сезонов подряд снимал дачу Максим Горький, в поселке Ино на берегу залива рисовал свои пейзажи Валентин Серов. Из политиков северный берег залива предпочли южному военный министр Куропаткин и лидер

В здании лютеранской кирхи в советское время был кинотеатр. Лишь несколько лет назад финны восстановили разбомбленную колокольню





**Церковь
Казанской
иконы Божьей
Матери всегда
была главной
жемчужиной
как Терийок,
так и Зелено-
горска**

хождения по части понимания искусства. Но из-за жены приходилось снимать квартиру на побережье. Забавно: от казино остался только фундамент, а вот дом, где семья Блок снимала комнаты, до сих пор стоит на Приморском шоссе. Остальная труппа снимала деревянный домик недалеко от казино. «Домик труппы Мейерхольда» сгорел лет 30 назад. Но из-за него проулок, ведущий от шоссе к пляжу, по сей день называется Театральной улицей. Хотя спроси местных дачников о природе такого «странного» названия – не скажут.

Во времена «дачного бума» Терийоки были самым популярным местом – уже к 1908 году здесь было 1400 дач (всего на Карельском перешейке «русских» дач было около 10 тысяч). Жизнь тогда чем-то походила на жизнь современного Зеленогорска – по вечерам после окончания работы паровозы везли толпы отдыхающих из Петербурга в Финляндию. Возле платформы в ожидании дачников выстраивались десятки извозчиков (сейчас на привокзальной площади с той же целью собираются таксисты). Кавалькады из бричек и телег, отъезжающих от

станции в сторону побережья, растягивались на километры и создавали настоящие пробки.

«Извозчиками работали по большей части финны, – рассказывает Лев Струнский. – Питерцы финнов называли «домашними иностранцами». Местные жители, издавна занимавшиеся тяжелым крестьянским трудом, с удовольствием переквалифицировались в прачек, продавцов, горничных, мастеровых и поваров. Очень многие на лето съезжали из своих домов, сдавая их в аренду петербуржцам. Все местное население знало русский язык, некоторые настолько русифицировались, что их родственникам, приезжавшим из центральной Финляндии, приходилось в разговоре переспрашивать, что имелось в виду – жители Карельского перешейка перенимали множество русских слов у своих постояльцев».

Крест на месте разрушенной церкви в «Мариоках» поставлен совсем недавно – раньше это место называли просто «графскими развалинами»



ШПИЛЬ КИРХИ И КУПОЛА ЦЕРКВИ

О русско-финском совместном житье в Зеленогорске до сих пор напоминают два здания, расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга, – это лютеранская кирха Преображения Господня и церковь Казанской иконы Божьей Матери. Построенные в начале XX века, чудом сохранившиеся в периоды советско-финской и Великой Отечественной войн, пережившие забвение советского атеизма и восстановленные совсем недавно, они напоминают о том, что русские и финны умели когда-то жить дружно и мирно на одной земле.

Кстати, именно жителям Карельского перешейка пришлось тяжелее всех, когда дачный бум был внезапно прерван начавшейся мировой войной. Неспешная и беззаботная прелесть дачной жизни осталась в прошлом, а вскоре случилась и революция, затем последовало объявление независимости Финляндии. Из тысяч дачников остались лишь единицы – те, кто не захотел возвращать-

ся в большевистскую Россию. Среди таких оказался и Илья Репин, который до самой смерти жил в своем имении «Пенаты» в Куоккале (ныне Репино). Кстати, уже во времена советской власти к Репину направили Корнея Чуковского, чтобы тот на правах старинного друга уговорил художника вернуться на родину. Чуковский вернулся ни с чем: Репин отказался покидать усадьбу. Уже через много лет после смерти Репина из его дневников стало ясно: приехав с «официальной миссией», неофициально Чуковский посоветовал своему другу ни в коем случае не возвращаться в советскую Россию.

«А местным жителям пришлось несладко, – рассказывает краевед. – Ведь вместе с русскими дачниками исчезли и их легкие курортные заработки. Пришлось возвра-

щаться обратно к сельскому хозяйству, а на неплодородных северных почвах это тяжелый и неблагодарный труд...»

Но не стоит забегать вперед. На дворе все еще начало XX века, «гости съезжались на дачу», и дача эта – имение Марии Всеволодовны Крестовской-Картавцовой на месте впадения Черной речки (Вамельйоки) в Финский залив – в нескольких

километрах от Терийок. Мария Крестовская ныне забытая актриса и писательница, кто-то может вспомнить ее отца, писателя Всеволода Крестовского, автора романа «Петербургские трущобы». Имение назвали «Мариоки» – в честь хозяйки, но с «финским акцентом». В этот гостеприимный дом действительно съезжались гости, причем именитые – Илья Репин, по-соседски заглядывали Валентин Серов, Владимир Короленко, общественный деятель Анатолий Кони, микробиолог Сергей Виноградский... Развлечения придумывались под стать «серебряному веку» – романтические и немного эпатажные. Так, в «Мариоках» существовала «лестница грешниц» – мраморная лестница, ведущая к усадьбе. Считалось, что грешная женщина, встав на колени и пройдя на них всю лестницу снизу вверх – желательно на рассвете, – очистится от всех своих грехов. Существует и по сей день «родник романтизма» – каждый, кто глотнет воды из этого источника, навеки обречен на романтические и сильные чувства.

УСПАЛЬНИЦА ЛЮБВИ

Сейчас мало что напоминает о бурной дачной жизни «Мариок». Заросшие мхом развалины, уходящие в никуда лестницы, пересохшие чаши фонтанов. Место малоизвестно даже петербуржцам, поэтому экскурсии сюда приезжают нечасто. Но если и приедут, то обязательно увидят большой могильный камень, на котором выбиты слова: «При жизни недостаточно ценил и лелеял я тебя, дорогая Марьяшка, зато по смерти свято исполняю волю, заветы и желания твои. Твой всей душой Евгений». Когда мы остановились перед могильным камнем, рядом оказались иностранцы – как мы поняли, пожилые финские туристы. Они пытались что-то вычитать про эту могилу в своих туристических брошюрках и, видимо, ничего не могли найти. «Вы говорите по-английски? – обратился их предводитель к нам. – Не могли бы вы перевести, что тут написано? У нас вообще-то экскурсия «по местам боевых действий», среди нас есть потомки тех, чьи отцы сложили головы здесь во времена советско-финской войны. Но эти развалины ведь к войне не имеют отношения?» Когда мы перевели надпись на камне, они заинтересовались: что за отношения связывали Maria and Evgenij, что за таинственная love story?

«В народе эту могилу прозвали «Усыпальницей любви», – рассказал Лев Струнский. – Неслучайно именно к могиле Крестовской приезжают влюбленные, чтобы поклясться друг другу в вечной верности. Хотя любовь хозяев «Мариок» нельзя назвать счастливой. Евгений Картавцов был преуспевающим банкиром и предпринимателем, а Мария Крестовская одна воспитывала внебрачного сына. Евгений во всем был успешен, кроме одного: он много лет был влюблен в жену своего лучшего друга. Он, по слухам, даже ездил в Иерусалим, чтобы там принять обет безбрачия. Когда он вернулся, знакомые познакомили его с Марией Крестовской. Женщина ему понравилась, зашли разговоры о помолвке... И тут умирает его лучший друг, а любовь всей его жизни становится свободной. Можно себе представить, какие муки выбора испытал Евгений, но в итоге он решил, что женится на Марии. После долгих поисков Крестовская нашла красивый участок земли на берегу Финского залива. И занялась хозяйством, обустроивала дом и усадьбу, выращивала цветы. Но счастья не было – Крестовская чувствовала, что нелюбима, он отдалялся от нее, хотя обеспечивал материально, а сыну жены дал блестящее воспитание. Женщина пыталась отвлечься, у нее возникали мимолетные романы (один из них, с Сергеем Виноградским, по слухам, был «спровоцирован» ее собственным мужем). От постоянных переживаний Мария начала чахнуть. В 1910 году она скончалась. Когда жена умерла, Евгений Картавцов стал перечитывать ее дневники и понял, как сильно жена его

Таких «лестниц в никуда» на территории усадьбы сохранилось много



Надпись на надгробном камне, установленном на могиле Марии Крестовской, является загадкой для несведущих туристов



Так могила хозяйки «Мариок» выглядела до советско-финской войны – к ней съезжались молодожены со всего Карельского перешейка



ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

любила. Евгений похоронил жену там, где она хотела бы остаться навсегда – в ее загородной усадьбе «Мариоки». Надпись на надгробном камне – след его нежности, раскаяния и любви к умершей жене. Кстати, до 1939 года финские молодожены приезжали сюда со всего Карельского перешейка. Здесь был памятник Марии Крестовской, и сделать свадебную фотографию на его фоне считалось счастливым знаком. Бронзовая скульптура красавицы грустно глядела вдаль, а у нее в ногах сидел маленький медвежонок – изваяние любимой игрушки уже смертельно больной женщины. Сам плюшевый мишка отправился в могилу вместе со своей хозяйкой. На месте «Мариок» безутешный муж построил красивейшую церковь и часовню, выполняя завет жены. Но ни памятнику, ни церкви не суждено было сохраниться – во

время войны усадьба оказалась на оборонной линии финнов, а уже в 50-е годы церковь взорвали, чтобы расчистить место для детского лагеря «Северный Артек», который так и не построили. Остались только фотографии да «графские развалины», где в советское время играли в «Зарницу» пионеры. История Марьиной горы канула в небытие – никто и не знал, кто здесь жил до революции, а надпись на надгробном камне давала повод для всевозможных фантазий. Лишь сейчас благодаря краеведу Нине Васильевне Григорьевой восстановили историю этого места, поставили мемориальные таблички, расчистили дорожки».

На камне «Усыпальницы любви» есть еще одна надпись. Евгений Картавцов так хотел быть похороненным рядом с женой, что выбил и свое имя, и дату рождения, оставив «открытой» только дату смерти. Но его желанию не суждено было сбыться – после революции Картавцов эмигрировал в Париж, где и умер. Похоронен он на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

...Чтобы рассказать обо всех «осколках» «русской Финляндии», не хватит целого дня. Есть ведь еще и развалины форта Ино – последней и самой мощной крепости Российской империи. И дача Ильи Репина. И дореволюционные финские домики на главной улице Зеленогорска, где теперь располагаются магазины.

«В советское время все «артефакты» русско-финского прошлого старательно забывались, – говорит Лев Струнский, когда мы возвращаемся обратно на станцию. – Всем поселкам дали русские названия, дачи ветшали и разрушались. О жившей тут российской интеллигенции и высокопоставленных чиновниках не упоминалось, лишь для Репина делалось исключение. Зато сейчас «оглушенная» память постепенно восстанавливается. Вернули лютеранскую кирху, где долгое время был кино-

театр, финны восстановили ее разбомбленную в войну колокольню. Отреставрировали православную церковь – жемчужину всего побережья. Да и на обывательском уровне у нынешних российских дачников нет-нет да и вспыхнет ностальгия по тем временам. Неслучайно считается особым шиком давать открывающимся отелям, ресторанам и вновь построенным коттеджным поселкам старые финские названия – Райвола, Оллила, Терийоки, Куоккала...». 📌